Александр

БЕЛЯЕВ

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РЕЖЕССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

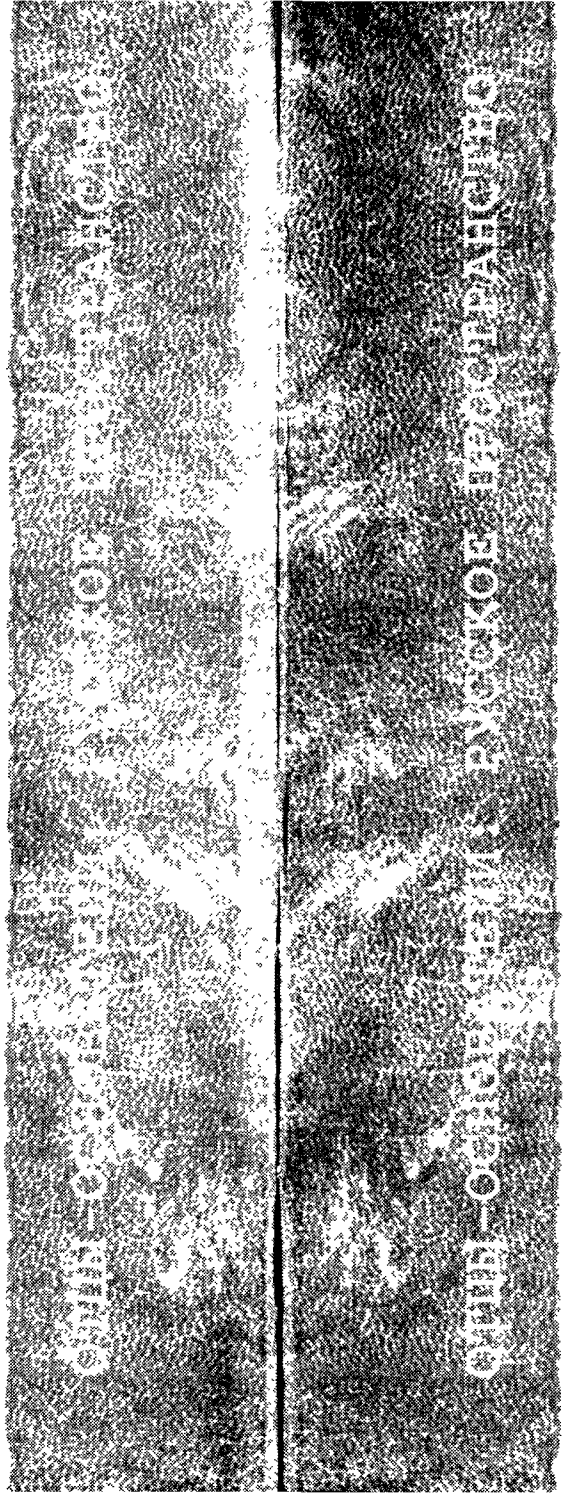
Александр

БЕЛЯЕВ

Александр

БЕЛЯЕВ

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ
ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА
ПРЫЖОК В НИЧТО
ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ
АРИЭЛЬ
НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Александр

БЕЛЯЕВ

Чудесное око
Звезда КЭЦ
Голова профессора Доуэля
Небесный гость

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4
Б 44

Составители *Евгений Харитонов* и *Дмитрий Байкалов*

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Данное собрание печатается с одобрения Светланы Александровны Беляевой

Беляев А. Р.

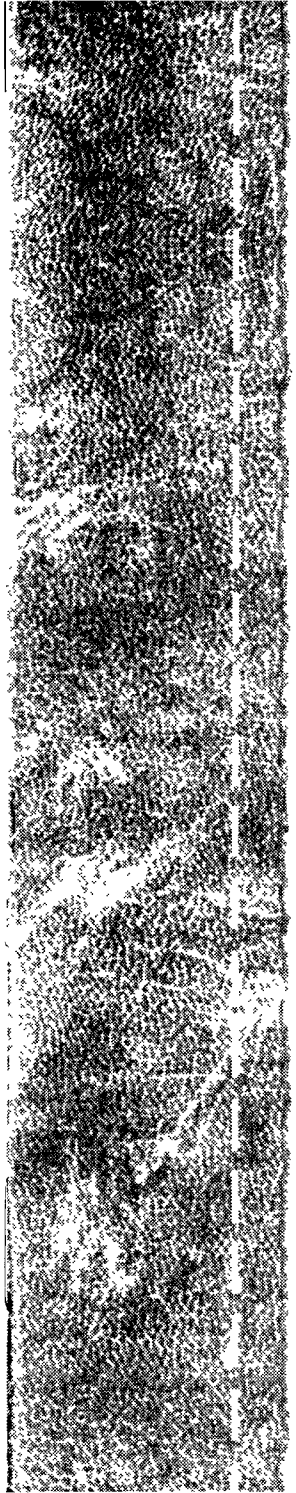
Б 44 Голова профессора Доуэля : фантастические произведения / Александр Беляев. — М. : Эксмо, 2010. — 576 с. — (Отцы-основатели: русское пространство).

ISBN 978-5-699-39393-0

В четвертый том Собрания сочинений классика отечественной научной и приключенческой фантастики наряду со знаменитым и очень популярным романом «Голова профессора Доуэля» вошли также романы «Звезда КЭЦ» (об освоении межпланетного пространства), «Чудесное око» (о поисках легендарной Атлантиды с помощью глубоководного телевидения), а также малоизвестный роман «Небесный гость» — увлекательное повествование о межзвездном путешествии группы смельчаков.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-39393-0 **© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010**

Чудесное око

Пролог

Океанский пароход назывался «Левиафаном» по праву. Это был настоящий плавучий город с «улицами», садами, площадями, кинотеатрами, концертными залами, фонтанами, бассейнами, спортивными площадками, садами-оранжереями тропических растений. По мягким коврам длинных коридоров неслышно скользили вымуштрованные лакеи в униформе. Двери кают, стены, панели отсвечивали красным деревом, сверкали начищенной медью. В помещениях, занимаемых пассажирами, стоял своеобразный запах — смесь дорогих духов, мыла, сигар, кожаных чемоданов и еще чего-то неуловимого, приносимого, наверное, свежим дыханием океана.

На верхней открытой палубе, под широким тентом, укрывшись от раскаленных лучей солнца, отдыхали пассажиры. Удобные плетеные белые кресла были расставлены между пальмами, кустами цветущих олеандров и душистых гиманантусов. Журчали фонтаны.

Глубокая синева Гольфстрима казалась недвижной. Там и сям виднелись красноватые островки водорослей, принесенных течением из Саргассова моря. Летучие рыбки выскакивали из воды и летели рядом с кораблем, блестя плавниками. Они то падали на воду, то вновь взлетали, словно хотели развлечь пассажиров.

— О, как жарко! Хотя бы ветерок подул, — сказал, отдуваясь, дородный, краснощекий пассажир лет пятидесяти. Он сидел в глубоком кресле и обмахивался белым шелковым платком. Отлично сшитый белый костюм, массивный золотой перстень, золотая цепочка от часов на жилете и зо-

лотые очки придавали ему вид преуспевающего коммерсанта.

— А все-таки прекрасно! — глядя сквозь приспущенные веки в сияющую даль, продолжал он. — «Левиафан» — настоящий плавучий дворец. Комфортабельно, удобно и, главное, совершенно безопасно. Ведь так? Что может случиться с таким великаном?

И пассажир поднял глаза на своего соседа, человека неопределенных лет, в светло-сером костюме. У него было бледное лицо, впалая грудь, большие задумчивые черные глаза, густые брови, нос с горбинкой. Француз? Испанец? Комиссионер? Землевладелец? Не разберешь. Во всяком случае, не миллионер...

Следя глазами за кольцами сигарного дыма, сосед пожал плечами и ответил глухим голосом:

— Я слышал, «Левиафан» застрахован на такую сумму, что на одни лишь годовые страховые взносы можно было бы построить неплохой каботажный пароход.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился толстяк и засопел.

— Вы коммерсант, и вам нетрудно сделать вывод: если бы не было риска, пароходная компания не выбрасывала бы груды денег на страхование. Швейцарцы не страхуют своих жилищ от наводнений, а голландцы — от землетрясений... — Человек с бледным лицом замолчал, а коммерсант еще сильнее засопел.

— Вспомните трагическую судьбу «Титаника», — продолжал после паузы худощавый. — «Титаник» мало чем уступал «Левиафану». А «Пасифик»? А «Лузитания»? Да разве мало можно привести подобных примеров. На море ни за что нельзя поручиться.

— «Лузитания» была потоплена миной во время войны. «Титаник» погиб, наскочив на подводный айсберг, — возразил толстяк, заметно волнуясь. — На «Левиафане» есть специальный прибор, какой-то радиоинструмент, который сигнализирует о приближении подводной лодки. На случай пожара также установлена автоматическая сигнализация...

— А пароход все-таки застрахован, — не успокаивался худощавый. — Столкновение в тумане, да разве мало причин... И затем... Эти пальмы, бассейны, концертные залы — все это хорошо, а обеспечен ли корабль достаточным количеством шлюпок и спасательных поясов на случай аварии?

— Я... не знаю, — ответил толстяк.

— А я знаю, подсчитал.

— Ну и что?

— Две трети пассажиров останется без шлюпок, — спокойно ответил худощавый.

— Нет, у вас сегодня просто дурное настроение, дон Хургес, и вы хотите испортить его и мне! — воскликнул толстяк.

— Ничуть, — ответил дон Хургес и чуть заметно усмехнулся. — Я лишь трезво смотрю на вещи. Надо быть всегда готовым ко всему... Однако почему мои слова взволновали вас, мистер Вильямс? Вы так боитесь за свою драгоценную жизнь?

— Не только за жизнь, — загадочно ответил Вильямс, порывисто обмахивая лицо платком.

— Резонно. Бывают ценности, которые дороже собственной жизни, — так же загадочно промолвил Хургес.

Со средней палубы долетали веселые звуки джаза. Музыка немного отвлекла внимание толстяка от грустных раздумий. Вильямс даже начал притопывать в такт, но лицо его оставалось хмурым.

— Вы сказали, надо быть готовым ко всему, — снова обратился он к Хургесу. — Какую готовность имели вы в виду? Психологическую?

— Конечно, психологическую прежде всего, — ответил Хургес. — Тот, кто готов ко всему, наверняка не растеряется в первый миг, не поддастся панике, а это главное. Мы должны иметь готовый план спасения и самих себя, и тех ценностей, которые мы везем.

— У вас есть такой план? — спросил Вильямс.

— Да, я обдумал его до мельчайших подробностей еще дома. Я, кажется, предусмотрел все: и пожар и аварию...

— Интересно было бы познакомиться с вашим планом, дон Хургес.

Хургес пожал плечами:

— Вряд ли он пригодится вам. Мой багаж невелик; вашего я не знаю. Каждый план должен быть индивидуальным.

— Мой багаж! — тяжело вздохнул Вильямс.

Джаз безумствовал. Молодые пары танцевали на середине палубы. Слышались смех, веселые восклицания. Избранники судьбы тешились опьяняющими звуками джаза, радостным днем, лазурью и чистым воздухом океана.

И вдруг короткий толчок. Упал один из танцующих молодых парней. Послышался смех.

— Землетрясение... Водотрясение...

— Господи, что такое? — скороговоркой вымолвил Вильямс. Он мгновенно побледнел. — Не вы ли накаркали? — Вильямс злобно взглянул на Хургеса, спокойно курившего сигару.

Пароход по-прежнему рассекал воды океана. Снова начались танцы, однако кое-кто отправился узнать, что случилось.

— Внимание! Внимание! — неожиданно раздалось из громкоговорителей на палубах, этажах, в коридорах, каютах. — Случилась небольшая авария. Ни малейшей опасности для судна. Просим не волноваться. Вторая смена экипажа должна немедленно выйти на работу.

— Что случилось? — послышалось отовсюду.

Никто не мог ответить. Джаз гремел по-прежнему, но танцы расстроились.

Кресло Вильямса дернуло с такой силой, что он, боясь упасть, ухватился за кресло Хургеса. Многие пассажиры упали. Закричала перепуганная женщина. Ее истерический крик подхватили другие.

— Аврал! — снова разнесся голос из репродуктора. —

Авария, но ничего серьезного. Пассажирам рекомендуется сохранять полное спокойствие. Разойдитесь по каютам.

Вильямс почти выпрыгнул из кресла и, взволнованный, забегал перед Хургесом.

— Дело принимает серьезный оборот, черт побери! Как вы предполагаете, мы не утонем?

Хургес снова пожал плечами.

— «Левиафан» имеет перегородки, — ответил он. — Если он получил пробоину, то вода не пройдет дальше первой перегородки. К тому же мы на одной из «людных» морских дорог: Буэнос-Айрес — Лондон. «Левиафан» вызовет по радио помощь. И все же надо быть готовыми ко всему.

Пароход резко убавил ход. Корма заметно опустилась. На судне начиналась паника.

— Дон Хургес, мы тонем! Тонем! — почти кричал Вильямс. — Надо быть готовыми ко всему... Ваш план, дон Хургес?! Я не хочу умирать! И я... Мой багаж... моя жизнь... Эквадор. Двадцать два года лишений, труда... Бочонки... Шлюпки... Потонуть... и когда — не в бурю, при солнце... Штиль... Мираж... Страшный сон... Кошмар!

— Пассажирам предлагается надеть спасательные пояса, — прогремела команда.

— Боже мой! Боже мой, не оставь меня! — закричал Вильямс и, схватившись за голову, побежал.

Хургес не спеша двинулся к каюте, вынул из чемодана пластинку из темного металла с цепочкой и замком на ней, бутылку с герметической крышкой и пошел на нос корабля.

— Дон Хургес, вы здесь? Я ищу вас по всему пароходу, — окликнул его Вильямс. На нем уже был спасательный пояс. — А почему вы без пояса? Разве это не входит в ваш план?

— Не входит, — ответил Хургес. — Мой друг, бывалый капитан, говорил мне, что он против спасательных поясов: они лишь удлиняют страдания тонущих... Впрочем, это касалось холодных морей. Что же все-таки случилось с «Левиафаном»?

— Никто ничего не знает. Даже сам капитан, если только он не скрывает причин...

«Левиафан» был обречен, в этом не оставалось сомнений. Корму накрыла вода. Прозвучал приказ: спускать шлюпки. Началась паническая беготня. Возле шлюпок завязалась звериная битва за существование. Хургес оказался прав: шлюпок не хватало.

— Почему вы не спешите к шлюпкам? — спросил Хургес.

— Потому, что я успел наметить свой план и даже осуществить его, — ответил Вильямс. Усмешка мелькнула на его побледневшем лице. — Лишь бы только они не опоздали... О, золото царит над человеком, пока он жив. Я пообещал матросам бочонок... А может быть, все обойдется. Радист передал сигнал бедствия, и говорят, что к нам уже спешат на помощь два парохода... Вот они... Вот.

— Пароходы?

— Да нет.

Хургес увидал матросов, которые тащили бочонки, продираясь сквозь толпу к шлюпке, висевшей на носу.

— Садитесь быстрее в шлюпку! — крикнул Вильямс.

— Я еще не выполнил свой план, — ответил Хургес. Он продел цепочку в звено якорной цепи, щелкнул замком, прикрепил металлическую пластинку к цепи. Потом быстро написал записку, сунул ее в бутылку, плотно приладил герметическую крышку. На удивленные взгляды Вильямса он кратко ответил:

— Это мой багаж. Итог моей жизни.

Матросы отшвыривали пассажиров и грузили в шлюпку бочонки.

— Перегрузка, — покачал головой Хургес, глядя на тяжелые бочонки.

— Не могу же я их оставить, — сказал Вильямс.

Шлюпку спустили на воду. Десять матросов, Хургес, Вильямс, бочонки с золотом, сухари, бочка воды... Шлюпка была перегружена и осела до бортов. А за борта цеплялись утопающие. Матросы безжалостно били их по рукам веслами, ножами и кулаками.

— Успеть быстрее отъехать от тонущего парохода!.. — бормотал Вильямс трясущимися бескровными губами.

Шлюпка не успела отплыть и двадцати метров, как пароход, став носом кверху, пошел ко дну. Над местом гибели вздыбился огромный столб воды, тяжело осел и хлынул бешеным валом. Вал ринулся на шлюпку.

— Конец! — взвизгнул Вильямс.

— Всякий конец может быть и началом, — спокойно ответил Хургес и швырнул бутылку в воду. Это были его последние слова.

Вода накрыла шлюпку, заглушила последние крики утопающих. Через два часа на место катастрофы прибыл первый пароход, принявший сигналы бедствия.

ЗА МОРСКИМ ОКУНЕМ

На длинном столе — черный шар диаметром в полтора метра. Один бок его срезан. Широкое окно выходит на Кольский залив. Там виднеются мачты и трубы траулеров рыбного треста. Однако в окно никто не смотрит. Взоры всех устремлены на черный шар. Двенадцать комсомольцев, членов кружка по изучению радиотехники, тесным кольцом обступили стол. Большинство — студенты морского техникума, часть — радисты с траулеров.

Мотя Гинзбург, конструктор, изобретатель и руководитель кружка, радист траулера «Серго Орджоникидзе», похлопывая ладонью по черной металлической поверхности шара, спросил с усмешкой на умном худощавом лице:

— Вы видите глазное яблоко...

Кружковцы засмеялись:

— Хорошенькое яблоко!

— Какой же должна быть орбита, чтобы вместить такое яблоко!

— Орбитой будет море. Довольно? — спросил Мотя. — Это радиоглаз, с помощью которого мы увидим, что творится в глубинах моря.

— Телевизор! — вскричал один из стоявших возле стола.

В сущности говоря, Мотя не изобрел ничего или почти ничего. Ему случалось видеть фотографии американских и немецких телевизоров, приспособленных для наблюдений на морской глубине. Правда, это были фотографии. Но принцип работы телевизора известен. Оставалось самостоятельно продумать кое-какие конструктивные особенности подводного телевизора. И Мотя как будто бы удачно справился с этим: маленький опытный телевизор работал исправно. Почему бы не работать и этому, большому? Он почти готов. Вставить в круглое отверстие объектив, возле него — лампы прожекторов, и все. Одним словом, часа два монтажных работ, и телевизор можно опускать в воду.

— Чтобы взглянуть, что делается на дне моря? — спросил первокурсник морского техникума.

— Именно. Взглянуть, как поживают морские крабы, — подхватил, снисходительно улыбаясь, его сосед, который считал себя человеком бывалым.

— Что ж, и это интересно, — серьезно ответил Гинзбург.

— Будем ловить морских окуней?

— Да, да. Сегодня — первая проба. Траулер уходит в час ноль-ноль. К этому времени мы успеем закончить, — ответил Гинзбург и приказал: — А ну, хлопцы, за работу!

Слушатели ушли, а пять человек, во главе с Гинзбургом, остались и приступили к делу.

— А знаете, кто будет с нами на пробном лове? — спросил Мотя своих товарищей. — Бласко Азорес, испанский коммунист, корреспондент. Он недавно приехал к нам, чтобы осмотреть новый Мурманск.

Азорес вышел из гостиницы треста в полночь и направился по спуску к траловой базе. Испанец поеживался в своем осеннем пальто. Льдистый полуденный ветер бил в лицо. Падал мокрый снег.

«Удивительный край! — размышлял Азорес. — Здесь все наоборот: «солнечные ночи», «ночные дни». В этих краях люди выбирают квартиры окнами не на юг, а на север, потому что северный ветер, пролетая над теплым течением

Гольфстрима, нагревается, а южный — охлаждается над ледяным горным плато тундры. Суровый край, тяжелый климат. Но всего этого не ощущаешь, даже не замечаешь — так интересен здесь человек и его дело».

Внизу горели огни траловой базы. Высоко вздымались корпуса рыбообрабатывающих цехов. Гремели лебедочные цепи. У пристани стояли траулеры. Одни разгружались, другие готовились к отплытию. Сновали транспортеры: к складам — с рыбой, от складов — с солью. Азорес быстро прошел в конец пристани к большому траулеру. Был отлив, и борт траулера покачивался почти вровень с пристанью. Азорес взошел на борт и поднялся в капитанскую рубку. Капитан Маковский приветствовал его и попросил пройти в свою каюту. Азорес вошел.

Каюта капитана состояла из двух крохотных помещений: кабинета-спальни и гостиной. В первом стоял небольшой письменный столик, над ним — большая керосиновая лампа (на случай повреждения электрического освещения), и два кресла, прикрепленные к полу цепочками (на случай качки). Сейчас цепочки обвисали, и кресла можно было передвигать. В нише, за занавеской — койка, рядом — вход в ванную «комнату», в которой, видимо, с трудом можно было снять одежду. В «гостиной» — угловой диванчик и столик перед ним. На столике — чайный сервиз, печенье...

Красное лакированное дерево, сияющие медные части, тисненая кожа, стекло, свет, тепло, калориферы, вентиляторы... Здесь было тихо и комфортабельно, как в купе пульмановских вагонов.

Капитан в рубке распоряжался. С берега отдали концы. Пароход медленно и осторожно начал поворачиваться. Азорес смотрел сквозь большое окно каюты на берег. Мелькали траулеры, освещенные окна засолочного цеха, высокий, поросший низкими березками противоположный берег Кольского залива... Скорость хода увеличивалась. Качки не было.

Капитан передал управление помощнику и пришел в

каюту. Оба — Азорес и капитан Маковский — неплохо владели английским. Как радушный хозяин, капитан налил чаю. Завязалась беседа. Азорес интересовался подводным телевизором.

— Вы видели морских окуней? — спросил капитан гостя.

— Конечно. Большая рыба с красными глазами, вылезающими из орбит, — ответил Азорес.

— А почему они красные и вылезают из орбит?

Азорес пожал плечами. Капитан усмехнулся и продолжал:

— Это потому, что морской окунь очень пугливая рыба; оказавшись в трале, он умирает от испуга, и от испуга же у него глаза вылезают из орбит... Подобные объяснения мне приходилось слышать не раз от старых рыбаков. Разумеется, это басня. Морской окунь живет на глубине многих десятков метров. И попадаться-то в наши тралы он стал лишь недавно, когда мы научились спускать тралы на большую глубину. И вот, когда окунь попадается в сеть и его быстро вытаскивают на поверхность, где давление в несколько раз ниже того, к которому приспособлен окунь, глаза его наливаются кровью и выходят из орбит.

— Это очень интересно, — заметил Азорес, — но при чем тут телевизор?

— А вот при чем. Окунь — вкусная, полезная, жирная рыба, а найти ее на большой глубине очень трудно! Мы плывем по морю, где-то под нами плавают громаднейшие косяки рыбы — сотни, тысячи тонн. Но мы не видим этой рыбы и после многих дней тяжелого плавания часто возвращаемся домой с пустыми трюмами. Народ ждет от нас рыбы, а у нас неудача за неудачей. Срыв плана, начальство рвет и мечет, моряки нервничают...

— Но вы ведь часто опускаете трал и находите рыбу, — возразил Азорес. — Я сам видел, какой богатый улов тех же окуней попадает в ваши тралы.

— А сколько их не попадает, этого никто не видит, — перебил капитан. — Одному траулеру посчастливится набрести на косяк, другому нет. Игра слепого случая. Куда

это годится? Бывают дни, когда мы десятки раз опускаем трал и вытаскиваем только водоросли, крабов и камни. Трал зачастую цепляется за грунт, рвется об острые камни. Ведь мы не видим поверхности дна. Ловим вслепую. Правда, наши научные изыскания помогают нам. «Персей» обследовал морское дно, изучил ход рыбы, температуру воды на разных глубинах и кое-что иное. Это помогло, но все же случай не положен на обе лопатки. Мы живем Гольфстримом, а он капризен. Иногда он немного меняет течение: порой бывает более теплым, порой — более холодным. И рыба то наведывается к нашим берегам, то исчезает, откочевывая туда, где вода теплее. Там, где в минувшем году рыба ловилась прекрасно, сегодня — никакого улова. И это только потому, что за тысячи километров от нас, в Мексиканском заливе, лето было холоднее обычного или в Исландии зима посуровела. Мы призвали на помощь эхолот и радиолот. Вам знаком принцип работы эхолота? Мы шлем вниз под воду звуковую волну, ну, скажем, взрыв патрона или удар колокола. Звуковая волна достигает дна, отражается и возвращается назад. Зная скорость звука в воде, можно определить глубину. Если звук возвращается быстро, значит, звуковая волна отражена не дном, а большим скоплением рыбы. Этот способ чрезвычайно продуктивен и полезен, но и у него есть недостатки.

Радиолот, показывающий глубину по скорости отражения радиолуча, и эхолот каждый по-своему «слепы». Им ведь все равно, от чего именно отражаются радиолучи или звуковая волна. Например, эхолот показал меньшую глубину в таком-то месте. Думаешь: звук отразился от рыбного косяка. Спустишь трал — ни единой рыбки. Звук отразился либо от затонувшего корабля, либо от подводной скалы. Иное дело, когда мы получим возможность видеть, что делается в глубинах моря. Тогда мы удвоим, утроим улов.

— И достигнуть этого поможет телевизор?

— Мы надеемся.

После чая капитан ушел в рубку. Азорес остался в одиночестве. Он стал приводить в порядок свои заметки.

Траулер стало болтать сильнее.

«Выходим в открытое море», — догадался Азорес, набросил пальто и вышел на палубу.

Сильный ветер, мокрый снег, брызги... Траулер сильно качало.

«И так день и ночь, летом и зимой, в штиль и в шторм длится борьба с морем, — подумал Азорес. — Казалось бы, невероятно тяжелый труд. Но какие у них у всех веселые, жизнерадостные лица! Шутки, смех, песни...»

Траулер смело резал седые волны, держа курс на Медвежий остров. Помощники Гинзбурга в тяжелых морских сапогах, в кожаных тужурках бегали от шара к капитанской рубке, проверяя исправность проводов. Экран телевизора был установлен в капитанской рубке.

Азорес подошел к шару.

«Вроде гондолы стратостата», — подумал он.

— В этом шаре находится радиостанция? — обратился он с вопросом к Гинзбургу.

— Нет, — ответил тот. — Изображение передается по проводам. В шаре — батареи сухих элементов, аккумуляторы, часовой механизм.

— Аккумуляторы для прожекторных ламп?

— Только для фотоэлемента. Дуговые фонари прожектора получат энергию от электростанции траулера.

— Значит, это не совсем радиопередача? — с некоторым разочарованием спросил Азорес.

— И даже совсем не радиопередача, — ответил, усмехаясь, Гинзбург.

— Почему?

— Потому что вода сильно поглощает радиолучи. Радиоволна, несущая изображение, угасает, не достигнув поверхности моря. Мы предполагаем опускать наш телевизор на глубину двухсот-трехсот метров, максимум четырехсот. На таком расстоянии нетрудно обойтись и проводами. Это надежнее и проще.

Наконец все приготовления были закончены. Тяжелый

шар бережно прицепили к крану паровой лебедки и начали опускать в воду.

— Теперь лучше наблюдать не здесь, а на экране телевизора, — сказал Гинзбург испанцу.

Азорес поспешил в капитанскую рубку.

Гинзбург поместил экран в глубокую коробку, которая так защищала его от света, что можно было следить за экраном, не выключая электрического света. Благодаря этому капитан мог следить и за компасом, и за картой, и за экраном телевизора.

— Однако где же экран? — удивился Азорес.

Его постигло новое разочарование, когда капитан показал ему коробку, немногим более спичечной.

— Что поделаешь, — сказал капитан, — Гинзбург изготовил свой аппарат кустарным способом. Это пробный телевизор. Если он оправдает надежды, тогда наша центральная радиолаборатория изготовит прекрасные аппараты. Лишь бы... мы что-нибудь увидели.

Азорес посмотрел в коробочку, но ничего не увидел.

— Значит, рыбы нет, — утешил его капитан.

— А возможно, ваше подводное око не видит рыбу? — спросил Азорес.

— Возможно, — ответил капитан. — Но Гинзбург уверяет, что он кое-что уже видел на этом примитивном экране.

Текли томительные, долгие минуты. Азорес не спускал глаз с экрана. Вдруг он воскликнул:

— Смотрите! Экран оживает!

Маковский взглянул и увидел на красновато-желтом фоне экрана невыразительные, расплывающиеся пятна. Они двигались в разных направлениях и то исчезали из поля зрения, то вновь появлялись. Одни из них выделялись на экране темным, другие более светлым обрамлением.

— Это рыба, — спокойно сказал Маковский.

Азорес впился глазами в волшебную коробку.

— Ну что? — спросил вошедший Гинзбург.

— Смотри сам, — ответил капитан.

Тот только взглянул и весело сказал:

— Есть.

— Но почему так смутно? — спросил Азорес.

— Потому что рыба далеко от телевизора. Мы, очевидно, около границ контура.

Азорес уже слышал термин «оконтуривание косяка». Когда Гинзбург отвернулся, чтобы дать распоряжение по телефону своим помощникам, Азорес вновь взглянул на экран и вскрикнул, радостно удивленный. Он увидел выразительные очертания рыбы, блеснувшей боком и исчезнувшей в левом углу экрана. Вслед за первым появилось второе, потом третье изображение рыбы, еще и еще...

— Спускать трал!

С палубы раздались возбужденные голоса, шум, грохот лебедки. Матросы разворачивали огромнейший трал, висевший на мачте, и спускали его в воду. Это длилось несколько минут. Траловый лов с помощью телевизора начался.

Через сорок пять минут трал подняли. Он был полон рыбы и чуть не оборвался от тяжести. Азорес и Гинзбург сбежали вниз, на палубу. Моряки кричали «ура» изобретателю.

— Качать, качать! — кричали они. Потом схватили Мотю и подбросили.

— Черти! И без того качает. Еще за борт уроните! — кричал счастливый изобретатель.

Капитан остановил эту игру, но не сделал предупреждения за нарушение дисциплины. Он понимал настроение экипажа и сам был рад не меньше матросов.

ВЕСТНИК АВАРИИ

Лов шел прекрасно. Подводное око безупречно выполняло свою работу. Иногда экран вдруг мертвел, игра пятен прекращалась — значит, траулер выходил из косяка. Начинались новые поиски, потом экран снова оживал. Опытный капитан быстро определял «контур» косяка и теперь мог вести лов до тех пор, пока трюмы наполнятся до отказа.

Траулеры уходили на промысел на долгое время и блуждали по морю месяцами. Теперь же «зрячий» траулер мог выполнить задание за несколько дней. Какая экономия!

Люди, забыв об усталости, о резком северном ветре, ловили рыбу, набивая трюмы. Рыбу разделывали и солили здесь же, на траулере, — он был настоящим плавучим заводом.

На обратном пути, как ни торопились, Гинзбург упросил капитана сбавить ход, чтобы опустить еще раз телевизор на мелководье и посмотреть дно. Капитан согласился, и телевизор был спущен. Гинзбург, следивший за экраном, вскрикнул и побледнел.

— Что такое? — спросил капитан с тревогой.

— Мы, кажется, нашли один из наших погибших траулеров, — промолвил Мотя.

— Задний ход!

Капитан взглянул на экран. Да, там четко виднелась корма траулера, лежавшего вверх дном.

Железо обросло мелкими водорослями, словно мхом. Везде виднелись пятиконечные морские звезды, крабы, мелькали рыбы, привлеченные огнем прожектора... Мелькнула надпись «Пик...».

— Это «Пикша», — сказал капитан. — Дизельный траулер, он погиб вместе с «Окунем» в шторм под тридцатое декабря 1931 года. Так вот где погибла «Пикша»! А последние сигналы были приняты почти с широты Медведки.

— «Пикшу» могло отнести на юг уже опрокинутую, — высказал догадку Гинзбург.

— Печальная находка, — вздохнул капитан. Он сам едва не погиб во время той ужасной бури. — Но для тебя, Гинзбург, конечно, и подходящая... Ну, ну, не маши рукой. Ведь мы понимаем друг друга. Мы нашли траулер, и он лежит неглубоко. Эпроновцы поднимут его. На дне Баренцева моря похоронено немало траулеров — и наших, и немецких, и норвежских, и английских. С помощью твоего ока мы разыщем и поднимем их.

Известие о найденной «Пикше» разлетелось по траулеру. Моряки вспоминали погибших товарищей, штормы, бури. Но разве вся жизнь не борьба?

Распогодилось. Правда, по морю еще ходили огромные волны, но ветер угомонился, тучи исчезли, на небе сияла луна. Серебристые отблески лунного света плясали на волнах.

Азорес подошел к борту и, покачиваясь в такт пароходу, пристально смотрел в одну точку.

— К чему ты присматриваешься? — спросил Гинзбург.

— Видишь, блестит, как звездочка, — ответил Азорес, указывая вдаль.

— Вижу: луна отражается в волнах.

— Нет, не луна, — ответил Азорес. — То блестит бутылка.

— Ну и что?

— А то, что если она не утонула, значит, ее закупорили. В таких бутылках бывают письма потерпевших аварию, вот что. Надо поймать эту бутылку.

Азорес поспешил к капитану. Маковский выслушал его без особого удовольствия. Ловить бутылку, в которой, возможно, ничего и нет, — терять время. С другой стороны, морские традиции обязывают: бутылка должна быть выловлена. И он дал команду. Траулер сбавил ход и остановился. Качка усилилась. Азорес был сильно обрадован новым приключением.

Матросы прикидывали, как изловить бутылку. Спускать трал нецелесообразно: ячейки его сети были широкими и бутылка проскочила бы сквозь них. Отыскалась небольшая сеть с мелкими ячейками, ею и поймали бутылку.

Азорес не ошибся: бутылка была герметически закупорена резиновой пробкой и в ней виднелась бумага. Бутылку доставили в каюту капитана. Маковский осторожно вынул пробку и достал из бутылки свернутый в трубочку листок. В записке размашисто было написано по-английски:

«На случай гибели парохода «Левиафан». Прошу доставить эту записку в Аргентину, Буэнос-Айрес, Литл-стрит, 344. Жуану Хургесу.

Бласко Хургес».

Далее шел шифрованный текст — сплошные ряды отпечатанных на машинке букв. В самом конце, после шифра, — приписка:

«В письме чрезвычайно важные сведения. Прошу доставить с нарочным. Затраты на проезд будут оплачены на месте.

Если отослать с нарочным невозможно, прошу передать по бильдаппарату».

Маковский повертел лист в руках и рассмеялся.

— Какой-то чудак, — сказал он. — Думает, что найдутся люди, которые бросят свое дело и поедут за свой счет в Южную Америку, чтобы разыскать адресата и передать ему письмо в надежде на оплату расходов.

— А адресат, возможно, уже умер или выбыл в неизвестном направлении, — добавил штурман.

— Можно сфотографировать письмо и отослать снимок, — посоветовал Гинзбург.

Азорес, до этого слушавший молча, неожиданно сказал:

— Для меня совершенно ясно, что Бласко Хургес, погибший вместе со знаменитым «Левиафаном», желал, чтобы его письмо было передано без огласки. Письмо зашифровано не зря, и если этот шифр передать через многие страны телеграфом или бильдом, то, естественно, им заинтересуются тайные полиции и министерства иностранных дел ряда стран. Присяжные шифровальщики утратят сон и аппетит, пока не расшифруют это письмо. Хургес, очевидно, был уверен в сообразительности и благородстве тех, в чьи руки попадет его бутылка. К бильдаппарату он просил прибегнуть лишь в крайнем случае. Последняя воля трагически погибшего человека должна быть выполнена.

— А вдруг этот документ заключает в себе оружие против нас, СССР? Что, если Хургес — агент империалистической державы, замышляющей каверзы против нас? — спросил капитан.

Все умолкли.

— Опасения трезвые. Все возможно, — ответил после размышления Азорес. — Однако маловероятно, чтобы официальные дипкурьеры или шпионы бросали в океан бутылки с зашифрованными документами. Как бы ни был хитро составлен шифр, всегда найдется дотошный рас-

шифровщик. Расшифровали же египетские иероглифы. Правительства всегда располагают возможностью направлять секретные документы с дипломатической почтой. Если бы на пароходе погиб государственный документ, его копии остались бы в министерстве. Вместо погибшего Хургеса был бы послан иной человек, если бы Хургес был дипкурьером; на том бы дело и кончилось. Здесь же что-то иное. Я полагаю, Хургес — кто бы он ни был — работал, как говорится, за свой страх и риск. Возможно, это один из авантюристов, открывших золотые россыпи или что-нибудь в этом роде. В свой смертный час он решил открыть тайну своему родственнику — Жуан Хургес, видимо, его брат, отец или сын. — Азорес окинул взглядом моряков. Все молчали, и он продолжал: — Мой план таков: редакция газеты, в которой я работаю, предложила мне ехать в Южную Америку. Там сейчас происходят интересные события. Я поеду туда и возьму письмо с собой. На всякий случай мы снимем копию. А я, приехав в Буэнос-Айрес, прежде всего осторожно разузнаю, кто такой Хургес. Если он не из нашего лагеря, я... придержу письмо, пока мы не расшифруем его сами и не убедимся, что оно безопасно для нас.

— Последняя воля погибшего должна быть выполнена, — с иронией повторил Гинзбург слова Азореса.

— Да, если погибший не враг, — спокойно отпарировал Азорес. — Наша этика состоит в том, чтобы стоять на страже интересов своего класса. Так ведь? Одним словом, я еду разыскивать Хургеса. Вы согласны со мной, товарищи?

— Такой вопрос мы не можем решить сами, — осторожно сказал капитан.

— Разумеется, — подтвердил Азорес. — Я буду в Москве и условлюсь. Но не слишком ли мы мелочны?.. Ведь Хургес, бросая бутылку в море, знал, что она может быть занесена течением Гольфстрима и к северным берегам Франции, и к западным берегам Англии, и к берегам Норвегии, даже к Новой Земле и Земле Франца Иосифа, где Гольфстрим, между прочим, уходит на большую глубину. Хургес, если он не дурак (а он, кажется, был не дурак), знал, что

его бутылка может оказаться и в капиталистической стране, и в Советском Союзе. Он знал, конечно, что его шифром будут интересоваться. Однако он был уверен, очевидно, что без ключа его шифр не будет расшифрован. Поэтому и просил в крайнем случае передать по бильду. Наконец, бутылка могла затеряться в океане. Чистая случайность, что нашли ее мы, а не норвежцы или немцы. Она могла попасть в руки фашистов...

— В конце концов, не слишком ли большое значение придаем мы всему этому? — спросил Гинзбург. — То, что составляет огромную важность для Хургесов, — для нас, да и для всех других, возможно, не стоит выеденного яйца...

Корреспондент аккуратно свернул письмо и спрятал его в карман.

— Во всяком случае, возвратившись из Аргентины, а может быть и раньше, я уведомлю вас о своих успехах. Сфотографировать письмо мы еще успеем.

Траулер сильно качало, поднялся ветер. Капитан перешел в рубку и принял команду.

СЛЕПАЯ СТАРУХА

Азорес искал улицу, на которой проживал Хургес. Хмурые люди подозрительно осматривали хорошо одетого Азореса и молча показывали направление — с каждым разом все более в глубь трущоб рабочего квартала. Азорес был немного встревожен. Что бы это значило? Тот, кто бросил бутылку, путешествовал на «Левиафане» — на пароходе богачей. Какие же дела могли быть у состоятельного бизнесмена, трагически погибшего в океане, с людьми этого предместья?

С большими трудностями Азоресу наконец удалось найти улицу, которую он искал. Невеселое место — возле кладбища бедноты и нового здания тюрьмы. «Что же, власти были предусмотрительны, устроив кладбище и тюрьму именно в этой части города. Забота о рабочем населении

квартала: приблизить места «общего пользования», с которыми оно чаще всего имеет дело», — подумал Азорес.

Вот и дом № 344, если только эти развалины можно назвать домом... Позвонить? Нет звонка. Дверь полуоткрыта. Постучал... Никто не отвечает. Азорес постучал сильнее и, не ожидая ответа, вошел в комнату. Старый косматый пес хрипло залаял на Азореса и из последних сил приподнялся на передние лапы. Задние были парализованы.

— Кто здесь? — услышал Азорес грубый старческий голос и повернулся.

В темном углу сидела старая женщина в лохмотьях. Она смотрела в пустоту невидящими глазами.

«Ну и обстановка!» — подумал Азорес.

— Скажите, будьте добры, здесь ли живет дон Хургес? — спросил Азорес, приближаясь к старухе.

Усмешка растянула ее беззубый рот. Длинный крючковатый нос почти касался острого, поднятого кверху подбородка.

— «Дон», — издеваясь, передразнила она. — Разве доны живут в таких халупах?

— Вы все-таки не ответили на мой вопрос.

— Нет здесь никакого Хургеса, — сердито прошамкала старуха.

Азорес приуныл.

— Но, возможно, он жил здесь? Вы сами давно живете в этом доме?

— Семьдесят шесть лет, — ответила старуха.

— И никогда не слышали о Хургесе?

— Может, и слышала. За семьдесят шесть лет о ком не услышишь. Да вы-то кто такой и что вам нужно? — спросила она подозрительно, и ноздри ее зашевелились, словно обоняние могло заменить ей зрение.

— У меня письмо к Жуану Хургесу. Очевидно, от его брата, который погиб во время крушения «Левиафана». Письмо было обнаружено в бутылке и благодаря счастливому случаю оказалось в моих руках.

Старуха с интересом прислушивалась. Азорес следил за выражением ее лица. Очевидно, она все-таки знает Хургеса.

— Подойдите ко мне, я вас ощупаю, — неожиданно сказала она после минутного молчания.

Азорес выполнил эту странную просьбу. Старуха старательно ощупала рукав его пиджака, заставила наклониться и быстро провела сухой морщинистой рукой по лицу от лба к подбородку.

Осмотр, очевидно, удовлетворил ее. Подумав, она промолвила:

— Да, вы испанец. И вы недавно сюда приехали...

Азорес не мог уразуметь, из чего она сделала такой вывод, однако не отважился спросить об этом.

— Уверяю вас, что я не обманываю и пришел к вам как друг, — горячо сказал Азорес. Видя, что старуха начинает сдаваться, он рискнул открыть карту, которая могла решить игру в его пользу. — Я корреспондент коммунистической газеты «Барселонский пролетарий».

Эффект превысил его ожидания. Старуха выпрямилась и сурово спросила:

— Вы говорите правду?

Коммунист Азорес горячо и искренне произнес старинную испанскую клятву, и это произвело должное впечатление. Старуха обратила лицо на звук его голоса и молвила:

— Я вам верю.

Азорес вздохнул с облегчением:

— Дайте мне вашу руку.

Азорес сильно пожал руку старухи.

— Нам надо быть осторожными, очень осторожными, — продолжала она, покачивая головой, — особенно такой слепой бабе, как я. Вокруг шпионы и изменники. Если бы я вовремя отрезала себе язык, Жуан Хургес, возможно, не был бы там, где он теперь.

Старуха скорбно наклонила голову. Очевидно, она уже однажды проговорилась и этим погубила Хургеса.

— Где же он? — спросил Азорес.

— Там, куда вам не добраться, — ответила старуха. Она

указала на окно, через которое была видна крыша новой тюрьмы. — Ко мне однажды вот так же пришли и спросили: «Товарищ Хургес у вас проживает?» И я, старая дура, поймалась на слово «товарищ».

Азорес смутился. Обстановка усложняется... Тот, кого он искал, сидит за толстыми стенами тюрьмы...

— Скажите, с ним действительно никак невозможно увидеться?

— Если бы вы были прокурором или начальником тюрьмы, то могли бы видеться с ним ежедневно, — ответила старуха. — А так... — Она печально покачала головой.

— Но у него должны же быть друзья! Они могут мне помочь. Вы не знакомы с кем-нибудь из них?

Старуха вновь насторожилась и взглянула на Азореса своими белесыми невидящими глазами, словно надеялась прочесть замыслы Азореса сквозь пленку катаракты.

— Я понимаю вас, — сказал Азорес. — Вы боитесь открыть конспиративную квартиру. Но встреча может произойти у вас. Здесь достаточно безлюдное место, и товарищи могут убедиться, что «хвост» шпиков не тянется за мной. Можно назначить свидание и в другом месте — где хотите. Назначайте час и место.

Старуха минут пять молчала. Азорес уже стал терять терпение.

— В воскресенье в десятом часу вечера на кладбище, возле часовни, — неожиданно сказала она, не глядя на него.

Азорес поблагодарил ее, пожал руку и вышел. Потом вернулся и немного растерянно обратился к старухе:

— Простите меня за мое желание помочь вам и не поймите этого превратно. — Он сунул ей кредитки. — Здесь двадцать пять долларов.

— Чтобы не обижать вас, я возьму, но не сейчас, а потом, после свидания.

Он понял ее. Эти деньги могли стать ценой предательства, если бы Азорес оказался шпионом. Старуха имела право быть недоверчивой к людям.

Азорес вышел.

НА КЛАДБИЩЕ

Азорес был молод, горяч и обладал живым воображением. Он строил самые смелые проекты свидания с Хургесом и даже его освобождения. Может быть, выдать себя за священника из Испании и пройти к Хургесу под видом исповедника? Но в тюрьме свои исповедники... Подкоп? Похищение с тюремного двора на самолете? Подкуп? Азорес вспомнил несколько историй трудных тюремных побегов. Воображение разгулялось. С этими мыслями он уснул и видел во сне какие-то мрачные подземные ходы, лестницы, решетки...

Дни, оставшиеся до встречи на кладбище, он использовал на сбор материалов для своих газет. В эти дни в Буэнос-Айресе разразилась стачка рабочих и служащих городского транспорта. Азорес успевал всюду, не забывая и про Хургеса. «Странная фамилия, — думал он, — звучит для иностранцев как испанская, однако не испанская. Хургес... Кем бы он мог быть?»

Наконец настал день свидания. Азорес пришел немного ранее и стал бродить по кладбищу.

«Классовые привилегии не кончаются и со смертью», — думал Азорес. Вчера ему случилось побывать на кладбище аристократов и богачей. Там мраморный город: мавзолеи, фамильные склепы, часовни, широкие, усыпанные желтым песком дорожки, цветы. Настоящая выставка! Здесь же, на кладбище бедноты, простые деревянные кресты, так тесно поставленные один возле другого, что между могилами трудно пройти. Такое же перенаселение, как и в рабочих кварталах. Труп не успевал сгнить, а в его могилу хоронили другой... Вот могилы и без крестов. На иных — только столбик с надписью, красная ленточка, свежий венок из красных маков... На сером могильном камне вырезаны серп и молот.

Азорес взглянул на часы. Без пяти десять. Скорым шагом двинулся к часовне. Темнело. Из узкого окна падал густой красный свет лампады. В небе — серп молодого ме-

сяца. Пахнет свежевынутой землей и дымом соседней фабрики.

Азорес вздрогнул: слышны чьи-то шаги. Двое мужчин быстро подошли к часовне.

— Товарищ Азорес? — спросил один.

— Да, это я, — ответил Азорес.

Судя по всему, это были рабочие. Они пожали ему руку.

Азорес повторил свой рассказ и показал им удостоверение редакции. Пришедшие внимательно прочитали документ. При этом они переводили взгляды с фотокарточки на его лицо, убеждаясь в сходстве. Покончив с удостоверением, попросили показать письмо.

Рабочие долго и внимательно рассматривали документ, потом, переглянувшись, возвратили его Азоресу. Один сказал:

— Товарищ Азорес, мы верим вам. Постараемся сообщить об этом письме Хургесу. Приходите к старухе ровно через неделю. — И, попрощавшись, пошли.

«А я?..» — едва не вскрикнул Азорес. Ему самому хотелось принять участие во всех событиях. Но, видимо, ему придется довольствоваться пассивной ролью и ожидать известий.

Азорес зашел к старухе и, поблагодарив ее, вложил ей в руку деньги. Теперь она не отказывалась. На ее морщинистом лице появилось нечто похожее на улыбку. Азорес не знал, что бедная старуха уже несколько дней поддерживала свое существование только луком — луковица на обед, пол-луковицы на ужин и склянка воды — вот и все. А ее бедная собака от голода и слабости уже не могла поднять голову...

Снова беготня, суматоха корреспондентской работы... На второй день Азорес оказался замешан в неприятную историю, когда фотографировал уличные бои стачечников с полицией и штрейкбрехерами. Азореса арестовали, а его аппарат конфисковали — такие снимки были запрещены.

Через несколько дней ему удалось выйти на свободу, но аппарат остался в полиции.

В назначенный день Азорес пришел к старухе, однако, кроме нее и повеселевшей собаки, никого тут не застал. «Неужели и те рабочие арестованы?» — подумал он. Старуха приветливо кивнула и передала ему записку.

— Адрес, — сказала она. — Идите по этому адресу. Человек, названный в адресе, даст вам объяснения. Возьмите с собой найденное вами письмо.

Азорес поблагодарил старуху и попрощался.

ПРАВАЯ РУКА ВЛАСКО ХУРГЕСА

С окраины города Азоресу пришлось идти пешком почти до центра — на Майскую улицу. Служащие транспорта продолжали бастовать. На улицах стояла необычная для огромного города тишина. Не гремели трамваи, не слышно было автомобильных сирен. Всюду стояли пикеты. Тяжеловесно погромыхивал полицейский танк. Над городом барражировали самолеты — разыскивали скопления рабочих и по радио оповещали командование полицейских отрядов.

Азорес, то и дело вытирая пот со лба и шеи, шел мимо пустых магазинов. Кризис и стачка наложили свой отпечаток на город — он был похож на тяжелобольного. Как пятна проказы, белели на стенах ромбы и квадраты снятых вывесок. Витрины, прикрытые железными шторами, неубранный мусор на тротуарах, клочья газет, перевернутый автобус...

На углу улицы возле закрытого беломраморного ресторана стоял старый индеец с драным одеялом на плечах. В руках он держал большой стеклянный кувшин с водой, в которой плавали желтые дольки лимонов. Азорес выпил стакан воды — она оказалась холодной — и спросил, где помещается здание электрической компании. Индеец неопределенно пожал плечами. Он не имел дела с такими важными предприятиями.

Наконец Азорес нашел нужное семиэтажное здание с вывесками на фронтоне. Вошел в застекленный вестибюль. Его встретил заспанный швейцар. На вешалке всего три соломенные шляпы.

— Скажите, здесь проживает мистер Кар? — спросил Азорес.

— Не проживает, а только работает. Седьмой этаж, комната семьсот тридцать два, — суховато ответил швейцар.

Азорес направился к лифту.

— Не работает, — флегматично предупредил швейцар.

Пришлось подниматься по лестнице.

В пролете между четвертым и пятым этажами ему повстречался бледный молодой человек, с виду клерк. Взглянув на Азореса, он явно встревожился и несколько раз обернулся.

«Странные тут порядки! — подумал Азорес. — Не работают у них сегодня, что ли? Впечатление такое, что здание оставлено. Может быть, компания переехала?»

Но вот и седьмой этаж. Шаги Азореса гулко отдавались в длинном коридоре. Мимоходом он заглядывал в приоткрытые двери. Длинные столы, на них — катушки, лампы, аккумуляторы, стеклянные трубки, аппараты, приборы... Очевидно, лаборатории. Все комнаты были пусты. Ни одного человека. На всех предметах тонкий слой пыли. Коридор повернул направо, еще раз направо. Вот и комната 732. Азорес постучал. За дверью послышались быстрые шаги, стук, шуршание, словно кто-то наскоро убирал комнату; потом дверь раскрылась, и на пороге выросла испуганная фигура маленького человека с рыжей козлиной бородкой. На нем был заношенный синий халат.

— Могу ли я видеть мистера Кара? — спросил Азорес.

— Я Кар. К вашим услугам, — отвечал человек с козлиной бородкой и, раскрыв дверь шире, пропустил гостя. — Чем могу служить?

— Я по делу дона Бласко Хургеса.

— Бласко Хургеса? — подскочив, вскрикнул Кар. — Садитесь, пожалуйста. — Он засуетился, придвигая гостю

стул. — Бласко! Он погиб, погиб, бедняга... Погиб в тот момент, когда его жизнь была так необходима!.. Однако какое же может быть дело? — И он подозрительно взглянул на Азореса.

Азорес рассказал Кару все, начиная с выловленной в море бутылки и кончая посещениями старухи.

Кар слушал, кивал головой, тряс козлиной бородкой и все повторял:

— Так, так... Бедняга Бласко Хургес!.. Жуан сидит в тюрме. Этого следовало ожидать. Можно мне взглянуть на письмо?

Азорес подал письмо. Кар схватил его, почти вырвал из рук, и впился глазами в бумагу.

— Так, так... Это его рука, его шифр...

— А ключ от шифра? — спросил Азорес.

Кар еще раз испытующе взглянул на Азореса: можно ли ему верить?

— Я коммунист, — решительно сказал Азорес. — Понравится это вам или нет, но это так. Видите, я откровенен, будьте же и вы откровенны со мной.

— О, конечно, конечно! — засуетился Кар. — Шифр у меня. Вот здесь, в этом шкафу, где хранятся провода, изоляторы и всякий хлам. Надежнейшее место! Лучше, чем на квартире. Ведь это здание, как вы уже, наверное, заметили, по существу безлюдно. Да, да. Кризис. В пору процветания электрическая компания организовала здесь широчайшие исследовательские работы: радиолампы, фотоэлементы, телевизоры... Сотни научных сотрудников, известнейшие специалисты, изобретатели... А теперь вся работа свернута, научные сотрудники рассеялись в поисках работы.

— А вы? — спросил Азорес.

— В настоящее время — полулаборант-полусторож, — с печальной усмешкой ответил Кар.

— Вы были хорошо знакомы с Бласко Хургесом?

— Хорошо ли я был знаком! — воскликнул Кар, и его рыжие ресницы заморгали. — Я был ближайшим помощником Хургеса. Хургес! Это великий изобретатель. Вели-

кий ум, великое сердце! Вот в этой комнате, у этого стола мы проработали с ним двенадцать лет. Много дней и... много ночей.

Азорес не был бы опытным корреспондентом, если бы не попытался выведать у Кара все, что касалось Хургеса. Кар охотно отвечал, и Азорес узнал больше, чем ожидал.

Отец Хургеса, Соломон Хургес, был польским евреем. В свое время он эмигрировал в Соединенные Штаты, но там ему не повезло, и он перебрался в Южную Америку. Именно здесь, в Буэнос-Айресе, у него была мастерская по ремонту автомобилей, велосипедов, мотоциклов. Жуан Хургес помогал отцу, а когда отец умер, устроился на большой завод и там включился в революционную борьбу. Старшему его брату, Бласко Хургесу, удалось получить высшее техническое образование, и он работал в исследовательской лаборатории электрической компании, бывшей филиалом нью-йоркской. Его очень ценили. Он дал фирме много замечательных изобретений, внедрил экономичные лампы, а когда было налажено производство радиоприемников, сконструировал очень удачный тип любительского гетеродинного радиоприемника.

— Но душу свою он не продал фирме, — многозначительно промолвил Кар.

— Что вы хотите этим сказать? Хургес был коммунист?

— Он мыслил, как коммунист, — ответил Кар. — Вот и все, что я могу сказать. Он жил очень дружно со своим братом. Однажды при мне Бласко сказал Жуану: «Мы идем к одной цели, но разными путями, и, наверное, нам выгоднее реже видеться друг с другом, чтобы твоя «революционная популярность» не накликала подозрений и на меня, на «нашу революционную работу», — и он указал на меня. Да, на меня, — с гордостью повторил Кар. — Ибо мы трудились вместе, у нас не было секретов.

— И что же это за «революционная работа»?

— Революция в области науки и техники, которая призвана послужить революции пролетарской, — ответил Кар. — Мы изобретатели. Само собой, изобретал Бласко, а

я помогал ему. Ах, у него была подлинно Эдисонова голова! Со времени Октябрьской революции Бласко жил мыслью о Стране Советов. Он трудился для нее и мечтал приехать туда не с пустыми руками. О, он готовил богатый подарок! И вот, когда... Ах, Бласко, Бласко!.. Такой осторожный даже в мелочах и... Почему ты не послушал меня?.. — Красные веки с рыжими ресницами снова задрожали, заморгали, словно Кар собирался заплакать.

Азорес догадывался, что здесь кроется великая тайна.

— А что это за изобретение, над которым вы трудились?

— Это изобретение... — Глаза Кара вспыхнули огнем вдохновения, однако он погасил этот огонь, быстро подошел к двери, приоткрыл ее, выглянул в пустой коридор и, оставив дверь полуоткрытой — так слышнее приближение шагов, — возвратился на место, сел возле Азореса и прошептал: — Камень мудрости. — Кар затаил дыхание и беззвучно рассмеялся.

«Не сошел ли с ума этот чудак?» — подумал Азорес. Но тот продолжал:

— Да, философский камень. Мечта алхимиков о превращении элементов. А по-современному — снаряд для расщепления атомного ядра. Переворот! Новая эпоха в химии, в истории человечества!

В увлечении он всплеснул сухими ручками и усмехнулся. Азорес отшатнулся к спинке стула и несколько секунд молча смотрел на Кара.

— Да, да, да, — пламенно зашептал Кар, выдерживая взгляд Азореса. — Не мечта, не проблема, не гипотеза, а факт. Вот здесь, вот на этом самом столе, мы завершили последние опыты. Вот здесь, на этом месте, стоял аппарат — новейшая «пушка» для бомбардировки атомного ядра. И что она творила! Какие чудеса превращения вещей делала она на наших глазах!

— И где этот аппарат? — спросил Азорес, чувствуя, что у него холодеет спина и бегут мурашки по телу.

— Нигде. — Кар тяжело вздохнул. — Такие вещи нельзя было брать с собой. Безопаснее возить их в голове. Но раз-

ве голову нельзя погубить в дороге? Хургес располагал большими деньгами и почти все их истратил на исследования. А на последние купил билет на лучший, казалось, безопаснейший пароход — пароход миллиардеров, как его звали в обеих Америках, — «Левиафан». Но нет такого корабля, который не мог бы затонуть... Хургес принял все меры предосторожности. Свои расчеты, формулы, выкладки — одним словом, весь «экстракт» своего наизнаменитейшего открытия он изготовил в двух экземплярах: один — на бумаге, он хранился у него в широком поясе...

— А второй? В металлическом ящичке? — с нетерпением спросил Азорес.

— Хургес был предусмотрительнее. Что такое ящик? Пароход может затонуть на огромной глубине, и тогда давление воды расплющит ящик и бумаги погибнут. Нет, Хургес поступил иначе. Он выгравировал все цифры, формулы, схемы и краткие пояснения на тонких металлических пластинках, сложил пластинки и края их запаял. Прекрасно придумано! — Кар сухо рассмеялся. — Если бы такой «портфель» затонул даже на десяти тысячах метров глубины, с ним все равно ничего бы не случилось.

Несчастный Бласко! Значит, ты погиб... До сегодняшнего дня у меня еще были надежды, — уже другим тоном продолжал Кар после паузы. — Теперь этой надежды больше нет. Ошибка, горькая ошибка!

— Но в чем же его ошибка? — спросил Азорес.

— А в том, что он не оставил мне копии.

— Разве вы без него не в состоянии соорудить «пушку»?

Лицо Кара выразило страдание.

— Что такое я? — простонал Кар. — Я был только руками Бласко, и Бласко очень хвалил эти руки. — Кар посмотрел на свои руки, поросшие рыжими волосами. — Ну, допустим, я видел, как строился аппарат, своими руками его делал. Но... Вы не знаете, какая это сложная вещь! По формулам и схемам я мог бы сделать, а формулы лежат теперь на дне океана... Не захотел оставить копию, вот и ошибка. Естественно, это было опасно. Жуан сидит вот... Шпики

могли заинтересоваться и его братом, хотя бы и покойным, могли заглянуть сюда...

— Однако что же написал Хургес в своем шифрованном письме?

— Сейчас прочтем. Хотя я наперед, почти наверняка, могу сказать, что он написал.

Кар приподнялся, отворил большой шкаф и из кучи всяких электротехнических материалов и старых деталей вынул тонкую алюминиевую пластинку такого же формата, как и письмо. На пластинке были вырезаны в разных местах четырехугольные отверстия величиной с литеру печатной машинки. Кар наложил пластинку на письмо и прочел:

— «В случае моей смерти известите S3R».

— Что это обозначает? — спросил Азорес.

— Дорогой Бласко! Узнаю тебя. Даже в шифре ты прибегнул к формуле, — с мягкой грустью промолвил Кар, словно разговаривая с покойным другом. Обращаясь к Азоресу, он спросил: — Разве вы не догадываетесь? Эстри-эр. Это СССР. Сообщить правительству СССР о том, что в глубине Атлантического океана хранится сокровище, предназначенное для Советского Союза. Но выдаст ли теперь океан свою тайну? — спросил Кар, обращаясь к Азоресу. — Если я не ошибаюсь, «Левиафан» затонул где-то около Азорских островов. «Портфель» Бласко Хургеса лежит на глубине двух-трех тысяч метров. Разве можно спуститься на такую глубину? Правда, чтобы найти «портфель», не нужно поднимать пароход. Бласко был предусмотрителен — я уже говорил об этом. Он собирался прикрепить дощечку к якорной цепи. И все-таки это мало облегчает задачу. Водолаз не может опуститься глубже чем на триста метров, и я боюсь, что тайна Хургеса погибла навсегда.

— Ну, это еще рано предрешать, — ответил Азорес. — Я, во всяком случае, исполню последнюю волю великого ученого и извещу Советское правительство обо всем, что знаю. Пусть решают, что делать. Благодарю вас, мистер Кар...

— Товарищ Кар, — с мягким упреком поправил Азореса Кар.

— Товарищ Кар... Благодарю вас, и разрешите проститься.

— Нет, обождите, — живо возразил Кар. — Вы догадываетесь, как мне дорого это дело. И потом... Ведь я могу быть и полезен. Мне хотелось бы, чтобы вы, товарищ Азорес, ставили меня в известность о дальнейшей судьбе этого дела.

— Ставить в известность — это нелегко, — смеясь, ответил Азорес. — Вы, конечно, понимаете, что о таких вещах писать нельзя.

— Зачем писать?! Можно поступить иначе. Мы будем говорить. И говорить так, что ни один человек нас не поймет. — Кар снова засмеялся. — Это также одно из последних открытий Хургеса. Не такое важное, как «пушка», но все же интересное. Он подарил его мне перед отъездом. Коротковолновая радиостанция. Для нее необходима энергия в десятые доли ватта — меньше, чем для батареи карманного электрического фонарика. Антенна — пять сантиметров, дальность действия неограниченна. Главное же — острая направленность гарантирует тайну передач. Вот этот прибор следит за направлением луча. Мельчайшие отклонения регистрируются и тотчас автоматически устраняются. Как вам нравится? — Кар снова засмеялся и потер руки. — Я дам вам одну приемно-передаточную радиостанцию. Или нет... Я дам вам схему и кое-какие пояснения на двух страничках записной книжки. В СССР, конечно, имеются опытные радисты?

— Разумеется.

— Так вот, мы будем разговаривать. Вручаю вам свой подарок. — Кар вынул из письменного стола бумагу, быстро набросал схему, пояснения к ней и все это передал Азоресу.

— Так вот, мы будем разговаривать и даже... видеться, если захотим. Да, да, по телевизору. В полдень по местному времени я буду ловить волну. До свидания.

Они расстались друзьями.

Азорес почти бежал по тротуару, не чувствуя под собой ног. Его охватила бурная радость. Он не видел ни пустых магазинов, ни опрокинутых автомобилей и трамваев. Что ему до этих картин умирающего Старого Света! Скорее в отель и оттуда — в порт.

СУДЬБА ЭКСПЕДИЦИИ РЕШАЕТСЯ

В Москве Азорес доложил все специальной комиссии. На заседание были приглашены специалисты.

— Ваше мнение? — обратился председатель к академику Тоффелю.

Седой, высокий, полный, румяный академик поднялся и негромко произнес:

— Во всем мире ведется упорная атака, точнее — правильная осада, твердынь атомного ядра. Люди работают, не жалея труда, средств, энергии, и понятно почему. Если удастся оседлать атомную энергию, то последствия будут чрезвычайные. Мы теперь даже не можем представить, каким станет мир, когда в наших руках окажется эта подлинно космическая сила. Со времен, когда люди стали изобретать, ни одно изобретение, ни одно открытие — ни пар, ни электричество, ни радио — ничто не может сравниться с этим. Атомные двигатели совершат полный переворот в технике, в быту. Мы станем неизмеримо сильнее и богаче. Взять хотя бы нашу единую высоковольтную сеть. Она стоила нам миллиарды, и ее эксплуатация стоит миллионы, десятки миллионов. Провода, опоры, кабели, дорогие, громоздкие динамо-машины, турбины — все это станет ненужным или почти ненужным. Мы сбережем наше топливо: уголь, нефть, лес. Они уже не будут топливом. Они будут только исходным сырьем для химической переработки в высокоценные продукты. Древесина пойдет только на выделку бумаги, штучного шелка, сахара и других продуктов и товаров. Одно лишь это спасение угля, нефти, леса от

варварского истребления в топках обещает миллиардные сбережения.

Относительно самой атомной энергии нечего и говорить. То, что она может принести, не поддается исчислению. Зачем мы прокладываем теперь наши электромагистрали на тысячу километров? Затем, чтобы передать энергию туда, где ее нет. Уголь, нефть, лес, вода — современные источники энергии — не всегда имеются там, где есть руда и другие полезные ископаемые. Атомная энергия и атомные двигатели дадут неограниченные ресурсы энергии там, где она необходима, без всяких хлопот, без громоздких сооружений. В тундре и тайге, в горах и пустынях — везде мы сможем иметь карманные Днепрогэсы.

Целиком преобразится транспорт. Ненасытные паровозы исчезнут. Появятся новые виды скоростного наземного, воздушного и водного транспорта. Даже полеты на планеты станут реальностью. Исчезнут преграды и для строительных работ. Мы сможем покрыть каналами всю страну. Мы будем буквально двигать горами. Мысль, творческая фантазия современного строителя до сих пор были связаны «энергетическим лимитом». Теперь многие из проектов нам просто не приходят на ум потому, что для их выполнения необходимы непосильные для нас затраты энергии. Свобода технических мечтаний станет подлинной. Человек будет полновластным хранителем природы.

Можно ли определить денежную стоимость этого изобретения? Я затрудняюсь назвать цифры. Исчислять пришлось бы уже не в миллиардах, а в триллионах. Если представляется хотя бы малейшая возможность овладеть подобным изобретением, то любые затраты, как бы велики они ни были, окупятся в невиданных размерах.

Академик сделал паузу и продолжал:

— Но все это при одном условии: если аппарат Хургеса пригоден для получения не слишком дорогой внутриатомной энергии. Мы сами научились разрушать атомное ядро, и если не сконструировали опытного атомного двигателя, то только потому, что это преждевременно. А преждевременно потому, что добывание атомной энергии стоит пока неизмеримо дорого. Ведь для расщепления атома мы пользуемся высокими и сверхвысокими напряжениями в миллионы вольт. А результат этой дорогой атаки, к сожалению, слишком невелик. Наши «снаряды» плохо попадают в цель. Из тысячи выстрелов одно попадание.

Товарищ Азорес сообщил нам, что есть свидетель, сотрудник Хургеса товарищ Кар, который подтверждает факт, что Хургес успешно разрушал атомные ядра. Но описание великого открытия лежит пока на дне моря. Я не допускаю мистификации. Однако кто поручится, что Хургес и Кар не из породы прожектеров? Разве алхимики не были уверены, что они «почти» открыли секрет превращения неблагородных металлов в золото?

— Ваш вывод? — спросил председатель.

— Мой вывод: искать таблицы Хургеса, если это технически возможно и если затраты на поиски под силу нашему государству.

— Извините, академик, — обратился с вопросом пожилой экономист, — а расщепление атома, так сказать, в заводском масштабе, не повлечет за собой...

— Мировую катастрофу? — спросил Тоффель. — Не думаю. Как я уже сказал, атомы расщепляют теперь чуть ли не ежедневно. И ничего, мир целехонек. Подобные опасения мне приходилось слышать не раз. Полагаю, что они неосновательны.

— Ваше мнение, профессор Рейнберг?

Низенький, опрятный старичок — бородка клинышком, длинные седые усы — легко приподнялся, круто повернулся к Тоффелю, потом к председателю и горохом рассыпал слова:

— Прежде всего я должен отметить одно печальное недоразумение. Здесь говорилось о добывании внутренней энергии при расщеплении атомного ядра. Когда о подобных вещах пишут романисты-фантасты, это еще допустимо, но когда с идеей добычи неисчерпаемой внутриатомной энергии выступает ученый, я, как энергетик, протес-

тую. Это чрезвычайно глубокая, печальная и даже пагубная ошибка. При расщеплении атомного ядра никакой внутренней энергии мы не будем иметь, пока существует и не опровергнут второй закон термодинамики.

Да и не к этому стремился Хургес, насколько я понимаю. Его интересовало самое расщепление атомных ядер, а не энергия. Он подходил к вопросу как физик, химик, а не как энергетик. И в этом свете «пушка» Хургеса — величайшее изобретение, если только это не миф. Но это уж пусть определят химики.

Рейнберг быстро сел и глотнул чаю.

— А искать следует? — спросил его председатель.

— Если намереваетесь добывать из атома энергию, то нет нужды лезть под воду. Химер и на земле достаточно, — ответил Рейнберг с места и одним духом допил остывший чай.

— Ваше слово, профессор Багорский.

Богатырски сложенный мужчина с сивыми усами и молодыми глазами встал не торопясь, оперся руками о стол и начал:

— Я, как и все мы, располагаю очень скудными материалами для того, чтобы судить об открытии Хургеса по существу. Но и того, что есть, с чем мне удалось ознакомиться, достаточно, чтобы сделать вывод, что вопрос заслуживает серьезнейшего внимания. Я согласен с Петром Ивановичем Рейнбергом: энергетика здесь ни при чем. — Рейнберг победоносно взглянул на Тоффеля. — Однако от этого вопрос не становится менее важным, — продолжал Багорский. — Товарищ Азорес пересказал мне все, что слышал от Кара, и у меня осталось такое впечатление: если этот человек и может ошибаться, как и все, то он не склонен заведомо вводить в обман других. А то, что он рассказал об опытах погибшего изобретателя, — это нечто необычайное. Если «пушка» Хургеса способна выщибать при ничтожных расходах энергии заданное количество электронов из атомного ядра, то это действительно эпохальное изобретение. Вот здесь Петр Иванович вспомнил фантастов и романистов. Если бы я принадлежал к ним, я мог бы

изобразить вам чудесные перспективы. Но я не фантаст и не романист. Значение проблемы разложения атомного ядра вы знаете и сами. И я могу сказать вам только одно: если нам удастся достать со дна океана ключи к изобретению Хургеса и если оно оправдает только десятую часть наших надежд, то и в этом случае расходы на поиски запрятанного сокровища окупятся сотни и тысячи раз.

Председатель обратился к председателю ЭПРОНа инженеру Кириллову:

— Ваше мнение?..

Кириллов, здоровый, загорелый мужчина средних лет, в морской тужурке, поднялся и не спеша начал:

— Нам все еще точно неизвестно место, где затонул «Левиафан», и абсолютно неизвестна глубина. Все дело зависит в конце концов от глубины. ЭПРОН до сих пор работал на глубинах примерно двадцать-тридцать сажен.

— Товарищ Кириллов, — приостановил его председатель, — большинство собравшихся здесь — люди сухопутные, привыкли считать на метры.

— Морская сажень равняется шести футам, или одному и восьмидесяти шести сотым метра, — пояснил Кириллов. — Ну что ж, буду переводить на метры. Так вот, мы работаем на глубинах пятидесяти-шестидесяти метров и выше, конечно.

— Не глубже?

— Глубина в сто метров для водолаза в обычном водолазном костюме считается уже рекордной. В американских жестких костюмах можно опускаться на двести, даже на триста метров. Это пока что граница для водолазов. Опускаться на глубину семьсот пятьдесят — тысячу метров можно только в особой стальной гондоле, способной выдержать огромное давление. К сожалению, в подобной гондоле можно лишь наблюдать подводную жизнь, фотографировать — и только. Нам же необходимо действовать под водой — поднять затонувший корабль или, в случае необходимости, отыскать на нем «сокровище» Хургеса. Выходит, дело сводится к тому, насколько глубоко лежит «Левиафан». Вы

знаете, что в океанах есть глубины в десять тысяч метров. А современная граница опускания — немногим более тысячи метров.

— Стратосферу, оказывается, легче завоевать, чем гидросферу, — заключил, усмехаясь, председатель.

— Да, подняться над землей на двадцать пять — тридцать километров легче, нежели спуститься в океан на два-три километра. Ужасающее давление воды хранит тайны морских сверхглубин. Я даже сомневаюсь, смогут ли и в будущем люди спускаться в глубочайшие места океана...

— Даже в гондоле?

— Даже в гондоле, и лишь для того, чтобы наблюдать. Гондола с людьми должна быть привязана к тросу или цепи, чтобы ее можно было вытащить из воды. Но никакой трос длиной в десять километров не выдержит собственного веса. Это уж... я не знаю... трос пришлось бы делать в виде конуса с огромным диаметром в основании. Я уже не говорю о том, что с корабля невозможно поднять такую тяжесть, да и краны такие невозможно соорудить.

— А если спустить стальной шар без людей, но с аппаратами, которые передавали бы на землю изображения глубоководного мира? — заинтересовался экономист.

Кириллов усмехнулся.

— Вы предлагаете мне вопросы, выходящие за границы водолазной практики. Это, если хотите, уже область почти фантастики. Но полагаю, что и с таким шаром ничего не получится.

— Стальной шар со стенками колоссальной толщины, — не успокаивался экономист.

— А стекло? — спросил Кириллов. — Все-таки ваш шар должен иметь окна, сквозь которые можно было бы прожектором осветить морское дно для работы телевизора. Мне кажется, что даже кварцевое стекло не выдержит давления. Кроме того, не забывайте, что такой шар не будет иметь никаких проводов. Видимо, в нем самом надо иметь электростанцию или аккумуляторы достаточной силы и радиостанцию. Однако и это еще не все. Как передать изо-

бражение без проводов? Радиолучи будут поглощаться десятикилометровой толщей воды. Нет, то, что расположено на глубине десяти километров, для нас полностью недоступно.

— К счастью, «Левиафан» затонул не в Тихом, а в Атлантическом океане, более «мелководном». Правда, и в Атлантическом есть «провалы» глубиной в несколько километров, но имеется немало и доступных для нас глубин. Есть и подводные горные хребты, вершины которых лежат сравнительно близко к поверхности океана, а кое-где эти горные вершины поднимаются над поверхностью океана, создавая всем известные острова, например группу Азорских, Канарских островов.

В связи с этим общий план экспедиции я представляю так. В сигналах бедствия, рассылавшихся «Левиафаном» накануне гибели, означены долгота и широта. Это место, насколько мне известно, представляет собой достаточно приподнятое подводное плато с чрезвычайно изрезанным рельефом. Имеются и глубокие пропасти, и высокие горы. На общих картах все это обозначено, естественно, лишь приблизительно. Мы еще не располагаем столь достоверными картами, на которых рельеф каждого квадратного километра Атлантики был бы изображен точно. Мы отплываем к месту гибели «Левиафана» и старательно измеряем лотлинем глубины. Если они достигают нескольких километров, то, как это ни печально, нам придется отступить. Подобные глубины превышают современные технические возможности ЭПРОНа. Иное дело, если научно-исследовательские учреждения помогут нам и дадут техническое оснащение для завоевания подобных глубин. В любом случае эта рекогносцировочная экспедиция будет стоить недорого.

— А если глубина будет подходящей? — спросил председатель.

— Тогда мы приступим ко второй стадии работы — поискам затонувшего парохода. Здесь на сцену выступают водолазы. Если же «Левиафан» будет найден, в дальнейшем

мы работаем по вашим заданиям: ищем «сокровище» на пароходе, под водой, или поднимем его на поверхность, что, однако, обойдется уже недешево.

Азорес попросил слова.

— Я думаю, что нам не придется поднимать пароход, — сказал он. — Хургес был столь предусмотрителен, что повесил, если только он успел это сделать, свои пластинки на якорную цепь на носу парохода. Таким образом, нам следует только отыскать пароход на дне моря и найти пластинки на якорной цепи.

— Однако, чтобы найти, надо опуститься на дно, а если дно на большой глубине? — сказал Кириллов.

— Человеку нет надобности спускаться, — спокойно ответил Азорес.

— Но как найти? — не успокаивался эпроновец.

— Очень просто. Я знакомился с вашими рыбными промыслами в Мурманске. Плавал на траулерах. И там мне довелось видеть сконструированный одним комсомольцем подводный телевизор, с помощью которого рыбаки очень легко находят рыбу. И не только рыбу. Нам случайно удалось найти на дне Баренцева моря затонувший траулер. Вы, очевидно, уже слышали об этом. Так вот. Сделать большой телевизор, который можно было бы опускать хотя бы на глубину тысячи метров, — не столь уж трудная техническая проблема. С помощью телевизора мы сумеем найти носовую якорную цепь и пластинки. Остается только поднять эти спаянные пластинки. Предполагаю, что советские техники смогут создать такие механические руки, которые будут в состоянии опускаться на дно моря, хватать там железными пальцами добычу и поднимать ее на поверхность.

— Это в самом деле неплохая идея, — молвил Кириллов.

— Радиоглаз — вот что поможет найти «сокровище» Хургеса, — закончил Азорес.

— Как вы думаете? — спросил председатель инженера Борина, крупного изобретателя в области радио.

— Что касается телевизора, — ответил Борин, — то эта

идея, на мой взгляд, полностью реальна. Телевизор вскоре будет внедрен в водолазную практику. Правду говоря, это будет не совсем радиоглаз. Исследования радиосигналов из ушедшей в глубину подводной лодки показали, что радиоволны сильно поглощаются водой. Поэтому передачи из глубин моря должны направляться не путем радиоволн, а по проводам от телевизора. Но это уж вопрос техники. Я знаю изобретателя. Не так давно он был у меня, показывал небольшой телевизор. Я охотно возьму его к себе в помощники и с ним разработаю конструкцию глубоководного телевизора. Я могу взять это на себя. «Механические руки»... Думаю, мы их соорудим.

— Однако, товарищи, мы словно забыли отправной момент, — снова заговорил Тоффель. — Ведь мы все-таки не знаем, действительно ли «пушка» Хургеса является сокровищем, пусть даже не для энергетики, хотя бы для физики, химии и промышленности.

— Возможно, вы сделали бы более уверенный вывод, — поднялся Азорес, — если бы непосредственно переговорили с товарищем Каром.

— Но ведь он за океаном, — возразил Тоффель.

— Да, но разве мы не разговариваем с людьми, которые находятся за океаном? — улыбаясь, спросил Азорес.

— Согласитесь, однако, что вопрос не таков, чтобы о нем можно было открыто говорить по телефону или по радио, — поучающе возразил Тоффель.

— Вашего разговора никто не услышит, — ответил Азорес. — Я еще не все рассказал вам, товарищи. — И Азорес, вынув маленький ящичек, рассказал о коротковолновой радиостанции Хургеса и преподнес этот подарок от имени Кара.

Борин подбежал к аппарату и с интересом стал его рассматривать, бормоча что-то под нос. Потом он поднял голову и сказал:

— Чертовски умное решение задачи, простите за грубое слово. У этого Хургеса поистине была дельная голова.

— Таким образом, сегодня вы переговорите с Каром. Надеюсь, товарищ Борин сумеет быстро наладить связь.

В тот же день, около шести часов вечера, когда в Буэнос-Айресе стоял полдень, два человека, разделенные тысячами километров, говорили друг с другом.

Кар рассказал Тоффелю все, что знал о Хургесовом методе расщепления атомного ядра. Тоффель понял больше того, что содержалось в голове и в словах Кара. Понял идею и был поражен ее оригинальностью. Правда, без формул, без схем Хургеса понадобилось бы, возможно, несколько лет, чтобы осуществить это изобретение. Но и то, о чем узнал Тоффель, было подлинным сокровищем.

Хургес предложил новый метод, совершенно новое направление. Да и сам Тоффель больше уже не сомневался в том, что Хургес вез в СССР подлинное сокровище. Это бесценное сокровище, казалось, сверкало даже сквозь извечный мрак океанских глубин.

И на очередном заседании комиссии Тоффель горячо выступал уже по-иному — без колебаний, убежденно:

— Имеются все основания думать, что открытие Хургеса будет ценным вкладом в науку. Оно поможет разрешить вопрос расщепления атомного ядра. Мы незамедлительно обязаны послать экспедицию на место гибели «Левиафана» во что бы то ни стало и сколько бы это ни стоило!

Вопрос был решен, средства отпущены. В лабораториях научных институтов уже кипела ударная работа.

Гинзбург, оставив на некоторое время свой траулер, переселился в лабораторию Борина. Они работали день и ночь, забывая о сне и пище. И скоро в лаборатории высился огромный шар, напоминавший гондолу стратостата. Но этот шар должен был совершить прыжок не ввысь, а в бездну океана.

Поскольку глубина еще не была точно известна, Борин рассчитывал на максимальную глубину моря в районе аварии. Оболочка могла выдержать колоссальное давление. На верхней части шара находился стальной баллон со сжатым воздухом. Борин рассчитал так, что по мере опускания

шара и увеличения давления воздух из баллона будет автоматически перемещаться в большой шар — телевизор. Это дополнительное внутреннее давление послужит как бы пневматическим упором против внешнего давления. По мере же подъема воздух также автоматически должен переходить из шара в баллон.

Пришлось делать точные расчеты: какого сечения необходим кабель, на котором будет спущен шар, какой толщины должно достигать кварцевое стекло, сквозь которое будут освещать подводный мир лучами прожекторов. По всей оболочке шара телевизора были сделаны большие и маленькие круглые отверстия. Сквозь маленькие пройдут лучи света, сквозь большие — изображения предметов, принятые фотоэлементом, попадут в объектив. Диск Нипкова Борин заменил кинескопом. Энергию для прожекторов подадут провода корабельной динамо-машины; причем свет вспыхнет автоматически только при заданном давлении, когда будет достигнута заданная глубина.

...Одновременно механики сооружали «механическую руку». Она напоминала паука на привязи. Стальные суставчатые лапы этого «паука» были сделаны так, что автоматически схватывали и цепко держали добычу. Импульс тока по проводам заставлял «паука» разжимать лапы, если они случайно хватали не то, что надо.

Штурм гидросферы готовился с той кипучей энергией, с какой когда-то готовился штурм стратосферы.

НЕСЧАСТНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК В СССР

Русый голубоглазый сын инженера Борина, комсомолец Мишка Борин, учился в университете и в этом году перешел на второй курс. Еще когда он кончал среднюю школу, его товарищи много спорили о выборе профессии.

«Кем ты будешь?» — спрашивали они друг друга. Почти все мечтали стать инженерами и летчиками, кое-кто — геологом, врачом, педагогом. У Мишки Борина и не спрашивали: его судьба всем казалась ясной. Сын известного ра-

диоинженера, изобретателя, конечно, должен стать радиоинженером. И Мишка Борин сильно удивил не только товарищей, но и отца, неожиданно объявив, что он будет географом. Так он решил уже несколько лет назад. Когда он учился в школе, затаенным и самым большим желанием его было стать Героем Советского Союза. Челюскинская эпопея произвела на него величайшее впечатление. Нет, Мишка не был зазнайкой. Его привлекали не сами по себе награды, почести, почетное звание Героя. Он хотел быть достойным этого звания и принести своему Отечеству действительную пользу. Однажды, вскоре после челюскинской эпопеи, он ехал за город с экскурсией и в вагоне слышал, как молодой моряк-практикант рассказывал своей девушке о том, что вскоре уйдет в «ледяное плавание». Как завидовал ему Мишка!

Он много думал, никому не рассказывая о своих планах. А планы у него были очень широкие. Прежде всего знания. Они оберегают нас от ошибок. Вот, например, Витя. Он изучал химию, а стал полярником, геофизиком. Сколько зря потеряно времени! Мишка сразу возьмет быка за рога. Сначала перечитать историю всех ледовых походов и морских путешествий. Мишка подналег на немецкий язык и вскоре прочел в подлиннике дневник Штеллера, написанный на старинном немецком языке. Походы советских ледоколов он знал назубок. Потом взялся за навигацию, лоции, океанографию, даже за астрономию.

Как это ни странно, всего менее его интересовало радио.

Он вел записи. В общей тетради имелся раздел: «Как люди выходили из безвыходного положения». Сюда он записывал все случаи, казусы, которые угрожали действительным и выдуманным романистами путешественникам. Необходимо научиться быть смелым, сообразительным, решительным.

Однако и это еще не все: надо было стать сильным, бодрым, выносливым. Иметь ум ученого и тренированное тело морского волка. Спорт, физкультура составляли немалую долю Мишкиного плана «геройской» подготовки.

И вот здесь-то ему не повезло. Но об этом дальше.

Когда Мишка стал студентом, он отнесся критически ко многим «детским мечтаниям». Так, в школе его сильно занимали размышления о том, что будет, когда он станет Героем. Теперь его более интересовало «самое дело». Однако «генеральная линия» его плана осталась, и он, как и ранее, усиленно изучал «необходимые» науки и тренировался физически: рано вставал, закалял свое тело, совершал большие пешие экскурсии, увлекался спортом, однако уже не делал таких глупостей, как в школе: не окунался в проруби и не пугал мать «полным отсутствием аппетита», — она не знала, что так он приучал себя «переносить голод».

Когда он проведал от отца о том, что готовится экспедиция в Атлантический океан на поиски затонувшего корабля, все его желания путешествовать, стремления к приключениям, к подвигам вспыхнули с новой силой. Конечно, Атлантический океан — не то что полярные моря. Какие здесь могут быть приключения? Почти обычная прогулка. И отправляются туда не ледоколы. Однако все-таки в экспедиции можно изучить на практике устройство корабля и навигацию... И он стал просить отца устроить его в экспедицию. Время летнее, подходящее — каникулы. К началу учебного года он возвратится. Отец не дал решительного ответа — надо получить разрешение начальника экспедиции. Мишка насел на Гинзбурга, с которым успел подружиться. Гинзбург обещал поговорить с Кирилловым. В дни ожидания Мишка даже немного похудел. И вот однажды вечером отец принес радостную весть: разрешение получено.

— Едем вместе, Гинзбург!.. — Мишка схватил Гинзбурга и закружил его по комнате. Потом побежал в свою комнату собираться. Отложил книги, целую кипу записных книжек, две автоматические ручки, бинокль, ружье.

Мишка окинул взглядом комнату: что еще взять? Комната отражала «генеральный план» его жизни: на стенах висели географические карты, главным образом карты Арктики, на письменном столе — глобус, барограф, мореходные инструменты... Сколько раз эта комната превраща-

лась в каюту, а письменный стол — в капитанскую рубку! Какие драматические сцены разыгрывались здесь в борьбе с арктическими льдами! Сколько раз Мишка терпел здесь аварии! А в углу, мирно уживаясь с книгами, лежал спортивный инвентарь для хоккея, тенниса, бокса, футбола...

Футбол! Ведь завтра встреча команды их университета с командой технологического института. За этими хлопотами Мишка едва не забыл об экспедиции. Мишка — «бек»-чемпион. Конечно, он обязан участвовать... Победит «технологичку» в последний раз в этом сезоне и поедет.

Ночью Мишке снились пальмы и летучие рыбы вперемежку с футбольными мячами. Надо было «пасануть» летучую рыбу, как мяч, но это никак ему не удавалось. Рыбы пролетали мимо, дребезжа крыльями-плавниками.

«Да это же будильник дребезжит!»

Какая была игра! Все шло прекрасно, но когда игра вступила в высшую фазу напряжения, случилось несчастье. Как это случилось, Мишка впоследствии никак не мог вспомнить. Игроки набросились на мяч как сумасшедшие... Сбились в кучу... Вдруг Мишка почувствовал острую боль в ноге и упал... Свисток судьи... Игра была прервана... Мишка не смог встать. Принесли носилки и на них отнесли Мишку в приемный покой. Врач стадиона осмотрел ногу и покачал головой.

— Да, кажется, перелом. Придется полежать.

— Сколько? — спросил Мишка.

— Месяца два-три, а возможно, и меньше. Посмотрим, что покажет рентген.

Это был неожиданный и страшный удар. Два-три месяца! Значит, Мишка не сможет принять участие в экспедиции...

Когда Мишку привезли домой и уложили в постель, он сказал Гинзбургу:

— Я несчастнейший человек в СССР.

— Уже несчастнейший? Кость срастется, и будешь прыгать, как и прежде, — ответил Гинзбург. — Сильно болит?

— Боль — это мелочь, — ответил будущий герой. — Но я не смогу ехать с вами.

Приехал отец и начал также успокаивать Мишку.

— Не горюй, Михель. Молодые кости срастаются быстро. А поиски «Левиафана» могут продлиться не один месяц.

— Но пароходы уплывут!

— Связь с экспедицией будут поддерживать наши пароходы, плывущие в Америку, и самолеты. Обещаю тебе: как только поправишься, так или иначе доставлю тебя на «Серго».

Отца позвали к телефону, и он вышел... Мишка вздохнул.

— Успокоился? — спросил Гинзбург.

— Нет, — печально ответил Мишка. — Я все-таки не увижу, наверное, самого интересного.

— Думаю, что ты увидишь все, абсолютно все.

— Но как?

— Ты не знаешь еще самого интересного, — ответил Гинзбург. — Твой отец и я конструируем новые аппараты телепередачи...

— Знаю. Телевидение на помощь водолазам.

— Это еще не все. — Гинзбург сел на стул. — Мы конструируем приспособление и для непосредственного телевидения — иначе говоря, передачи движения предметов при дневном свете и ноктовидения — видения ночью, телевидения в тумане и под водой. Отец твой разрешил задачу — об этом еще никто не знает — цветного стереовидения. На очереди — телекино... Лежи спокойно и слушай дальше. У твоего отца грандиозные планы. Он намеревался использовать экспедицию, чтобы испытать все свои новейшие изобретения в области телевидения. Помощь водолазам в поисках затонувшего корабля — это только деталь. Мы с твоим отцом — он здесь, а я в океане — проведем чрезвычайно интересные испытания телепередачи сюда, в Москву, в кабинет твоего отца, абсолютно всего, что будет происходить в экспедиции. Наши аппараты будут работать беспрерывно днем и ночью на палубе траулера и в глубинах океана. Если все эти пробы будут удачны — а я в этом не сомневаюсь, — то мы совершим целый переворот. Николай Петрович хочет организовать телепередачу в широчай-

шем масштабе. Показ работ экспедиции — это только первая проба.

Когда мы наладим это дело, миллионы зрителей увидят, как сооружается плотина на Ангаре, что наблюдает стратонавт, как проводятся работы на Волго-Донском канале. Ты только представь, что было бы, если бы в лагере Шмидта была современная телеустановка! Какое прекрасное зрелище! Наверное, многие поняли бы лучше, за что у нас награждают званием Героя.

Миша покраснел. Не догадался ли Гинзбург о его мечтах? А Гинзбург спокойно продолжал:

— Изменился бы самый характер экспедиции. Отто Юльевич Шмидт мог бы прекрасно руководить ледовыми походами из своей квартиры. Или возьми наши исследовательские геологические экспедиции. Молодежь будет шагать по пескам Кара-Кумов, в дебрях тайги, будет всходить на Памир, а выдающиеся наши геологи, не отрываясь от работы, увидят каждый шаг путешественников, каждый минерал и будут давать советы.

Вспомни хотя бы историю Хибин. В первые годы приходилось совершать чрезвычайно тяжелые путешествия и лазить по горам самому академику Ферсману. Сколько, по сути говоря, он тратил времени непродуктивно! Поездка в вагоне, пешие переходы по тундре, зачастую безрезультатные блуждания... Иногда только для того, чтобы обойти горное ущелье, человек, каждый час которого имеет огромное значение для науки, терял несколько дней; много дней, недель для нескольких минут, даже секунд, чтобы определить породу, минерал.

— Я знаю, читал! — оживился Миша. — Теперь первоначальную разведку ведут самолеты, потом на «интересные» места самолет забрасывает геологов, доставляет им палатки и пищу. А когда работы закончатся, прилетают и увозят их назад. Вместо двух-трех месяцев экспедиция теперь длится две-три недели и стоит вдесятеро дешевле.

— Они могут обходиться еще дешевле, — продолжал Гинзбург. — Представь: экспедиции имеют легкие ком-

пактные радиостанции и телевизорные установки. Академик Ферсман наших дней спокойно сидит в своем кабинете и трудится над рукописью. Перед ним — экран телевизора. Вот геологи нашли что-то интересное, и он слышит их голос по радиотелефону. Выключает свет, смотрит на экран, дает указания и вновь углубляется в свою работу. И только когда все разведано, намечено, академик садится в самолет, чтобы сделать на месте последние выводы, отдать последние распоряжения. Да и это не всегда будет необходимо.

Именно так, друг мой, мы организуем и экспедицию по розыску «Левиафана». Административный и научный штаб экспедиции будет здесь, в Москве, в этом доме, в кабинете твоего отца. Так было решено на последнем заседании совета.

Лицо Мишки просияло.

— Мы с Николаем Петровичем сейчас перенесем твою постель в кабинет и поставим против экрана. Ты увидишь все или почти все, что будет происходить в экспедиции. Мы будем разговаривать с тобой так, как разговаривали все дни. В кабинете будут проводиться совещания штаба. Начальник экспедиции Барковский, эпроновец Кириллов и твой отец будут ежедневно обсуждать ход поисков.

Отец Миши возвратился. Он выслушал последние слова Гинзбурга и сказал:

— Этого еще мало. На тебя будут возложены обязанности. Возле экрана и радиостанции установим дежурство. В дежурстве примешь участие и ты. Ты будешь «лежать на вахте».

Как видишь, ты будешь непосредственным участником экспедиции. Лежа здесь, за тысячи километров от «Серго», ты увидишь во много раз больше, чем увидел бы на самом траулере, если бы лежал там на судовой койке, но без «чудесного ока» — телевизора. Ну что ж... — Инженер развел руками. — Тебе будет недоставать лишь запаха океана. Но это ты уж дополнишь воображением.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР АТОМА

Мишка Борин «лег на вахту». Теперь он уже желал, чтобы экспедиция скорее отправлялась в путь и экран ожил бы. Однако отъезд затягивался. Шли последние испытания «железных пауков». Гинзбург все время проводил в лаборатории и лишь вечерами навещал Мишу.

— Что поделываешь? Грустишь? — спросил он однажды Мишу.

Нет, Миша не привык терять время зря. Теперь он ощутил новый интерес к радио и телевидению. Мише предстояло вскоре отправиться в интересное «путешествие». И он начал изучать радиотехнику, устройство радиоэлементов, аппаратов телевидения. И в этот вечер на вопрос Гинзбурга он как-то растерянно ответил:

— А я, знаешь, написал этакую... фантазию, чтобы уяснить самому себе кое-какие принципы телевидения. Хочешь, прочту?

Гинзбург взглянул на часы.

— Читай, если не очень длинно.

И Миша начал читать:

— «Профессор Филинов так стар, что давно запамятовал год своего рождения. И такой ученый, что одной пары очков ему мало: он носит две пары, а вечерами даже три. У него в голове так много мозга, что самые большие шапки не налезают ему на голову — приходится делать на заказ. Голова его абсолютно лысая, зелено-золотистая борода спускается до пояса.

У Филинова два молодых ученика: профессора Харичкин и Ларичкин; одному пятьдесят, второму шестьдесят лет. Филинов зовет их «молодые люди», потому что на их головах только небольшие лысины, бороды едва укрывают грудь, а на носу всего по одной паре очков.

Филинов — великий изобретатель.

Однажды Харичкин и Ларичкин приходят к Филинову в кабинет и видят на столе большой черный полированный ящик с объективом.

— Вот, — говорит Филинов, — я изобрел аппарат, который может уменьшать людей и делать человека меньшим, чем молекула. Хотите, я испробую на вас?

Ларичкин и Харичкин погладили свои бороды и переглянулись, а Филинов уже нацелил объектив, щелкнул и засмеялся.

И начали Ларичкин и Харичкин уменьшаться.

Нет, им совсем не казалось, что они уменьшаются. Им казалось, что они остаются такими же, а Филинов начал расти, и все предметы начали расти, и комната раздвигалась в стороны, и потолок поднимался в какую-то стратосферную высоту. Открылись огромные двери, и в комнату вошел гигантский тигр. Харичкин и Ларичкин испуганно забились под стул. Тигр величиной с быка прыгнул на огромный диван, и был этот тигр любимой кошкой Филинова. Ужасный гром шатнул комнату — это засмеялся Филинов. Он нашел Харичкина и Ларичкина, которые спрятались под стул, и бережно посадил их на письменный стол.

А величиной они были уже с булавку. И посадил их профессор Филинов на пластинку цезия. Харичкин и Ларичкин помнили, что была эта пластинка гладенькая, полированная. Но сейчас она казалась бугристой, как вспаханное поле. Ходить было трудно — того и гляди упадешь. Над их головами покачивались золотистые колосья — волосы бороды Филинова — и гремел гром, с каждым разом тише: уши Харичкина и Ларичкина уже отказывались воспринимать такие звуковые колебания. Испуг и страх охватили молодых ученых: от одного выдоха Филинова они могли упасть в чернильницу и утонуть в ней, как в Черном море. Харичкин и Ларичкин уселись на пластинку и уцепились за бугры. А предметы все увеличивались. Потолок и пол отошли куда-то в бесконечность. Чернильница также удалялась и вырастала, как Эльбрус. Скоро обычный свет исчез из поля зрения неожиданных путешественников, и они видели перед собой только гористые края цезиевой пластинки. Горы росли на их глазах. Поднимались все выше и выше. В атмосфере появились летающие небесные тела.

Одни из них проносились, другие плавно опускались на поверхность.

— Это пылинки. Да, это, видимо, пылинки, которыми наполнен воздух комнаты, — догадался Харичкин.

Одна из пылинок упала на Ларичкина, и он еле выбрался из-под нее, как из-под лавины. В «небе» летали огромные шары — молекулы воды.

К счастью, скоро все «небесные тела» вдруг полетели в одном направлении — видимо, кто-то открыл дверь и по комнате прошла волна воздуха.

Скалы росли. И, к удивлению ученых, они становились все ноздреватее, пористее. Везде обнаруживались огромные пещеры, тоннели, ущелья, пропасти, каньоны. Они раздвигались, становились все более огромными по размерам.

И скоро Харичкин и Ларичкин могли уже проходить по всем тоннелям в любом направлении, проходить сквозь вещество цезия.

Плотная пластинка цезия словно распалась на свои составные части, оставляя между ними свободные проходы.

Но на этом не кончилось превращение мира. Харичкин и Ларичкин, чтобы лучше видеть, поднялись на вершину огромного «материка» с необычайно пористым строением. Прошло немного времени — и новое чудо.

Ученые заметили, что отдельные куски не касаются друг друга. Тот мир, в котором они сейчас находились, напоминал собой остатки разбитой на куски планеты. И все эти обломки двигались. А между ними было пустое пространство. Обломок, на котором находились Харичкин и Ларичкин, рос неимоверно быстро. Он и сам превращался в настоящую «планету». Ее размеры исчезали за горизонтом. Иногда эта планета приближалась к другой настолько, что можно было перепрыгнуть с нее на другую планету, иногда же уносилась далеко. Планеты опускались, поднимались, блуждали по небу во всех направлениях. Расстояние между ними все увеличивалось. Планета, на которой были Харичкин и Ларичкин, вырастала, а все другие словно бы умень-

шались — удалялись в межпланетное пространство. Скоро они уже казались далекими темными массами.

— Мы находимся сейчас на молекуле цезия, — сказал Ларичкин. — Хорошо, что это не молекула газа. На ней мы ощутили бы подлинное броуновское движение частиц — танец молекул — и, видимо, болели бы морской болезнью.

— До определенного времени, — возразил Харичкин. — Когда мы стали бы неизмеримо меньшими, чем молекула, мы не заметили бы этого танца, как не замечаем движения Земли.

— Ловко же подшутил над нами Филинов!

— И до каких же размеров мы будем уменьшаться? Сколько времени прошло с тех пор, как мы оставили обычный мир?

— У нас теперь свое время. На часах Филинова прошло, возможно, лишь несколько секунд, а в этом мире они равняются миллионам лет. Ведь сколько «геологических переворотов» уже совершилось на наших глазах! Однако я попытаюсь подсчитать.

Ларичкин вынул из кармана записную книжку, которая ему казалась ничуть не меньше обычного размера, и, сев на выступ, начал высчитывать. Испуганный голос Харичкина прервал его занятия.

— Я удаляюсь от вас! — кричал Харичкин, сидя на своем астероиде.

Ларичкин, выронив записную книжку, совершил гигантский прыжок и успел уцепиться за полу пиджака своего друга.

— Нам надо держаться вместе. Не хватает еще, чтобы мы разлетелись в разные стороны, — сказал он.

А перед их глазами совершались катастрофически быстрые изменения. Расстояния все время увеличивались, объемы тел возрастали — всех тел, кроме тел Харичкина и Ларичкина. С «планетой», на которой они «приземлились», совершались удивительные перемены. Она также стала распадаться на большое число обособленных тел и телец, и все они находились в движении. Харичкин и Ларичкин

очутились на небольшом шаре, который несся с необычайной быстротой. В центре этого шара на огромном расстоянии виднелась великая планета, или «солнце», вокруг которого и носились без конца по кругу наши путешественники. Кроме их планеты, вокруг центрального «светила» летала тьма других точно таких же планеток. Солнечные системы с центральным светилом и «спутниками» виднелись всюду. Все пространство, куда ни бросишь взор, превратилось в причудливый узор летающих по кругу планеток. Это было зрелище чрезвычайное. Везде кольца, переплетающиеся одно с другим... Быстрота спутников была такой, что их орбиты казались темными сплошными кольцами — вроде кольца Сатурна.

Диаметр этих кругов постоянно рос, расстояния между «солнечными системами» увеличивались. Планета, на которой летели Харичкин и Ларичкин, тоже росла. Она уже приобрела размеры такого шара, что Ларичкин и Харичкин могли путешествовать по ее поверхности. Центральное «солнце» и другие солнечные системы были далеко. На этой же планете, как и на Земле, действовала центростремительная сила. Харичкину и Ларичкину не угрожала опасность упасть с планеты и потерять друг друга. И они осмелились разойтись. Один стал на «северном», второй — на «южном» полюсах. Они могли перекликаться, но не видели друг друга из-за кривизны поверхности. А вскоре перестали и слышать, так как планета еще более разбухла и расстояние между полюсами удлинилось. Они снова сошлись на «экваторе».

— Ну, что вы на это скажете? — спросил Харичкин.

— То, что мы попали в мир атомов. Наша молекула рассыпалась на атомы, из которых она состояла. Мы пребываем на электроне — «спутнике» нашего центрального «солнца» — протона. Нас окружает «звездный мир» иных солнечных систем, иных атомов. И все вместе они составляют нашу «галактическую систему». Далее тянутся неизмеримые просторы «межзвездных пустынь», а вон там маячит новое скопление «звезд» — иная «галактика», представ-

ляющая скопление атомов иной молекулы. Совокупность их составляет «метагалактику» — это атомы всей нашей пластинки. По числу спутников-электронов можно определить, что это атомы цезия.

— А что далее? — спросил Харичкин. — За «метагалактикой»?

— Далее, наверное, конец «мира цезия» и начало иных бесконечных миров...

Харичкин сел на землю и ударил по электрону рукой.

— Обратите внимание, — сказал он Ларичкину, — моя рука проходит сквозь поверхность, как сквозь газ. И если мы не провалились в центр, то, стало быть, нас держит какое-то поверхностное натяжение. Мне это все же не нравится. Я придерживаюсь научной гипотезы, что электроны вовсе не частицы, а лишь волны электрического происхождения.

— Ну что ж, вероятно, нам посчастливилось видеть, так сказать, в проекции «сгусток» этой волны, — успокаивающе ответил Ларичкин, которому вовсе не хотелось начинать научный спор в такой необычайной обстановке.

Однако Харичкин не сдавался:

— То есть как так: проекция сгустка волны? Это неопределенно и ненаучно.

Препирательство готово было вспыхнуть, однако внимание путешественников было отвлечено новым событием. Сквозь их «атмосферу» неожиданно пронеслось тело почти такой же величины, как и их планета.

— А это что такое? — испуганно спросил Харичкин.

— Свободный электрон, по всей видимости, — ответил Ларичкин.

Таких свободных электронов было довольно много. Они пересекали пространство между солнечными системами во всех направлениях, иногда пересекая орбиты «спутников», иногда сталкиваясь с ними. В этом случае спутник соскакивал с орбиты и летел в сторону, сам превращаясь в свободный электрон.

Харичкин произвел еще одно интересное наблюдение. «Свободные» электроны не были совершенно свободными

в своем полете: они не уносились за пределы этого необычайного мира.

— Они просто летают в пределах цезиевой пластинки.

— И еще одно, — дополнил Ларичкин. — Обратите внимание на полет наших «планет» и «комет» — свободных электронов. Мы находимся на вершине нашей сверхгалактики и видим, как небесные тела поднимаются вверх и дуговым полетом возвращаются в недра системы. Выше определенной границы они не взлетают. Что это означает? Что свободные и несвободные электроны взлетают над поверхностью цезиевой пластинки.

— Однако как же все-таки волновая теория... — не успокаивался Харичкин.

Мир атомов словно достиг своей границы и уже не увеличивался. Но вдруг — новое ужасное событие. Путешественники увидели, как с «неба» к их миру летят светящиеся массы. Они в одно мгновение преодолели «небесные» пространства и обрушились на «солнечную систему» настоящим огненным дождем. И каждая «капелька» напоминала пылающее солнце. Путешественники перепугались. Что, если одно из таких «солнц» упадет им на головы и совершенно испепелит их?

— Я понял, что это такое! — вскричал Харичкин.

— Я тоже! — подхватил Ларичкин. — Это просто луч света. Да, Филинов осветил цезиевую пластинку сильным лучом света, и мы видим «световые кванты» — потоки света, беспрерывно летящие в наш мир.

— Не совсем беспрерывно, — поправил Харичкин. — Мы видим отдельные раскаленные ядра, которые пробивают наш мир в одном и том же направлении. Беспрерывным же огненный поток кажется только вследствие быстрого движения световых квант.

— Смотрите! Одно из «солнц» столкнулось с «планетой», и она улетела в пространство.

— Мы видим, — сказал Харичкин, подымая палец, — так называемый фотоэффект. Под влиянием света электроны приобретают дополнительный запас энергии и летят

с такой скоростью, что вовсе уносятся из нашего цезиевого мира.

— Иначе говоря, солнечные «бомбы» вышибают электроны из цезиевой пластинки.

— Точно так же они вырывали бы электроны и из всякого иного вещества.

— Конечно. Ведь электроны — принадлежность всякого вещества, составная его часть.

Таким образом, мы являемся свидетелями того, что было открыто учеными еще в конце прошлого столетия: при освещении поверхности некоторых металлов световыми волнами определенной длины эти металлы испускают электроны.

Световой поток прекратился так же неожиданно, как и начался. И сразу же после этого события потекли в обратном порядке. Все масштабы начали уменьшаться. «Планета» Харичкина и Ларичкина сжималась на глазах, становясь все меньше. Она уже не летела вокруг огромного протона по орбите, а приближалась к нему по спирали. Уменьшался и сам протон. «Солнечные системы» сближались до тех пор, пока не слились в одну молекулу. Росли и приближались одна к другой суетливые молекулы. Вот они все объединились и стали подобны огромной долине с горными складками. Горы быстро сужались, словно таяли, и скоро Харичкин и Ларичкин увидели, что они стоят на пластинке цезия возле большой, как цистерна, чернильницы.

На этом их приключения не окончились. К ним приблизилась, поблескивая, выпуклая поверхность. Это была лупа профессора Филинова. Но и сквозь лупу старый ученый еще не мог разглядеть своих учеников. Пришлось немного «подрастить» их. Потом Филинов взял тоненький пинцет, подхватил Харичкина и Ларичкина и бросил их в пустоту. Видимо, он снова уменьшил их, ибо Харичкин и Ларичкин долго летели в мировом пространстве, прежде чем упали на вершину горы. Нет, они не разбились. Ведь они были легче пушинок. Встали, осмотрелись вокруг. На сей раз они очутились в новом мире.

«Земля», на которой они пребывали, не была ограничена горизонтом. Края «земли» полого поднимались ввысь и переходили в «небесную сферу» того же цвета, что и «земля».

— Не находимся ли мы в мире четвертого измерения? — спросил Харичкин.

— Какое там четвертое измерение! — возразил Ларичкин. — Просто мы стоим на внутренней поверхности шарообразного тела. Смотрите, в центре этого шара имеется огромное кольцо, укрепленное на стержне, воткнутом в «землю», а на «небе», напротив нас, туманно мерцает какое-то светило. Оно занимает почти четверть всего небосклона.

— Послушайте! — воскликнул Ларичкин. — Да ведь это же середина стеклянного баллона фотоэлемента! Я сковырнул слой «земли», и что-то заблестело. Это, по-видимому, слой серебра. На него нанесен слой цезия. Следовательно, мы стоим на катоде фотоэлемента, а кольцо в середине нашей «вселенной» — анод. Круглое отверстие в лампе, как великан-иллюминатор в иной мир, светит туманно: фотоэлемент, очевидно, уже включен в батарею, однако струи тока и света еще малы и фотоэлемент не действует.

— Мы, кажется, снова уменьшились, — сказал Харичкин.

— Видите, как увеличились «горы» на нашей «земле», а в небе мы вновь видим то, чего не замечали ранее, — тьмутьмущую «небесных тел», которые движутся во всех направлениях. Это уже не пылинки, это молекулы газа.

— Интересно бы попутешествовать на такой планете, — мечтает Ларичкин. — Маленькая планетка — газовая молекула — приближается к поверхности «земли». Летит она с величайшей скоростью, но путешественникам кажется, что движется она плавно, — ведь они сами микроскопические существа.

— Прыгаем! Гоп! Готово!.. — Харичкин и Ларичкин улетают в пространство.

— Межпланетное путешествие началось, — говорит Ларичкин. — Ну и танец вокруг нас! Представить только, что

весь мир пребывает в таком непрерывном движении! Ничто не стоит на месте, «даже то, что стоит». Внутри могильного камня и в угрюмой скале, в перочинном ножике и в потонувшем якоре неугомонно топчутся, суетятся, прыгают молекулы. В твердых телах — плавнее, в газообразных — быстрее, и чем выше температура, тем живее танец.

Ларичкин и Харичкин пересекают «межпланетное пространство» там и сям. Их молекула то с невиданной быстротой падает вниз, то летит вверх, ударяется о «небо», затем — снова вниз, в сторону, сталкивается с другой «планеткой» резко отскакивает от нее — держись, не упади!

Во время этого странствия путешественники имели возможность изучать «небесные тела» изнутри. Одни молекулы несли на себе позитивные заряды электричества, другие — негативные, а у многих были и те и другие. Это были «нейтральные» молекулы газа.

Неожиданно гигантский иллюминатор, занимавший почти четверть сферы, ослепительно вспыхнул. Теперь он казался подобным настоящему солнцу. Это Филинов направил в отверстие фотоэлемента луч света. Массы света вырвались из отверстия, пронеслись сквозь «межпланетный простор» и стали падать метеоритами на противоположную стенку. Здесь-то и началось забавное.

Огненные бомбы упали на долины и горы, а над долинами и горами встревоженно засуетились, словно ожидая беды, электроны. Световые снаряды начали вышибать эти электроны — отрывать их от поверхности, и электроны полетели в межпланетный простор, на центральное кольцо — анод. По дороге они сталкивались с «нейтральными» газовыми молекулами и вышибали из них электроны.

Поток этих электронов направлялся к центру вселенной — к кольцу. Это и был ток. Фотоэлемент начал действовать. Колоссальный межпланетный простор, разделявший анод и катод, был побежден. Под влиянием света «пропасть» словно бы исчезла. Электроны — негативно заряженные частички электричества — летели к позитивному полюсу.

Но на этом дело не кончилось. «Нейтральные» планетки — газовые молекулы, — утратив электрон, становились «позитивным ионом». Такая молекула имеет уже только одного спутника — позитивный заряд. Ее стала неудержимо притягивать «земля» цезия, заряженная отрицательным электричеством. И позитивные ионы начали падать на «землю». Можно было подумать, что случилась космическая катастрофа. Дождь позитивных электронов падал на «землю», выбивал с каждым разом новые и новые электроны. Они взмывали с поверхности, мчались в межпланетный простор на центральное кольцо и падали. Иные из них сталкивались на пути с нейтральными молекулами, вышибали из них электроны, которые тотчас же падали на «землю». И поток «метеоритов», который срывался с «земли» и летел к «центру вселенной», рос, как лавина, — происходило то, что называется увеличением силы тока.

Филинов, видимо, еще увеличил напряжение в цепи тока, к которой был присоединен фотоэлемент, и газовые молекулы вдруг засветились. Теперь каждая из них стала похожа на луну, а все вместе они представляли чрезвычайно красивое зрелище — тысячи, миллионы лун, которые непрестанно движутся.

— Свечение газа? — воскликнул Ларичкин, который не забывал о «земных» именах явлений, совершавшихся в этом мире. Солнце-иллюминатор то разгоралось, то тускнело. Филинов регулировал силу света. И когда «иллюминатор» светил сильнее, поток электронов от поверхности к центру шара увеличивался, если же «иллюминатор» тускнел, уменьшалось и течение электронов — иначе говоря, падала сила тока. То, что ученый определяет лишь воображением, расчетами, данными приборов для наблюдения, Харичкин и Ларичкин видели собственными глазами. Они могли наблюдать, как малейшее увеличение или уменьшение света увеличивало или уменьшало количество электронов, падающих на центральное кольцо, — то есть силу тока.

Харичкин и Ларичкин были очарованы невиданным зрелищем. Они даже забыли об опасности и вдруг с ужасом

увидели, что на их планетку-молекулу падает небесное тело. Не успели они вскрикнуть с испуга, как произошло столкновение и они потеряли сознание. А когда пришли в себя, то увидели, что лежат на диване возле кошки профессора Филинова, которая имела обычные размеры, как и все вокруг.

— Ну вот, — молвил Филинов, — вы и побывали в мире микрокосма и теперь, наверное, много лучше усвоили все процессы, какие совершаются в фотоэлементе. Свет может рождать электрический ток — это вы знали и раньше. Теперь вы видели, как он рождается.

Фотоэлемент! Это новое могучее оружие человека. Рожденный или усиленный светом ток может привести в движение механизм. Свет может открывать и закрывать двери, предупреждать о пожарах, останавливать поезда, автомобили, приводить в движение огромные машины. Свет звезды, расположенной на расстоянии сотен миллионов километров от Земли, может включать электроосвещение, выполнять любое задание; фотоэлемент может сортировать сигары и считать выработку на конвейере; фотоэлемент вошел в промышленность, он скоро войдет и в быт. Фотоэлемент открывает перед изобретателями неограниченные возможности во всех областях. Наши фотоэлементы все еще слабы как самостоятельные источники энергии, но уже скоро придет то время, когда мы научимся добывать непосредственно из солнца электроэнергию «промышленного значения». Крыша кузова автомобиля будет фотоэлементом, и автомобиль будет двигаться солнечной энергией, превращенной в ток. Крыши домов будут собирать свет днем, чтобы расходовать его ночью. Полярное лето даст столько фотоэлектроэнергии, что ее достанет на всю долгую полярную ночь. И ночь перестанет быть ночью.

— Вы забыли упомянуть об одном важном применении фотоэлементов — в телевидении, — сказал Харичкин.

Ларичкин толкнул его в бок, однако было уже поздно. Филинов оживился и заговорил:

— Да, в телевидении. Сейчас я вам поясню, какую роль играет фотоэлемент в телевидении.

— Мы знаем, — ответил Ларичкин.

— Знаете? — налетел на него Филинов. — А я, грешный, не до конца знаю. И хочу понять, объясняя вам.

Это был его метод: «изучать, обучая». О Филинове рассказывали, будто бы он однажды жаловался: «Какие тупые у меня ученики! Раз объяснишь — не понимают, два объяснишь — не понимают. Наконец сам начинаешь понимать, а они все еще не понимают». И он любил объяснять «давно известное», уверяя, что в этих объяснениях всегда и сам себе уясняешь что-нибудь такое, что казалось непонятным и что неожиданно поймешь глубже и лучше.

— Я знаю, — сердился Филинов, — так могут говорить только ребятишки вроде вас. Кое-что мы, конечно, знаем, однако в области радио, как и в иных областях, нам еще многое не известно. Разве нам известны полностью особенности слоя Хевисайда? Разве мы в состоянии объяснить, почему радиопередатчик плохой домашней малосильной радиостанции достигает иногда такого дальнего приема и передачи, каких не всегда достигнешь на мощных станциях? Мы часто блуждаем в потемках. Если бы мы уже «все знали», это было бы ужасно. Молодежи на долю осталась бы одна зубрежка. К счастью, для пытливого, изобретательного ума остается непочатый край работы. И для вас в том числе, мои седоватые ученики и помощники! — добавил он задиристо. — Тот, кто больше всех знает, скромнее всех.

Кстати, о фотоэлементах и телевидении. Без фотоэлементов, конечно, невозможно было бы и телевидение. Оно и сейчас еще несовершенно. И потому, прежде чем идти вперед, «повторим пройденное». Я скажу только о принципах.

Ларичкин вздохнул с облегчением.

— Из вашего «путешествия» мы узнали, что свет можно превратить в электрический ток. И наоборот: люди научились электрический ток преобразовывать в свет. На этих двух фактах и зиждется все телевидение. Вот пучок света определенной яркости. Я пропускаю его в фотоэлемент. Свет возбуждает ток соответствующей силы. Я передаю этот ток по проводам или без проводов. В месте приема я

превращаю электрический ток вновь в свет. И на экране приемного аппарата появляется световое пятно, точь-в-точь такое же, как если бы луч света от своего источника падал непосредственно на наш экран, не подвергаясь преобразованию и передаче...

— Не точь-в-точь, — поправил Ларичкин. Он был зол на эту лекцию о вещах, давно известных. — Луч света кое-что теряет в силе. Кроме того...

— Ну, конечно, — согласился Филинов, — при всякой передаче энергии приходится иметь дело с потерями. И наша цель — свести их к минимуму. Но вы не перебивайте меня. Ведь я поставил задачу уяснить себе... то есть вам, основное. — И он продолжал: — Таким образом, луч света может быть передан в другое место с помощью электричества. Казалось бы, что и передача изображений по радио нетрудна. Поставь человека лицом к фотоэлементу, освети посильнее лицо, и свет, отраженный от обличья, попадет в фотоэлемент, возбудит ток, ток поступит в иное место, там он превратится в свет — и вот перед вами на экране изображение человека. А на самом деле что мы имеем? Не изображение лица, а световое пятно, не более. Почему? Уже и на этот, казалось бы, простой вопрос не так легко ответить. Тут нам придется подумать о том, как мы вообще видим, как устроено наше зрение.

Почему мы видим? И при каких условиях? Мы видим предметы только потому, что на них есть светотени. Во тьме все укрыто абсолютной «тенью», все черно, и мы не видим. Однако и при ярком свете мы также ничего не видели бы, если бы исчезли тени. Все ослепительно блестело бы, слепило бы глаза. И только. Иногда неопытные фотографы усаживают фотографируемого против сильного источника света. Тени почти исчезают, и на карточке вместо лица получается «блин». Черты лица почти невозможно различить. А света ведь было больше, чем надо! Если бы у нас, как и на Луне, не было атмосферы, то все предметы, стоящие в тени, абсолютно исчезли бы из поля нашего зрения, а предмет, освещенный наполовину, казался бы нам

разрезанной надвое фотографией. Наше зрение приспособлено к земным условиям, где благодаря атмосфере мы располагаем неисчислимым множеством теней и полутеней. Возьмем лицо человека, освещенное сбоку. Мы видим это лицо. Однако в действительности мы видим огромное количество различно освещенных точек — и не потому только, что точки освещены неравномерно, а еще и потому, что лицо неодинаково поглощает и отражает лучи света.

Луч, упавший на черную, словно сажей нарисованную бровь, почти целиком поглощается, а бледная щека отразит свет полностью. Но и на этой щеке будет немало отдельных точек, которые неодинаково отразят свет. Каждая точка лица посылает в наш глаз отдельный луч, и лучи эти разной силы. Кое-какие точки и совсем не посылают лучей. Все лучи сходятся в нашем глазном «объективе» — зрачке, а затем, преломившись, вновь расходятся — точь-в-точь как в объективе фотоаппарата! Но отображение возникает не на «матовой пластинке», а на глазной сетчатке. Последняя состоит из огромного числа отдельных колбочек, и каждая колбочка имеет свой «провод» — нерв, передающий изображение в мозг. Посмотрите в микроскоп на глаз мухи. Там это отчетливее видно. Глаз мухи подобен сотам. Это не один, а сотни шестигранных глазков. И на каждый из них попадает лишь один луч — сильный или слабый. Наша сетчатка представляет собой нечто вроде доски для мозаики с готовыми ямочками, в которые можно вставлять камешки первого попавшегося цвета. Совокупность этих «разноцветных», вернее, разносветных камешков и создает общую картину, будь это лицо или какой-либо иной предмет.

А фотоэлемент не имеет «сетчатки». Фотоэлемент — это только одна колбочка нашей сетчатки, это только одна ячейка глаза мухи. Если бы муха могла закрыть все ячейки своего глаза, кроме одной, то в эту ячейку попадала бы или одна световая точка, или среднее арифметическое всех лучей. И муха видела бы лишь одно пятно. Вот такое же среднее арифметическое всех лучей получает и фотоэлемент от

освещенного лица человека. И отражает он только одно пятно.

Но как же в таком случае передать изображение лица? Человеческий глаз не переделаешь, а фотоэлемент, если на него падают все лучи, отраженные лицом человека, может передавать только световое пятно. Невозможно! Но отдельные точки на лице, резко освещенные, передать можно. Если прикрыть освещенное лицо экраном и в экране сделать небольшую дырочку, которая, скажем, пропускает световой луч только от одной точки лица, то этот луч, не смешиваясь с другими, попадает на фотоэлемент и вызывает соответствующий ток, который можно передать и вновь превратить в точку света. Если мы эту дырочку в экране поместим против ярко освещенной точки на носу, то яркий луч вызовет и ток соответствующей силы, а значит, и на принимающем экране вспыхнет более яркая точка. Если же дырочка окажется против затененной точки лица, то и на экране она отразится более темным пятном.

Таким образом, можно передавать для нашего мозаичного портрета только отдельные «камешки» разной окраски. При этом на нашей мозаике эти «камешки» расположатся в том же пространственном соотношении, в каком они находились на лице. Однако как же сделать законченный мозаичный портрет? Ведь мы имеем возможность «пересылать» за один раз только один «камешек». Допустим, переслали черный — брови — и надо послать белый «камешек» — лоб. Но едва мы переместим дырочку экрана с бровей на лоб, черный «камешек» исчезнет, и мы не получим мозаичного портрета. Так оно и было бы, если бы на помощь не пришла одна особенность нашего зрения. С экрана черный «камешек» исчезает, но в нашем глазу он еще живет и держится некоторое время. Наше зрение способно сохранять увиденное в течение приблизительно седьмой доли секунды после того, как предмет исчез из поля зрения. Таким образом, мы еще будем видеть черный «камешек» на экране в то время, когда на нем появился в ином месте белый. И не только эти два. Если за одну седьмую се-

кунды мы успели бы переслать один за другим сотни и даже тысячи «камешков», то на экране мы видели бы их одновременно все. Само собой разумеется, что чем меньшее количество «камешков» будет уложено в нашу мозаику, тем «грубее» будет портрет. Задача, выходит, в том, чтобы за самое краткое время передать возможно больше «камешков» — точек света. Эта задача была решена диском Нипкова. В этом диске дырочки размещены по спирали. Каждая точка лица посылает луч света через определенную дырочку диска. И все точки одновременно создают полный «портрет» — изображение лица, которое во время передачи может даже двигаться, смеяться, и все эти движения будут повторены на экране.

Так была решена проблема телевидения.

Однако решение все же было неполным. Я уже говорил, что чем больше «камешков» в нашей мозаике, тем полнее и выразительнее изображение. Но мы ограничены временем. И если мы за короткое время будем передавать слишком много «камешков», то каждый из них просуществует очень короткое время. Чем больше «камешков», тем меньше времени «горит» на экране точка света, тем слабее работает фотоэлемент, тем меньше света передается на экран, и изображение выходит тусклым. Надо было искать выход в иной конструкции фотоэлемента, а верный путь поисков мог быть лишь один — попробовать создать фотоэлемент, приближающийся своим устройством к человеческому глазу с его «мозаикой» светочувствительной сетчатки.

Такой фотоэлемент и был создан. В нем имеется передающая трубка, на ней светочувствительная мозаика, по которой и скользит катодный луч. Каждый элемент, каждая ячейка этой мозаики является как бы особым фотоэлементом микроскопического размера подобно колбочке нашего глаза. Каждый элемент получает заряд от светового луча. Этот заряд посылается ламповым усилителем. Каждое очко нового фотоэлемента состоит из маленького серебряного шарика, покрытого слоем цезия для фоточувствительности. Чего же мы достигли? Изображение стало вы-

разительным, более ясным и освещенным. Появилась возможность увеличения экранов.

Решается ли этим до конца проблема идеального видения на расстоянии? Понятно, что не решается. Чудесное око телевизора еще уступает чудеснейшему оку человека. Задача в том, чтобы на экране телевизора мы видели не хуже, чем на экране кино. Но и кино еще не сказало своего последнего слова. Почему бы не достичь цветных изображений, идеально передающих натуру, почему бы не решить проблему стереоскопичности изображения? Одним словом, экран телевизора призван дать и даст идеальные копии действительности. Изображение на экране достигает полной иллюзии. Человек забывает, что он видит изображение на плоском экране, а не «открытое окно в мир». Телевидение соединяется со звуковой радиопередачей. Человек и видит и слышит, что делается в ином месте. Человек создает себе телеглаз и телеухо. Перед ним открыт целый мир, и он становится поистине хозяином мира. Его горизонты расширяются до беспредельности. Его познание мира увеличивается. Он сам становится новым человеком в сравнении со своими предками — человеком-великаном. Предки ведь слышали только на расстоянии, доступном уху, и видели только невооруженным глазом.

Да, сам человек претерпит чудесное превращение, поднимется на высшую ступень, приобретет «божественные» свойства всевидения и всеслышания.

Вечная слава тем, кто трудился над созданием этих новых орудий человеческого познания мира — «сверхушей» и «чудесного ока»!»

— Ну что? Как? — спросил Миша, закончив чтение.

Гинзбург пошевелил губами.

— Ничего, интересно. Кое-что ты не понял, кое-что неточно осветил. А в целом интересно. Про кошку-тигра — это у тебя хорошо вышло.

Миша был немного разочарован. Кошка — это так, для юмора, а вот какие научные неточности? Но Гинзбург спешил.

— Добирайся сам! Изучишь поглубже, сам исправишь. Тогда прочтешь мне еще раз.

— Но ведь ты скоро едешь!

Гинзбург широким жестом показал на экран, репродуктор и театрально продекламировал:

— Разлуки больше нет. Мы будем видеться и говорить вот как сейчас.

Наконец наступил и день отъезда экспедиции. Гинзбург тепло простился с Мишей.

— До свидания, и, надеюсь, до скорого, — сказал он. — Ты увидишь меня на экране, как только я прилечу в Мурманск и войду в радиорубку. На нашем траулере я расставлю телевизоры так, что ты сможешь видеть почти все и на пароходе, и вокруг. Мы не зря поработали с твоим отцом!

Миша крепко пожал руку Гинзбургу, и они расстались.

Инженер Борин вышел проводить гостя.

Когда Миша остался один, он посмотрел на белый экран размером в квадратный метр, как на страницу книги, где скоро появится текст увлекательного романа.

МИША БОРИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ТЕЛЕЭКСПЕДИЦИЮ

Вечером того же дня Миша услышал из репродуктора голос Гинзбурга:

— Алло, Миша! Лечу над Петрозаводском. Над Петрозаводским аэродромом маяк в два миллиона свечей. Болтанка. Ночной полет над Карелией. Аэромаяки указывают направление полета... Только что возвратился из салона-ресторана. Ел вкусную рыбу — лососину. За ужином — концерт из Мадрида. Скоро ложусь спать. Доброй ночи! Утром, надеюсь, увидимся.

Голос смолк. Вошел отец.

— Кто с тобой говорил? — спросил он.

— Мотя, — ответил Миша и вздохнул.

Этой ночью он спал тревожно. Ему снился полет над

Карелией. Самолет упал в дремучем лесу. Сбежались медведи и стали прыгать возле разбитой машины. Миша отгонял их горящей головней. Потом он вновь летел, и вновь самолет падал. Миша выбросился с парашютом и сломал ногу. Нога заныла. Он застонал и проснулся. Окна кабинета были плотно закрыты, светила лампа, и нельзя было определить, утро сейчас или ночь. Пришла санитарка, умыла Мишу и дала горячего чая. Был девятый час утра. Вдруг Миша снова услышал голос Гинзбурга:

— Алло, Миша! Погаси свет.

Миша забыл о чае и щелкнул выключателем. Экран ожил. Гинзбург, улыбаясь, стоял на палубе траулера и кивал головой. За Гинзбургом виднелись шлюпка и возле порта — стрела и лебедка для поднятия трала. Миша уже знал, что этой лебедкой будут поднимать подводный телевизор. За бортом виднелись темные воды Кольского залива.

Гинзбург сделал знак рукой, и экран потемнел. Через несколько минут Миша снова услышал голос Гинзбурга:

— Микрофоны еще не установлены на палубе. Скоро ты увидишь и услышишь меня. Через час двинемся в море.

Так экран телевизора превратился для Миши в подлинный увлекательный роман. Недостатком этой книги являлось то, что Миша не мог сам перевертывать прочитанные страницы. Однако Гинзбург утешал его тем, что, как только траулер придет на место, начнется беспрерывная передача всего, что будет происходить.

Страницы перевертывались одна за другой. Миша видел, как «Серго» вышел в открытое море и закачался на седых волнах, как быстроходный «Персей» догнал траулер «Серго» и пошел вперед... Прошли шхеры Финляндии, мыс Нордкап, Лофотенские острова, берега Норвегии, Швеции.

Дни шли за днями, и на экране телевизора появилась новая картина — Ленинградский порт. Большой теплоход поднимал якоря и уходил в плавание. Все три корабля должны были встретиться в Атлантическом океане.

Николай Петрович Борин установил двустороннюю ра-

диосвязь со всеми тремя пароходами. Миша мог теперь по нескольку раз в день говорить со своим другом Мотей. Познакомился с капитаном Маковским, еще молодым человеком, со смуглым Азоресом, который также отправился в путешествие, и, наконец, с водолазом Протчевым. Протчев заинтересовал Мишу. Если у капитана Маковского было типичное лицо англичанина, то бритое лицо Протчева обладало явно монгольскими чертами. Его можно было принять за монгола или китайца. Однажды Миша спросил у Протчева, почему он похож на китайца, и тот ответил, что он родился во Владивостоке. Мать его монголка.

Протчев вырос на берегах океана и с детства полюбил водолазное дело. Теперь это был человек лет под сорок, очень крепкий. Круглая голова, широченная грудь, поморскому широко расставленные ноги, тяжелые кулаки. Он называл себя ныряльщиком по призванию. Еще юношей он «ставил рекорды» длительного пребывания под водой без водолазного костюма. Протчев уже опускался на дно пяти советских морей и теперь с нетерпением ожидал, когда можно будет посмотреть, что творится на дне Атлантического океана.

Во время плавания экран загорался не очень часто. Миша видел то палубу «Персея», то капитанскую рубку «Сергo», то каюту большого теплохода.

Корабли держали курс на двадцать градусов западной долготы и тридцать семь градусов северной широты — именно здесь, на великом океанском пути из Буэнос-Айреса в Лондон и Гамбург, погиб «Левиафан». Москва давно уже сияла электрическими огнями, а на экране телевизора лицо Маковского с английским профилем все еще было залито вечерним солнцем. А какие тона! Этот золотистый свет солнца, синь океана, желтые с черными полосами трубы парохода, белые рубахи моряков — какая четкость! Да, это лучше, чем на экране кино.

Капитаны трех кораблей докладывали Барковскому. Погода благоприятствовала экспедиции. Океан был спокоен. Миша сам мог наблюдать ритмичное колыхание водной поверхности, и ему иногда казалось, что он вдыхает «аромат океана». Но, возможно, этот аромат приносил эпроновец Кириллов, если только аромат крепкого «кепстена»[1] мог напоминать запах моря.

Иногда на краю экрана виднелись пароходы с иноземными флагами. Их немало проходило по великому пути между Европой и Америкой. Советская флотилия из трех судов не могла, конечно, не привлечь внимания. Но так как советские суда в это время часто пересекали океан, то разговоры о флотилии велись пока что лишь среди команд иностранных судов. Еще несколько дней, и флотилия придет на место.

В АТЛАНТИКЕ

Маковский сидел в капитанской каюте, склонившись над картой.

— Так, — сказал он и поставил карандашом точку на скрещении двадцать девятого градуса западной долготы и тридцать седьмого северной широты.

— Прибыли? — спросил Азорес, выпуская изо рта густые клубы дыма манильской сигары.

— Как будто бы, — ответил капитан. — Место гибели «Левиафана» обозначено довольно точно. Нам, видимо, придется зондировать дно на площади около четверти квадратной мили, не более. Необходимо сообщить штабу, что мы прибыли на место. — Маковский протянул руку к телефону.

— Постой, — остановил его Азорес, — я сам пройду в радиорубку.

Миша Борин перечитывал историю ледовых походов.

— Алло! — услышал он голос Азореса. — Кто дежурит в штабе?

Миша привскочил на постели. Он уже мог сидеть, но ходить ему еще не позволяли.

---

[1]Сорт табака.

— Я. Миша. Это вы, Азорес? Что нового? Вы прибыли на место?

— Да. Передай об этом по телефону отцу и товарищу Барковскому. Капитан Маковский ждет распоряжений штаба.

— Сейчас! — услышал Азорес взволнованный голос Миши и усмехнулся. Азорес знал, с каким нетерпением любознательный подросток ожидал, когда флотилия прибудет на место. Пока Миша звонил по телефону членам штаба, Азорес возвратился в каюту капитана и сказал:

— Мне не совсем понятно одно: ты, Маковский, говоришь, что место гибели «Левиафана» известно довольно точно; глубины Атлантического океана тоже точно известны, почему же наши ученые и техники, проектируя подводный телевизор, рассчитывали на глубину около тысячи метров? Возможно, такая глубина и не нужна.

— Да. Глубины Атлантического океана достаточно известны, — ответил Маковский. — Промерами океанских глубин установлено наличие величайшего подводного плоскогорья, которое начинается южнее Британских островов, тянется на запад вдоль африканского побережья и под углом подходит к Южной Америке. Однако это подводное плоскогорье отнюдь не плоское. В 1898 году прокладывали телеграфную линию из Европы в Северную Америку. За девятьсот километров на север от Азорских островов кабель оборвался и упал на дно. Чтобы поднять конец, пришлось несколько дней искать его по дну стальными кошками. И вот тогда и выяснилось, что дно в этом месте напоминало горную цепь: везде встречались высокие скалистые вершины, крутые склоны, ущелья, глубокие долины. Сами Азорские и Канарские острова — лишь вершины этих подводных гор. Затонувший «Левиафан» мог лечь на вершину подводной горы, и тогда нам, возможно, удастся спустить к нему даже водолаза. Но он мог нырнуть и в глубокое ущелье, и в подводную долину. Тогда кто знает, сможем ли мы спустить даже телевизионный передатчик. Не придется ли нам переконструировать его с расчетом на

большую глубину, а значит, и большее давление. Мы сейчас находимся над очень неровным подводным рельефом. Расчеты велись на средние глубины этих мест.

— С чего же начнем? — спросил Азорес.

— Как прикажет штаб, — ответил капитан. — Я думаю, с промера глубин.

Маковский не ошибся. Штаб приказал начать тщательные промеры глубин по радиусу пятисот метров от той точки, где погиб, как предполагали, «Левиафан».

«Разведываемый круг», как он назывался на карте, был разделен на три сектора. В каждом из них должен был вести работы один из пароходов экспедиции. Все данные отмечались на карте большого масштаба и передавались в штаб по радио.

Для Миши настали интересные дни и часы: он также раздобыл карту и обозначил на ней глубины, характер грунта и тому подобное. Вскоре кусочек дна Атлантического океана стал ему известен, видимо, лучше, чем топография улиц Москвы. Какая это была дивная подводная страна! В районе гибели «Левиафана» со дна моря поднимался горный пик, который полого опускался на юго-запад. На северо-западе проходило глубочайшее ущелье в тысячу четыреста метров глубиной. Теперь весь вопрос был в том, куда опустился «Левиафан».

Но самое интересное было впереди. Люди спустят в глубину океана «подводное око», и Миша увидит тайники подводного мира. О, как медленно идет время!

«Серго», «Персей» и «Марти» работали несколько дней, пока закончили промеры.

Радиосвязь действовала почти беспрерывно. Обдумывался сложный вопрос: как придать пароходам возможно большую устойчивость в открытом океане. Удлиненные якорные цепи едва доставали до вершин подводной горы. Один пароход еще мог бросить якорь, но для трех над пиком не было места. Волны и ветер могли привести к столкновению пароходов и катастрофе. Да и «Левиафан» мог лежать на значительном отдалении от подводного пика. Пла-

вучий якорь лишь замедлял дрейф пароходов, относимых морским течением и ветром. Между тем для работы с телеоком необходима была почти полная неподвижность судов. Ведь опускать телеоко надо было на самое дно, а оно чрезвычайно неровное. Аппарат будет тащиться по дну и может разбиться о выступы острых скал. Оставалось держать машины под парами и маневрировать винтом.

— А разве нельзя удлинить цепь якоря? — спросил Азорес.

— Конечно, можно, — ответил Маковский. — Но ты представляешь, каков будет вес полуторакилометровой цепи?

— Значит, нельзя?

— До определенной глубины можно. Для больших же глубин нам пришлось бы строить специальные пароходы, специальные лебедки, стрелы, специальные палубы или же понтонные мосты для складывания цепи. Глубина — это твердыня, которую не так-то легко одолеть.

В то время когда пароходы готовились к спуску телеглаза, в Москве, в институте телемеханики, подготавливались три новых аппарата подводного телевидения. Ведь с первым могла случиться авария. К тому же и поиски будут вестись быстрее, если каждый пароход будет иметь свой телевизор. На корабли телевизоры будут доставлены гидростратопланом, создание которого только что завершено новым заводом реактивного сверхвысотного транспорта.

ПОДВОДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Миша только что позавтракал и «лег на вахту». Гинзбург обещал на сегодня много интересного.

Радиотелефон и телевизорная установка работали безотказно. Пусть за окном звенят московские трамваи и гудят автомобили, а здесь, в просторном кабинете, — «Атлантический океан».

Наконец-то на экране возникло веселое лицо Моти. Как он загорел!

— Сеанс начинается! — послышался голос, и Миша

увидел на экране узкие доски палубы, ослепительно освещенные солнцем. Чьи-то босые ноги пробежали по палубе, мелькнуло белое ведро с синей надписью «Серго», послышались возбужденные голоса, почему-то коротко прогудел низким шмелиным басом гудок парохода, ему откликнулся другой.

Борт траулера. На стреле — два матроса укрепляют люльку, прицепную площадку на четырех канатах. Наверное, будут красить корпус траулера. В зарубежном плавании моряки любят похвастаться чистотой и красотой своего судна. Возле лебедки — компрессор, рядом с ним — водолазный костюм, шлем, свернутый шланг. Все снаряжение водолаза.

Попыхивая трубкой и одергивая шерстяную фуфайку, выходит Протчев. На его голове — шерстяная шапочка-феска.

— Протчев, нырять собираешься? — спросил Миша. И его слова, звуки его голоса, претерпев сложные превращения, уже звучат на палубе траулера. Протчев невольно поворачивает голову к репродуктору и говорит:

— Да, хочу спуститься, посмотреть, что тут под водой.

В кабинет Борина входит Кириллов. На ходу он приветствует Мишу и дает в микрофон распоряжение:

— Приготовиться к спуску! Одного на компрессор, одного на сигнал, одного на шланг, одного на манометр, одного на часы!

Протчев выколачивает трубку — под водой не покуришь — и уже командует сам:

— Рубашку! Калоши! Манишку! Шлем! Тросы!

Начинают одевать водолаза. Протчев влезает в водолазную рубаху — зеленый прорезиненный костюм из крепкой парусины; ему помогают надеть тяжелые ботинки с прочными носками и свинцовыми подошвами, затягивают ремешки, через голову надевают тяжелую манишку, привинчивают к медному патрубку воздушный шланг.

Пока Протчев готовится к спуску, Миша тихо спрашивает Кириллова: зачем он отдал команду «один на сигнал»,

то есть следить за сигнальной веревкой, — ведь в шлеме имеется телефон.

— И при железной дороге не забывай двуколку, — отвечает Кириллов афоризмом Козьмы Пруткова.

Матросы прицепили на грудь и спину Протчева водолазные тяжеловесы в сорок килограммов, протянули от спины под ноги Протчева «подхватник» и закрепили его спереди.

Наконец, на голову Протчева надели тяжелую «медную голову» и начали привинчивать ее к манишке. Одновременно заработал компрессор, подающий воздух. В лучах солнца медный шлем и стекло его ослепительно блестели. Протчев стоял еще на палубе, но был уже «водяным жителем». Каким чудовищем казался он Мише!

Старый товарищ Протчева эпроновец Сизый похлопал рукой по шлему: можно спускаться. Люлька была прицеплена возле самого борта. Протчев двинулся по палубе, гулко стуча свинцовыми подошвами.

— Какой богатырь! Какая сила! — удивлялся Миша.

Вот Протчев сел в люльку, как в качели, ухватился руками за веревку.

— Спускай! — прозвучала команда Кириллова в Москве и в Атлантическом океане.

Лебедка начала работать. Протчев погрузился в воду. Телеоко скользнуло по борту, и Миша увидел вторую лебедку, а около нее Гинзбурга. Тот суетился среди матросов, которые помогали спускать телеоко на дно. Большой черный шар с конусоподобными выступами медленно уходил в воду.

Кириллов закурил папиросу. Азорес на палубе траулера также. Испанец стоял возле борта. Гинзбург наклонился над бортом и смотрел в воду. На траулере прозвенел звонок. Кириллов подошел к столу Борина и начал писать. Вошла Мишина тетя и подала ему конверт. Письмо прислал товарищ, отправившийся на Памир.

Наверное, интересное письмо, но читать некогда. Звуки Атлантического океана словно провалились в пропасть молчания. И сразу стал слышнее неумолкающий шум Мо-

сквы. На экране мигнул дымок сигары Азореса. Погас и экран...

Что там случилось?

И вдруг Миша увидел Протчева. Он сидел в своей люльке, которая висела в зеленоватой мгле океана. Веревки уходили ввысь.

Теперь Протчев, наверное, не ощущает тяжести своего костюма. Прекрасно! Летит «между небом и землей» и любуется подводным миром. В лучах подводного прожектора отчетливо видно, как из воздушного патрубка на медной голове поднимаются воздушные пузыри, похожие на капельки ртути. Это Протчев «травит воздух», нажимая головой на «головной золотник».

— Протчев, ты слышишь меня? — взволнованно спросил Миша.

— Слышу, — звучит бас Протчева.

— Зачем ты спустился под воду?

— Иголка потерялась, ищу ее.

— А телеоко зачем?

— Одно око — хорошо, два — лучше, а три — еще лучше. Разве не так? — отвечает Протчев. — У меня поле зрения шире, но глаз привычен. Телеоку еще учиться надо смотреть по-водолазному, — шутит Протчев.

В этой шутке Миша слышит определенное недоверие к новинкам.

— Что ты видишь?

— Пока что карасей, не знаю, как по-здешнему их величают. Сейчас и ты увидишь то же, что и я. Ну, где твой пузырь? — Эта фраза касается уже Гинзбурга.

— Подвожу, смотри левее! — отвечает Мотя.

Медный шлем Протчева слепяще блестит. Миша видит сквозь стекло широкое монгольское лицо водолаза. Наверное, прожектор совсем близко. Протчев протягивает левую руку и что-то ловит. Его рука надвигается на экран, растет, закрывает все поле зрения... Зеленая муть... Сильный сноп света, и в нем — табун рыб. Медленно проплывает большая красивая медуза... Золотой сноп идет в глубь океана, посте-

пенно слабея, рассеиваясь. И там, внизу, видны смутные очертания гор. Да, это горы, и даже покрытые растительностью.

Горная вершина словно растет и идет навстречу... Нет больше Москвы, кабинета, постели. Не сам ли Миша висит в люльке и смотрит на подводный мир? Нет, он лежит в гондоле подводного «аэростата» над горным краем. Подводный Кавказ, но без ледников, горных рек и водопадов. Нет рек в краю, где «воздушное пространство» — вода.

Вновь палуба, ослепительно освещенная солнцем. Гремит лебедка. Слышно, как шумят волны, ударяясь о борт траулера. Гинзбург обернулся. Блеснули белые зубы...

— Ну, что там? — слышен голос. Чей?

Миша не сразу догадался. Ах, это «говорит Москва».

Кириллов отходит от стола и смотрит на экран.

Палуба исчезла. Муть... Миша живет в «трех планах»: под водой, на палубе траулера и в Москве.

Ничего не разберешь... Муть! Какие-то тени проползают по экрану...

— Водоросли, — слышит Миша голос капитана Маковского.

Проплыла темная тучка. Возможно, поблизости проплыла акула или касатка. Блеснул огромный плавник, белое брюхо... И снова муть...

И вдруг снизу поползла через экран сверкающая линия. Она все больше утолщалась, принимала круглую форму.

— Мачта! Мачта затонувшего корабля! — воскликнул Миша.

— Да, очевидно, это мачта, — ответил Гинзбург. — Тебе хорошо видно, Миша? — спросил он.

— Сейчас прояснится, — промолвил Николай Петрович.

Миша не заметил, когда подошел отец. Не сон ли это? Миша, отец, Гинзбург, Барковский, Москва, Атлантический океан — все сгрудилось в одной комнате. Да, теперь Миша чувствовал себя участником экспедиции. Ведь и Гинзбург там видит то же самое, что Миша.

Мачта сошла с экрана, аппарат, видимо, повернулся в

другую сторону. Косяк крупных рыб проплыл в отдалении, размеренно взмахивая плавниками и поблескивая серебристыми телами. Метнулось очень длинное тело, извиваясь, как змея. Где-то очень далеко вспыхнул фосфорический огонек.

«Дивный, чарующий мир подводных глубин! — думал Миша. — Там нет бурь, нет смен температуры, нет погоды. Всегда мрак, холод, молчание... И там — жизнь, борьба, свои радости и свое горе...»

— Смотрите! — вскричал вдруг Миша.

Вдали появилась новая горная вершина. На одном выступе лежал четырехмачтовый корабль, склонившись над кручей под углом в сорок пять градусов. На нем нет ни парусов, ни снастей. Они давно сгнили. Ниже, на другом выступе, лежит большой пароход вверх кормой, а рядом странное судно с коротким высоким корпусом, с еще более высокой кормой и вырезанной из дерева фигурой на носу.

— Испанская каравелла, — сказал Азорес. — Пролежала на дне не одно столетие. Я хочу опуститься на дно и осмотреть каравеллу.

— Но ты же не водолаз, — возразил Маковский.

— Я уже присмотрелся к работе водолазов, говорил с Протчевым. Быть водолазом не такое уж трудное мастерство. Справлюсь...

Его отговаривали, но испанец был упрям. Да и как корреспонденту пропустить такой случай! Подводное путешествие... Каравелла... Из этого выйдет прекрасный фельетон, очерк, рассказ.

Маковский усмехнулся:

— Ну пусть попробует. С ним Протчев и потом... — Маковский тихо отдал Гинзбургу какое-то распоряжение.

Азореса быстро одели, хлопнули по шлему — готово! — и бережно опустили в океан.

На экране тотчас появилось изображение Азореса, спускавшегося вглубь. На его веревочные сигналы Маковский, видимо, не надеялся. Даже те, кто прошел водолазную школу, в первое время практики от волнения путают сиг-

налы: например, вместо того чтобы дернуть трижды («поднимай вверх»), дергают четыре раза («много воздуха»), и воздушная помпа начинает работать медленнее. Телефон надежнее, но и телефон может испортиться. Протчев проследит за Азоресом, к тому же благодаря телевизору на палубе траулера все будут видеть каждое движение Азореса. «Водолаз-любитель» будет под неусыпным наблюдением. Но Маковский, кажется, решил немного проучить самоуверенного журналиста...

Спуск совершался очень медленно. Мотя, не отрываясь, смотрел на фигуру водолаза.

Странно! Ноги Азореса словно бы раздуваются. Живот, спина полнеют, растут... И вдруг Азорес перевернулся вверх ногами и стремглав полетел вверх...

Ослепительное солнце... Синяя, изборожденная волнами поверхность океана... На ней неожиданно появляются ноги «отважного» водолаза... Его быстро вытаскивают на палубу, снимают шлем. Лицо Азореса бледное, испуганное. Его мутит, из носа течет кровь — лопнули кровеносные сосуды от быстрой смены давления. Однако ничего страшного. Азорес всплыл, как щепка, с небольшой глубины.

— Что это? Почему? — спросил растерянный Азорес.

— Догадайся сам. Ты изучал теорию водолазного дела у Протчева, — отвечает Маковский.

— Вода не принимает, — смеется Гинзбург.

Матросы осматривают Азореса — ему надо отлежаться. Испанец сидит на палубе. Солнце отражается в лужах, натекших со скафандра. Все молчат. Азорес хлопает себя по лбу и смеется.

— Понял! — кричит он. — Я забыл, что надо нажимать головой на клапан «головного золотника» — выпускать лишний воздух — «травить воздух», как говорил Протчев. Меня раздуло и выбросило на поверхность.

— Фельетон не вышел? — смеется Кириллов.

— К сожалению, откладывается, — отвечает Азорес. — Но я все-таки спущусь на дно.

— Тихим ходом подвести траулер к затонувшему пароходу! — распорядился Барковский.

— Когда они все успели собраться? — удивился Миша. Он так увлекся экраном, что не замечал ничего вокруг.

Изображение на экране колыхалось — телеоко двигалось вперед, наталкивалось на преграду воды и покачивалось.

Чем ближе подходил траулер к скале, тем больше погибших кораблей и пароходов виднелось на выступах и в расщелинах подводной горы. Она вся была усеяна ими. Здесь встречались и старинные каравеллы, и парусники минувшего столетия, и колесные пароходы времен Фултона, и современные винтовые.

— Кладбище кораблей, — тихо промолвил Маковский. — Сколько их погибло по дороге из Америки в Европу!

— Да, весь путь, видимо, усеян, — ответил Борин.

— Одного железа сколько, — добавил Кириллов.

— А сколько сокровищ лежит в трюмах, сколько бочек золота и серебра! Ведь с самого открытия Америки люди тонули сами и губили в океане награбленное и найденное в Новом Свете золото. Только испанцы посеяли на дне не один десяток тонн золота, — сказал Азорес.

— А сколько людей пошло ко дну из-за человеческой жадности! — услышал Миша голос Гинзбурга.

— И ради смелости, пытливости! — поправил его Барковский.

— Однако нелегко будет найти нашего покойничка, — добавил он, глядя на кладбище кораблей, которое все увеличивалось.

— Растения! Нет, кораллы... — удивленно воскликнул Миша. — Разве кораллы растут на такой глубине?

— Они жили, видимо, тогда, когда эти горы еще лежали намного ближе к поверхности моря, — сказал Тоффель. — Перед нами, очевидно, затонувший материк.

Маковский осторожно вел траулер, подводя телеоко ближе к затонувшему большому кораблю. Телеглаз прошел вдоль корпуса. Мелькнули, блеснув стеклами, иллюмина-

торы. Вот и нос. Надпись. Надпись... На железе, заржавевшем, покрытом ракушками, нельзя было прочесть название парохода.

— Во всяком случае, это не «Левиафан», — заверил Маковский. — «Левиафан» крупнее. Поищем еще.

— А может быть, посмотрим, что скрывает в себе этот покойничек? — спросил Протчев. В нем уже заговорили инстинкты «подводного охотника». — Если обнаружим что-либо ценное, поставим буек, возьмем на заметку. Глубина подходящая.

— Поищи, но долго не задерживайся. Тебе уже скоро вылезать, — сказал Барковский.

— Захвати телеглаз! — говорит инженер.

Протчев весело дернул дважды за сигнальную веревку, хотя при телефоне в этом не было нужды. Привычка. Люлька стала опускаться ниже.

Протчев плавно пролетает над верхней палубой, сходит с люльки, идет, разрезая воду правым плечом. Впереди — люк. Протчев перестает «травить воздух», немного раздувается и легко перепрыгивает через люк, как через пропасть на шаре-прыгуне. Все медные части, поручни, раструбы вентиляторов поросли, словно мохом, мелкими зелеными водорослями. Под ногами хрустят ракушки. Из раструбов выплывают рыбы и удивленной стаей кружатся возле головы водолаза. Их столько, что они мешают рассматривать.

— Кыш, вы! — машет рукой Протчев.

Еще один люк. Протчев осторожно спускается по железным сходням трапа. За водолазом тянутся «сигнал», шланг, провода телефона и электрического фонаря. Не зацепить бы за что-нибудь острое. А тут еще эта морока — телеоко со своими проводами...

Вот он уже идет по коридору. Каюты... Заглядывает в одну — по столу бежит испуганный краб. Под потолком — деревянный стул, ящик. Все как в мире невесомого.

Протчев спускается в трюм. Здесь он находит горы цинковых ящиков. Известное дело. Наверное, еще во время империалистической войны на пассажирском пароходе пе-

ревозили снаряды. А вот и огромная, величиной с ворота, дыра на дне. Пароход был пущен ко дну торпедой подводной лодки. А в этих больших ящиках что может быть?

— Не увлекайся, Протчев! Пора подниматься! — предупреждает дежурный.

— А, чтоб вам! — бурчит Протчев и поворачивает назад. Но на экране Миша видит только угол ящика, обросший водорослями и облепленный ракушками. Что такое? Протчев остановился...

— Что там случилось? — спрашивает Барковский.

Невнятное бормотание. Кряхтение.

— А, чтоб тебя! Нога застряла в железном хламе.

Миша хотел крикнуть, чтоб Протчев повернул телеглаз к себе... А впрочем, Протчеву никто не может оказать помощь... Нет, оказывается, могут.

— Спустить на помощь водолаза!

— Шланги, сигналы, провода еще больше перепутаем. Сам управлюсь! — отвечает Протчев.

У Миши гулко колотится сердце. Какая опасная работа! А Азорес еще собирался спуститься на каравеллу... Проходят долгие минуты. Слышны глухие удары. Что он там делает?

— Проклятая проволока, хоть бы костюм не проколоть.

Какая опасность! Прорвется костюм, и водолаза зальет вода.

— Ух! — слышится облегченный вздох Протчева.

Телеглаз спустился с мохнатого ящика и осветил сходни трапа. Протчев освободился. Вместе с ним облегченно вздыхают все.

Протчева поднимают на поверхность медленно, то и дело останавливаясь. Шесть сажен вверх — остановка на пять минут. Четыре сажени — десять минут, еще две сажени — пятнадцать минут.

Наконец Протчев на палубе. Матросы снимают шлем. Вот мелькнуло лицо Протчева. Оно спокойно, как всегда. Риск — обычное для него дело, его профессия.

Поиски продолжаются с помощью телеглаза. Траулер

обходит подводную вершину. Телеглаз осматривает каждый большой пароход. «Мтарбрук», «Южный крест», «Мери», «Эль-Пазо» нашли здесь последнюю пристань.

Азорес, уже отдышавшийся, говорит:

— Древние римляне хоронили усопших со словами: «Пусть будет тебе земля пухом». Утонувшим можно было бы сказать: «Пусть будет вам вода пухом». Земля, тяжесть могильной земли почти везде одинакова — около двух метров толщины. А вот утонешь ли на глубине десяти тысяч метров или на сотне метров — большая разница. Десять тысяч метров — это давление в сто атмосфер. Дерево под таким давлением становится крепче камня. Что же станет с телом человека? Да, Хургес был предусмотрителен, сделав свои записи на металлических пластинках.

Траулер обошел подводную горную вершину и направился к южному ее склону. Здесь, как ранее показала разведка лотом, шло плоскогорье, плавно снижаясь. Кое-где плоскогорье поднималось так высоко, что его достигал рассеянный солнечный свет. Глубина — менее ста метров.

Вынуждены были даже приподнять телеглаз, чтобы обследовать одно такое высокогорное плато. Флора и фауна здесь были богаче. Погибшие корабли лежали в густом лесу красных водорослей. Возносили вверх свои ветви красные кораллы. Между водорослями плавали рыбы. За ними гонялись огромные хищники. Из щелей разбитого фрегата выпростал длинные щупальца спрут. Плоскогорье постепенно поднималось. И вдруг на экране телевизора появилась каменная статуя, изображающая человека, ладони рук которого лежали на коленях. Прямо поставленный корпус, стиснутые колени ровно поставленных ног напоминали египетское искусство, но только напоминали. Это было искусство неведомой культуры.

— Вот это находка! — воскликнул Протчев. — Я буду не я, если не спущусь на это горное плато.

Вскоре подводный глаз обнаружил еще несколько лежащих статуй, разбитых колонн, мраморные пьедесталы и, наконец, подошел к руинам городской стены с неведомы-

ми надписями. «Глаз» перешагнул через стену и очутился на середине улицы затонувшего города. Кровли не сохранились, но стены многих зданий были целы. Дорога, вымощенная каменными плитами, заросла мохом и покрылась ракушками. Лишь по поднятым кое-где плитам можно было догадаться, что они когда-то устилали дорогу. Мелькали дворы с бассейнами и остатками фонтанов, руины большого храма среди площади, на которой когда-то стояли статуи. Статуи лежали разбитые возле своих пьедесталов. Очевидно, затоплению предшествовало землетрясение. Все были так захвачены находкой, что на какое-то время забыли о таблицах Хургеса.

— Прекрасно! — радостно воскликнул Барковский. — Наши археологи будут поражены этой находкой.

Пауза. Борин глубоко задумался. По его лицу пробежала тень тревоги, и он поспешно спросил Барковского:

— А не полагаете ли вы, что сюда прибудут такие же гости океана, как и мы, и тогда здесь начнется настоящее столпотворение?

— Ну что ж, возможно, но это ничего не значит. Мы молча будем искать. На нас, безусловно, обратят внимание. Я не поручусь за то, что путешествие советской флотилии осталось незамеченным. Пока наши корабли шли в открытом океане, иноземные суда могли думать, что мы совершаем рейс в Америку. Теперь же, как только они заметят, что мы остановились, сразу же начнутся, да, кажется, уже и начались догадки: зачем и почему? Но пусть. Пусть думают, что им угодно. Будут на нас обращать внимание или нет, мы все так же упорно будем продолжать поиски таблиц.

Борин подумал и в знак согласия кивнул головой. Потом он с наслаждением набрал в легкие океанского воздуха, оглядел чистую, прозрачную голубизну неба и сказал:

— Вот бы все время стояли такие дни, а то ведь, знаешь, море... оно изменчиво. Разгуляются волны, вот и стой, жди...

— У моря погоды, как говорит пословица, — добавил,

усмехаясь, Барковский и тоже осмотрел безмерные дали. Он положил свою руку на плечо Борина и сказал по-товарищески: — Волны — это пустое. Главное — если кто-нибудь еще приедет искать затонувший «Левиафан». Вот это будет серьезная помеха. А впрочем, сейчас нечего гадать. Может быть, будет как раз и погода, и никто нам поперек пути не станет. Ну а теперь надо спускаться в долину и продолжать поиски.

И вновь на экране телевизора сменяются картины подводного мира. Там, в водных глубинах, в темноте, — своя жизнь. Водяные жители то плывут стаей, кто знает куда, то снуют поодиночке. А вот там какой-то хищник гонится за добычей. Закипает упорная борьба за существование. Миша смотрел на экран, и ему казалось, что экран опускается все ниже. Можно было легко представить, будто не экран, а он, Миша, опускается в глубины океана. Дивный мир...

Миша вспомнил свое путешествие на Кавказ. Там самая буйная растительность у подножия гор. Чем выше взбирался Миша, тем она становилась беднее. Высокие деревья сменялись низкорослыми, деревья — кустами, а еще выше — царство мертвых ледников. В подводном мире наоборот: вершина подводной горы, близкая к поверхности океана, была покрыта бесчисленными водорослями — целым лесом ламинарий. Стаи разноцветных рыб, словно цветистые попугаи, наполняли этот подводный лес движением, суматохой. Чем ниже, тем беднее растительность, тем меньше жителей подводного мира, тем медленнее их движения, тем тусклее свет. И, наконец, телеглаз и Миша спустились в царство подводной ночи и извечной тишины. Удивительные, неизвестные рыбы медленно проплывали в зеленой мгле. Кое-где светились фонарики глубоководных рыб. Они похожи на головастиков — огромная голова-туловище, ужасающе широкий открытый рот и очень короткий хвост. Казалось, вся рыба — придаток зияющей пасти. Над головой ее — согнутый тонкий эластичный черный «кабель», который заканчивается «лампочкой». Мелкие

рыбы шли на свет этой лампы и попадали в широкую пасть...

А со дна, как и прежде, вздымались мачты, трубы затонувших кораблей. Это было не только кладбище, это был музей, история мореплавания и кораблестроения. Вот из расщелины виднеется длинный узкий нос совсем небольшого, видимо весельного, корабля. Возможно, древние викинги совершали на таком судне смелые морские походы... Неужели они отваживались уплывать так далеко на юг? Или их занесла сюда буря... Вот финикийское весельное судно... Римская трирема... Неужели на таких триремах римляне плавали из Италии в Британию? Наверное, их буря отнесла на юго-запад от европейских берегов.

Прозвенел звонок: Николай Петрович просил сотрудников штаба в столовую. Миша остался один «лежать на вахте». Из столовой слышались голоса. Барковский о чем-то спорил с Кирилловым.

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

— Большой пароход на горизонте. Держит курс на нашу флотилию! — услышал Миша голос Маковского.

Да мало ли пароходов проходит по этой морской дороге. Миша продолжал наблюдать за подводным миром. Плоскогорье, до сих пор полого спускавшееся, вновь поднялось. На горной площадке лежал огромный океанский пароход. Не «Левиафан» ли это? Телеоко стало медленно приближаться к нему. Пароход лежал вверх трубами. Их было четыре. Он словно двигался по подводной равнине, но это был обман зрения — двигался не пароход, а телеглаз. Вскоре на экране появились четкие буквы «Георг Вашингтон». Рядом с ним подводная лодка и небольшой крейсер. На этом месте разыгралась драма во время империалистической войны. Крейсер потопил пассажирский пароход. Подводная лодка потопила крейсер, а затем погибла сама, наскочив на мину.

А на поверхности океана неизвестный пароход все при-

ближался, и скоро Маковский мог уже прочесть в морской бинокль его название: «Урания».

— Пароход подошел к нашей флотилии и остановился, — доложил Маковский штабу.

Миша тотчас позвал отца, и все возвратились в кабинет. Появление иностранного парохода не могло не взволновать экспедицию. С какой целью прибыла «Урания»? О подводном городе еще никто не знает. Все радиопередачи между экспедицией и штабом ведутся на коротких волнах приемно-передаточной радиостанции Хургеса. Вряд ли кто-нибудь в мире мог перехватить эти волны. Да если бы и перехватил, иностранцы не успели бы за несколько часов снарядить научную экспедицию и прийти сюда. До ближайшего порта несколько дней пути.

— Неужели тайна открытия Бласко Хургеса стала кому-либо известна? — сказал, насупясь, Барковский. — Надо переговорить с Каром.

Невидимая нить протянулась от Москвы к Буэнос-Айресу. Карликовая радиостанция заработала. Кар был чрезвычайно взволнован появлением «Урании». Он клялся, что тайна Хургеса никому не могла быть известна, кроме него, Кара, и Жуана Хургеса. Жуан не выдаст. Кар был всегда нем как рыба. Бласко Хургес буквально «спрятал концы в воду». Тут, видимо, что-то иное. «Уранию» он знает — это большой аргентинский пароход. Кар постарается выяснить, кто и для чего ее зафрахтовал.

— Так, — сказал Барковский и прошелся по кабинету. — А я все-таки думаю, что нас подслушали. Ваше мнение, товарищ Борин?

Инженер пожал плечами.

— На фронте радио идет такая же борьба, как и во всех других областях техники. То, что сегодня является собственностью одной страны, завтра становится общей собственностью.

Барковский подошел к карте мира и концами линейки соединил Москву и Буэнос-Айрес.

— Наш прямой луч, — сказал он, — пересекает Румынию, Югославию, Италию, Алжир, Сахару, Сенегамбию, Боливию, Парагвай и, наконец, Аргентину — самый краешек Аргентины, ибо Буэнос-Айрес расположен на границе, возле залива Ла-Плата. Пароход аргентинский, как уверяет Кар. И если наши передачи перехватили, то, вероятнее всего, в самом Буэнос-Айресе. Возможно, из-под носа у Кара.

— Даже из соседней комнаты, — добавил Борин.

— Я полагаю, что Кар прав: тайна Хургеса никому, кроме нас, не известна, — прозвучал голос Азореса. — Зачем прибыл пароход «Урания», мы скоро узнаем. Не будем волноваться преждевременно.

— А что делает «Урания»? — спросил Барковский.

— Стоит на плавучем якоре, спускают якорную цепь большого судового якоря, — ответил Маковский. — С борта спускают шлюпку, — продолжал он. — Очевидно, к нам прибудет депутация. Тем лучше. Мы узнаем их цели. Шлюпка отчалила. На ней четыре матроса на веслах, пятый — на руле и один пассажир в белом фланелевом костюме.

— Примите их на борту, — распорядился Барковский. — Поставьте телевизор и микрофон. Наш штаб будет незримо присутствовать при беседе с этими гостями.

— Есть! — коротко ответил капитан и дал распоряжение принести на палубу несколько стульев. Одно плетеное кресло Маковский поставил так, чтобы оно приходилось против телевизора. Микрофон Гинзбург спрятал в свернутом трале.

— Все отлично, — доложил капитан.

И тотчас же на экране возник борт корабля и клочок неба. Спустили трап. Через минуту над бортом появилась голова в пробковом шлеме, а потом и вся фигура человека. На палубу, переступив борт, вышел еще не старый, худощавый блондин с бритым, чрезвычайно желтым лицом и с запавшими глазами. Такие лица бывают у европейцев, побывавших в лапах у тропической лихорадки.

— Джемс Скотт, — кратко отрекомендовался гость по-английски, не называя своей профессии.

Капитан пожал ему руку и пригласил его сесть. Скотт молча вынул портсигар, молча протянул Маковскому сига-

ру, не спуская с него глаз. Очевидно, Джемс Скотт пытался воспользоваться паузой, чтобы узнать, с каким человеком ему придется иметь дело. Маковский взвешивал: ждать ли ему вопросов Скотта или самому начать наступление. Кто спрашивает, тот наступает. А наступление — более выгодная позиция. И Маковский решил взять инициативу переговоров в свои руки.

— Неожиданная встреча в океане! Может быть, у вас случилась маленькая авария: поломался винт или что-нибудь в этом роде? Всегда рады помочь, мистер Скотт.

— Нет, на моем пароходе все в порядке, — ответил Скотт, выпуская кольцо дыма.

— Что же вас принудило остановиться?

— Я прибыл на место — вот и все! — спокойно ответил Скотт. — Но я увидел, что это место занято, и поэтому интересуюсь узнать, с кем имею дело и что привело вас именно на эту точку поверхности Атлантического океана, — спросил в свою очередь Скотт.

— Разве эту точку океана вы сняли в аренду, мистер Скотт? — усмехаясь, спросил Маковский. — Международное право признает свободу морей. И поскольку мы прибыли первыми...

— Однако это ведь не безлюдный остров, который вы желаете занять по праву первой оккупации, — возразил Скотт.

— Мы и не имеем намерения оккупировать его, — ответил Маковский. — Но стоять мы имеем право там, где хотим.

— Зачем, с какой целью?

Это уж слишком. Маковский решил дать отпор:

— Мы никому не обязаны давать отчет о своих поступках С таким же правом мы можем спросить вас: какова цель вашего прибытия сюда?

На лице Скотта не отражалось ни малейшего волнения. Он выпустил еще одно колечко дыма, которое было подхвачено ветром и отнесено за борт, и сказал более миролюбиво, видя, что лобовая атака не удалась:

— Я явился сюда не для споров с вами, капитан. Если я спросил, с какой целью вы прибыли сюда, то я имею на это

свои основания. Мне надо исследовать дно как раз на этом месте. И в лице вашей эскадры...

— Три судна гражданского флота — не эскадра, — возразил капитан.

— В лице вашей флотилии, если это вам больше нравится, я встретил преграду к достижению цели, — закончил он. — Мы, конечно, не обязаны ставить в известность друг друга о целях наших экспедиций, но вы мне будете мешать...

— А вы нам... — отрезал капитан.

— Таким образом, возникает необходимость определить некий «модус вивенди». Вы начальник экспедиции?

— Я капитан флагманского судна, технический руководитель нашей маленькой флотилии, — ответил Маковский. — Экспедицией же руководит штаб.

Скотт невольно скривил губы. Сколько зря потраченных слов! И, поднявшись, сухо спросил:

— Вы могли бы познакомить меня с начальником вашего штаба?

— Боюсь, что это будет тяжеленько, — ответил капитан. — Штаб находится в Москве.

— В Москве? — удивился Скотт. — Как же может штаб из Москвы управлять флотилией?

— Мы живем в эпоху радио, — ответил Маковский. — В шестом часу вечера по местному времени мы рапортуем штабу о своей работе. Если вы придете в этот час, я могу предоставить вам возможность переговорить с начальником штаба.

Скотт подумал, бросил за борт дымящуюся сигару и заносчиво ответил:

— В шестом часу я обедаю, а я не привык менять свои привычки.

Капитан пожал плечами:

— Мы также не привыкли менять свой распорядок.

— В таком случае извините, что обеспокоил вас.

Скотт сухо поклонился и двинулся к трапу. Матросы проводили его далеко не дружественными взглядами, хотя и помогли спуститься в шлюпку.

ЛОВЕЦ АКУЛ

Когда шлюпка закачалась на волнах, Скотт дал волю гневу. Его желтоватое лицо посинело. Шлюпка ударилась о борт траулера, и Скотт обругал матросов ослами за их нерасторопность. Ему хотелось на ком-нибудь сорвать зло. Он был недоволен собой. Он считал, что его унизили и оскорбили. А основное — он не достиг цели. Всю дорогу к «Урании» Скотт бурчал и ругался. Но перед тем как взойти на борт своего парохода, он неожиданно громко рассмеялся. Удивленный этим, молодой матрос также рассмеялся. Скотт набросился на него с руганью. Видно было, что Скотт привык обращаться с людьми по-колониальному.

По трапу он лез быстрее, чем можно было ожидать от человека, изнуренного тропической лихорадкой. Очевидно, он прошел добрую жизненную тренировку. Скотт спустился в свою каюту. Она была комфортабельно обставлена. Удобные кресла, обитые бархатом, стол красного дерева, на нем — вентилятор, электрическая лампа с бронзовой подставкой и множество бутылок с виски. Скотт был уверен, что виски прекрасно предупреждает приступы тропической малярии, которой он заболел в болотах Амазонки много лет назад.

— Какой тон! Какой неприступный тон! — возмущался он, вспоминая свой разговор с Маковским. Он ждал, что «непрошеные гости» придут первыми к нему, «владыке морей», на поклон. Но они не пришли. Желание узнать, что привело советские пароходы на это место океана, заставило наконец Скотта пойти первым. И он возвратился ни с чем.

Скотт налил виски в серебряную стопку, одним духом выпил, запил водой со льдом, сел в кресло и, закурив, начал размышлять вслух:

— Тысяча чертей! Когда в снегах Аляски, в горах Сьерра-Невады, в безлюдных пустынях я встречался с человеком, я знал, что он пришел сюда за тем же, за чем и я. И вот теперь эта встреча... Атлантический океан велик. И если с разных концов света в одну точку необозримого океана собралось столько кораблей, то совершенно ясно, что их привела сюда

одна цель. Но как они узнали? Как могли узнать? Неужели эта тайна не сохранилась, как тайна Изиды...

Скотт, чтобы «прочистить мозги», выпил еще стопку и вновь, как и на шлюпке, громко рассмеялся.

— И все-таки они идиоты, простаки, эти большевики. Капитан Мак... ковский сказал мне, что вечерами в шестом часу они разговаривают со штабом. Очень мне надо вторично идти к ним на поклон! Да и что ответит мне начальник штаба? Они, конечно, не откроют секретов, но разве у меня нет своей радиостанции? Разве я не взял на службу лучшего радиста Аргентины? Мы перехватим волну, и я скоро буду знать то, что мне надо.

Сквозь открытый иллюминатор долетел всплеск, словно кто-то упал с палубы. Скотт выглянул в иллюминатор и увидел плавник акулы. Отбросы с четырех кораблей собрали большую стаю морских хищников. Скотт, покачиваясь от морской качки и выпитого виски, пробубнил:

— Надо замести следы! — Позвал капитана и приказал ловить акул.

Спустили сети, и ловля началась. Скоро на палубе билась первая акула. Скотт вышел из каюты, в которой было душно, несмотря на холодильники и вентиляторы, и сошел на палубу. Огромная акула лежала неподвижно. Только ее низко посаженный рот ритмично открывался. Серое туловище поблескивало на солнце.

— Не подходите близко к хвосту! — поспешил крикнуть капитан.

Но было уже поздно. Акула неожиданно метнулась, ударила хвостом Скотта в грудь, и он, описав дугу, перелетел через борт и упал в воду. Скотт бился на волнах. Утонуть он не боялся. Ему угрожала другая опасность. Акулы, испуганные неожиданным падением, метнулись в разные стороны, но тотчас повернули назад. Жизнь Скотта повисла на волоске. Забыв свою гордость, он начал растерянно вопить, и, прежде чем на «Урании» опомнились, с траулера загремели выстрелы. Пули ударялись о воду вокруг Скотта. Скотт сначала не понял, в чем дело. Не хотят ли «больше-

вики» убить его? Стая акул была отогнана. В тот же момент возле Скотта упал спасательный круг на веревке. Его бросили с борта «Урании». Скотт ухватился за круг, и его потянули вверх. Когда ноги Скотта находились в полуметре от воды, одна акула попыталась схватить его за ноги, но он поджал их и счастливо взобрался на палубу. Новый удар по его самолюбию!

— Передайте им мою благодарность! — приказал он капитану. — Скажите: «Мистер Скотт благодарит вас за своевременную помощь». Этого довольно.

Капитан прокричал в рупор эту фразу.

Скотт переоделся и снова вышел на палубу, словно ничего не случилось. Ловля продолжалась. Траулер еще ближе подошел к «Урании». Можно было разговаривать без рупора.

— Рыбку ловить приехали? — спрашивали матросы «Серго». — Хороший ужин у вас будет сегодня! Разве солонина вышла?

— Зато акулы остались без ужина, — ответил матрос с «Урании» и добавил тише: — А жаль! Акуле и акулина смерть была бы.

Матросы стали перебрасывать друг другу подарки — папиросы, сигары. Скотту это пришлось не по душе. Он приказал, чтобы «Урания» отошла от «Серго» подальше.

— Хочет убедить нас, что он прибыл сюда ловить акул, — улыбнулся Маковский. — Детское занятие!

— Вон фигура на корабле, смотрите! — обратил внимание Протчев. — Японец. И второй. Бьюсь об заклад, что это японские водолазы. У меня нюх на это острый. Морское дно Скотту нужно, а не акулы. Увидите, всех этих акул он ночью швырнет за борт.

В шестом часу прозвенели склянки. Скотт быстро ушел с палубы, Гинзбург толкнул локтем Маковского.

— Видишь? Пошел наше радио слушать. Ну-ну, пусть попробует. Это ему не акула.

— Ну а все же, зачем принесло сюда Скотта? Неужели

тайна Хургеса ему известна? — уж в который раз спрашивал Маковский, ни к кому не обращаясь.

Скотт вскочил в радиорубку.

— Поуэрс! — позвал он радиста. — Вы должны немедленно поймать Москву.

— Поймать Москву?

— Какой вы бестолковый, Поуэрс. Вы должны перехватить радиопередачу московской радиостанции.

— Длина волны?

— В том-то и дело, что я не знаю.

— Но в Москве десятки радиостанций...

— На таком расстоянии обычно Москва говорит на коротких волнах. Начните с самых коротких, какие только в состоянии взять ваша радиостанция.

— Десятки метров, во всяком случае...

— Вертите же, вертите, черт побери!

Радист начал искать волну. В репродукторе послышалась незнакомая русская речь, песни, музыка...

— Не то, не то! — волновался Скотт. — Катаяма! Фудзияма!.. Как там его, желтолицего дьявола, зовут... Позовите ко мне переводчика-японца... — Скотт от нетерпения и досады стучал кулаком о стол. — Когда вы научитесь, Поуэрс, русскому языку?!

— Русский язык так труден, — ответил радист, продолжая настраивать аппарат.

— Вот... подождите. Беседа!

Вошел японец и неподвижно встал у двери.

— Подойдите и переводите! — скомандовал ему Скотт.

Картавя и шепелявя, японец стал переводить:

— В нашей бригаде охвачено технической учебой девяносто пять процентов...

— Не то... к черту! Крутите дальше.

— ...Хлеб начал поступать на ссыпные пункты...

— К черту хлеб! Крутите!

— ...Пущен новый завод-великан...

— Пусть они провалятся со своими заводами! Должна передаваться беседа, диалог. Ищите, ищите!

Поуэрс взмок от этой гонки. Московские радиостанции словно издевались над Скоттом. Музыка, песни, доклады, лекции, радиопереклички... Иногда врывался стрекот радиотелеграфа... и снова музыка... А время идет... И в это время Маковский, наверное, разговаривает с начальником штаба о посещении траулера им, Скоттом, и получает инструкции.

— Проклятие! Да вертите же, Поуэрс!

Но Поуэрс вдруг отодвинул стул от аппарата.

— Больше некуда крутить, — сказал он раздраженно. — Я исчерпал диапазон. И если вы, мистер, не нашли того, что вам надо, то или передачи, которую вы ждете, нет, или...

— Она должна быть...

— Или же...

— Или что?

— Или эту передачу вообще невозможно принять нашей станцией.

— Как так нельзя принять? Разве я приобрел не лучшую радиостанцию, которая когда-либо устанавливалась на пароходах? Разве я не заплатил за нее три тысячи долларов?!

Поуэрс пожал плечами.

— Наша станция коротковолновая, обычного типа, — ответил он. — А они, возможно, передают по остронаправленной волне.

Скотт ударил себя по лбу.

— Ах, я старый ослиный хвост! — В своих скитаниях он собрал огромный лексикон ругательств. — Вот почему Маковский был так упрям. Довольно! Можно не крутить. Бросьте, Поуэрс, это зряшное дело.

— Я уже бросил.

— Вы не могли бы переоборудовать нашу радиостанцию, Поуэрс? Вы получите тысячу долларов. Если не сумеете сами, мы выпишем специалиста. Теперь безработного инженера можно найти легко. Я должен принимать их передачи во что бы то ни стало, и я буду их принимать.

Скотт посмотрел в окно-иллюминатор. Неподалеку дымили советские корабли. Какая нелепость! Вот они стоят

так близко, что можно разговаривать даже без рупора, но их радио нельзя принять. Они разговаривают с Москвой, а эта шелудивая крыса не может!

— Господин Скотт, — проговорил штурман, становясь у открытых дверей. — Вся палуба завалена акулами. Что прикажете делать?

— За борт, за борт! Подождите. Только не сейчас. Ночью. Бросайте за левый борт так, чтобы с советских пароходов не видели. А утром начинайте ловить вновь.

«Совсем рехнулся, — подумал штурман и пошел на палубу. — Туши мертвых акул привлекут иных акул, и скоро, кажется, мы соберем здесь всех акул Атлантического и Тихого океанов!»

АЛЛО! СЛУШАЙТЕ И СМОТРИТЕ!

Миша Борин был удручен тем, что не может показать своим товарищам экран телевизора: в комнату штаба не пропускали посторонних. Подумать только: видеть, как ловят акул! А падение Скотта за борт парохода? Как ловко акула поддала ему хвостом!

Скотту и в голову не приходило, что на советских пароходах установлены «радиоглаза», которые зорко следили за всем, что происходило на «Урании». Советская флотилия расположилась треугольником, в центре которого находилась «Урания». За ней следили со всех сторон. Каждое движение Скотта и экипажа отражалось на экране.

— Неужели мои товарищи не увидят всего этого? — с сокрушением говорил Миша отцу.

— Увидят, погоди немного. Мы скоро организуем массовую трансляцию. Увидят и радиолюбители, имеющие телевизоры, увидит и публика в кино. Вот прилетят наши ученые — геологи и археологи, начнутся плановые подводные экспедиции телеглаза, и мы проведем ряд публичных сеансов и лекций.

Ученые не заставили себя долго ждать. Через два дня Миша увидел на экране большой гидроплан, плавно опус-

тившийся возле траулера. В Москве близился полдень, а в Атлантическом океане первые лучи солнца золотили ровную поверхность океана и крылья самолета.

С траулера немедленно была спущена шлюпка, и ученые перебрались на борт парохода. Первым взошел археолог Чудинов. Он совсем не походил на тот тип старого ученого, каким изображали археологов в романах. Это был еще молодой человек, профессор истории материальной культуры. Статный, быстрый, подвижный и жизнерадостный, он скорее напоминал профессионала-спортсмена. Геолог Правдин выглядел постарше. Он едва поднялся по трапу и ходил, немного прихрамывая: несколько лет назад он сорвался со скалы на Памире и остался хромым. Это, однако, никак не отразилось на его подвижности.

После взаимных приветствий на палубе парохода прибывших отвели в столовую. А гидроплан тотчас же улетел обратно. Барометр падал, и самолет спешил спрятаться от непогоды в бухте Зеленого мыса.

Ученые начали с точного исследования морского дна при помощи эхолота. Одновременно были спущены прожекторы и телеглаз. Морская глубь шаг за шагом открывала свои тайны. Старательно обследовали срезанную вершину горы и на ней руины, которые, возможно, являлись частью великого города, лежавшего ниже на плоскогорье. Эта срезанная вершина лежала на глубине всего лишь тридцати метров от уровня океана.

— Самый подходящий объект для трансляции, — сказал Борин. — С этого мы и начнем.

Борин в Москве и Гинзбург на траулере в Атлантическом океане поддерживали постоянную связь по радио, налаживали технику трансляции. Миша оповестил своих товарищей по телефону, чтобы они «готовились к приему», и дал им технические советы.

Скоро в «Известиях», которые выходили одновременно в пятидесяти крупных индустриальных центрах страны, появилось объявление о будущем цикле телевизионных передач «со дна Атлантического океана». Население СССР

было широко оповещено об этих трансляциях и по радио. Одну из таких радиоинформаций принял Поуэрс. Он сразу же рассказал об этом Скотту.

— Выходит, они все же передают радиосводки и изображения, — сказал Скотт. — Что касается меня, я в этом не сомневаюсь. Это только вы такой немощный.

Поуэрс пылко возражал и начал говорить о технике телевидения, в чем, однако, Скотт плохо разбирался.

— Вы должны понять, мистер Скотт, — сказал Поуэрс, — что я не могу сам достичь тех результатов, которые превосходят современные достижения нашей техники.

— Вы хотите сказать, что советская техника опередила американскую?

— У нас техника телевидения развивалась очень быстро до кризиса, — пояснил Поуэрс. — Еще в апреле 1927 года телеграфно-телефонная компания Белла демонстрировала возможность видеть своего собеседника во время телефонного разговора. Через год Берд демонстрировал трансатлантическую передачу. Пассажиры парохода «Бернгария», плывя по океану, видели на экране людей, находящихся в Лондоне. В том же году Берд демонстрировал цветное телевидение. «Дженерал электрик компани» демонстрировала в Скенектеди передачу сцен из оперы по радио и по проводам, причем слушатели видели исполнителей. Американская радиокорпорация открывает телепередачу со своей радиостанции в Нью-Йорке, а компания Вестингауза в 1928 году начала передавать кинофильмы. В том же 1928 году создана специальная корпорация Дженкинса с капиталом в десять миллионов долларов.

— Меня абсолютно не интересует эта история развития телевидения, — перебил Скотт.

— К сожалению, на этом «история» и заканчивается, — ответил Поуэрс. — Экономический кризис, наступивший в это время, задержал дальнейшее развитие телевидения в Европе и Америке. Советские же ученые и изобретатели продолжали работать и... очевидно, опередили нас.

— Постойте, Поуэрс. Я вот чего не пойму: ведь вы при-

няли радиосообщение о будущей телевизионной трансляции. Очевидно, наша станция примет и самую трансляцию. Почему же мы не могли до сих пор поймать не только телевизионную, но обычную радиопередачу с этих судов в штаб — в Москву — и из штаба сюда?

Поуэрс пожал плечами.

— Значит, они перехитрили нас и я никогда не увижу и не услышу того, что они передают секретно?

— Очевидно, так.

— Нет, с этим я не могу примириться! — закричал Скотт. — Я выпишу лучших специалистов из Америки, Англии, Италии и добьюсь своего. Послушаем и посмотрим их трансляцию.

Увы, когда эти трансляции начались, Скотт вынужден был согласиться, что Поуэрс говорил резонно.

Первой шла лекция инженера-изобретателя Борина о достижениях советской радиотехники. Борин почти слово в слово повторил кое-какие фразы Поуэрса.

— В технике телевидения, — говорил Борин, — мы продолжали работу с того места, на котором она остановилась на Западе и в Америке вследствие кризиса.

Как вам известно, в первый период развития телевидения применялись механические методы разложения изображения с помощью так называемого «диска Нипкова», многогранных зеркал, «барабана Вейлера», зеркального винта и тому подобное. Сама оптико-механическая система телевидения имела в себе органический порок, вследствие которого телевизор задыхался от недостатка света. Именно поэтому первые экраны имели микроскопические размеры — девять на двенадцать сантиметров, максимум — двенадцать на восемнадцать. Выход из этого был найден — это катодное телевидение...

Далее Борин популярно изложил принципы построения иконоскопа... кинескопа... Миша вспомнил о своей «сказке». Да, он многое представлял себе неточно. Лектор, который учил миллионы слушателей, — его отец, а он, Миша, плохо знает радио... И он принял решение в будущем нала-

дить «близкое знакомство» с одним из лучших советских ученых и изобретателей.

— ...Свет, отраженный от передаваемого предмета, — продолжал Борин, — с помощью объектива киноаппарата попадает на мозаику иконоскопа, действует на его микроскопические фотоэлементы и с помощью электронных лучей претворяется в электрические колебания, которые на ультракороткой волне поступают в приемник. Все механические приспособления: диски, моторы, оптические системы — становятся излишними. Телевизор насыщается светом в тысячу раз сильнее, чем при механических системах передачи разложения и передачи светового луча. Изображения могут быть значительно больших размеров.

Теперь о приеме. И здесь диски Нипкова стали не нужны. Приемная часть — кинескоп, что означает «наблюдающий движение». Кинескоп — это та же катодная трубка, имеющая на дне экран, который светится, флуоресцирует под влиянием электронного пучка. Это изображение можно наблюдать и в зеркале, укрепленном на внутренней стенке покрышки приемника, можно проектировать и на большой экран.

Надо отметить также, что при прежних системах передачи на большие расстояния — то ли на длинных, то ли на коротких волнах — приходилось ограничиваться незначительным количеством элементов разложения изображения: тысяча двести — тысяча четыреста. Катодное же телевидение дает нам семьдесят тысяч и больше элементов. Справедливость заставляет меня сказать, что катодное телевидение, как законченное изобретение, разработано на Западе и главным образом в Америке до мельчайших подробностей.

Но на это готовое изобретение обрушился мировой кризис, который не затронул, да и не мог затронуть нас. Таким образом, это изобретение не могло развиваться дальше в капиталистических странах и получило развитие у нас...

— Одним словом, большевики попользовались готовеньким, — пробурчал Скотт.

И, словно отвечая на это, Борин продолжал:

— В процессе освоения иностранной техники, товарищи, мы ее основательно реконструировали, усовершенствовали, иногда переделывали почти наново. Мы не являлись простыми копировальщиками. К опыту иностранной техники наши изобретатели прилагали свою сметку. И в результате телевидение, одно время сильно у нас хромавшее, теперь идет впереди телевидения многих буржуазных стран.

Мы вправе гордиться и тем, чего не показываем сейчас на экране, но что вам должно быть известно: широкое применение телевидения. У нас телевизоры служат не только для передачи изображений на расстояние. Они водят наши суда в опасных местах, будучи нашими бдительными вахтенными, которые предупреждают о приближении подводных камней, плавучих льдин, подводных лодок. Телеглазами вооружены наши пилоты. А приходилось ли вам слышать о применении телевизора для лова глубоководных морских рыб? Телевизор дает нам возможность видеть даже в абсолютной темноте с помощью невидимых инфракрасных лучей, проходимость которых в шестнадцать раз больше, чем проходимость белого света. Это изобретение Берда, не возражаю. Но пусть посмотрел бы сам Берд, что осталось от его изобретения и что внесли в него мы. И, главное, как широко мы внедрили это изобретение в практику жизни.

Я уж не говорю о применении телевидения в оборонной технике. Значение его огромно. Однако подчеркиваю: для нас это оборонная, а не военно-наступательная техника. Телевизоры — наши стражи, охраняющие наши границы.

Катодное телевидение сделало человека почти всевидящим. Уже теперь вы видите на экране, как сооружают плотину на Енисее, как работает солнечная установка в Туркменистане, газовые двигатели на сопках Камчатки. Близок момент, когда переносные телевизионные передатчики проникнут в отдаленнейшие точки земного шара, и тогда воистину весь мир будет перед нашими глазами. Начало этой эры наступило. Вы, сидящие в Саратове, Бобруйске, Вязьме, в степном совхозе! Смотрите! Сейчас перед вами откроется далекий Атлантический океан. Вы спуститесь

«на дно морское» и будете путешествовать под водой, не замочив ног. Слушайте, смотрите! Мы начинаем!

— Тьфу, тьфу, и смотреть не буду! — Скотт ругался последними словами.

Взволнованный, он ходил по радиорубке, отплевывался, закуривал и бросал сигары, в то же время помимо своей воли посматривал на небольшой экран телевизора. Погаденький экран с тусклым изображением... Старая калоша... Разве не обидно?

Скотт подошел к иллюминатору и смотрел, как советские матросы под руководством Гинзбурга бережно опускали в воду большой металлический шар, поблескивавший стеклами объектива и прожекторов.

Скотт не утерпел и взглянул на экран своего телевизора. Он увидел слабенькое мигающее изображение... Скотт вновь отвернулся и посмотрел в иллюминатор. Шар спущен. Плавно углубляется в воду трос...

«Экскурсия по дну океана» началась. Теперь Миша мог разделить свою радость со всеми товарищами и миллионами зрителей, которые, как и он, впивались глазами в экраны телевизоров. В огромных кинотеатрах, вмещающих двадцать тысяч человек, зрители смотрели на экран. Они видели голубизну океана, белые барашки волн, темные силуэты пароходов, желтые трубы с черными краями, мачты судовых радиостанций. Многие узнавали наши пароходы и спрашивали:

— А четвертый откуда взялся? Под иностранным флагом? Что он делает там?

Но вот и море, и небо, и корабли словно взмыли вверх. Телеоко опустилось в воду, экран заполнила зеленоватая мгла. Везде мелькали серебристые мелкие рыбки. Они летали меж водорослей. Настоящий подводный лес! Одни водоросли тянутся вверх, разбросав свои листья, словно струи фонтана, другие, словно длинные ленты, тянутся во все стороны. И все это плавно всплывало кверху. На смену маленьким рыбам появились большие, водоросли становились бурыми, темно-красными, подводный лес густел.

И вдруг среди густых водорослей поднялась белая колонна с обломанной капителью. Рядом с ней — вторая, еще и еще — целый лес колонн. Остатки храма или площади, обрамленной колоннадою.

Колонны, казалось, летят вверх. Появился пьедестал. Потом колоннада начала уходить в сторону... И зрители — «подводные путешественники» — увидели узкую улицу. На дороге, некогда вымощенной плитами, лежал толстый слой ила. Небольшие здания, сложенные из камня, были без крыш. Возможно, катастрофу опускания в бездну сопровождал взрыв вулкана. Раскаленная лава сожгла стропила крыш, и они обвалились... Телеглаз завернул в небольшой дворик. Портик, колоннады, остатки фонтана, статуи...

— Мы снова на улице среди маленьких домиков, — долетел голос «экскурсовода» археолога Чудинова, — улица выводит на площадь перед храмом. Он хорошо сохранился. Лишь глубокая трещина расколола здание наискось от верхнего угла до нижнего. Архитектура немного напоминает египетскую.

Эта часть города лежит на срезанной вершине горы. Солнечный свет еще доходит сюда, и вам все видно без прожекторов. Когда мы станем опускаться ниже, придется путешествовать с фонарями... Вы видите один из затонувших городов. Таких немало в морях и океанах. У нас на Черном море возле Херсонеса на дне моря давно найден такой город. С помощью телеглаза мы достаточно хорошо его изучили. В 1933 году доктор Гартман обнаружил телеглазом подводный город между Сицилией и Африкой. Теперь нам удалось найти еще один затонувший город.

Вы знаете, что материки поднимались из морских глубин и опускались. Процесс этот не прекратился и в наши дни. В Тихом океане когда-то существовал огромный материк, который назван учеными Пацифидой. Он занимал почти всю впадину между Австралией и Южной Америкой. Африка простиралась далеко на восток и на запад и, возможно, соединялась с восточными берегами Южной Америки. Континент между Африкой и Австралией назывался

Гендванной. Азия в незапамятные времена соединялась с Северной Америкой. И все эти материки опускались на дно океана. Но особенно заинтересовала ученых Атлантида...

Древний философ Платон, живший за четыреста лет до нашей эры, сберег для нас рассказ об исчезнувшем острове Атлантиде, который размерами был больше «Ливии и Азии, взятых вместе» — иначе говоря, все известные Древнему миру части Азии и Африки, — и лежал на запад от Геркулесовых столбов — теперешнего Гибралтара.

По свидетельству Платона, Атлантида погибла «в один день и бедственную ночь». Это был великий остров, целый континент. Были здесь гигантские леса, огромные табуны слонов и других животных. Как писал Платон, жители Атлантиды «дважды в год пожинали произведения земли, пользуясь в течение зимы водами небесными, а летом привлекая воду, которую дает земля через каналы».

Вся Атлантида была разделена на десять царств, которые находились под властью одного рода. Таким образом, в Атлантиде мы видим древнейшую, существовавшую много тысяч лет назад, доарийскую культуру.

Десятки, сотни ученых делали удачные догадки о том, где была полумифическая Атлантида. И геологи, и ботаники, и лингвисты, и зоологи вносили свой вклад в изучение этого чрезвычайно интересного вопроса. Нам удалось открыть еще один затонувший город и таким образом перевернуть очень древнюю страницу человеческой истории. Мы, советские ученые, становимся в строй атлантидологов, и, возможно, нам удастся осветить темные уголки древней истории точно так же, как освещаем мы прожектором телеглаза темные глубины океана...

Оратор смолк. В это время телеоко плавно двигалось вниз по горному склону между величественными статуями. Постепенно темнело. Вдруг вспыхнули огни прожекторов. Появились красные водоросли. Длинные широкие полосы их стояли неподвижно. Ветер водной стихии — движение воды — почти не доходил сюда, как и естественный свет.

Зрители видели широкую дорогу, которая шла на вер-

шину горы — к крепости или царскому дворцу. По обе стороны дороги стояли громадные статуи, грубо высеченные из камней. Длинноголовые герои или божества сидели на широких постаментах и угрожающе смотрели на восток. Возможно, оттуда затонувшему городу некогда угрожала опасность и статуи-стражи должны были пугать врага.

— Мы постараемся расшифровать эти надписи, — сказал Чудинов.

Поперек дороги лежал затонувший пароход. Его корпус был облеплен ракушками. Телевизор, перепрыгнув через корабль, продолжал блуждать по улицам и площадям затонувшего города. Дорогу пересекла огромнейшая расщелина, из которой торчали мачты другого затонувшего корабля. По обе стороны расщелины лежали статуи...

«РТ-118» — иначе говоря, рыболовный траулер «Серго Орджоникидзе» — плавно подвигался вперед, маневрировал влево, вправо, туда, куда указывал Чудинов, который теперь был «капитаном».

Затонувший город раскинулся на огромном пространстве, опускаясь все далее по пологой равнине.

И вот, наконец, телевизор достиг границы города — большой гавани с каменной набережной и волнорезом.

— Посмотрите, — продолжал голос лектора, — в гавани стоит несколько кораблей! Разве не удивительно? Они затонули одновременно с городом и гаванью. Возможно, они окаменели. Ведь с тех пор, как они под водой, прошли тысячелетия.

Тут раздался другой голос:

— Товарищи! Пока вы любуетесь гаванью на дне океана, позвольте геологу поговорить с вами...

«Это Правдин», — подумал Миша.

— Товарищ Чудинов уже кое-что сказал вам о колебаниях земной коры. Изучение этих колебаний имеет не только исторический интерес. Поднятия и опускания земной коры совершаются в течение срока более короткого, чем многие из нас думают. В Мурманске, например, мне приходилось слышать сетования моряков на неточность

морских карт: на них, говорят, не обозначены кое-какие подводные мели, скалы, и по этой причине потерпели аварию несколько наших рыболовных судов. Я принужден был встать на защиту старых лоцманских карт. Для своего времени карты были правильны, но менее чем за сотню лет берега Мурмана и морское дно поднялись. И возможно, что в недалеком геологическом будущем на Мурмане появятся большие новые участки суши, которые сейчас покрыты морем. Широкая водная полоса, которая прилегает к северной части мурманского побережья, была некогда сушей. Измеряя морское дно, мы выявили широкие русла рек, которые когда-то текли по поверхности земли...

Или другой пример. На Новой Земле, на верховьях гор, находят сравнительно свежий лес — плавунец, который обычно приносится на острова морскими течениями. Как мог этот лес попасть на вершины гор? Ясно, что в сравнительно недалеком прошлом эти горы едва виднелись над поверхностью воды. Стало быть, на нашем Севере геология работает на нас. Зато в северо-западной части Европы совершается обратный процесс — снижение материка. Об этом мало кто знает, и европейские ученые замалчивают этот факт. А тем временем Голландии и части Бельгии угрожает опасность. Если процесс будет продолжаться с той же быстротой и далее, то вероятно, что через полтораста-двести лет эти страны окажутся под водой...

Во время последней фразы Миша явственно услышал какой-то необычный шум. И тотчас будто у него за спиной зашептались Чудинов и Маковский. Потом Чудинов сказал громко:

— Товарищи! На этом нам придется окончить сегодняшнее путешествие. Над океаном начинается гроза. Барометр резко падает. Вы, конечно, не промокнете от дождя в этом подводном путешествии, но дело в том, что ветер крепчает и на траулере, с которого спущено телеоко, начинается сильная качка. Трос телеглаза может оборваться. Мы поднимаем его...

Гавань на дне океана вместе с затонувшими кораблями

стала быстро уходить вниз, в темную бездну. На мгновение мелькнула поверхность океана — бушующие волны, качавшиеся на них корабли, блеснула молния, и экран погас.

— До свидания, товарищи, — прозвучал голос Чудинова. — О следующем нашем путешествии мы сообщим.

Никакой фильм не производил на зрителей такого огромного впечатления, как это «подводное путешествие».

Все это время, не отрываясь, смотрел на экран судового телевизора и мистер Скотт. Как только экран погас, Скотт поднялся, зажег сигару и сказал:

— Черт побери, сколько в Америке можно было бы нажить денег на этом! Тысячи радиолюбителей приобрели бы телевизоры. Кинотеатры трещали бы от наплыва зрителей! Проклятый кризис...

Он пошел в свою каюту, выпил сода-виски, сел и задумался.

ВСЕМИРНАЯ СЕНСАЦИЯ

Снова заговорил радиорепродуктор: парижская радиостанция передавала мнение известного французского ученого о затонувшем городе.

— Открытие советской экспедицией подводного города не является в буквальном понимании открытием. Это результат научного расчета, основанного на достоверных сопоставлениях и выкладках.

Далее оратор привел примеры того, как ученые заранее предупреждали о существовании еще неизвестных химических элементов, планет и как эти предвидения оправдывались.

— Такова сила правильных научных методов. Геолог проходит сотни километров по пустыне. Неожиданно он останавливается на месте и, основываясь на непонятных неосведомленному признаках, говорит: «Здесь должно быть золото, нефть, вода, железо». Рабочие копают и находят. Точно так же была открыта и Атлантида. Советские пароходы плывут из заполярного Мурманска в Атлантический океан, бороздят его неизмеримые пространства, выбирают одну точку, опускают лот, затем телевизор: здесь должен находиться затонувший материк с остатками человеческой культуры. И находят то, что искали...

Если бы Скотт мог слышать, как смеялись Чудинов и Правдин, слушая эту информацию!

— Прекрасно! — воскликнул Чудинов. — Профессор Мишо льет воду на нашу мельницу. Я был скромен и не говорил о том, что открытие подводного города — результат расчета и научного предвидения. Ну что ж, тем больше чести для нас!

Смеялись и в Москве, в штабе. Барковский говорил:

— Теперь наша экспедиция оправдана перед мировым общественным мнением. Мы создали всемирную сенсацию. За нашими работами будет следить весь мир. Мы будем все сильнее возбуждать интерес, время от времени оповещая о новых археологических открытиях, а в них не будет недостатка. А главная цель экспедиции останется в тени.

— Я побаиваюсь только одного, — вставил эпроновец Кириллов, — как бы это «открытие» не привлекло на место экспедиции иностранные корабли с археологами. Они могут помешать нам. Довольно с нас и одного Скотта.

— Ваши опасения преувеличены, — ответил Барковский. — Какая из буржуазных стран станет расходовать сейчас деньги на подобную экспедицию? Там, где закрываются университеты, не до экспедиций...

— Однако ведь этот Скотт...

— Ну, Скотт — иное дело. Цель его нами не разгадана. Он, конечно, ищет не подводный город. Скорей всего он тоже охотится за пластинками Хургеса. Если бы нам посчастливилось узнать, как он открыл эту тайну...

— Не взяться ли мне за это? — предложил Азорес. — Я уже приобрел некоторую «изыскательскую практику». Дайте мне гидроплан, и я полечу в Америку искать следы мистера Скотта.

— Не гидроплан, а цельнометаллический дирижабль

«Ц-шесть», — неожиданно прозвучал в микрофоне чей-то незнакомый голос по-английски.

— Что за передача? — воскликнул Азорес и посмотрел на Маковского. На лице капитана отразилась тревога. Неужели их радиопередачу перехватили и Скотт слушает эту конспиративную беседу в эфире?

Но Гинзбург усмехался загадочно.

— Кто вы? — спросил Азорес в микрофон.

— Я человек, летящий в небе, — донесся тот же голос.

— Карпиловский, ты? — крикнул в микрофон из-за плеча Азореса Гинзбург.

— Я, — уже по-русски ответил голос.

— Это наш океанограф, — пояснил Гинзбург. — Он летит к нам на дирижабле «Циолковский-шесть». Собирается изучать океанографию. Я два часа назад установил связь с «Ц-шесть».

— И мы, сидя в дирижабле, имели удовольствие уже совершить вместе с вами подводное путешествие, — откликнулся Карпиловский. — Прекрасная передача!

— Ну и как же с моим путешествием в Америку? — спросил Азорес.

— Что ж, ты можешь попытать счастья, — ответил из Москвы Барковский. — Дирижабль идет в трансатлантический рейс. Высадит Карпиловского на ваш корабль, а ты займешь его место и полетишь.

— Согласен! — Азорес потер руки: он очень любил приключения.

Тревоги советских исследователей были напрасны: радиостанция Хургеса сохранила свою тайну. Ни Скотт, ни кто другой в буржуазном мире не имел понятия о пластинках Хургеса.

Скотт все еще сидел, глубоко задумавшись. Телевизионная передача с морского дна, из затонувшего города, и лекция археолога не убедили Скотта в том, что советская экспедиция ставит только научную цель.

Кто теперь станет расходовать огромные деньги на археологию? Но черт их поймет, этих большевиков! Может

быть, они действительно не знают о существовании затонувших сокровищ! Да и откуда им знать!

Скотт повеселел и выпил еще одну стопку сода-виски, на этот раз уже не с горя, а с радости. Красные его веки слипались. Под качку он начал дремать. Неожиданный толчок, от которого пароход содрогнулся, разбудил Скотта. «Что такое?» От сонливости и хмеля не осталось и следа. Скотт умел владеть собой при любых неожиданностях. Он поспешно встал, подошел к умывальнику, облил голову холодной водой и, хватаясь за стены — качало все сильней, — выбежал на палубу.

Высокий вал поднялся над бортом. Гребень белой пены с шипением обдал Скотта брызгами с ног до головы. Шкипер «Урании» перебрасывался ругательствами со шкипером советского траулера.

— Что ты горло дерешь, чумная крыса? — кричал шкипер с траулера. — Ведь ваш же пароход наскочил на траулер. Не видите, откуда ветер! Давно надо было отойти.

Ссора длилась еще некоторое время, затем затихла: шум волн и ветер заглушали голоса. Все четыре парохода стояли под парами. Ветер рвал густые клубы дыма, расстилал их на длинных валах волн, и дым смешивался с брызгами пены. Куда девалась голубизна океана! Небо и поверхность моря до самого горизонта приобрели зловещий темно-синий цвет. Дождя еще не было, но молнии то и дело рвали тучи, гром грохотал почти беспрерывно. Его удары отражались от высоких волн, и казалось, что это рычит разлютовавшийся океан. Плавучие якори уже не держали корабли. В такую бурю им небезопасно находиться друг возле друга — волнами и порывами ветра их может столкнуть и разбить. И корабли торопились быстрее разойтись в разные стороны.

Качка крепчала. Капитаны пароходов распорядились стать против ветра и идти полным ходом.

Ветер был почти горячим. За несколько часов он высушил костюм Скотта.

— Начался шторм, — сообщил Маковский в штаб. — Идем на всех парах навстречу ветру.

— А как у вас? — спросил Гинзбург Карпиловского.

— Можешь полюбоваться, — ответил Карпиловский.

И на судовом экране Гинзбург увидел часть пассажирской каюты дирижабля. Через большое окно виднелось безоблачное небо. Солнце ярко освещало лицо молодого океанографа. Его золотистые волосы казались огненными, глаза жмурились от яркого света.

— Летел бы я на дирижабле, если бы не нога, — вздохнул Миша, который также видел Карпиловского.

— Вот как у нас, — отвечал Карпиловский. — Под нами буря. Если хочешь, могу показать. — Карпиловский повернул объектив, и Гинзбург в океане, а Миша в Москве увидели тучи, клубившиеся под дирижаблем. Змеистые молнии пробегали между ними. Изредка гремел гром.

— Мы тоже попали в грозу, — продолжал Карпиловский. — Но нам легче выбраться из нее, чем вам. Мы поднялись над тучами и вот, как видишь, снова летим в безоблачном небе. Нашли попутное течение воздуха и летим без моторов. Вообрази только, что и в глубине океана такая же точно тишина, даже еще тише. Не колыхнется ни один листочек водорослей. Не зря говорят, что крайности сходятся.

— А у нас такая кутерьма... Слышишь? — Карпиловский и Миша услышали, как свистит ветер в снастях, как гремит гром и волны глухо ударяют о борт парохода.

— Словно черти готовят обед на тысяче сковородок!..

Экран погас, смолкли звуки. В комнате Миши наступила такая тишина, что стало слышно, как стучат в углу большие стенные часы. Все члены штаба уже разошлись.

Миша откинулся на подушки и закрыл глаза. Впечатления этого дня утомили его. Подводное путешествие, буря в океане... Полет над облаками... беседа людей, находящихся за тысячи километров друг от друга... Все это напоминало сказку. И Миша стал мечтать.

Когда во всем мире народы установят социалистический строй, у Миши будут друзья в Южной Америке, в Австралии, на Шпицбергене, в Зеландии и на Огненной Земле. Школьники будут изучать географию на экране телевизора. Увидят, как в Атласских горах люди прокладывают огромные трубы для создания искусственных ураганов, «вечных» ветряных двигателей, как пробиваются ледоколы по Великому Северному морскому пути и как дирижабли и самолеты завоевывают ледовитый континент Антарктики. Многомиллионная армия трудящихся расчищает тропические джунгли, чтобы на их месте основать культурные поселения. Единое мировое хозяйство, одна семья трудящихся, мир без кордонов и границ. Да, мы уже имеем «всемирный глаз», «всемирный голос»... Из подходящего центра можно будет осматривать в телеглаз весь мир, обмениваться опытом... Какие увлекательные перспективы! Какая интересная жизнь!

С этими мечтами Миша уснул.

ВИЗИТ ВРАЧА

— Ну, как мы себя чувствуем? — услышал он чей-то знакомый голос.

А, это врач...

— Вы видели подводный город? — спросил Миша, открывая глаза.

Седой врач в больших очках улыбнулся.

— Видел, дорогой мой, лишь уголок подводного мира. Смотреть не смог: вызвали на операцию. Еще увижу. А вот больные в моем отделении все смотрели. Для них это прекрасное развлечение, как и для вас, конечно. Но что же вы не отвечаете на мой вопрос?

— Доктор, я уже давно здоров, — сказал Миша. — И вы напрасно так долго держите меня в постели.

— Но ведь вы лежа совершаете чудесные подводные путешествия!

— Да, конечно. Но все же это не то, что настоящее путешествие. Мне отец обещал: как только я поправлюсь, он отпустит меня на корабль в Атлантику. Через десять дней туда полетит стратоплан. Понимаете, стратоплан! Он может пролететь полторы тысячи километров за час, и я смогу

за день побывать на корабле и возвратиться назад в Москву. Разве это не удивительно! Неужели и через десять дней нельзя будет встать?

— А вот посмотрим, — ответил врач и начал осторожно снимать лубки.

Он щупал, пробовал, надавливал ногу.

— Болит? Только говорите правду.

Было больно, но Миша силился не кривиться и отвечал твердо:

— Ничуть не болит. Хоть сейчас снова в футбол!

Старый врач улыбнулся в усы, покачал седой головой и пробормотал баском:

— Вы такой пациент, которому нельзя верить. Через три дня посмотрим кость.

— Снова рентген? — обеспокоенно спросил Миша.

— Нет, на этот раз не рентген, — ответил врач. — Мы начинаем изменять рентгену. Его все больше вытесняет новое приспособление: катодные трубки. Это высокочастотные излучения. Они абсолютно безвредны для человека и в то же время дают полную возможность видеть, что делается в организме.

Недавно в институте экспериментальной медицины, в лаборатории климатологии мы проделывали такой опыт. Нам надо было выяснить, проникают ли короткие световые волны сквозь шерсть и кожу животных к внутренним органам. Мы разрезали организм подопытного животного до органов внутренней секреции, поставили выводные трубки и по количеству выделенных органами продуктов намеревались узнать, как реагирует организм на облучение той или иной волной света. Это был очень несовершенный метод. Ведь изменения в работе желез внутренней секреции могли наступить и по иным причинам. И вот один молодой научный сотрудник, Толя Томашкевич, предложил нам такой способ: уж если «потрошить» бедных животных, то почему бы не поставить возле вскрытых органов фотоэлементы? Потом зашить разрез и облучить животное. Если лучи пройдут сквозь шерсть, кожу, мускулы и кости и

достигнут фотоэлементов, то, значит, все отлично. Остается только установить результат облучения. А если поместить в организм животного крохотный телевизор, то мы сможем даже наблюдать работу внутренних органов.

— А зачем это?

— Для многих целей. Ну хотя бы для установления дозировки облучения. В наших зоопарках приходится давать животным «дополнительный паек света». А какой длины должны быть световые волны? Как они проходят, «пронзают» животных? Ведь и без опытов очевидно, что облучать бесшерстную африканскую собачку — это одно, а косматого медведя, черепаху, крокодила — совсем другое. Ветеринары зоопарков немало возятся с дозированием. Иные пришли даже к выводу, что необлучаемые звери чувствуют себя лучше, чем облучаемые. А на поверку вышло иначе. И все дело в том, что облучали не так, как надо, и, конечно, могли принести больше вреда, чем пользы. То же самое и с облучением людей...

— Но это не совсем то же, что телеглаз, — заметил Миша.

— Да, пока это только применение фотоэлемента, — согласился доктор. — А фотоэлемент — душа телевидения. Да и самое телевидение уже входит в нашу медицинскую практику. Недавно мне сообщили по радио, что на ледоколе, плававшем в арктических морях, произошел несчастный случай с кочегаром, которому во время качки чугунной болванкой раздавило ногу. На ледоколе был неплохой хирург, но случай вышел очень сложный, и хирург попросил моей консультации, как делать операцию. Нам помогло телевидение. Больного положили перед аппаратом, и я очень четко видел оперируемого на экране. Мы с хирургом были соединены судовым радиотелеграфом. И я, сидя в Москве, руководил операцией.

— Это все очень интересно, — сказал Миша, — но скажите, когда я смогу встать?

— Не спешите, успеете еще полетать на стратопланах. Ваше время впереди. Когда я был в ваших летах, полет на аэроплане был новинкой. Теперь вы, точь-в-точь как я в

детстве, мечтаете о стратопланах, но вы будете счастливее меня. Вам, возможно, доведется полетать и на звездолетах. Может быть, на Луне или на Марсе побываете...

— А знаете, — воскликнул Миша, забыв о своей болезни, — я читал об одном необычайном проекте! Ведь ракета без пассажиров уже летает? Так вот, институт реактивных двигателей строит такую ракету, которая сможет полететь на Луну и даже облететь ее. Слой Хевисайда будет пробит. Управлять ракетой будут по радио. И на ракете будет установлен аппарат телевидения. Когда ракета будет лететь возле Луны, мы сможем видеть лунную поверхность совсем близко. А вторую сторону Луны...

Доктор добродушно усмехнулся:

— Так, пожалуй, и я на планетах побываю, не выходя из своего кабинета... Ну, потерпите еще немного, не поднимайтесь. Передавайте привет от меня вашим атлантическим товарищам.

Вечером того же дня Миша узнал еще об одной новости: «Ц-6» уже прилетел на место стоянки экспедиции, но не спускался, так как в нижних слоях атмосферы и на море все еще была буря. Дирижабль плавно кружился над тучами. Миша боялся заснуть и упустить момент спуска. И все-таки заснул.

ПЕРЕСАДКА В ВОЗДУХЕ

Проснулся он в шестом часу утра.

Портьеры на окнах были спущены, и Миша подумал: «Какая погода на улице?» Вдруг прогремел гром. В океане гроза! Значит, спуск не состоялся. Хотя, возможно, гроза сейчас только в Москве, а там, в Атлантике, ее уже нет... Экран был мертв. Гинзбург, наверное, еще сладко спит. Ведь там недавно минула полночь. Время тянулось без конца. Только в одиннадцатом часу Миша услышал веселый голос Гинзбурга:

— Доброго утра, Миша! Ну, как погода в Москве?

— Дождь и гром.

— А у нас прекрасно! Сейчас начнется спуск. Передай по телефону членам штаба, чтобы быстрее съезжались.

Вот и экран ожил. Это Мотя постарался, чтобы Мише не было скучно ждать.

Палуба парохода, фальшборт и за ним — большие волны океана. Да, волны океана еще не улеглись. Зато какое яркое южное солнце! А где же другие пароходы? Во время бури они разошлись в разные стороны.

— Мотя, покажи дирижабль, — попросил Миша.

Палуба корабля и море вдруг провалились, словно Миша делал мертвую петлю на самолете, и в голубизне безоблачного неба он увидел сверкающую «сигару» дирижабля. Гинзбург что-то сказал, но Миша не расслышал. На экране телевизора произошла перемена. Теперь Миша видел море с огромной высоты, и траулер казался точкой на океанском просторе. Видимо, Гинзбург переключил Мишу на телеоко дирижабля.

Гинзбург и радист дирижабля устроили репетицию, опробовали аппараты. Все было в порядке. И скоро мощные станции СССР оповестили об очередной трансляции: «Спуск дирижабля». Тысячи людей бросились к экранам телевизоров.

На экране — палуба, залитая ярким светом, матросы в белых костюмах, капитан, ученые, Азорес в дорожном костюме: серая куртка, короткие брюки, носки, туфли, небольшой чемоданчик в руке и на груди — неизменный фотоаппарат.

Потом другая картина: траулер с высоты дирижабля... Кадры начали чередоваться. Черная дымящаяся точка на поверхности океана то вырастала в большой траулер, то исчезала, на ее месте появлялась «сигара» дирижабля. Отчетливо видны гондолы, пропеллеры. Дирижабль быстро опускался... Ветер совсем утих, и это облегчало задачу.

— Но как же он сядет на воду? — спросил Мотя.

— Он не сядет, — ответил Барковский. — Он опустится над палубой и выбросит трап.

— И Карпиловскому придется в воздухе спускаться по трапу?

— Чему же ты удивляешься? — вдруг услышал Миша голос геолога Правдина с борта траулера. — Советские ученые давно перестали быть кабинетными крысами. Подумаешь, диво — спуститься по трапу с воздуха! Ты посмотрел бы, как нам, геологам, приходится вскарабкиваться на обледенелые пики и вершины гор!

Тень от дирижабля укрыла весь траулер. Матросы выстроились возле борта. На всякий случай шлюпки держали наготове. У матросов в руках — спасательные круги. Всякую случайность надо предвидеть, чтобы она не превратилась в несчастный случай.

Еще минута — и трап спущен. Он закачался над палубой. Дирижабль немного сносило ветром, а траулер — течением. Трап двигался в воздухе над палубой, приближаясь к антенне. Вдруг изображение исчезло и тотчас же появилось снова. Теперь палуба была видна сверху — начал работать аппарат «Ц-6».

Трап пронесся на четверть метра выше антенны. Дирижаблю пришлось сделать круг, и вновь трап появился над палубой возле кормы. По трапу спускался ученый. Карпиловский ловко перебирал перекладины веревочной лестницы.

— Наверное, сдал нормы на значок ГТО второй ступени, — заключил Миша.

На дирижабле пустили в ход все аппараты для охлаждения газа. Дирижабль осел. Прежде чем трап коснулся палубы, Карпиловский спрыгнул под приветственные крики встречающих. Азорес успел щелкнуть аппаратом, чтобы увековечить этот момент, и побежал за трапом, который удалялся от него. Все взгляды были обращены на прибывшего, и об Азоресе на мгновение забыли. Вдруг Маковский вскрикнул:

— Стой! Куда ты, сумасшедший!

Конец трапа быстро волокло по палубе от кормы к носу парохода. Азорес бежал, пытаясь вскочить на трап.

— Подожди! Дирижабль сделает еще круг! Вот отчаянный! — Но Азорес уже уцепился за трап и взбирался по нему вверх. Трап, раскачиваясь, приближался к выступу на носу парохода. Об этот выступ Азорес сейчас разобьется. Все крикнули, а Азорес с проворством кошки продолжал взбираться вверх. И все-таки он не успел убрать ноги, и ступни его ударились о рубку. В ту же минуту трап перелетел через рубку и повис над морем.

— Ой, упадет! — разом вскрикнуло несколько человек. — Вот горячка!

Видно было, как Азорес стал дрыгать ногами.

— Разбил ноги!

— Смотрите, смотрите, он взбирается на руках. Вот неугомонный!

Азоресу помогли с дирижабля: капитан приказал быстро поднять трап. Так на трапе и втянули Азореса.

Длинный коридор на «Ц-6». Азорес пытается встать на ноги и сразу же садится. Его подхватывают.

— Ничего, чепуха, — бормочет он и, пошатываясь как пьяный, идет по коридору. — Капитан, где моя каюта?

Так произошел обмен пассажирами в воздухе.

Дирижабль поднялся, сделал круг над траулером и быстро стал удаляться.

— Как ты себя чувствуешь, Азорес? — спросил Маковский.

— Прекрасно! Пляшу, — шутя, ответил тот.

Однако через несколько минут врач дирижабля, осмотрев ноги Азореса, сказал, что удары значительны, хотя переломов и вывихов нет.

— До Америки, во всяком случае, ему придется полежать.

ОДИН ПРОТИВ ТРЕХ

Океан успокоился, и корабли стали собираться на прежнее место.

Расположение затонувшего города было уже точно оп-

ределено. Но советские корабли курсировали и обследовали дно в значительном отдалении от этого места.

— Подозрительные маневры, — бормотал про себя Скотт. Он не ослаблял внимания к советским кораблям и приказал капитану «Урании» держаться поблизости от них. С деланой любезностью Скотт крикнул с мостика в рупор:

— Неужели и на этом месте найдем подводный город?

— Этого пока никто не может сказать, — осторожно ответил капитан советского теплохода.

Скотт продолжал наблюдения. Вслед за драгой с теплохода был спущен телевизор. Шел час за часом, а теплоход находился на том же месте.

— Опустите наш аппарат телевидения! — приказал Скотт и пошел в свою каюту, где стоял телевизор с маленьким экраном. Экран вспыхнул. Мгла. Мелькают рыбы, мачты и трубы затонувших кораблей. Три парусника и два парохода... Луч прожектора советского телевизора шарил около пароходов.

— Так и есть! — воскликнул Скотт. — Теперь не остается никаких сомнений. Они ищут затонувший пароход. Они ищут «Левиафан». Проклятье! Но мы еще увидим, кто первый придет к финишу.

Затонувшие в этом месте пароходы были небольшими, и советский телеглаз стал подниматься вверх.

— Ну, конечно, — прикидывал вслух Скотт. — Они убедились, что это не «Левиафан», и больше их ничего не интересует. О, таких пароходов, как «Левиафан», возможно, лишь два-три на дне Атлантического океана... Что же мне делать? Их пароходы технически оснащены лучше. Правда, «Урания» быстроходней, но в данном случае это небольшое преимущество. Наши поиски не выходят за границу четырех-пяти квадратных километров. Я, по сути говоря, мог бы спокойно ждать момента, когда их суда найдут «Левиафан». А потом... начать действовать, но лучше найти самому. Кто найдет первым, у того больше преимуществ.

Скотт приказал непрерывно кружить на месте, где, как предполагали, погиб «Левиафан». Телеоко целые сутки

блуждало в глубине океана. Капитан «Урании» поделил на карте участок на квадраты в триста метров каждый. Обследованные отмечались крестиками.

Но и советские суда не теряли времени даром. Покинув затонувший город, они тоже усиленно искали «Левиафан».

— Оставим старым бабам верить, что большевикам интересны затонувшие материки и города, — бормотал Скотт. — У них та же цель, что и у меня, но у них превосходство: три парохода. Значит, и шансов на удачу втрое больше. Впрочем, посмотрим, кто будет смеяться последним!

Началось настоящее соревнование. «Урания» и три советских парохода бороздили небольшой участок океана во всех направлениях. Четыре телеглаза рыскали по морскому дну. Водолаз Протчев часами висел в своей подводной люльке, мечтая «утереть нос всем телеглазам».

«Поднять со дна такой пароход — тоже сокровище», — думал Протчев.

Он вспомнил работу по подъему судов: как шлангом-пипкой промывают под корпусом судна ходы, протягивают металлические «ремни» и поднимают судно понтонами. Однажды Протчев едва не погиб под кормой, засыпанный песком. Сколько раз он видел смерть! И все же любит свое дело и не променяет свою профессию ни на какую иную.

— Только бы найти «Левиафан»!..

Но огромный пароход словно сквозь землю провалился.

Скотт нервничал. Один против трех. Нет, не против трех, а против целой державы. Надо что-то придумать, чтобы уравновесить шансы. Скотт часами ходил по каюте из угла в угол и наконец придумал.

— Да, это будет надежнее, — сказал он и вызвал к себе японского водолаза. Между ними произошла длительная беседа. Японец возражал, он не хотел спускаться под воду. Очень опасно: вода кишит акулами.

— Глупости, — парировал Скотт. — Акулы убрались после бури. Уже давно не видно ни одной. Советский водолаз спускается ежедневно.

— Но я сам видел акулу, — настаивал японец.

— Вы привыкли нырять только в ванне! — обозлился Скотт. — Каждая профессия связана с опасностями. Разве акула не нападает на ловцов жемчуга? У вас будет нож... Наконец, ваш водолазный костюм такой жесткий...

— Акула может прокусить шланги, разорвать рубашку...

— Одним словом, вы отказываетесь? — закричал разгневанный этим «саботажем» Скотт. Он не привык к подобным протестам «купленных людей».

Нет, японец не отказывался. Он просто хотел набить цену. Чем больше риск, тем выше плата. Скотт облегченно вздохнул. Если только в этом... И они начали торговаться.

О, мистер Скотт умел торговаться: два раза японец доходил до дверей и возвращался, три раза Скотт возвращал его, и, наконец, поладили. Скотт выплатил половину обусловленной суммы вперед.

— Остальное получите, когда выполните задание.

Японец тщательно пересчитал деньги, не обращая внимания на то, что подобное недоверие «оскорбляет» Скотта, аккуратно сложил их, сунул в карман и вышел.

ПОИСКИ ЗАТОНУВШЕГО ТЕЛЕГЛАЗА

Той же ночью случилось неожиданное событие: свет на экране вдруг погас.

Гинзбург, который стоял на вахте возле телевизора, решил, что испортилось освещение. Возможно, где-то разъединились контакты? Гинзбур оповестил капитана и попросил остановить пароход.

Проверили провода до самого борта. Они были исправны. Очевидно, что-то разладилось в самом аппарате. Придется поднять телеоко. Лебедка заработала быстрее обычного.

— Дела плохие, кажется, телеоко оторвалось, — взволнованно сказал Гинзбург. Как бы в подтверждение этих слов из воды показался конец троса... Телеоко осталось на дне океана.

— Возможно, акула перекусила?

— Акула или не акула, а пока что надо искать телеоко, — ответил Маковский.

Пришлось спустить второй телеглаз.

Ветром и течением пароход могло отнести от места аварии, и Маковский распорядился поставить буек.

Начали искать затонувший аппарат. Гинзбург побежал к экрану. На нем виднелись каменные складки, расщелины, небольшие пики: типичный горный ландшафт. Как нарочно, телеоко упало в таком неподходящем месте! Нелегко найти шар, который мог закатиться в одну из глубоких расщелин. Всю ночь Гинзбург «лазил по дну». Он ежеминутно требовал то придержать ход парохода, то пройти немного вперед, то повернуть вправо, то отпустить трос, то поднять выше. Это была утомительная для всех работа. Иногда на экране неожиданно вырисовывался скалистый пик. Телеоко шло прямо на него; выступающие части объектива и прожектора могли разбиться. И Гинзбург спешил предупредить столкновение:

— Стоп! Задний ход! — кричал он.

Вся подошва горного пика была обследована. Гинзбург начал медленно подниматься выше. Одна из скал была похожа на сахарную голову. На ней имелись острые выступы, за которые телеоко, падая, могло зацепиться. Пришлось осматривать каждый выступ, каждую впадину. Луч прожектора взбирался все выше. Стали резче видны скалы, стоявшие поодаль, хотя на них не падал свет прожектора. Гинзбург за работой забыл о времени. «Почему светится скала?» — думал он. Случайно взглянув на часы-браслет, он увидел, что близится восход солнца. Косой луч пробивал толщу воды, и с каждой минутой скалы освещало все сильнее. Скоро можно будет погасить прожектор. Но он погас автоматически, как только уменьшилось давление воды.

«Значит, я совсем близко от поверхности», — подумал Гинзбург. Он во время обдумывания так сливался с аппаратом, что ему казалось: это он сам бродит под водой.

Здесь, на высоте подводной вершины, «пейзаж» был

разнообразнейший. Появились рыбы. Вершина покрылась водорослями. Легкое волнение достигало этих глубин, и водоросли плавно покачивались, словно от утреннего ветерка. Красные кораллы ветвились, как оленьи рога. На склонах виднелись красные, оранжевые, желтые морские звезды. Ползали крабы.

— Вот! — закричал Гинзбург.

— Что, нашел? — в двадцатый раз спросил его капитан.

— Нет, — разочарованно ответил Гинзбург.

— А что же закричал?

— Показалось, что нашел. Перевернутая шлюпка. Издали она похожа на шар телеока. В шлюпке кто-то поселился. Спрут! Он выпускает свои щупальца. Охота из раковины. Вот схватил рыбину. Есть чем позавтракать. Эх, жаль, что не видит этого Миша Борин! Передавай, Маковский, в Москву.

— Спрут! Спрут! — воскликнул Миша. Он уже давно скучал оттого, что экран не оживает.

— Почему вы сегодня опоздали с трансляцией? — спросил он Маковского.

— Были заняты, — ответил Маковский. — Передай штабу, что у нас большая авария: оборвался телевизор. Теперь ищем его.

— Правда, интересно? — услышал Миша голос Гинзбурга. — Я всю ночь искал.

— Еще не нашел?

— Нет.

— Да ты уже с ног, наверное, валишься и ничего не видишь, — остановил Гинзбурга Маковский. — Надо тебя сменить.

— Ни за что! — ответил Гинзбург.

— Тогда не увлекайся спрутами и ищи телевизор, — сурово приказал Маковский.

— Спрут — это тоже интересно, — вмешался Карпиловский.

Все ученые стояли у телевизора. Маковский развел руками.

— Этого еще недоставало! Нет, так дело не пойдет. Или научная экспедиция, или...

— Не волнуйтесь, Маковский. Нам, ученым, будет выделено особое судно, — успокаивающе проговорил Чудинов.

— Вот это лучше всего, — ответил капитан. — С вами каши не сваришь. Мне нужно найти телеоко. А вас спруты интересуют. Гинзбург, постарайся обвести телеглаз вокруг затонувшей шлюпки и посмотри ее название.

— Дай ход немного вперед! Стоп! Довольно! Ах, черт! Скала мешает. Плохо видно. Сейчас прочту... Леле... леви...

— «Левиафан»! — вскрикнул капитан. — Наверное, это шлюпка с «Левиафана». Выходит, мы близки к цели. Замечательная находка! Но все-таки надо найти телеоко.

— А вот не очень приятная находка, — продолжал Гинзбург. — Скелет человека, и на грудной клетке мешочек. Далее еще скелет.

— И рядом с ним какая-то колода! — закричал Миша, тоже участвовавший в этой экспедиции.

— Не колода, а бочонок, — поправил Правдин. — Видимо, с сухарями.

— Ну уж вы, сухопутные граждане, — иронически сказал капитан. — Сухари в таких бочонках! Сказали бы — с солониной. Да и солонину в таких маленьких не хранят.

— А может быть, с золотом? — засмеялся Чудинов. — Вот была бы находка!

— Подставляй шапку. Так тебе дно океана золотыми бочонками и усеяно!

— Разве мало золота похоронено на дне океана?

— Немало, но попробуй достань.

— И достанем, — вмешался в разговор Протчев. — Час придет — достанем.

— Нашел, нашел! — вдруг закричал Гинзбург. — Вот оно, затонувшее телеоко, теперь уже без обмана. Уберите рабочее телеоко, поднимите вверх, теперь оно не нужно.

Здесь и так видно. Вишь, упало за шлюпку! Еле видно. Подайте немного вперед, — командовал он капитану. — Опускайте ваши «механические руки».

— Щупальца спрута на телевизоре! — вскрикнул Миша.

— Да, обнимают. Спрут не хочет отдать нам телеоко. Этого еще недоставало. Ну, погоди, мы тебя вместе с твоей конурой-шлюпкой вытянем, если ты будешь задерживать, — сказал, смеясь, Гинзбург. Он был очень рад, что нашел телевизор, и забыл о бессонной ночи.

Сверху стал медленно спускаться металлический «паук». Гинзбург управлял его движениями.

— Левее. Еще. Так! Теперь чуть вперед.

«Паук» растопырил свои коленчатые пальцы, замер над шаром телеока.

— Сжимай! — разрешил Гинзбург.

Лапы «паука» сжались, скользнули по поверхности шара, но не ухватили его.

— Распустить пальцы шире. Еще. Так! Спускай! Сжимай! Есть! Схвачен! Тихо поднимай!

Трос натянулся. Слой ила, атмосферной пыли и отложений мелких организмов поднялся со дна и заклубился, как дым. На минуту весь экран закрыло этой тучей. Но «паук» уже тянул свою добычу вверх.

— Быстрее переведите объектив на палубу, — подгонял Миша, боясь прозевать момент, когда «добыча» появится на поверхности воды и опустится на палубу.

Неожиданно экран осветился ярким солнечным светом. Отблескивают чисто вымытые палубные доски. Видна стрела возле кормы. К лебедке спешат Гинзбург, ученые и матросы.

— Не загораживайте! — уже закричал Миша.

Расступились... Вот показалась из-за борта блестящая круглая мокрая поверхность шара. На ней что-то извивается.

Раскатистый смех.

— Спрут! Спрут! Он все-таки не бросил своей добычи.

— Отойдите! — кричит капитан со своего мостика.

Но матросы не очень торопятся отойти — очень уж интересный морской зверь попался! Да и что за опасность. Обовьет щупальцем — это тебе не в океане, быстренько ножом полоснул — и готово.

Шар со спрутом, который в него вцепился, спускается на палубу. Спрут угрожающе шевелит щупальцами.

— У, гадюка! — Матрос бьет по щупальцам шваброй, которой мыл палубу. Спрут подбирает щупальце, как хобот, но выпускает другое. Сколько же их у него? Восемь!

— Вот бы такого паука приспособить поднимать со дна моря то, что нам нужно!

— Полюбуйтесь, — говорит один матрос, — Скотт следит за нами в бинокль.

— Пусть следит, — спокойно отвечает капитан. — Спустите вниз «кишку», надо поднять шлюпку...

— И бочонок! — взволнованно кричит Миша. В это мгновение он забывает, что лежит в постели в Москве. Он чувствует себя полноправным участником экспедиции.

— Поднимем и бочонок, — успокоил его капитан.

Матросы тешились со спрутом, но Гинзбургу хотелось скорее осмотреть телеоко — не повреждено ли оно.

— Обрубите спруту щупальца, — сказал Миша.

Повар, прибежавший с камбуза, вынул длинный острый нож и начал быстро отсекать длиннущие ноги-щупальца. Сверху они были гладенькие, внизу — беловатые, по краям — присоски.

Отрезанные щупальца долго извивались на палубе, истекая кровью.

— Как змеи, — сказал матрос и наступил ногой на отрезанное щупальце. Оно закрутилось и обвило ему ногу.

— Фу, сатана! — выругался матрос, отрывая щупальце. А спрут подыхал от потери крови. По его мягкому телу пробегали судороги.

— Пора опускать телеоко, — сказал Гинзбург. — Сколько времени потеряно зря!

ШЛЮПКА «ЛЕВИАФАНА»

— Скотт всю ночь плавал вокруг, — сказал, зевая, матрос, который сменился после ночной вахты. — Теперь к нам ближе подплыл, вынул очки, усмехается.

Протчев внимательно осматривал концы троса.

— Ты думаешь, это акула перекусила? — спросил он Гинзбурга.

— А кто же?

— А ты когда-нибудь видел зубы акулы?

— Ни разу, — признался Гинзбург.

— Я бы на твоем месте то же ответил. Зубы у акулы, как пилы. Один слой зубов на другом. Когда стираются одни зубы, подрастают другие. Красивые. Филигранная работа. Словно китайский резчик на кости вырезал. Но суть не в красоте, а в том, что зубы акулы оставили бы зубчатые следы. Да и вряд ли акула перекусила бы стальной трос, хотя он и тонкий. На изоляционном слое проводов зубы акулы оставили бы отчетливые рубчики. Я как-нибудь покажу тебе свое плечо, на нем зубы акулы оставили след. Я уж не ошибусь.

— Что же ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Протчев, — что акула здесь ни при чем. Трос и провода перерезаны рукой человека — ножом или ножницами, какими режут проволочные заграждения. Это дело рук японца с «Урании», вернее — Скотта.

— Но «Урания» не подходила ночью близко к нашему траулеру.

— А вот мы выясним. — Протчев позвал матроса, стоявшего на вахте в первую половину ночи.

Матрос сказал, что около полуночи «Урания» подошла близко к нашему траулеру.

— Но так как они на «Урании» делали свое дело — спускали драги и лоты, то я и не беспокоился, — говорил матрос. — Ведь и днем «Урания» часто близко подходила к нашим пароходам.

— Скотт дал команду спускать лоты, драги только для того, чтобы отвлечь внимание, — заметил Протчев. — Нам

надо быть осторожнее и не подпускать близко к себе «Уранию». А впрочем... — И Протчев усмехнулся. — Может быть, и подпустим... — многозначительно добавил он.

Вбежал радист и сообщил новость: на теплоходе этой ночью тоже оборвалось телеоко. Его ищут.

— За одну ночь две аварии! — воскликнул Протчев. — Да, это проворный японец, — добавил он почти с увлечением профессионала, умеющего ценить работу другого.

— Вот вредители проклятые! — возмутился один из матросов.

— Ну что же, будем вылавливать шлюпку и бочонок? — спросил Гинзбург.

— Будем, — ответил Барковский, — но станем другим бортом.

— Чтобы «скотты» не напортили, — добавил молодой матрос.

Скотт заметил маневр и тотчас приказал обойти траулер. Но «Урании» для этого надо было сделать полукруг, и, прежде чем Скотт занял новый наблюдательный пост, шлюпка, поднятая со дна моря, уже лежала на палубе.

Она была покрыта илом и ракушками. Одна уключина уцелела, но была изъедена коррозией. Через среднюю банку был протянут завязанный узлом ремень, под ним лежало несколько тазобедренных костей.

— Вот что осталось от человека, — толковали матросы. — Наверное, привязал себя, чтобы не смыло волной, да так привязанный и пошел на дно. Рыбы сделали свое дело — обгрызли мясо. Остались одни косточки.

Два матроса ножами осторожно соскребли налипший слой с носа и боков шлюпки. Четко выступила надпись: «Левиафан».

— Мы не ошиблись. Эта шлюпка с «Левиафана». Как известно, он затонул так быстро, что все спущенные шлюпки захлестнуло волной. Следовательно, и сам «Левиафан» должен быть поблизости.

— А почему затонул «Левиафан»? — спросил Гинзбург.

— Это так и осталось невыясненным, — ответил Маковский. — Одна из неразгаданных тайн океана. Ну, теперь что же, поднять кожаную сумочку с груди скелета?

— В кисете табак, наверное, — пошутил матрос.

С «кисетом» пришлось повозиться.

Телеоко довольно быстро разыскало скелет — он лежал на открытом месте, и его было хорошо видно при рассеянном солнечном свете.

Пальцы «паука» были не очень приспособлены для такой мелкой работы. Они сжимались и разжимались несколько раз и никак не могли схватить кожаную сумочку... Она проходила сквозь «пальцы». Гинзбург пробовал поднять всю грудную клетку, но едва железные «пальцы» стиснули скелет, кости рассыпались и упали на дно. Наконец Гинзбургу удалось зацепить ногтем железного пальца за ремешок. Мотя приказал поднимать «паука». Но он допустил ошибку: ему надо было следить за подъемом с помощью телеока, он же считал, что ремешок прочно зацеплен пальцем. Увы, то ли ремешок перегнил в воде, то ли «паук» раскачался во время подъема и ремешок при этом выпал. Так или иначе, «паук» явился без добычи. Найти место, куда упала сумочка, было почти невозможно. Гинзбург не мог простить себе этой ошибки. Он готов был искать весь день. Однако несколько часов поисков «кисета» не дали результатов. Возможно, он упал в одну из узких расщелин.

— Придется прекратить поиски, — сказал Маковский. — Да, возможно, и находка того не стоит. В самом деле, что могло быть в этой сумочке? Всего вероятнее, несколько золотых монет или бумажные деньги. А если были бумаги и документы, то они, конечно, давно испорчены водой и, считай, погибли, хотя бы они и имели какое-то значение для нас.

— А бочонок... — хотел крикнуть Миша, но Маковский опередил его желание.

— Поднимем хотя бы бочонок, — сказал он.

— Мой подводный глаз нашел его, — проговорил Гинзбург. — Подводите «паука» левее.

«Паук», расставив лапы, медленно приближался к своей добыче.

СЛЕДАМИ АВАНТЮРИСТА

Дирижабль «Ц-6», высадив Карпиловского и взяв на борт Азореса, полетел в северо-западном направлении. Азоресу это было не с руки. Корреспондент уже выработал план поисков. На «Урании» был флаг Аргентинской Республики. О том, что «Урания» аргентинский пароход, говорил и Кар. Скотт наверняка отплыл от берегов Аргентины. Значит, Азоресу надо было начать поиски с Буэнос-Айреса, тем более что этот город он уже знал и там живет Кар, который также может оказаться полезным.

Но «Ц-6» летел на Нью-Йорк, и Азоресу ничего не оставалось, как высадиться в этом городе и оттуда лететь самолетом в Аргентину. Появление советского цельнометаллического дирижабля вызвало сенсацию, и это дало Азоресу материал для корреспонденции.

В Нью-Йорке Азорес не терял времени зря. Прежде всего он написал очерк об этом капиталистическом Вавилоне: что произошло с городом за два года, в течение которых Азорес не был здесь.

«Можно подумать, — писал Азорес в очерке, — что в Нью-Йорке исчез жилищный кризис. Даже в Бауэре, квартале бедноты, — тьма пустых берлог. Но их обитатели выселены за неуплату квартплаты. Быстрыми темпами идет «рабочее жилстроительство»: выселенные из своих квартир рабочие переселились на окраины города и строят там «здания» из старых ящиков, автомобильных кузовов, консервных банок, старых листов железа и всякого хлама.

В центре города вы можете выбрать для жилья первую попавшуюся квартиру в любом небоскребе... если только у вас есть для этого капитал.

Вместо фешенебельных ресторанов выросли маленькие «спикизи» — кабачки. Возле дверей закрытых кафе нищие, грязные, ободранные индейцы продают сосиски с хреном и «собачью колбасу» — пять центов порция».

Азорес проведал и биржу. Ему казалось, что он попал в дом сумасшедших или в больницу, где больные тифом, оставленные без присмотра, бегают и выкрикивают что-то в суматохе.

Азорес придержал за рукав одного «сумасшедшего», который казался менее буйным, чем другие, и заговорил с ним. Это был мелкий биржевый спекулянт, комиссионер, который доллара за два был готов на все. Азорес пообещал ему намного большую сумму, если тот добудет ему кое-какие сведения о мистере Скотте.

— Мистер Скотт? — сказал маклер. — Их тысячи. Какой вам нужен?

— Тот, который недавно зафрахтовал пароход «Уранию» в Буэнос-Айресе... За сорок лет, лицом желт. Очевидно, болен тропической лихорадкой.

— Тогда вам следует отправиться в Буэнос-Айрес, — ответил маклер, но решив, что нельзя упустить клиента, добавил: — Впрочем, я постараюсь узнать все возможное. Где вы остановились?

Азорес сообщил адрес и прибавил:

— Вот вам пять долларов на расходы.

Маклер почтительно поклонился и, улыбаясь — кто же в Америке не улыбается? — исчез в толпе.

«Конечно, он ничего не узнает, — думал Азорес. — Да мне-то что, пусть хоть пообедает сегодня».

Но «кое-что» маклер узнал. В день отъезда Азореса он неожиданно появился с четырьмя справками о четырех Скоттах, которые больше других походили на того, которого ищет Азорес.

Журналист просмотрел справки и остановился на одной. В ней было сказано немногое: «Несколько лет назад в

Нью-Йорке существовала небольшая рекламная контора какого-то Скотта и Вильямса. Эта «компания» была нестоящей, то есть у нее не было основного капитала, хотя она и умудрялась делать небольшие обороты. После одного удачного трюка Скотт и Вильямс исчезли. Возможно, бежали в Палестину. Дальнейшая их судьба неизвестна».

Азорес поблагодарил маклера, заплатил ему за справки и взял их с собой. «Возможно, пригодятся».

Вечером он уже летел в самолете.

Первый визит — к Кару.

Как он похудел и побледнел! Но на лице все та же улыбка, скорбная улыбка человека, который хочет показать, что его дела — о, конечно, копеечные! — не столь уж плохи. Без этой улыбки разве лавочник отпустит в кредит, а домовладелец разве подождет с квартирной платой?

— Как я рад вас видеть, дорогой товарищ Азорес! — воскликнул Кар, потирая свои сухие руки. — Дела идут успешно. Каковы последние новости?

Азорес рассказал:

— Последнее, что я видел, — это как Гинзбург потерял кожаную сумочку, висевшую на груди скелета, и как наш «паук» опустился, чтобы вытащить какой-то бочонок... Но что с вами, дорогой Кар? Вы так побледнели...

— Скелет... сумочка! — закричал Кар подавленным от волнения голосом. — И вы говорите, что его нашли возле шлюпки с «Левиафана»?

— Да, близ шлюпки, поднятой на борт траулера.

— Да ведь это же скелет Хургеса! — По худым, заросшим рыжей щетиной щекам Кара потекли обильные слезы.

Азорес расчувствовался. Даже корреспонденту не так уж часто случается видеть, как плачут взрослые мужчины.

— Может быть, вы ошибаетесь? Скелеты все похожи. Я, признаюсь, не отличил бы даже женского скелета от мужского.

— Нет, нет, это он, это мой бедный Хургес! Так вот что осталось от него. Какая несправедливость судьбы! Такой ум! Такой человек! Он так и не увидел своей новой родины.

Мир потерял великого человека. Скелет возле шлюпки. А сумочка... Вы знаете, что было в этой сумочке? Вот здесь, в этой комнате, Хургес показывал ее мне и примерял к своей груди...

«Если пароход будет тонуть, я эту сумочку привяжу на шею, — сказал тогда он. — Возможно, мне посчастливится спастись на шлюпке». Да. В сумочке находилось его изобретение — бумаги со схемами и формулами... Но бумаги, конечно, уже испорчены водой. Гинзбург напрасно так сокрушался, я бы его успокоил. Но он сам виноват, — с мягким укором продолжал Кар. — Почему он не вспомнил обо мне?

— Товарищ Кар, Гинзбург, возможно, не очень виноват. Он при мне несколько раз пытался связаться с вами, но не получал ответа. И мы решили, что или вы больны, или что-то вам мешает.

— Это верно, — оживился Кар. — Мои дела вовсе плохи — не сегодня-завтра меня уволят. Хозяева решили, что, как ни мало они мне платят, это роскошь, когда вся заработная плата идет одному человеку. И они поделили мой оклад между двумя служащими. Да, да! Они пригласили еще одного, который чем-то выслужился. Теперь мы работаем с ним через день. По сути дела, он, как и я, почти ничего не делает для фирмы — нет работы. Все стоит. А мой сотрудник к тому же еще и ленив. Дремлет вот в этом кресле. И это хорошо. Из-за лени он ничем не интересуется. Мне пришлось все же перенести нашу коротковолновую радиостанцию к себе на квартиру. А это рискованно. Но ничего не поделаешь. И в те дни, когда я работаю или, вернее, не работаю, я уж не могу разговаривать с вами. Но я обязательно сообщу дни. И мы будем продолжать... если только...

— Если что?

— Если меня совсем не выгонят и я не умру под забором.

Азорес забарабанил пальцами по столу.

— Товарищ Кар, а почему бы вам не уехать в СССР? Вы там будете необходимы. Ведь вы сотрудник Хургеса!

Красноватые веки с рыжими ресницами вздрогнули. В глазах Кара блеснул радостный огонек, блеснул и погас.

— Это невозможно, — тихо сказал он. — Ведь у меня нет средств на такую далекую поездку.

— Средства найдутся, — с уверенностью сказал Азорес. — Вот и решено. Вы поедете со мной. Вас здесь ничто не держит? Ну, я имею в виду родных, возможно — возлюбленную...

Кар вспыхнул, как девушка.

— О нет! Я одинок, как перст. И я готов выехать хоть сегодня.

— Сегодня рано, — промолвил Азорес, улыбаясь. — Вы мне еще здесь окажете помощь. Ведь вы уже слышали о Скотте?

— Как же! И понять не могу, что ему надо или как он узнал о тайне Хургеса, если только он узнал о ней. Это мне чрезвычайно неприятно. Это бросает тень на меня... Могут подумать, что я продал тайну...

Азорес пожал Кару руку.

— Прекрасно. И чтобы вам не мешала работа в этой мышиной норе, вы сегодня же откажетесь от должности...

— Отказаться от должности?! — со страхом вскрикнул Кар.

— Разве вы не решили ехать со мной? — удивленно спросил Азорес.

Кар провел рукой по лбу.

— Да, да, конечно... Но все это так неожиданно! Ну, конечно же, сегодня же я сам заявлю, что ухожу. Но ведь у нас это чрезвычайное происшествие!

— ...и мы с вами примемся за розыски. Узнаем, что возможно, и потом улетим в Атлантический океан, к месту нашей экспедиции. Я уверен, что вы не пожалеете.

— И после этого уверяют, что чудес на свете не бывает, — сказал Кар. Его руки дрожали, как в лихорадке. От волнения он стал переставлять с места на место индукционные катушки, словно уже собирался в дорогу.

ИСТОРИЯ МИСТЕРА СКОТТА

«Паук» схватил добычу и потащил ее вверх. На этот раз Гинзбург попросил поднимать его возможно медленнее. Телеоко он решил оставить на дне. Если бочонок упадет, то вертикально — на то же место. И Гинзбург внимательно следил за экраном. Но на нем мелькали только рыбы, гнавшиеся друг за другом, да воздушные медузы. Наконец Гинзбург с облегчением услышал:

— Есть! Бочонок перевалил за борт.

Три пары глаз оторвались от экранов: капитан следил в своей каюте, Гинзбург — на палубе в специальной камере, Миша — в штабе.

Миша волновался. Это он первым заметил бочонок. Что же в бочонке? Миша присел на постели и попросил Гинзбурга, чтобы никто не заслонял бочонок от объектива приемного аппарата.

— А-а-ах! — вдруг донесся чей-то, как показалось всем, женский голос с моря. Все повернули головы.

Пока поднимали бочонок, «Урания» успела все-таки обогнуть траулер — не зря она была быстроходным судном. Скотт увидел бочонок и... Что сталось с этим холодным самоуверенным человеком, который так умел владеть собой! Он закричал, как истеричка, уронил бинокль в воду и упал на палубу, словно сраженный пулей.

Гинзбург и капитан переглянулись. Скотт обнаружил свою тайну. Так вот что он искал, бочонок! В этом бочонке хранится, конечно, не тухлая солонина...

Один матрос поднял бочонок и снова положил.

— Ого, тяжеленькую добычу поймал наш «паук», — пошутил он. — Дайте скорее топор!

Через несколько минут обручи были сбиты, бочонок открыт. Он был полон золотых слитков.

— Что, что там, в бочонке? — крикнул Миша так громко, что отец прибежал из столовой.

— Что случилось? — спросил он.

— Золото, золото, золото! — прозвенел голос Гинзбурга. — Этого достаточно, чтобы вся экспедиция окупилась!

И Борин-отец увидел Гинзбурга, который держал высоко в руке сверкающий слиток золота.

— Пусть полюбуется мистер Скотт, — хохотали матросы.

А мистер Скотт уже пришел в себя. Из-за борта появились сначала его руки со скрюченными пальцами, потом перекошенное от злобы лицо.

— Бандиты! Разбойники! Будьте вы прокляты! — проревел он хриплым голосом и вновь сполз за борт.

Смех матросов был ответом на этот истерический выкрик человека, потерявшего самообладание.

Скотта подняли и перенесли в каюту. Он прогнал всех и выпил целую бутылку рома. «Ром успокаивает нервы, как виски — приступы малярии» — так полагал Скотт.

— Бочонок... Мой бочонок... Золото... его вторично крадут у меня... О, проклятый Вильямс, проклятые большевики!.. — И Скотт потерял сознание.

Ему чудились бесплодные пустыни, мулы, мешки с провизией, палящее солнце, проводники-индейцы, ножи, костры, прерии, горы... И Вильямс, толстый Вильямс... На привале он своей тушей придавил Скотта, и Скотт задыхается от тяжести тучного тела. Вильямс закрывает своим телом вход в пещеру, и Скотт задыхается. Вильямс хватает мешки с золотом и удирает на мулах, а Скотт бежит за ним по плоскогорью, безлюдному, как поверхность Луны, горячему, как раскаленная плита, и кричит: «Стой, стой, предатель!»

Эти крики разносились по пароходу. Матросы покачивали головами и говорили:

— Совсем свихнулся.

— Золото в голову шибануло, — заметил старый матрос. — Оно крепче спирта обжигает.

Через несколько часов Скотт приподнялся, облил голову холодной водой, посмотрел в иллюминатор, откуда был виден траулер, и процедил сквозь зубы:

— Однако не все еще потеряно, и... мы потягаемся, черт побери!

На пароходах советской экспедиции и в Москве, в штабе, радовались.

— Найдено золото! Но это лишь случайный подарок океана, — сказал Барковский. — Стократ краше и дороже золота то, что тайна Хургеса, очевидно, неведома Скотту и не известна никому за границей, кроме Кара и Азореса. А открытие Хургеса — ценнее золота.

— Пригодится и золото, — сказал Миша. Ведь это он, сидя в московской квартире, нашел на дне Атлантического океана бочонок.

— Ну, теперь мистер Скотт, наверное, снимется с якоря и уйдет, с чем пришел. Он больше не будет мешать, — сказал Барковский.

Но он ошибся. Скотт продолжал поиски.

— Неужели на дне океана схоронен не один бочонок с золотом? — удивлялись на траулере. — Кто-то вез порядочное богатство на «Левиафане». Если бы золото принадлежало какой-либо стране, то, конечно, его искали бы не мистеры Скотты.

— Скотт, видимо, не уйдет до тех пор, пока не уйдем мы, — высказал предположение Маковский. — Если он сомневался в том, что мы сидим здесь ради подводного города, то теперь он и подавно не верит в это. Если бы мы взяли все, что интересует Скотта и что берег океан, то, поверьте, Скотт потерял бы всякий интерес к нашей экспедиции и не задерживался бы здесь ни одного лишнего дня. Ведь ему, наверное, не дешево стоит фрахт такого судна.

АЗОРЕС ПОДАЕТ ВЕСТОЧКУ

Азорес уже несколько дней не давал знать о себе, и Барковский очень обрадовался, когда наконец услышал знакомый голос:

— Алло! Здравствуйте. Это я, Азорес. Со мной товарищ Кар. Мы объездили Боливию, Перу, Эквадор. Тьма приключений. Расскажу, когда вернусь. Напали на след и кое-что узнали о мистере Скотте. Как и следовало ожидать, это

чистой воды авантюрист. Еще в Нью-Йорке Скотт сошелся с таким же авантюристом — нет, с еще более прожженным, каким-то Вильямсом. Скотт открыл в Эквадоре богатые золотые россыпи. Но у него не было средств для их разработки, и он пригласил в компанию Вильямса, у которого были деньги. Чтобы их увеличить, «друзья» открыли в Нью-Йорке одно из дутых предприятий, которые могут привести или к быстрому обогащению, или к тюрьме. Сорвав добрый куш, Скотт и Вильямс исчезли из Нью-Йорка и отправились добывать золото. Очевидно, им действительно повезло. Со слов одного индейца, который работал на золотых приисках, они намыли золота чуть ли не пять бочонков. Часть золота — крупные самородки. Вильямс надул своего компаньона: воспользовавшись тем, что Скотт любит выпить, Вильямс подбавил в бутылку с виски снотворного порошка и ночью удрал, прихватив с собой всех мулов и бочонки с золотом. Он, очевидно, поручил одному из индейцев прикончить Скотта. Почему Скотт остался жив, не удалось выяснить. Вильямс поспешил на пароход «Левиафан», который как раз отплывал, — чтобы удрать в Англию. Пароход, как вы знаете, затонул, а с ним, очевидно, и Вильямс вместе со своими награбленными богатствами. Таким образом, на «Левиафане» плыли и Вильямс, и Бласко Хургес. Вот почему Скотт прибыл на место гибели «Левиафана»... Он, конечно, считает себя «законным наследником» затонувшего сокровища и решил на остатки своего капитала организовать поиски.

— Благодарю за информацию, — сказал Барковский из Москвы. — Тебя, возможно, удивит, но мы уже знаем, зачем приплыл Скотт. — И Барковский рассказал Азоресу о находке и об истерике Скотта. — Стало быть, бочонок не один. Мы и сами так догадывались, потому что Скотт все ищет. Пусть ищет. Можем пожелать ему успеха. Нам его золото не нужно, лишь бы он не мешал. Приезжай быстрее и привози Кара. Привет ему. Мне очень хочется лично познакомиться с сотрудником Хургеса.

МИЛЛИОНЕР-НЕУДАЧНИК

Мистер Скотт переживал тяжелые дни. Когда он отплывал в экспедицию искать затонувшие сокровища, то прикидывал так:

«Левиафан» не иголка. Его нетрудно отыскать на дне океана. Место гибели парохода точно известно. Я приглашу опытных японских водолазов, хорошо заплачу им, и они быстро вытянут бочонки с золотом из затонувшего парохода. Самые крупные расходы — на фрахт парохода. Если зафрахтовать на месяц, считая и время переезда туда и обратно, то этого времени будет достаточно. На месяц фрахта у меня есть деньги. К счастью, я припрятал от своего компаньона немного золотых слитков, которые удалось найти самому. Риск невелик: вложенный в это дело капитал окупится сторицей».

И Скотт, как это не раз бывало в его жизни, поставил на карту все, что имел, надеясь сразу сорвать «банк».

С фрахтом вышло лучше, чем он ожидал: в портах, доках Северной и Южной Америки и Европы стояло много «безработных» пароходов с потушенными топками. О безработных моряках и говорить не приходилось — их можно было бы «накупить» по дешевой цене на целую флотилию.

Когда Скотт объявил о желании зафрахтовать пароход — не было отбою от предложений. Агенты пароходных компаний и комиссионеры роем вились возле отеля, где остановился Скотт. Как человек «коммерческий», Скотт организовал публичные торги. И ему удалось «просто даром» зафрахтовать «Уранию» на месяц. Это «даром» все же влетело в немалую копейку. Оно поглотило почти четыре пятых наличных средств.

Дальше пошло труднее. Когда Скотт запросил агента японской компании подводных работ, тот пояснил ему, что подъемные работы их компания обычно проводит на небольшой глубине. Работать на глубине около ста метров

компания отказывается. «Левиафан» же затонул на глубине нескольких сот, а возможно, и тысяч метров.

«Цену набивает», — думал Скотт, выслушивая пояснения агента, но он ошибался. Японцы отказались взяться за это дело. А пароход был уже зафрахтован. Часть денег уплачена вперед. Отступать поздно.

Скотт бросился ко всякого рода специалистам, которые имели отношение к морям и их глубинам, прося у них совета. Однако получил ту же самую грустную отповедь.

Американские водолазы опускаются в твердых «панцирных» водолазных костюмах на двести пятьдесят —триста метров — это почти граница для водолазных работ.

Один ученый предложил Скотту воспользоваться аппаратом для подводного телевидения.

— Вы наверняка сможете с его помощью найти на дне затонувшее судно, — сказал он.

Аппарат для подводного телевидения надо еще заказать.

Американские компании подводных работ дерут очень дорого за лишнюю сотню метров глубины. Что делать? Пригласить компаньонов? Скотту не трудно было сообщить, что на «Левиафане» есть пять бочонков с золотом. Но тогда придется половину золота отдать компаньону. Скотт был слишком скуп, чтобы согласиться на это. К тому же и найти компаньона не так уж легко. Капиталисты с небольшим и средним достатком давно разорились от кризиса, а крупные неохотно идут на авантюры. Они согласятся иметь меньшую, но верную прибыль на капитал и уж, во всяком случае, потребуют доказательств не только существования, но и технических возможностей добыть бочонки со дна.

Скотт соображал, а время шло, зафрахтованная «Урания» стояла в порту, каждый день приносил бесплодные затраты. И Скотт решил пригласить двух японских водолазов — их помощь в этом деле, во всяком случае, может пригодиться, — приобрести аппарат подводного телевидения, «купить» безработного радиоинженера, радиотехника или специалиста по телевидению и отплыть на место гибели

«Левиафана», обдумывая дорогой, как добыть золото со дна океана.

Японцев-водолазов ему удалось найти помимо компании. Телеустановка и радиоспециалист Поуэрс стоили ему дороже, чем он предполагал. Эти непредвиденные расходы съели почти все остатки его капитала. Остальное он истратил на топливо, провиант, воду, заработную плату экипажу.

Когда «Урания» развела пары и оставила порт, Скотт мог сказать о себе словами древнего философа: «Все мое ношу с собой». Он поставил на карту действительно все и в случае неудачи сошел бы на берег бедняком из бедняков.

Он давно привык к ударам судьбы, но перспектива нового разорения его угнетала, и он решил любой ценой завладеть погибшим сокровищем. Если ему удастся найти на дне океана «Левиафан», это будет половиной победы. Тогда, в крайнем случае, легче будет найти компаньона.

Встреча советской флотилии в Атлантическом океане, на месте гибели «Левиафана», была неожиданным ударом для Скотта. Он не сомневался в том, что большевики каким-то образом проведали о золоте и пришли сюда ради него. У них три судна, прекрасные телеустановки, главное же — почти неисчерпаемые материальные и технические ресурсы. Разве частный капиталист (а Скотт в это время был капиталистом без капитала), разве даже капиталист-миллионер мог конкурировать с целой державой, к тому же с такой, которая не жалеет средств, чтобы достичь цели! Скотт помнил всю историю покорения большевиками стратосферы, освоения Великого Северного морского пути, челюскинскую эпопею... Оставалось надеяться на счастливый случай. Но он не приходил. Тогда Скотт решил сделать первый визит на траулер, чтобы позондировать почву.

Этот визит закончился ничем. Был момент, когда Скотт почти верил в то, что большевиков привела в океан научная цель. Но вскоре выяснилось, что это не так. И Скотту все стало «ясно, как день», когда над поверхностью океана появился «паук». У Скотта же не было таких «механических рук». В воздухе над бортом траулера закачался бочонок. О, конечно, бочонок с золотом.

В это мгновение Скотт чувствовал себя обворованным, разоренным, погибшим. Он чувствовал, что вторично ему не посчастливится найти золотые россыпи — недостанет физических сил. Его здоровье было сильно подорвано скитаниями по всем тропическим «закоулкам». Сказалось и злоупотребление алкоголем, к которому он поначалу всерьез прибегал как к средству против малярии.

Одним словом, его карта была бита. И он впервые в жизни впал в истерику, на какое-то время потерял сознание — одним словом, вел себя как никчемнейший неврастеник.

Правда, он скоро избавился от психической придавленности, но все же его положение было почти безнадежным. Он решил «не срамиться в игре» и перешел к пакостям. Но ему долго не продержаться на этом, если только ему не посчастливится первым найти «Левиафан».

И еще один момент чрезвычайно расстроил Скотта: «паук» достал бочонок прямо со дна моря. Между тем на этом месте — а Скотт его уже осмотрел — «Левиафана» не было. Как это понимать? Вильямс, видимо, не сдавал свой чересчур дорогой груз в багаж и хранил бочонки в своей каюте. Что же случилось на пароходе во время аварии? Возможно, этот бочонок украли матросы, проведав о золоте? Возможно, сам Вильямс успел погрузить все бочонки в шлюпку, и они вместе с ним утонули на большом расстоянии от «Левиафана»... Это вероятнее всего. Черт побери! Вещь потерянная — вещь ничья, «рес нулиус», как говорили римские юристы. Формально, юридически, Скотт не может заявить права на золото и требовать его возврата от большевиков. Да к тому же и обосновывать это право не так уж легко. В крайнем случае суд мог признать право наполовину. Ведь как ни нечестно поступил Вильямс, половина принадлежала ему или его наследникам.

Короче: один бочонок надо было сбросить со счетов. Но на дне лежат еще четыре. Остается одно — продолжать иг-

ру. Если Скотту удастся найти хотя бы один бочонок, все затраты на экспедицию окупятся и у него останется еще капитал, с которым можно снова начать борьбу за «лучшее место в худшем из миров».

Но действовать надо решительно. Месяц кончался, и, если в последние его дни не удастся найти хотя бы один бочонок, игра окончательно проиграна.

Да, сейчас надо действовать решительно. В крайнем случае пойти на кое-какие соглашения с соперниками.

ВТОРОЙ ВИЗИТ СКОТТА

Скотт не подходил к стойке целый день и всю ночь. Утром он встал, тщательно побрился, надел свой лучший костюм и приказал спустить шлюпку. Поступившись самолюбием, Скотт решил сделать второй визит на траулер.

На этот раз он вел себя не так высокомерно. Он «только сохранял достоинство». О, нет, он пришел вовсе не как проситель. Он желает разговаривать «как равный с равным». «Международная конференция на волнах Атлантического океана», — как говорил он, чтобы поднять свой дух.

Его приняли, как и в первый раз, уважительно, с холодноватой корректностью. На иное он и не рассчитывал.

— Мистер! — сказал Скотт, усаживаясь в предложенное кресло и протягивая капитану Маковскому сигару, от которой тот отказался. — Мистер, прошлый раз мы говорили о том, что нам надо установить некий модус, чтобы не мешать друг другу.

Маковский качнул головой и ответил, как бывалый дипломат:

— Мистер Скотт, во всяком случае, вы отнюдь не являетесь стороной, которая могла бы пожаловаться на невыполнение этого условия.

— Я и не жалуюсь, — сказал Скотт. — Я хотел бы поговорить с вами совсем откровенно. Наши политические разногласия, надеюсь, не помешают нам относиться друг к

другу, как это пристало подлинным джентльменам. — Это было сказано не без некоторой иронии по адресу собеседника.

— Я вас слушаю.

Скотт выпустил облачко дыма и проследил за ним, чтобы собраться с мыслями.

— Я не богат. То есть не очень богат, — поправился он и снова сделал паузу. Возможно, он не так начал. — В прошлый раз, — продолжал он, — я не сказал вам, как и вы мне, между прочим, о цели прибытия сюда. Сегодня я решил быть с вами до конца откровенным. — Маковский кивнул головой. — На этом месте, где мы теперь находимся, как вам известно, лежит затонувший пароход «Левиафан». На нем плыл мой родственник, который вез из Южной Америки в Европу наше, то есть его и мое, золото. Так сказать, наше фамильное достояние...

— Можно узнать фамилию вашего родственника, столь трагично погибшего в океане?

Этого вопроса Скотт не ожидал.

— Эдуард Скотт, — сказал он и тотчас раскаялся в этой поспешности. По лицу капитана пробежала чуть заметная усмешка, но ее заметили острые глаза старого авантюриста. «Маху дал, черт побери!» — подумал он.

— Среди пассажиров «Левиафана», насколько мне известно, не было мистера Скотта.

«Им все известно», — снова подумал Скотт и продолжал:

— Правильно. Но вы знаете, что у нас, — подчеркнул он, — не требуют от пассажира или человека, останавливающегося в отеле, документы. Мы можем назвать любую фамилию. А мистеру Скотту кое из каких соображений было удобнее назвать себя... если не ошибаюсь, Вильямсом.

Капитан кивком головы принял такое пояснение.

— Так вот: Скотт (или Вильямс, это безразлично) вез золото, на которое я имел такие же права, как и он. Вильямс погиб. Владельцем золота остался я. И я прибыл сюда, чтобы, если это возможно, добыть мое наследство со дна

океана. К сожалению, неожиданно для себя я встретил новых «наследников»... — И Скотт многозначительно посмотрел на Маковского.

— Почему вы так думаете? — спросил капитан.

— Мистер Маковский, — с некоторым раздражением промолвил Скотт. — Я бы желал, чтобы вы были так же откровенны, как и я. Неужели вы представляете меня столь наивным, чтобы поверить вашим... археологическим экскурсиям на дно океана... Это, конечно, очень интересное и благоприятное для вас стечение обстоятельств — нахождение подводного города вблизи погибшего «Левиафана», но ведь не город же цель вашей экспедиции!

— Почему же не город?

— Перестаньте хитрить со мной! — уже не владея собой, вскричал Скотт. — Разве я не видел собственными глазами, как вы достали со дна моря бочонок, первый бочонок с...

— С?..

— Сколько их, вы должны знать не хуже меня.

— Мистер Скотт. Это, конечно, счастливая случайность, что именно на месте подводного города оказался бочонок с золотом. Это золото случайно — уверяю вас, совершенно случайно — поймал наш «паук». Но из этого случайного факта нельзя делать неправильных выводов о цели нашей экспедиции.

— А сколько весит найденный вами бочонок? Поверьте, что я не имею намерения оспаривать ваше право на него. Десять килограммов?

— Мы не взвешивали, — ответил Маковский. — Но я все-таки не до конца понимаю цель нашей беседы.

— Эта цель очень ясна. Если вы, мистер Маковский, и сейчас отрицаете, что ваша цель — золото, тем лучше для меня. Это только упрощает обстановку. Вы нашли бочонок, пусть он будет вашим...

— Если мы найдем остальные, они также будут нашими, и все-таки нас интересует не золото.

— Так, так! Пусть будет так. Собственником бочонков будет тот, кто первый найдет их и поднимет на поверх-

ность. Но я прошу вас вот о чем. Район наших поисков очень ограничен. К тому же я хотел бы обратить внимание, что ваши суда далеко не ограничиваются зоной подводного города. Да, да, да! Допускаю, что этот город может иметь предместья, вы ищете соседние города, — пусть так. Но дело не в этом. Меня интересует как раз то место, на котором найден первый бочонок. А это как раз под траулером, на котором мы с вами сейчас находимся. У нас с вами одинаковые права на открытую поверхность океана. Но у вас три, у меня один пароход... Не затевать же, в самом деле, войну... И я прошу: дайте мне возможность зондировать глубину океана на тех же местах, где и вы. Ну хотя бы в порядке очереди. Ведь как старательно ни ведутся розыски, найти бочонок на дне океана труднее, чем гриб в лесу. И там, где не повезет вам, возможно, повезет мне.

Маковский подумал и ответил:

— Я не возражаю. В конце концов, так оно и было до сих пор.

— Не совсем так. В последнее время мы избегали подходить близко один к другому. А между тем нам сподручнее работать борт о борт. Конечно, если этому не мешает волнение на океане.

— Как капитан, я не возражаю против этого, как подчиненный, я должен согласовать это с моим непосредственным начальством.

— Надеюсь, вы скоро дадите мне ответ?

— Не позднее сегодняшнего дня, — ответил Маковский.

Скотт церемонно поклонился и отбыл.

Маковский немедленно созвал совещание штаба, рассказал о визите Скотта и его предложениях.

Барковский возражал. После того как Скотт обрезал трос нашей телевизорной установки, ему верить нельзя. И он, возможно, добивается близости только для того, чтобы продолжать шкодить. С ним почти все согласились.

Молчавший Протчев попросил слова. Он настаивал, чтобы Скотту позволили ставить «Уранию» к нашим пароходам так близко, как он пожелает.

— Но он ведь снова может подложить вам свинью, — возразил Барковский.

— А мы эту свинью поймаем. — И Протчев рассказал о своем плане. — Как только «Урания» близко подойдет к борту траулера, я сам спущусь в скафандре и буду сторожить под водой. Вредителей надо ловить по горячим следам, и, я надеюсь, это мне удастся.

— Ныряй, Протчев! — долетел басок Кириллова из Москвы.

В тот же день Скотта уведомили через судовую радиостанцию, что его предложение принимается. «Судна обеих сторон будут сближаться по мере необходимости и насколько это допустимо по условиям судовой безопасности».

...Азорес и Кар доехали пароходом до Азорских островов. Оттуда их привез на место советский гидроплан, обслуживавший экспедицию.

«Какой он щуплый и напуганный», — подумал матрос, встречавший Кара на борту траулера.

Кара приняли дружно и окружили вниманием. Первое время он испуганно озирался, ему все еще представлялось грозное начальство американской компании, которое могло одним росчерком пера вычеркнуть его из жизни. Он был похож на птицу, выпущенную на волю после долгого сидения в клетке. Но постепенно Кар «оттаивал». Он с интересом наблюдал новую жизнь. Когда ему показали большой экран телевизора и на нем появились четкие красочные стереоскопические изображения, Кар покачал головой и сказал:

— Это больше, чем я мог ожидать.

КАР ЗНАКОМИТСЯ С НОВОЙ СТРАНОЙ

Кара рекомендовали штабу. Николай Петрович Борин предложил ему работать в своей лаборатории. Будущее Кара было обеспечено.

Потом Кар, не выходя из каюты, с космической быстротой совершил свое первое путешествие по СССР. Телеустановки имелись везде — от Минска до Сахалина и от Новой Земли до Кушки — самого южного населенного пункта СССР.

Все эти станции были соединены невидимыми нитями с Москвой. Они передавали изображения на центральную московскую радиостанцию, которая и передавала «Всем, всем». Дело было организовано так, что одно изображение следовало за другим, как на конвейере. Возникало впечатление, что по гигантской карте СССР скользит чудесное око, которое осматривает страну с недостижимой высоты. «Сценарий» был скомпонован так, чтобы за короткое время демонстрации показать главнейшее из того, что создано за годы упорного труда.

...Вот рыщут в небе воздушные полярные разведчики-дирижабли. Под ними — необозримые поля торосистого льда, перерезанные «реками», каналами, «озерами» чистой воды. Мощные ледоколы ведут за собой караваны судов по Великому Сибирскому морскому пути... Вот среди голых скал и снегов на островах, на побережьях морей поблескивают огнями строения самых дальних в мире полярных радио- и метеостанций...

Темень... Морозы... Снежные бураны... Страшные места... Страшная, наверное, и жизнь.

Страшная? «Всевидящее око» заглядывает в один из этих домов, «затерянных в краю мрака и холода». В лабораториях кипит научная работа. Ярко освещенная, хорошо натопленная комната клуба. Библиотека, радио, кино, экран телевизора. Живая связь со столицами, с родными.

Играют дети, греясь в лучах «комнатного горного солнца» в детском саду. Едят свежие овощи, ягоды... Лютый северный ветер вращает лопасти ветряной электростанции, претворяющей ветер в тепло и свет. В разноцветных лучах электроламп дозревают овощи в оранжереях. Молодежь катается на финских санях, лыжники охотятся...

На экране мелькают человеческие лица — они больше

всего интересуют Кара, — энергичные, бодрые. Новая порода людей...

Дирижабли низко опускаются над ледовым полем. На льду — барак и мачта радиостанции.

— Плавучая метеорологическая обсерватория на Северном полюсе, — слышит Кар пояснения диктора.

— Не совсем на Северном, — поправляет другой голос, и на экране появляется веселое лицо радиста-полярника. — Мы создали станцию на самом Северном полюсе, но дрейфом льда нас немного отнесло от полюса. В этом назначение станции: наблюдать за движением льда в Арктике. Мы плаваем, как закупоренная бутылка, брошенная в море, — очень медленно, почти неприметно.

«Как бутылка, брошенная беднягой Хургесом», — вспомнил Кар и вздохнул.

«А это что?..» Яркие зори на аспидно-сером небе и рядом ослепляюще-яркий, пламенеющий диск солнца, невиданного солнца с краями, которые трепещут огненной бахромой.

Каюта, иллюминатор. Человек в темных очках трудится за столом; на столе инструменты, приборы... Это Стратосферная станция для изучения космических лучей.

«Чудесное око» вновь спускается на землю. Гигантский «пароход» движется по тайге, как танк, пробивая себе дорогу среди деревьев.

— Вездеход для тайги. Проламывает просеки. Одновременно геологи ведут разведку.

...Жужжат электропилы, отбрасывая золотые опилки, падают деревья. Машины обрубают ветви, очищают кору, распиливают стволы, кладут на вагонетки. Вагонетки катятся по подвесной дороге, мчатся по просеке навстречу большим зданиям лесохимического комбината. Следом бегут вагонетки с опилками, ветвями, корнями... А там, дальше, на поезда грузят бревна, шпалы, фанеру, смолу, древесный спирт, формалин, канифоль, скипидар, бумагу, целлюлозу, кормовой сахар.

Мурманск... Консервные и засолочные заводы... Горы рыбы... Оленьи стада... Оленьи колхозы и совхозы... И здесь — перерабатывающие заводы.

Сверкает огнями флотационная фабрика города Кировска. Шумят заполярные гидроэлектростанции. Серебряной лентой протянулся Беломорский канал...

А вот и великаны, о которых Кару доводилось слышать: Днепрогэс, Магнитогорск, Кузнецкий, Челябинский, Краматорский заводы, Бобриковский комбинат. Растут плотины на Волге, Ангаре... Тракторы на бескрайних полях, комбайны, элеваторы, хлебозаводы, мясокомбинаты...

Завоеванные для земледелия пустыни Средней Азии... Советские субтропики... Пальмы... мандарины, хинные, пробковые деревья, лимонные, чайные плантации.

Харьков, Киев, Ленинград, Москва... Метрополитен. Дворец Советов... Парк культуры и отдыха... Толпы отдыхающих, спорт, игры, танцы...

У Кара голова идет кругом. Нет, это даже слишком! «Чудесное око» показало ему то, о чем не узнаешь из книг. Надо быть титаном, чтобы создать все это за такое короткое время. Как это случилось? Как могло совершиться? Откуда берется эта неисчерпаемая энергия? СССР — словно зеленая ветвь на старом, усохшем дереве мира.

Невольно Кар вспоминает Буэнос-Айрес. Нью-Йорк... Контраст страшный. Один час такой демонстрации убеждает на всю жизнь.

Но почему эта передача не демонстрировалась на экранах обеих Америк?..

— Как вам понравилось, товарищ Кар? — спросил Борин-отец.

Миша вдруг услышал сухой треск. Гинзбург обманом направил объектив аппарата на лицо Кара. Да, это он смеялся, хотя и был растерян.

— Простите, но... нервное напряжение мое вылилось в смех... Мне пришла на ум одна вещь. Почему у нас не показывают ваши телепередачи?

— Еще бы! — усмехнулся Кириллов. — Для них это было бы самоубийством.

— Да, да. Вы правы. Конечно. А рассмеялся я, кажется, вот почему... У меня бывает так, что одна мысль обгоняет другую. Я подумал: капиталистический мир свертывает работы в области телевидения не только вследствие кризиса. Телевидение становится небезопасным. Ведь если бы каждый рабочий, каждый радиолюбитель имел приемный аппарат и с его помощью мог принять хотя бы одну такую передачу, то всякая ложь о Советском Союзе стала бы невозможной. Последствия телепередач из СССР были бы для капиталистов действительно губительны, тем более что в такой пропаганде нет ничего противозаконного.

— Но телевидение все же существует на Западе и в Америке, — сказал Борин.

— Да, оно возникло и развивалось, пока эта опасность еще не принималась в расчет. В успех ваших самостоятельных работ в этой области верили немногие. А вы взяли да и выросли. И создали новое могучее оружие вашей мирной пропаганды ваших достижений. Вы можете только показывать, ничего не добавляя. Никаких громких фраз: они не нужны...

И Кар снова рассмеялся.

«Его смех звучит, как атмосферные разряды», — подумал Миша.

— Но без боя они не уступят, — продолжал Кар. — Я знаю их. Теперь они заглушают ваши радиопередачи, скоро начнут «гасить» или «заливать светом» ваши телепередачи.

— Что ж, посоревнуемся и на телефронте, — усмехаясь, ответил Борин.

— Наверное, дойдет до того, что индивидуальные телеустановки будут запрещены. За прием телепередач из СССР будут штрафовать, сажать в тюрьму, как это и сейчас делается в ряде стран с радиоприемом. Как интересно стало жить! — воскликнул Кар, потирая свои сухие ручки. —

Прошу зачислить меня рядовым на телефронт! — закончил он, тряхнув рыжей бородкой.

После этого «путешествия» Кар с новым интересом смотрел на своих друзей, словно они были с иной планеты.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ПУТИ

— Как твоя нога, Миша?

— Азорес? Здравствуй! Благодарю. Все идет прекрасно. Скоро прилечу к вам. А как твое путешествие? Много видел интересного?

— О, как всегда, материал огромный! — ответил Азорес.

— Какой материал?

— Для газеты, конечно. Северо-западный угол Южной Америки — настоящие Балканы, к тому же Балканы в огне. Войны, восстания, перевороты не прекращаются. Однажды мы с Каром попали в такую сумятицу, что думали, там и головы сложим. Вырвались из этого ада капиталистических хищников и сразу же очутились на Луне. — Азорес рассмеялся. — Да, горная страна, куда мы попали в поисках следов Скотта и Вильямса, своим ландшафтом и вправду напоминает Луну. Днем — ужасающая жара, ночью — холод. Голые скалы. Пустыннейшее место на земле. Даже насекомых нет. Из животных встречались только ламы. Населения почти нет. И вот в этих-то местах бродили Скотт и Вильямс в поисках золота. Нам надо было найти индейца, работавшего на приисках Скотта и Вильямса...

— А как вы добирались? Пешком?

— На мулах, с двумя проводниками. Один из них метис, второй индеец.

Однажды мы остановились на ночлег возле хижины скотовода-испанца. Он разводит лам и торгует ими. Это единственный в округе «отель». Хозяин встретил нас любезно и посоветовал разместиться на чердаке или внизу, где уже лежало на полу вповалку человек пятнадцать. Мы, конечно, выбрали чердак. Хозяин принес матрацы, которые пахли навозом и, казалось, были набиты картофелем,

бросил их на пол чердака и старательно заткнул тряпками небольшие оконца. Мы подумали, что он старается уберечь нас от ночного холода, но немного погодя поняли, от чего именно.

— От чего же?

— Вот послушай. Переночевали мы и тронулись в глубь страны, где не было уже никаких отелей и вообще человеческого жилья. Наступающую ночь мы вынуждены были провести под открытым небом. Товарищ Кар перед выездом настоял на том, чтобы мы сделали себе прочные костюмы, этакие комбинезоны из парусины с капюшоном для головы. «Иначе нас заедят комары, вы не знаете Южной Америки», — сказал он. Но его познания также, видимо, были ограниченны. Наши проводники сильно смеялись, когда я однажды развернул «водолазные» костюмы, лежавшие в чемоданах.

«В горах нет ни москитов, ни мух, ни комаров», — сказал один. Пришлось положить костюмы в чемодан. Однако на первом ночлеге под голым небом мы вспомнили о костюмах. У нас не было даже накидок, а ночи там бывают холодные, ветер свирепый. Мы решили, что толстые парусиновые костюмы защитят нас от холода: облачились в свои «скафандры», надвинули на головы капюшоны, подостлав вниз войлочную полость. Наши же проводники, закаленные ребята, имели только одеяла. Их руки и ноги были голы. Стреножив мулов, проводники также улеглись поодаль от нас, и вскоре мы все уснули.

Просыпаемся на рассвете — нет ни проводников, ни мулов. Неужели проводники украли мулов и удрали? Но почему же они не взяли наших чемоданов? Вдруг Кар приметил на земле нечто напоминающее плевки кровью. Пятна крови на месте, где лежали проводники. Значит, проводники убиты... За камнями раздался стон, а потом мы увидели одного проводника. Его бронзовая кожа стала бледно-синеватой, на груди, на руках и особенно на ногах были раны, словно его искололи пиками. Мы бросились ему на по-

мощь. Скоро нашли и второго проводника, также всего израненного и без памяти. Мы не могли понять, что случилось, пока наконец первый проводник, набравшись сил, не рассказал нам.

«Ночью на наш табор налетели, очевидно, крылатые хищники — летучие вампиры». Обычно они неслышно приближаются к спящему животному или человеку, прокусывают кожу такими острыми зубами, что сонный человек не ощущает боли, и начинают сосать кровь. Говорят, от этого человек засыпает еще крепче.

Первого проводника нам удалось спасти, второй умер от потери крови.

— А кровавые плевки?

— Я просто думаю, что они от жадности переполняют свой желудок и часть крови выплевывают.

— Как же вы остались живы?

— Нас спасли водолазные костюмы.

ПОДВОДНАЯ ДУЭЛЬ

На океане был штиль. Солнце поднималось в утреннем тумане, целый день обливало жгучими лучами ровную синюю поверхность океана, пароход, людей на палубе и опускалось в вечерней мгле. Загорелись крупные звезды. Ночи были душны и темны — наступало новолуние. Море светилось.

В одну из таких ночей «Урания» близко подошла к траулеру.

— Пора мне нырять! — сказал Протчев. Его водолазный костюм давно был осмотрен и приготовлен. Протчев вышел на палубу и стал не спеша одеваться в водолазную одежду. Тяжелые калоши и резиновый костюм были уже на нем. Оставалось надеть на голову скафандр.

— Нож не забыл? — спросил Маковский.

— Есть! — коротко ответил Протчев. — Все в порядке. Надевайте.

Два матроса подняли тяжелый шлем и надели на водолаза. Протчев почувствовал привычную тяжесть и, медленно переставляя ноги, пошел к борту. Свинцовые подошвы мешали идти. Протчев словно очутился на иной планете, где существует удвоенная сила тяжести. Но эта тяжесть уменьшится, как только Протчев окажется под водой. Опробовали трос, прикрепленный сзади к костюму, аппарат, подающий воздух, телефон — все в исправности.

— Воздух хорошо поступает? — спросил матрос на помпе.

— Прекрасно, — ответил Протчев.

Лицо Протчева, видневшееся сквозь стекло — окно шлема, — было спокойным, как и всегда. Все заметно волновались.

— Спускайте, — приказал Маковский.

Протчев перешагнул через борт. Трос натянулся. Протчев повис в воздухе и медленно стал погружаться в воду. Вот его толстые ноги коснулись воды, еще минута, и вода сомкнулась над шлемом. Протчев опустился под воду.

Все это было сделано тихо и осторожно с борта, противоположного «Урании». С этого же борта опустили и телеоко.

— Кажется, на «Урании» ничего не заметили, — тихо сказал Маковский.

Протчева медленно и незаметно повели вокруг носовой части вдоль корпуса корабля.

На «Урании» все казались занятыми обычными поисками. Спускали лот, хотя этого теперь и не надо было делать, небольшой шар телеприемника. Ночь, как и все; работа, как всегда...

Стрелки на часах Гинзбурга показывали полночь. В Москве было четыре часа утра, но Миша не спал. Мотя предупредил его еще накануне, что сегодня должна быть интересная ночь, и Миша упросил отца оставить его на ночную вахту.

— Ведь я уже абсолютно здоров, и врач позволяет мне

ходить по комнате. Через несколько дней я смогу гулять. Не посплю ночь — завтра высплюсь.

Отец позволил ему.

Медленно тянулась ночь. Экран был темным. Гинзбург предупредил, что передача по телевизору начнется лишь после того, как Протчев опустится под воду. Показать спуск нельзя — для этого пришлось бы осветить Протчева, а свет мог быть замечен телеоком «Урании».

...С улицы изредка доносились гудки автомобилей. Квартира Борина была недалеко от Арбатской площади. Погромыхивали ночные трамваи, гудели автобусы. Москва не спала.

Но Миша привык к этим звукам великого города и почти не слышал их. В углу однообразно стучали большие стенные часы. У Миши слипались глаза.

— Не смей спать! Ты не должен спать! — убеждал себя Миша. — Ведь ты на вахте... — Но глаза не слушались и слипались. Кажется, Миша чуточку задремал.

— Спишь? — услышал он голос Гинзбурга и встрепенулся, как птица.

— Нет, — ответил Миша тихо, словно их могли подслушать.

Эта ночь настраивала на таинственный лад. Миша взглянул на часы. Он дремал не больше пяти минут.

— Протчев под водой. Сейчас наш подводный телевизор покажет, что делается под водой.

Миша провел рукой по глазам, чтобы смахнуть остатки сна, и стал смотреть на экран. На экране, как и ранее, было темно.

— Почему ничего не видно? — спросил Миша.

— Потому что Протчев не зажигает фонарь, он сидит в полной темноте.

— Значит, ничего не увидим?

— Если только кто-либо иной не зажжет фонарь, — ответил Гинзбург.

В этот самый момент Миша увидел, что верхний правый

угол экрана слегка осветился... Или это только показалось Мише... Свет словно растаял... Нет, вот снова блеснул — на этот раз луч прорезал экран по диагонали. И снова погас. Но этого было достаточно. У Миши сильно заколотилось сердце. Значит, кто-то был под водой, кроме Протчева... Сейчас начнется самое интересное...

И оно началось. Яркий луч света метнулся снизу вверх, и Миша снова увидел фигуру водолаза. На его груди — фонарь, хотя и не такой сильный, как у Протчева. В правой руке водолаз держал большие ножницы и направлялся, подруливая левой рукой, к тросу и кабелю телеаппарата.

«Это, конечно, кабель нашего телеока. Водолаз хочет перерезать его», — подумал Миша.

Водолаз, неожиданно увидев свет, дернул за сигнальную веревку.

«Значит, у этого водолаза нет телефона».

Протчев, очевидно, уже доложил по телефону, потому что его быстро подняли и он быстро оказался на одном уровне со своим противником. Наверное, Гинзбург, следя за изображением на экране, регулировал положение подводного телеока и установил его так, что теперь Миша хорошо видел борцов, готовых к схватке. Протчев выхватил ножницы из рук японца и сунул их в мешочек на ремне. Пока Протчев прятал ножницы, как трофей, водолаз вынул большой нож и замахнулся на Протчева.

— А, бандит, ты хочешь убить меня! — услышал Миша голос Протчева.

Водолаз-японец не успел ударить Протчева, потому что японца неожиданно подняли. Но, судя по тому, как его рука прошла сквозь водную среду, видно было, что этот человек привык двигаться и рассчитывать свои движения в воде.

Миша рассмеялся, когда Протчев схватил японца за ногу и тот начал комично дрыгать второй ногой, чтобы тяжелой подошвой сбить руку Протчева. Но водолазный костюм смягчал удары, и Протчев крепко держал японца, медленно поднимаясь вместе с ним.

Одновременно Миша заметил, что Протчев перестал «травить воздух», над шлемом не появлялись пузырьки воздуха. Зачем Протчев это сделал? Неужели он, увлекшись борьбой, перестал нажимать головой на воздушный клапан? Рубашка Протчева раздулась. А, вот оно что! Протчев сделал предохранительную воздушную прослойку. Удары свинцового ботинка теперь не могли ему повредить — при каждом ударе нога японца отскакивала от раздутой рубашки Протчева, как от мяча.

Японец, очевидно, хотел быстрее подняться — удрать от этой неожиданной дуэли на дне океана. Но хотя здесь было сравнительно неглубоко, Миша знал, что быстрый подъем опасен для здоровья. Впрочем, наверху, возможно, и не ожидали, что положение японца столь серьезно.

— Нет, погоди, друг, я хочу познакомиться с тобой поближе! — продолжал Протчев. И откуда взялись слова у этого всегда молчаливого человека? Может быть, он на дне становился разговорчивым? Гинзбург не вмешивался в этот монолог. Он и так видел, что делается.

Протчев начал «травить» лишний воздух, чтобы его не выбросило наверх, и быстро «отощал». Он уже поднялся на один уровень с японцем, и теперь свинцовые подошвы противника не угрожали ему.

— Я отнял у тебя на память об этой встрече ножницы, теперь нож твой мне полюбился, — продолжал Протчев. Японец остервенело замахал ножом. Каждый удар мог оказаться смертельным для Протчева: стоило только чуть-чуть зацепить водолазный костюм, и в него прошла бы вода. Но Протчев смело продвигался вперед, подставляя под удары японца свой шлем. Лишь бы рука японца не добралась до шланга, нагнетающего воздух! Протчев выбрал момент и отвел в сторону шланг и трос.

Миша был захвачен этой борьбой. Он стремился не пропустить ни одного движения.

— Папа, иди сюда быстрее! — крикнул он так громко,

что Николай Петрович тотчас же проснулся и прибежал в кабинет.

— Смотри!

Миша проследил за рукой Протчева, когда тот отодвигал шланг. Вдруг он увидел за рукой Протчева туманный свет. Очевидно, луч фонаря отразился от чего-то блестящего. Но что бы это могло быть? Пятно темноватого света за спиной Протчева пропало. Едва Миша успел взглянуть на борющихся, как это туманное пятно ярко вспыхнуло и превратилось в голову акулы.

— Акула! Акула за спиной Протчева! — крикнул Миша, даже не сообразив в этот момент, что Протчев услышит крик. И Миша был чрезвычайно удивлен, увидев, как Протчев повернулся всем телом. Теперь акула находилась всего в метре от Протчева. Она уже перевернулась на спину, как всегда, раскрыла широкую, вооруженную острыми зубами пасть. Блеснули зубы.

В следующую минуту Протчев всадил нож в горло морского хищника. Весь экран заволокло красным туманом — это разлилась кровь! Чья?..

— Протчев! — крикнул Миша.

— Чего кричишь? — услышал Миша спокойный, как всегда, голос эпроновца. — Хорошо полоснул. Жаль только, японец удрал. Ничего. Вдругорядь не полезет. Эй, Гинзбург, поднимай быстрее! В этот кровавом тумане как бы вторая акула не появилась. Они за милю кровь чуют.

— Нельзя быстрее! — сказал Маковский.

— Чего там нельзя? — послышался голос Протчева. — Выдержу! Ведь я вас слышу, вы — меня. Если мне плохо станет — скажу.

Сквозь красноватый туман Миша увидел, как расплывчатое темное пятно, имевшее форму водолаза, поползло вверх. Пауза. Слышно, как тяжело дышит в своем скафандре Протчев.

— Какой сильный человек! — сказал кто-то по-английски.

— Да, сильнее нас с вами, товарищ Кар, — отозвался голос Азореса.

— А ты все-таки молодец, Миша, — услышал вдруг Миша голос Протчева. — Спас меня.

Миша Борин был польщен этой похвалой. Теперь он мог считать себя настоящим участником этой опасной экспедиции. Правда, самому Мише не угрожала ни малейшая опасность, но все же если бы не он, акула разорвала бы храброго Протчева. Подвиг небольшой, но о нем знают все, все поздравляют Мишу. Даже Кар. Вот он кланяется на экране и моргает своими красными веками с рыжими ресницами.

Новый «кадр»: Протчева поднимают на палубу. Теперь его ярко освещают прожектором. Пусть видит мистер Скотт. Как добрался его японец?

«Урания» уже отошла от «Серго».

Протчев, пошатываясь, стоит на палубе. Подводная борьба и быстрый подъем утомили даже этого закаленного человека.

Маковский поддержал его за локоть. Протчев отводит руку капитана и показывает на скафандр. Матросы быстро снимают его с головы водолаза.

Лицо у Протчева синее, но он уже улыбается. Затем снимает тяжелую рубаху, нагибается, вынимает из сумочки большие ножницы, отнятые у японца, и, высоко подняв их над бортом, стрижет в воздухе. Ножницы ярко освещены.

Три парохода под советским флагом отплыли на северо-восток, «Урания» — на юго-запад.

Скотт возвращался с пустыми карманами и в отчаянии. Товарищ Кар — с новыми надеждами и огромным интересом.

Два мира — две судьбы...

Океан снова стал пустынным. На том месте, где еще недавно кипели людские страсти, равнодушно катились длинные зеленые волны. Летучие рыбы прыгали из воды, ветер играл волнами.

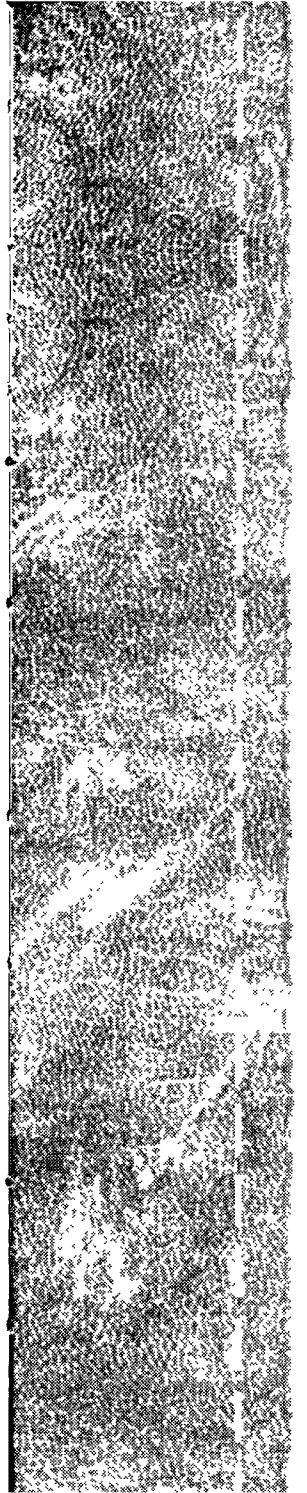
А под зеленым водным покровом спал особый мир — мир затонувшего города, но и он просыпался для новой жизни.

Телеоко открывало только первые страницы этой интересной книги. А сколько их лежит еще не прочитанными и ждет своего нетерпеливого, любознательного читателя!..

— Так тебе, Мишук, и не посчастливилось побывать в экспедиции, — сказал Николай Петрович. — Не горюй. На твой век еще хватит экспедиций!

Миша протянул отцу толстую общую тетрадь.

— Вот дорожный журнал атлантической экспедиции трех советских судов, — сказал он. — Даже участник экспедиции не мог бы написать более точно. Тут материал для целого романа, который можно было бы назвать «Чудесное око».

Звезда КЭЦ

Посвящаю памяти
Константина Эдуардовича Циолковского

1. ВСТРЕЧА С ЧЕРНОБОРОДЫМ

Кто бы мог подумать, что незначительный случай решит мою судьбу.

В то время я был холост и жил в доме научных работников. В один из весенних ленинградских вечеров я сидел у открытого окна и любовался на деревца сквера, покрытые светло-зеленым молодым пушком. Верхние этажи домов пылали палевыми лучами заката, нижние погружались в синие сумерки. Вдали виднелись зеркало Невы и шпиль Адмиралтейства. Было удивительно хорошо, не хватало только музыки. Мой ламповый радиоприемник испортился. Нежная мелодия, заглушенная стенами, чуть доносилась из соседней квартиры. Я завидовал соседям и в конце концов пришел к мысли, что Антонина Ивановна, моя соседка, без труда могла бы помочь мне наладить радиоприемник. Я не был знаком с этой девушкой, но знал, что она работает ассистентом физико-технического института. При встрече на лестнице мы всегда приветливо раскланивались. Это показалось мне вполне достаточным для того, чтобы обратиться к ней за помощью.

Через минуту я звонил у дверей соседей.

Дверь мне открыла Антонина Ивановна. Это была симпатичная девушка лет двадцати пяти. Ее большие серые глаза, веселые и бодрые, глядели чуть-чуть насмешливо и самоуверенно, а вздернутый нос придавал лицу задорное выражение. На ней было черное суконное платье, очень простое и хорошо облегавшее ее фигуру.

Я почему-то неожиданно смутился и очень торопливо и сбивчиво стал объяснять причину своего прихода.

— В наше время стыдно не знать радиотехники, — шутливо перебила она меня.

— Я биолог, — пробовал оправдаться я.

— Но у нас даже школьники знают радиотехнику.

Этот укор она смягчила улыбкой, показав свои ровные зубы, и неловкость растаяла.

— Пойдемте в столовую, я допью чай и пойду лечить ваш приемник.

Я охотно последовал за ней.

В просторной столовой за круглым столом сидела мать Антонины Ивановны, полная, седая, розоволицая старушка. Она с суховатой любезностью поздоровалась со мной и пригласила выпить чашку чаю.

Я отказался. Антонина Ивановна допила чай, и мы направились ко мне.

С необычайной быстротой она разобрала мой приемник. Я любовался ее ловкими руками с длинными, подвижными пальцами. Говорили мы немного. Она очень скоро поправила аппарат и ушла к себе.

Несколько дней я думал только о ней, хотел зайти снова, но без повода не решался. И вот стыдно признаться, но я нарочно испортил свой приемник... И пошел к ней.

Осмотрев повреждение, она насмешливо взглянула на меня и сказала:

— Я не буду чинить ваш приемник.

Я покраснел как вареный рак.

Но на другой день снова пошел — доложить, что приемник мой работает великолепно. И скоро для меня стало жизненной необходимостью видеть Тоню, как я мысленно называл ее.

Она дружески относилась ко мне, по ее мнению, я, видите ли, был только кабинетный ученый, узкий специалист, радиотехники не знал, характер у меня нерешительный, привычки стариковские — сиднем сидеть в своей лаборатории или в кабинете. При каждой встрече она говорила мне много неприятного и советовала переделать характер.

Мое самолюбие было оскорблено. Я даже решил не ходить к ней, но, конечно, не выдержал. Больше того, незаметно для себя я начал переделывать свой характер: стал чаще гулять, пытался заняться спортом, купил лыжи, велосипед и даже пособия по радиотехнике.

Однажды, совершая добровольно-принудительную прогулку по Ленинграду, я на углу проспекта Двадцать Пятого Октября и улицы Третьего Июля заметил молодого человека с иссиня-черной бородой.

Он пристально посмотрел на меня и решительно двинулся в мою сторону.

— Простите, вы не Артемьев?

— Да, — ответил я.

— Вы знакомы с Ниной... Антониной Герасимовой? Я видел вас однажды с ней. Я хотел передать ей кое-что о Евгении Палее.

В это время к незнакомцу подъехал автомобиль. Шофер крикнул:

— Скорей, скорей! Опаздываем!

Чернобородый вскочил в машину и, уже отъезжая, крикнул мне:

— Передайте — Памир, Кэц...

Автомобиль быстро скрылся за углом.

Я вернулся домой в смущении. Кто этот человек? Он знает мою фамилию? Где он видел меня с Тоней или Ниной, как он называл ее? Я перебирал в памяти все встречи, всех знакомых... Этот характерный орлиный нос и острая черная борода должны были запомниться. Но нет, я никогда не видал его раньше... А этот Палей, о котором он говорил? Кто это?

Я пошел к Тоне и рассказал о странной встрече. И вдруг эта уравновешенная девушка страшно разволновалась. Она даже вскрикнула, услыхав имя Палей. Она заставила меня повторить всю сцену встречи, а потом гневно набросилась на меня за то, что я не догадался сесть с этим человеком в автомобиль и не расспросил у него обо всем подробно.

— Увы, у вас характер тюленя! — заключила она.

— Да, — зло ответил я. — Я совсем не похож на героев американских приключенческих фильмов и горжусь этим. Прыгать в машину незнакомого человека... Слуга покорный.

Она задумалась и, не слушая меня, повторяла, как в бреду:

— Памир... Кэц... Памир... Кэц.

Потом кинулась к книжным полкам, достала карту Памира и начала искать Кэц.

Но, конечно, никакого Кэца на карте не было.

— Кэц... Кэц... Если не город, так что же это: маленький кишлак, аул, учреждение?.. Надо узнать, что такое Кэц! — воскликнула она. — Во что бы то ни стало сегодня же или не позже завтрашнего утра...

Я не узнавал Тоню. Сколько неукротимой энергии было скрыто в этой девушке, которая умела так спокойно, методически работать! И все это превращение произвело одно магическое слово — Палей. Я не осмелился спросить у нее, кто он, и постарался поскорее уйти к себе.

Не стану скрывать, я не спал эту ночь, мне было очень тоскливо, а на другой день не пошел к Тоне.

Но поздно вечером она сама явилась ко мне, приветливая и спокойная, как всегда. Сев на стул, она сказала:

— Я узнала, что такое Кэц: это новый город на Памире, еще не нанесенный на карту. Я еду туда завтра, и вы должны ехать со мной. Я этого чернобородого не знаю, вы поможете отыскать его. Ведь это ваша вина, Леонид Васильевич, что вы не узнали фамилию человека, который имеет сведения о Палее.

Я в изумлении вытаращил глаза. Этого еще недоставало. Бросить свою лабораторию, научную работу и ехать на Памир, чтобы искать какого-то Палея!

— Антонина Ивановна, — начал я сухо, — вы, конечно, знаете, что не одно учреждение ждет окончания моих научных опытов. Сейчас я, например, заканчиваю работу по задержке дозревания фруктов. Опыты эти давно велись в Америке и ведутся у нас. Но практические результаты пока невелики. Вы, вероятно, слыхали, что консервные фабрики на юге, перерабатывающие местные фрукты: абрикосы, мандарины, персики, апельсины, айву, — работают с чрезмерной нагрузкой месяц-полтора, а десять-одиннадцать месяцев в году простаивают. И это потому, что фрукты созревают почти одновременно и переработать их сразу невозможно. Поэтому каждый год гибнет чуть ли не девять десятых урожая...

Увеличить число фабрик, которые десять месяцев в году находятся на простое, тоже невыгодно. Вот мне и поручили текущим летом отправиться в Армению, чтобы на месте поставить чрезвычайно важные опыты искусственной задержки созревания фруктов. Понимаете? Фрукты снимаются немного недозревшими и затем дозревают постепенно, партия за партией, по мере того как заводы справляются со своей работой. Таким образом, заводы будут работать круглый год, а...

Я посмотрел на Тоню и запнулся. Она не перебивала меня, она умела слушать, но лицо ее все больше мрачнело. На лбу, меж бровей, легла складка, длинные ресницы были опущены. Когда она подняла на меня глаза, я увидел в них презрение.

— Какой ученый-общественник! — сказала она ледяным тоном. — Я тоже еду на Памир по делу, а не как искательница приключений. Мне во что бы то ни стало надо разыскать Палея. Путешествие не продлится долго. И вы еще успеете попасть в Армению к сбору урожая...

Гром и молния! Не мог же я сказать ей, в какое нелепое положение она меня ставит! Ехать с любимой девушкой на поиски неведомого Палея, быть может, моего соперника! Правда, она сказала, что она не искательница приключений и едет по делу. Какое же дело связывает ее с Палеем? Спросить не позволяло самолюбие. Нет, довольно с меня. Любовь мешает работе. Да, да! Раньше я засиживался в лаборатории до позднего вечера, а теперь ухожу, как только пробьет четыре. Я уже хотел еще раз отказаться, но Тоня предупредила меня.

— Вижу, мне придется ехать одной, — сказала она, под-

нимаясь. — Это осложняет дело, но, может быть, мне удастся найти чернобородого и без вашей помощи. Прощайте, Артемьев. Желаю вам успешного дозревания.

— Послушайте, Антонина Ивановна!.. Тоня!..

Но она уже вышла из комнаты.

Идти за ней? Вернуть? Сказать, что я согласен?.. Нет, нет! Надо выдержать характер. Теперь или никогда.

И я выдерживал характер весь вечер, всю бессонную ночь, все хмурое утро следующего дня. В лаборатории я не мог смотреть на сливы — предмет моих опытов.

Тоня, конечно, поедет одна. Она не остановится ни перед какими трудностями. Что произойдет на Памире, когда она найдет чернобородого и через него Палея? Если бы я сам присутствовал при встрече, мне многое стало бы ясным. Я не поеду с Тоней — это значит разрыв. Недаром, уходя, она сказала «прощайте». Но все же я должен выдержать характер. Теперь или никогда.

Конечно, я не поеду. Но нельзя же быть невежливым — простая любезность требует помочь Тоне собраться в дорогу.

И вот, еще не пробило четырех часов, я уже прыгал через пять ступенек, сбегая с четвертого этажа. Не хуже старого американского киногероя, я вскочил на ходу в троллейбус и помчался домой. Кажется, я даже без стука ворвался в комнату Тони и крикнул:

— Я еду с вами, Антонина Ивановна!

Не знаю, для кого большей неожиданностью было это восклицание — для нее или для меня самого. Кажется, для меня.

Так я был вовлечен в цепь самых невероятных приключений.

2. ДЕМОН НЕУКРОТИМОСТИ

Я смутно помню наше путешествие от Ленинграда до таинственного Кэца. Я был слишком взволнован своей неожиданной поездкой, смущен собственным поведением, подавлен Тониной энергией.

Тоня не хотела терять ни одного лишнего дня и составила маршрут путешествия, использовав все быстрые современные средства сообщения.

От Ленинграда до Москвы мы летели на аэроплане. Над Валдайской возвышенностью нас здорово потрепало, а так как я не выношу ни морской, ни воздушной качки, мне стало плохо. Тоня заботливо ухаживала за мной. В пути она стала ко мне относиться тепло и ровно — словом, переменилась к лучшему. Я все больше изумлялся: сколько сил, женской ласки, заботливости у этой девушки! Перед путешествием она работала больше меня, но на ней это совершенно не отразилось. Она была весела и часто напевала какие-то песенки.

В Москве мы пересели на полуреактивный стратоплан Циолковского, совершающий прямые рейсы Москва — Ташкент.

Эта машина летела с бешеной скоростью. Три металлические сигары соединены боками, снабжены хвостовым оперением и покрыты одним крылом — таков внешний вид стратоплана. Тоня немедленно ознакомилась с его устройством и объяснила мне, что пассажиры и пилоты помещаются в левом боковом корпусе, в правом — горючее, а в среднем — воздушный винт, сжиматель воздуха, двигатель и холодильник; что самолет движется силой воздушного винта и отдачею продуктов горения. Она говорила еще о каких-то интересных подробностях, но я слушал рассеянно, новизна впечатлений подавляла меня. Помню, мы зашли в герметически закрывающуюся кабину и уселись на очень мягкие кресла. Самолет побежал по рельсам, набрал скорость — сто метров в секунду — и поднялся на воздух. Мы летели на огромной высоте, — быть может, за пределами тропосферы — со скоростью тысячи километров в час. И говорят — эта скорость не предельная.

Не успел я как следует усесться, а мы уже оставили позади пределы РСФСР. За облачным покровом земли не было видно. Когда облака начали редеть, я увидел глубоко под нами сероватую поверхность. Она казалась углублен-

ной в центре и приподнятой к горизонту, словно опрокинутый серый купол.

— Киргизские степи, — сказала Тоня.

— Уже? Вот это скорость!

Такой полет мог удовлетворить даже нетерпение Тони.

Впереди блеснуло Аральское море. И в кабине говорили уже не о Москве, которую только что покинули, а о Ташкенте, Андижане, Коканде.

Ташкента я не успел рассмотреть. Мы молниеносно снизились на аэродроме и уже через минуту мчались на автомобиле к вокзалу сверхскорого реактивного поезда — того же Циолковского. Этот первый реактивный поезд Ташкент — Андижан по скорости не уступал стратоплану.

Я увидел длинный, обтекаемой формы вагон без колес. Дно вагона лежало на бетонном полотне, возвышающемся над почвой. С обеих сторон вагона имелись закраины, заходящие за бока полотна. Они придавали устойчивость на закруглениях пути.

Я узнал, что в этом поезде воздух накачивается под днище вагона и по особым щелям прогоняется назад. Таким образом, вагон летит на тончайшем слое воздуха. Трение сведено до минимума. Движение достигается отбрасыванием назад воздушной струи, и вагон развивает такую скорость, что с разгона без мостов перепрыгивает небольшие реки.

Я опасливо поежился, сел в вагон, и мы двинулись в путь.

Скорость «езды-полета» была действительно грандиозна. За окнами ландшафт сливался в желтовато-серые полосы. Только голубое небо казалось обычным, но белые облака бежали назад с необыкновенной резвостью. Признаюсь, несмотря на все удобства этого нового способа передвижения, я не мог дождаться конца нашего короткого путешествия. Но вот под нами сверкнула река, и мы мигом перескочили ее без моста. Я вскрикнул и невольно поднялся. Видя такую отсталость и провинциальность, все пассажиры громко рассмеялись. А Тоня восторженно захлопала в ладоши.

— Вот это мне нравится! Это настоящая езда! — говорила она.

Я тоскливо заглядывал в окно: когда же кончится это мутное мелькание?

В Андижане я запросил пощады. Надо же немного передохнуть после всех этих сверхскоростных передряг. Но Тоня и слушать не хотела. Ее обуял демон неукротимости.

— Вы испортите мне весь график. У меня согласовано все до одной минуты.

И мы вновь как одержимые помчались на аэродром.

Путь от Андижана до Оша мы пролетели на обыкновенном аэроплане. Его совсем немалую скорость — четыреста пятьдесят километров в час — Тоня считала черепашьей. На беду, мотор закапризничал, и мы сделали вынужденную посадку. Пока бортмеханик возился с мотором, я вышел из кабины и растянулся на песке. Но песок был невыносимо горячий. Солнце палило немилосердно, и мне пришлось убраться в душную кабину.

Обливаясь потом, я проклинал в душе наше путешествие и мечтал о ленинградском мелком дождике.

Тоня нервничала, боясь опоздать в Оше к отлету дирижабля. На мое несчастье, мы не опоздали и прилетели на аэродром за полчаса до отлета дирижабля. Этот металлический гигант из гофрированной стали должен был нас доставить в город Кэц. Мы добежали до причальной мачты, быстро поднялись на лифте и вошли в гондолу.

Путешествие на дирижабле оставило самое приятное воспоминание. Каюты гондолы охлаждались и хорошо вентилировались. Скорость — всего двести двадцать километров в час. Ни качки, ни тряски и полное отсутствие пыли. Мы хорошо пообедали в уютной кают-компании. За столом слышались новые слова: Алай, Кара-Куль, Хорог.

Памир с высоты произвел на меня довольно мрачное впечатление. Недаром эту «крышу мира» называют «подножием смерти». Ледяные реки, горы, ущелья, морены, снежные стены, увенчанные черными каменными зубцами, — траурный наряд гор. И лишь глубоко внизу — зеленые пастбища.

Какой-то пассажир-альпинист, указывая на покрытые зеленоватым льдом горы, объяснял Тоне:

— Вот это гладкий ледник, это игольчатый, вон там бугристый, дальше волнообразный, ступенчатый...

Внезапно сверкнула гладь озера...

— Кара-Куль. Высота три тысячи девятьсот девяносто метров над уровнем моря, — сказал альпинист.

— Посмотрите, посмотрите! — окликает меня Тоня.

Смотрю. Озеро как озеро. Блестит. А Тоня восхищается.

— Какая красота!

— Да, блестящее озеро, — говорю я, чтоб не обидеть Тоню.

3. Я СТАНОВЛЮСЬ СЫЩИКОМ

Но вот мы идем на посадку. Я вижу с дирижабля общий вид города. Он расположен в очень длинной, узкой высокогорной долине меж снеговых вершин. Долина имеет почти прямое направление с запада на восток. Возле самого города она расширяется. У южного края ее находится большое горное озеро. Альпинист говорит, что оно очень глубокое.

Сотни две домов сверкают плоскими металлическими крышами. Большинство крыш белые, как алюминий, но есть и темные. На северном склоне горы стоит большое здание с куполом — вероятно, обсерватория. За жилыми домами фабричные корпуса.

Наш аэродром расположен в западной стороне города, в восточной лежит какой-то удивительный железнодорожный путь — с очень широкой колеей. Он идет до самого края долины и там, по-видимому, обрывается.

Наконец-то земля.

Мы едем в гостиницу. Я отказываюсь осматривать город: устал с дороги, и Тоня милостиво отпускает меня на отдых. Сняв ботинки, я ложусь отдохнуть на широкий диван. Какое блаженство! В голове еще шумят моторы всяческих быстроходов, глаза слипаются. Ну, уж теперь-то я отдохну на славу!

Как будто кто-то в дверь стучит. Или это еще гремят в голове моторы... Стучат в самом деле. Как некстати.

— Войдите! — сердито кричу я и вскакиваю с дивана.

Появляется Тоня. Она, кажется, задалась целью извести меня.

— Ну, как отдохнули? Идемте, — говорит она.

— Куда идемте? Почему идемте? — громко спрашиваю я.

— Как куда? Зачем же мы приехали сюда?

Ну да. Искать человека с черной бородой. Понятно... Но уже вечер, и лучше заняться поисками с утра. Впрочем, протестовать бесполезно. Я молча натягиваю на плечи легкое ленинградское пальто, но Тоня заботливо предупреждает меня:

— Наденьте шубу. Не забывайте, что мы на высоте нескольких тысяч метров, а солнце уже зашло.

Надеваю шубу, и мы выходим на улицу.

Я вдыхаю морозный воздух и чувствую, что мне дышать трудно. Тоня замечает, как я «зеваю», и говорит:

— Вы не привыкли к разреженному горному воздуху. Ничего, это скоро пройдет.

— Странно, что я в гостинице не чувствовал этого, — удивляюсь я.

— А в гостинице воздух искусственно сгущен компрессором, — говорит Тоня, — не все переносят горный воздух. Некоторые совсем не выходят на улицу, и с ними консультируются на дому.

— Как жаль, что эта льгота не распространяется на специалистов по разыскиванию черных бород! — невесело сострил я.

Мы шли по улицам чистенького, хорошо освещенного города. Здесь была самая гладкая и самая прочная в мире мостовая — из природного выровненного и отшлифованного гранита. Мостовая-монолит.

Нам часто встречались чернобородые: видимо, среди населения было много южан.

Тоня ежеминутно дергала меня за рукав и спрашивала:

— Это не он?

Я сумрачно качал головой. Незаметно мы дошли до берега озера.

Вдруг раздался вой сирены. Эхо отдалось в горах, и разбуженные горы откликнулись унылыми завываниями. Получился леденящий душу концерт.

Берега озера осветились яркими фонарями, и озеро вспыхнуло, как зеркало в алмазной оправе. Вслед за фонарями зажглись десятки мощных прожекторов, устремив свои голубые лучи в синеву безоблачного вечернего неба. Сирена умолкла. Затихло и эхо в горах. Но город встрепенулся.

По озеру вдоль берега забегали быстроходные катера и глиссеры. Толпы народа стекались к озеру.

— Куда же вы смотрите? — услышал я голос Тони.

Этот голос напомнил мне о моей печальной обязанности. Я решительно повернулся спиной к озеру, к огням и начал выискивать в толпе бородатых людей.

Однажды мне показалось, что я увидел чернобородого незнакомца. Только я хотел сказать об этом Тоне, как вдруг она воскликнула:

— Смотрите, смотрите! — и показала на небо.

Мы увидели золотую звездочку, приближавшуюся к земле. Толпа стихла. В наступившей тишине послышался отдаленный гром. Гром с безоблачного неба! Горы подхватили этот рокот и ответили глухой канонадой. Гром нарастал с каждой секундой, и звездочка все увеличивалась. Позади нее ясно обозначилась темная дымка, и скоро звездочка превратилась в сигарообразное тело с плавниками. Это мог быть только межпланетный корабль. В толпе слышались восклицания:

— Кэц-семь!

— Нет, Кэц-пять!

Ракета вдруг описала небольшой круг и перевернулась кормой вниз. Пламя вырвалось из дюз, и она все медленнее стала снижаться к озеру. Длина ее намного превышала длину самого большого паровоза. И весила она, наверное, не меньше.

И вот эта тяжелая громадина, не долетая до поверхности воды нескольких десятков метров, как бы повисла в воздухе: сила взрывающихся газов поддерживала ее в висячем положении. Отбросы газов рябили и волновали поверхность воды. Клубы дыма расстилались по озеру.

Затем стальная сигара стала едва заметно опускаться и скоро кормой коснулась воды. Вода забурлила, заклокотала, зашипела. Пар окутал ракету. Взрывы прекратились. Среди пара и дыма показался верхний острый конец ракеты и опустился вниз. Тяжелый всплеск воды. Большая волна, качая на своем гребне катера и глиссеры, пошла по озеру. Ракеты не было видно. Но вот она блеснула в лучах прожектора и закачалась на поверхности воды.

Толпа дружными криками приветствовала благополучный спуск. Флотилия катеров набросилась на плавающую ракету, как косатки на кита. Маленький черный катер взял ее на буксир и отвел в гавань. Два мощных трактора вытащили ее по специальному мосту на берег. Наконец открылся люк, и из ракеты вышли межпланетные путешественники.

Первый из них, как только вышел, начал громко чихать. Из толпы послышался смех и восклицания: «Будьте здоровы!»

— Каждый раз такая история, — сказал прилетевший с неба. — Как только попаду на землю — насморк, кашель.

Я с любопытством и уважением смотрел на человека, который побывал в бесконечных просторах неба. Есть же такие смельчаки! Я ни за что не решился бы полететь на ракете.

Прибывших встречали радостно, без конца расспрашивали, пожимали руки. Но вот они сели в автомобиль и уехали. Толпа быстро поредела. Огни погасли. Я вдруг почувствовал, как окоченели мои ноги. Меня знобило и поташнивало.

— Вы совсем посинели, — сжалилась наконец Тоня. — Идемте домой.

В вестибюле гостиницы меня встретил толстенький лысый человек. Покачав головой, он сказал:

— А вы плохо переносите, молодой человек, горы.

— Замерз, — ответил я.

В уютной столовой мы разговорились с толстеньким человеком, который оказался врачом. Прихлебывая горячий чай, я расспрашивал его, почему их город и прилетевшая ракета называются Кэц.

— И Звезда также, — отвечал доктор. — Звезда Кэц. Слыхали? В ней-то, собственно, все дело. Она создала этот город. А почему Кэц? Неужто не догадываетесь? Чьей системы был стратоплан, на котором вы сюда летели?

— Кажется, Циолковского, — ответил я.

— Кажется... — неодобрительно сказал доктор. — Не кажется, а так оно и есть. Ракета, которую вы видели, тоже по его плану сделана, и Звезда тоже. Вот почему и Кэц: Константин Эдуардович Циолковский. Понятно?

— Понятно, — ответил я. — А что это за Звезда Кэц?

— Искусственный спутник Земли. Надземная станция-лаборатория и ракетодром для ракет дальнего межпланетного сообщения.

4. НЕУДАВШАЯСЯ ПОГОНЯ

Уже давно я не спал так крепко, как в эту ночь. И проспал бы до двенадцати дня, если бы Тоня не разбудила меня в шесть утра.

— Скорее на улицу, — сказала она. — Сейчас рабочие и служащие пойдут на работу.

И снова я с утра пораньше взялся за свою роль сыщика.

— А не лучше ли нам через справочное бюро узнать, проживает ли здесь Палей?

— Наивный вопрос, — ответила Тоня. — Я еще из Ленинграда справлялась об этом...

Мы шли по монолитной мостовой. Солнце уже поднималось над горами, но меня знобило, и дышать по-прежнему было трудно. Ледники нестерпимо блестели.

Показался небольшой садик — плод работы местных садоводов над акклиматизацией растений. До постройки города Кэц здесь, на высоте нескольких тысяч метров, не

произрастало никакой зелени, никаких растений, никаких злаков.

Ходьба утомила меня. Я предложил посидеть. Тоня согласилась.

Мимо нас двигался людской поток. Люди громко разговаривали, смеялись — словом, чувствовали себя вполне нормально.

— Это он! — крикнул я.

Тоня вскочила, схватила меня за руку, и мы со всех ног пустились догонять машину. Машина мчалась по прямому как стрела проспекту, который вел на ракетодром.

Бежать было трудно. Я задыхался. Меня мучила тошнота. Кружилась голова, ноги и руки дрожали. На этот раз и Тоня почувствовала себя плохо, но упорно продолжала бежать.

Так мы бежали минут десять. Автомобиль с чернобородым еще виднелся впереди. Вдруг Тоня перебежала дорогу и, расставив руки, загородила путь встречному автомобилю. Машина круто остановилась. Тоня быстро вскочила в кабину и втащила меня.

Шофер посмотрел на нас с недоумением.

— Летите стрелой вон за той машиной! — приказала Тоня таким властным тоном, что шофер, ни слова не говоря, повернул назад и дал полный газ.

Дорога была прекрасная. Мы быстро оставили за собой последние дома. И перед нами как на ладони предстал ракетодром. На широком «железнодорожном» пути лежала ракета, похожая на гигантского сома. Возле ракеты копошились люди. Вдруг завыла сирена. Люди поспешно отбежали в сторону. Ракета двинулась по рельсам, набирая скорость, и, наконец, заскользила с невероятной быстротой. Пока она еще не пускала в ход взрывателей и двигалась при помощи электрического тока, как трамвай. Путь поднимался в гору градусов на тридцать. Когда до конца пути осталось не более километра, из хвоста ракеты вырвался огромный сноп пламени. Клубы дыма окутали ее. Вслед за тем долетел звук оглушительного взрыва. Еще через не-

сколько секунд нас обдало сильной волной воздуха — мы пошатнулись. Ракета, оставляя за собой цепочку дымовых клубов, взвилась к небу, быстро укоротилась до черной точки и исчезла.

Мы подъехали к ракетодрому. Но, увы, чернобородого среди оставшихся не было...

5. КАНДИДАТ В НЕБОЖИТЕЛИ

Тоня бросилась в толпу и начала расспрашивать всех: не видели ли они человека с черной бородой?

Люди переглядывались, вспоминали, и, наконец, человек в белом шлеме и белом кожаном костюме сказал:

— Это, наверное, Евгеньев.

— Конечно, Евгеньев. Другого чернобородого у нас сегодня не было, — подтвердил другой.

— Где же он? — с волнением спросила Тоня.

— Там. Пересекает стратосферу. На пути к Звезде Кэц.

Тоня побледнела. Я подхватил ее под руку и отвел в такси.

— Мы едем в гостиницу, — сказал я.

Тоня молчала всю дорогу. Покорно опираясь на мою руку, она поднялась по лестнице. Я отвел ее в номер и усадил в кресло. Откинув голову на спинку, она сидела с закрытыми глазами. Бедная Тоня! Как остро она переживала свою неудачу. Но, по крайней мере, теперь все кончено. Не будем же мы сидеть в городе Кэц до возвращения чернобородого из межпланетного путешествия.

Постепенно лицо Тони начало оживать. Еще не открывая глаза, она вдруг улыбнулась.

— Чернобородый улетел на Звезду Кэц. Ну что ж, мы полетим за ним!

От этих слов я едва не свалился с кресла.

— Лететь на ракете! В черные бездны неба!..

Я сказал это таким трагическим тоном и с таким испугом, что Тоня рассмеялась.

— Я думала, вы более храбры и решительны, — сказала она уже серьезно и даже несколько печально. — Впрочем,

если не хотите сопровождать меня, можете отправляться в Ленинград или Армению — куда вам вздумается. Теперь я знаю фамилию чернобородого и могу обойтись без вас. А сейчас идите в свой номер и ложитесь в кровать. Вы очень плохо выглядите. Горные высоты и звездные миры не для вас.

Да, я действительно чувствовал себя скверно и охотно исполнил бы приказание Тони, но мое самолюбие было задето. В тот момент я больше всего на свете хотел остаться на Земле и больше всего боялся потерять Тоню. Что окажется сильнее? Пока я колебался, за меня решил мой язык.

— Антонина Ивановна! Тоня! — сказал я. — Я особенно счастлив, что вы приглашаете меня сопровождать вас теперь, когда я вам больше не нужен для розысков чернобородого. Я лечу!

Она чуть заметно усмехнулась и протянула мне руку.

— Спасибо, Леонид Васильевич. Теперь я вам должна рассказать все. Ведь я видела, как вас мучил Палей, которого я ищу с таким упорством. Признайтесь, вам не раз приходила в голову и такая мысль, что Палей сбежал от меня, а я, упрямая влюбленная девушка, гоняюсь за ним по миру в надежде вернуть любовь.

Я невольно покраснел.

— Но вы были настолько тактичны, что не задавали мне никаких вопросов. Ну, так знайте: Палей — мой друг и товарищ по университету. Это очень талантливый молодой ученый, изобретатель. Натура увлекающаяся, непостоянная.

Мы с ним, еще на последнем курсе университета, начали одну научную работу, которая обещала произвести переворот в электромеханике. Работу мы поделили пополам и шли к одной цели, как рабочие, прорывающие тоннель с двух сторон, чтобы встретиться в одной точке. Мы были уже у цели. Все записи вел Палей в своей записной книжке. Неожиданно его командировали в Свердловск. Он уехал так поспешно, что не оставил мне книжку. Он всегда был рассеянным. Я писала ему в Свердловск, но не получила ответа. С тех пор он как в воду канул.

В Свердловске я узнала, что он переведен во Владивосток, но там следы теряются. Я пробовала самостоятельно продолжать работу. Увы, мне не хватало целого ряда формул и расчетов, сделанных Палеем. Когда-нибудь я подробно расскажу вам об этой работе. Она стала моею навязчивой мыслью, моим кошмаром. Она мешала мне заниматься другими работами. Бросить на полпути такую многообещающую проблему — я и сейчас не понимаю этого легкомыслия Палея. Теперь вы поймете, почему весть о нем так взволновала меня. Вот и все... Вы в самом деле отвратительно выглядите. Идите и ложитесь.

— А вы?

— Я тоже отдохну немного.

Но Тоня не стала отдыхать. Она отправилась в отдел кадров главного управления Кэц и там узнала, что на Звезду Кэц можно попасть, только законтрактовавшись на работу. Физики и биологи были нужны. И Тоня, недолго думая, законтрактовала себя и меня на год.

Она радостно вбежала ко мне в комнату и оживленно начала рассказывать о своих приключениях. Затем вынула из лилового кожаного портфеля бланки, самопишущее перо и протянула мне.

— Вот ваше заявление. Подпишитесь.

— Да, но... годовой срок...

— Не беспокойтесь. Я выяснила, что управление не слишком строго придерживается этого контракта. Необычайность обстановки, условий существования, климата принята во внимание. И кто будет переносить плохо...

— Климат? Какой же там климат?

— Я имею в виду жилые помещения Кэц. Там можно устроить любой климат, с какой угодно температурой и влажностью воздуха.

— Значит, там такая же разреженная атмосфера, как здесь, на высоте Памира?

— Да, примерно такая, — неуверенно ответила Тоня и прибавила скороговоркой: — Или немножечко меньше. В этом, пожалуй, главное препятствие для вас. Кандидаты

на Звезду проходят строгий физический отбор. Те, кто легко подвергается горной болезни, бракуются.

Я, правда, очень обрадовался, узнав, что у меня еще есть путь к почетному отступлению. Однако Тоня тотчас утешила меня:

— Но мы как-нибудь это устроим! Я слышала, там есть комната с обычным давлением атмосферы. Давление уменьшается постепенно, и приезжие быстро привыкают. Я поговорю о вас с доктором.

Мне стало не по себе, и я с отчаянием ухватился за последний довод:

— Как же с работой на Земле?

У Тони был готовый ответ:

— Нет ничего проще! Кэц — очень авторитетное учреждение, и довольно сообщить по месту работы, что вы законтрактовались, вас сейчас же отпустят. Только бы ваше здоровье позволило. Как вы себя чувствуете? — И она взяла мою руку, чтобы проверить пульс.

— Ну, когда такой доктор прикасается к руке, то невольно ответишь: «Прекрасно!»

— Тем лучше. Подписывайте скорее бумаги, и я пойду к доктору.

Так, не успев оглянуться, я был завербован в небожители...

— Слабость? Посинение кожи? Головокружение? Тошнота? — допрашивал меня доктор. — Рвоты не было?

— Нет, только сильно тошнило, когда мы бежали за автомобилем.

Доктор с минуту подумал и глубокомысленно сказал:

— У вас легкая степень болезни.

— Значит, можно лететь, доктор?

— Да. Думаю, можно. В ракете, правда, только десятая часть нормального атмосферного давления, но зато вы будете дышать чистым кислородом, не разбавленным на четыре пятых азотом, как в атмосфере. Этого вполне достаточно для дыхания. А на Звезде Кэц имеются внутренние камеры с нормальным давлением. Значит, вам придется

только немного потерпеть во время перелета. Звезда находится на высоте всего в тысячу километров.

— Сколько же дней продлится перелет? — спросил я.

Доктор насмешливо скосил глаза в мою сторону.

— Я вижу, вы мало понимаете в межпланетных путешествиях. Так вот, дорогой мой, ракета летит до Звезды восемь-десять минут. Но так как приходится перевозить непривычных людей, то полет немного затягивается. Чтобы воспользоваться центробежной силой, снаряд летит под углом в двадцать пять градусов к горизонту по направлению вращения Земли. В первые десять секунд скорость возрастает до пятисот метров в секунду и лишь во время полета через атмосферу несколько замедляется, а затем, когда атмосфера начнет редеть, вновь повышается.

— Почему скорость замедляется при полете через атмосферу. Торможение?

— Торможение преодолимо, но при чрезмерной быстроте полета через атмосферу от трения сильно накаляется оболочка ракеты, и тяжесть со скоростью увеличивается. А почувствовать свое тело тяжелее в десять раз не очень-то приятно.

— А мы не сгорим от трения оболочки об атмосферу? — опасливо спросил я.

— Нет. Может быть, немного вспотеете — не больше. Ведь оболочка ракеты состоит из трех слоев. Внутренний — прочный, металлический, с окнами из кварца, прикрытыми слоем обыкновенного стекла, и с дверями, термически закрывающимися. Второй — тугоплавкий, из материала, почти не проводящего тепла. Третий — наружный — хотя и относительно тонкий, но из чрезвычайно тугоплавкого металла. Если верхний слой накалится добела, то средний задержит тепло, и оно не попадет внутрь ракеты, да и холодильники отличные. Холодильный газ непрерывно циркулирует между оболочками, проникая через рыхлую среднюю малотеплопроводную прокладку.

— Вы, доктор, настоящий инженер, — с восхищением сказал я.

— Ничего не поделаешь. Ракету легче приспособить к человеческому организму, чем организм к необычным условиям. Поэтому техникам приходится работать в контакте со мною. Посмотрели бы вы первые опыты. Сколько неудач, жертв!

— И человеческие были?

— Да, и человеческие.

У меня по спине забегали мурашки. Но отступать было поздно.

Когда я вернулся в гостиницу, Тоня радостно сообщила мне:

— Я уже знаю — все прекрасно устроилось. Мы вылетаем завтра, ровно в полдень. С собою ничего не берите. Утром, перед полетом, мы примем ванну и пройдем дезинфекционную камеру. Вы получите стерилизованное белье и костюм. Доктор сказал, что вы совершенно здоровый человек.

Я слушал Тоню как во сне. Страх поверг меня в оцепенение. Думаю, не стоит говорить о том, как я провел последнюю ночь на Земле и что передумал...

6. «ЧИСТИЛИЩЕ»

Настало утро. Последнее утро на Земле. Я тоскливо посмотрел в окно — светило яркое солнце. Есть не хотелось, но я заставил себя позавтракать и отправился «очищаться» от земных микробов. Эта процедура заняла больше часа. Врач-бактериолог говорил мне о каких-то головокружительных цифрах — миллиардах микробов, гнездившихся на моей земной одежде. Оказывается, я носил на себе тиф, паратиф, дизентерию, грипп, коклюш и чуть ли не холеру. На моих руках были обнаружены синегнойные палочки и туберкулез. На ботинках — сибирская язва. В карманах проживали анаэробы столбняка. В складках пальто — возвратная лихорадка, ящур. На шляпе — бешенство, оспа, рожа... От этих новостей я впал в лихорадку. Сколько невидимых

врагов ожидало случая, чтобы наброситься на меня и свалить с ног! Что ни говори, а Земля имеет свои опасности. Это немного примирило меня со звездным путешествием.

Мне пришлось перенести промывание желудка, кишок и подвергнуться новым для меня процедурам облучения неизвестными аппаратами. Эти аппараты должны были убить вредные микробы, гнездившиеся внутри моего организма. Я был порядком измучен.

— Доктор, — сказал я. — Эти предосторожности не достигают цели. Как только я выйду из вашей камеры, микробы вновь набросятся на меня.

— Это верно, но вы, по крайней мере, избавились от тех микробов, которые привезли из большого города. В кубическом метре воздуха в центре Ленинграда находятся тысячи бактерий, в парках только сотни, а уже на высоте Исаакия лишь десятки. У нас на Памире — единицы. Холод и палящее солнце, отсутствие пыли, сухость — прекрасные дезинфекторы. На Кэце вы снова попадете в чистилище. Здесь мы очищаем только начерно. А там вас подвергнут основательной чистке. Неприятно? Ничего не поделаешь. Зато вы будете совершенно спокойны за то, что не заболеете никакими инфекционными болезнями. По крайней мере, там риск сведен до минимума. А здесь вы рискуете ежеминутно.

— Это очень утешительно, — сказал я, облачаясь в дезинфицированное платье, — если только я не сгорю, не задохнусь, не...

— Сгореть и задохнуться можно и на Земле, — перебил меня доктор.

Когда я вышел на улицу, наш автомобиль уже стоял у тротуара. Скоро и Тоня вышла из женского отделения дезинфекционной камеры. Она улыбнулась мне и села рядом. Автомобиль тронулся в путь.

— Хорошо промылись?

— Да, баня была прекрасная. Смыл триста квадриллионов двести триллионов сто биллионов микробов.

Я посмотрел на Тоню. Она посвежела, загорела, на щеках появился румянец. Она была совершенно спокойна, словно мы собрались в парк культуры. Нет, хорошо, что я согласился лететь с нею...

Полдень. Солнце стоит почти над головой. Небо синее, прозрачное, как горный хрусталь. Блестит на горах снег, синеют застывшие ледяные реки ледников, внизу весело шумят горные ручьи и водопады, еще ниже зеленеют поля, и на них, словно снежные комья, видны стада пасущихся овец. Несмотря на жгучее солнце, ветер приносит ледяное дыхание гор. Как красива наша Земля! А через несколько минут я оставлю ее и полечу в черную бездну неба. Право, об этом лучше читать в романах...

— Вот наша ракета! — радостно крикнула Тоня. — Она похожа на рыбий пузырь. Смотрите, толстенький доктор уже ждет нас.

Мы сошли с автомобиля, и я по привычке протянул руку доктору, но он быстро спрятал руки за спину.

— Не забывайте, что вы уже дезинфицированы. Не прикасайтесь больше ни к чему земному.

Увы, я отрешен от Земли. Хорошо, что Тоня тоже «неземная». Я взял ее под руку, и мы направились к ракете.

— Вот наше детище, — сказал доктор, указывая на ракету. — Видите — у нее нет колес. Вместо рельсов она скользит по стальным желобам. В корпусе ракеты есть небольшие углубления для шаров, и она скользит на этих шарах. Ток для разгона дает земная электростанция. Проводом служит металлический лоток-желоб... А у вас уже нормальный цвет лица. Привыкаете? Отлично, отлично. Передайте мой привет небожителям. Попросите врача Анну Игнатьевну Меллер прислать с ракетой «Кэц-пять» месячный отчет. Это очень симпатичная женщина. Доктор, имеющая самую малую в мире практику. Но дела у нее все же хватает...

Волчье завывание сирены заглушило слова доктора. Люк ракеты открылся. На землю спустился трап.

— Ну, вам пора! Всего хорошего! — сказал доктор, вновь предупредительно пряча руки за спину. — Пишите.

Трап имел всего десять ступеней, но пока я поднимался, у меня сильно забилось сердце. Вслед за мною вошла Тоня, за нею механик. Пилот уже давно сидел на месте. Мы с трудом разместились в узкой камере, освещенной электрической лампой. Камера была похожа на кабину маленького лифта.

Дверь крепко захлопнулась. «Как крышка гроба», — подумал я.

Связь с Землей была прервана.

7. КОРОТКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Ставни в окнах нашей каюты были закрыты, я не видел, что́ делается снаружи, и напряженно ждал первого толчка. Стрелки часов сошлись на двенадцати, но мы оставались совершенно неподвижными. Странно. По-видимому, что-то задержало наш отлет.

— Мы, кажется, двигаемся! — сказала Тоня.

— Я ничего не чувствую.

— Это, вероятно, потому, что ракета медленно и плавно идет на своих шарах-колесах.

Вдруг меня легко откинуло на спинку кресла.

— Конечно, движемся! — воскликнула Тоня. — Чувствуете? Спина все больше придавливается к спинке кресла.

— Да, чувствую.

Но вот раздался грохот взрыва, он перешел в вой. Ракета задрожала мелкой дрожью. Теперь уже не было никаких сомнений: мы летели. С каждой секундой становилось все теплее. Центр тяжести начал перемещаться на спину. Наконец стало казаться, будто я не сижу в кресле, а лежу на спине в кровати, приподняв над собой согнутые в коленях ноги. Очевидно, ракета принимала вертикальное направление.

— Мы похожи на жуков, перевернутых на спину, — говорила Тоня.

— Да еще придавленных сверху хорошим кирпичом, — добавил я. — Довольно сильно давит на грудь.

— Да. И руки стали свинцовыми — не поднять.

Когда взрывы прекращались, становилось легче. Несмотря на изоляционные прослойки и холодильники, было очень жарко: мы пролетали через атмосферу — ракета нагревалась от трения.

Опять передышка. Взрывов нет. Я вздохнул свободнее. Вдруг короткий взрыв, и я почувствовал, что валюсь на правый бок. Конечно, крушение. Сейчас мы грохнемся о Памир. Я судорожно хватаюсь за плечо Тони.

— Наверное, столкновение с болидом... — бормочу я.

Лицо Тони бледно, в глазах испуг, но она говорит спокойно:

— Держитесь, как я, за спину кресла.

Но вот положение ракеты выравнивается. Взрывы прекращаются. В ракете становится прохладнее. По телу распространяется ощущение легкости. Я поднимаю руки, болтаю ногами. Как приятно, легко! Пытаюсь встать на ноги и, незаметно отделившись от кресла, повисаю в воздухе, затем медленно опускаюсь в кресло. Тоня размахивает руками, как птица крыльями, и поет. Мы смеемся! Изумительно приятное ощущение.

Внезапно ставня иллюминатора открывается. Перед нами небо. Оно сплошь усеяно немигающими звездами и чуть-чуть окрашено в карминный цвет. Млечный Путь весь испещрен разноцветными звездами, он вовсе не молочного цвета, как мы видим его с Земли.

Тоня указывает мне на крупную звезду возле альфы Большой Медведицы — новая звезда в знакомом созвездии.

— Кэц... Звезда Кэц, — говорит Тоня.

Среди бесконечного количества немигающих звезд она одна трепещет лучами, то красными, то зелеными, то оранжевыми. То вдруг разгорается ярче, то угасает, то вспыхивает снова... Звезда растет на глазах и медленно приближается к правой стороне окна. Значит, ракета направляется к ней по кривой линии. Звезда выбрасывает длинные голубые лучи и заходит за край окна. Теперь на темном фоне неба видны только звезды да беловатые туманности. Они кажутся совсем близкими, эти далекие звездные миры...

Ставня закрывается. Снова работают взрывные аппараты. Ракета маневрирует. Интересно бы посмотреть, как она причалит к небесному ракетодрому...

Небольшой толчок, остановка. Неужто конец путешествию? Мы ощущаем странную невесомость.

Дверь в капитанскую рубку открывается. Капитан, лежа на полу, спускается вниз, придерживаясь за небольшие скобы. За капитаном, также ползком, следует молодой человек, которого мы до этого не видели.

— Простите за неприятные секунды, причиненные вам во время путешествия. Виноват мой молодой практикант: это он слишком резко повернул руль направления, и вы, вероятно, слетели со своих кресел.

Капитан прикасается указательным пальцем к молодому человеку, и тот легко, как пушинка, отлетает в сторону.

— Ну-с, все кончилось хорошо. Надевайте теплые костюмы и кислородные маски. Филипченко, — это был молодой пилот, — помогите им.

Из рубки выполз бортмеханик в межпланетном костюме. Он походил на водолаза, только скафандр меньше водолазного да на плечах был накинут плащ, сделанный из блестящей, как алюминий, материи.

— Эти плащи, — объяснил капитан, — если будет холодно, сдвиньте в сторону. Пусть солнечные лучи вас обогревают. А если станет очень жарко, то прикройтесь плащом. Он отражает солнечные лучи.

С помощью бортмеханика и капитана мы быстро нарядились в межпланетные костюмы и с волнением ждали выхода из ракеты.

8. НЕБЕСНЫЙ МЛАДЕНЕЦ

Нас перевели в воздушную камеру и стали постепенно выкачивать воздух. Скоро образовалась «межпланетная пустота», и дверь открылась.

Я переступил порог. Трапа не было — ракета лежала на боку. В первое мгновение я был ослеплен и ошеломлен.

Подо мною ярко блестела поверхность огромного шара диаметром в несколько километров.

Не успел я сделать шаг, как возле меня появился «звездный житель» в межпланетном костюме. Он с необычайной ловкостью и быстротой надел мне на руку аркан на шелковом шнуре. Недурное начало. Я рассердился, дернул руку, гневно топнул ногой... и в тот же момент взвился вверх на десяток метров. «Звездный житель» поспешно притянул меня за шелковый шнурок к поверхности блестящего шара. Я понял: если бы меня не привязали, то при первом неосторожном движении я улетел бы в мировое пространство и поймать меня было бы нелегко. Но как же я не потянул за собой человека, который держал мена на аркане? Я посмотрел на «землю» и увидел, что на блестящей поверхности имеются многочисленные скобы, за которые цепляется ногами мой провожатый.

Рядом я увидел Тоню, у нее тоже был спутник, который держал ее на аркане. Я хотел приблизиться к ней, но путь преградил мой провожатый.

Через стекло скафандра я видел его улыбающееся молодое лицо. Он прислонил свой скафандр к моему, чтобы я мог слышать, и сказал:

— Держитесь крепко за мою руку!

Я повиновался. Мой спутник выдернул ноги из скобы и ловко подпрыгнул. За его спиной блеснуло пламя, я почувствовал толчок, и мы понеслись вперед над шарообразной «лунной» поверхностью. У моего провожатого была портативная ракета-ранец для недалеких полетов в межпланетных пространствах. Ловко стреляя то задними, то боковыми, то верхними, то нижними «револьверами» ранца, он увлекал меня все дальше и дальше по дуге над поверхностью шара. Несмотря на ловкость моего спутника, мы кувыркались, как клоуны на цирковом манеже — то вверх, то вниз головой, — но это почти не сопровождалось приливами крови.

Скоро наша ракета скрылась за горизонтом. Мы перелетали пустое пространство, отделявшее ракетодром от Звез-

ды Кэц. Впрочем, если говорить о моих ощущениях, то мне казалось, что мы стоим на месте, а на нас летит блестящая труба, все увеличивающаяся в размерах. Вот она повернулась на поперечной оси, и показался ее конец, замкнутый блестящей полусферой. С этой стороны труба казалась небольшим шаром по сравнению с «луной-ракетодромом». И этот шар, как бомба, направлялся прямо на нас. Ощущение было не совсем приятное: вот-вот блестящая бомба разобьет нас вдребезги. Но вдруг бомба с необычайной быстротой описала в небе полукруг и оказалась за нашей спиной. Это мой водитель повернул нас спиной к Звезде, чтобы затормозить полет. Несколько коротких взрывов, несколько толчков невидимой широкой ладони в спину, и мой спутник ухватился за металлическую скобу на поверхности полушария.

Нас, вероятно, ждали. Как только мы «причалили», в стене полушария открылась дверь. Спутник втолкнул меня внутрь, влез сам, и дверь захлопнулась.

Вновь воздушная камера, освещенная электрической лампой. На стене манометр, барометр, термометр. Мой провожатый подошел к аппаратам и занялся наблюдением. Когда давление и температура оказались достаточными, он начал раздеваться и жестом предложил мне последовать его примеру...

— Ну что, накувыркались? — спросил он, смеясь. — Это я нарочно так летел.

— Хотели позабавиться?

— Нет. Я боялся, что вы можете натерпеться от жары и холода, не умея обращаться с плащом регулировки температуры. Поэтому я вертел вас, как кусок баранины на вертеле, чтобы вы равномерно «поджаривались» на солнце, — сказал он, окончательно освобождаясь от межпланетного костюма. — Ну, позвольте представиться; Крамер, лаборант-биолог Звезды Кэц. А вы? Работать к нам?

— Да, тоже биолог. Артемьев, Леонид Васильевич.

— Замечательно! Будем работать вместе.

Я начал раздеваться. И вдруг почувствовал, что физический закон — «сила действия равна силе противодействия» — обнаруживается здесь в чистом виде, не затемненный земным притяжением. Здесь все вещи и сам человек превращаются в «реактивные приборы». Я отбросил костюм, говоря по-земному, «вниз», а сам, оттолкнувшись от него, подпрыгнул вверх. Получилось: не то я сбросил костюм, не то он меня подбросил.

— Теперь мне и вам надо почиститься — пройти дезинфекционную камеру, — сказал Крамер.

— А вам зачем? — удивленно спросил я.

— Но ведь я прикасался к вам.

«Вот как! Словно я прибыл из зачумленной местности», — подумал я.

И вот я опять в чистилище. Снова камера с гудящими аппаратами, которые пронизывают тело невидимыми лучами. Снова чистая, стерилизованная одежда, снова медицинский — последний — осмотр в маленькой белой амбулатории «звездного врача».

В этой небесной амбулатории не было ни стульев, ни столов. Только одни ящики с медицинскими инструментами, прикрепленные к стенам легкими закрепками.

Нас встретила маленькая живая женщина-врач — Анна Игнатьевна Меллер. В легком платье серебристого цвета, несмотря на свои сорок лет, она походила на подростка. Я передал ей привет и просьбу «земного врача» города Кэц.

После дезинфекции она сообщила мне, что в моей земной одежде нашлось еще немало микробов.

— Я непременно напишу в здравотдел города Кэц, что у них плохо следят за ногтями. Под вашими ногтями была целая колония бактерий. Надо обрезать и чистить ногти перед отправкой на Звезду. Ну а вообще вы здоровы и теперь относительно чисты. Сейчас вас отнесут в вашу комнату, а потом накормят.

— Отнесут? Накормят? — удивленно спросил я. — Ведь я же не лежачий больной и не ребенок. Надеюсь, я сам пойду и поем.

— Не хвалитесь! Для неба вы еще новорожденный.

И она хлопнула меня по спине. Я стремглав отлетел в другой конец камеры, оттолкнулся от стены, отлетел на середину и «повис», беспомощно болтая ногами.

— Ну как, убедились? — смеясь, сказал Меллер. — А ведь у нас тут все же тяжесть существует. Ползунок вы еще. Ну-ка, пройдитесь!

Какое там! Только через минуту мои ноги коснулись пола. Я попробовал шагнуть и снова взвился в воздух. Ударившись головой о «потолок» и почти не почувствовав удара, я беспомощно заболтал руками.

Дверь отворилась, и вошел мой знакомый Крамер, биолог. Увидав меня, он расхохотался.

— Вот, возьмите на буксир этого младенца и проводите его в комнату шесть, — обратилась к Крамеру Анна Игнатьевна. — Он плохо переносит разреженный воздух. Дайте ему половинный воздушный паек.

— Нельзя ли для начала нормальное давление? — попросил я.

— Хватит половины. Надо привыкать.

— Давайте вашу руку, — сказал Крамер.

Цепляясь ногами за ременные скобы на полу, он довольно быстро и легко подошел ко мне, взял меня рукой за пояс и вышел в широкий коридор. Повертев меня, словно легкий резиновый мяч, он бросил меня вдоль коридора. Я вскрикнул и полетел. Толчок был так рассчитан, что, пролетев метров десять по косой линии, я приблизился к стене.

— Хватайтесь за ремешок! — крикнул Крамер.

Эти ремешки, вроде ручек портпледа, были всюду: на стенах, на полу, на потолке. Я ухватился за ручку изо всей силы, ожидая, что меня рванет при остановке, но в тот же миг с удивлением почувствовал, что в руке не ощущается напряжения. Крамер был уже возле меня. Он открыл дверь и, подхватив меня под мышку, вошел в комнату цилиндрической формы. Ни кровати, ни стола, ни стульев здесь не было. Только ремешки на стенках да одно широкое окно, завешенное прозрачной зеленоватой материей. И поэтому свет в комнате был зеленоватый.

— Ну, садитесь и будьте как дома, — пошутил Крамер. — Сейчас я прибавлю кислорода.

— Скажите, Крамер, почему у вас ракетодром отдельно от Звезды?

— Это у нас недавнее изобретение. Раньше ракеты причаливали прямо к Звезде Кэц. Но не все пилоты одинаково ловки. Совершенно без толчка трудно причалить. И вот однажды капитан звездолета «Кэц-семь» сильно ударил Звезду Кэц. Пострадала Большая оранжерея: в ней разбились стекла, и часть растений погибла. Работы по ремонту идут до сегодняшнего дня. После этого несчастного случая наши инженеры решили устроить ракетодром отдельно от Звезды. Вначале это был огромный плоский диск. Но практика показала, что для причала удобнее полусфера. Когда ремонт оранжереи закончится, мы заставим Звезду Кэц вращаться вместе с оранжереей на поперечной оси. Получится центробежная сила, появится тяжесть.

— А что это за разноцветные лучи, которые мы видели во время полета? — спросил я.

— Это световые сигналы. Такую крохотную звездочку нелегко найти в просторах неба. Вот мы и устроили «бенгальское освещение». Как вы себя чувствуете? Легче дышится? Больше не дам, иначе вы опьянеете от чистого кислорода. Вам не жарко?

— Немного холодновато, — ответил я.

Крамер одним прыжком очутился возле окна и отдернул занавеску. Ослепительные лучи солнца наполнили комнату. Температура начала быстро повышаться. Крамер прыгнул к противоположной стене и открыл ставню.

— А вот полюбуйтесь на эту красавицу.

Я повернулся к окну и замер от восхищения. Земля занимала половину небосклона. Я смотрел на нее с высоты тысячи километров. Она казалась не выпуклым шаром, как я ожидал, а вогнутой. Края ее, очень неровные, с выступающими зубцами горных вершин, были словно подернуты дымкой тумана. Неясные, «размытые» очертания. Дальше от края Земли шли продолговатые серые пятна-облака,

затемненные толстым слоем атмосферы. Ближе к центру — тоже пятна, но светлые. Я узнал Ледовитый океан, очертания берегов Сибири и Северной Европы. Ослепительно-ярким пятном выделялся Северный полюс. Маленькой искоркой отражалось Солнце в Баренцевом море.

Пока я рассматривал Землю, она приняла вид огромной Луны в ущербе. Я не мог оторвать глаз от гигантского полумесяца, ярко освещенного светом Солнца.

— Наша Звезда Кэц, — объяснил мне Крамер, — летит на восток и совершает полный оборот вокруг Земли в сто минут. Солнечный день у нас продолжается всего шестьдесят семь минут, а ночь — тридцать три. Через сорок-пятьдесят минут мы вступаем в тень Земли...

Темная часть Земли, слабо освещенная отраженным светом Луны, была едва видна. Граница темной и светлой полосы резко выделялась огромными, почти черными зубцами — тенями гор. Но вот я увидел и Луну, настоящую Луну. Она казалась совсем близкой, но очень маленькой по сравнению с тем, какой кажется с Земли.

Наконец Солнце совершенно скрылось за Землею. Теперь я видел Землю в виде темного диска, окруженного довольно ярким кольцом света зари. Это лучи невидимого Солнца освещали земную атмосферу. Розовый отсвет проникал в нашу комнату.

— Как видите, у нас здесь темноты не бывает, — сказал Крамер. — Заря Земли вполне заменяет нам лунный свет, когда Луна заходит за Землю.

— Мне кажется, в ракете похолодало, — заметил я.

— Да. Ночная прохлада, — ответил Крамер. — Но это понижение температуры совсем незначительно. Средний слой оболочки нашей станции надежно защищает ее от теплового лучеиспускания, к тому же Земля излучает большое количество тепла, ночь на Звезде Кэц очень коротка, поэтому мы не рискуем замерзнуть. Для нас, биологов, это очень хорошо. Но наши физики недовольны: они с трудом получают для опытов температуру, близкую к абсолютному нулю. Земля, как огромная печь, дышит теплом даже на

расстоянии тысячи километров. Растения нашей оранжереи без вреда переносят короткую ночную прохладу. Мы даже не пускаем в ход электрических печей. У нас здесь чудесный горный климат. Скоро на ваших бледных ленинградских щеках заиграет румянец. Я здесь пополнел, у меня появился аппетит.

— Признаться, и я есть хочу, — сказал я.

— Так полетим в столовую, — предложил Крамер, протягивая мне бронзовую от загара руку.

Он вывел меня в коридор, и мы, подпрыгивая и хватаясь за ремешки, направились в столовую.

Это была большая комната цилиндрической формы, позолоченная первыми лучами «утра». Большое решетчатое окно с толстыми стеклами окружала рамка ярко-зеленых вьющихся растений. Такой яркой зелени мне на Земле не приходилось видеть.

— А вот и он!

Я оглядываюсь на знакомый голос и вижу Меллер. Она прилепилась к стене, как ласточка, а возле нее Тоня в легком сиреневом платье. Волосы Тони после дезинфекционных процедур взлохмачены. Я радостно улыбаюсь ей.

— Пожалуйте, пожалуйте сюда, — зовет Меллер. — Ну, чем вас потчевать?

Передо мной на полке герметически закрытые банки, баллоны, кубы, шары.

— Мы вас будем кормить из соски жидкой пищей, манной кашей. С твердыми кусками вы не справитесь: вылетят из рук — не поймаете. У нас все больше вегетарианская пища. Зато собственные плантации. Здесь яблочный мусс, — она указала на закрытую банку, — здесь клубника с рисом, абрикосы, персики, маседуан из бананов, репа Кэц — такой вы на Земле не ели... Хотите репы?

И Меллер ловко сняла с полки цилиндр с трубочкой на боку. В задней стенке цилиндра имелась трубка пошире. Эту трубку Меллер вставила в небольшой насос и начала качать. На наконечнике боковой трубки показалась желтоватая пена. Меллер протянула цилиндр Тоне.

— Берите и сосите. Если сосать будет трудно, подкачайте воздуху. Наконечники стерилизованы. Чего гримасничаете? Наша посуда не так красива, как греческие чаши, но зато хороша для здешних условий.

Тоня нерешительно взяла трубку в рот.

— Ну как? — спросила Меллер.

— Очень вкусно.

Крамер подал мне другую «соску». Полужидкая желтая кашица из «кэцовской репы» была действительно очень вкусна. Маседуан из бананов тоже хорош. Я не успевал подкачивать насос. Затем следовало желе из абрикосов и клубничный мусс.

Я ел с удовольствием. Но Тоня была задумчива и почти ничего не ела.

В коридоре я нагнал ее, схватил за руку и спросил:

— Чем вы озабочены, Тоня?

— Я сейчас была у директора Звезды Кэц, справлялась о Евгеньеве. Его уже нет на Звезде. Он отправился в длительное межпланетное путешествие.

— Значит, и мы последуем за ним? — с тревогой спросил я.

— Увы! — ответила она. — Нам надо работать. Но директор сказал, что, может быть, вы совершите межпланетное путешествие.

— Куда? — с испугом спросил я.

— Еще не знаю. На Луну, на Марс — может быть, и дальше.

— Нельзя ли с Евгеньевым поговорить по радио?

— Можно. Радиосвязь Кэца не установлена только с Землей: мешает слой Хевисайда. Он отбрасывает радиолучи. Мне как раз придется работать на нем, чтобы короткими лучами пробить этот слой и установить радиосвязь с Землей. Пока связь поддерживается световым телеграфом. Прожектор в миллион свечей дает вспышки, которые прекрасно принимаются на Земле, если только небо не покрыто облаками. Впрочем, на Памире, в городе Кэц, небо почти всегда безоблачно. С летящими же в межпланетном пространстве ракетами Звезда Кэц говорит по радио... Сейчас я пойду на радиостанцию и постараюсь наладить связь с ракетой, исследующей мировое пространство между Звездой Кэц и Луной... А вас директор просил зайти к нему. — Посмотрев на часы-браслет, Тоня добавила: — Хотя к директору сегодня уже поздно. Полетим вместе на радиостанцию. Комната номер девять.

Огромный коридор, ярко освещенный электрическими лампами, уходил вдаль, как тоннель подземной дороги. Голоса здесь звучали тише обычного, потому что воздух был разрежен, и я не сразу услышал, что меня окликают.

Это был Крамер. Он летел к нам, махая небольшими крыльями. Сбоку и над спиной его торчали какие-то предметы, похожие на сложенные веера.

— Вот вам крылья, — сказал он, — чтобы вы совсем были похожи на небожителей. В раскрытом виде эти штуки немного напоминают крылья летучей мыши. Прикрепляются к кистям рук. Могут складываться и откидываться назад, и тогда вы можете свободно брать все.

Крамер ловко прикрепил нам крылья размером с большой лист лопуха, показал, как обращаться с механизмом, и улетел назад. Я и Тоня принялись за полеты. Мы не раз сталкивались головами, ударялись о стены, делали неожиданные повороты. Но неловкие движения не причиняли нам боли.

— В самом деле, мы похожи на летучих мышей, — со смехом сказала Тоня. — Ну, кто первый долетит до радиостанции?

Мы сорвались с места.

— А почему так пустынно в коридоре? — спросил я.

— Все на работе, — сказала Тоня. — Здесь, говорят, по вечерам публика летает роем. Как майские жуки в погожий день!

Мы подлетели к комнате номер девять. Тоня нажала кнопку, и дверь бесшумно открылась. Первое, что меня удивило, — это радист. Он с наушниками на ушах примостился на «потолке» и записывал радиотелефонограмму.

— Готово, — сказал он, пряча в сумку у пояса записную книжку: эта сумка заменяла ему ящик письменного стола. — Вы хотите поговорить с Евгеньевым? Попытаемся.

— А это трудно? — спросила Тоня.

— Нет, нетрудно, но у меня сегодня не работает длинноволновый передатчик, а на короткой волне найти ракету, спирально поднимающуюся над Землей, несколько сложнее. Я сейчас вычислю местонахождение ракеты и попробую...

Но в этот момент он неожиданно задел ногою за стену и отлетел в сторону. Его удержали шнуры радионаушников, и через мгновение радист принял прежнее положение. Вынув записную книжку, он посмотрел на хронометр и углубился в расчеты. А потом принялся за настройку.

— Алло... Алло! Говорит Звезда Кэц! Да. Да. Позовите к аппарату Евгеньева. Нет? Скажите ему, чтобы он, когда вернется, вызвал Звезду Кэц. С ним должна говорить новая сотрудница Звезды Кэц. Фамилия...

— Антонина Герасимова, — поспешила сказать Тоня.

— Товарищ Герасимова. Слышишь? Так. Много? Хороший улов? Поздравляю.

Он выключил аппарат и сказал:

— Евгеньева нет в ракете. Он вылетел в межпланетное пространство на промысел и вернется часа через три. Занят ловлей мелких астероидов. Прекрасный строительный материал. Железо, алюминий, граниты. Я вызову вас, когда Евгеньев будет у радиотелефона.

9. В БИБЛИОТЕКЕ

За вечерним чаем ко мне подлетел Крамер.

— Вы свободны сегодня вечером? — спросил он меня и пояснил: — Не удивляйтесь, пожалуйста, на Звезде стоминутные сутки, но по привычке мы рабочий день исчисляем по земному времени. Закрывая ставни, делаем «ночь» и спим шесть-семь «звездных» суток. Теперь по московскому

времени восемь часов вечера. Не хотите ли познакомиться с нашей библиотекой?

— Охотно, — ответил я.

Как и все помещения на Звезде Кэц, библиотека представляла собой цилиндр. Окон не было. Боковые стены были сплошь заняты ящиками. По продольной оси цилиндра — от двери до противоположной стены — натянуты четыре тонких троса. Придерживаясь за них, посетители передвигались в этом своеобразном коридоре. Пространство между «коридором» и боковыми стенками заполнял ряд сетчатых коек. В помещении был чистый, озонированный воздух с запахом хвои. Газонаполненные трубки, пролегающие между ящиками, светились приятным матовым светом. Тишина. На некоторых койках лежат люди с надетыми на голову черными коробками, изредка подкручивая выступающие из коробок круглые рукоятки.

Странная библиотека! Можно подумать, что здесь не читают, а проходят какой-то курс лечения.

Перебирая руками трос, я двигаюсь за Крамером к противоположному концу библиотеки. Там на фоне сложенных стеной черных ящиков порхает девушка в ярко-красном шелковом платье.

— Наш библиотекарь, Эльза Нильсон. Познакомьтесь, — говорит Крамер и шутя бросает меня к девушке. Она, смеясь, подхватывает меня на лету, и мы знакомимся.

— Что будете читать? — спрашивает она. — У нас миллион экземпляров книг почти на всех языках мира.

Миллион экземпляров! Где же они могут разместиться здесь? Но потом я догадываюсь:

— Фильмотека?

— Да, книги на пленке, — говорит Нильсон. — Читают их с помощью проекционного фонаря.

— Легко и компактно, — добавляет Крамер. — Целый том, страница за страницей отпечатанный на пленке, занимает места не больше, чем катушка ниток.

— А газеты? — спрашиваю я.

— Их заменяют радио и телевизор, — отвечает Нильсон.

— Книги на пленках — это уже не новость, — говорит Крамер. — У нас есть вещи поинтереснее. Какую же программу вечера мы составим для товарища Артемьева? Давайте так: сначала мировая хроника. Покажем, что на Звезде Кэц мы не отстали от мировых событий. Затем дайте «Солнечный столб»...

— Это новый роман? — спросил я.

— Да, в некотором роде, — ответил, улыбаясь, Крамер. — Ну, и хотя бы «Атмосферную электростанцию».

Кивнув головой, Нильсон вынула из ящика круглые плоские металлические коробки.

Крамер предложил мне лечь на койку. Затем, вложив эти коробки в ящик с рукоятками, надел его мне на голову.

— Лежите, слушайте, смотрите, — сказал он.

— Лежу, но ничего не вижу и не слышу. Абсолютная тишина и мрак.

— Поверните ручку справа, — сказал Крамер.

Я повернул. Что-то щелкнуло, тихо зажужжало. Сильный свет ослепил меня. На мгновение я закрыл глаза и в то же время услышал голос:

«Тропические джунгли Африки расчищаются под культурное земледелие».

Я открыл глаза и увидел сверкающую в ослепительных лучах африканского солнца сине-зеленую поверхность океана, а на ней — растянутый в боевую линию огромный флот: дредноуты, сверхдредноуты, линкоры, крейсеры и истребители всех видов и систем. Здесь были и старые военные корабли, изрыгающие из широкогорлых труб клубы черного дыма, и более новые теплоходы с двигателями внутреннего сгорания, и позднейшие — с электрическими двигателями.

Это зрелище было так неожиданно, что я невольно вздрогнул. Неужто опять война? Но какая же может быть война, когда с капитализмом покончено во всем мире? Не угощают ли меня старым фильмом из времен последней войны, которая привела к революции?

«Военный флот — орудие истребления — мы превратили в мирный грузовой транспорт», — продолжал все тот же голос.

Ах, вот в чем дело! Ослепленный ярким светом, я сразу не заметил, что боевые башни с чудовищными морскими пушками сняты. Вместо них на кораблях установлены грузовые краны. Сотни хлопотливых катеров, буксиров, барж снуют между «боевой» цепью судов и новенькой гаванью. В гавани кипит разгрузочная работа.

Я снова повернул ручку. И... это тоже похоже на войну.

Огромный лагерь, белые палатки и фанерные домики, окрашенные в белый цвет. У домов и палаток люди в белых костюмах — европейцы и чернокожие. За лагерем дымовая завеса, поднимающаяся почти до зенита. Дым валит клубами, как при огромном пожаре...

Новый «кадр» — сплошная стена непроходимого тропического леса пылает в огне. На пепелище стоят огромные фургоны — коробки из металлической сетки на стальных каркасах. В них копошатся люди, выкорчевывая небольшими машинами пни.

«Тропики — самые богатые солнцем места на Земле. Но они были недоступны для культурного земледелия. Непроходимые леса, болота, хищные звери, ядовитые гады, насекомые, губительные лихорадки наводняли тропики. Смотрите, чем они становятся теперь!..»

Равнина. Тракторы возделывают землю. Чернокожие трактористы сверкают белыми зубами в веселой улыбке. На горизонте многоэтажные дома, густая зелень садов. «Тропики прокормят миллионы людей... Идея Циолковского претворяется в жизнь...»

«Как, и здесь Циолковский? — удивляюсь я. — Сколько же идей успел он заготовить впрок будущему человечеству!»

И, словно в ответ на эту мысль, я увидел другие картины великой переделки Земли по идеям Циолковского.

Превращение в оазисы пустынь путем использования энергии солнца; приспособление под жилье и оранжерейное «озеленение» доселе неприступных гор; солнечные двигатели, машины, работающие силой приливов, отливов

и морских волн; новые виды растений, которые используют больший процент солнечной энергии...

Но это уже по моей части. Об этих достижениях мне известно.

Мировая кинохроника окончилась. После минутного перерыва я вновь услышал голос. И все, что он рассказывал, как наяву проходило перед моими глазами.

* * *

«Я участвовал в испытательном пробеге аэросаней нового типа, — говорил голос. — Условия были поставлены довольно тяжелые: проехать сотни километров тундры далеко за Полярным кругом.

Я был начальником пробега и возглавлял колонну. Мы продвигались прямо на север.

Было темно. Северное сияние не полыхало на небе.

Только фары освещали путь. Стояли пятидесятиградусные морозы. Кругом безлюдная снежная равнина.

Мы ехали два дня, поглядывая на компас.

И вдруг мне показалось, что небо на горизонте порозовело.

— Начинается северное сияние. Будет веселее ехать, — сказал товарищ, который вел наши сани.

Через полчаса северный небосклон разгорелся еще ярче.

— Странное северное сияние, — сказал я спутнику. — Совершенно отсутствуют переливы света. И краски не те. Обыкновенно северное сияние вначале бывает зеленоватого цвета, потом расцвечивается розовым разных оттенков. А этот свет как заря, и притом совершенно неподвижный. Он только постепенно усиливается и медленно переходит от розового к белому, по мере того как мы продвигаемся вперед.

— Быть может, это зодиакальный свет? — сказал мой товарищ.

— Невозможно ни по месту, ни по времени. И не похоже: глядите — световая полоса проходит почти от зенита до горизонта, постепенно расширяясь, как конус.

Мы так увлеклись созерцанием загадочного небесного явления, что не заметили глубокой лощины с довольно крутым склоном и едва не сломали санных лыж.

Через несколько минут, выбравшись из лощины, мы заметили значительное потепление. Термометр показывал тридцать восемь ниже нуля, а всего час назад было пятьдесят.

— Может быть, этот свет излучает тепло? — сказал я.

— Если так, то это совершенно необъяснимо, — возразил спутник. — Световой столб, отапливающий тундру!

Он рассмеялся.

Столб лежал на пути нашего маршрута, и нам ничего больше не оставалось, как ехать к этому световому конусу и узнать, если удастся, в чем дело.

Мы ехали, а вокруг становилось все теплее и светлее. Вскоре мой товарищ погасил фары; в них больше не было надобности. Затем мы заметили усиливающуюся тягу воздуха в направлении светового конуса, а в его вершине разглядели ослепительно сверкающий узкий серп, словно серп Венеры, наблюдаемый в бинокль.

Увы, по мере нашего продвижения загадка не только не разгадывалась, но становилась еще более запутанной.

— Этот свет поразительно напоминает солнечный, — сказал мой товарищ в недоумении.

Скоро стало светло как днем. Но справа, слева и позади нас были сумерки, переходившие на горизонте в полную тьму. Ветер, стлавшийся по земле, все усиливался, поднимая снежную пыль. Мы продолжали путь в снежном самуме.

Между тем температура стремительно повышалась.

— Минус тридцать... Двадцать пять... Семнадцать. Девять... — сообщал мой спутник. — Ноль... Два градуса выше ноля... И это после пятидесяти холода! Теперь мне становится понятным ветер. Видимо, этот «солнечный столб» нагревает воздух и почву, — получается большая разница температур. Холодный воздух притекает снизу к теплой зоне, а вверху, наверное, есть обратные течения теплого воздуха.

Но вот мы приблизились к черте, на которую непосредственно падали световые лучи. Снежинки, увлекаемые вет-

ром, таяли; буран превратился в дождь, который падал не с неба, а налетал сзади; снег на земле быстро таял, становился рыхлым и водянистым. На склонах бугров и лощин уже журчали ручьи. Санный путь портился. Темная морозная полярная зима, как в сказке, превращалась в дружную весну.

Ехать дальше становилось опасным: можно погубить сани. Я остановился. Остановился и весь поезд. Из аэросаней начали выскакивать водители, инженеры, корреспонденты, кинооператоры — участники пробега. Они не менее меня были заинтересованы необычайным явлением.

Я распорядился поставить несколько саней боком, чтобы защититься от ветра, и открыл совещание. Оно продолжалось недолго. Все были согласны, что ехать дальше рискованно, и решили, что несколько человек должны сопровождать меня в пешеходной экспедиции, остальные останутся с санями. Мы же, разведав, в чем дело, вернемся, а затем все вместе объедем «солнечный столб» стороной и продолжим наш путь.

На месте нашей остановки термометр показывал восемь градусов тепла по Цельсию. Поэтому, скинув меховые одежды, мы надели охотничьи сапоги и кожаные костюмы, взяли с собой небольшие запасы продовольствия, инструменты и отправились в путь.

Этот путь был нелегким. Сначала наши ноги проваливались в рыхлый снег, потом мы увязали в грязи. Нам приходилось обходить речки, болота, небольшие озера. К счастью, кромка грязи была не очень широка. Мы уже видели сухой «берег», покрытый изумрудно-зеленой травой и цветами.

— В конце декабря далеко за Полярным кругом — свет, тепло и зеленая трава! Ущипните меня за ухо, чтобы я проснулся! — воскликнул мой приятель.

— Но это не весна, а какой-то чудесный островок весны среди океана полярной зимы, — заметил другой спутник. — Если бы это была самая настоящая весна, то на всех здешних болотах и озерах мы встретили бы массу птиц.

Наш кинооператор установил аппарат, навел фокус и

взялся за ручку. Но в этот момент налетел шквал и повалил его в грязь вместе с аппаратом. Плед кинооператора был поднят ветром на огромную высоту и заброшен неведомо куда.

Ураган не прекращался, и ветер буквально сбивал с ног. Здесь уже не было постоянного направления ветра; он дул порывами то в спину, то в лицо, то закручивался смерчем, почти приподнимая нас на воздух. Очевидно, мы подошли к той границе, где приток холодного воздуха встречался с нагретым, сталкивался и создавал вихревые восходящие потоки. Это была граница циклона, вызванного неведомым «солнечным столбом».

Мы уже не шли, а карабкались на четвереньках, ползли по грязи, цепляясь друг за друга из последних сил...

Совершенно измученные, мы добрались до сухой почвы и попали в зону полного штиля. Здесь только чувствовались восходящие токи от нагретой земли, как над полем в жаркий летний полдень. Температура поднялась до двадцати градусов тепла.

Мы просохли в несколько минут и расстегнули куртки. Весна переходила в лето.

Невдалеке поднимался небольшой холм, покрытый травою, цветами и стелющимися по земле полярными березками. Летали комары, мухи, бабочки, воскресшие под живительными лучами.

Мы взошли на холм и остановились как вкопанные. То, что мы увидели, было похоже на мираж.

Перед нами колосилась пшеница. На отдельных полосах росли подсолнечники, зеленела кукуруза. За полем — огороды с капустой, огурцами, свеклой, помидорами, грядки клубники и земляники. Еще дальше — пояс кустарников: смородины, крыжовника и даже участков виноградных лоз с гроздьями зрелого винограда. За кустарниками — плодовые деревья: груши, яблони, вишня, сливы; за ними — мандарины, абрикосы и персики, и, наконец, в центральном кольце оазиса, где температура, очевидно, была

очень высокой, росли апельсиновые, лимонные деревья, какао вперемежку с чайными и кофейными кустами.

Словом, здесь были собраны главнейшие культурные растения средней полосы, субтропиков и даже тропические.

Меж полями, огородами, садами были проложены дороги — концентрическими кругами и по радиусу к центру. Там возвышался пятиэтажный дом с балконами и радиомачтой наверху, ярко освещенный отвесными лучами. На балконах, на подоконниках открытых окон виднелись цветы, зелень. По стенам тянулись вьющиеся растения.

На полях, в огородах, в садах работали люди в легких костюмах и в широкополых шляпах...

Минуты две мы простояли в оцепенении. Наконец мой товарищ вымолвил:

— Это превосходит предел человеческого удивления. Ффу! — тяжело вздохнул он. — Вот так сказка из «Тысячи и одной ночи»!

Мы направились по радиальной дорожке к центру оазиса. Временами я поглядывал на небо, откуда исходили таинственные лучи. Ослепительный, как солнце, серп превращался в диск.

Навстречу нам по дорожке, усыпанной желтым песком, меж апельсиновыми деревьями, отягченными зрелыми плодами, шел загорелый человек в белой рубашке, белых брюках до колен и сандалиях на босу ногу. Широкополая шляпа бросала тень на его лицо. Он издали приветливо махнул нам рукой. Поравнявшись с нами, сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Мне уже сообщили о вашем приходе. Однако вы смелые люди, если сумели пробраться сквозь полосу наших циклонов.

— Да, у вас хорошие сторожа, — смеясь, ответил мой товарищ.

— Сторожить нам незачем, — возразил человек в белом костюме. — Пограничные вихри — это, так сказать, побочное явление. Но если бы мы захотели, то могли бы создать такое вихревое заграждение, через которое не пробралось

бы сюда ни одно живое существо. И мышь и слон с одинаковой легкостью были бы подняты на десяток километров и отброшены назад в мертвую снежную пустыню. Вы все-таки подвергались большой опасности. А между тем с восточной стороны имеется крытый ход, по которому можно совершенно безопасно проникнуть сюда сквозь «зону Бурь»... Ну, давайте знакомиться, Крукс, Вильям Крукс. Директор опытного оазиса. Вы, видимо, не знали, что здесь существует такой оазис? Впрочем, это можно заключить по вашим изумленным лицам. Оазис — не секрет. О нем сообщалось и в газетах, и по радио. Но я не удивляюсь вашей неосведомленности. С тех пор как трудящиеся взялись за переустройство мира, во всех частях земного шара производится столько работ, что стало трудно быть в курсе всего. Вы слыхали о Звезде Кэц?

— Да, — ответил я.

— Так вот, наше «искусственное солнце», — Крукс указал на небо, — обязано своим происхождением Звезде Кэц. Звезда Кэц — первая небесная база. Имея эту базу, нам уже нетрудно было создать и наше «солнце». Вы, вероятно, догадываетесь, что оно собой представляет? Это вогнутое зеркало, состоящее из полированных металлических листов. Оно помещено на такой высоте, что лучи Солнца, находящегося за земным горизонтом, падают на зеркало и отражаются на Землю вертикально. Посмотрите на тени. Они отвесны, как на экваторе в полдень. Палка, прямо воткнутая в землю, не дает никакой тени. Температура в центре оазиса тридцать градусов тепла и днем и ночью в продолжение круглого года. По краям оазиса она несколько ниже из-за притока холодного воздуха. Хотя этот приток очень незначителен: холодный воздух тотчас же увлекается вверх восходящими токами. Соответственно этим температурным зонам мы и располагаем наши растения. В центре, как видите, у нас произрастают даже такие теплолюбивые растения, как какао.

— Но если это ваше искусственное солнце погаснет? — сказал я.

— Если бы оно погасло, растения нашего оазиса погибли бы в несколько минут. Но погаснуть оно не может, пока светит настоящее Солнце. Поворачивая зеркальные листы под известным углом, можно регулировать температуру. Здесь она у нас постоянная. И мы собираем несколько урожаев в год. Это «солнце» лишь первое среди десятков других, которые скоро зажгутся на высоких широтах юга и севера земного шара. Мы покроем целой сетью таких оазисов полярные и приполярные страны. Постепенно воздух будет прогреваться и между оазисами. Мы создадим мощное «солнце» над Северным полюсом и растопим вековые льды. Прогрев воздух и породив новые воздушные течения, отеплим все Северное полушарие. Мы превратим ледяную Гренландию в цветущий сад с вечным летом. И, наконец, доберемся до Южного полюса с его неистощимыми природными богатствами. Освободим ото льдов целый материк, который вместит и прокормит миллионы людей. Мы превратим нашу Землю в лучшую из планет...»

Голос умолк. Наступила темнота. Слышно было только жужжание аппарата. Затем опять вспыхнул свет, и я увидел новую необычайную картину.

В просторах стратосферы, под небом аспидного цвета летают странные снаряды, похожие на ощетинившихся ежей. Внизу — легкие перистые облака, под ними — кучевые, слоистые... Сквозь пелену облаков виднеется поверхность Земли: зеленые пятна лесов, черные квадраты пашни, извилистые серебристые нити рек, блестки озер, тончайшие ровные линии железных дорог. «Ежи» мечутся по небу в разных направлениях, оставляя за собой дымовые хвосты. По временам «ежи» замедляют свой полет, останавливаются. Тогда из «ежей» вырываются ослепительные молнии и почти отвесно падают на Землю.

...Большая кабина. Круглые иллюминаторы с толстыми кварцевыми стеклами. Сложные, невиданные мной аппараты. Двое молодых людей у аппаратов. Третий сидит у

стола за измерительными приборами и управляет работой двух:

— ...Пять тысяч... семь... Задержать полет... Десять ампер... Пятьсот тысяч вольт... Стоп... Разряд!

Молодой человек у аппарата дергает рычаг. Сухой треск необычайной силы разрывает тишину, молния срывается и летит на Землю.

— Вперед, полный ход!.. — командует старший.

Он поворачивает лицо ко мне и говорит:

— Вы находитесь на атмосферной электростанции — тоже одно из предприятий Звезды Кэц.

Построив Звезду Кэц, мы смогли исследовать стратосферу с исчерпывающей полнотой, изучили атмосферное электричество. О нем знали давно. Были даже попытки использовать его для промышленных целей. Но эти попытки не увенчались успехом ввиду ничтожного количества атмосферного электричества. Считалось, что над одним квадратным километром накопляется всего 0,04 киловатт-часа энергии. Так оно и есть, если брать слои атмосферы, близкие к поверхности Земли. Разряды молнии дают неизмеримо больше — 700 киловатт-часов в одну сотую долю секунды. Но молния — случайный, редкий гость. Иное дело — высшие слои атмосферы. Там картина меняется.

Живя на Земле, мы находимся на дне воздушного океана. Сравнительно давно люди научились пользоваться горизонтальными воздушными течениями, которые гнали их парусные корабли и вращали крылья ветряных мельниц. Потом открыли причину этих течений — неравномерное нагревание воздуха солнечными лучами. Затем, когда люди начали летать, они узнали, что по той же причине происходят движения воздуха и по вертикали — снизу вверх и сверху вниз. И, наконец, совсем недавно установили, что в нашем воздушном океане вследствие притяжения Солнца, и в особенности Луны, происходят такие же приливы и отливы, как в водных океанах. Но так как воздух почти в тысячу раз легче воды, то приливные явления должны быть особенно сильными. Атмосфера в отношении приливов и от-

ливов ведет себя примерно так, как водный океан глубиной в восемь километров.

Луна притягивает массы атмосферы, и наш воздушный океан вздымается, выпячивается по направлению к Луне. Получаются огромные периодические движения воздушных слоев. Эти приливы и отливы сопровождаются трением газовых частиц, которые сильно ионизированы. Поэтому высокие слои атмосферы являются хорошим проводником для радиоволн. И вот в этих сильно ионизированных слоях атмосферы при их движении относительно магнитного поля Земли возбуждаются, как в проводнике, индукционные токи Фуко.

Таким образом, в природе благодаря атмосферным приливам создается своеобразная динамо-машина, влияющая на магнитное состояние Земли. Это обнаружено на записях магнитографов.

Изучая работу этой грандиозной машины, этого своеобразного «вечного двигателя», мы нашли, что запасы атмосферного электричества неистощимы. Они с лихвой покрывают потребности человечества в электроэнергии, надо только суметь «снять» это электричество.

То, что вы видите, — первое и несовершенное разрешение задачи. Ракеты снабжены остриями-иглами, принимающими на себя электричество, которое накопляется в своего рода лейденских банках. Затем происходит разряд «молний» над безлюдным местом, где существует приемная станция с металлическими шарами, парящими высоко над нею и соединенными с нею тросами.

Сейчас мы приступаем к строительству грандиозной атмосферной станции, работа которой будет совершенно автоматизирована. В стратосфере соорудим постоянные, неподвижные установки, соединенные друг с другом проводами. Эти установки будут накоплять электричество и отдавать его Земле по ионизированному столбу воздуха. Люди получат неистощимый источник энергии, необходимый для великой переделки Земли.

Снова темнота, молчание... Затем вспыхивает голубой

свет. Он постепенно переходит в розовый. Утро. Яблони в цвету. Молодая мать держит ребенка. Он протягивает руки лучезарному дню...

Видение исчезло.

Вдруг я увидел небесные просторы и нашу планету Землю, летящую в мировом пространстве. Послышалась торжественная музыка. Земля улетала в неведомые дали, превращаясь в звезду. А музыка становились все тише и, наконец, словно угасла вдали. Сеанс был окончен. Но я еще долго лежал с закрытыми глазами, переживая свои впечатления.

Да, Тоня, пожалуй, была права, упрекая меня в том, что я слишком замкнулся в своей работе. Вот только теперь я почувствовал, как изменилась жизнь во всем мире со времени мировой революции: какие работы, какие масштабы! А ведь это только начало моих впечатлений. Что же еще ждет меня впереди?..

10. У ДИРЕКТОРА

Кабинет директора несколько отличался от других комнат, которые я видел. Возле окна стоял стол из чрезвычайно тонкого алюминия. На столе — папки, аппараты внутреннего телефона, радио и много кнопок с номерами. Возле стола — алюминиевый вращающийся стеллаж для книг и папок. На Звезде существовала небольшая искусственная сила тяжести, и предметы «лежали» на месте, но разлетались при малейшем движении. Поэтому все они были прикреплены автоматическими закрепками.

У стола на легком алюминиевом кресле сидел директор, пристегнувшись ремешком.

Это был человек лет тридцати, бронзовый от загара, с темным румянцем на щеках, с орлиным носом и большими выразительными черными глазами. На нем был легкий, не стесняющий движения костюм. Директор дружески кивнул мне головой (на Кэце за руку не здоровались) и спросил:

— Как вы себя чувствуете в наших условиях, товарищ Артемьев? Не страдаете ли от недостатка кислорода?

— Как будто начинаю привыкать, — ответил я. — Но у вас здесь здорово прохладно и воздух разрежен, как на самых высоких горах Земли.

— Привычка, — ответил он. — Как видите, я чувствую себя превосходно. Лучше, чем на Земле. Там я был приговорен к смерти — третья стадия туберкулеза, кровохарканье. Меня чуть не на носилках внесли в ракету. И вот теперь я здоров как бык. Звезда Кэц делает и не такие чудеса. Это первоклассный курорт. Преимущество его перед земными в том, что каждому человеку здесь можно создать наилучший для него климат.

— Но как же вас при таком строгом отборе приняли на Кэц с открытой формой туберкулеза? — удивился я.

— Это было исключение для нужного человека, — с улыбкой рассказал директор. — Меня отправили в особой санитарной ракете и здесь долго выдерживали в изоляторе, пока не исчезли последние следы активного процесса. Наш врач, уважаемая Анна Игнатьевна Меллер, занята хлопотами об открытии специальных надземных санаториев для больных костным туберкулезом. Она уже делала опыты — результаты поразительные. Никакого давления на разрушаемые процессы кости. Никаких гипсовых кроваток, корсета, костылей. Интенсивнейшие ультрафиолетовые лучи солнца. Полное дыхание кожи. Морской воздух. Нет ничего проще создать его в наших условиях. Полный покой, питание. Самые безнадежные формы излечиваются в кратчайший срок.

— Но на землю этим людям возвращаться рискованно?

— Почему же, если процесс закончен? Многие вернулись и чувствуют себя прекрасно. Однако мы с вами отвлеклись. Ближе к делу... Так вот, товарищ Артемьев, биологи нам очень нужны. Работы здесь непочатый край. В первую очередь надо наладить снабжение Звезды фруктами, овощами собственной оранжереи. Пока с этим успешно справляется наш «огородник» Андрей Павлович

Шлыков, но ведь мы все расширяем небесные владения. На Земле люди могут расселяться только в четырех направлениях: на восток, на запад, на север и на юг. А здесь еще вверх и вниз — словом, во все стороны. Мы постепенно обрастаем всякими подсобными предприятиями. Новую оранжерею строим. Там работает помощник Шлыкова — Крамер.

— Я уже знаком с ним.

Директор кивнул головой.

— Так вот... — продолжал он, взмахнув рукой, в которой держал карандаш.

Карандаш выскользнул из пальцев и полетел по дуге мимо меня. Я хотел поймать его на лету, но ноги мои отделились от поля, колени приподнялись к животу, и я повис в воздухе. Только через минуту ступни моих ног коснулись «пола».

— Тут вещи непослушные, норовят убежать, — пошутил директор. — Так вот. Мы разводим фрукты и овощи в условиях почти полной невесомости. Вы подумайте, сколько интереснейших проблем открывается для биолога. Как ведет себя в растениях при отсутствии силы тяжести геотропизм? Как происходит деление клеток, обмен веществ, движение соков? Как влияют ультракороткие лучи? Космические лучи? Да всего и не перечислишь! Шлыков делает открытие за открытием. А животные? Мы будем разводить и их. У нас уже есть несколько подопытных. Ведь этакая надземная лаборатория — клад для ученого, любящего свое дело. Вижу, и у вас глаза загорелись.

Я не видел своих глаз, но слова директора действительно обрадовали меня. Признаюсь, в этот момент я позабыл не только об Армении, но даже и о Тоне.

— Я горю желанием приступить к работе, — сказал я.

— И завтра же приступите, — сказал директор. — Но пока не здесь, не в оранжерее. Мы организуем научную экспедицию на Луну. Полетят наш старик астроном Федор Григорьевич Тюрин, геолог Борис Михайлович Соколовский и вы.

Услышав это, я сразу вспомнил Тоню. Оставить ее, быть может, надолго. Не знать, что происходит здесь без меня...

— А зачем биолог? — спросил я. — Луна ведь совершенно мертвая планета.

— Надо думать, что так. Но не исключена возможность... Вы поговорите с нашим астрономом, у которого есть кое-какие предположения на этот счет. — Директор улыбнулся. — Старик наш немного с сумасшедшинкой. У него есть один пунктик — философия. «Философия движения». Боюсь, что он заговорит вас. Но в своей области он крупнейшая величина. Что же делать? В старости люди часто имеют «хобби», как говорят англичане, свой конек. Вы отправляйтесь сейчас к Тюрину и познакомьтесь с ним. Интересный старик. Только не давайте ему болтать много о философии.

Директор нажал одну из многочисленных кнопок.

— Вы уже знакомы с Крамером. Я вызову его, он вам поможет перебраться в обсерваторию. Не забудьте, что там нет и той ничтожной силы тяжести, которая действует здесь.

Влетел Крамер. Директор объяснил ему все. Крамер кивнул головой, взял меня за руку, и мы вылетели в коридор.

— Я в этом полете постараюсь научиться передвигаться в межпланетном пространстве самостоятельно, — сказал я.

— Одобряю! — поддержал Крамер. — Дед, к которому мы полетим, сердитый добряк. Редька с медом. Вы ему только не противоречьте, когда он будет о философии толковать. Иначе он расстроится и будет дуться на вас всю дорогу до Луны. А в общем, чудесный старик. Мы его все любим.

Положение мое осложнялось. Директор советовал не давать Тюрину много философствовать. Крамер предупреждает — не злить старого астронома-философа. Придется быть дипломатом.

11. УЧЕНЫЙ ПАУК

В межпланетных костюмах, с портативными ракетами-ранцами за спиной, мы прошли сквозь атмосферную камеру, открыли дверь и выпали наружу. Толчка ноги было дос-

таточно, чтобы мы понеслись в безвоздушном пространстве. На небе снова было «полноземие». Огромный светящийся вогнутый «таз» Земли занимал полнебосклона — «сто двенадцать градусов», — объяснил Крамер.

Я увидал очертания Европы и Азии, север, затянутый белыми пятнами облаков. В просветы ярко блестели льды северных полярных морей. На темных массивах азиатских гор белели пятна снежных вершин. Солнце отражалось в озере Байкал. Его очертания были отчетливы. Среди зеленоватых пятен извивались серебристые нити Оби и Енисея. Четко выделялись знакомые контуры Каспийского, Черного, Средиземного морей. Отчетливо вырисовывались Иран, Аравия, Индия, Красное море, Нил. Очертания Западной Европы были словно размыты. Скандинавский полуостров покрывали облака. Западная и южная оконечности Африки тоже были плохо видны. Неясным, расплывчатым пятном выделялся в синеве Индийского океана Мадагаскар. Тибет был виден отлично, но восток Азии тонул в тумане. Суматра, Борнео, белесое пятно западного берега Австралии... Японские острова еле различимы. Удивительно! Я одновременно видел север Европы и Австралию, восточные берега Африки и Японию, наши полярные моря и Индийский океан. Никогда еще люди не окидывали такого огромного пространства Земли одним взглядом. Если на Земле на осмотр каждого гектара тратить только одну секунду, то и тогда потребовалось бы четыреста-пятьсот лет, чтоб осмотреть всю Землю, — так она велика.

Крамер сжал мне руку и показал на светящуюся точку вдали — цель нашего путешествия. Пришлось оторваться от изумительного зрелища Земли. Я посмотрел на Звезду Кэц и на ракетодром, похожий на большую сияющую луну. Далеко-далеко, в темных глубинах неба, то вспыхивала, то гасла неведомая красная звездочка. Я догадался: это к ракетодрому приближается с Земли ракета. Вокруг Звезды Кэц в темном пространстве неба было немало близких звезд. Присмотревшись к ним, я убедился, что они — создание рук человека. Это были «подсобные предприятия», о

которых говорил директор; я их еще не знал. Большинство их имело вид светящегося цилиндра, но были и иные формы: кубы, шары, конусы, пирамиды. Некоторые строения имели еще пристройки; от них шли какие-то рукава, трубы, диски, назначение которых не было мне известно. Другие «звезды» периодически испускали ослепительные лучи. Часть «звезд» стояла неподвижно, другая медленно двигалась. Были и такие, которые двигались друг возле друга, вероятно соединенные невидимой проволокой или тросом. Этим вращением, очевидно, создавалось искусственное тяготение.

Крамер вновь отвлек мое внимание. Показывая на обсерваторию, он прислонил свой скафандр к моему и сказал:

— Успеете еще насмотреться. Нажимайте кольцо на груди и стреляйте. Нельзя терять времени.

Я нажал кольцо. В спину ударило, и я полетел кувырком. Вселенная завертелась передо мной. Я видел то синее Солнце, то гигантскую Землю, то темные просторы неба, усеянного разноцветными звездами. У меня зарябило в глазах, закружилась голова. Я не знал, куда лечу, где Крамер. Приоткрыв глаза, я с ужасом увидел, что стремительно падаю на ракетодром. Я поспешно нажал другую кнопку, получил толчок в бок и метнулся влево от ракетодрома. Неприятнейшее ощущение! А главное, я ничего не мог поделать. Я сжимался; разгибался, извивался — ничего не помогало. Тогда я закрыл глаза и еще раз нажал кнопку. Снова удар в спину... Обсерваторию я давно потерял из виду. Земля голубовато светилась внизу. Край ее уже потемнел: приближалась короткая ночь.

Справа вспыхнул огонек — вероятно, взрыв портативной ракеты Крамера. Нет, я не буду больше стрелять без толку. И вот в момент моего жуткого отчаяния я увидел Звезду Кэц совсем не в том месте, где предполагал. Не помня себя от радости, я выстрелил и закувыркался пуще прежнего. Мною овладел страх. Эти цирковые упражнения были совсем не в моем духе... И вдруг что-то ударило меня по ноге, затем по руке. Уж не астероид ли?.. Если моя одежда прорвется, я моментально обращусь в кусок льда и задохнусь... У меня по коже поползли мурашки. Быть может, в моем костюме уже образовалась скважина и межпланетный холод пробирается к телу? Я почувствовал, что задыхаюсь. Правая рука чем-то сжата. Стук в скафандр, и я слышу глухой голос Крамера:

— Наконец-то я поймал вас. Наделали вы мне хлопот... Я думал, что вы ловчее. Только не стреляйте больше, пожалуйста. Вы метались из стороны в сторону, словно пиротехническая шутиха. Я едва не упустил вас из виду. Вы бы тогда совсем пропали.

Крамер отбросил мой белый плащ, в котором я совсем запутался, и живительные лучи Солнца быстро согрели меня. Кислородный аппарат был в исправности, но я еле дышал от волнения. Крамер, подхватив меня под мышку, как при первой высадке из ракеты, стрельнул слева, справа, сзади. И мы помчались. Впрочем, движения я не ощущал, видел только, что «вселенная стала на место». И Звезда Кэц будто падает вниз, а навстречу нам несется звездочка обсерватории. Она разгорается все сильнее и сильнее, как переменная звезда.

Вскоре я мог различить внешний вид обсерватории. Это было необычайное сооружение. Представьте себе правильный тетраэдр: четырехгранник, все грани которого — треугольники. В вершинах этих треугольных пирамид помещены большие металлические шары со множеством круглых окон. Шары соединены трубами. Как я узнал впоследствии, трубы эти служат коридорами для перехода из одного шара в другой. На шарах воздвигнуты телескопы-рефлекторы. Огромные вогнутые зеркала соединены с шарами легкими алюминиевыми фермами. Обычная на земле телескопная труба в «небесном» телескопе отсутствует. Здесь она не нужна: атмосферы нет, поэтому рассеивания света не происходит. Кроме гигантских телескопов, над шарами возвышаются сравнительно небольшие астрономические инструменты: спектрографы, астрографы, гелиографы.

Но вот Крамер замедлил полет и изменил направле-

ние — мы приблизились к одному из шаров по касательной линии и остановились вплотную возле трубы, которая соединяла шары, не коснувшись ее. Такая предосторожность, как потом объяснил мне Крамер, была вызвана тем, что обсерватория не должна испытывать ни малейших толчков. Горе тому посетителю, который, причаливая, толкнет обсерваторию. Тюрин гневно обрушится на гостя, заявив, что ему испортили лучший снимок звездного неба и чуть ли не погубили его жизнь...

Крамер осторожно нажал кнопку в стене. Дверь открылась, и мы проникли в атмосферную камеру. Когда воздух наполнил ее и мы сняли костюмы, мой проводник сказал:

— Этот старик буквально прирос к телескопу. Он не отрывается даже для еды. Пристроил возле себя баллончики, банки и посасывает из трубки пищу, не прекращая наблюдений. Да вы и сами увидите. Пока вы будете с ним беседовать, я слетаю в новую оранжерею. Посмотрю, как там идут работы.

Он вновь надел скафандр. А я, открыв дверь, ведущую внутрь обсерватории, попал в освещенный электрическим светом коридор. Лампы были у меня под ногами, — оказывается, я влетел в обсерваторию вниз головой. Чтобы случайно не раздавить ногами лампы, я поспешил ухватиться за спасительные ремешки у стен. Складные крылья были со мною, но я не решился пустить их в ход в святилище страшного старика. Таким рисовался он мне по рассказам Крамера и директора.

Было очень тихо. Обсерватория казалась совершенно необитаемой. Только мягко гудели вентиляторы да где-то раздавалось шипение, по-видимому кислородных аппаратов. Я не знал, куда мне направиться.

— Эй, послушайте, — сказал я и кашлянул.

Полное молчание...

Я кашлянул громче, затем крикнул:

— Есть здесь кто-нибудь?

Из дальней двери показалась лохматая голова юного негра:

— Кто? Что? — спросил он.

— Федор Григорьевич Тюрин дома? Принимает? — пошутил я.

На черном лице белозубым оскалом сверкнула улыбка.

— Принимает. А я спал. Я всегда сплю, когда у нас во Флориде ночь. Вы вовремя меня разбудили, — сказал словоохотливый негр.

— Как же вы из Флориды попали на небо? — не утерпел я.

— Пароходом, поездом, аэропланом, дирижаблем, ракетой.

— Да, но... почему?

— Потому, что я любопытный. Здесь так же тепло, как во Флориде. Я помогаю профессору, — слово «профессор» он произнес с уважением, — он ведь совсем дитя. Если бы не я, он умер бы с голоду возле своего окуляра. У меня есть обезьянка Микки. С ней не скучно. Есть книги. И есть большая интересная книга — небо. Профессор рассказывает мне о звездах.

«По-видимому, этот старик не такой уж страшный», — подумал я.

— Летите прямо по коридору до шара. В шаре есть канат. И он приведет вас к профессору Тюрину.

Послышался крик обезьянки.

— Что? Не можешь посмотреть, кто здесь? С кем я разговариваю? Ха-ха! Она теперь барахтается в воздухе посреди комнаты и никак не может опуститься на пол. У нее непременно отрастут крылья, — убежденно добавил негр. — Без крыльев тут плохо.

Я пролетел до сферической стены — ею заканчивался коридор, — открыл дверцы и очутился в шаре. К стенкам шара были прикреплены машины, аппараты, ящики, баллоны. От входной двери наискось был протянут довольно толстый канат. Он пропадал в отверстии перегородки, которая разделяла шар на половины. Я ухватился за канат и, перебирая его руками, начал подвигаться вперед-вниз или вверх, не могу сказать. С этими земными понятиями приходится распроститься раз и навсегда.

Наконец я пролез в отверстие и увидал человека. Он лежал в воздухе. А от него во все стороны шли тонкие шелковые шнуры, прикрепленные к стенкам.

«Как паук в своей паутине», — подумал я.

— Джон? — спросил он неожиданно тонким голосом.

— Здравствуйте, товарищ Тюрин. Я Артемьев. Прилетел...

— А, знаю. Директор говорил. На Луну? Да. Летим. Отлично.

Он говорил, не отрывая глаз от окуляра и не делая ни одного движения.

— Садиться не приглашаю: не на чем. Да и не нужно.

Я постарался осторожно подобраться поближе к «пауку», чтобы лучше рассмотреть его лицо. Первое, что я увидел, — это огромную копну белоснежных густых волос и бритое, немного бледное лицо с прямым носом. Когда Тюрин чуть-чуть повернул голову в мою сторону, я встретил живой взгляд черных глаз с красноватыми веками. Вероятно, он переутомлял свои глаза.

Я кашлянул.

— Не кашляйте в мою сторону, беспорядок наделаете! — строго сказал он.

«Начинается, — подумал я. — Уж и кашлять нельзя».

Но, присмотревшись, я понял, почему нельзя кашлять.

Тюрин разложил в воздухе книги, бумагу, карандаши, тетради, носовой платок, трубку, портсигар. Малейшее движение воздуха — и вещи улетят. Придется звать Джона на помощь — ведь самому профессору, наверное, нелегко распутать свою паутину. Он, очевидно, этой паутиной поддерживает свое тело в неподвижном состоянии у объектива телескопа.

— Очень большая труба у вашего телескопа, — сказал я, чтобы начать разговор.

Тюрин рассмеялся довольным смехом.

— Да, земным астрономам о таком телескопе не приходится и мечтать. Только трубы никакой нет. Разве, подле-

тая, вы не заметили этого?.. Простите, чтобы не забыть, я должен продиктовать несколько слов.

И он начал говорить фразы, пересыпанные астрономическими и математическими терминами. Потом плавно протянул руку вбок и повернул рычажок на черном ящике, который также был привязан шнурами. Если бы эти движения показать на экране, зрители были бы уверены, что механик слишком медленно вертит ручку аппарата.

— Автоматическая запись на ленте — домашний секретарь, — пояснил Тюрин. — Спрятан в коробочке, работает безукоризненно и есть не просит. Это скорее, чем записывать самому. Наблюдаю и тут же диктую. Машина и математические исчисления помогает мне производить. На всякий случай карандаш и бумага при мне. Только не дышите в мою сторону... Да, так телескоп... Такого на Земле не построить. Там вес ставит предел величине. Это у меня зеркальный телескоп-рефлектор. И не один. Зеркала имеют в диаметре сотни метров. Рефлекторы гигантских размеров. И сделаны они здесь из небесных материалов, стекло — из кристаллических метеоров. Я тут настоящий промысел метеоров-болидов организовал... Да, о чем я... Разве на Земле можно заниматься астрономией? Они там кроты по сравнению со мной. Я здесь за два года опередил их на целое столетие. Вот подождите, скоро мои труды будут опубликованы... Возьмите планету Плутон. Что о ней знают на Земле? Время обращения вокруг Солнца в сутках знают? Нет. Среднее расстояние от Солнца? Наклонение эклиптики? Нет. Масса? Плотность? Сила тяжести на экваторе? Время вращения на оси? Нет, нет и нет. Открыли, называется, планету!..

Он по-стариковски захихикал.

— А белые карлики, двойные звезды? А строение галактической системы? А общее строение Вселенной?.. Да что говорить! Даже атмосферу планет Солнечной системы толком не знают! До сих пор спорят. А у меня тут открытий на двадцать Галилеев хватит. Я не хвалюсь этим, потому что в данном случае не человек красит место, а место человека.

Любой астроном на моем месте сделал бы то же. И работаю я не один. У меня целый штат астрономов... Уж если кто был гениален, так это тот, кто придумал надземную обсерваторию. Да, Кэц. Ему мы этим обязаны.

У отверстия что-то зашевелилось. И я увидел обезьянку, а затем курчавую голову Джона. Крепко запустив пальчики в густую шевелюру негритенка, обезьянка восседала у него на голове.

— Товарищ профессор! Вы еще не завтракали? — сказал Джон.

— Провались! — ответил Тюрин.

Обезьянка визгливо закричала.

— Вот и Микки тоже говорит. Выпейте горячего кофе, — настаивал Джон.

— Сгинь, пропади! Убери свою крикунью.

Обезьянка закричала еще пронзительнее.

— Не уберу, пока не позавтракаете!

— Ну хорошо, хорошо. Вот видишь, уже начал, пью, ем.

Тюрин осторожно притянул к себе баллон и, открыв кран трубки, пососал раз-другой.

Обезьянка и голова Джона скрылись, но через несколько минут вынырнули снова. Так повторялось до тех пор, пока, по мнению Джона, профессор не насытился.

— И это каждый день, — со вздохом сказал Тюрин. — Прямо истязатели. Но и то сказать, без них я совершенно забываю о еде. Астрономия — это, молодой друг мой, такая увлекательная вещь!.. Вы думаете, что астрономия наука? Наука о звездах? Нет. По-настоящему говоря, это мировоззрение. Философия.

«Началось», — с испугом подумал я. И, чтобы ускользнуть от опасной темы, спросил:

— Скажите, пожалуйста, нужен ли биолог при путешествии на Луну?

Тюрин осторожно повернул голову и посмотрел на меня испытующе, недоверчиво.

— А вы что же, о философии и слушать не хотите?

Вспомнив напутствия Крамера, я поспешно ответил:

— Наоборот, я очень интересуюсь философией, но сейчас... осталось мало времени, мне нужно подготовиться. Я хотел бы знать...

Тюрин припал к окуляру телескопа и молчал. Неужто рассердился? Я не знал, как выйти из неловкого положения. Но Тюрин неожиданно заговорил:

— Я никого не имею на Земле. Ни жены, ни детей. В обычном смысле я одинок. Но мой дом, моя родина — вся Земля и все небо. Моя семья — все трудящиеся мира, такие же славные ребята, как и вы.

От этого внезапного комплимента у меня полегчало на душе.

— Вы думаете, здесь, в этом паучьем углу, я оторвался от Земли, ее интересов? Нет. Мы здесь делаем большое дело. Вам еще предстоит познакомиться со всеми научными разветвлениями Звезды Кэц.

— Кое с чем я уже познакомился в библиотеке. «Солнечные столбы»...

Тюрин вдруг плавно протянул руку, включил аппарат «автоматический секретарь» и продиктовал ему несколько фраз, по-видимому записывая свои последние наблюдения или мысли. Потом продолжал:

— Я гляжу на небо. И что больше всего поражает мой ум? Вечное движение. Движение — это жизнь. Остановка движения — смерть. Движение — счастье. Связанность, остановка — страдание, несчастье. Счастье в движении — движении тела, мысли. На этом фундаменте можно построить даже мораль. Как вы полагаете?

Наступил критический момент. Я не знал, что ответить.

— Мне кажется, вы правы, — наконец сказал я. — Но эту глубокую идею необходимо продумать.

— Ага! Вы все-таки находите, что это глубокая идея? — весело запищал профессор и впервые резво повернулся в мою сторону. Паутина заколебалась. Хорошо, что здесь невозможно падение.

— Я непременно продумаю эту идею, — сказал я, чтобы окончательно завоевать симпатию своего будущего товари-

ща по путешествию. — А сейчас за мною залетит товарищ Крамер, и я хотел бы...

— Ну что бы вы хотели знать? Зачем на Луне может понадобиться биолог? Луна ведь совершенно мертвая планета. На Луне полное отсутствие атмосферы и потому абсолютно отсутствует органическая жизнь. Так принято думать. Я позволю себе мыслить несколько иначе. Мой телескоп... Да, вот извольте взглянуть на Луну. Цепляйтесь по этим шнурам, только осторожно. Не заденьте книг. Вот так! Ну, одним глазком...

Я взглянул в объектив и поразился. Поверхность Луны была на очень близком расстоянии, я отчетливо различал даже отдельные глыбы и трещины. Край одной такой глыбы блестел разноцветными огнями. Очевидно, это были выходы кристаллических горных пород.

— Ну, что скажете? — самодовольно сказал профессор.

— Мне кажется, что я вижу Луну ближе, чем Землю с высоты Звезды Кэц.

— Да, а если вы посмотрите на Землю в мой телескоп, то разглядите и свой Ленинград... Так вот. Я полагаю на основе моих наблюдений, что на Луне есть хотя бы ничтожное количество газов. Следовательно, могут быть и кое-какие растения... Завтра мы с вами полетим проверять. Я, собственно, не любитель путешествий. Мне и отсюда видно. Но на этой экспедиции настаивает наш директор. Дисциплина прежде всего... Так вот... Теперь вернемся к нашему разговору о философии движения...

Бесконечное прямолинейное движение ничем не отличается от неподвижности. Бесконечность впереди, бесконечность позади, — нет масштаба. Всякий пройденный отрезок пути по сравнению с бесконечностью равен нулю.

Но как же быть с движением во всем Космосе? Космос вечен. Движение в нем не прекращается. Неужто же и движение Космоса — бессмыслица?

Я несколько лет думал о природе движения, пока не нашел, наконец, где зарыта собака.

Дело оказалось совсем простым. Факт тот, что в приро-

де вообще отсутствует непрерывное бесконечное движение — и прямолинейное, и по кривой. Всякое движение прерывисто, вот в чем секрет. Еще Менделеев доказал закономерную прерывистость величин (даже величин!), в данном случае — атомов. Эволюционное учение заменяется, вернее углубляется, генетическим, все большая роль отводится в развитии организмов скачкам, мутациям. Прерывистость магнитных величин доказана Вейсом, прерывистость лучеиспускания — Бланком, прерывистость термических характеристик — Коноваловым. Космос вечен, но все движения в Космосе — прерывисты. Солнечные системы рождаются, развиваются, дряхлеют и умирают. Рождаются новые разнообразные системы. Имеют конец и начало, а значит, и масштаб измерения. То же происходит и в органическом мире... Вам все понятно? Вы следите за моей мыслью?..

На мое счастье, из люка вновь показалась голова негра с обезьянкой.

— Товарищ Артемьев, Крамер ждет вас в атмосферной камере, — сказал он.

Я поспешил проститься с профессором и выполз из этого паучьего угла.

Признаюсь, Тюрин заставил меня подумать о его философии. «Счастье в движении». Но какое печальное зрелище, если посмотреть со стороны, представляет собой творец философии движения! Затерянный в темных пространствах неба, опутанный паутиной, неподвижно висит он дни, месяцы, годы... Но он счастлив, это несомненно. Недостаток движения тела заменяется интенсивным движением мысли, мозговых клеток.

12. ТЮРИН ТРЕНИРУЕТСЯ

Крамер ждал меня, не снимая своего скафандра, — он, видимо, торопился. Я быстро оделся. И мой провожатый, понизив атмосферное давление почти до полного вакуума, открыл наружную дверь. Крепко держа меня перед собой, он осторожно отделился от стенок обсерватории боковым

скользящим движением и при помощи легких выстрелов повернулся к Звезде Кэц. Потом сделал несколько сильных выстрелов, и мы понеслись с огромной быстротой. Теперь Крамер мог бы выпустить меня из рук, но, видимо не доверяя больше моему «летному искусству», он придерживал сзади мой локоть.

Взглянув на приближающуюся Звезду Кэц, я заметил, что она довольно быстро вращается на своей поперечной оси. Очевидно, ремонт оранжереи был окончен, и теперь искусственно создавалась более значительная сила тяжести.

Нелегкая задача — пришвартоваться к крылу вращающейся мельницы. Но Крамер справился с этим. Он начал описывать круги над концом цилиндра Звезды в направлении его вращения. Уравняв таким образом наше движение с движением цилиндра, он ухватился за скобу.

Не успел я раздеться, как меня вызвала к себе Меллер.

Не знаю, намного ли в ракете увеличилась тяжесть. Вероятно, она была не более одной десятой земной. Но я почувствовал знакомое приятное напряжение мускулов. Радостно было «ходить» ногами «по полу», вновь обрести верх и низ.

Я бодро вошел к Меллер.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я послала за Тюриным. Он сейчас будет здесь. Как вы его нашли?

— Оригинальный человек, — ответил я. — Однако я ожидал встретить...

— Я не о том, — прервала Меллер. — Как он выглядит? Я спрашиваю как врач.

— Очень бледен. Несколько одутловатое лицо...

— Разумеется. Он ведет совершенно невозможный образ жизни. Ведь в обсерватории есть небольшой сад, гимнастический зал, аппараты для тренировки мускулатуры, но он совершенно пренебрегает своим здоровьем. Признаться, это я уговорила директора отправить Тюрина на Луну и впредь буду настаивать на коренном изменении его

жизненного режима, иначе мы скоро потеряем этого исключительного человека.

Явился Тюрин. При ярком освещении амбулатории он выглядел еще более нездоровым. К тому же его ножные мышцы совершенно отвыкли от движения и, возможно, частично атрофировались. Он едва держался на ногах. Колени его подгибались, ноги дрожали, он беспомощно размахивал руками. Если бы его сейчас перенесли на Землю, он, вероятно, почувствовал бы себя, как кит, выброшенный на берег.

— Вот до чего вы себя довели! — укоризненно начала Меллер. — Не человек, а кисель.

Маленькая энергичная женщина отчитывала старого ученого, как непослушного ребенка. В заключение она отправила его на массаж, приказав после массажа явиться на медицинский осмотр.

Когда Тюрин ушел, Меллер обратилась ко мне:

— Вы биолог и поймете меня. Тюрин — исключение. Все мы чувствуем себя прекрасно. Однако эта легкость «небесной жизни» сильно беспокоит меня. Вы не ощущаете или почти не ощущаете своего тела. Но каковы будут последствия? Кэц — молодая звезда. И даже наши старожилы находятся в условиях невесомости не более трех лет. А что будет через десяток лет? Как такое приспособление к среде отзовется на общем состоянии организма? Наконец, как будут развиваться наши новорожденные дети? И дети детей? Весьма вероятно, что кости наших потомков будут становиться все более хрящевидными, студенистыми. Мышцы атрофироваться. Это первое, что сильно беспокоит меня как человека, отвечающего за здоровье нашей небесной колонии. Второе — космические лучи. Несмотря на оболочку нашего жилища, которая частично задерживает эти лучи, мы все же получаем их здесь гораздо больше, чем на Земле. Пока я не вижу вредных последствий. Но опять-таки у нас еще слишком мало материала для наблюдений. У мух-дрозофил здесь наблюдается усиленная мутация, причем многие родятся с летальными генами — не дают

потомства. Что, если такое же действие окажут лучи и на людей Звезды Кэц? Вдруг у них начнут рождаться дети-уроды или мертворожденные младенцы?.. В конечном счете, все в наших руках. Все вредные последствия мы можем устранить. Искусственно создать любую силу тяжести, если нужно — даже большую, чем на Земле. Можем и изолироваться от космических лучей. Но нам надо проделать массу опытов, чтобы определить оптимальные условия... Видите, сколько работы для вас, биологов?

— Да, работы хватит, — сказал я, очень заинтересованный словами Меллер. — Эта работа нужна не только для небесных колоний, но и для Земли. Насколько расширятся наши познания о живой и мертвой природе! Я в восторге, что случай привел меня сюда.

— Тем лучше. Нам нужны работники-энтузиасты, — сказала Меллер.

Упоминание о «случае, который привел меня сюда», навело меня на мысль о Тоне. Захваченный новыми впечатлениями, я даже не вспоминал о ней. Что с нею и как ее поиски?

Я распростился с Меллер и вылетел в коридор. В коридоре слышались веселый смех, голоса, песни и жужжание крыльев; хоть и появилась небольшая тяжесть, но молодежь по привычке действовала крыльями. Им нравилось делать прыжки, пролетая несколько метров, как летучие рыбы. Некоторые упражнялись в ходьбе по полу. Сколько молодых, веселых, загорелых лиц! Сколько забав и проказ: вот группа девушек, нарушая «уличное» движение, затеяла игру в «мяч», причем «мячом» была одна из них — маленькая толстушка. Она визжала, перелетая из рук в руки.

Все гуляющие чувствовали себя весело и беззаботно. Видимо, работа совсем не утомляла людей в этом «легковесном» мире. Бочком, держась стены, я добрался до двери комнаты Тони. Тоня сидела возле окна на легком алюминиевом стуле. Видимо, за это время из склада принесли мебель.

За окном на черном небе огромное зарево — кольцо

«ночной» Земли. Свет зари румянил лицо и руки Тони. Ее лицо было задумчиво.

Мне захотелось растормошить ее. Я подошел к ней и сказал, улыбаясь:

— Ну, сколько вы теперь весите?

И, недолго думая, взял ее за плечи и легко приподнял, как трехлетнюю девочку. Вероятно, веселое настроение толпы заразило и меня.

Она молча отстранилась.

— О чем вы грустите? — спросил я, чувствуя неловкость.

— Так... о маме вспомнила.

— «Земное притяжение» действует? Тоска по родине?

— Может быть, — ответила она.

— А что с Евгеньевым?

— Еще не дозвонилась. Аппарат все время занят. А как ваш разговор с директором?

— Завтра лечу на Луну.

Она вскинула на меня глаза.

— Надолго?

— Не знаю. Самый полет, говорят, продолжается не более пяти-шести дней. А сколько пробудем на Луне, неизвестно.

— Это очень интересно, — сказала Тоня, пристально глядя на меня. — Я бы с удовольствием полетела с вами. Но меня временно посылают в лабораторию, которая находится на таком расстоянии от Земли, что туда не достигает земное лучеиспускание. Там в тени царит холод мирового пространства. Я лечу оборудовать новую лабораторию для изучения электропроводности металлов при низких температурах...

Глаза ее оживились.

— Есть интереснейшая проблема! Вы знаете, что сопротивление электрическому току в металлах с понижением температуры понижается. При температурах, близких к абсолютному нулю, сопротивление тоже почти равно нулю... Над этими вопросами работал еще Капица. Но на Земле требовались колоссальные усилия, чтобы достичь низких

температур. А в межпланетном пространстве... это просто. Представьте себе металлическое кольцо, помещенное в вакууме, в температуре абсолютного холода. В кольцо направляется индуцированный ток. Его можно довести до необычной мощности. Этот ток будет циркулировать в кольце вечно, если не повысится температура. При повышении же температуры происходит мгновенный разряд. Если в кольце дать ток достаточно высокого напряжения, то мы сможем иметь своего рода законсервированную молнию, которая проявит свою активность, как только температура повысится.

— Молния, законсервированная в сосуде Дьюара, — подхватил я, — который снабжен взрывателем, падает на Землю. При ударе о землю пистон взрывается, температура в сосуде повышается, и молния производит свое разрушительное действие.

Тоня улыбнулась.

— Какие у вас кровожадные мысли! Я не думала о таком применении.

— Совсем не кровожадные, — возразил я. — С войнами покончено. Но можно взрывать скалы, айсберги...

— Ах вот что... Разумеется. Вопрос только в том, что при отсутствии сопротивления падает и напряжение, — значит, и мощность... Надо произвести подсчет. Как бы и в этом деле пригодился Палей! — воскликнула она почти со страстью.

Это, конечно, была страсть ученого, но я не мог скрыть своего огорчения.

* * *

Нам не удалось вылететь на другой день: заболел Тюрин.

— Что с ним? — спросил я у Меллер.

— Раскис наш философ, — ответила она, — от «счастья» заболел, от движения. В сущности говоря, с ним ничего особенного не приключилось... Жалуется на боль в ногах. Икры болят. Это пустяки, но как его такого на Луну пустить? И себе и вам хлопот наделает. При десятой части земной тяжести раскис. А ведь на Луне — шестая. Там он, пожалуй, и ног не потянет. Я решила дать ему потренироваться несколько дней. У нас в небе есть склады пойманных астероидов. Все эти небесные камни, куски планет, складываются в виде шара. Чтобы отдельные куски не разлетались от случайных толчков, наши гелиосварщики расплавили и сварили поверхность этих планеток. К одной такой «бомбе» мы прикрепили стальным тросом полый шар и привели их в круговое движение. Получилась центробежная сила, тяжесть внутри полого шара равна тяжести на Луне. Вот в этом шаре и тренируется Тюрин. Давление и количество кислорода в шаре такие же, как и в скафандре межпланетного костюма. Слетайте, голубчик, навестите Тюрина. Только один не летите. Захватите с собой вашу няньку — Крамера.

Я разыскал Крамера в гимнастическом зале. Он выделывал на трапеции головокружительные штуки. Цирковым гимнастам на Земле о таких трюках и мечтать не приходится.

— Полететь я с вами полечу, — сказал он, — но пора научиться летать самостоятельно. Ведь вы на Луну летите, а во время такого путешествия мало ли что может случиться!

Крамер привязал меня к себе длинной проволокой и предоставил мне лететь к «манежу» Тюрина. Я уже не кувыркался и «стрелял» довольно удачно, но уменья «приземлиться» к вращающемуся шару у меня не хватило, и Крамер поспешил мне на помощь. Через четыре минуты после отлета мы уже вползали в металлический шар.

Встречены мы были неистовым визгом и криком. Я с любопытством окинул взглядом внутренность шара, освещенного большой электрической лампой, и увидел, что Тюрин сидит на «полу» и стучит кулаками по резиновому ковру, а возле него гигантскими прыжками скачет негритенок Джон. Обезьянка Микки с веселым визгом прыгает с плеч Джона до «потолка», хватается там за ремешки и падает вниз, на плечо или голову Джона. «Лунная тяжесть», видимо, пришлась по вкусу Джону и обезьянке, чего нельзя было сказать про Тюрина.

— Вставайте, профессор! — звонко закричал Джон. — Доктор Меллер приказала вам ходить по пятнадцать минут, а вы еще и пяти не ходили.

— Не встану! — разгневанно пропищал Тюрин. — Что я, лошадь на корде? Истязатели! У меня и так ноги отваливаются!

В этот момент я и Крамер «свалились с неба» возле Тюрина. Джон первый увидел нас и обрадовался.

— Вот смотрите, товарищ Артемьев, — затараторил он, — профессор меня не слушает, опять хочет залезть в свою паутину...

Обезьянка вдруг заплевала, завизжала.

— Да уйми ты свой патефон! — еще тоньше и пронзительнее закричал Тюрин. — Здравствуйте, товарищи! — обратился он к нам и, став на четвереньки, тяжело поднялся.

«Ну как с таким на Луну лететь?» — подумал я и переглянулся с Крамером. Тот только головой качнул.

— Ведь вы, профессор, сами мне не раз говорили: чем больше движений, тем больше счастье... — не унимался Джон.

Такой «философский аргумент» со стороны Джона был неожиданным. Мы с Крамером невольно улыбнулись, а Тюрин покраснел от гнева.

— Надо же понимать! Надо понимать! — закричал он на самых высоких нотах. — Есть различного рода движения. Эти грубо физические движения мешают высшим движениям клеток моего головного мозга, моим мыслям. И потом, всякое движение прерывисто, а ты хочешь, чтобы я маршировал без отдыха... Нате, ешьте мое мясо, пейте мою кровь!

И он зашагал с видом мученика, кряхтя, охая и вздыхая.

Джон отвел меня в сторону и быстро зашептал:

— Товарищ Артемьев! Я очень боюсь за моего профессора. Он такой слабый. Ему опасно без меня лететь на Луну. Ведь он даже есть и пить забывает. Кто о нем будет заботиться на Луне?..

У Джона даже слезы выступили на глазах. Он горячо

любил своего профессора. Я, как умел, утешил Джона и обещал заботиться о профессоре во время путешествия.

— Вы отвечаете за него! — торжественно произнес негритенок.

— Да, конечно! — подтвердил я.

Вернувшись на Звезду, я все рассказал Меллер. Она неодобрительно покачала головой:

— Придется мне самой заняться Тюриным.

И эта маленькая энергичная женщина действительно отправилась в «манеж».

Я тоже времени не терял даром: учился летать в межпланетном пространстве и, по словам моего учителя Крамера, сделал большие успехи.

— Теперь я спокоен, что во время путешествия на Луну вы не потонете в пучинах неба, — сказал он.

Через несколько дней Меллер вернулась из «манежа» и объявила:

— На Землю профессора я бы еще не решилась пустить, но для Луны он «в полной лунной форме».

13. К ЛУННОЙ ОРБИТЕ

Накануне нашего лунного путешествия я проводил Тоню в лабораторию мирового холода. Прощание было краткое, но теплое. Она крепко пожала мне руку и сказала:

— Берегите себя...

Эти простые слова сделали меня счастливым.

На другое утро Тюрин довольно бодро вошел в ракету. Джон, совершенно убитый горем, провожал его. Казалось, он вот-вот заплачет.

— Вы отвечаете за профессора! — крикнул он мне перед тем, как дверь ракеты захлопнулась.

Оказывается, мы летим на Луну не прямым путем, а по спирали, обращенной вокруг Земли. И неизвестно, сколько продлится путешествие. В нашей ракете могут разместиться двадцать человек. А нас всего шестеро: трое членов научной экспедиции, капитан, штурман и механик. Все

свободное пространство ракеты занято запасами продовольствия, взрывчатых веществ и жидкого кислорода. А наверху ракеты прикреплен вагон на колесах, предназначенный для нашего путешествия по лунной поверхности. Сопротивления воздуха нет, поэтому «лунный автомобиль» не уменьшит скорости полета ракеты.

Скоро наша ракета покинула гостеприимный ракетодром Звезды Кэц. И сразу же Тюрин почувствовал себя очень плохо. Дело в том, что, как только мы развивали скорость и взрывы учащались, вес тела менялся. И я понимал Тюрина: можно привыкнуть к тяжести, можно привыкнуть к невесомости, но привыкнуть к тому, что твое тело то ничего не весит, то вдруг как будто наливается свинцом, невозможно.

Хорошо, что у нас были достаточные запасы продовольствия и горючего, поэтому мы могли не спешить и взрывы были умеренные. Звук их передавался только по стенкам ракеты. К этим звукам можно было привыкнуть, как к жужжанию мотора или тиканью часов, но усиление тяжести!..

Тюрин вздыхал, охал. Кровь то приливала к его лицу, и оно становилось багровым, почти синим, то отливала, — лицо бледнело, желтело.

И только наш геолог Соколовский, жизнерадостный, плотный человек с пышными усами, неизменно был весел.

Когда невесомость тела возвращалась, астроном начинал говорить вслух — привычка, которую он приобрел в своем долгом одиночестве. Говорил он без связи: то сообщал интересные астрономические сведения, неизвестные земным астрономам, то изрекал «философские сентенции».

— Почему так привлекательно кино? Потому что в нем мы видим движение...

Затем он начинал стонать и корчиться, потом снова говорить.

Я смотрел в окно. По мере того как мы удалялись от Земли, она казалась все меньше. Наш «день» становился

все длиннее, ночи все короче. В сущности, это были не ночи, а солнечные затмения.

А вот с Луной происходили забавные вещи.

Если наша ракета находилась в противоположной точке орбиты от Луны, Луна казалась маленькой, гораздо меньше, чем мы видим ее с Земли, а если мы по орбите приближались к Луне, она становилась невиданно огромной.

Наконец наступил момент, когда максимальные размеры Луны сравнялись с размерами Земли. Наш капитан, не раз совершавший путешествие к лунной орбите, сказал нам:

— Поздравляю. Мы одолели четыре пятых расстояния, отделяющего нас от Луны. Сорок восемь земных радиусов позади. При наших межпланетных путешествиях в пределах Солнечной системы земной радиус — 6378,4 километра — служит единицей измерения. Это своего рода миля межпланетных навигаторов, — пояснил он.

Теперь размер Луны колебался в течение суток — время обращения ракеты вокруг Земли. Половину суток Луна «пухла», увеличивалась в размерах, половина «худела». Но эти сутки уже стали гораздо больше земных.

Безоблачный, сияющий день все рос.

Капитан говорит, что притяжение Луны с каждым часом сказывается все сильнее и искажает путь ракеты. Движение ракеты то ускоряется, то замедляется в результате цепких объятий нашего земного спутника. Луна не хочет отпускать нас от себя. Если бы не сила противодействия, заключающаяся в наших взрывных приборах, мы были бы вечными пленниками Луны. Насколько же опаснее притяжение огромных планет Солнечной системы!

В первые часы полета капитан надолго покинул управление, предоставив ракете автоматически лететь по намеченному пути. Это не было опасным. Но чем дальше, тем все реже капитан отходил от пультов управления, хотя они и механизированы.

Мы неслись вокруг Земли уже примерно по той же орбите, что и Луна, поэтому путешествие вокруг Земли со-

вершали в одинаковое с Луной время — около тридцати земных суток. Наша ночь — солнечные затмения стали так же редки, как лунные на Земле. Ракета все реже нагоняла Луну, и, наконец, их движения уравнялись. Ракета достигла такого же расстояния от Земли, как и Луна. Расстояние между ракетой и Луной сделалось неизменным.

Казалось, что Луна, Земля и ракета неподвижны и только звездный свод непрерывно движется.

— Скоро здесь небесные колонии будем строить, — нарушил молчание Соколовский.

— Ну нет, батенька мой, не так скоро, — отозвался Тюрин. — Надо сперва достать тут материалы. Нельзя все притащить с Земли. Наоборот, мы еще Земле должны посылать кое-какие «небесные» подарки. Вот коллекцию метеоритов мы уже послали. Хорошая коллекция. Весь рой Леонидов.

И Тюрин довольно рассмеялся.

— Это верно, — сказал Соколовский. — Нам надо много железа, никеля, стали, кварца для сооружения наших жилищ.

— И где же вы достанете эти ископаемые? — спросил я. Слово «ископаемые» вызвало взрыв смеха Соколовского.

— Не ископаемые, а излетаемые, — сказал он. — Метеориты — вот «ископаемые». Недаром я гонялся за ними.

— Метеоритный промысел организовал я. Это моя идея! — внес поправку Тюрин.

— Я не оспариваю этого, профессор, — сказал Соколовский. — Идея ваша — осуществление мое. Вот и сейчас я послал Евгеньева в новую разведку.

Фамилия Евгеньев заставила меня вспомнить весь путь, приведший меня в небо. И подумать только, как быстро все эти личные дела отошли на задний план перед необычайными здешними впечатлениями!

— Вы знаете, товарищ Артемьев, что мы нашли целый рой мелких метеоритов совсем недалеко от Звезды Кэц? — обратился Соколовский ко мне. — Повыше попадались и более крупные. При их исследовании нашли железо, ни-

кель, кремнезем, глинозем, окись кальция, полевой шпат, хромовое железо, железные окислы, графит и другие простые и сложные вещества. Словом, все необходимое для построек плюс кислород для растений и воду. Обладая энергией Солнца, мы можем обработать эти материалы и получить все, что нам надо, вплоть до карандашей. Кислород и вода, конечно, находятся здесь не в готовом, а в «связанном» виде, но химиков это не затрудняет.

— А я изучил по вашим данным движение этих остатков погибших небесных тел, — вмешался Тюрин, — и пришел к интересным выводам. Часть метеоритов прилетела издалека, но большинство носилось вокруг Земли по той же орбите, что и Звезда Кэц...

— На это, профессор, обратил ваше внимание я, — сказал Соколовский.

— Ну да! Но выводы-то сделал я.

— Не будем спорить, — примирительно заметил Соколовский.

— Я не спорю. Я только люблю точность. На то я и ученый, — возразил Тюрин и даже приподнялся в кресле, но тотчас же опустился и заохал.

— Меллер права, — сказал он. — Совсем я ослабел за годы неподвижного лежания в мире невесомости. Надо будет изменить режим.

— Вот Луна вас проманежит, — рассмеялся геолог.

— Да. Так я хотел сказать о моей гипотезе, — продолжал Тюрин. — Метеоритов, вращающихся вокруг Земли, так много, что, надо думать, они являются остатком разорвавшегося маленького земного спутника — второй Луны. Это была совсем крошечная Луна. Когда мы точно подсчитаем количество и массу этих метеоров, то сможем реставрировать былые размеры этого спутника, как палеонтологи реставрируют костяки вымерших животных. Маленькая вторая Луна! Но она могла светить не слабее нашей Луны, так как находилась ближе к Земле.

— Простите, профессор, — неожиданно вмешался молодой механик, цветом кожи и худощавым сложением по-

хожий на индуса. — Мне кажется, на таком близком расстоянии Земля притянула бы к себе маленькую Луну.

— Что? Что? — грозно вскричал Тюрин. — А крошечная Звезда Кэц почему не падает на Землю? А? Все дело в быстроте движения... Но маленькая Луна все же погибла, — примирительно сказал он. — Борющиеся силы — инерция и земное притяжение — разорвали ее в клочья... Увы, увы, это грозит и нашей Луне! Она распадется на осколки. И Земля получит прекрасное кольцо, как у Сатурна. Я полагаю, что это лунное кольцо даст не меньше света, чем Луна. Оно будет украшать ночи земных жителей. Но все же это будет потеря, — со вздохом закончил он.

— Невознаградимая потеря, — вставил я.

— Гм... Гм... А может быть, и вознаградимая. У меня есть кое-какой проект, но о нем я пока помолчу.

— А как вы охотились за метеорами? — спросил я у Соколовского.

— Это забавная охота, — ответил геолог. — Мне приходилось охотиться за ними не только на орбите Звезды Кэц и...

— В поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера, — перебил Тюрин. — Земными астрономами найдено немногим более тысячи этих астероидов. А мой каталог перевалил за четыре тысячи. Эти астероиды — тоже остатки планеты, более значительной, чем погибшая вторая Луна. По моим расчетам, эта планета была больше, чем Меркурий. Марс и Юпитер взаимным притяжением разорвали ее на куски. Не поделили! Кольцо Сатурна — тоже погибший его спутник, раздробленный на куски. Видите, сколько уже покойников в нашей Солнечной системе. За кем очередь? Ой-ой... опять эти толчки!

Я снова заглянул в окно, придерживаясь руками за обитые кожей мягкие подлокотники кресла. За окном все то же черное небо, сплошь усеянное звездной пылью. Так можно лететь годы, столетия, и картина будет все та же...

И вдруг мне вспомнилась моя давнишняя поездка в вагоне самого обыкновенного поезда со старичком паровозом. Лето. Солнце спускается за лес, золотя облака. В от-

крытое окно вагона тянет лесной сыростью, запахом аконита, сладким запахом липы. В небе за поездом бежит молодой месяц. Лес сменяется озером, озеро — холмами, по холмам разбросаны дома, утопающие в садах. А потом пошли поля, повеяло запахом гречихи. Сколько разнообразия впечатлений, сколько «движения» для глаза, уха, носа, выражаясь словами Тюрина. А здесь — ни ветра, ни дождей, ни смены погод, ни ночи, ни лета, ни зимы. Вечно однообразный траурный свод неба, страшное синеватое солнце, неизменный климат в ракете...

Нет, как ни интересно побывать в небе, на Луне, других планетах, но эту «небесную жизнь» я не променяю на земную...

— Ну так вот!.. Охота за астероидами — самый увлекательный вид охоты, — вдруг услышал я басок геолога Соколовского.

Мне нравится слушать его. Он говорит как-то просто, по-домашнему, «по-земному», словно беседует в своем кабинете где-нибудь на Седьмой линии Васильевского острова. На него, по-видимому, необычайная обстановка не производит никакого действия.

— Подлетая к поясу астероидов, надо держать ухо востро, — говорит Соколовский. — Иначе того и гляди какой-нибудь осколок величиной с московский Дворец Советов, а то и больше, обрушится на ракету — и поминай ее как звали! Поэтому летишь по касательной, все более приближаясь к направлению астероидов... Замечательная картина! Вы подлетаете к поясу астероидов. Вид неба изменяется... Взгляните-ка на небо. По существу, его нельзя назвать совершенно черным. Фон черный, но на нем сплошная россыпь звезд. И вот на этой светящейся россыпи вы замечаете темные полосы. Это пролетают не освещенные солнцем астероиды. Иные чертят на небе яркие, как серебро, следы. Другие оставляют полосы медно-красного света. Все небо становится полосатым. По мере того как ракета поворачивает в сторону движения астероидов, набирает скорость, летит и уже почти наравне с ними, они переста-

ют казаться полосами. Вы попадаете в необычайный мир и летите среди многочисленных «лун» различной величины. Все они летят в одном направлении, но еще опережают ракету.

Когда какая-нибудь из «лун» пролетает близко от ракеты, вы видите, что она совсем не круглая. Эти «луны» имеют самые разнообразные формы. Один астероид, скажем, похож на пирамиду, другой приближается к форме шара, третий похож на неотесанный куб, большинство же — просто бесформенные обломки скал. Некоторые летят группами, иные под влиянием взаимного притяжения сливаются в «виноградную гроздь»... Поверхность их то матовая, то блестящая, как горный хрусталь.

«Луны» справа, «луны» слева, вверху, внизу... Когда ракета замедляет полет, кажется, будто «луны» стремительно двинулись вперед, но вот ракета снова набирает скорость, и они начинают как бы замедлять полет. Наконец ракета их обгоняет — «луны» отстают.

Опасно лететь медленнее астероидов. Они могут нагнать и вдребезги разбить ракету. Совершенно безопасно лететь в одном с ними направлении и с одинаковой скоростью. Но тогда видишь только окружающие астероиды. При этом кажется, что все стоит неподвижно — и ракета, и «луны» слева, справа, сверху, сзади. Только звездный свод медленно течет, потому что и астероиды и ракета все-таки летят и меняют свое положение на небе.

Наш капитан предпочитал летать немного скорее астероидов. Тогда небесные глыбы не налетят сзади. И вместе с тем двигаешься в рое «лун», рассматриваешь их, выбираешь. Словом, выступаешь в роли гоголевского черта, который собирается похитить с неба луну. Только маленькую. У нас еще не хватает сил сорвать большой астероид с его орбиты и прибуксировать к Звезде Кэц. Мы боимся израсходовать все горючее и оказаться пленниками астероида, который увлечет нас за собой. Требовалось большое умение и ловкость, чтобы приблизиться к астероиду без толчка и взять его «на абордаж». Капитан так направлял ракету,

что она, летя наравне с астероидом, как можно ближе подходила к нему. Затем боковые взрывы прекращались. Мы пускали в ход электромагнит: ведь почти все астероиды, кроме кристаллических, состоят главным образом из железа. Наконец, когда расстояние уменьшалось до ничтожной величины, мы выключали электромагнит, предоставляя остальное силе притяжения. Через некоторое время мы ощущали едва заметный толчок. В первое время, однако, причал не всегда сходил гладко. Иногда мы довольно-таки сильно сталкивались. Астероид — для нас незаметно — отклонялся от своей орбиты, зато ракета, как более легкая, отлетала в сторону, и приходилось снова маневрировать. Потом мы наловчились «причаливать» очень чисто. Оставалось только прикрепить астероид к ракете. Мы пробовали привязывать его запасными цепями, пробовали удерживать электромагнитом, но все это было плохо. Впоследствии мы научились даже припаивать метеоры к оболочке ракеты, благо солнечной энергии у нас достаточно, а аппараты гелиогенной сварки мы всегда брали с собой.

— Но для этого надо было выходить из ракеты? — сказал я.

— Само собой. Мы и выходили. Даже путешествовали по астероидам. Помню один случай, — продолжал Соколовский, смеясь. — Мы подлетали к большому астероиду, имевшему вид плохо обточенной каменной бомбы несколько сплюснутой формы. Я вылетел из ракеты, уцепился за острые углы астероида и пошел в «кругосветное» путешествие. И что же вы думаете? На сплюснутых «полюсах» я поднимался и стоял на ногах «вверх головой», а на выпуклом «экваторе» центр тяжести переместился, и мне пришлось становиться на голову «вверх ногами». Так я и шел, цепляясь руками.

— Это была, очевидно, вращающаяся планетка, и изменялся не центр тяжести, а относительная тяжесть, — поправил Тюрин. — У поверхности полюсов вращения тяжесть имеет наибольшую величину и нормальное направление к центру. Но чем дальше от полюса, тем тяжесть

слабее. Так что человек, идущий от полюса к экватору, как бы спускается с горы, причем крутизна спуска все растет. Между полюсами и экватором направление тяжести совпадало с горизонтом, и вам казалось, что вы спускаетесь с совсем отвесной горы. А дальше почва представлялась уже наклонным потолком, и вам надо было хвататься за что придется, чтобы слететь с планетки... С Земли в лучшие телескопы, — продолжал Тюрин, — видны планеты с диаметром не менее шести километров. А астероиды бывают величиною и с пылинку.

— На каких только мне не приходилось бывать, — сказал Соколовский. — На иных тяжесть так ничтожна, что достаточно было легкого прыжка, чтобы улететь с поверхности. Я был на одном таком с окружностью в семнадцать с половиной километров. Подпрыгнув на метр, я опускался двадцать две секунды. Сделав движение не больше, чем то, которое необходимо, чтобы перешагнуть порог на Земле, я мог бы тут подняться на высоту двухсот десяти метров — немного ниже башни Эйфеля. Я бросал камни, и они уже не возвращались.

— Вернутся, но не скоро, — вставил астроном.

— Побывал я и на относительно большой планетке с диаметром только в шесть раз меньше лунного. Я поднимал там одной рукой двадцать два человека — моих спутников. Там можно было бы качаться на качелях, подвешенных на суровых нитках, построить башню в шесть с половиной километров высотой. Я пробовал там выстрелить из револьвера. Что получилось, можете себе представить! Если бы я сам не был сброшен с планетки выстрелом, моя пуля могла бы убить меня сзади, облетев вокруг астероида. Она, вероятно, и сейчас носится где-нибудь вокруг планеты, как ее спутник.

— Поезда на такой планете двигались бы со скоростью тысячи двухсот восьмидесяти километров в час, — сказал Тюрин. — Кстати, несколько таких планет можно приблизить к Земле. Почему бы не устроить добавочное освещение? А затем и заселить эти планетки. Покрывать стеклянной оранжереей. Насадить растения. Развести животных. Это будет великолепное жилье. Со временем так можно будет заселить Луну.

— На Луне то слишком холодно, то слишком жарко, — сказал я.

— Искусственная атмосфера под стеклянным колпаком и шторы умерят жар Солнца. Что же касается холода почвы во время лунных ночей, то у меня на этот счет свои взгляды, — многозначительно заметил Тюрин. — Разве мы не отказались от теории раскаленного ядра Земли с чрезвычайно высокой температурой? И тем не менее наша Земля тепла...

— Солнце и атмосферная шуба... — начал геолог, но Тюрин перебил его:

— Да, да, но не только это. В земной коре развивается тепло от радиоактивного распада в ее недрах. Почему не может быть этого на Луне? И даже в более сильной степени? Радиоактивный распад сможет подогревать почву Луны. Да и не остывшая под лунной корой магма... Луна не так холодна, как кажется. И если там есть остатки атмосферы... Вот почему вы, биолог, включены в эту экспедицию, — обратился он ко мне.

Соколовский с сомнением покачал головой.

— На астероидах я что-то не встречал подогревания почвы радиоактивным распадом элементов.

— Астероиды меньше Луны, — пискливо ответил астроном.

Он ненадолго замолчал и вдруг опять ударился в философствование, словно две мыслительные линии в его мозгу шли параллельно.

Мертвые немигающие звезды заглядывают в окно нашей ракеты. Звездный дождь, пересекая небосклон, мчится куда-то вбок и вверх, — ракета поворачивает.

— Мы набрали уже немало астероидов, — тихо говорит мне Соколовский, не обращая внимания на Тюрина, который, как пифия, изрекает свои фразы. — Прежде всего мы «подвели фундамент» под наш ракетодром. Чем больше его

масса, тем он устойчивее. Случайные удары причаливающих ракет не будут смещать его в пространстве. Затем мы поставляем астероиды на наши фабрики и заводы, — вы еще с этим познакомитесь. Недавно нам удалось поймать интереснейшую планетку. Правда, это совсем небольшой осколок — по-земному, тонны на полторы. Представьте себе, почти сплошной кусок золота... Недурная находка! Золотые россыпи в небе...

Очевидно услыхав эти слов, Тюрин заметил:

— В больших планетах элементы располагаются от поверхности к центру по их восходящему удельному весу: наверху силиций, алюминий-«сиал», ниже силиций, магний-«сима», еще ниже никель, железо-«нифе», железо и еще более тяжелые металлы — платина, золото, ртуть, свинец. Ваш золотой астероид — обломок центрального ядра погибшей планеты. Редкий случай. На золотые россыпи неба много не рассчитывайте.

Меня клонило к сну. Мой организм еще не отвык от земного распорядка дня и ночи, смены бодрствования и сна.

— Засыпаете? — спросил меня Тюрин. — Спокойной ночи. А со мною, знаете, творятся любопытные вещи. На обсерватории я совсем отвык от регулярного сна. И теперь похожу на тех животных, которые спят короткими промежутками. Вроде кота стал.

Он еще говорил что-то, но я уже уснул. Взрывов не было. Тихо, спокойно... Мне снилась моя ленинградская лаборатория...

Когда через сутки я взглянул на небо, то был поражен видом Луны. Она занимала седьмую часть неба и прямо устрашала своей величиной. От нее нас отделяло всего две тысячи километров. Горы, долины, безводные «моря» были видны как на ладони. Резко выделялись контуры отдельных горных цепей, конусы в кратерах вулканов, давно погасших, безжизненных, как все на Луне. Видны были даже зияющие трещины...

Астроном смотрел на Луну, не отрывая глаз. Он уже давно знал «каждый камень ее поверхности», как он выразился.

— Вон, смотрите, у края. Это Клавиус, ниже — Тихо, еще ниже — Альфонс, Птолемей, правее — Коперник, а дальше идут Апеннины, Кавказ, Альпы...

— Не хватает Памира, Гималаев, Кордильеров, — сказал я.

— А мы назовем так горные вершины на другой стороне Луны, — смеясь, сказал геолог. — Там они еще никем не именованы.

— Вот это Луна! — восхищался Тюрин. — В сто раз больше «земной». О, ах!.. — застонал он. — Опять тяжесть.

— Капитан тормозит, — сказал геолог. — Луна все сильнее притягивает нас к себе. Через полчаса будем на месте.

Я обрадовался и немного испугался. Пусть назовет меня трусом тот, кто уже совершил путешествие на Луну и не был взволнован перед первой посадкой.

Луна под нами. Она занимает уже полнеба. Ее горы растут на глазах.

Но странно: Луна, как и Земля, с высоты кажется уже не выпуклой поверхностью шара, а вогнутой, словно пестрый опрокинутый зонтик.

Тюрин стонал: контрвзрывание все усиливалось. Тем не менее он не отрывал взгляда от Луны. Но она вдруг стала сдвигаться куда-то вбок. И только потому, что мое тело отяжелело с одной стороны, я понял, что ракета вновь переменила направление полета. Направление тяжести переместилось настолько, что Луна «ощущалась» уже высоко над нами. Трудно было представить, как можно будет ходить «по потолку».

— Терпите, профессор, — обратился геолог к Тюрину. — Осталось всего два-три километра. Ракета летит совсем медленно: не больше сотни метров в секунду. Давление газов ракеты равно лунному притяжению, и ракета спокойно идет по инерции.

Снова стало легко. Тяжесть исчезла.

— А куда мы спускаемся? — спросил оживший через двадцать секунд Тюрин.

— Кажется, близко к нашему собрату Тихо Браге. Осталось всего пятьсот метров, — сказал Соколовский.

— Ой-ой! Опять контрвзрывы! — застонал Тюрин.

Ну вот, все в порядке. Теперь Луна внизу, под нами.

— Сейчас спустимся... — сказал Соколовский с волнением в голосе. — Только бы не повредить наш «лунный автомобиль» при посадке.

Прошло еще десять секунд, и я почувствовал легкий толчок. Взрывы прекратились. Мы довольно мягко упали набок.

14. НА ЛУНЕ

— С приездом! — сказал Соколовский. — Все благополучно.

— Мы даже не закрыли при посадке ставню, — заметил Тюрин. — Это неосторожность. Ракета могла удариться стеклом окна об острый обломок скалы.

— Ну, наш капитан не первый раз садится на Луну, — возразил Соколовский. — Итак, дорогие товарищи, надевайте межпланетные костюмы и пересаживайтесь на наш «лунный автомобиль».

Мы быстро оделись и вышли из ракеты.

Я глубоко вздохнул. И хотя я дышал кислородом моего аппарата, мне показалось, будто газ приобрел здесь иной «вкус». Это, конечно, игра воображения. Вторым моим ощущением, уже вполне реальным, было чувство легкости. Я и раньше, во время полетов на ракете и на Звезде Кэц, где была почти полная невесомость, испытывал эту легкость, но здесь, на Луне, тяжесть ощущалась как «постоянная величина», только значительно меньшая, чем на Земле. Шутка сказать, я весил теперь в шесть раз меньше своего земного веса!

Я осмотрелся. Над нами было все то же траурное небо с немигающими звездами. Солнца не видно, не видно и Земли. Полная темнота, прорезываемая лишь лучами света из бокового окна нашей ракеты. Все это как-то не вязалось с обычным представлением о сияющем земном спутнике. Потом я догадался: ракета снизилась несколько южнее Клавиуса, на той стороне Луны, которая с Земли никогда не видна. А здесь в это время была ночь.

Кругом мертвая пустыня. Холода я не чувствовал в своем электрифицированном костюме. Но вид этой черной пустыни леденил душу.

Из ракеты вышли капитан и механик, чтобы помочь снять наш ракетный автомобиль. Геолог жестом приглашает меня принять участие в общей работе. Я гляжу на ракету-авто. Она имеет вид вагона-яйца. Как она ни мала, вес ее должен быть порядочный. Между тем я не вижу ни канатов, ни лебедок — словом, никаких приспособлений для спуска. Механик работает наверху, отвинчивая гайки. Капитан, Соколовский, Тюрин и я стоим внизу, готовые принять ракету. Но ведь она раздавит нас... Впрочем, мы на Луне. К этому не сразу привыкнешь. Вот уже кормовая часть «яйца» отвинчена. Ракета опустилась кормой. Соколовский ухватился за край отверстия дюзы. Капитан стоит посредине, я — у носовой части. Сейчас ракета соскользнет вниз... Я уже держу руки наготове и вместе с тем думаю о том, куда и как отскочить, если тяжесть окажется не по моим силам. Однако мои опасения напрасны. Шесть рук, подхватив соскользнувшую ракетку, без особого напряжения ставят ее на колеса.

Капитан и механик, помахав руками на прощание, ушли в большую ракету. Тюрин пригласил меня и Соколовского войти в наш автомобиль.

В нем было довольно-таки тесно. Но зато мы могли освободиться от наших костюмов и разговаривать.

Распоряжался Соколовский, уже знакомый с устройством маленькой ракетки. Он зажег свет, наполнил ракету кислородом, включил электрическую печь.

Внутренность ракеты напоминала закрытый четырехместный автомобиль. Эти четыре сиденья занимали только

переднюю часть ракеты. Две трети кабины были заняты горючим, продовольствием, механизмами. В эту часть ракеты вела узкая дверь, в которую с трудом можно было протиснуться.

Раздевшись, мы почувствовали холод, хотя электрическая печь уже работала. Я ежился. Тюрин набросил на себя меховую курточку.

— Сильно остыла наша ракетка. Потерпите, скоро нагреется, — сказал Соколовский.

— Уже заря занимается, — пропищал Тюрин, взглянув в небольшое окно нашего экипажа.

— Заря? — с удивлением спросил я. — Какая же на Луне может быть заря: ведь здесь нет атмосферы?

— Оказывается, может быть, — ответил Тюрин. Он никогда не был на Луне, но как астроном знал лунные условия не хуже земных.

Я посмотрел в окно и увидел вдали несколько точек, светящихся, как раскаленные добела куски металла.

Это были освещенные восходящим солнцем вершины гор. Их яркий отсвет отражался на других вершинах. Передаваясь дальше и дальше и постепенно ослабевая, он создавал своеобразный эффект лунной зари. При ее свете я начинал различать находящиеся в полутени горные цепи, впадины «морей», конусообразные пики. Невидимые горы на фоне звездного неба зияли черными провалами с причудливыми зубчатыми краями.

— Скоро взойдет солнце, — сказал я.

— Не так-то скоро, — возразил Тюрин. — На экваторе Земли оно восходит в две минуты, а здесь придется ждать целый час, пока весь солнечный диск поднимется над горизонтом. Ведь сутки на Луне в тридцать раз длиннее, чем на Земле.

Я, не отрываясь, смотрел в окно. Зрелище было изумительное! Горные вершины ослепительно вспыхивали одна за другой, словно кто зажигал на них факелы. А сколько этих горных вершин на Луне! Лучи еще невидимого солнца «срезали» все вершины на одинаковом расстоянии от

поверхности. И казалось, будто в «воздухе» внезапно появлялись горы причудливых очертаний, но с одинаково плоским основанием. Этих пылающих гор становилось все больше и больше, и вот, наконец, обозначилась их «проекция», и они перестали казаться висящими на черном фоне.

В своей нижней части они были пепельно-серебристого цвета, а выше — ослепительно-белого. Постепенно освещались отраженным светом и подножия гор. «Лунная заря» разгоралась все ярче.

Буквально ослепленный этим зрелищем, я все же не мог оторвать глаз от окна. Мне хотелось разглядеть особенности в очертании лунных гор. Но горы были почти такие же, как и на Земле. Кое-где скалы нависали над пропастью, как огромные карнизы, и тем не менее не падали. Здесь они весили легче, притяжение было слабее.

На лунных равнинах, словно на поле сражения, были воронки разной величины. Одни маленькие, не больше тех, которые оставляет после разрыва снаряд трехдюймовки, другие приближались к размерам кратера. Неужто это следы от упавших на Луну метеоритов? Это возможно. Атмосферы на Луне нет, следовательно, нет защитного покрова, который предохранял бы Луну, как Землю, от небесных бомб. Но ведь тогда здесь очень небезопасно. Что, если такая бомба-метеор в несколько сот тонн упадет на голову!

Я высказал свои опасения Тюрину. Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Часть воронок вулканического происхождения, но часть, безусловно, сделана падающими метеорами, — сказал он. — Вы опасаетесь, что один из них может свалиться на вашу голову? Такая возможность, конечно, существует, но теория вероятностей говорит, что риск здесь немногим больше, чем на Земле.

— Немногим больше! — воскликнул я. — Много ли падает больших метеоров на Землю? За ними охотятся, как за редкостью. А здесь, посмотрите, вся поверхность изрыта ими.

— Это правда, — спокойно ответил Тюрин. — Но вы забываете об одном: Луна уже давно лишена атмосферы. Существует она миллионы лет, причем, так как здесь нет ни ветров, ни дождей, следы от падения метеоров остаются неизменными. И эти воронки — летопись многих миллионов лет жизни. Если один большой метеор упадет на поверхность Луны раз в столетие, это уже много. Неужто мы будем такими счастливчиками, что именно теперь, при нас, упадет этот метеор? Я бы ничего не имел против, конечно, если только метеор упадет не прямо на голову, а поблизости от меня.

— Давайте потолкуем о плане наших действий, — сказал Соколовский.

Тюрин предложил начать с общего осмотра лунной поверхности.

— Сколько раз я любовался в телескоп на цирк Клавиуса, на кратер Коперника! — говорил он. — Я хочу быть первым астрономом, нога которого ступит на эти места.

— Предлагаю начать с геологического исследования почвы, — предложил Соколовский. — Тем более что видимая с Земли часть Луны еще не освещена солнцем, а здесь наступило «утро».

— Вы ошибаетесь, — возразил Тюрин. — То есть вы не совсем точны. На Земле сейчас видят месяц в его первой четверти. Мы можем объехать этот «месяц» — восточный край Луны — за сорок пять часов, если пустим нашу ракету со скоростью километров двести в час. Остановимся мы только на Клавиусе и Копернике. Да кто тут начальник экспедиции: я или вы? — закончил он, уже горячась.

Прогулка по «месяцу» заинтересовала меня.

— Почему бы нам, в самом деле, не посмотреть величайший цирк и кратер Луны? — сказал я. — Их геологическое строение также представляет большой интерес.

Геолог пожал плечами. На лунной поверхности, видимой с Земли, Соколовский уже был однажды. Но если большинство за это путешествие...

— А вы не всходили на кратер? — с опаской спросил Тюрин.

— Нет, нет, — засмеялся Соколовский. — Человеческая нога еще не ступала на него. Ваша будет первая. Я был «на дне» Моря Изобилия. И могу подтвердить, что это название оправдывает себя, если говорить о геологических материалах. Я собрал там чудесную коллекцию... Ну, нечего терять время. Ехать так ехать! Но только позвольте мне развить большую скорость. На нашем авто мы можем делать тысячу и больше километров в час. Так и быть, доставлю вас на Клавиус.

— И на Коперник, — сказал Тюрин. — Попутно мы осмотрим Карпаты. Они лежат немного севернее Коперника.

— Есть! — ответил Соколовский и нажал рычаг.

Наша ракета дрогнула, пробежала некоторое расстояние на колесах и, отделившись от поверхности, стала набирать высоту. Я увидел нашу большую ракету, лежавшую в долине, затем яркий луч света ослепил меня: Солнце!

Оно стояло еще совсем низко над горизонтом. Это было утреннее Солнце, но как оно не походило на то Солнце, которое мы видим с Земли! Атмосфера не румянила его. Оно было синеватое, как всегда на этом черном небе. Но свет его был ослепителен. Сквозь стекла окна я сразу почувствовал его тепло.

Ракета уже поднялась высоко и летела над горными вершинами. Тюрин внимательно всматривался в очертания гор. Он забыл о толчках, сопровождающих перемену скоростей, и о своей философии. Сейчас он был только астрономом.

— Клавиус! Это он! Я уже вижу внутри его три небольших кратера.

— Доставить прямо в цирк? — улыбаясь, спросил Соколовский.

— Да, в цирк. Поближе к кратеру! — воскликнул Тюрин. И вдруг запел от радости.

Для меня это было так неожиданно, словно я услышал пение паука. Я уже говорил, что у Тюрина был чрезвычай-

но тонкий голос, что, к сожалению, нельзя сказать о его слухе. В пении Тюрина не было ни ритма, ни мелодии. Соколовский лукаво посмотрел на меня и улыбнулся.

— Что? О чем вы? — вдруг спросил его Тюрин.

— Выискиваю место для посадки, — ответил геолог.

— Место для посадки! — воскликнул Тюрин. — Я думаю, здесь его достаточно. Поперечник Клавиуса имеет двести километров. Треть расстояния между Ленинградом и Москвой!

Цирк Клавиуса представлял собой долину, окруженную высоким валом. Тюрин говорил, что высота этого вала семь километров. Это выше Альп, высота Кордильеров. Судя по зубчатой тени, вал имеет неровные края. Три тени от небольших кратеров протянулись почти через весь цирк.

— Самое подходящее время для путешествия по цирку, — сказал Тюрин. — Когда Солнце над головой, на Луне невыносимо жарко. Почва накалена. Теперь же она только нагревается.

— Ничего, выдержим и лунный день. Наши костюмы хорошо предохраняют и от жары и от холода, — отозвался Соколовский. — Спускаемся. Держитесь крепче, профессор!

Я тоже ухватился за кресло. Но ракета почти без толчка стала на колеса, подпрыгнула, пролетела метров двадцать, снова упала, снова подпрыгнула и, наконец, побежала по довольно ровной поверхности.

Тюрин просил подъехать к центру треугольника, образуемого тремя кратерами.

Мы быстро направились к кратерам. Почва становилась все более неровной, нас начало бросать из стороны в сторону, подкидывать на сиденьях.

— Пожалуй, лучше одним прыжком перенестись до места, — сказал геолог. — Того и гляди, колеса поломаешь.

В этот момент мы почувствовали сильный толчок. Что-то под нами крякнуло, и машина, осев набок, медленно потащилась по кочкам.

— Ну вот, я говорил! — воскликнул с досадой Соколовский. — Авария. Придется выходить наружу и исправлять повреждение.

— У нас есть запасные колеса. Починим, — сказал Тюрин. — В крайнем случае пешком пойдем. До кратеров осталось всего с десяток километров. Надо одеваться!

Он поспешно вынул трубку и закурил.

— А я предлагаю закусить, — сказал Соколовский. — Уже пора завтракать.

Как ни торопился Тюрин, ему пришлось подчиниться. Мы наскоро позавтракали и вышли наружу. Соколовский покачал головой: колесо было совсем испорчено. Пришлось ставить новое.

— Ну, вы возитесь, а я побегу, — сказал Тюрин.

И он действительно побежал. Этакий-то кисель! Вот что значит научная любознательность! Соколовский в удивлении развел руками. Тюрин легко перепрыгивал через трещины в два метра шириной и только более широкие обегал кругом. Половина его костюма, обращенная к солнцу, ярко блестела, а другая почти пропадала в тени. Казалось, по лунной поверхности движется необычайный урод, прыгая на правой ноге и размахивая правой рукой. Левая рука и нога периодически сверкали узкой световой ленточкой — «месяцем» освещенной части. Фигура Тюрина быстро удалялась.

Мы провозились с колесом несколько минут. Когда все было исправлено, Соколовский предложил мне подняться на верхнюю открытую площадку ракеты, где имелся второй аппарат управления. Мы тронулись в путь по следам Тюрина. Сидеть наверху ракеты было интереснее, чем внутри. Я мог обозревать все окрестности. Справа от нас — четыре тени гор исполосовали ярко освещенную Солнцем долину. Налево — «горели» только вершины гор, а подножья их тонули в лунных сумерках. С Земли эта часть Луны кажется пепельного цвета. Горные цепи были более пологими, чем я ожидал. Мы ехали по самому краю «месяца», то есть по линии «терминатора», как говорил Тюрин, — границы света и тени.

Вдруг Соколовский легонько толкнул меня локтем в бок и кивнул головой вперед. Перед нами была огромная трещина. Мы уже не раз с разбегу перескакивали такие трещины, а если трещина оказывалась слишком широкой, перелетали через нее. Вероятно, Соколовский предупредил меня перед прыжком, чтобы я не свалился. Я вопросительно посмотрел на него. Геолог прислонил свой скафандр к моему и сказал:

— Смотрите, наш профессор...

Я взглянул и увидел Тюрина, только что выскочившего из теневой полосы. Он бежал, размахивая руками, вдоль длинной трещины навстречу нам. Перепрыгнуть через трещину он не мог.

— Боится, что мы опередим его и первыми станем в центре цирка, — сказал геолог. — Придется остановиться.

Едва ракета стала, Тюрин с разбегу вскочил на верхнюю площадку. Луна решительно омолодила его.

Впрочем, я несколько преувеличиваю. Тюрин привалился ко мне всем телом, и видно было, как его одежда судорожно приподнималась на груди. Старик устал чрезвычайно.

Соколовский перед трещиной «нажал на педали». Произошел взрыв — ракета рванулась вперед и вверх. В то же время у меня перед глазами мелькнули ноги Тюрина. Утомление сказалось: он не успел крепко ухватиться за поручни и был сброшен. Я увидел, как его тело, описав дугу, начало падать. Он падал медленно, но со значительной высоты. У меня замерло сердце. Убился профессор!..

А мы уже летели над широкой трещиной. Вдруг Соколовский круто повернул ракету назад, отчего я сам едва не сорвался, и мы быстро спустились на поверхность Луны невдалеке от Тюрина. Тюрин лежал неподвижно. Соколовский, как человек опытный, прежде всего осмотрел его одежду — нет ли разрывов. Малейшая дыра могла быть смертельна: мировой холод моментально превратил бы тело профессора в кусок льда. К счастью, одежда была цела, только испачкана черной пылью и немного поцарапана.

Тюрин поднял руку, шевельнул ногой... Жив! Неожиданно он поднялся на ноги и самостоятельно направился к ракете. Я был поражен. Только на Луне можно падать так благополучно. Взобравшись на свое место, Тюрин молча показал рукою вперед. Я заглянул в стекло его скафандра. Он улыбался!

Через несколько минут мы были на месте. Профессор первым торжественно сошел с ракеты. Он совершал обряд. Он священнодействовал. Эта картина навсегда врезалась в мою память. Черное небо, испещренное звездами. Синеватое Солнце. С одной стороны ослепительно-яркие горы, с другой — «висящие в пустоте» раскаленные добела горные вершины. Широкая долина цирка, почти до половины покрытая тенью с зубчатым краем; на усыпанной пеплом и пылью каменистой почве — уходящие вдаль следы колес нашей машины. Эти следы на лунной поверхности производили особенно сильное впечатление. У самого края тени мерно шагает фигура, похожая на водолаза, оставляя за собой следы — следы ног человека! Но вот эта фигура останавливается. Смотрит на кратеры, на нас, на небо. Собирает камни и складывает небольшую пирамиду. Затем наклоняется и чертит пальцем на пепле:

«ТЮРИН»

Эта надпись, сделанная на легком пепле пальцем руки, крепче рунических надписей на земных скалах: дожди не смоют ее, ветры не занесут пылью. Надпись сохранится на миллионы лет, если только случайный метеорит не упадет на это место.

Тюрин удовлетворен. Мы вновь усаживаемся в наш экипаж и летим на север. Солнце понемногу поднимается над горизонтом и освещает отдельные утесы гор, лежащих на востоке. Однако как медленно катится оно по небу!

Снова прыжок над трещиной. На этот раз Тюрин предупрежден. Он цеплялся руками за железные поручни. Я гляжу вниз. Ужасная трещина! Едва ли такие существуют на

Земле. Дна не видно — черно. А в ширину она несколько километров. Бедная старушка Луна! Какие глубокие морщины на твоем лице!..

— Альфонс... Птолемей... Мы уже видали их, подлетая к Луне, — говорит Тюрин.

Вдали я вижу вершину кратера.

Тюрин прижимает свой скафандр к моему — иначе мы не можем разговаривать — и сообщает:

— Вот он!.. Коперник! Один из самых больших кратеров Луны. Его диаметр больше восьмидесяти пяти километров. Самый же большой кратер на Земле — на острове Цейлоне — имеет менее семидесяти километров ширины. В кратер. В самый кратер! — командует Тюрин.

Соколовский ставит ракету «на дыбы». Она круто взвивается вверх, чтобы перелететь край кратера. С высоты я вижу правильный круг, в центре которого возвышается конус. Ракета опускается у подножия конуса. Тюрин соскакивает на поверхность и прыжками бежит к конусу. Неужели он хочет взобраться на вершину? Так и есть. Он уже карабкается по крутым, почти отвесным скалам, и с такой быстротой, что самый лучший альпинист на Земле не угнался бы за ним. На Луне лазить гораздо легче. Здесь Тюрин весит десять-двенадцать килограммов. Это небольшой вес даже для его ослабленных мышц.

Вокруг конуса, на некотором расстоянии от него, — каменный вал. Мне не совсем понятно его происхождение. Если это камни, выброшенные некогда извержением вулкана, тогда они были бы разбросаны по всему пространству и не образовали бы такого правильного кольца.

Объяснение пришло совершенно неожиданно. Я вдруг почувствовал сотрясение почвы. Неужто на Луне бывают «лунотрясения»? Я в недоумении оглянулся на Соколовского. Тот молча протянул руку по направлению к пику: с его вершины летели огромные скалы, дробясь по пути. С разгона эти скалы докатились до вала.

Так вот в чем дело! На Луне нет ни ветров, ни дождей — разрушителей земных гор. Но зато есть более опасный разрушитель — огромная разница температур между лунной ночью и лунным днем. Две недели на Луне держится около двухсот градусов холода, а две недели — около двухсот тепла. Разница в четыреста градусов! Скалы не выдерживают и трескаются, как настывшие стаканы, в которые налили кипятку. Тюрин должен это знать лучше меня. Как же он неосторожен, предпринимая свою экскурсию на гору... Видимо, профессор и сам понял это: прыгая с утеса на утес, он быстро спускается вниз. Слева от него происходит новый обвал, справа — тоже. Но Тюрин уже около него.

— Нет, нет! Я не отказываюсь от своей мысли, — говорит он, — но я выбрал неудачное время. Восходить на лунные горы нужно или в конце лунного дня, или ночью. Пока довольно. Летим в Океан Бурь, а оттуда — прямо на восток, на другую сторону Луны, которую еще не видел ни один человек.

— Хотел бы я знать, кто выдумал эти странные названия, — сказал я, когда мы двинулись в путь. — Коперник, Платон, Аристотель — это я еще понимаю. Но что за Океан Бурь на Луне, где никаких бурь не бывает? Море Изобилия, где ничего нет, кроме мертвых камней, Море Кризисов... каких кризисов? И что это за моря, в которых нет ни капли воды?

— Да, названия не совсем удачны, — согласился Тюрин. — Впадины на поверхности Луны, конечно, ложа бывших здесь когда-то океанов и морей. Но их названия... Надо же было как-нибудь назвать! Вот когда открывали маленькие планеты, то сначала называли их по установившейся традиции именами древнегреческих богов. Скоро все имена были исчерпаны, а новых планеток прибывало все больше и больше. Тогда прибегли к прославленным именам людей: Фламмариона, Гаусса, Пикеринга и даже известных филантропов вроде американца Эдуарда Тука. Так капиталист Тук приобрел в небе земельные участки. По-моему, для мелких планет лучше всего номерная система... А Карпаты, Альпы, Апеннины на Луне — это от скудости фантазии. Вот я, например, придумал совершенно но-

вые названия гор, вулканов, морей и цирков, которые мы откроем на другой стороне Луны...

— Вы не забудете, конечно, и кратера Тюрина? — спросил, улыбаясь, Соколовский.

— На всех хватит, — ответил Тюрин. — И кратер Тюрина, и Море Соколовского, и цирк Артемьева, если пожелаете.

Не прошло получаса, как Соколовский, «поддавший пару» нашей ракете, доставил нас в Океан Бурь. Ракетка опустилась на «дно» Океана. Дно было очень неровное. Кое-где поднимались высокие горы. Их вершины, возможно, когда-то выдавались островами. Иногда мы опускались в глубокие долины, и нас покрывала тень. Но совсем темно не становилось: отраженный свет падал от вершин освещенных гор.

Я внимательно смотрел по сторонам. Камни отбрасывали от себя сплошные длинные тени. Вдруг в одном месте я увидел странную решетчатую тень — как от полуразвалившейся корзины. Я указал на нее Соколовскому. Он тотчас же остановил ракету, и я побежал к тени. По виду это был камень, но камень необычайной формы: он напоминал часть позвоночного столба с ребрами. Неужели мы нашли останки вымершего чудовища? Значит, на Луне существовали даже позвоночные животные? Следовательно, она не так уж скоро лишилась своей атмосферы. «Позвонки» и «ребра» были слишком тонки для своих размеров. Но ведь на Луне тяжесть в шесть раз меньше, чем на Земле, и животные могли иметь здесь более тонкие скелеты. Притом это, наверное, было морское животное.

Геолог взял одно «ребро», валявшееся возле скелета, и разломил его. Снаружи черное, внутри оно имело серовато пористый вид. Соколовский покачал головой и сказал:

— Я думаю, это не кости, а скорее кораллы.

— Но общий вид, очертания... — возразил я.

Научный спор готов был разгореться, но тут вмешался Тюрин. Ссылаясь на свои полномочия, он потребовал немедленного отправления. Он спешил осмотреть обратную

сторону Луны, пока она была почти вся освещена Солнцем. Пришлось покориться. Я захватил несколько «костей», чтобы сделать анализ по возвращении на Кэц, и мы полетели дальше. Эта находка сильно взволновала меня. Если бы покопаться в почве морского дна, можно было бы сделать много неожиданных открытий. Восстановить картину кратковременной жизни на Луне. Кратковременной, разумеется, по астрономическим масштабам...

Наша ракетка мчалась на восток. Я смотрел на Солнце и удивлялся: оно довольно быстро поднималось к зениту. Вдруг Тюрин схватил себя за бока.

— Я, кажется, потерял свою «лейку»... Футляр цел, а аппарата нет... Назад! Я не могу остаться без фотографического аппарата! Я, вероятно, обронил его, когда вкладывал в футляр после съемки этого злосчастного скелета! Здесь вещи так мало весят, что немудрено обронить их и не заметить...

Геолог с неудовольствием дернул головой, но повернул ракету обратно. И тут я заметил необычайное явление: Солнце пошло вспять к востоку, постепенно скатываясь к горизонту. Мне показалось, что я брежу. Не слишком ли накалили мне голову солнечные лучи? Солнце, движущееся на небе то в одну, то в другую сторону! Я не решался даже сказать об этом своим спутникам и продолжал молча наблюдать. Когда мы, подъезжая к месту, убавили скорость и шли не более пятнадцати километров в час — Солнце остановилось. Ничего не могу понять!

Тюрин, вероятно, заметил, что я слишком часто поглядываю на небо. Он усмехнулся и, прислонив свой скафандр к моему, сказал:

— Я вижу, вас беспокоит поведение Солнца. А между тем причина простая. Луна — небольшое небесное тело, движение ее экваториальных точек очень медленное: они проходят менее четырех метров в секунду. Поэтому, если ехать по экватору со скоростью около пятнадцати километров в час на запад, Солнце будет стоять на небе, а если скоротать наше движение, Солнце начнет «заходить на восток». И наоборот: когда мы ехали на восток, навстречу

Солнцу, то мы, быстро перемещаясь по лунной поверхности, заставили Солнце ускорить свое восхождение. Словом, мы здесь можем управлять движением Солнца. Пятнадцать километров в час на Луне легко и пешком пройти. И тогда над пешеходом, движущимся с такой скоростью по экватору на запад, Солнце будет стоять неподвижно... Это очень удобно. Например, очень удобно идти следом за Солнцем, когда оно близко к заходу. Почва еще теплая, света достаточно, но нет изнуряющего зноя. Хотя наши костюмы хорошо предохраняют нас от смены температур, однако разница между светом и тенью чувствуется довольно ощутительно.

Мы приехали на старое место. Тюрин начал поиски аппарата, а я, воспользовавшись случаем, стал вновь осматривать дно Океана Бурь. Может быть, некогда на поверхности этого океана действительно бушевали ужаснейшие бури. Волны в пять-шесть раз превышали волны земных океанов. Целые водяные горы ходили тогда по этому морю. Сверкала молния, шипела вода, грохотал гром... Море кишело чудовищами гигантского роста, гораздо большего, чем самые большие животные, когда-либо существовавшие на Земле...

Я подошел к краю трещины. Она была шириною не менее километра. Почему бы не заглянуть, что делается на глубине? Я засветил электрический фонарь и начал спускаться по пологим бокам трещины. Спускаться было совсем легко. Сначала осторожно, потом все смелее прыгал я, опускаясь глубже и глубже. Надо мною сверкали звезды. Кругом непроглядная темнота. Мне показалось, что с глубиной температура поднимается. Впрочем, может быть, я разогревался от быстрого движения. Жаль, что я не взял у геолога термометр. Можно было бы проверить гипотезу Тюрина о том, что почва Луны теплее, чем предполагали ученые.

На пути начали попадаться странные обломки камней цилиндрической формы. Неужто это окаменевшие стволы

деревьев? Но как они могли очутиться на дне моря, в глубокой расщелине?

Я зацепился за что-то острое, едва не разорвал костюма и похолодел от ужаса: это было бы смертельно. Быстро наклонившись, я ощупал рукою предмет: какие-то зубья. Повернул фонарь. Из скалы торчала длинная черная двусторонняя пила — точь-в-точь как у нашей пилы-рыбы. Нет, «это» не могло быть кораллом. Я направлял свет в разные стороны и всюду видел пилы, прямые винтообразные бивни, как у нарвалов, хрящевые пластины, ребра... Целое кладбище вымерших животных... Ходить среди этих окаменевших орудий нападения и защиты было очень опасно. И все же я бродил как зачарованный. Необычайное открытие! Ради одного этого стоило совершить межпланетное путешествие. Я уже воображал, как в расщелину опустится специальная экспедиция и кости животных, погибших миллионы миллионов лет тому назад, будут собраны, доставлены на Кэц, на Землю, в музей Академии наук, и ученые реставрируют лунных животных...

А вот это кораллы! Они не в шесть, а в десять раз больше самых крупных земных. Целый лес «ветвистых рогов». Некоторые кораллы сохранили даже окраску. Одни были цвета слоновой кости, другие — розовые, но больше всего красных.

Да, значит, на Луне существовала жизнь. Быть может, Тюрин прав и нам удастся обнаружить остатки этой жизни. Не мертвые останки, а остатки последних представителей животного и растительного царства...

Небольшой камешек, пролетев мимо меня, опустился в коралловый куст.

Это вернуло меня к действительности. Я поднял голову вверх и увидел на краю расщелины мигающие огоньки. Мои спутники, вероятно, уже давно сигнализировали мне. Надо было возвращаться. Я помигал им в ответ своим фонарем, затем поспешно собрал наиболее интересные образцы и нагрузил ими походную сумку. На Земле эта кладь весила бы, вероятно, более шестидесяти килограммов.

Значит, здесь весит не более десяти. Эта добавочная тяжесть не слишком обременяла меня, и я быстро поднялся на поверхность.

Мне пришлось выслушать от астронома выговор за самовольную отлучку, но когда я рассказал ему о своей находке, он смягчился.

— Вы сделали великое открытие. Поздравляю! — сказал он. — Мы, конечно, организуем экспедицию. Но сейчас не будем задерживаться. Вперед и уже без всяких задержек!

Но одна задержка все же произошла. Мы были уже у края Океана. Перед нами поднимались «береговые» скалы, освещенные Солнцем. Чудесное зрелище! Соколовский невольно задержал машину.

Внизу скалы были из красноватых порфиров и базальтов самых разнообразных красок и оттенков: изумрудно-зеленый, розовый, серый, синий, палевый, желтый цвета... Это напоминало волшебный восточный ковер, переливающийся всеми цветами радуги. Кое-где виднелись белоснежные отроги, розовые обелиски. Выходы огромных горных хрусталей сверкали ослепительным светом. Кровавыми каплями висели рубины. Словно прозрачные цветы красовались оранжевые гиацинты, кроваво-красные пироны, темные меланиты, фиолетовые альмандины. Целые гнезда сапфиров, изумрудов, аметистов... Откуда-то сбоку, с острого края скалы, брызнул целый сноп ярких радужных лучей. Так сверкать могли только алмазы. Это, вероятно, были свежие разломы скал, поэтому блеск и разнообразие цветов не затянуло еще космической пылью.

Геолог резко затормозил. Тюрин едва не выпал. Машина стала. Соколовский, вынимая на ходу из мешка геологический молоток, уже прыгал по сверкающим скалам. За ним я, за нами Тюрин. Соколовского охватило «геологическое» безумие. Это не была жадность стяжателя при виде драгоценностей. Это была жадность ученого, встретившего гнездо редких ископаемых.

Соколовский бил молотком по алмазным глыбам с остервенением рудокопа, заваленного обвалом и пробивающего себе путь спасения. Под градом ударов алмазы разлетались во все стороны радужными брызгами. Безумие заразительно. Я и Тюрин подбирали алмазные куски и тут же бросали, чтоб схватить лучшие. Мы набивали ими сумки, вертели в руках, поворачивая к лучам Солнца, подбрасывали вверх. Все искрилось и сверкало вокруг нас.

Луна! Луна! С Земли ты кажешься однообразно-серебристого цвета. Но сколько разнообразных, ослепительных красок открываешь ты для того, кто ступил на твою поверхность!..

Впоследствии мы не раз встречали такие сокровища. Драгоценные камни, как разноцветная роса, выступали на скалах гор, пиков. Алмазы, изумруды — самые дорогие на Земле камни — не редкость на Луне... Мы почти привыкли к этому зрелищу. Но я никогда не забуду «алмазной горячки», охватившей нас на берегу Океана Бурь...

Мы снова летим на восток, перепрыгивая через горы и трещины. Геолог нагоняет потерянное время.

Тюрин, придерживаясь одной рукой за подлокотник сиденья, торжественно приподнимает другую руку и даже привстает. Этим он знаменует наш перевал через границу видимой с Земли лунной поверхности. Мы вступили в область неизвестного. Ни один человеческий глаз еще не видал того, что увидим сейчас мы. Мое внимание напрягается до крайних пределов.

Но первые километры принесли разочарование. Такое чувство бывает при первом посещении заграницы. Всегда кажется, что стоит тебе только переехать пограничную черту — и все станет иным. Однако вначале видишь те же наши березки, те же сосны... Только архитектура домов да костюмы людей меняются. И лишь постепенно раскрывается своеобразие новой страны. Здесь разница была еще менее заметна. Те же горы, цирки, кратеры, долины, впадины былых морей...

Тюрин волновался чрезвычайно. Он не знал, как поступить: наверху вагона-ракеты лучше видно, в самой же ракете удобнее вести записи. Выиграешь одно, проиграешь

другое. В конце концов он решил пожертвовать записями: все равно поверхность «задней» стороны Луны будет тщательно измерена и со временем занесена на карту. Сейчас нужно получить лишь общее представление об этой неведомой людям части лунного рельефа. Мы решили проехать вдоль экватора. Тюрин отмечал только самые крупные цирки, самые высокие кратеры и давал им названия. Это право первого исследователя давало ему большое наслаждение. Вместе с тем он был настолько скромен, что не спешил назвать кратер или море своим именем. Он, вероятно, заранее заготовил целый каталог и теперь так и сыпал именами героев социалистических революций, знаменитых ученых, писателей, путешественников.

— Как вам нравится это море? — спросил он меня с видом короля, который собирается наградить земельной собственностью своего вассала. — Не назвать ли его Морем Артемьева?

Я посмотрел на глубокую впадину, тянувшуюся до горизонта и испещренную трещинами. Это море ничем не отличалось от других лунных морей.

— Если позволите, — сказал я после некоторого колебания, — назовем его Морем Антонины.

— Антония? Марка Антония, ближайшего помощника Юлия Цезаря? — спросил, не расслышав, Тюрин. Его голова была набита именами великих людей и богов древности. — Что же, это хорошо. Марк Антоний! Это звучит неплохо и еще не использовано астрономами. Так и будет. Запишем: «Море Марка Антония».

Мне неловко было поправлять профессора. Так ближайший сотрудник Юлия Цезаря получил посмертные владения на Луне. Ну, ничего. На меня и на Тоню еще хватит морей.

Тюрин попросил сделать остановку. Мы находились в котловине, куда еще не достигали лучи Солнца.

Высадившись, астроном вынул термометр и воткнул его в почву. Геолог спустился вслед за Тюриным. Через некоторое время Тюрин вытащил термометр и, взглянув на него, передал Соколовскому. Они сдвинули свои скафандры и, видимо, поделились соображениями. Затем быстро поднялись на площадку ракеты. Здесь снова заговорили. Я вопросительно посмотрел на Соколовского.

— Температура почвы около двухсот пятидесяти градусов холода по Цельсию, — сказал мне Соколовский. — По этому поводу Тюрин не в духе. Он объясняет это тем, что в данном месте мало радиоактивных веществ, распад которых подогревал бы почву. Он говорит, что и на Земле океаны образовались именно там, где почва была наиболее холодна. На дне тропических морей температура действительно бывает холоднее, чем даже в морях северных широт. Он уверяет, что мы еще найдем отепленные радиоактивным распадом зоны. Хотя, между нами говоря, в общем тепловом режиме Земли тепло радиоактивного распада оставляет очень незначительную величину. Я думаю, и на Луне дело обстоит так же.

Соколовский предложил подняться повыше, чтобы лучше обозреть общий вид лунной поверхности.

— Перед нами развернется вся карта. Ее можно будет заснять, — сказал он Тюрину.

Астроном согласился. Мы крепко ухватились за подлокотники сидений, а Соколовский усилил взрывы. Ракета начала набирать высоту. Тюрин беспрерывно щелкал фотоаппаратом. В одном месте, на небольшой возвышенности, я увидел скопление камней или скал в виде правильного прямого угла.

«Уж не постройки ли это лунных жителей, которые существовали, пока Луна не превратилась в мертвую планету, лишенную атмосферы?» — подумал я и сразу же отбросил эту нелепую мысль. Но правильная геометрическая форма все же запомнилась мне как одна из еще не разгаданных загадок.

Тюрин ерзал на своем кресле. Видимо, неудача с термометром сильно огорчила профессора. Когда мы пролетали над очередным «морем», Тюрин потребовал, чтобы Соколовский снизился в затененную его часть, и снова измерил

температуру. На этот раз термометр показал минус сто восемьдесят градусов. Разница огромная, если только она не была вызвана значительным нагревом почвы от Солнца. Однако Тюрин окинул Соколовского взглядом победителя и безапелляционно заявил:

— Море Зноя — так будет оно называться.

Зной в сто восемьдесят градусов ниже нуля! Впрочем, чем это хуже Моря Дождей или Моря Изобилия? Шутники эти астрономы!

Тюрин предложил проехать сотни две километров на колесах, чтобы еще в двух-трех местах измерить температуру почвы.

Мы ехали по дну уже другого моря, которому я охотно дал бы название Море Тряски. Все дно было покрыто буграми, некоторые из них имели маслянистую поверхность. Не были ли это нефтяные пласты? Трясло нас немилосердно, но мы продолжали ехать. Тюрин довольно часто проверял температуру. Когда в одном месте Цельсий показал двести градусов холода, астроном торжественно поднес термометр к глазам Соколовского. В чем дело? А в том, что если температура вновь понизилась, несмотря на то что мы едем навстречу лунному дню, то, значит, дело не только в нагреве почвы Солнцем. Пожалуй, профессор в этом прав.

Тюрин повеселел. Мы выбрались из котловины, объехали трещину, перевалили через каменную гряду цирка и, пробежав по гладкой равнине, поднялись над горами.

Перелетев через них, мы увидали грандиозную стену гор километров в пятнадцать высоты. Эта стена закрывала от нас Солнце, хотя оно уже довольно высоко стояло над горизонтом. Мы едва не налетели на эту неожиданно высокую преграду. Соколовский сделал крутой поворот и набрал высоту.

— Вот это находка! — восхищался Тюрин. — Эту горную цепь не назовешь ни Альпами, ни Кордильерами. Это... Это...

— Тюриньеры! — подсказал Соколовский. — Да, Тюриньеры. Вполне звучное и достойное вас название. Гор выше этих мы, наверное, не найдем.

— Тюриньеры, — ошеломленно повторил Тюрин. — Гм... гм... немножко нескромно... Но звучит отлично: Тюриньеры! Пусть будет по-вашему, — согласился он. Через стекла скафандра я увидел его сияющее лицо.

Нам пришлось сделать большой полукруг, набирая высоту. Эти горы уходили в самое небо... Наконец мы вновь увидали Солнце. Ослепительное синее Солнце! Я невольно зажмурил глаза. А когда открыл их, мне показалось, что мы оставили Луну и несемся в просторах неба... Я обернулся и увидал позади сияющую отвесную стену Тюриньеров, их основания уходили куда-то в черную бездну. А впереди — ничего. Внизу — ничего. Черная пустота... Отраженный свет постепенно гаснет, и дальше — полная тьма.

Вот так приключение! Луна с ее обратной стороны, оказывается, имеет форму не полушария, а какого-то обрубка шара. Вижу, мои соседи волнуются не меньше меня. Я смотрю вправо, влево. Пустота. Мне вспомнились гипотезы о том, какою может быть невидимая часть Луны. Большинство астрономов утверждало, что эта часть такая же, как и видимая, только с другими морями, горами. Кто-то высказал мысль, что Луна имеет грушевидную форму. Со стороны Земли она шаровидна, а с другой стороны вытянута почти как груша. И оттого будто бы Луна всегда обращена одной, наиболее тяжелой стороной к Земле. Но мы нашли нечто еще более невероятное: Луна — половина шара. Куда же девалась вторая половина?

Полет продолжался несколько минут, а мы все еще летели над черной бездной. Тюрин сидел словно оглушенный. Соколовский молча правил, все усиливая взрывы: ему не терпелось узнать, чем все это кончится.

Не знаю, как долго летели мы среди черноты звездного неба, но вот на востоке показалась светящаяся полоска лунной поверхности. Мы обрадовались ей, как путешественники, переплывшие неведомый океан, при виде желан-

ного берега. Так, значит, мы не свалились с Луны? Что же тогда было под нами?

Тюрин догадался первый.

— Трещина! — воскликнул он, стукнувшись о мой скафандр. — Трещина необычайной глубины и ширины!

Так оно и оказалось.

Скоро мы достигли другого края трещины.

Когда я оглянулся назад, Тюриньеров не было. Они исчезли за горизонтом. А позади нас зияло черное пространство.

Мы все трое были слишком потрясены нашим открытием. Соколовский, выбрав посадочную площадку, снизился, посадив ракету недалеко от края.

Мы молча переглянулись. Тюрин почесал рукою скафандр, — он хотел почесать затылок, как это делают люди, вконец озадаченные. Мы сдвинули наши скафандры: всем хотелось поделиться впечатлениями.

— Так вот какое дело выходит, — сказал наконец Тюрин. — Это уже не обычная трещина, каких немало на Луне. Эта трещина идет почти от края до края на поверхности задней стороны Луны. И глубина ее едва ли не больше десятой части всего диаметра планеты. Наш милый спутник болен, и серьезно болен, а мы и не знали это. Увы, Луна — наполовину треснувший шар.

Мне вспомнились разные гипотезы о гибели Луны. Одни утверждали, что Луна, вращаясь вокруг Земли, все больше удаляется от нее. И поэтому будущим земным жителям Луна будет казаться все меньше и меньше. Сначала сравняется с Венерой, затем будет видна как простая маленькая звездочка, и, наконец, наш верный спутник навсегда уйдет в мировое пространство. Иные, наоборот, пугают тем, что Луна в конце концов будет притянута Землей и упадет на нее. Нечто подобное будто бы было уже однажды на Земле: Земля имела второй спутник — небольшую Луну, которая в незапамятные времена упала на Землю. При этом падении образовалась впадина Тихого океана.

— Что же будет с Луной? — тревожно спросил я. — Упадет ли она на Землю или уйдет в мировое пространство, когда распадется на части?

— Ни то, ни другое. Скорее всего она будет носиться вокруг Земли бесконечно долго, но в ином виде, — ответил Тюрин. — Если она расколется только на две части, то у Земли окажутся два спутника вместо одного. Две «полулуны». Но вернее всего — Луна разлетится на мелкие части, и тогда вокруг Земли образуется светящийся пояс, как у Сатурна. Кольцо из мелких кусков. Я предсказывал это, но, признаться, угроза потерять Луну стоит ближе, чем я думал... Да, жалко нашей старушки Луны, — продолжал он, глядя во мрак трещины. — Гм-м... А может быть, и не ждать неизбежного конца, а ускорить его? Если в эту трещину заложить тонну нашего потентала, то этого, вероятно, будет достаточно, чтобы разорвать Луну на части. Уж если суждено ей погибнуть, то, по крайней мере, пусть это произойдет по нашей воле и в назначенный час.

— Интересно, как глубоко уходит трещина в лунную кору? — сказал Соколовский. Его, как геолога, интересовала не судьба Луны, а возможность проникнуть почти до центра планеты.

Тюрин быстро согласился совершить это путешествие.

Мы начали обсуждать план действий. Тюрин предлагал медленно спускаться в ракете-вагоне по отвесному склону трещины, тормозя спуск взрывами.

— Можно делать остановки и измерять температуру, — сказал он.

Но Соколовский считал такой спуск трудным и даже рискованным. Притом на медленный спуск уйдет слишком много горючего.

— Лучше мы опустимся прямо на дно. На обратном пути можно сделать две-три остановки, если найдем подходящие для ракеты площадки.

Соколовский был нашим капитаном, и Тюрину на этот раз пришлось согласиться. Он только просил опускаться не очень быстро и держаться ближе к краю трещины, чтобы

осмотреть геологический состав склона, насколько это возможно при полете.

И вот мы начали спуск.

Ракета поднялась над черной бездной расщелины и, описав полукруг, пошла на снижение. Солнце, стоявшее уже довольно высоко, освещало часть склона на значительную глубину. Но противоположный склон трещины еще не был виден. Ракета все наклонялась, словно сани, летящие с горы. Нам приходилось откидываться назад, упираться ногами. Тюрин защелкал фотоаппаратом.

Мы видели черные, почти гладкие скалы. Иногда они словно наливались синевой. Затем появились красноватые, желтоватые, зеленые оттенки. Я объяснял это тем, что здесь дольше сохранялась атмосфера и металлы, в особенности железо, подверглись большому действию кислорода, окисляясь, как на Земле. Впоследствии Тюрин и Соколовский подтвердили мое предположение.

Внезапно мы погрузились в глубокую тьму. Ракета вошла в полосу тени. Переход был так резок, что в первое мгновение мы точно ослепли. Ракета повернулась вправо. В темноте было рискованно лететь вблизи скал. Вспыхнули лучи прожекторов. Два огненных щупальца шарили во мраке, ничего не встречая. Спуск замедлился.

Проходила минута за минутой, а мы все еще летели в пустоте. Если бы не отсутствие звезд по сторонам, можно было подумать, что мы несемся в межпланетном пространстве. Но вот лучи света скользнули по острому утесу. Соколовский еще более замедлил полет. Прожекторы освещали угловатые пласты отслоившихся горных пород. Справа показалась стена. Мы повернули влево. Но и слева виднелась такая же стена. Теперь мы летели в узком каньоне. Целые горы остроконечных обломков громоздились со всех сторон. Сесть было невозможно. Мы пролетали километр за километром, но ущелье не расширялось.

— Кажется, нам придется ограничиться этим осмотром и подняться, — сказал Соколовский.

На нем лежала ответственность за наши жизни и за це-

лость ракеты — он не хотел рисковать. Но Тюрин положил свою руку на руку Соколовского, как бы запрещая этим жестом поворачивать руль высоты.

Полет продолжался час, два, три — я уж не могу сказать точно.

Наконец мы увидели площадку, лежащую довольно косо, но все же на нее можно было спуститься. Ракета остановилась в пространстве, потом очень медленно снизилась. Стоп! Ракета стояла под углом в тридцать градусов.

— Ну вот, — сказал Соколовский. — Доставить вас сюда я доставил, но как мы поднимемся отсюда, не знаю.

— Главное — мы достигли цели, — ответил Тюрин.

Сейчас он ни о чем больше не хотел думать и занялся измерением температуры почвы. К его величайшему удовольствию, термометр показывал сто пятьдесят градусов холода. Не слишком-то высокая температура, но все же гипотеза как будто оправдывалась.

А геолог уже бил молотком. Из-под его молотка сыпались искры, но ни один кусок породы не отлетал в сторону. Наконец, утомленный работой, Соколовский выпрямился и, прислонившись ко мне скафандром, сказал:

— Чистейший железняк. Чего и можно было ожидать. Придется ограничиться готовыми обломками. — И он зашагал по площадке в поисках образцов.

Я посмотрел вверх и увидел звезды, полоски Млечного Пути и ярко расцвеченные разноцветными искрами сияющие края нашей трещины. Потом я взглянул в направлении луча прожектора. И вдруг мне показалось, что возле небольшой боковой расщелины луч как будто колеблется. Я подошел к расщелине. В самом деле: еле заметная струя пара или газа выходила из ее глубин. Чтобы проверить себя, я взял горсть легкого пепла и бросил туда. Пепел отлетел в сторону. Это становилось интересным. Я нашел обломок скалы, нависший над краем, и сбросил его, чтобы сотрясением почвы привлечь внимание моих спутников и позвать их к себе. Камень полетел вниз. Прошло не менее десяти секунд, прежде чем я почувствовал легкое сотрясе-

ние почвы. Затем последовало второе, третье, четвертое — все более сильные. Я не мог понять, в чем дело. Некоторые удары были так значительны, что вибрация почвы передавалась всему телу. И вдруг я увидел, как огромная глыба пролетела мимо меня. Попав в полоску света, она сверкнула, как метеорит, и исчезла в темной бездне. Скалы дрожали. Я понял, что совершил страшную ошибку. Произошло то, что бывает в горах, когда падение небольшого камешка вызывает грандиозные горные обвалы. И вот теперь отовсюду неслись камни, обломки скал, мелкие камешки. Они ударялись о скалы, отскакивали, сталкивались между собой, выбивая искры... Если бы мы находились на Земле, мы слышали бы громовые раскаты, гул, похожий на канонаду, бесконечно отраженную горным эхом, но здесь не было воздуха и поэтому царила абсолютная тишина. Звук, вернее — вибрация почвы, передавался только через ноги. Невозможно было угадать, куда бежать, откуда ждать опасности... Застыв в смертельном испуге, я, вероятно, так и погиб бы в столбняке, если бы не увидел Соколовского, который, стоя на площадке ракеты, неистово махал мне руками. Да, конечно, только ракета могла спасти нас!

В несколько прыжков я был возле ракеты, вспрыгнул с разбегу на площадку, и в тот же момент Соколовский рванул рычаг. Мы резко откинулись назад и несколько минут летели вверх ногами — так круто поставил Соколовский нашу ракету. Сильные взрывы ракетных дюз следовали один за другим.

Соколовский направлял ракету вверх и вправо, подальше от склона расщелины. Удивляюсь, как он мог править в таком неудобном положении! Судя по его выдержке, он был человеком бывалым, никогда не терявшим присутствия духа. А ведь с виду совсем «домашний» балагур и весельчак.

Только когда наша ракета вошла в освещенное Солнцем пространство и значительно удалилась от краев ущелья, Соколовский замедлил полет и выпрямил ракету.

Тюрин вполз на сиденье и потер скафандр. По-видимому, профессор немного ушиб затылок.

Как это часто бывает с людьми, благополучно избежавшими большой опасности, нас вдруг охватило нервное веселье. Мы заглядывали друг другу в стекла скафандров и смеялись, смеялись...

Тюрин указал на освещенный склон лунной трещины. Случай приготовил нам площадку для посадки. И какую площадку! Перед нами был огромный уступ, на нем без труда мог бы поместиться целый ракетодром для десятков ракетных кораблей. Соколовский повернул ракету, и вскоре мы катились на колесах, словно по асфальту. Подкатив почти к самой стене, остановились. Каменная или железная стена имела продольные трещины. В каждую из этих трещин могли бы въехать рядом несколько поездов.

Мы сошли на площадку «ракетодрома». Наше возбуждение еще не улеглось. Мы чувствовали потребность двигаться, работать, чтобы скорее привести в порядок свои нервы.

Я рассказал Тюрину и Соколовскому о находке лунного гейзера и признался, что вызвал горные обвалы, едва не погубившие нас. Но Тюрин, заинтересованный гейзером, даже не упомянул о моем проступке.

— Ведь это же величайшее открытие! — воскликнул он. — Я всегда говорил, что Луна не такая уж мертвая планета. Хотя бы ничтожные остатки газов, атмосферы — какого бы то ни было состава — на ней должны сохраниться. Это, вероятно, выходы серных паров. Где-нибудь в толще Луны еще осталась горячая магма. Последние догорающие угли великого пожара. В глубине этой трещины, которая, наверное, проникает внутрь не менее чем на четверть лунного радиуса, пары нашли себе выход. И мы не взяли их на пробу. Необходимо сделать это во что бы то ни стало. Ведь это же произведет мировую сенсацию среди ученых. Гейзер Артемьева! Не возражайте! Вы имеете на это все права. Летим сейчас же.

И он уже прыгнул к ракете, но Соколовский отрицательно покачал головой.

— На сегодня с нас довольно, — сказал он. — Надо отдохнуть.

— Что значит «на сегодня»? — возразил Тюрин. — День на Луне продолжается тридцать земных дней. Так вы тридцать дней не сдвинетесь с места?

— Сдвинусь, — примирительно ответил Соколовский. — Но только если бы вы сидели у руля, когда мы вылетали из этой чертовой щели, то поняли бы меня и рассуждали бы иначе.

Тюрин посмотрел на утомленное лицо Соколовского и замолчал.

Мы решили обновить запас кислорода в скафандрах и разбрестись в разные стороны, не отходя слишком далеко друг от друга.

Первым делом я отправился к ближайшему ущелью, которое заинтересовало меня своей окраской. Скалы там были красноватых и розовых тонов. На этом фоне ярко выделялись густо-зеленые пятна неправильной формы, очевидно прослойки другой породы. Получалось очень красивое сочетание красок. Я постепенно углублялся в каньон. Одна стена его была ярко освещена Солнцем, по другой косо скользили солнечные лучи, оставляя внизу острый угол тени.

Я был в прекрасном настроении. Кислород вливался в легкие чуть пьянящими струями. Во всех членах я ощущал необычайную легкость. Мне иногда казалось, что все это я вижу во сне. Увлекательный, чудесный сон!

В одном из боковых каньонов сверкал «водопад» навеки застывших самоцветов. Они привлекли мое внимание, и я свернул вправо. Потом свернул еще и еще раз. И, наконец, увидал целый лабиринт каньонов. В нем было легко заблудиться, но я старался запомнить дорогу. И всюду эти пятна. Ярко-зеленые на полном свету, они в полосе тени были темно-рыжего оттенка, а в полутени — светло-бурого. Странное изменение окраски: ведь на Луне нет атмосферы, которая может изменять оттенки цветов. Я подошел к одному из таких пятен и присмотрелся. Нет, это не выход горной породы. Пятно было выпуклым и казалось мягким, как войлок. Я уселся на камень и принялся разглядывать пятно.

И вдруг мне показалось, что оно немного сдвинулось с места от теневой полосы к свету. Обман зрения! Я слишком напряженно смотрел на пятно. Сделав мысленную отметку на складке горной породы, я продолжал следить за ним. Через несколько минут я уже не мог сомневаться: пятно сдвинулось с места. Его край перешел за теневую черту и стал зеленеть на моих глазах.

Я вскочил и подбежал к стене. Ухватившись за острый угол скалы, я дотянулся до ближайшего пятна и оторвал мягкий войлокообразный кусок. Он состоял из мелких нитей елкообразной формы. Растения! Ну, конечно, это растения! Лунные мхи. Вот так открытие! Я оторвал второй клочок от бурого пятна. Этот клочок был совершенно сух. Повернув его обратной стороной, я увидел беловатые «орешки», оканчивающиеся подушечками-присосами.

Биологическая загадка. По виду это растение можно скорее отнести к мхам. Но эти присосы? «Корненожки»! Растение, которое может передвигаться, чтобы следовать за двигающимися по скалам солнечными лучами. Его зеленый цвет зависит, конечно, от хлорофилла. А дыхание? Влага? Откуда оно ее берет?.. Мне вспомнились разговоры о Кэце, о небесных камнях, из которых можно извлекать и кислород и воду. Разумеется, и в лунных камнях находятся в связанном виде кислород и водород — элементы, входящие в состав воздуха и воды. Почему бы и нет?.. Разве земные растения не являются чудесными «фабриками» со сложнейшим химическим производством? И разве наши земные растения вроде «Иерихонской розы» не обладают способностью замирать от зноя и засухи, а потом вновь оживать, когда их поставишь в воду? В лунную холодную ночь здешние растения спят, при свете Солнца начинает действовать «химическая фабрика», вырабатывая все, что нужно для жизни. Движение? Но и земные растения не ли-

шены его совершенно. А приспособляемость организмов беспредельна.

Я набил полную сумку мхами и в приподнятом настроении отправился назад, чтобы скорее похвалиться своей находкой.

Прошел до конца бокового каньона, свернул направо, еще раз направо. Здесь я должен был увидеть сверкающие россыпи рубинов и алмазов, но не увидел их... Пошел назад, повернул в другой каньон... Совершенно незнакомое место!

Я ускорил ход. Уже не шагал, а прыгал. И вдруг на краю обрыва остановился в изумлении. Совершенно новый лунный ландшафт открылся передо мною. По ту сторону пропасти возвышались горные цепи. Среди них выделялись три вершины одинаковой высоты. Они сверкали, как головы сахара. Я еще никогда не видал таких белых вершин. Ясно, что это не снег. На Луне не может быть снега. Возможно, эти горы меловые или гипсовые. Но дело не в горах. Мне стало ясно, что я заблудился, и заблудился основательно.

Тревога охватила меня. Словно весь этот необычайный лунный мир вдруг повернулся ко мне другой стороной. Как он был враждебен человеку! Здесь нет ни наших земных лесов, ни полей, ни лугов с их цветами, травами, птицами и животными, где «под каждым листом» уготован «стол и дом».

Здесь нет речек и озер, изобилующих рыбой. Луна — скупой Кощей, который не накормит и не напоит человека. Заблудившиеся на Земле могут целыми днями поддерживать свое существование хотя бы корнями растений. А здесь? Кроме голых скал — ничего. Разве только этот мох. Но он, вероятно, так же несъедобен, как песок. Но если бы даже кругом меня были молочные реки с кисельными берегами, я все равно погиб бы от голода и жажды, испытывая муки Тантала: ведь я не могу снять своего скафандра.

Скафандр! Я вспомнил о нем и вздрогнул, будто ледяной холод мировых пространств проник в мое тело. Вся

«атмосфера», которая дает мне возможность дышать и жить, заключена в небольшом баллоне за моей спиной. Его хватит на шесть часов; нет, меньше: уже прошло часа два, как я возобновил запас кислорода. А дальше? Смерть от удушья... Скорее выбраться к большому каньону, пока не истощился запас кислорода и физических сил!

Я вновь повернул назад и запрыгал, как кузнечик. Хорошо еще, что здесь прыжки не утомляют так, как на Земле...

Вот и конец каньона. Передо мной новый каньон, ярко освещенный солнцем и покрытый сплошным зеленым ковром. Видимо, все мхи приползли сюда из теневых мест. Отвратительные мхи! Я больше не хотел смотреть на них, но всюду мои глаза встречали зеленый цвет, от которого рябило в глазах.

А может быть, это и есть тот каньон, по которому я шел сюда, но его сейчас трудно узнать, потому что он стал зеленым?

Новый поворот — узкое ущелье, погруженное в глубокую тьму. Сквозь прогретый солнцем костюм на меня пахнуло холодом. Или это нервы шалят?..

Куда же теперь идти? Позади, за двумя поворотами, обрыв. Впереди — темный, узкий, неведомый каньон.

Я почувствовал страшную слабость и в изнеможении опустился на бугристый камень. Вдруг камень подо мной зашевелился и пополз... Я вскочил как ужаленный. Мои нервы были слишком напряжены. Живой камень! Новое животное! Новое сенсационное открытие! Но в эту минуту мне было не до открытий. Я позволил уползти неведомому животному, даже не взглянув на него. И, как автомат, побрел дальше.

Я даже не размышлял о том, куда иду. Иногда мне казалось, что кислород в баллоне иссякает. Наступило удушье. Тогда я приостанавливался и хватался за грудь. Потом это проходило. Нервы, нервы! Если бы на Луне была атмосфера, упругая среда, хотя бы и не годная для дыхания! Можно было бы стучать камнем о камень, призывая на помощь. Атмосфера могла бы передать отсветы — «зарево» прожек-

торов ракеты. Впрочем, сейчас это не помогло бы: с неба лился ослепительный солнечный свет, от которого можно было бы ослепнуть, если бы не дымчатые стекла скафандра.

В тот момент, когда я был полон отчаяния и готовился к близкому концу, я неожиданно увидел большой каньон. Я обрадовался так, словно вышел на Большой проспект Васильевского острова.

Вот удача! Не инстинкт ли вывел меня, когда я перестал мудрить и высчитывать?

Однако моя радость скоро опять сменилась тревогой. В какую сторону идти? Вправо или влево? Совершенно потерял ориентировку! Попробовал испытать свой «инстинкт», но на этот раз он безмолвствовал... Шаг направо — инстинкт не возражает, шаг налево — то же самое.

Пришлось вновь обратиться к помощи «верхней коры головного мозга» — размышлять. Когда я вышел из ракеты, то повернул направо. Значит, теперь надо свернуть налево. Пойдем налево.

Так я шел, вероятно, не меньше часа. Голод давал себя чувствовать. А конца каньона все еще не было видно. Странно. Ведь первый раз я шел до поворота менее получаса. Значит, иду не в ту сторону. Повернуть назад? Сколько потерянного времени! Я продолжал упорно идти вперед. Вдруг каньон сузился. Ясное дело — иду не в ту сторону. Назад скорее!

Солнце уже палило немилосердно. Пришлось накрыться белым плащом. Голод все больше мучил меня, начала сказываться и усталость, но я прыгал и прыгал, словно за мной гнались неведомые чудовища. Внезапно мне путь преградила трещина. Она невелика, через нее можно перескочить. Но этой трещины я не встречал, когда шел сюда! Или, замечтавшись, я перепрыгнул ее, не заметив? Меня прошиб холодный пот. Сердце лихорадочно забилось. Гибну! Я принужден был лечь, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя. С черного неба на меня смотрело синее мертвое Солнце. Вот так же безучастно оно будет освещать мой труп... Нет, нет! Я еще не умер! У меня есть запас ки-

слорода и энергии... Вскочив, одним махом я перелетел через трещину и побежал... Куда? Вперед, назад — все равно, только бы двигаться!

Каньон расширился. Я прыгал безостановочно не менее часа, пока не упал, вконец изнеможенный. И тут впервые по-настоящему почувствовал недостаток воздуха. Это уже не было самообманом. В движении я слишком много тратил кислорода, и запас его истощился раньше времени.

Конец, конец... Прощай, Тоня!.. Армения...

В голове начало мутиться...

И вдруг я увидел над собой ярко освещенный Солнцем бок нашей яйцевидной ракетки. Меня ищут! Спасен! Собрав последние силы, вскакиваю, машу руками, кричу, совершенно забывая о том, что мой крик не уйдет дальше скафандра... Увы! Радость угасла так же быстро, как и вспыхнула: меня не заметили. Ракетка пролетела над каньоном и скрылась за вершиной горы...

Это была последняя вспышка энергии. Затем мною овладело безразличие. Недостаток кислорода сказывался. Тысячи синих солнц замелькали перед глазами. В ушах зашумело, и я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени пролежал я без чувств.

Потом, еще не открывая глаз, я глубоко вздохнул. Живительный кислород вливался в мои легкие. Я открыл глаза и увидел над собой склоненное лицо Соколовского. Он озабоченно смотрел в стекло моего скафандра. Я лежал на полу внутри нашей ракеты, куда, очевидно, меня принесли. Но почему же они не снимают с меня скафандра?

— Пить... — произнес я, не соображая, что меня не слышат. Но Соколовский, вероятно, по движению губ понял мою просьбу. Он усадил меня в кресло и, подвинув свой скафандр к моему, сказал:

— Вы хотите пить и есть, конечно?

— Да.

— К сожалению, придется потерпеть. У нас авария. Горный обвал в ущелье причинил некоторые повреждения ракетке. Камнями разбиты оконные стекла.

Я вспомнил «сторонние» удары, которые почувствовал, когда мы вылетали из «ущелья Смерти». Тогда я не обратил на них внимания.

— У нас есть запасные стекла, — продолжал Соколовский, — но чтобы вставить их и запаять, нужно немало времени. Словом, мы скорее доберемся до нашей большой ракеты. Лунное путешествие придется закончить.

— А зачем вы меня перенесли внутрь ракеты?

— Затем, — отвечал Соколовский, — что мне придется развить очень большую космическую скорость, чтобы за два-три часа доставить вас на место. Взрывы будут сильные, увеличение тяжести тела многократное. Вы же слишком слабы и не удержитесь на верхней площадке. Да и профессор Тюрин тоже будет вместе с вами в кабине.

— Как я рад, дорогой мой, что вы живы! — услышал я голос Тюрина. — Мы уже потеряли надежду найти вас...

В этом голосе была неожиданная теплота.

— Теперь лягте лучше на пол. Я тоже лягу с вами, а товарищ Соколовский сядет у руля.

Через минуту наша ракета с разбитыми стеклами уже взвилась над горными вершинами. Крутой поворот на запад. На мгновение ракетка почти легла набок. Под собою я увидел бездну лунной трещины, которая едва не погубила нас, и посадочную площадку с каньоном. Ракетка дрожала от взрывов. Тело словно наливалось свинцом. Кровь приливала то к голове, то к ногам. У меня опять начали мутиться мысли... Я впал в легкий обморок, который на этот раз преодолел сам. Кислород — великолепное живительное средство. Чувствовалось, что Соколовский позаботился о том, чтобы в мой скафандр поступали усиленные дозы кислорода. Но давление не должно было превышать одной атмосферы, иначе не выдержал бы костюм. Он и так раздулся, как раздувается водолазный, когда «заедает» золотник, выпускающий излишек воздуха.

К концу этого путешествия я оправился настолько, что мог самостоятельно выйти из ракетки и перебраться в наш большой межпланетный корабль.

С каким удовольствием я сбросил костюм «водолаза»! А пил и ел за пятерых!

К нам быстро вернулось хорошее расположение духа. И я уже со смехом рассказывал о своих злоключениях, о научных открытиях и никак не мог простить себе того, что упустил «лунную черепаху», которую принял за камень. Впрочем, я уже сомневался в ее существовании. Быть может, это была только игра моего расстроенного воображения. Но мхи, «ползучие мхи», лежали в моей сумке, как трофей, принесенный из «страны Снов».

Наша экспедиция на Луну, при всей ее кратковременности, дала богатые научные результаты. У нас было много сенсаций для земных ученых.

Обратный путь прошел хорошо. Не было той подавленности, которая невольно овладевает человеком перед неизвестным. На Звезду Кэц мы летели как «домой». Но где она? Я посмотрел на небо. Где-то вверху над нами висел серп «новоземли». Внизу половину небосклона занимала Луна. Несмотря на то что я едва не погиб на ней, ее вид не возбуждал страха.

Я ходил по этой Луне, следы наших ног остались на ее поверхности, «кусочки Луны» мы везли с собой на Кэц, на Землю. Это по-новому сближало, почти роднило нас с Луной...

15. ЗВЕЗДНЫЕ БУДНИ

— Ну-ка, покажитесь, покажитесь! — говорила Меллер, поворачивая Тюрина во все стороны. — Загорел, помолодел «паук». Прямо женихом стал! А мышцы? Да не прыгайте, не форсите. Дайте пощупать ваши мышцы. Бицепсы слабоваты. А ноги хорошо окрепли. На сколько лет опять в своей паутине завязнете?

— Не-ет, уже теперь не завязну, Анна Игнатьевна! — отвечал Тюрин. — Скоро снова на Луну полечу. Там много работы. На Марс, на Венеру полечу.

— Ишь, расхрабрился! — шутила Меллер. — Дайте-ка я

вам анализ крови сделаю. Сколько кровяных шариков прибавило вам лунное Солнце... Лунные жители — редкие пациенты.

Покончив с врачебным осмотром, я поспешил к Тоне. Мне казалось, что она уже вернулась на Звезду. Только теперь я почувствовал, как соскучился по ней.

Я мчался по широкому коридору. Тяжесть на Кэце была меньше, чем на Луне, и я, как балерина, едва касаясь носками пола, порхал наподобие летучей рыбы. Кэцовцы поминутно останавливали меня и расспрашивали о Луне.

— Потом, потом, товарищи, — отвечал я и летел дальше.

Вот и ее дверь. Я постучал. Из-за двери выглянула незнакомая девушка. Каштановые волосы обрамляли ее лицо с большими серыми глазами.

— Здравствуйте, — растерявшись, произнес я. — Мне хотелось видеть товарища Герасимову. Разве она переселилась из этой комнаты?

— Товарищ Артемьев? — спросила меня девушка и улыбнулась, как старому знакомому. — Герасимова еще не вернулась из командировки и вернется не скоро. Я пока занимаю ее комнату. Сейчас она работает в физико-технической лаборатории.

Вероятно заметив мое огорченное лицо, она прибавила:

— Но вы можете поговорить с ней по телефону. Зайдите в радиорубку.

Наскоро поблагодарив девушку, я помчался на радиотелефонную станцию. Пулей влетел в комнату радиста и крикнул:

— Физико-техническую лабораторию!

— Сейчас! — сказал он и завертел ручку аппарата. — Товарища Герасимову? Сию минуту... Алло! Алло! Пожалуйста.

— Я Герасимова. Кто со мной говорит? Артемьев?

Если эфир не лжет, в ее голосе слышится радость.

— Здравствуйте, я так рада вас слышать! Вы чуть не погибли? Я узнала об этом еще до вашего прилета. Нам сообщили из лунной ракеты... Но все хорошо, что хорошо кончается. А я здесь веду очень интересные работы в лаборато-

рии абсолютного холода. Она устроена на балконе теневой стороны нашей ракеты. Приходится работать в межпланетных костюмах. Это несколько неудобно. Но зато абсолютный холод, что называется, под рукой. Я уже сделала несколько интересных открытий в области сопротивления полупроводников при низких температурах...

И она начала говорить о своих открытиях. Когда же она скажет о чернобородом и Палее? Самому как-то неудобно спрашивать. Она собиралась побывать на Кэце, но не ранее как через «земной» месяц.

— А как ваши поиски? — не утерпел я.

Но увы, в этот самый момент радист сказал:

— Срочный вызов ракеты «Кэц-восемь». Простите, я должен прервать ваш разговор.

Я вышел из радиостанции расстроенный. Тоня обрадовалась мне, это очевидно. Значит, она все-таки неравнодушна ко мне. Но говорила она больше о своих научных работах. И ни слова о Палее. И я не скоро увижу ее...

В коридоре меня остановил молодой человек.

— Товарищ Артемьев, я вас ищу. Директор вас просит к себе.

Пришлось отправиться к Пархоменко. Он очень подробно расспрашивал меня о нашем путешествии на Луну. А я рассказывал довольно бестолково.

— Вижу, вы утомлены сегодня, — сказал директор. — Отдыхайте, а завтра принимайтесь за работу. Наш биолог товарищ Шлыков уже давно поджидает вас.

Мне хотелось скорее остаться одному. Но я был голоден и отправился в столовую. Там мне пришлось рассказать кэцовцам о путешествии. Я прямо стал знаменитостью — один из первых людей, побывавших на Луне! Меня слушали с огромным вниманием, мне завидовали. В другое время все это заняло бы меня, но сейчас я был огорчен тем, что не повидался с Тоней. Скомкав свой рассказ и отговорившись усталостью, я, наконец, добрался до своей комнаты. В мое отсутствие к стене привесили откидную кровать из тончайшей сетки. В матрацах не было нужды. Я улегся на кровать

и отдался своим думам... Так и уснул, перелетая мыслью с Луны на Васильевский остров, в свою лабораторию, от Тони к неведомому Палею...

* * *

— Товарищ Артемьев! Товарищ Артемьев!..

Я проснулся и вскочил. У дверей комнаты стоял молодой человек с бритой головой.

— Простите, что я разбудил вас. Но, кажется, вам все равно пора вставать. Мы с вами немного знакомы. Помните, в столовой? Аэролог Кистенко. Я вас расспрашивал о лунных мхах. Весть об этом уже дошла до города Кэца. Земные кэцовцы просят прислать образец. А я как раз посылаю в город Кэц аэрологическую ракету.

— Пожалуйста, — ответил я, вынимая из сумки кусочек «войлока».

— Отлично. Этот мох, кажется, тяжелее земного, но в общем весит немного. Вы удивляетесь, что я говорю о весе? Но ведь моя ракета полетит на Землю. Каждый день я отправляю в город Кэц по одной ракете. По пути на Землю она автоматически производит все аэрологические записи — состав атмосферы, интенсивность космических излучений, температуру, влажность и прочее на разных расстояниях от Земли. Примерно три четверти пути ракета управляется радиолучом Звезды Кэц, а затем ее перехватывает радиолуч города Кэц. И она падает на автоматически раскрывающемся парашюте в строго определенной точке, на площадке в один квадратный метр. Недурно? В этой же ракете отправляется и почта... Вес ракеты рассчитан точно. Поэтому важен вес мха. Еще раз благодарю вас.

Он ушел. Я посмотрел на часы. По «земному», ленинградскому, времени было уже утро. Я позавтракал и отправился на работу.

Открыв дверь в кабинет биолога Андрея Павловича Шлыкова, я на минуту остановился. Уж очень этот кабинет не был похож на земные кабинеты «завов». Если Тюрина можно было сравнить с пауком, притаившимся со своей

паутиной в темной узкой щели, то Шлыков походил на гусеницу в зеленом саду. Весь кабинет его был наполнен вьющимися растениями с очень мелкой листвой. Это была как бы зеленая пещера, освещенная яркими лучами солнца. В глубине ее на плетеной кушетке полулежал Шлыков, полный, бронзово-загорелый мужчина средних лет. Он показался мне несколько вялым и как будто полусонным. У него были тяжелые, словно набрякшие, веки. Когда я появился, сонные веки поднялись, и я увидел серые, очень живые умные глаза. Их живость не гармонировала с его медлительными движениями.

Мы поздоровались. Шлыков стал расспрашивать меня о Луне. Образчик мха уже лежал возле него на длинном алюминиевом столике.

— Я не вижу ничего удивительного в том, что вы нашли на Луне этот мох, — сказал он раздельно и тихо. — Споры бактерий, споры плесневых грибков, известных на Земле, могут переносить очень низкую температуру, до двухсот пятидесяти градусов ниже нуля, сохраняя жизнеспособность. Дыхание? Оно может быть и интрамолекулярным, причем даже кислород не обязателен, хотя бы и в связанном виде. Вспомните наши азотобактерии. Питание? Вспомните наших амеб. Они не имеют даже рта. Если они находят «съедобный» кусочек, то обволакивают его всем телом и ассимилируют. Вот с вашей «черепахой» дело несколько сложнее. Но я не отрицаю возможности существования и более сложных животных на Луне. Приспособляемость организмов почти беспредельна... Ну что же, начало положено. И скоро мы будем знать о прошлом органической жизни Луны не меньше, чем о прошлом нашей Земли.

Шлыков остановился, записал что-то в книжке и продолжал:

— Теперь о нашей работе. Наша первейшая задача на Звезде Кэц — я говорю о нас, биологах, — состоит в том, чтобы максимально использовать растения для наших нужд. Что могут давать нам растения? Прежде всего пищу. Затем очищение воздуха и воды, и наконец, материал от-

бросов, который мы должны утилизировать до последней молекулы.

Мы должны переделывать, изменять, усовершенствовать растения так, как нам нужно. Можем ли мы сделать это? Вполне. И гораздо легче, чем на Земле. Здесь нет ни заморозков, ни засухи, ни ожогов солнечными лучами, ни суховеев. Мы искусственно создаем любой климат для любого растения. Температура, влажность, состав почвы и воздуха, сила солнечного излучения — все в наших руках. На Земле в оранжереях можно создать лишь относительное подобие того, что мы имеем на Звезде Кэц. У нас здесь есть короткие ультрафиолетовые лучи, которые никогда не достигают поверхности Земли, рассеиваясь в ее атмосфере. Я говорю о космическом излучении. Наконец, отсутствие тяжести. Вы, конечно, знаете, как действует земное притяжение на рост и развитие растений, как они реагируют на это притяжение...

— Геотропизм, — сказал я.

— Да, геотропизм. Корни чувствуют направление силы земного притяжения так же, как стрелка компаса север. И если корень отклоняется в сторону от этого направления, то лишь в «поисках» влаги, пищи. А как происходит деление клеток, рост, формирование растений при отсутствии силы тяжести? Здесь мы имеем лаборатории, в которых сила тяжести отсутствует совершенно. Поэтому мы ставим опыты, которые на Земле невозможны. Разрешив неясные еще вопросы жизни растений, мы переносим наш опыт в условия земной весомости. Я хотел бы, чтобы вы начали свою работу с изучения геотропизма. В Большой оранжерее работает ассистент Крамер, в лаборатории вам будет помогать новая сотрудница Зорина.

Шлыков замолчал. Я было повернулся к двери, но он жестом руки остановил меня.

— Растения — это еще не все. У нас удивительно интересные работы над животными. Там работает Фалеев. Я им не очень доволен. Вначале он работал хорошо, а в последнее время словно его подменили. Если бы вы заинтересовались этим делом, я перевел бы вас туда. Побывайте, во всяком случае, в этой лаборатории, посмотрите, что там делается. А сейчас отправляйтесь в Большую оранжерею. Крамер познакомит вас с нею.

Тяжелые веки опустились. Кивнув мне на прощанье головой, Шлыков углубился в свои записи.

16. У КРАМЕРА ПОРТИТСЯ ХАРАКТЕР

Я вылетел в коридор.

— Товарищ Артемьев! Вам письмо! — услышал я за собою голос. Молодая девушка-«почтальон» протянула мне конверт. Я схватил его с жадностью. Это было первое письмо, полученное мною на Звезде Кэц. Почтовая марка. Штемпель — Ленинград. У меня от волнения забилось сердце.

— Письмо из Ленинграда, — сказала девушка. — Я никогда не была в этом городе. Скажите, хороший город?

— Замечательный город! — с горячностью ответил я. — Это самый лучший город после Москвы. Но мне он нравится даже больше, чем Москва.

И я с увлечением начал рассказывать ей о чудесных новых кварталах Ленинграда, подступивших к Стрельне и Пулковским высотам, о его изумительных парках, о живописных каналах, придающих ему вид Венеции, о метрополитене, о ленинградском воздухе, совершенно очищенном от копоти фабричных труб и пыли, о стеклянных перекрытиях, защищающих пешехода от ветра на многочисленных мостах, о зимних садах для детей, о первоклассных музеях, о театрах, о библиотеках...

— Даже климат его стал лучше, — говорил я. — Торфяные болота на сотни километров вокруг осушены, заболоченные реки и озера приведены в культурный вид, кое-какие каналы в черте города засыпаны и превращены в аллеи или покрыты сплошными мостами-автострадами. Влажность воздуха значительно уменьшилась, а чистота его дала ленинградцам добавочный солнечный паек. Теперь у нас

всякому автомобилю и грузовику, въезжающим в черту города, колеса окатывают водой, чтобы они не заносили в город грязи и пыли. Да что говорить! Ленинград — это Ленинград!

— Непременно побываю в Ленинграде, — сказала девушка и, кивнув головой, «упорхнула».

Я распечатал письмо. Мой лаборант сообщал мне, что в лаборатории заканчивается ремонт. Устанавливается новое оборудование. Покончив с установкой новейшей аппаратуры, лаборант отправляется в Армению вместе с профессором Габелем, так как на мое скорое возвращение они потеряли надежду.

Я был взволнован. Может быть, бросить все и полететь на Землю?

Появление Крамера изменило направление моих мыслей. А когда я увидел оранжерею, то сразу забыл обо всем. Сильное впечатление произвела она на меня.

Но попал я туда не сразу. Крамер предложил мне надеть «водолазный» костюм, хотя и более облегченного типа, чем для вылазок в межпланетное пространство. Костюм был снабжен радиотелефоном.

— В оранжерее давление значительно ниже, чем здесь, — объяснил Крамер. — И в ее атмосфере гораздо больше углекислоты. На Земле углекислота составляет всего одну трехтысячную часть атмосферы, в оранжерее — три сотых, а в некоторых отделениях — еще выше. Это уже вредно для человека. Но зато для растений!.. Растут, как в каменноугольном периоде!

Крамер вдруг залился беспричинным продолжительным смехом, даже слишком продолжительным, как мне показалось.

— В этих скафандрах, — сказал он, когда приступ смеха прошел, — имеется радиотелефон, так что нам не надо будет прислонять головы друг к другу, чтобы разговаривать. Скоро таким радиотелефоном будут снабжены и межпланетные скафандры. Это очень удобно, не правда ли? Его

сконструировала, кажется, ваша знакомая, которую вы привезли с Земли.

Крамер подмигнул мне и снова захохотал.

«Неизвестно, кто кого привез, — подумал я. — И почему Крамер сегодня так дико хохочет?..»

Мы пошли сквозь атмосферную камеру и не спеша направились по длинному коридору, соединяющему ракету с оранжереей.

— У нас несколько оранжерей, — болтал Крамер без умолку. — Одна длинная, которую вы видели подлетая. Ха-ха-ха! Помните, как вы едва не улетели и я привязал вас, как собачку. Сейчас мы идем к новой, конической оранжерее. На ней, как и на ракете, существует вес, но очень незначительный. Всего тысячная доля земного. Лист, сорвавшийся с дерева на высоте метра от пола, падает целых двадцать секунд. Но этой силы тяжести вполне достаточно, чтобы все отбросы и пыль осаждались вниз и чтобы созревшие плоды падали на почву, а не витали в пространстве... Вы еще не купались в «невесомой ванне»? Замечательно! «Пошел купаться Веверлей...» — вдруг запел он и вновь разразился диким смехом. — У нас ведь есть еще несколько опытных лабораторий, где сила тяжести совершенно отсутствует. Там и ванна... Ну вот мы и пришли. «Завеса сброшена...» — продекламировал он, открывая дверь.

Сначала меня ослепил свет. Потом, приглядевшись, я увидел колоссальной величины тоннель, расширяющийся воронкой. Входная дверь находилась в узком основании воронки. На противоположном конце воронка замыкалась огромной стеклянной полусферой выпуклостью наружу.

Сквозь стекла лились потоки света. Сила его была необычайна. Словно тысячи прожекторов при киносъемках слепили глаза. Стены тоннеля утопали в зелени всевозможных оттенков от ярко-изумрудного до почти черного. Этот зеленый ковер пронизывали узкие мостки с легкими перилами из алюминия. Зрелище было изумительное. Но еще больше удивился я, когда ближе познакомился с отдельными растениями. Я, биолог, ботаник, специально

изучающий физиологию растений, оказывается, не имел ни малейшего представления от том, до какой степени растения могут быть податливым, «пластическим» материалом, как может измениться их внешний вид и внутренняя структура.

Мне хотелось все обстоятельно и спокойно осмотреть. Но над ухом назойливо жужжал Крамер.

— Это все Шлыков! Он гений. Скоро у него растения будут танцевать на задних ножках, как собачки, и петь по-соловьиному. Выдрессирует! «Зерновые хлеба, — говорит он, — используют одну шестидесятую долю солнечной энергии, а банан в сто раз больше. И дело не только в климате. Можно заставить все растения повысить использование энергии в сотни раз».

— Он уже мне говорил об этом, — попробовал я прекратить словоизлияния Крамера, но тот не унимался:

— И Шлыков достиг этого. А результаты? Не угодно ли посмотреть на этот экземпляр? Что вы о нем скажете? Ха-ха-ха!

Я стоял в молчаливом удивлении. Передо мною был куст ростом с человека; листья в ладонь, а красные сочные плоды величиною с большой арбуз напоминали землянику. Это и была чудовищная земляника. Кустик не стлался по земле, а тянулся вверх. На тонком стебле висели эти огромные ягоды. (Вот что значит отсутствие тяжести!) Одни из них были совершенно красные, другие еще не созрели.

— Каждый день мы снимаем десяток таких «ягодок» с одного этого куста, — тараторил Крамер. — Одни снимаем, другие дозревают. Лезут беспрерывно. Наши растения не знают даже того двухнедельного отдыха, который имеют на Земле тропические растения. Гони и гони! Вбирай лучи Солнца, отбросы и воду из почвы и превращай их в эти вкусные плоды. А Солнце здесь не заходит. Атмосфера оранжереи всегда прозрачна. Это одно. Второе — в здешней атмосфере уйма углекислоты, как во время каменноугольного периода.

— Вы уже говорили мне про углекислоту.

— Взгляните-ка на эти листья, — продолжал Крамер, нисколько не смутившись. — Они почти черные и поэтому поглощают чуть ли не целиком солнечную энергию, но перегревания растений не происходит. Только уменьшается испарение воды. Вы знаете, сколько энергии тратит растение на испарение? В тридцать пять — сорок раз больше, чем на полезную работу. А здесь эта энергия идет в «мясо». Видите, листья толстые, мясистые. Некоторые из них совсем лишены устьиц. А плоды какие огромные! Зато вот этот экземпляр только и делает, что выделяет воду, — сказал он, указывая на растение, с конца листьев которого капала вода. — Не растение, а Бахчисарайский фонтан. Видали «фонтан Слез»? Капает и капает! Это наш естественный фильтр.

А вот тоже интересное растение, — продолжал он, двигаясь по узкому мостику. — «Киоск фруктовой воды», так сказать, сокоточащая рана. Видите: разрез на стволе, трубочка, и из нее тоже капает. Попробуйте на язык. Вкусно? Сладко? Лимонад! Обратите внимание на почву — измельчение частиц идеальное. И полезных бактерий на каждую тысячу твердых частиц приходится не одна, а несколько десятков. Зато посмотрите на горох, бобы, фасоль. Как яблоки!

А вот эти стеклянные отделения существуют для того, чтобы создать для некоторых растений особые условия; самый подходящий состав газовой среды, наилучшую температуру. Вредители отсутствуют. Сорняки отсутствуют. Светофильтры дают благоприятный состав лучей... Ира! Ира! Что ты делаешь, сумасшедшая? — вдруг испуганно закричал он, подпрыгнул и полетел по оранжерее. — Ира! Ира! — кричал он где-то за кустами, словно его резали на части.

Что случилось с этим человеком? Еще недавно он был спокойный, добродушный малый. А теперь у него страшно повышенная возбудимость. Я не мог понять, что так взбесило его. Я слышал шум, шипение и видел, как опавшие листья летели от широкого конца воронки к узкому.

— Зачем ты пустила вентилятор с такой силой? Ураган хочешь устроить? — орал Крамер. — Поломать растения?.. Убавь силу, не то я тебя на Землю сброшу!

Шум и движение листьев уменьшились. Откуда-то послышался пискливый голос:

— Вчера ведь сам распорядился ставить вентилятор на двадцать шесть...

— Это тебе приснилось!

Я медленно продвигался к стеклянной полусфере, поминутно задерживаясь у особо интересных растений. На тончайших стволах ярким пламенем горели цветы мака. «Коробочки» его были величиною с голову грудного ребенка.

— Вот видишь? Вот видишь, как шатается и роняет семена мак! — кричал он.

Семена эти были с горошину.

Многометровый горох тянулся к середине «воронки». Корзинка подсолнуха в полметра диаметром почти не поднималась над почвой. Огурцы, морковь, картофель, земляника, малина, виноград, смородина, крыжовник, слива, рожь, пшеница, овес, гречиха, свекловица, конопля... Я едва узнавал их: так были изменены их размеры и формы.

Не раз я останавливался в полном недоумении: что же это такое?..

Земные карлики превращались в гигантов, и, наоборот, земные древесные великаны превращались в карликов. В особых, несколько затемненных местах росли грибы — чудовищные шампиньоны...

А вот субтропики и тропики. Карликовые фиговые деревья с гигантскими плодами, чайные, кофейные, какаовые деревья, кокосовые пальмы величиною с зонтик, но с плодами, вдвойне превышающими земные размеры.

В одном стеклянном ящике я увидел настоящий тропический лес карликовых размеров. Пальмы, бананы, папоротники, лианы... Не хватало только слонов величиною с крысу, чтобы вообразить себя Гулливером в стране лилипутов...

Какими ничтожными казались мне все мои «земные» достижения!

Как легко разрешаются здесь проблемы, над которыми я так много лет ломал себе голову. Здесь в продолжение всего года свежие фрукты и овощи, и заводы, которые их перерабатывают, могут работать круглый год без перебоя...

А разве опыт Звезды Кэц нельзя перенести на Землю?

Взять хотя бы Памир. На высоте Памира ультрафиолетовых лучей меньше, чем на Звезде Кэц, но гораздо больше, чем в местностях, лежащих на уровне моря. Плоскогорье Памира можно превратить в сплошную оранжерею. Все расходы окупятся. В оранжерее можно создать любую атмосферу, увеличить количество углекислоты...

А безоблачное небо тропиков с их жарким климатом и изобилием солнечных лучей?.. Когда мы окончательно победим джунгли, миллионы людей найдут там кров и пищу.

А земные пустыни? Мы уже успешно ведем там борьбу с песками, с безводьем. Но сколько еще пустынь на Земле! И мы призовем на помощь Солнце, используя опыт Кэца. Солнце, выпившее воду, убившее своим зноем растения, возродит пустыни. Они станут сплошным зеленым садом...

Нет, земному шару никогда не будет угрожать перенаселение! Человечество может смело смотреть в будущее!..

— Или у вас столбняк, Артемьев? — услышал я резкое восклицание Крамера.

— Простите, замечтался, — ответил я, вздрогнув от неожиданности.

Я оглянулся — оранжерея-конус ожила. По узким дорожкам летали молодые девушки с корзинками. Их яркие, разноцветные костюмы выделялись на зеленом фоне, как цветы. Девушки собирали плоды. Невидимая музыка сопровождала их работу.

— Мифологическая картина, — расхохотался Крамер. — Звездные девушки! Сказка наших дней! Скоро их заменят автоматами... Однако нам пора идти. Я еще не показал вам лабораторию. Она находится вне Звезды Кэц. Там полная невесомость. Придется переодеваться в межпланетные

костюмы и перелетать довольно большое пространство. Вам пора научиться управлять портативной ракетой. Так и знайте: если вы улетите на этот раз, я не буду гоняться за вами!

Но на этот раз я стрелял более умело и не отставал от Крамера. И все же этот небесный перелет доставил мне некоторое волнение. У меня начала стынуть правая нога. Я забеспокоился, нет ли повреждения в костюме, не просачивается ли мировой холод. Но оказалось, что нога находилась в тени. Я повернул ногу к свету, и она согрелась.

Вот и лаборатория. Она имеет вид цилиндра. Внутри цилиндр разделен стеклянными перегородками. Из отсека в отсек приходится переходить через «изоляционные» камеры, потому что давление и состав воздуха в каждом отсеке различны. В одной стороне цилиндра во всю его длину — окна, на противоположной — растения. Некоторые из них посажены в стеклянные сосуды, чтобы можно было видеть развитие корней. Это меня удивляет: корни не любят света. Часть растений на грядках, другая — в горшках, которые расставлены на грядках, другая — в горшках, которые расставлены рядами в воздухе. И растут они необычайно: ветви и листья расходятся в виде лучей от горшка к окну. У одних корни развиваются «вверху», у других — «внизу». Но у большинства корни на затемненной стороне. Отсутствие силы тяжести как бы уничтожило силу геотропизма, и здесь, по-видимому, «направление» роста дает только гелиотропизм — сила, которая направляет растения к источнику света.

— Оставь! Уйди! Говорю тебе, уйди! — слышу я чей-то женский голос и смех Крамера.

Гляжу в конец лаборатории и вижу сквозь стекла перегородок молодую девушку в лиловом костюме. Она витает где-то под «потолком», а Крамер, махая крыльями, подлетает к ней и толкает ее. Девушка, отлетев в сторону, ударяется о «потолок», летит к противоположной стороне, стараясь при помощи таких же крыльев-вееров принять неподвижное положение. Ей, видимо, нужно стать лицом к

темно-зеленому кусту. Но в мире невесомости не так-то легко принять нужное положение. Оставив веера, девушка снимает привязанный к поясу металлический диск и устанавливает его в пространстве ребром к себе, как тарелку, которую несут в руках. Потом она поворачивает диск, и он вертится в одну сторону, девушка — в обратную. Чтобы повернуться до вертикальной оси, девушке приходится ставить диск боком, ребром вверх. Теперь диск поворачивает ее тело как на трапеции.

Я приближаюсь к Крамеру и девушке. Мне кажется, я где-то видел ее. Да, так и есть, она живет в комнате Тони! Значит, мне с ней придется работать. Я смотрю на нее сбоку и вверх, она и Крамер смеются, видя мои нелепые движения. Я чувствую себя рыбой, вытянутой из воды. Но девушка управляется с диском и крыльями не лучше меня. Один Крамер плавает, именно плавает, как рыба в воде. Он продолжает вертеться вокруг девушки, ставя ее то вверх, то вниз головой по отношению к себе. Она и сердится и смеется. Потом Крамер, взглянув на меня, говорит:

— Знакомьтесь, Зорина!

— Мы уже встречались, — отвечает Зорина и кивает мне головой.

— Ага, знакомы? Тем лучше, — почему-то сердито говорит Крамер. — Ну, идемте, Артемьев. Ванна рядом. Перед работой и после работы мы здесь принимаем ванну.

Узкими переходами мы пробираемся в новый цилиндр — «предбанник» — диаметром около четырех метров и почти такой же длины. Там мы раздеваемся, пролезаем в круглое отверстие и попадаем в «ванну». Это цилиндр такого же диаметра, но значительно длиннее. Гладкие алюминиевые стенки, боковое освещение — и ни капли воды. Я останавливаюсь на самой середине цилиндра и никак, без диска и крыльев, не могу добраться до стенок. Вишу в пустоте. Крамер возится у входа. Но вот он повернул ручку, что-то зашумело, и из крана, находящегося в круглой плоской стенке, замыкающей цилиндр, показалась вода. Струя под напором ударила в меня и разбилась на капли и шары.

Я отлетел в сторону. Водяные шары, летая вокруг меня, сталкивались, все увеличиваясь в размерах.

В тот же самый момент цилиндр начал вращаться на продольной оси все быстрее и быстрее. Получилась центробежная сила. Капли и шары начали оседать на стенках. И скоро стенки цилиндра были покрыты метровым слоем воды. Вода была всюду — справа, слева, стояла сводом над головой. Только центральная часть цилиндра, по его большой оси, оставалась пустой. Я почувствовал, как меня начинает «притягивать» ближайшая стенка. Через несколько минут я погрузился в воду. А еще через несколько секунд стоял на дне. Крамер оказался на противоположной стенке цилиндра, головой ко мне. Но оба мы чувствовали себя вполне устойчиво: ходили по дну, плавали, ныряли. Эта необычайная ванна мне очень понравилась. Тяжесть тела была небольшая, и держаться на воде было очень легко.

Крамер поплыл к входному отверстию и повернул медную ручку. Вода начала быстро убегать в небольшие дырочки, движение цилиндра замедлилось. Когда он остановился совершенно, в ванне уже не было воды, а наши тела вновь стали невесомыми.

В раздевальне я неловким движением выпустил из рук костюм и долго не мог поймать его. В этом мире невесомости вещи ведут себя очень коварно. Маленький толчок — и они убегают, начинают метаться из угла в угол, от стенки к стенке — поймай их! Крамер из этого сделал игру: он бросал вещи «дуплетом в угол» и ловил их после того, как они прилетали обратно, иногда рикошетируя по нескольку раз.

— Как вам нравится Зорина? Право, хороша? — неожиданно спросил он меня. При этом лицо его стало злым и мрачным. — Вы смотрите! — угрожающе произнес он.

Уж не приревновал ли он Зорину ко мне? Вот чудак!

— Ну, теперь я вас провожу в зоологическую лабораторию, — сказал Крамер, подозрительно посмотрев на меня. — Мы можем пройти туда «тоннелем». Я доведу вас и оставлю.

Действительно, он покинул меня у самой двери лаборатории и на прощанье многозначительно повторил:

— Так смотрите же!

— На что смотреть? — не утерпел я.

Лицо его вдруг перекосилось.

— Вы не будете, так я буду смотреть в оба! — процедил он сквозь зубы и удалился.

Что за дикий, нелепый человек!

Я уже взялся за ручку двери, как Крамер вернулся. Держась кончиком ноги за ремешок в стене, «стоя» передо мной под углом в шестьдесят градусов, он сказал:

— И вот еще что. Я вам не верю! Зачем вы прилетели сюда? Уж не за тем ли, чтобы познакомиться с работами Шлыкова и, улетев обратно на Землю, выдать там эти работы за свои? Шлыков — гений! И я не позволю никому...

— Послушайте, Крамер! — возмутился я. — Или вы больны, или должны отвечать за свои поступки. Вы оскорбляете меня без всякого основания. Подумайте сами, какую чепуху вы несете! Кто из нас теперь способен выдавать чужие труды за свои? И к чему? В какое время и где мы живем?

— Так помните же! — прервал он меня и, сделав огромный прыжок, скрылся в тоннеле.

Я был озадачен. В чем дело? Машинально открыв дверь, я вошел в лабораторию.

17. ЗООЛАБОРАТОРИЯ

В ту же секунду я увидел перевернутое вниз лицо человека с широко открытыми, недоуменными глазами и выдающейся челюстью.

— Ну что вы прикажете делать? — воскликнул человек, словно читая мои мысли.

Я был совершенно сбит с толку. Час от часу не легче! До сих пор я встречал на Кэце нормальных, здоровых, жизнерадостных людей, а тут сразу два каких-то психопата!

— В чем дело, товарищ? — спросил я.

— Я не знаю, как мне поступить с козликом, собственно — с его ножками. Два раза уже переделывали стойло, а ноги у козлика все растут. Не вмещаются, гнутся ножки, крючатся. Прямо хоть отрезай их!.. Вы Артемьев? А я Фалеев. Хорошо, что вы тоже биолог. Подумаем вместе. Зоологическая лаборатория самая беспокойная. Всякие рогатые, четвероногие проблемы одолели. Шлыков дает все новые и новые задания. А как их выполнить, когда результаты опытов бывают совершенно неожиданные? Отсутствие силы тяжести — это раз, действие космических лучей — два. Благодаря действию этих лучей получаются такие мутационные скачки, что руками разводишь! Да вы взгляните сами.

Фалеев довольно ловко перевернулся в воздухе и, подгребая воздух широкими ладонями, поплыл по лаборатории. Я, как умел, полетел за ним.

Животными здесь совсем не пахло: видимо, уборка и вентиляция помещения поставлены идеально. Стойла представляли собой простые перегородки из сеток. Возле одного стойла я увидел огромную свинью, которая напоминала шар, вернее — гигантское яйцо. Вместе с тем ноги у свиньи были длиннейшие и тонкие, как макаронины. Мягкие копытца походили на два пальца, сложенные клешней. Если бы такую свинью внезапно перенесли на Землю, она расплющилась бы там в блин, раздавленная собственной тяжестью, как выброшенный из воды кит.

Козлик еще больше поразил меня. Морда его была чрезвычайно вытянута, рога — длинные и кривые, как турецкие ятаганы, ноги тонкие, полутораметровой длины и оканчивались двумя хилыми придатками, расставленными под углом в тридцать градусов, как птичьи пальцы. Ростом этот козлик был с большого барана, но на нем совершенно не было шерсти.

— Как голая африканская собака, — сказал Фалеев. — Это «мясной» козлик. А дальше вы увидите козла — производителя шерсти. Он совсем мал ростом, но зато его

шерсть отросла на метр. И какая волна! Живая фабрика шерсти!

— Но ваш шерстяной козлик помещается, конечно, не в такой температуре? — спросил я.

— Само собой разумеется. Его мы держим в холоде, но хорошо питаем. С шерстью — это еще простое дело. Шлыков задает задачи посложнее. Вот нам нужны струны для музыкальных инструментов и лаун-теннисных ракеток. Извольте вывести породу баранов с длиннейшими кишками. Шлыков не признает трудностей. Он говорит, что нет ничего невозможного. А указания дает самые краткие. «Если, — говорит, — надо удлинять кишки, пробуйте разную пищу, меняйте корм». Корм кормом, а у барана вместо удлинения кишок вдруг разрастается желудок. Здесь действуют какие-то новые факторы... Вот с ногами козлика не знаю, что делать. Неужто опять перестраивать хлев? Тут прямо сказка про горох получается: прорубили пол, прорубили потолок, прорубили крышу, а он все растет. Только крыши прорубать мы не можем.

— А вы и крыши не рубите, и ничего не перестраивайте, — сказал я. — Есть предположение, что космические лучи играли огромную роль в эволюции животных на Земле. Необычайно быстрые мутации, о которых вы говорите, подтверждают эту гипотезу. По-видимому, здесь происходит «скачкообразное» приспособление организмов к изменившимся условиям среды. Силы тяжести нет — тела не стоят, не имеют твердой опоры. Животные витают в воздухе. Они стремятся выйти из этого положения. Им становятся необходимы длинные конечности...

— Ну да! — перебил меня Фалеев. — Первые собаки здесь скулили неимоверно. Они часами махали лапами, как белки в колесе, чтобы дотянуться до стенки или до кусочка мяса в прищепке. И, конечно, не сдвигались с места.

— Вот-вот, поэтому ноги и растут. А вы не увеличивайте размеров помещения. Если ноги станут такими длинными, что будут доставать до любой стены, я думаю, их рост приостановится. Или же сделайте такую решетку, за которую

животные могли бы хвататься. Замените эту мелкую сетку другою, с более крупными ячеями, или же сделайте загородку из прутьев. Тогда у животных будут развиваться хватательные органы. Ваши козлы и бараны станут «четверорукими», как обезьяны, приспособятся к хватательным движениям. Будут лазить по клетке. Одной-двумя конечностями держаться, а свободными доставать, что им надо.

— А ведь верно! — воскликнул Фалеев. — С вами у нас дело скорее пойдет. А то я как-то в последнее время совсем растерялся, прямо отупел... Знаете, — сказал он испуганно-приглушенным голосом, — тут недолго и с ума сойти, когда на твоих глазах кошмарные чудовища рождаются... А только куда нам лучше направить приспособляемость? Может быть, прямо на то, чтобы сразу делать животных летучими? По здешним условиям это практичнее всего. Козлы летучие! Горюшко! — Он плаксиво рассмеялся. — Но про четвероруких вы тоже неплохо придумали. У одной моей кошки отрос такой хвост, что она им как обезьяна орудует. Где лапами не достанет, там хвост в дело пускает. Ухватится кончиком, а лапами подтягивается, как на канате. Опять же, во время прыжков она рулит хвостом, как белка-летяга. И у нее как будто между лапами перепонки образовались. Совсем летягой скоро станет. А собака Джипси? Жутко, право... Да вот я сейчас... Джипси! Джипси...

Откуда-то донесся собачий лай. И вдруг я увидел летящее к нам чудовище. Оно махало ногами, как собака во время самого быстрого бега, но приближалось медленно. Между тонкими его пальцами были видны небольшие перепонки. Эти перепонки помогали толкать тело вперед, отбрасывая воздух. Собака была немного крупнее бульдога, тело ее покрывала редкая шерсть каштанового цвета, хвост был длинный и пушистый, морда совершенно безволосая, короткая, почти плоская нижняя челюсть была недоразвита. Это было что-то среднее между собачьей мордой, обезьяньей и лицом человека. Действительно, жуткий вид! Собака подлетела совсем близко и посмотрела мне прямо в глаза. Я невольно вздрогнул: у Джипси были большие, со-

всем человечьи грустные карие глаза, полные мысли... Джипси махнул хвостом, повернул свое тело и ухватился концами пальцев без когтей за край перегородки. Потом перевел глаза с меня на Фалеева. В глазах был вопрос.

Фалеев вдруг смутился, словно имел дело не с собакой, а с человеком, который ему мало знаком. Эти человеческие глаза на собачьем «лице» были страшны. Я сам почувствовал смущение.

— Вот познакомься, Джипси, — сказал Фалеев, смотря куда-то мимо внимательных глаз собаки. — Наш новый товарищ — Артемьев.

Я полагал, что Фалеев обращается к собаке с такой речью в шутку, как многие любители собак. И я уже сделал движение рукою, чтобы погладить Джипси по его лысой голове. Каково же было мое изумление, когда собака кивнула мне головой и протянула лапу! Я был так поражен, что моя протянутая рука застыла на мгновенье в воздухе. И вместо того чтобы погладить Джипси, как простую собаку, я, пересилив себя, вежливо пожал ее теплую безволосую лапу, хотя рукопожатия на Кэце и были отменены.

— Щенята Дианы накормлены? — спросил Фалеев.

Собака отрицательно покачала головой.

— Почему? Соски с молоком не принесены?

Джипси утвердительно кивнул.

— Ну, тогда лети, Джипси, нажми седьмую кнопку. Вызови Олю и поторопи ее.

Собака, окинув меня испытующим взором, полетела в обратный путь. Я почувствовал, что мое сердце учащенно забилось.

— Видели? — тихо спросил Фалеев. — Все понимает. Только отвечать не может. Речевого аппарата не приобрела. Приходится по вопросно-ответной системе изъясняться. Зато в развитии мозга произошел колоссальный скачок. Право, жутко с такой собакой! Я стараюсь с нею ладить. Меня она как будто любит, а Крамера почему-то невзлюбила. Увидит — сердито посмотрит и улетает от него. Она сама, видно, страдает от того, что говорить не может. Тут уж мне приходится ее собачий язык изучать.

В глубине лаборатории послышался отрывистый лай.

— Вот видите, этак она призывает меня. Что-то там не ладится! Летим к ней!

К лаю Джипси присоединился визг щенка. Мы быстро понеслись по лаборатории.

Щенок с перепончатыми лапами просунул один палец в сетку и не мог его вытащить. Он отчаянно визжал, смотря на нас взглядом ребенка. Джипси суетился возле, безуспешно пытаясь своими длинными пальцами вынуть застрявшую лапу щенка. Мы пришли на помощь и общими усилиями освободили палец.

Я решил «поговорить» с Джипси.

— Джипси! — Как трудно выдержать взгляд этих глаз! — Ты не умеешь говорить? Хочешь, я буду учить тебя?

Джипси быстро закивал головою, и мне показалось, что в глазах его сверкнула радость. Собака подлетела ко мне и лизнула мою руку.

— Это значит, что он очень доволен. Я вижу, вы будете с ним друзьями, — сказал Фалеев. — Ну, так как же, товарищ Артемьев, где вы намерены работать? В лаборатории физиологии растений или здесь?

— Пусть решит Шлыков, — сказал я. — А пока мне придется поработать в оранжерее. До свиданья, товарищ Фалеев! До свиданья, Джипси!..

Остаток дня я провел в оранжерее. Крамер находился в мрачном настроении и со мною не разговаривал. Он молча возился возле кустов клубники. Когда Зорина подлетала ко мне с каким-нибудь вопросом, Крамер угрюмо следил за нею и за каждым моим движением. Тяжело работать в такой обстановке! Я решил просить Шлыкова перевести меня в лабораторию физиологии животных.

Когда я сообщил свою просьбу Шлыкову, он очень обрадовался.

— Я решил значительно увеличить штат зоолаборатории, — сказал он. — В оранжерею я направлю новых работников, которые сегодня прибывают с Земли. А вы отправляйтесь к Фалееву. Не понимаю, что с ним стало? С каждым

днем он становится все более бестолковым и рассеянным. С ним происходит что-то неладное.

— На мой взгляд, не только с ним одним, — заметил я.

— А с кем еще? — спросил Шлыков, приподнимаясь на своей кушетке.

— С Крамером. Это был первый человек, с которым я познакомился на Кэце. Тогда он был совершенно иным. Теперь же я не узнаю его. Он стал раздражителен, подозрителен, неуравновешен. Мне кажется, его психика не в порядке, — сказал я.

— Не знаю... Я редко вижу его. Но если вы это находите, надо будет показать его Меллер. К Фалееву я перевожу и новую сотрудницу — Зорину.

— Зорину? — воскликнул я.

— А почему бы и нет? Вы имеете что-нибудь против нее?

— Против нее нет, ничего не имею, — ответил я. — Но, мне кажется, Крамер почувствовал недоброжелательство ко мне именно из-за этой девушки. И если она будет работать в одной лаборатории со мной...

— Ах, вот в чем дело! — рассмеялся Шлыков. — На Звезде Кэц родилась ревность. Тогда понятно, почему Крамер вдруг стал неуравновешенным. Но на это не стоит обращать внимания.

Что мне оставалось делать? И я рассказал Шлыкову, что дело здесь не только в Зориной, что Крамер подозревает меня в намерении похитить и присвоить открытия самого Шлыкова, и при этом он беспричинно хохочет... Но Шлыков сказал, что все это проистекает из одного — ревности Крамера. Я решил подождать и посмотреть, как будет вести себя Крамер дальше.

18. НОВЫЙ ДРУГ

Началась трудовая жизнь.

Я с увлечением работал в лаборатории.

Вечерами и в выходные дни мы развлекались в клубе, в общественном саду, в кинотеатре, в гимнастическом зале. Молодежь устраивала «шарады». Делали «верблюда» из

трех человек, покрытых скатертью. Зорина вскакивала на верблюда и, погоняя, неслась по коридору. Словом, забавлялись, как дети. «Старики» не отставали от «молодежи».

Один Крамер вел себя по-прежнему странно. Он то хохотал как сумасшедший, то вдруг погружался в глубокую задумчивость. Нет, это не только ревность. Меня он оставил в покое, но продолжал следить за каждым моим шагом.

Я познакомился со многими кэцовцами и даже приобрел друзей. Я все больше входил во вкус «небесного» житья-бытья и тосковал только о Тоне.

Изредка я говорил с нею по телефону. Она сообщала мне, что чернобородый все еще витает где-то между Марсом и Юпитером, в кольце астероидов, но скоро прилетит на Кэц и что она сделала какое-то очередное «поразительное открытие».

Мои новые друзья познакомили меня с небесной колонией. Молодой инженер Карибаев приглашал посетить завод, на котором он работал.

— Замечательное сооружение, — говорил он с небольшим акцентом. — Целая планетка. Шар. Большой шар! Только мы живем не на поверхности, а внутри шара. В диаметре он в два километра. Шар медленно вращается. От вращения получается сила тяжести — одна сотая земной. Слабая тяжесть помогла нам поставить самые сложные производства. У нас законы рычага, жидких тел и газов не осложняются весом. Звуки и вообще разные колебания распространяются, как на Земле. Барометр, правда, не работает, но он нам и не нужен. Часы, весы — пружинные. Массу можно определить и на центробежной машине. Магнитные, электрические и другие силы действуют яснее, чем на Земле. Для процессов штамповочных машин сила тяжести не нужна. Топок с жидким и твердым горючим мы избегаем. Для выработки электрической энергии мы используем Солнце при помощи самых разнообразных машин.

Представьте себе два цилиндра. Один цилиндр в тени, другой освещен Солнцем. Солнечная теплота превращает

заключенную в цилиндре жидкость в пар. Пар бежит по трубе и вращает турбину. Затем пар попадает в холодный цилиндр, который стоит в тени, и охлаждается. Когда вся жидкость из горячего цилиндра переходит в виде пара в холодный, цилиндры автоматически меняются местами. Тот, который служил холодильником, становится паровым котлом, и наоборот. Разница температур между освещенной Солнцем стороной и теневой огромная. Машина работает автоматически и безотказно. Это почти «вечный двигатель», если не считать износа трущихся частей.

Другая солнечная установка имеет вид большого шара с маленьким отверстием. Шар внутри черный. Сквозь маленькое отверстие в шар попадает собранный зеркалом луч Солнца и нагревает внутреннюю поверхность шара. Это тепло мы можем применять и для двигателя, и для своих металлургических работ. Мы легко получаем шесть тысяч градусов тепла, то есть столько же, как на поверхности Солнца. Вы видели, когда летали на Луну, наш шар-завод?

— Видел, — ответил я. — Он похож на маленькую планетку.

— А позади шара заметили огромный квадрат, который закрывает часть звездного неба?

— Не обратил внимания.

— Возможно, что вы пролетели с другой стороны и «квадрат» стоял ребром к вам. Когда он освещен Солнцем, то далеко виден, как необычайная «квадратная луна». Это фотоэлемент. Тончайший медный лист в десять тысяч квадратных метров, покрытый окисью меди. От него идут невидимые издали тонкие провода. Над ним помещается еще более грандиозное сооружение, похожее на радиатор парового отопления. Термоэлектрическая установка. Металлические трубки из разного металла, спаянные посредине. При нагревании Солнцем места спая получается электрический ток.

Словом, мы имеем энергию в неограниченном количестве. Специальные металлообрабатывающие машины нетрудно было создать. Ковка, конечно, не может быть у нас

применена. Молотки ничего не весят. Но ковку прекрасно можно заменить штамповкой, прессами. И поэтому на наших фабриках и заводах полное отсутствие дыма, копоти, грязи. Чистота, тишина, отличный воздух. Передвижение огромных тяжестей дается легко. Наши ловцы метеоров собрали тысячи тонн железа, меди, свинца, олова, иридия, платины, хрома, вольфрама, которые «висят» за шаром «на дворе». Нужную нам глыбу мы притягиваем на завод тончайшими проволоками. Так просто устроен наш «внутризаводской транспорт». Иногда мы пользуемся и небольшими ракетами, «безвоздушными ракетокарами», заменяющими электрокары. Преимущественно мы применяем электросварку, но и иногда непосредственную «солнцесварку». Если вы хоть немного интересуетесь техникой, непременно побывайте на нашем заводе... Кстати, где вы были сегодня в двенадцать часов утра по нашему счету времени?

— Кажется, в оранжерее или в лаборатории.

— Тревогу слышали?

— Нет.

— Ну, значит, в это время вы были в лаборатории, отдаленной от Кэца. Иначе не могли бы не слышать. Сирена гудела и завывала как бешеная. Я в это время был у Пархоменко. Посмотрели бы вы, какая суета поднялась на Звезде!

— Чем же была вызвана тревога?

— Редчайшим случаем, первым в летописи Звезды. Маленький метеор, быть может, величиною немного более песчинки, пронизал насквозь нашу Звезду, пробив по пути листья растений и плечо одной нашей сотрудницы. Метеор был ничтожно мал. Об этом можно судить по тому, что образованная им в оболочке Кэц скважина сама собой запаялась, вначале расплавившись от удара. Но Горева, сквозь комбинезон и плечо которой прошел небесный гость, говорила, что видела вспышку и слышала треск, как от молнии. Сейчас же была объявлена тревога. Ведь метеор мог пробить большое отверстие в оболочке. Газ начал бы выходить, и мировой холод проник бы в ракету. Вот поэтому наша ракета разделена на глухие отсеки. Двери моментально

герметически закрываются, и утечки атмосферы из других отделений ракеты не происходит. В отделение, где случается авария, направляются рабочие в скафандрах. Горева успела выскочить из своей комнаты прежде, чем двери автоматически захлопнулись. На всякий случай у нас, впрочем, имеются ключи. Они дают возможность открыть дверь и выбежать, если она автоматически уже закрылась. Несмотря на переполох, все шло, в общем, очень дисциплинированно и четко. Меллер осмотрела ранку Горевой и заявила, что никогда не приходилось ей видеть столь «стерильной» раны. Впрочем, едва ли можно назвать раной отверстие немногим больше булавочного укола. Эта «сквозная рана» не потребовала даже перевязки. Однако я заболтался, — сказал инженер, взглянув на ручные часы. — Так я вас жду!

Я обещал, что побываю на заводе непременно. Но обещанию этому не суждено было осуществиться. Иные события отвлекли меня.

Я почти переселился в зоолабораторию, часто даже не являлся обедать в Кэц: переодевания в «водолазный» костюм, атмосферные камеры — все это отнимало немало времени, а я дорожил каждой минутой. Ведь одна минута в этой лаборатории давала больше, чем многие часы на Земле, — так быстро протекали здесь при опытах различные биологические процессы. Мутация мух-дрозофил происходила буквально на моих глазах. Я поражался разнообразию все новых и новых разновидностей. Я весь был поглощен исследованием законов, которые управляют всеми этими изменениями. Понять их — значит найти новое могучее орудие произвольного управления развитием и ростом животных. Я изучал ядра клеток и находящиеся в них хромосомы — носители наследственных признаков, — изучал хромосомные наборы или комплекты. Я уже мог безошибочно получать у дрозофил потомство «заказанного» пола и роста.

Какие перспективы развития земного животноводства! Правда, там нет космических лучей такой интенсивности,

какая существует здесь. Но на Земле уже открыли способы искусственного получения космических лучей. Там это еще слишком дорогое удовольствие, но опыты можно производить здесь, а результаты сообщать на Землю. И на Земле в особых камерах станут подвергать искусственному космическому облучению животных, для того чтобы наверняка получать желаемый результат. В стаде мы сможем получать столько коров и столько быков, сколько нам нужно, а не сколько желает природа. Мы по заказу сможем получать животных-гигантов. Слоноподобная корова каждый день дает десятки ведер молока. Разве это не заманчивая задача?

За работой я не забывал Джипси. Он решительно привязался ко мне и не отлетал ни на шаг. С ним было не скучно. Правда, нелегко было привыкнуть к его внешности и небывалой натуре. Но я привык, и впечатление его уродства сгладилось. Даже глаза самого Джипси повеселели.

Ведь люди не всегда вежливы со своими четвероногими друзьями. Особенно этот Крамер. «Ну ты, лысый баран! — грубо приветствовал он Джипси, встречаясь с ним. — Не подходи!» — и грозил кулаком. Понятно, что Джипси терпеть его не мог.

Обучение Джипси «говорить» сводилось к созданию «условного языка». Мне приходилось запоминать те звуки, которые издавал Джипси по тому или иному поводу. Звуки эти мало походили на членораздельную речь, но все же они отличались друг от друга. Джипси сам стал помогать мне, обращая внимание на интонацию, силу тона, паузы. Так постепенно мы начали довольно свободно изъясняться друг с другом. Неудобство было только в том, что Джипси все же оставался «иностранцем», которого мог понять один я. Тем больше он ценил и любил меня. Он часто лизал мне руки — это собачье выражение ласки у него осталось. Да и как иначе он мог проявить свои нежные чувства?

Забавно было смотреть на Джипси, когда он с величайшей заботливостью и терпением обучал молодых щенят

двигаться, «летать» в невесомом пространстве. Жаль, что эти картины не были засняты на кинопленку!

Глядя на него, я думал: как плохо мы еще используем животных для служения человеку! Джипси с его перепончатыми лапами мало приспособлен для движения по Земле. Его мышцы и скелет, вероятно, ослаблены. Но ничего нет проще создать здесь тип высокоразвитой собаки, годной для земных условий. Нужно только выращивать этих собак при искусственной силе тяжести. Развитие же их мозга при влиянии интенсивнейших космических лучей идет здесь гораздо быстрее, чем на Земле. Я заметил у Джипси необычайно тонкий нюх и слух. Он мог бы быть не только прекрасным сторожем, который при случае может зажечь сигнальные огни, позвонить в звонок, вызвать лаем по телефону, но и своего рода живым реактивом на производстве. Он чувствует малейшие изменения запаха, температуры, звука, цвета и тотчас может подать сигнал. Это, конечно, идеально делают и наши автоматы. Но Джипси не автомат, и он может больше: не только «отмечать», но и изменять направление работы при помощи тех же автоматов.

Он очень любил, когда я посылал его с разными поручениями, и исполнял их почти всегда безошибочно. Если он не понимал меня, то мотал головой. «Да» и «нет» он уже передавал звуками «ввa», «ввэ».

Его преданность была безгранична. Однажды в нашу лабораторию прилетел служащий, недавно прибывший с Земли, и неумело замахал предо мною веерами. Джипси вообразил, что новый человек хотел ударить меня, он буквально налетел на него и отбросил далеко в сторону. Несчастный едва не умер от страха, увидев такое кошмарное чудовище.

Мне будет нелегко расстаться с Джипси, а взять его на Землю невозможно. Там он чувствовал бы себя отвратительно.

Словом, я был очень доволен Джипси. Зато Фалеев приводил меня все в большее недоумение. Этот человек поразительно изменялся у меня на глазах. Он становился все

бестолковее. Иногда, не понимая простых вещей, он долго «висел» передо мною. Работа у него совсем не ладилась. Он все забывал, делал массу ошибок. Даже внешне он как-то опустился, оброс бородой, редко менял костюм, в ванну мне приходилось тащить его чуть не насильно. Самое же удивительное — он начал изменяться физически. Я долго не верил своим глазам, но в конце концов убедился, что он становится все выше, длиннее... Лицо его тоже удлинялось. Нижняя челюсть выдавалась все больше. Пальцы на ногах и руках вытягивались, хрящи и кости утолщались. Словом, с ним происходило то, что происходит с человеком, заболевшим акромегалией. Однажды я подвел его к зеркалу, в которое он, вероятно, не заглядывал уже месяц, и сказал:

— Посмотрите, на кого вы стали похожи!

Он долго смотрел в зеркало, потом спросил:

— Кто это?

Совсем не в себе человек!

— Разумеется, вы.

— Не узнаю, — сказал Фалеев. — Неужели это я? Страшнее Джипси. — Он сказал это совершенно равнодушным тоном и, отойдя от зеркала, тотчас заговорил о другом.

Нет, этого человека надо лечить, и лечить немедленно.

Я решил в тот же день слетать на Кэц и обо всем сообщить Меллер.

Но в этот день произошло еще одно событие, которое заставило меня сделать доклад Меллер уже не об одном больном, а о двух.

19. СТРАННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Наши пружинные часы (часы с маятником не работают в мире невесомости) показывали уже около шести вечера. Фалеев улетел на Звезду Кэц, Зорина еще оставалась в зоолаборатории. Эта девушка увлекалась работой не меньше меня и часто засиживалась здесь до ужина. Всегда веселая, жизнерадостная, радушная, она была не только прекрасным работником, но и отличным товарищем.

Она часто обращалась ко мне с различными научными вопросами, и я охотно давал разъяснения.

Так было и на этот раз.

Вера Зорина изучала влияние холода на рост шерсти. Подопытное животное находилось в особой камере с довольно низкой температурой, и работать там приходилось в теплом костюме. Эта камера помещалась в конце нашей трубообразной лаборатории.

Я сидел один у стеклянного ящика, рассматривая чудовищную дрозофилу величиною с голубя. Несмотря на такой рост, крылья у мухи были не больше пчелиных. Так как эти крылья почти не помогали ей во время полета, то она предпочитала быстро лазить по стенкам своего стеклянного домика. Но эта гигантская муха уже не была бесполым существом. Дрозофила была самка — по моему заказу. Размышляя о последствиях своего успеха, я не сразу заметил, как ко мне полетел Джипси и начал изъясняться на своем собачьем языке. Потом я понял: меня просит к себе Зорина.

Я поднялся, Джипси полетел вперед, махая своими перепончатыми лапами, я за ним. Долетев до конца лаборатории, я надел теплый костюм и «вошел» в камеру. Под потолком «парил» баран. У него была такая длинная шерсть, что ног совершенно не было видно. Я пощупал мягкое шелковистое руно. Поистине золотое руно! Шерсть окружала барана, как облако.

— Недурно! — сказал я. — Вы делаете успехи.

— И представьте, — обрадовалась Зорина, — совсем недавно я стригла барана. Вот шерсть опять отросла, и даже длиннее прежнего. Но она стала несколько жестче. Это озаботило меня.

— Что вы, шелк не может быть мягче, — возразил я.

— Но паутина тоньше шелка, — в свою очередь возразила Зорина. — Вот попробуйте снятое руно. — И она подала мне клок белоснежной шерсти, легкой, как газ.

Зорина права: снятая шерсть была тоньше.

— Неужели после стрижки шерсть становится грубее? — спросила меня девушка.

Я не мог ответить сразу.

— Холодно здесь, — заметил я. — Выйдемте отсюда и побеседуем.

Мы перешли из камеры в лабораторию, сняли шубы и, «повесив их на воздух» рядом с собой, начали разговор. В окно заглядывало синее Солнце. Где-то внизу висел гигантский месяц Земли. Брильянтовой россыпью светился Млечный Путь. Белели пятнышки туманности. Знакомая, уже привычная картина... Зорина слушала меня, зацепившись пальцем ноги за ремешок в «потолке». Я, обняв Джипси за голову, примостился возле самого окна.

Вдруг Джипси тревожно проворчал: «Кгмррр...» В этот же момент я услышал голос Крамера:

— Небесная идиллия! Дуэт на Звезде!

Я переглянулся с Зориной. Ее брови нахмурились. Джипси снова заворчал, но я успокоил его. Крамер, махая веером правой руки, делал медленные круги в воздухе, приближаясь к нам.

— Мне надо поговорить с Верой! — сказал он, остановившись и глядя на меня в упор.

— Я вам мешаю? — спросил я.

— Надо самому быть догадливым, — злобно ответил Крамер. — С вами у меня будет разговор попозже.

Я резко оттолкнулся ногой от стенки и полетел в противоположный конец лаборатории.

— Куда же вы, Артемьев? — услышал я за собой голос Зориной.

Оглянувшись на полдороге, я увидел, что Джипси колеблется — лететь ли за мной или оставаться с девушкой, которую он любил не меньше меня.

— Идем, Джипси! — крикнул я.

Но Джипси, в первый раз за все время, не исполнил моего приказания. Он ответил мне, что останется с Зориной и будет охранять ее. Этот ответ Крамер, конечно, не понял. Для него «слова» Джипси были набором ворчанья, лая и чавканья челюстями. Тем лучше!

Я полетел к камере дрозофил и остановился, прислушиваясь к тому, что делается в другом конце лаборатории. Странный вид Крамера и поведение собаки, почувствовавшей опасность, настроили меня тревожно.

Но все было тихо. Джипси не ворчал, не лаял. И голоса Крамера не было слышно. Наверное, он говорил очень тихо. Атмосфера в нашей лаборатории не так плотна, как на Земле, и потому звуки приглушены. Прошло минуты две в напряженном ожидании. И вдруг до меня долетел неистовый призывный лай Джипси. Потом он умолк, и только слышалось глухое ворчанье.

Я рванулся и полетел обратно, хватаясь на лету за выступы перегородок и этим нагоняя скорость.

Ужасная картина представилась моим глазам.

Крамер душил Зорину. Вера старалась разжать его руки, но ей это не удавалось. Джипси вцепился зубами Крамеру в плечо. И тот, пытаясь освободиться от собаки, делал резкие движения всем телом. Джипси отчаянно махал лапами. И все трое вертелись посреди лаборатории, как клубок.

Я с налету врезался в группу сплетенных тел и схватил Крамера за горло. Больше мне ничего не оставалось делать.

— Джипси! Вызывай на помощь! Звонок! Телефон! — крикнул я.

Крамер хрипел, но не выпускал шеи Зориной. Его руки словно окостенели. Лицо было искажено, глаза безумны.

Джипси помчался к звонковому нумератору и нажал кнопку «тревоги». Затем вновь вернулся ко мне и вцепился Крамеру в нос. Крамер закричал и отпустил руки. Джипси тотчас же разжал челюсти.

Но нам еще рано было праздновать победу. Правда, мне удалось оттолкнуть Веру подальше от Крамера. Но в следующий момент он сильно ударил Джипси в его курносое «лицо» и набросился на меня. Началась необычайная борьба. Я отчаянно махал крыльями, чтобы увернуться от Крамера. Однако мой противник, более привычный к движениям в невесомом пространстве, быстро изменял положение и неожиданно оказывался возле моей головы. Тогда

Джипси бросался между нами, угрожая снова вцепиться в лицо Крамера.

Крамер неистово наносил мне удары кулаками и ногами. Но, на мое счастье, кулаки врага не имели ни малейшего веса. И я чувствовал удар только тогда, когда Крамер налетал на меня, оттолкнувшись от стены.

Наконец ему удалось схватить меня сзади, и его руки стали подбираться к моей шее. Тут Джипси повис на кисти его правой руки. Крамеру пришлось освободить левую, чтобы отбросить собаку, но в это время к нашей свалке присоединилась Вера. Она ухватила Крамера за ноги.

— Оставьте, Крамер! Вам не справиться одному с троими! — уговаривал я его.

Но он был как бешеный.

В лаборатории послышались голоса людей, и вскоре пять юношей растащили нас. Крамер продолжал драться, вырываться и неистово кричать. Пришлось четверым держать его, а одному слетать за веревкой на наш небольшой склад. Крамера связали.

— Сбросьте меня в безвоздушное пространство! — прохрипел он.

— Какой позор! — сказал один из прибывших. — Никогда еще подобного не было на Кэц!

— Наш директор, товарищ Пархоменко, имеет и судебные полномочия. Я думаю, этот первый хулиганский поступок будет и последним, — сказал другой.

— Не судите его раньше времени, товарищи, — примирительно сказал я. — Мне кажется, что Крамера надо не судить, а лечить. Он болен.

Крамер стиснул зубы и замолчал.

Опасаясь, что он снова начнет драться, его так и одели в «водолазный» костюм связанным по рукам и ногам и доставили на Кэц как груз. Мы с Зориной также последовали туда. В лаборатории оставили только одного дежурного и Джипси.

Когда мы прибыли на Кэц, я настоял на том, чтобы Крамера немедленно показали Меллер. Я рассказал ей о его

поведении с начала моего знакомства с ним вплоть до последнего его поступка. И помянул также о том, что и Фалеев, по моему мнению, заболел и телесно и психически и что, быть может, причина их болезни одна и та же.

Меллер внимательно выслушала меня и сказала:

— Да, это весьма вероятно. Условия на Звезде слишком необычны. У нас уже были случаи острого помешательства. Один из первых «небесных переселенцев» вообразил, что он «на том свете». Можете представить себе, какие пережитки еще существуют в нашей психике!

Она потребовала, чтобы к ней привели Крамера, а затем Фалеева.

Крамер не отвечал на вопросы, был угрюм и только один раз повторил свою фразу:

— Сбросьте меня в безвоздушное пространство.

Фалеев проявлял «тихое недоумение», как в шутку выразилась Меллер. Из ответов Фалеева она все же, видимо, сделала кое-какие заключения. И когда обоих увели, она сказала:

— Вы совершенно правы. Они оба больны, и серьезно больны. О суде над Крамером не может быть и речи. Его нужно только пожалеть. Это жертва научного долга. Но как же вы, биолог, не догадались о причине?

— Я здесь недавний гость, и я не медик... — смущенно ответил я.

— А между тем вы легко могли бы догадаться. Впрочем, и я, старая кочерыжка, не лучше вас. Тоже прозевала... Все дело в космических лучах! Вы подумайте. Уже на высоте каких-нибудь двадцати трех километров от поверхности Земли сила космического излучения в триста раз больше, чем на Земле. Через земную атмосферу до поверхности Земли проникает только ничтожное количество этих лучей. Мы же находимся за границей атмосферы и подвергаемся длительному действию космических лучей, в тысячу раз большему, чем на Земле...

— Позвольте, — перебил я. — Но ведь тогда все жители

Кэц должны были бы перебеситься или выродиться в уродов. Однако этого не происходит.

Меллер укоризненно покачала головой.

— И вы все еще не понимаете! Этим мы обязаны строителям Кэц. Хотя и существовало мнение, что космические лучи опасности не представляют, но строители Кэц все же создали в оболочках наших небесных жилищ изоляционные слои, которые предохраняют от действия самых сильных космических излучений. Понятно?

— Я не знал этого...

— А вот часть лабораторий — физиологии растений и зоолаборатория — были созданы так, чтобы пропускать максимальное количество космических лучей. Мы должны были определить, как воздействуют они на организм животных и растений. Ведь все ваши опыты с дрозофилами и более крупными животными на чем основаны? Все эти мутации откуда происходят? От действия космических лучей. Вы это знаете?

— Я это знаю. И теперь понял...

— Наконец-то. Дрозофилы изменяются; из собак, козлов, баранов невесть какие чудища получаются. А вы сами что — из другого теста? На них действует, на вас не действует? И ведь я же знала это! Знала и предупреждала. А меня вот такие биологи, как вы, уговаривали: ничего опасного! Ну и довели одного до сумасшествия, другого до уродства. Космические лучи оказывали действие на железы, железы влияли на физиологические и психические функции. Это ясно... У Фалеева акромегалия. С этой болезнью мы скоро справимся. А с Крамером придется повозиться. Да если и вы, друг мой, проработали бы в такой лаборатории года два, то, наверное, и с вами случилась бы такая же неприятная история.

— Но что же теперь делать? Я не могу оставить работу.

— Вы и не оставляйте. Придумаем что-нибудь. Работают же рентгенологи, радиологи с опасными лучами, надо только умело изолировать себя. Изоляционные шлемы с козырьком, изоляционная одежда. Подопытные животные

могут находиться под непосредственным действием лучей, научные же сотрудники — под «крышей», не пропускающей космический «дождь». И выходить под такой «ливень» в опытную камеру можно только с «зонтиком». Я сделаю распоряжение, и наши инженеры устроят все нужное.

20. ЧЕРНОБОРОДЫЙ ЕВГЕНЬЕВ-ПАЛЕЙ

Прошло восемь месяцев с тех пор, как я оставил Землю.

Звезда Кэц готовилась к празднику. Здесь каждый год с большой торжественностью празднуется день основания Звезды. Старожилы рассказывали мне, что к этому дню на Звезду Кэц слетаются все небесные колонисты, где бы они ни были. Делают доклады, выслушивают отчеты о годовой работе, сообщают о своих достижениях, делятся опытом, строят планы на будущее. В этом году готовился особенно торжественный праздник. Я ожидал его с большим нетерпением: я знал, что увижу наконец не только Тоню, но и неуловимого чернобородого.

На Звезде уже начались подготовительные работы. Из оранжереи приносили вьющиеся растения, цветы и декорировали главный зал. Художники рисовали плакаты, портреты, диаграммы, музыканты разучивали новые песни и кантаты, артисты репетировали пьесу, руководители научной работы составляли доклады.

Весело было летать по «вечерам» вдоль озелененного «тоннеля», украшенного разноцветными лампами. Всюду была предпраздничная суета, слышались пение, музыка, молодые голоса. Каждый день появлялись новые лица. Преобладала молодежь. Знакомые встречали друг друга шумными приветствиями и оживленно делились впечатлениями.

— Ты откуда?

— С пояса астероидов.

— На кольце Сатурна был?

— Как же!

— Расскажи! Расскажи! — слышались голоса.

Вокруг рассказчика немедленно образовывалась плотная группа, вернее рой: тяжесть была ничтожна, и многие слушатели летали над головой рассказчика.

— Кольцо Сатурна, как вы знаете, представляет собой мириады летящих в одном направлении осколков. Это, вероятно, остатки разорвавшейся на части планетки — спутника Сатурна. Есть совсем небольшие камешки, есть огромные глыбы и целые горы.

— А можно ходить по кольцу, перескакивая с камня на камень? — спросил кто-то.

— Конечно, можно, — смеясь ответил рассказчик, и нельзя было понять, говорит ли он правду или шутит. — Я так и делал. Некоторые осколки действительно летят так близко, что можно перешагнуть с одного на другой. Но, вообще говоря, расстояния между ними не так уж малы. Однако при помощи наших портативных ракет мы легко перелетали с осколка на осколок. Вот где богатство, товарищи! Некоторые куски состояли из сплошного золота, некоторые — из серебра, но большинство было из железняка.

— И ты, конечно, привез золото?

— Образцы привезли. Кольца Сатурна хватит нам на сотни лет. Мы будем извлекать камень за камнем из этого чудесного ожерелья. Сначала мелкие камни, а затем возьмемся и за большие.

— И Сатурн лишится своего прекрасного украшения. Это все-таки жалко, — сказал кто-то.

— Да, признаюсь, зрелище эффектное. Подлетая к кольцу в одной плоскости с ним, видишь только его ребро — тонкую светящуюся линию, которая прорезает также светящуюся планету. Если смотришь сверху, видишь сияющее кольцо необычайной красоты. Сбоку — золотую дугу, опоясывающую полнеба, то правильную, то вытянутую эллипсисом или даже параболой. Прибавьте к этому десять лун-спутников, и вы представите себе, какое поразительное зрелище ожидает путешественника.

— А на Сатурн не спускались?

— Нет, это мы тебе оставили, — сказал рассказчик. Все

рассмеялись. — Вот на Фебе были, на Япете были. Маленькие луны, лишенные атмосферы, и больше ничего. Но вид неба отовсюду изумительный.

— Словом, мы изучили стратосферу, как атмосферу собственной комнаты. Для нас больше нет тайн... — послышался голос аэролога, пролетавшего мимо рука об руку с моим знакомым Соколовским.

Я помахал рукой геологу и вдруг увидел Тюрина. Он осторожно ступал по полу рядом с директором Пархоменко и что-то говорил о движении. Уж не собирается ли он сделать доклад о своей философии движения?..

Пархоменко подошел к Зориной. Не первый раз я встречаю директора вместе с этой девушкой. Хорошо, что Крамер не видит. Он, бедняга, все еще сидит в изоляторе. Тюрин, с классической рассеянностью ученого, даже не заметил, что потерял своего спутника, и медленно пошел дальше, разглагольствуя:

— Движение — благо, неподвижность — зло. Движение — добро, неподвижность...

Звуки оркестра заглушили речь проповедника новой философии.

Я облетел весь главный коридор, заглянул в огромный зал, в столовую, на «стадион», в бассейн. Всюду порхающие, скачущие, лазящие люди. Всюду звонкие голоса и смех. Но среди них нет Тони... Мне стало тоскливо, и я отправился в зоолабораторию побеседовать со своим четвероногим другом...

Наконец настал день праздника. Для того чтобы многочисленные колонисты могли расположиться удобнее, силу тяжести на Звезде почти совершенно уничтожили. И собравшиеся разместились равномерно по всему пространству. Они облепили стены, наполняя зал, как мухи-дрозофилы стеклянную коробку.

В конце коридора была сооружена «эстрада». За нею помещался художественно исполненный светящийся транспарант. На нем была изображена наша Земля, над нею — Звезда Кэц, еще выше — Луна. В большом овальном отвер-

стии транспаранта виднелась платиновая статуя Константина Эдуардовича Циолковского. Он был изображен в своей любимой рабочей позе: положив дощечку с бумагой на колени. В правой руке его был карандаш. Великий изобретатель, указавший людям путь к звездам, как будто прервал свою работу, прислушиваясь к тому, что будут говорить ораторы. Художник-скульптор передал с необыкновенной выразительностью напряжение лица глуховатого старца и радостную улыбку человека, «не прожившего даром» свою долгую жизнь. Эта серебристо-матовая статуя, эффектно освещенная, оставляла незабываемое впечатление.

Стол президиума заменяло висящее в воздухе золотое кольцо. Оно напоминало «новоземие». Вокруг этого кольца, придерживаясь за него руками, расположились члены президиума. В центре появился директор Пархоменко. Зал приветствовал его возгласами и аплодисментами.

Я почувствовал, что кто-то прикоснулся к моей руке. Я обернулся — Тоня!

— Ты!.. — только и мог воскликнуть я. Так, неожиданно для себя, я стал называть Тоню на «ты».

Вопреки правилам Кэц, мы крепко пожали друг другу руки.

— Работа задержала! — сказала Тоня. — Я сделала еще одно открытие. Очень полезное здесь, но, к сожалению, очень мало применимое на Земле... Помнишь тот случай, когда маленький астероид едва не вызвал катастрофу, пронизав наше жилище? Это убедило меня в том, что как ни маловероятны такие случаи с точки зрения вероятности, но они все же случаются. И вот я изобрела...

— Значит, не открытие, а изобретение?

— Да, изобретение. Я изобрела аппарат, который реагирует на приближение даже малейших астероидов и автоматически заблаговременно отодвигает Звезду с их пути.

— Вроде радиоаппаратов, предупреждающих о появлении на пути корабля айсбергов?

— Да, с тою только разницей, что мой аппарат не только предупреждает, но и отодвигает наш «корабль» в сторону.

Я после расскажу тебе подробнее... Пархоменко уже начинает свой доклад.

Все стихло.

Директор поздравил собравшихся с «успешным окончанием звездного года». Взрыв аплодисментов, и снова тишина.

Потом он, подводя итоги, говорил, что Звезда Кэц, детище Земли, «начинает возвращать долг своей матери». Он говорил, что у кэцовцев есть огромные достижения, что они своими трудами в области астрономии, аэрологии, геологии, физики, биологии обогатили все человечество. Сколько сделано крупнейших научных открытий, сколько разрешено не разрешимых на Земле задач! Необычно ценные открытия сделал, например, Тюрин. Его «Строение Космоса» войдет в историю науки как классический труд, создающий эпоху. Его имя становится в ряд имен таких титанов науки, как Ньютон и Галилей.

Высокую оценку получили и работы аэролога Кистенко, геолога Соколовского, «выдающегося изобретателя и экспериментатора товарища Герасимовой», упомянуты были мои скромные труды, как мне кажется, не в меру оцененные.

— Истинным героем — завоевателем небесных пространств проявил себя товарищ Евгеньев, — сказал Пархоменко и начал аплодировать кому-то позади себя.

Евгеньев! Чернобородый! Я вытягиваю шею, чтобы разглядеть его, но герой скрывается. Он не вышел даже на аплодисменты.

— Он, товарищи, скромничает, — говорит Пархоменко. — Но мы заставим его сделать доклад о своих необычайных приключениях в поясе астероидов. Начальник экспедиции должен отчитаться перед нами.

Евгеньев наконец показался в кольце. Я сразу узнал его.

— А ты бы узнала? — спросил я Тоню.

Тоня улыбнулась.

— Среди безбородых — да, но среди таких же борода-

тых, как он, едва ли. Я ведь его только мельком видела, когда он ехал на аэродром.

Евгеньев заговорил. При первых же его словах Тоня вдруг сильно побледнела.

— Что с тобой? — испуганно воскликнул я.

— Да ведь это же Палей! Его голос... Но как он изменился! Палей-Евгеньев... ничего не понимаю!

Я, вероятно, побледнел не меньше Тони: так взволновала меня эта новость.

— Как только он кончит речь, пойдем к нему! — сказала Тоня решительным тоном.

— Может быть, тебе удобнее одной? Вам много о чем надо поговорить.

— У нас нет тайн, — ответила Тоня. — Так лучше. Идем!

И как только овации умолкли и чернобородый отошел от «стола», Тоня и я направились к нему.

Торжественная часть заседания оканчивалась. «Рой мух» пришел в движение. Играл оркестр. Все пели хором «Звездный гимн». Начинался карнавал цветов.

С трудом пробираясь через толпу, мы наконец приблизились к Палею. Увидев Тоню, он заулыбался и крикнул:

— Нина! Товарищ Артемьев! Здравствуйте!

— Идем куда-нибудь в тихий уголок. Мне нужно поговорить с тобой, — сказала Тоня Палею и схватила плававший в воздухе букет душистых фиалок.

— И мне тоже, — ответил Палей.

Мы отправились в отдаленный угол зала, но и там было слишком шумно. Тоня предложила перейти в библиотеку.

Палей-Евгеньев был в отличном настроении. Он предложил нам «усесться» на стулья, хотя они нисколько не поддерживали нас. Сам он с необычайной скоростью и ловкостью подставил под себя стул, витавший в воздухе, и, придерживая его ногами, «уселся». Мы последовали его примеру далеко не с такой ловкостью. Тоня оказалась повернутой набок — Палей поставил ее стул рядом с собою. Я висел вниз головой по отношению к ним, но не хотел ме-

нять своего положения, чтобы не вызвать смеха Палея неумелыми движениями.

— Так оригинальнее, — сказал я.

Некоторое время мы молчали. Несмотря на всю внешнюю веселость, Палей волновался. Тоня тоже не скрывала волнения. Что же касается меня, то мое положение было совсем неловким. Право, я охотно улетел бы, как ни хотелось мне послушать, о чем они будут говорить. Я почувствовал себя еще более неловко, когда Палей, кивнув на меня головой, спросил Тоню:

— Товарищ Артемьев твой жених?

Мне показалось, что я падаю. Но, к счастью, здесь люди не падают, если даже упадут в обморок. Что ответит Тоня? Я пристально посмотрел на нее.

— Да, — ответила она без колебания.

Я вздохнул свободнее и почувствовал себя тверже на «воздушном» стуле.

— Так я не ошибся, — тихо сказал Палей, и в его голосе мне почудилась грусть.

Значит, и я не ошибся, предполагая, что у них было что-то, кроме научного интереса.

— Я очень виноват перед тобой, Нина... — произнес Палей, помолчав.

Тоня утвердительно кивнула головой.

Палей взглянула на меня.

— Мы — товарищи, — сказал он, — а с товарищами можно говорить вполне откровенно. Я любил тебя, Нина... Ты это знала?

Тоня немного опустила голову.

— Нет.

— Верю. Я хорошо умел скрывать свои чувства. А ты как ко мне относилась?

— Для меня ты был другом и товарищем по работе.

Палей кивнул головой.

— И в этом я не ошибся. Ты увлекалась нашей работой. А я страдал, сильно страдал! Помнишь, с какой радостью

принял я предложение ехать на Дальний Восток? Мне казалось, что когда меня не будет возле тебя...

— Я была очень огорчена, когда наша работа прервалась на самом интересном месте. Все записи ведь вел ты. У тебя остались формулы. Без них я не могла двигаться дальше.

— И только из-за этих формул ты искала меня по земле и по небу?

— Да, — ответила Тоня.

На этот раз Палей искренне рассмеялся.

— Все, что делается, делается к лучшему. Ты не раз упрекала меня, Нина, что я человек увлекающийся. Увы! Это мой недостаток, но и мое достоинство... Без этого увлечения я не совершил бы «двенадцати подвигов Геркулеса», о которых сегодня говорил Пархоменко. Кстати, нас всех представляют к награде. Это награда за мой увлекающийся характер... Так вот, — продолжал он. — Уехал я на Дальний Восток и там... влюбился в Соню и женился на ней и уже имею прекрасную дочурку. Жена и дочь на Земле, но скоро приедут сюда.

У меня еще больше отлегло от сердца.

— Почему же ты стал Евгеньевым? Евгений Евгеньев? — спросила Тоня.

— Евгений Евгеньев — это случайность. Фамилия Сони — Евгеньева. А она у меня оригиналка. «Почему бы тебе не носить мою фамилию?» — сказала она мне перед тем, как идти в загс. «Твоя так твоя», — согласился я. Палея мне было не жалко: он человек увлекающийся. Бросает работу на самом интересном месте... Быть может, Евгеньев будет лучшим работником.

— Но почему ты не переслал мне своих записок?

— Во-первых, я был так счастлив, что забыл обо всем на свете. Во-вторых, я чувствовал себя виноватым перед тобой. После своего неожиданного отъезда я два раза был в Ленинграде. И один раз видел тебя с товарищем Артемьевым. Я слышал, как ты назвала его по фамилии. Но я сразу понял ваши отношения. В то время я работал уже в системе Кэца, новая работа совершенно захватила меня. Я весь жил

«небесными интересами». К нашей с тобой работе, признаться, потерял всякое влечение. Я помнил, что наши общие записки я должен вернуть тебе... И вот я встречаю товарища Артемьева. А надо сказать, что это случилось в очень горячее время. За час до отлета на аэродром из Ленинграда мы вдруг получили телеграмму о том, что нам необходимо закупить некоторые физические приборы, только что выпущенные ленинградскими заводами. Мы с товарищем распределили покупки, условившись встретиться на углу улицы Третьего Июля и проспекта Двадцать пятого Октября. Поэтому-то я и уехал так быстро, что не успел сообщить своего адреса. Успел только крикнуть: «Памир, Кэц!» А приехал на Памир и завертелся. Потом улетел на Звезду Кэц, отсюда — в межпланетное путешествие... Вот и весь сказ. Виноват, кругом виноват!

— Но где же, наконец, эти записки? — воскликнула Тоня.

— Только не сбрось меня, пожалуйста, со стула, а не то упаду и разобьюсь на куски, — засмеялся Палей. — Увы, увы! Тебе совсем не надо было летать на небо, чтобы получить их. Они остались в Ленинграде, в доме почти рядом с твоим, у моей сестры.

— И ты не мог даже написать об этом! — с упреком сказала Тоня.

— Повинную голову и меч не сечет, — сказал Палей-Евгеньев, подставляя Тоне свою черноволосую голову.

Тоня запустила пальцы в его густую шевелюру и, улыбаясь, потрепала его. Оба они от этого движения закружились.

— Высечь тебя надо, негодника, а не к награде представлять!

— За что высечь, а за что и наградить, — шутливо возразил Палей.

Тоня вдруг обернулась ко мне и сказала:

— Ну, что же, летим на Землю, Леня?

«Летим на Землю! Леня!» Как обрадовали бы меня эти слова несколько месяцев тому назад! Теперь же обрадова-

ло только слово «Леня». Что же касается полета на Землю, то...

— Об этом мы еще поговорим. Нельзя же так скоро. И у тебя и у меня есть незаконченные работы, — ответил я.

— Как? — удивилась она. — Теперь ты не хочешь лететь со мной на Землю?

— Хочу, Тоня. Но я накануне величайшего открытия в биологии. И закончить эту работу можно только здесь. А дело прежде всего.

Тоня посмотрела на меня так, словно видела в первый раз.

— Ты, кажется, успешно дозрел на Кэце, — сказала она не то насмешливо, не то одобрительно. — Этой твердости характера я в тебе еще не замечала. Что же, таким ты мне больше нравишься. Поступай, как хочешь. Но я здесь больше оставаться не могу. Свои работы я окончила даже с превышением плана, как говорится, а новые начинать не собираюсь. Мне необходимо окончить ту, которую я начала когда-то с Палеем.

— Да, Нина, — поддержал ее Палей. — Впрочем, кажется, ты стала Тоней, как я Евгеньевым. Все меняется! Ты должна окончить эту работу. Осталось немного. Нельзя такую проблему бросать на половине...

— А кто бросил? — спросила Тоня. — Ну, хватит счетов!.. Пойдем веселиться. Это моя последняя ночь на Звезде!

21. НАКОНЕЦ Я ВЫДЕРЖИВАЮ ХАРАКТЕР

На другой день я сидел в своей зоолаборатории и работал вместе с Зориной. Мы уже были в особых изоляционных костюмах, предохраняющих от действия космических лучей. Над нами были воздвигнуты изоляционные крыши. Только на подопытных животных космические лучи лились, как дождь.

Зорина сообщила мне, что Фалеев поправляется. Его тело и лицо принимают прежний вид. Улучшается и психи-

ческое состояние. Но с Крамером все еще плохо, хотя Меллер надеется на его поправку.

Дверь лаборатории открылась. Неожиданно появилась Тоня.

— Я улетаю, Леня! — сказала она. — Перед дорогой зашла проститься и поговорить.

Зорина, чтобы не мешать нам, удалилась в другой конец лаборатории. Тоня посмотрела ей вслед и сказала:

— Жаль, что ты не едешь.

— Ничего, наша разлука ненадолго, — сказал я. В это время к нам подлетел Джипси.

— Тоня, помнишь, я тебе рассказывал о действии космических лучей? Так вот посмотри, что они сделали с Джипси.

— Какой фантастический урод!.. — воскликнула Тоня.

Урод улыбнулся и завилял хвостом.

— Вот теперь мне кажется, что тебе опасно здесь оставаться, — сказала Тоня. — Явишься ко мне вот таким чудовищем.

— Не беспокойся. Я защищен этой одеждой и «зонтиками». Они сохранят мое тело, мой мозг и... мою любовь к тебе!

Тоня недоверчиво посмотрела на меня.

— Поступай как знаешь! — сказала она и, сердечно со мной простившись, ушла.

— Эх, Джипси, остались мы с тобой бобылями! — сказал я.

Джипси лизнул мою руку.

22. ЗЕМЛЯ И ЗВЕЗДЫ

Весна. Окна открыты. Вечерний ветер приносит запах молодых берез. Я дописал страницу рукописи и взглянул в окно. Словно зацепившись за шпиль Адмиралтейства, на небе стоит полная луна. Из репродуктора льются звуки скрипки. Все как тогда, много лет тому назад... Но теперь я смотрю на Луну иными глазами. Это уже не далекий, недоступный спутник Земли. На лунной поверхности оста-

лись следы моих ног. Они и сейчас такие свежие, как будто я только что прошел по усыпанной пеплом и космической пылью почве.

Иногда все это кажется мне сном...

Рядом с моим кабинетом кабинет Тони. Она, как и я, уже профессор.

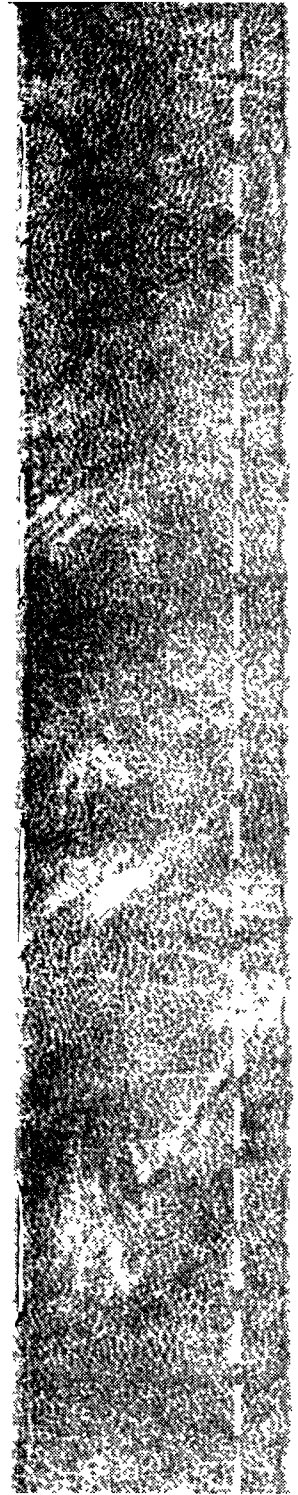
Из столовой доносится пение сына-школьника.

На ковре возле моего кресла лежит моя любимая собака — черный пудель Джипси. Я назвал его так, вспоминая о другом Джипси, которого я оставил на Звезде. Какое трогательное было расставание!

Я не прерываю связи со своими кэцовскими друзьями. Все они живы и здоровы. Зорина вышла замуж за директора Пархоменко. Выздоровевший Крамер принял это, как и полагается нормальному человеку: не слишком радостно, но не делая из этого драмы. Палей-Евгеньев работает главным инженером-конструктором и «облетчиком» ракет. Тюрин подготовляет путешествие за пределы Солнечной системы. Он решительно не хочет стариться.

Месяц тому назад я окончил большую книгу «Биологические опыты на Звезде Кэц». Материалом послужили работы Шлыкова, Крамера и мои собственные. Получилась чрезвычайно интересная книга. Она уже сдана в печать. Окончив ее, мне захотелось еще раз пережить все приключения, связанные с моей не совсем обычной женитьбой. И вот я заканчиваю и эту книгу.

...Мой сын поет «Марш Звезды Кэц». Сколько раз я рассказывал ему о своем путешествии! Теперь он только и мечтает о том, как полетит на Звезду, когда вырастет большой. И он, наверное, будет жителем звезд.

Голова профессора Доуэля

Посвящаю жене моей
Маргарите Константиновне
Беляевой

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

— Прошу садиться.

Мари Лоран опустилась в глубокое кожаное кресло.

Пока профессор Керн вскрывал конверт и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель черного дуба. Темные обои, темные драпри. В полумраке поблескивает только золото тисненых переплетов в тяжелых шкафах. Длинный маятник старинных стенных часов движется размеренно и плавно.

Переведя взгляд на Керна, Лоран невольно улыбнулась: сам профессор целиком соответствовал стилю кабинета. Будто вырубленная из дуба, тяжеловесная, суровая фигура Керна казалась частью меблировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его глаза серо-пепельного цвета, переходя со строки на строку письма. Прямоугольный нос, прямой разрез глаз, рта и квадратный, выдающийся вперед подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

«Камин украшать такой маской», — подумала Лоран.

— Коллега Сабатье говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Сорок франков в день. Расчет еженедельный. Завтрак, обед. Но я ставлю одно условие...

Побарабанив сухим пальцем по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос:

— Вы умеете молчать? Все женщины болтливы. Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это еще хуже.

— Но какое отношение...

— Самое близкое. Красивая женщина — женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. У вас может быть муж, друг, жених. И тогда все тайны к черту.

— Но...

— Никаких «но»! Вы должны быть немы как рыба. Вы должны молчать обо всем, что увидите и услышите здесь. Принимаете это условие? Должен предупредить: неисполнение повлечет за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные.

Лоран была смущена и заинтересована...

— Я согласна, если во всем этом нет...

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

— Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой.

— Алкоголиков, неврастеников, эпилептиков, сумасшедших не было в роду?

— Нет.

Керн еще раз кивнул головой.

Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке, Лоран увидала только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Черные волосы и костюм сливались с темными драпри двери.

— Джон! Покажите мадемуазель Лоран лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Лоран вошла в совершенно темную комнату.

Щелкнул выключатель, и яркий свет четырех матовых полушарий залил комнату. Лоран невольно прикрыла глаза. После полумрака мрачного кабинета белизна стен ослепляла... Сверкали стекла шкафов с блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий незнакомых Лоран аппаратов. Теплыми, желтыми бликами ложился свет на медные полированные части. Трубы, змеевики, колбы, стеклянные цилиндры... Стекло, каучук, металл...

Посреди комнаты — большой прозекторский стол. Рядом со столом — стеклянный ящик; в нем пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Лоран повернула голову в сторону и вдруг увидала нечто, заставившее ее вздрогнуть, как от электрического удара.

На нее смотрела человеческая голова — одна голова без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие блестящие металлические ножки. От перерезанных артерий и вен, через отверстия в стекле, шли, соединившись уже попарно, трубки к баллонам. Более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и неизвестными Лоран приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделенная от тела, самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, Лоран не могла не заметить, что эта голова удивительно похожа на голову недавно умершего известного ученого-хирурга, профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Лоран не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребренные сединой густые русые волосы, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля. Только

губы и нос его стали тоньше, виски и щеки втянулись, глаза глубже запали в орбиты и белая кожа приобрела желтотемный оттенок мумии. Но в глазах была жизнь, была мысль.

Лоран как зачарованная не могла оторвать взгляда от этих голубых глаз.

Голова беззвучно шевельнула губами.

...Это было слишком для нервов Лоран. Она была близка к обмороку. Негр поддержал ее и вывел из лаборатории.

— Это ужасно, это ужасно... — повторяла Лоран, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели это голова?..

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращенная мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну голову. Не все дается сразу. Бедный Доуэль страдал неизлечимым пока недугом. Умирая, он завещал свое тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть. Я предпочитаю, чтобы в моем трупе копался друг-ученый, а не могильный червь» — вот какое завещание оставил профессор Доуэль. И я получил его тело. Мне удалось не только оживить его сердце, но и воскресить сознание, воскресить «душу», говоря языком толпы. Что же тут ужасного? Люди считали до сих пор ужасной смерть. Разве воскресение из мертвых не было тысячелетней мечтой человечества?

— Я бы предпочла смерть такому воскресению.

Профессор Керн сделал неопределенный жест рукой.

— Да, оно имеет свои неудобства для воскресшего. Бедному Доуэлю было бы неудобно показаться публике в таком... неполном виде. Вот почему мы обставляем тайной этот опыт. Я говорю «мы», потому что таково желание самого Доуэля. Притом опыт еще не доведен до конца.

— А как профессор Доуэль, то есть его голова, выразил это желание? Голова может говорить?

Профессор Керн на мгновение смутился.

— Нет... голова профессора Доуэля не говорит. Но она слышит, понимает и может отвечать мимикой лица...

И чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

— Итак, вы принимаете мое предложение? Отлично. Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание.

ТАЙНА ЗАПРЕТНОГО КРАНА

Мари Лоран нелегко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер ее отец. На плечи Мари легла забота о больной матери. Небольших средств, оставшихся после отца, хватило ненадолго, приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала ночным корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась найти место. Было предложение ехать в гиблые места Новой Гвинеи, где свирепствовала желтая лихорадка. Ни ехать туда с больной матерью, ни разлучаться с нею Мари не хотела. Предложение профессора Керна явилось для нее выходом из положения.

Несмотря на всю странность работы, она согласилась почти без колебания.

Лоран не знала, что профессор Керн, прежде чем принять ее, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели она работала у Керна. Обязанности ее были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживавшими жизнь головы. Ночью ее сменял Джон.

Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы, Керн строжайше запретил ей открывать кран цилиндра.

— Если повернуть кран, голова будет немедленно убита. Как-нибудь я объясню вам всю систему питания головы и

назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определенные часы нужно было вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Лоран следила за температурой жидкостей и давлением в баллонах. Хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часового механизма. Особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Через сутки лента сменялась. Содержимое баллонов пополнялось в отсутствие Лоран, до ее прихода.

Мари постепенно привыкла к голове и даже сдружилась с нею.

Когда Лоран утром входила в лабораторию с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей и веки ее дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между нею и Лоран скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный. Опускание головою век означало «да», поднятие наверх — «нет». Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

— Как вы сегодня чувствуете себя? — спрашивала Лоран.

Голова улыбалась «тенью улыбки» и опускала веки: «Хорошо, благодарю».

— Как провели ночь?

Та же мимика.

Задавая вопросы, Лоран проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем с величайшей осторожностью обмыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой ушные раковины. Сняла клочок ваты, повисший на ресницах. Промыла глаза, уши, нос, рот, — в рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки ее проворно и ловко касались головы. На лице головы было выражение довольства.

— Сегодня чудесный день, — говорила Лоран. — Синее-синее небо. Чистый морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце, совсем по-весеннему.

Углы губ профессора Доуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули в окно и остановились на Лоран.

Она покраснела от легкой досады на себя. С инстинктом чуткой женщины Лоран избегала говорить обо всем, что было недостижимо для головы и могло лишний раз напомнить об убожестве ее физического существования.

Мари испытывала какую-то материнскую жалость к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребенку.

— Ну-с, давайте заниматься! — поспешно сказала Лоран, чтобы поправить ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керна, голова занималась чтением. Лоран приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала. На нужной статье шевелила бровями. Лоран клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Лоран привыкла, следя за глазами головы, угадывать, какую строчку голова читает, и вовремя переворачивать страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и Лоран проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы и отмечая карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать отметки на полях, Лоран не понимала, при помощи же их бедного мимического языка не надеялась получить разъяснение и потому не спрашивала.

Но однажды, проходя через кабинет профессора Керна в его отсутствие, она увидала на письменном столе журналы со сделанными ею по указанию головы отметками. А на листе бумаги рукой профессора Керна были переписаны отмеченные места. Это заставило Лоран задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, Мари не удержалась от вопроса. Может быть, голове удастся как-нибудь ответить.

— Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

На лице профессора Доуэля появилось выражение неудовольствия и нетерпения. Голова выразительно посмотрела на Лоран, потом на кран, от которого шла трубка к горлу головы, и два раза подняла брови. Это означало просьбу. Лоран поняла, что голова хочет, чтобы открыли этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но Лоран объясняла желание головы по-своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. И Лоран не решалась откры́ть запретный кран. Она не хотела быть повинной в смерти головы, боялась и ответственности, боялась потерять место.

— Нет, нет, — со страхом ответила Лоран на просьбу головы. — Если я открою этот кран, вы умрете. Я не хочу, не могу, не смею убивать вас.

От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога.

Три раза она энергично поднимала вверх веки и глаза...

«Нет, нет, нет. Я не умру!» — так поняла Лоран. Она колебалась.

Голова стала беззвучно шевелить губами, и Лоран показалось, что губы пытаются сказать: «Откройте. Откройте. Умоляю!..»

Любопытство Лоран было возбуждено до крайней степени. Она чувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна.

В глазах головы светилась безграничная тоска. Глаза просили, умоляли, требовали. Казалось, вся сила человеческой мысли, все напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

Лоран решилась.

Ее сердце сильно билось, рука дрожала, когда она осторожно приоткрывала кран.

Тотчас из горла головы послышалось шипение. Лоран

услышала слабый, глухой, надтреснутый голос, дребезжащий и шипящий, как испорченный граммофон:

— Бла-го-да-рю... вас...

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движение горловые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы горла и связки не могли уже работать нормально: воздух с шипением проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А рассечение нервных стволов в области шеи нарушало нормальную работу мышц голосовых связок и придавало голосу глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент послышались шаги из кабинета и звук открываемого замка (дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета). Лоран едва успела закрыть кран. Шипение в горле головы прекратилось.

Вошел профессор Керн.

ГОЛОВА ЗАГОВОРИЛА

С тех пор как Лоран открыла тайну запретного крана, прошло около недели.

За это время между Лоран и головой установились еще более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет или клинику, Лоран открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятным шепотом. Тихо говорила и Лоран. Они опасались, чтобы негр не услыхал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, хорошо действовали. Глаза стали живее, и даже скорбные морщины меж бровей разгладились.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь Лоран видела во сне голову профессора Доуэля и, проснувшись, подумала: «Видит ли сны голова Доуэля?»

— Сны... — тихо прошептала голова. — Да, я вижу сны. И я не знаю, чего больше они доставляют мне: горя или радости. Я вижу себя во сне здоровым, полным сил и просыпаюсь вдвойне обездоленным. Обездоленным и физически, и морально. Ведь я лишен всего, что доступно живым людям. И только способность мыслить оставлена мне. «Я мыслю. Следовательно, я существую», — с горькой улыбкой процитировала голова слова философа Декарта. — Существую...

— Что же вы видите во сне?

— Я никогда еще не видал себя в моем теперешнем виде. Я вижу себя таким, каким был когда-то... вижу родных, друзей... Недавно видал покойную жену и переживал с нею весну нашей любви. Бетти когда-то обратилась ко мне как пациентка, повредив ногу при выходе из автомобиля. Первое наше знакомство было в моем приемном кабинете. Мы как-то сразу сблизились с нею. После четвертого визита я предложил ей посмотреть лежащий на письменном столе портрет моей невесты. «Я женюсь на ней, если получу ее согласие», — сказал я. Она подошла к столу и увидала на нем небольшое зеркало; взглянув на него, она рассмеялась и сказала: «Я думаю... она не откажется». Через неделю она была моей женой. Эта сцена недавно пронеслась передо мной во сне... Бетти умерла здесь, в Париже. Вы знаете, я приехал сюда из Америки как хирург во время европейской войны. Мне предложили здесь кафедру, и я остался, чтобы жить возле дорогой могилы. Моя жена была удивительная женщина...

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас омрачилось.

— Как бесконечно далеко это время!

Голова задумалась. Воздух тихо шипел в горле.

— Прошлой ночью я видел во сне моего сына. Я очень хотел бы посмотреть на него еще раз. Но не смею подвергнуть его этому испытанию... Для него я умер.

— Он взрослый? Где он находится сейчас?

— Да, взрослый. Он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет. В настоящее время должен

находиться в Англии, у своей тетки по матери. Нет, лучше бы не видеть снов. Но меня, — продолжала голова, помолчав, — мучают не только сны. Наяву меня мучают ложные чувства. Как ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую свое тело. Мне вдруг захочется вздохнуть полной грудью, потянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя как врачу это должно быть вам понятно. Боль так реальна, что я невольно опускаю глаза вниз и, конечно, сквозь стекло вижу под собою пустое пространство, каменные плиты пола... По временам мне кажется, что сейчас начнется припадок удушья, и тогда я почти доволен своим «посмертным существованием», избавляющим меня по крайней мере от астмы... Все это чисто рефлекторная деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела...

— Ужасно!.. — не удержалась Лоран.

— Да, ужасно... Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погруженный в научные занятия. И, только потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился. Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, шуме морского прибоя... Мною не утеряны обоняние, осязание и прочие чувства, но я отрезан от всего многообразия мира ощущений. Запах сена хорош на поле, когда он связан с тысячью других ощущений: и с запахом леса, и с красотой догорающей зари, и с песнями лесных птиц. Искусственные запахи не могли бы мне заменить натуральных. Запах духов «Роза» вместо цветка? Это так же мало удовлетворило бы меня, как голодного запах паштета без паштета. Утратив тело, я утратил мир — весь необъятный, прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать, и в то же время почувствовать свое тело, себя. О, я бы охотно отдал мое химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Если бы вы

знали, какое удовольствие доставляет мне прикосновение губки, когда вы по утрам умываете мне лицо. Ведь осязание — это единственная для меня возможность почувствовать себя в мире реальных вещей... Все, что я могу сделать сам, это прикоснуться кончиком моего языка к краю моих пересохших губ.

В тот вечер Лоран явилась домой рассеянной и взволнованной. Старушка мать, по обыкновению, приготовила ей чай с холодной закуской, но Мари не притронулась к бутербродам, наскоро выпила стакан чаю с лимоном и поднялась, чтобы идти в свою комнату. Внимательные глаза матери остановились на ней.

— Ты чем-то расстроена, Мари? — спросила старушка. — Быть может, неприятности на службе?

— Нет, ничего, мама, просто устала и голова болит... Я лягу пораньше, и все пройдет.

Мать не задержала ее, вздохнула и, оставшись одна, задумалась.

С тех пор как Мари поступила на службу, она очень изменилась. Стала нервная, замкнутая. Мать и дочь всегда были большими друзьями. Между ними не было тайн. И вот теперь появилась тайна. Старушка Лоран чувствовала, что ее дочь что-то скрывает. На вопросы матери о службе Мари отвечала очень кратко и неопределенно.

— У профессора Керна имеется лечебница на дому для особенно интересных в медицинском отношении больных. И я ухаживаю за ними.

— Какие же это больные?

— Разные. Есть очень тяжелые случаи... — Мари хмурилась и переводила разговор на другие темы.

Старушку не удовлетворяли эти ответы. И она начала даже наводить справки стороной, но ей ничего не удалось узнать, кроме того, что уже было известно от дочери.

«Уж не влюблена ли она в Керна, и, быть может, безнадежно, без ответа с его стороны?..» — думала старушка. Но тут же опровергла себя: ее дочь не скрыла бы от нее своего чувства. И потом, разве Мари не хорошенькая? А Керн холостяк. И если бы только Мари любила его, то, конечно, и Керн не устоял бы. Другой такой Мари не найти во всем свете. Нет, тут что-то другое... И старушка долго не могла заснуть, ворочаясь на высоко взбитых перинах.

Не спала и Мари. Погасив свет, чтобы мать ее думала, что она уже спит, Мари сидела на кровати с широко раскрытыми глазами. Она вспоминала каждое слово головы и старалась вообразить себя на ее месте: тихонько касалась языком своих губ, нёба, зубов и думала: «Это все, что может делать голова. Можно прикусить губы, кончик языка. Можно шевелить бровями. Ворочать глазами. Закрывать, открывать их. Рот и глаза. Больше ни одного движения. Нет, еще можно немного шевелить кожею на лбу. И больше ничего...»

Мари закрывала и открывала глаза и делала гримасы. О, если бы в этот момент мать посмотрела на нее! Старушка решила бы, что ее дочь сошла с ума.

Потом вдруг Мари начала хватать свои плечи, колени, руки, гладила себя по груди, запускала пальцы в густые волосы и шептала:

— Боже мой! Как я счастлива! Как много я имею! Какая я богатая! И я не знала, не чувствовала этого!

Усталость молодого тела брала свое. Глаза Мари невольно закрылись. И тогда она увидела голову Доуэля. Голова смотрела на нее внимательно и скорбно. Голова срывалась со своего столика и летала по воздуху. Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову. Извилистые коридоры... Тугие двери... Мари спешила открыть их, но двери не поддавались, и Керн нагонял голову, голова свистела, шипела уже возле уха... Мари чувствовала, что она задыхается. Сердце колотится в груди, его учащенные удары болезненно отзываются во всем теле. Холодная дрожь пробегает по спине... Она открывает все новые и новые двери... О, какой ужас!..

— Мари! Мари! Что с тобой? Да проснись же, Мари! Ты стонешь...

Это уже не сон. Мать стоит у изголовья и с тревогой гладит ее волосы.

— Ничего, мама. Я просто видела скверный сон.

— Ты слишком часто стала видеть скверные сны, дитя мое...

Старушка уходит вздыхая, а Мари еще несколько времени лежит с открытыми глазами и сильно бьющимся сердцем.

— Однако нервы мои становятся никуда не годными, — тихо шепчет она и на этот раз засыпает крепким сном.

СМЕРТЬ ИЛИ УБИЙСТВО?

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, Лоран прочла статью профессора Керна о новых научных исследованиях. В этой статье Керн ссылался на работы других ученых в той же области. Все эти выдержки были взяты из научных журналов и книг и в точности совпадали с теми, которые Лоран по указанию головы подчеркивала во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, Лоран спросила:

— Чем занимается профессор Керн в лаборатории в мое отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

— Мы с ним продолжаем научные работы.

— Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?

— Я догадывался.

— Но это возмутительно! Как вы допускаете это?

— Что же я могу поделать?

— Если не можете вы, то смогу сделать я! — гневно воскликнула Лоран.

— Тише... Напрасно... Было бы смешно в моем положении иметь претензии на авторские права. Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава?.. И потом... если все это откроется, работа не будет доведена до конца.

А в том, чтобы она была доведена до конца, я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

Лоран задумалась.

— Да, такой человек, как Керн, способен на все, — тихо проговорила она. — Профессор Керн говорил мне, когда я поступала к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали свое тело для научных работ. Это правда?

— Мне трудно говорить об этом. Я могу ошибиться. Это правда, но, может быть... не все правда. Мы работали вместе с ним над оживлением человеческих органов, взятых от свежего трупа. Керн был моим ассистентом. Конечной целью моих трудов в то время я ставил оживление отсеченной от тела головы человека. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но решили не оглашать наших успехов до тех пор, пока нам не удастся оживить и продемонстрировать человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись со всей проделанной мной научной работой для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной проблемой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился ужасный припадок астмы — одной из болезней, которую я как ученый пытался победить. Между мной и ею шла давняя борьба. Весь вопрос был во времени: кто из нас первый выйдет победителем? Я знал, что победа может остаться на ее стороне. И я действительно завещал свое тело для анатомических работ, хотя и не ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот... во время этого последнего припадка Керн был около меня и оказывал мне медицинскую помощь. Он вспрыснул мне адреналин. Может быть... доза была слишком велика, а может быть, и астма сделала свое дело.

— Ну а потом?

— Асфиксия (удушье), короткая агония — и смерть, которая для меня была только потерей сознания... А потом я

пережил довольно странные переходные состояния. Сознание очень медленно начало возвращаться ко мне. Мне кажется, мое сознание было пробуждено острым чувством боли в области шеи. Боль постепенно затихала. В то время я не понял, что это значит. Когда мы с Керном делали опыты оживления собачьих голов, отсеченных от тела, мы обратили внимание на то, что собаки испытывают чрезвычайно острую боль после пробуждения. Голова собаки билась на блюде с такой силой, что иногда из кровеносных сосудов выпадали трубки, по которым подавалась питательная жидкость. Тогда я предложил анестезировать место среза. Чтобы оно не подсыхало и не подвергалось воздействию бактерий, шея собаки погружалась в особый раствор Рингер-Ло́кк-Доуэль. Этот раствор содержит и питательные, и антисептические, и анестезирующие вещества. В такую жидкость и был погружен срез моей шеи. Без этой предохранительной меры я мог бы умереть вторично очень быстро после пробуждения, как умирали головы собак в наших первых опытах. Но, повторяю, в тот момент обо всем этом я не думал. Все было смутно, как будто кто-нибудь разбудил меня после сильного опьянения, когда действие алкоголя еще не прошло. Но в моем мозгу все же затеплилась радостная мысль, что если сознание, хоть и смутное, вернулось ко мне, то, значит, я не умер. Еще не открывая глаз, я раздумывал над странностью последнего припадка. Обыкновенно припадки астмы обрывались у меня внезапно. Иногда интенсивность одышки ослабевала постепенно. Но я еще никогда не терял сознания после припадка. Это было что-то новое. Новым было также ощущение сильной боли в области шеи. И еще одна странность: мне казалось, что я совсем не дышал, а вместе с тем и не испытывал удушья. Я попробовал вздохнуть, но не мог. Больше того, я потерял ощущение своей груди. Я не мог расширить грудную клетку, хотя усиленно, как мне казалось, напрягал свои грудные мышцы. «Что-то странное, — думал я, — или я сплю, или грежу...» С трудом мне удалось открыть глаза. Темнота. В ушах смутный шум. Я опять закрыл глаза... Вы

знаете, что когда человек умирает, то органы его чувств угасают не одновременно. Сначала человек теряет чувство вкуса, потом гаснет его зрение, потом слух. По-видимому, в обратном порядке шло и их восстановление. Через некоторое время я снова поднял свои веки и увидел мутный свет. Как будто я опустился в воду на очень большую глубину. Потом зеленоватая мгла начала расходиться, и я смутно различил перед собою лицо Керна и в то же время услыхал уже довольно отчетливо его голос: «Пришли в себя? Очень рад вас видеть вновь живым». Усилием воли я заставил мое сознание проясниться скорее. Я посмотрел вниз и увидел прямо под подбородком стол, — в то время этого столика еще не было, а был простой стол, вроде кухонного, наскоро приспособленный Керном для опыта. Хотел оглянуться назад, но не мог повернуть голову. Рядом с этим столом, повыше его, помещался второй стол — прозекторский. На этом столе лежал чей-то обезглавленный труп. Я посмотрел на него, и труп показался мне странно знакомым, несмотря на то что он не имел головы и его грудная клетка была вскрыта. Тут же рядом в стеклянном ящике билось чье-то человеческое сердце... Я с недоумением посмотрел на Керна. Я еще никак не мог понять, почему моя голова возвышается над столом и почему я не вижу своего тела. Хотел протянуть руку, но не ощутил ее. «В чем дело?..» — хотел я спросить у Керна и только беззвучно шевельнул губами. А он смотрел на меня и улыбался. «Не узнаете? — спросил он меня, кивнув по направлению к прозекторскому столу. — Это ваше тело. Теперь вы навсегда избавились от астмы». Он еще мог шутить!.. И я понял все. Сознаюсь, в первую минуту я хотел кричать, сорваться со столика, убить себя и Керна... Нет, совсем не так. Я знал умом, что должен был сердиться, кричать, возмущаться, и в то же время был поражен ледяным спокойствием, которое владело мною. Быть может, я и возмущался, но как-то глядя на себя и на мир со стороны. В моей психике произошли сдвиги. Я только нахмурился и... молчал. Мог ли я волноваться так, как волновался раньше, если теперь мое

сердце билось в стеклянном сосуде, а новым сердцем был мотор?

Лоран с ужасом смотрела на голову.

— И после этого... после этого вы продолжаете с ним работать. Если бы не он, вы победили бы астму и были теперь здоровым человеком... Он вор и убийца, и вы помогаете ему вознестись на вершину славы. Вы работаете на него. Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и зарабатывает на этом деньги и славу. А вы!.. Что дает он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего. Вы несчастный обрубок, в котором, на ваше горе, еще живут желания. Весь мир украл у вас Керн. Простите меня, но я не понимаю вас. И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

— Бунт головы? Это эффектно. Что же я мог сделать? Ведь я лишен даже последней человеческой возможности: покончить с собой.

— Но вы могли отказаться работать с ним!

— Если хотите, я прошел через это. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов, какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала свое дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжко было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни... Я расскажу вам один случай, происшедший со мной в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой черный жук. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завезло авто, возвращающееся из загородной поездки. Жук покружился надо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я скосил глаза и следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и он, шурша суставами, медленно приближался к моей голове. Не знаю, поймете ли вы меня... я чувствовал всегда какую-то особую

брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот я был бессилен даже перед этим ничтожным врагом. А для него моя голова была только удобным трамплином для взлета. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками. После некоторых усилий ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барахтался, запутавшись в волосах, но упорно поднимался все выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый левый глаз, пока наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол. Пустой случай. Но он произвел на меня потрясающее впечатление... И когда пришел профессор Керн, я категорически отказался продолжать с ним научные работы. Я знал, что он не решится публично демонстрировать мою голову. Без пользы же не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против него. И он убьет меня. Таков был мой расчет. Между нами завязалась борьба. Он прибег к довольно жестоким мерам. Однажды поздно вечером он вошел ко мне с электрическим аппаратом, приставил к моим вискам электроды и, еще не пуская тока, обратился с речью. Он стоял, скрестив руки на груди, и говорил очень ласковым, мягким тоном, как настоящий инквизитор. «Дорогой коллега, — начал он. — Мы здесь одни, с глазу на глаз, за толстыми каменными стенами. Впрочем, если бы они были и тоньше, это не меняет дела, так как вы не можете кричать. Вы вполне в моей власти. Я могу причинить вам самые ужасные пытки и останусь безнаказанным. Но зачем пытки? Мы с вами оба ученые и можем понять друг друга. Я знаю, вам нелегко живется, но в этом не моя вина. Вы мне нужны, и я не могу освободить вас от тягостной жизни, а сами вы не в состоянии сбежать от меня даже в небытие. Так не лучше ли нам покончить дело миром? Вы будете продолжать наши научные занятия...» Я отрицательно повел бровями, и губы мои бесшумно прошептали: «Нет!» — «Вы очень огорчаете меня. Не хотите ли папироску? Я знаю, что вы не можете испытывать полного удовлетворения, так как у вас

нет легких, через которые никотин мог бы всосаться в кровь, но все же знакомые ощущения...» И он, вынув из портсигара две папиросы, одну закурил сам, а другую вставил мне в рот. С каким удовольствием я выплюнул эту папироску! «Ну хорошо, коллега, — сказал он тем же вежливым, невозмутимым голосом, — вы принуждаете меня прибегнуть к мерам воздействия...» И он пустил электрический ток. Как будто раскаленный бурав пронизал мой мозг... «Как вы себя чувствуете? — заботливо спросил он меня, точно врач пациента. — Голова болит? Может быть, вы хотите излечить ее? Для этого вам стоит только...» — «Нет!» — отвечали мои губы. «Очень, очень жаль. Придется немного усилить ток. Вы очень огорчаете меня». И он пустил такой сильный ток, что мне казалось, голова моя воспламеняется. Боль была невыносимая. Я скрипел зубами. Сознание мое мутилось. Как я хотел потерять его! Но, к сожалению, не терял. Я только закрыл глаза и сжал губы. Керн курил, пуская мне дым в лицо, и продолжал поджаривать мою голову на медленном огне. Он уже не убеждал меня. И когда я приоткрыл глаза, то увидел, что он взбешен моим упорством. «Черт побери! Если бы ваши мозги мне не были так нужны, я зажарил бы их и сегодня же накормил бы ими своего пинчера. Фу, упрямец!» И он бесцеремонно сорвал с моей головы все провода и удалился. Однако мне еще рано было радоваться. Скоро он вернулся и начал впускать в растворы, питающие мою голову, раздражающие вещества, которые вызывали у меня сильнейшие мучительные боли. И когда я невольно морщился, он спрашивал меня: «Так как, коллега, вы решаете? Все еще нет?» Я был непоколебим. Он ушел еще более взбешенный, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу. Несколько дней Керн не появлялся в лаборатории, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти. На пятый день он пришел как ни в чем не бывало, весело насвистывая песенку. Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не интересовать меня. И когда он, производя опыты, сделал не-

сколько ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак. «Давно бы так!» — проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через мое горло. Я объяснил ему ошибки и с тех пор продолжаю руководить работой... Он перехитрил меня.

ЖЕРТВЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

С тех пор как Лоран узнала тайну головы, она возненавидела Керна. И это чувство росло с каждым днем. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она в страшных кошмарах видела Керна во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время при встречах с Керном она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо: «Убийца!»

Она держалась с ним натянуто и холодно.

— Керн — чудовищный преступник! — восклицала Мари, оставшись наедине с головой. — Я донесу на него... Я буду кричать о его преступлении, не успокоюсь, пока не развенчаю этой краденой славы, не раскрою всех его злодеяний. Я себя не пощажу.

— Тише!.. Успокойтесь, — уговаривал Доуэль. — Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас... только не спешите. Я прошу вас подождать до конца наших опытов. Ведь и я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может окончить труд, но так же и я без него. А ведь это все, что мне осталось. Большего мне не создать, но начатые работы должны быть окончены.

В кабинете послышались шаги.

Лоран быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, все еще возмущенная. Голова Доуэля опустила веки, как человек, погруженный в дремоту.

Вошел профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на Лоран.

— В чем дело? Вы чем-то расстроены? Все в порядке?

— Нет... ничего... все в порядке... семейные неприятности...

— Дайте ваш пульс...

Лоран неохотно протянула руку.

— Бьется учащенно... Нервы пошаливают... Для нервных, пожалуй, это тяжелая работа. Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

— Мне не нужно, благодарю вас.

— «Мне не нужно». Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья.

Лоран ничего не ответила.

— Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабораторией... Временно, коллега, временно. Вы не спите? — обратился он к голове. — А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы изготовим из них пару хорошо говорящих голов и продемонстрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн снова испытующе посмотрел на Лоран. Чтобы раньше времени не обнаружить всей силы своей неприязни, Лоран заставила себя принять равнодушный вид и поспешила задать вопрос, первый из пришедших ей в голову:

— Чьи трупы будут привезены?

— Я не знаю, и никто этого не знает. Потому что сейчас это еще не трупы, а живые и здоровые люди. Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь, на прозекторском столе. Я уж позабочусь об этом.

Лоран, которая ожидала от профессора Керна всего, посмотрела на него таким испуганным взглядом, что он на мгновение смешался, а потом громко рассмеялся.

— Нет ничего проще. Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город, этот современный молох, требует ежедневных человеческих жертв. Каждый день с непреложностью законов природы в городе гибнет от уличного движения несколько человек, не считая

несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну и вот эти обреченные, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут и, весело напевая, будут одеваться, чтобы идти, как они будут думать, на работу, а на самом деле — навстречу своей неизбежной смерти. В то же время в другом конце города, так же беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофер или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выедет из противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу, не зная друг друга, до самой роковой точки пересечения их путей. Потом на одно короткое мгновение кто-то из них зазевается — и готово. На статистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И тем не менее все это неуклонно совершится с точностью часового механизма, сдвигающего на мгновение в одну плоскость две часовые стрелки, идущие с различной скоростью.

Никогда еще профессор Керн не был так разговорчив с Лоран. И откуда у него эта неожиданная щедрость? «Я удваиваю вам вознаграждение...»

«Он хочет задобрить, купить меня, — подумала Лоран. — Он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня».

НОВЫЕ ОБИТАТЕЛИ ЛАБОРАТОРИИ

Наутро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

Две новые головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Мужской труп принадлежал рабочему лет тридцати, погибшему в потоке уличного движения. Его могучее тело было раздавлено. В полуоткрытых остекленевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, Лоран и Джон в белых халатах работали над трупами.

— Было еще несколько трупов, — говорил профессор Керн. — Один рабочий упал с лесов. Забраковал. У него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и нескольких самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта еще... ночная красавица.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились еще следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуоткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

— Певичка из бара. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных апашей. Прямо в сердце, — видите? Нарочно так не попадешь.

Профессор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Еще несколько минут — и головы были помещены на высокие столики. В горло, в вены и сонные артерии введены трубки.

Профессор Керн находился в приятно-возбужденном состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад профессора Керна в научном обществе были приглашены светила науки. Пресса, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых превозносила научный гений профессора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна с его изумительным опытом оживления мертвых человеческих голов придавали значение торжества национальной науки.

Весело посвистывая, профессор Керн вымыл руки, за-

курил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

— Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи. Недурная будет встреча. Остается только открыть кран, и... мертвые оживут. Ну что же, мадемуазель? Оживляйте. Откройте все три крана. В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе...

Для Лоран это давно не было новостью. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала и виду.

Керн нахмурился, сделался вдруг серьезным. Подойдя вплотную к Лоран, он, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Но у профессора Доуэля прошу воздушного крана не открывать. У него... повреждены голосовые связки и...

Поймав недоверчивый взгляд Лоран, он раздраженно добавил:

— Как бы то ни было... я запрещаю вам. Будьте послушны, если не хотите навлечь на себя крупные неприятности.

И, повеселев опять, он протяжно пропел на мотив оперы «Паяцы»:

— Итак, мы начинаем!

Лоран открыла краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего. Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачны.

— Циркуляция есть. Все идет хорошо...

Вдруг глаза головы изменили свое направление, повернулись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

— Живет! — весело крикнул Керн. — Дайте сильнее воздушную струю.

Лоран открыла кран больше. Воздух засвистал в горле.

— Что это?.. Где я?.. — невнятно произнесла голова.

— В больнице, друг мой, — сказал Керн.

— В больнице?.. — Голова повела глазами, опустила их вниз и увидела под собой пустое пространство.

— А где же мои ноги? Где мои руки? Где мое тело?

— Его нет, голубчик. Оно разбито вдребезги. Только голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать.

— Как это отрезать? Ну нет, я не согласен. Какая же это

операция? Куда я годен такой? Одной головой куска хлеба не заработаешь. Мне руки надо. Без рук, без ног на работу никто не возьмет... Выйдешь из больницы... Тьфу! И выйти-то не на чем. Как же теперь? Пить-есть надо. Больницы-то наши знаю я. Подержите маленько, да и выгоните: вылечили. Нет, я не согласен, — твердил он.

Его выговор, широкое, загорелое, веснушчатое лицо, прическа, наивный взгляд голубых глаз — все обличало в нем деревенского жителя.

Нужда оторвала его от родимых полей, город растерзал молодое здоровое тело.

— Может, хоть пособие какое выйдет?.. А где тот?.. — вдруг вспомнил он, и глаза его расширились.

— Кто?

— Да тот... что наехал на меня... Тут трамвай, тут другой, тут автомобиль, а он прямо на меня...

— Не беспокойтесь. Он получит свое. Номер грузовика записан: четыре тысячи семьсот одиннадцатый, если вас это интересует. Как вас зовут? — спросил профессор Керн.

— Меня? Тома звали. Тома Буш, вот оно как.

— Так вот что, Тома... Вы не будете ни в чем нуждаться и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойтесь.

— Что ж, даром кормить будете или на ярмарках за деньги показывать?

— Показывать покажем, только не на ярмарках. Ученым покажем. Ну а теперь отдохните. — И, посмотрев на голову женщины, Керн озабоченно заметил: — Что-то Саломея заставляет себя долго ждать.

— Это что ж, тоже голова без тела? — спросила голова Тома.

— Как видите, чтоб вам скучно не было, мы позаботились пригласить в компанию барышню... Закройте, Лоран, его воздушный кран, чтобы не мешал своей болтовней.

Керн вынул из ноздрей головы женщины термометр.

— Температура выше трупной, но еще низка. Оживление идет медленно...

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он ходил по лаборатории, посматривал на часы, и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался в большой комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на него и беззвучно шевелила губами.

Наконец Керн подошел к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянные трубочки, которыми оканчивались каучуковые трубки, введенные в сонные артерии.

— Вот где причина. Эта трубка входит слишком свободно, и поэтому циркуляция идет медленно. Дайте трубку шире.

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.

Голова Брике — так звали женщину — реагировала более бурно на свое оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляла лучше убить ее, но не оставлять таким уродом.

— Ах, ах, ах!.. Мое тело... мое бедное тело!.. Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте. Я не могу жить без тела!.. Дайте мне хоть посмотреть на него... нет, нет, не надо. Оно без головы... какой ужас!.. какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

— Вы говорите, что оживили меня. Я малообразованна, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это, чудо или колдовство?

— Ни то, ни другое. Это — достижение науки.

— Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело. Осел Жорж продырявил меня пулей... Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу... Женщина без тела. Это хуже, чем мужчина без головы.

И, обратившись к Лоран, она попросила:

— Будьте добры дать мне зеркало.

Глядя в зеркало, Брике долго и серьезно изучала себя.

— Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я не могу сама сделать себе прическу...

— У вас, Лоран, работы прибавилось, — усмехнулся Керн. — Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Он посмотрел на часы и, подойдя близко к Лоран, шепнул:

— В их присутствии, — он показал глазами на головы, — ни слова о голове профессора Доуэля!..

Когда Керн вышел из лаборатории, Лоран пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на нее грустно. Печальная улыбка кривила губы.

— Бедный мой, бедный... — прошептала Лоран. — Но скоро вы будете отомщены!

Голова сделала знак, Лоран открыла воздушный кран.

— Вы лучше расскажите, как прошел опыт, — прошипела голова, слабо улыбаясь.

ГОЛОВЫ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Головам Тома и Брике еще труднее было привыкнуть к своему новому существованию, чем голове Доуэля. Его мозг занимался сейчас теми же научными работами, которые интересовали его и раньше. Тома и Брике были люди простые, и без тела жить им не было смысла. Немудрено, что они очень скоро затосковали.

— Разве это жизнь? — жаловался Тома. — Торчишь, как пень. Все стены до дыр проглядел...

Угнетенное настроение «пленников науки», как шутя называл их Керн, очень озаботило его. Головы могли захиреть от тоски прежде, чем настанет день их демонстрации.

И профессор Керн всячески старался развлекать их.

Он достал киноаппарат, и Лоран с Джоном вечерами устраивали кинематографические сеансы. Экраном служила белая стена лаборатории.

Голове Тома особенно нравились комические картины

с участием Чарли Чаплина и Монти Бэнкса. Глядя на их проделки, Тома забывал на время о своем убогом существовании. Из его горла даже вырывалось нечто похожее на смех, а на глаза навертывались слезы.

Но вот отпрыгал Бэнкс, и на белой стене комнаты появилось изображение фермы. Маленькая девочка кормит цыплят. Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов. На фоне коровника молодая здоровая женщина доит корову, отгоняя локтем теленка, который тычет мордой в вымя. Пробежала лохматая собака, весело махая хвостом, и вслед за нею показался фермер. Он вел на поводу лошадь.

Тома как-то прохрипел необычайно высоким, фальшивым голосом и вдруг крикнул:

— Не надо! Не надо!..

Джон, хлопотавший около аппарата, не сразу понял, в чем дело.

— Прекратите демонстрацию! — крикнула Лоран и поспешила включить свет. Побледневшее изображение еще мелькало некоторое время и наконец исчезло. Джон остановил работу проекционного аппарата.

Лоран посмотрела на Тома. На глазах его виднелись слезы, но это уже не были слезы смеха. Все его пухлое лицо собралось в гримасу, как у обиженного ребенка, рот скривился.

— Как у нас... в деревне... — хныча, произнес он. — Корова... курочка... Пропало, все теперь пропало...

У аппарата уже хлопотала Лоран. Скоро свет был погашен, и на белой стене замелькали тени. Гарольд Ллойд улепетывал от преследовавших его полисменов. Но настроение у Тома было уже испорчено. Теперь вид движущихся людей стал нагонять на него еще большую тоску.

— Ишь, носится как угорелый, — ворчала голова Тома. — Посадить бы его так, не попрыгал бы.

Лоран еще раз попыталась переменить программу. Вид великосветского бала совершенно расстроил Брике. Красивые женщины и их роскошные туалеты раздражали ее.

— Не надо... я не хочу смотреть, как живут другие, — говорила она.

Кинематограф убрали.

Радиоприемник развлекал их несколько дольше.

Их обоих волновала музыка, в особенности плясовые мотивы, танцы.

— Боже, как я плясала этот танец! — вскричала однажды Брике, заливаясь слезами.

Пришлось перейти к иным развлечениям. Брике капризничала, требовала ежеминутно зеркало, изобретала новые прически, просила подводить ей глаза карандашом, белить и румянить лицо. Раздражалась бестолковостью Лоран, которая никак не могла постигнуть тайн косметики.

— Неужели вы не видите, — раздраженно говорила голова Брике, — что правый глаз подведен темнее левого. Поднимите зеркало выше.

Она просила, чтобы ей принесли модные журналы и ткани, и заставляла драпировать столик, на котором была укреплена ее голова.

Она доходила до чудачества, заявив вдруг с запоздалой стыдливостью, что не может спать в одной комнате с мужчиной.

— Отгородите меня на ночь ширмой или, по крайней мере, хоть книгой.

И Лоран делала «ширму» из большой раскрытой книги, установив ее на стеклянной доске у головы Брике.

Не меньше хлопот доставлял и Тома.

Однажды он потребовал вина. И профессор Керн принужден был доставить ему удовольствие опьянения, вводя в питающие растворы небольшие дозы опьяняющих веществ.

Иногда Тома и Брике пели дуэтом. Ослабленные голосовые связки не повиновались. Это был ужасный дуэт.

— Мой бедный голос... Если бы вы могли слышать, как я пела раньше! — говорила Брике, и брови ее страдальчески поднимались вверх.

Вечерами на них нападало раздумье. Необычайность существования заставляла даже эти простые натуры задумываться над вопросами жизни и смерти.

Брике верила в бессмертие. Тома был материалистом.

— Конечно, мы бессмертны, — говорила голова Брике. — Если бы душа умирала с телом, она не вернулась бы в голову.

— А где у вас душа сидела: в голове или в теле? — ехидно спросил Тома.

— Конечно, в теле была... везде была... — неуверенно отвечала голова Брике, подозревая в вопросе какой-то подвох.

— Так что же, душа вашего тела безголовая теперь ходит на том свете?

— Сами вы безголовый, — обиделась Брике.

— Я-то с головой. Только она одна у меня и есть, — не унимался Тома. — А вот душа вашей головы не осталась на том свете? По этой резиновой кишке назад на землю вернулась? Нет, — говорил он уже серьезно, — мы как машина. Пустил пар — опять заработала. А разбилась вдребезги — никакой пар не поможет...

И каждый погружался в свои думы...

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Доводы Тома не убеждали Брике. Несмотря на свой безалаберный образ жизни, она была истой католичкой. Ведя довольно бурную жизнь, она не имела времени не только думать о загробном существовании, но даже и ходить в церковь. Однако привитая в детстве религиозность крепко держалась в ней. И теперь, казалось, наступил самый подходящий момент для того, чтобы эти семена религиозности дали всходы. Настоящая жизнь ее была ужасна, но смерть — возможность второй смерти — пугала ее еще больше. По ночам ее мучили кошмары загробной жизни.

Ей мерещились языки адского пламени. Она видела, как ее грешное тело уже поджаривалось на огромной сковороде.

Брике в ужасе просыпалась, стуча зубами и задыхаясь. Да, она определенно ощущала удушье. Ее возбужденный мозг требовал усиленного притока кислорода, но она была

лишена сердца — того живого двигателя, который так идеально регулирует поставку нужного количества крови всем органам тела. Она пыталась кричать, чтобы разбудить Джона, дежурившего в их комнате. Но Джону надоели частые вызовы, и он, чтобы спокойно поспать хоть несколько часов, вопреки требованиям профессора Керна, выключал иногда у голов воздушные краны. Брике открывала рот, как рыба, извлеченная из воды, и пыталась кричать, но ее крик был не громче предсмертного зеванья рыбы... А по комнате продолжали бродить черные тени химер, адское пламя освещало их лица. Они приближались к ней, протягивали страшные когтистые лапы. Брике закрывала глаза, но это не помогало: она продолжала видеть их. И странно: ей казалось, что сердце ее замирает и холодеет от ужаса.

— Господи, господи, неужели ты не простишь рабу твою, ты всемогущ, — беззвучно шевелились ее губы, — твоя доброта безмерна. Я много грешила, но разве я виновата? Ведь ты знаешь, как все это вышло. Я не помню своей матери, меня некому было научить добру... Я голодала. Сколько раз я просила тебя прийти мне на помощь. Не сердись, господи, я не упрекаю тебя, — боязливо продолжала она свою немую молитву, — я хочу сказать, что не так уж виновата. И по милосердию своему ты, быть может, отправишь меня в чистилище... Только не в ад! Я умру от ужаса... Какая я глупая, ведь там не умирают! — И она вновь начинала свои наивные молитвы.

Плохо спал и Тома. Но его не преследовали кошмары ада. Его снедала тоска о земном. Всего несколько месяцев тому назад он ушел из родной деревни, оставив там все, что было дорого его сердцу, захватив с собою в дорогу только небольшой мешок с лепешками и свои мечты — собрать в городе деньги на покупку клочка земли. И тогда он женится на краснощекой, здоровой Мари... О, тогда отец ее не будет противиться их браку.

И вот все рухнуло... На белой стене своей неожиданной тюрьмы он увидел ферму и увидел веселую, здоровую женщину, так похожую на Мари, доившую корову. Но вместо

него, Тома, какой-то другой мужчина провел через двор, мимо хлопотливой курицы с цыплятами, лошадь, мерно отмахивавшуюся хвостом от мух. А он, Тома, убит, уничтожен, и голова его вздернута на кол, как воронье пугало. Где его сильные руки, здоровое тело? В отчаянии Тома заскрипел зубами. Потом он тихо заплакал, и слезы капали на стеклянную подставку.

— Что это? — удивленно спросила Лоран во время утренней уборки. — Откуда эта вода?

Хотя воздушный кран предусмотрительно уже был включен Джоном, но Тома не отвечал. Угрюмо и недружелюбно посмотрел он на Лоран, а когда она отошла к голове Брике, он тихо прохрипел ей вслед:

— Убийца! — Он уже забыл о шофере, раздавившем его, и перенес весь свой гнев на окружавших его людей.

— Что вы сказали, Тома? — обернулась Лоран, поворачивая к нему голову. Но губы Тома были уже вновь крепко сжаты, а глаза смотрели на нее с нескрываемым гневом.

Лоран была удивлена и хотела расспросить Джона о причине плохого настроения, но Брике уже завладела ее вниманием.

— Будьте добры почесать мне нос с правой стороны. Эта беспомощность ужасна... Прыщика там нет? Но отчего же тогда так чешется? Дайте мне, пожалуйста, зеркало.

Лоран поднесла зеркало к голове Брике.

— Поверните вправо, я не вижу. Еще... Вот так. Краснота есть. Быть может, помазать кольдкремом?

Лоран терпеливо мазала кремом.

— Вот так. Теперь прошу припудрить. Благодарю вас... Лоран, я хотела у вас спросить об одной вещи...

— Пожалуйста.

— Скажите мне, если... очень грешный человек исповедуется у священника и покается в своих грехах, может ли такой человек получить отпущение грехов и попасть в рай?

— Конечно, может, — серьезно ответила Лоран.

— Я так боюсь адских мучений... — призналась Бри-

ке. — Прошу вас, пригласите ко мне кюре... я хочу умереть христианкой...

И голова Брике с видом умирающей мученицы закатила глаза вверх. Потом она опустила их и воскликнула:

— Какой интересный фасон вашего платья! Это последняя мода? Вы давно не приносили мне модных журналов.

Мысли Брике вернулись к земным интересам.

— Короткий подол... Красивые ноги очень выигрывают при коротких юбках. Мои ноги! Мои несчастные ноги! Вы видели их? О, когда я танцевала, эти ноги сводили мужчин с ума!

В комнату вошел профессор Керн.

— Как дела? — весело спросил он.

— Послушайте, господин профессор, — обратилась к нему Брике, — я не могу так... вы должны приделать мне чье-нибудь тело... Я уже просила вас об этом однажды и теперь прошу еще. Я очень прошу вас. Я уверена, что если только вы захотите, то сможете сделать это...

«Черт возьми, а почему бы и нет?» — подумал профессор Керн. Хотя он присвоил себе всю честь оживления человеческой головы, отделенной от тела, но в душе сознавал, что этот удачный опыт является всецело заслугой профессора Доуэля. Но почему не пойти дальше Доуэля? Из двух погибших людей составить одного живого — это было бы грандиозно! И вся честь при удаче опыта по праву принадлежала бы одному Керну. Впрочем, кое-какими советами головы Доуэля все же можно было бы воспользоваться. Да, над этим решительно следует подумать.

— А вам очень хочется еще поплясать? — улыбнулся Керн и пустил в голову Брике струю сигарного дыма.

— Хочу ли я? Я буду танцевать день и ночь. Я буду махать руками, как ветряная мельница, буду порхать, как бабочка... Дайте мне тело, молодое, красивое женское тело!

— Но почему непременно женское? — игриво спросил Керн. — Если вы только захотите, я могу дать вам и мужское тело.

Брике посмотрела на него с удивлением и ужасом.

— Мужское тело? Женская голова на мужском теле! Нет, нет, это будет ужасное безобразие! Трудно даже придумать костюм...

— Но ведь вы тогда уже не будете женщиной. Вы превратитесь в мужчину. У вас отрастут усы и борода, изменится и голос. Разве вы не хотите превратиться в мужчину? Многие женщины сожалеют о том, что они не родились мужчиной.

— Это, наверное, такие женщины, на которых мужчины не обращали никакого внимания. Такие, конечно, выиграли бы от превращения в мужчину. Но я... я не нуждаюсь в этом. — И Брике гордо вздернула свои красивые брови.

— Ну, пусть будет по-вашему. Вы останетесь женщиной. Я постараюсь подыскать вам подходящее тело.

— О, профессор, я буду бесконечно благодарна вам. Можно это сделать сегодня? Представляю, какой я произведу эффект, когда вновь вернусь в «Ша-нуар»...

— Это так скоро не делается.

Брике продолжала болтать, но Керн уже отошел от нее и обратился к Тома:

— Как дела, приятель?

Тома не слыхал разговора профессора с Брике. Занятый своими мыслями, он угрюмо посмотрел на Керна и ничего не ответил.

С тех пор как профессор Керн обещал Брике дать новое тело, ее настроение круто изменилось. Адские кошмары уже не преследовали ее. Она больше не думала о загробном существовании. Все ее мысли были поглощены заботами о предстоящей новой земной жизни. Глядя в зеркало, она беспокоилась о том, что ее лицо стало худым, а кожа приобрела желтоватый оттенок. Она измучила Лоран, заставляя завивать себе волосы, делать прическу и наводить грим на лицо.

— Профессор, неужели я останусь такая худая и желтая? — с беспокойством спрашивала она Керна.

— Вы станете красивей, чем были, — успокаивал он ее.

— Нет, красками здесь не поможешь, это самообман, — говорила она по уходе профессора. — Мадемуазель Лоран,

мы будем делать холодные обмывания и массаж. У глаз и от носа к губам у меня появились новые морщинки. Я думаю, если хорошо массировать, они уничтожатся. Одна моя подруга... Ах да, я и забыла вас спросить, нашли ли вы серого шелку на платье? Серый цвет очень идет ко мне. А модные журналы принесли? Отлично! Как жалко, что еще нельзя делать примерки. Я не знаю, какое у меня будет тело. Хорошо, чтобы он достал повыше ростом, с узкими бедрами... Разверните журнал.

И она углубилась в тайны красоты женских нарядов. Лоран не забывала о голове профессора Доуэля. Она попрежнему ухаживала за головой и по утрам занималась чтением, но на разговоры не оставалось времени, а Лоран еще о мно́гом хотела переговорить с Доуэлем. Она все более переутомлялась и нервничала. Голова Брике не давала ей ни минуты покоя. Иногда Лоран прерывала чтение и принуждена была бежать на крик Брике только для того, чтобы поправить спустившийся локон или ответить, была ли Лоран в бельевом магазине.

— Но ведь вы же не знаете размеров вашего тела, — сдерживая раздражение, говорила Лоран, наскоро поправляла локон на голове Брике и спешила к голове Доуэля.

Мысль о производстве смелой операции захватила Керна.

Керн усиленно работал, подготовляясь к этой сложной операции. Он надолго запирался с головой профессора Доуэля и беседовал с ней. Без совета Доуэля Керн при всем желании обойтись не мог. Доуэль указывал ему на целый ряд затруднений, о которых Керн не подумал и которые могли повлиять на исход опыта, советовал проделать несколько предварительных опытов на животных и руководил этими опытами. И — такова была сила интеллекта Доуэля — он сам чрезвычайно заинтересовался предстоящим опытом. Голова Доуэля как будто даже посвежела. Мысль его работала с необычайной ясностью.

Керн был доволен и недоволен столь широкой помощью Доуэля. Чем дальше подвигалась работа, тем больше убеждался Керн, что без Доуэля он с нею не справился бы.

И ему оставалось тешить свое самолюбие только тем, что осуществление этого нового опыта будет произведено им.

— Вы достойный преемник покойного профессора Доуэля, — как-то сказала ему голова Доуэля с едва заметной иронической улыбкой. — Ах, если бы я мог принять более активное участие в этой работе!

Это не было ни просьбой, ни намеком. Голова Доуэля слишком хорошо знала, что Керн не захочет, не решится дать ей новое тело.

Керн нахмурился, но сделал вид, что не слыхал этого восклицания.

— Итак, опыты с животными увенчались успехом, — сказал он. — Я оперировал двух собак. Обезглавив их, пришил голову одной к туловищу другой. Обе здравствуют, швы на шее срастаются.

— Питание? — спросила голова.

— Пока еще искусственное. Через рот даю только дезинфицирующий раствор с йодом. Но скоро перейду на нормальное питание.

Через несколько дней Керн объявил:

— Собаки питаются нормально. Перевязки сняты, и, я думаю, через день-два они смогут бегать.

— Подождите с недельку, — посоветовала голова. — Молодые собаки делают резкие движения головой, и швы могут разойтись. Не форсируйте. — «Успеете пожать лавры», — хотела добавить голова, но удержалась. — И еще одно: держите собак в разных помещениях. Вдвоем они будут поднимать возню и могут повредить себе.

Наконец настал день, когда профессор Керн с торжественным видом ввел в комнату головы Доуэля собаку с черной головой и белым туловищем. Собака, видимо, чувствовала себя хорошо. Глаза ее были живы, она весело помахивала хвостом. Увидев голову профессора Доуэля, собака вдруг взъерошила шерсть, заворчала и залаяла диким голосом. Необычайное зрелище, видимо, поразило и испугало ее.

— Проведите собаку по комнате, — сказала голова.

Керн прошелся по комнате, ведя за собой собаку. От наметанного, зоркого глаза Доуэля ничего не ускользало.

— А это что? — спросил Доуэль. — Собака немного припадает на заднюю левую ногу. И голосок не в порядке.

Керн смутился.

— Собака хромала и до операции, — сказал он, — нога перешиблена.

— На глаз деформации не видно, а прощупать, увы, я не могу. Вы не могли найти пару здоровых собак? — с сомнением в голосе спросила голова. — Я думаю, со мной можно быть вполне откровенным, уважаемый коллега. Наверно, с операцией оживления долго возились и слишком задержали «смертную паузу» остановки сердечной деятельности и дыхания, а это, как вам должно быть известно из моих опытов, нередко ведет к расстройству функций нервной системы. Но успокойтесь, такие явления могут исчезнуть. Постарайтесь только, чтобы ваша Брике не захромала на обе ноги.

Керн был взбешен, но старался не подавать виду. Он узнал в голове прежнего профессора Доуэля — прямого, требовательного и самоуверенного.

«Возмутительно! — думал Керн. — Эта шипящая, как проколотая шина, голова продолжает учить меня и издеваться над моими ошибками, и я принужден, точно школьник, выслушивать ее поучения... Поворот крана, и дух вылетит из этой гнилой тыквы...» Однако вместо этого Керн, ничем не выдавая своего настроения, со вниманием выслушал еще несколько советов.

— Благодарю за ваши указания, — сказал Керн и, кивнув головой, вышел из комнаты. За дверями он опять повеселел. «Нет, — утешал себя Керн, — работа проведена отлично. Угодить Доуэлю не так-то легко. Припадающая нога и дикий голос собаки — пустяки в сравнении с тем, что сделано».

Проходя через комнату, где помещалась голова Брике, он остановился и, показывая на собаку, сказал:

— Мадемуазель Брике, ваше желание скоро исполнит-

ся. Видите эту собачку? Она так же, как и вы, была головой без тела, и, посмотрите, она живет и бегает как ни в чем не бывало.

— Я не собачка, — обиженно ответила голова Брике.

— Но ведь это же необходимый опыт. Если ожила собачка в новом теле, то оживете и вы.

— Не понимаю, при чем тут собачка, — упрямо твердила Брике. — Мне нет никакого дела до собачки. Вы лучше скажите, когда я буду оживлена. Вместо того чтобы скорее оживить меня, вы возитесь с какими-то собаками.

Керн безнадежно махнул рукой и, продолжая весело улыбаться, сказал:

— Теперь скоро. Надо только найти подходящий труп... то есть тело, и вы будете в полной форме, как говорится.

Отведя собаку, Керн вернулся с сантиметром в руках и тщательно измерил окружность шеи головы Брике.

— Тридцать шесть сантиметров, — сказал он.

— Боже, неужели я так похудела? — воскликнула голова Брике. — У меня было тридцать восемь. А размер туфель я ношу...

Но Керн, не слушая ее, быстро ушел к себе. Не успел он усесться за свой стол в кабинете, как в дверь постучались.

— Войдите.

Дверь открылась. Вошла Лоран. Она старалась держаться спокойно, но лицо ее было взволнованно.

ПОРОК И ДОБРОДЕТЕЛЬ

— В чем дело? С головами что-нибудь случилось? — спросил Керн, поднимая голову от бумаг.

— Нет... но я хотела поговорить с вами, господин профессор.

Керн откинулся на спинку кресла.

— Я вас слушаю, мадемуазель Лоран.

— Скажите, вы серьезно предполагаете дать голове Брике тело или только утешаете ее?

— Совершенно серьезно.

— И вы надеетесь на успех этой операции?

— Вполне. Вы же видели собаку?

— А Тома вы не предполагаете... поставить на ноги? — издалека начала Лоран.

— Почему бы нет? Он уже просил меня об этом. Не всех сразу.

— А Доуэля... — Лоран вдруг заговорила быстро и взволнованно: — Конечно, каждый имеет право на жизнь, на нормальную человеческую жизнь, и Тома, и Брике. Но вы, разумеется, понимаете, что ценность головы профессора Доуэля гораздо выше, чем остальных ваших голов... И если вы хотите вернуть к нормальному существованию Тома и Брике, то насколько важнее вернуть к той же нормальной жизни голову профессора Доуэля.

Керн нахмурился. Все выражение его лица сделалось настороженным и жестким.

— Профессор Доуэль, вернее — его профессорская голова, нашел прекрасного защитника в вашем лице, — сказал он, иронически улыбаясь. — Но в таком защитнике, пожалуй, нет и необходимости, и вы напрасно горячитесь и волнуетесь. Разумеется, я думал и об оживлении головы Доуэля.

— Но почему вы не начнете опыта с него?

— Да именно потому, что голова Доуэля дороже тысячи других человеческих голов. Я начал с собаки, прежде чем наделить телом голову Брике. Голова Брике настолько дороже головы собаки, насколько голова Доуэля дороже головы Брике.

— Жизнь человека и собаки несравнима, профессор...

— Так же, как и головы Доуэля и Брике. Вы ничего больше не имеете сказать?

— Ничего, господин профессор, — ответила Лоран, направляясь к двери.

— В таком случае, мадемуазель, я имею к вам кое-какие вопросы. Подождите, мадемуазель.

Лоран остановилась у двери, вопросительно глядя на Керна.

— Прошу вас, подойдите к столу, присядьте.

Лоран со смутной тревогой опустилась в глубокое кресло. Лицо Керна не обещало ничего хорошего. Керн откинулся на спинку кресла и долго испытующе смотрел в глаза Лоран, пока она не опустила их. Потом он быстро поднялся во весь свой высокий рост, крепко уперся кулаками в стол, наклонил голову к Лоран и спросил тихо и внушительно:

— Скажите, вы не пускали в действие воздушный кран головы Доуэля? Вы не разговаривали с ним?

Лоран почувствовала, что кончики пальцев ее похолодели. Мысли вихрем закружились в ее голове. Гнев, который возбуждал в ней Керн, клокотал и готов был прорваться наружу.

«Сказать или не сказать ему правду?» — колебалась Лоран. О, какое наслаждение бросить в лицо этому человеку слово «убийца», но такой открытый выпад мог бы испортить все.

Лоран не верила в то, что Керн даст голове Доуэля новое тело. Она уже слишком много знала, чтобы верить такой возможности. И она мечтала только об одном: чтобы развенчать Керна, присвоившего себе плоды трудов Доуэля, в глазах общества и раскрыть его преступление. Она знала, что Керн не остановится ни перед чем, и, объявляя себя открытым его врагом, она подвергала свою жизнь опасности. Но не чувство самосохранения останавливало ее. Она не хотела погибнуть, прежде чем преступление Керна не будет раскрыто. И для этого надо было лгать. Но лгать не позволяла ей совесть, все ее воспитание. Еще никогда в жизни она не лгала и теперь переживала ужасное волнение.

Керн не спускал глаз с ее лица.

— Не лгите, — сказал он насмешливо, — не отягощайте свою совесть грехом лжи. Вы разговаривали с головой, не отпирайтесь, я знаю это. Джон подслушал все...

Лоран, склонив голову, молчала.

— Мне интересно только знать, о чем вы разговаривали с головой?

Лоран почувствовала, как отхлынувшая кровь прилила

к щекам. Она подняла голову и посмотрела прямо в глаза Керна.

— Обо всем.

— Так, — сказал Керн, не снимая рук со стола. — Так я и думал. Обо всем.

Наступила пауза. Лоран вновь опустила глаза вниз и сидела теперь с видом человека, ждущего приговора.

Керн вдруг быстро направился к двери и запер ее на ключ. Прошелся несколько раз по мягкому ковру кабинета, заложив руки за спину. Потом бесшумно подошел к Лоран и спросил:

— И что же вы думаете предпринять, милая девочка? Предать суду кровожадное чудовище — Керна? Втоптать его имя в грязь? Разоблачить его преступление? Доуэль, наверное, просил вас об этом?

— Нет, нет, — забыв весь свой страх, горячо заговорила Лоран, — уверяю вас, что голова профессора Доуэля совершенно лишена чувства мести. О, это благородная душа! Он даже... отговаривал меня. Он не то что вы, нельзя судить по себе! — уже с вызовом закончила она, сверкнув глазами.

Керн усмехнулся и вновь зашагал по кабинету.

— Так, так, отлично. Значит, у вас все-таки были разоблачительные намерения, и если бы не голова Доуэля, то профессор Керн уже сидел бы в тюрьме. Если добродетель не может торжествовать, то, по крайней мере, порок должен быть наказан. Так оканчивались все добродетельные романы, которые вы читали, не правда ли, милая девочка?

— И порок будет наказан! — воскликнула она, уже почти теряя волю над своими чувствами.

— О да, конечно, там, на небесах. — Керн посмотрел на потолок, облицованный крупными шашками из черного дуба. — Но здесь, на земле, да будет вам известно, наивное создание, торжествует порок, и только порок! А добродетель... Добродетель стоит с протянутой рукой, вымаливая у порока гроши, или торчит вот там, — Керн указал в сторону комнаты, где находилась голова Доуэля, — как воронье пугало, размышляя о бренности всего земного.

И, подойдя к Лоран вплотную, он, понизив голос, сказал:

— Вы знаете, что и вас, и голову Доуэля я могу в буквальном смысле слова превратить в пепел, и ни одна душа не узнает об этом.

— Я знаю, что вы готовы на всякое...

— Преступление? И очень хорошо, что вы знаете это. — Керн вновь зашагал по комнате и уже обычным голосом продолжал говорить, как бы рассуждая вслух: — Однако что вы прикажете с вами делать, прекрасная мстительница? Вы, к сожалению, из той породы людей, которые не останавливаются ни перед чем и ради правды готовы принять мученический венец. Вы хрупкая, нервная, впечатлительная, но вас не запугаешь. Убить вас? Сегодня же, сейчас же? Мне удастся замести следы убийства, но все же с этим придется повозиться. А мое время дорого. Подкупить вас? Это труднее, чем запугать вас... Ну, говорите, что мне делать с вами?

— Оставьте все так, как было... ведь я же не доносила на вас до сих пор.

— И не донесете?

Лоран замедлила с ответом, потом ответила тихо, но твердо:

— Донесу.

Керн топнул ногой.

— У-у, упрямая девчонка! Так вот что я скажу вам. Садитесь сейчас же за мой письменный стол... Не бойтесь, я еще не собираюсь ни душить, ни отравлять вас. Ну, садитесь же.

Лоран с недоумением посмотрела на него, подумала и пересела в кресло у письменного стола.

— В конце концов, вы нужны мне. Если я сейчас убью вас, мне придется нанимать заместительницу или заместителя. Я не гарантирован, что на вашем месте не окажется какой-нибудь шантажист, который, открыв тайну головы Доуэля, не станет высасывать из меня деньги, чтобы в итоге все же донести на меня. Вас я, по крайней мере, знаю... Итак, пишите. «Дорогая мамочка, — или как вы там назы-

ваете свою мать? — состояние больных, за которыми я ухаживаю, требует моего неотлучного присутствия в доме профессора Керна...»

— Вы хотите лишить меня свободы? Задержать в вашем доме? — с негодованием спросила Лоран, не начиная писать.

— Вот именно, моя добродетельная помощница.

— Я не стану писать такое письмо, — решительно заявила Лоран.

— Довольно! — вдруг крикнул Керн так, что в часах загудела пружина. — Поймите же, что у меня нет другого выхода. Не будьте, наконец, глупой.

— Я не останусь у вас и не буду писать это письмо!

— Ах, так! Хорошо же. Можете идти на все четыре стороны. Но, прежде чем вы уйдете отсюда, вы будете свидетельницей того, как я отниму жизнь у головы Доуэля и растворю эту голову в химическом растворе. Идите и кричите тогда по всему миру о том, что вы видели у меня голову Доуэля. Вам никто не поверит. Над вами будут смеяться. Но берегитесь! Я не оставлю ваш донос без возмездия. Идемте же!

Керн схватил Лоран за руку и повлек к двери. Она была слишком слаба физически, чтобы оказать сопротивление этому грубому натиску.

Керн отпер дверь, быстро прошел через комнату Тома и Брике и вошел в комнату, где находилась голова профессора Доуэля.

Голова Доуэля с недоумением смотрела на этот неожиданный визит. А Керн, не обращая внимания на голову, быстро подошел к аппаратам и резко повернул кран от баллона, подающего кровь.

Глаза головы непонимающе, но спокойно повернулись в сторону крана, затем голова посмотрела на Керна и растерянную Лоран. Воздушный кран не был открыт, и голова не могла говорить. Она только шевелила губами, и Лоран, привыкшая к мимике головы, поняла: это был немой вопрос: «Конец?»

Затем глаза головы, устремленные на Лоран, начали как

будто тускнеть, и в то же время веки широко раскрылись, глазные яблоки выпучились, а лицо начало судорожно подергиваться. Голова переживала муки удушья.

Лоран истерически крикнула. Потом, шатаясь, подошла к Керну, уцепилась за его руку и, почти теряя сознание, заговорила прерывающимся, сдавленным спазмой голосом:

— Откройте, скорее откройте кран... Я согласна на все!

С едва заметной усмешкой Керн открыл кран. Живительная струя потекла по трубке в голову Доуэля. Судорожные подергивания лица прекратились, глаза приняли нормальное выражение, взгляд просветлел. Угасавшая жизнь вернулась в голову Доуэля. Вернулось и сознание, потому что Доуэль вновь посмотрел на Лоран с выражением недоумения и как будто даже разочарования. Лоран шаталась от волнения.

— Позвольте вам предложить руку, — галантно сказал Керн, и странная пара удалилась.

Когда Лоран вновь уселась у стола, Керн как ни в чем не бывало сказал:

— Так на чем мы остановились? Да... «Состояние больных требует моего постоянного, — или нет, напишите: неотлучного пребывания в доме профессора Керна. Профессор Керн был так добр, что предоставил в мое распоряжение прекрасную комнату с окном в сад. Кроме того, так как мой рабочий день увеличился, то профессор Керн утроил мое жалованье».

Лоран с упреком посмотрела на Керна.

— Это не ложь, — сказал он. — Необходимость заставляет меня лишить вас свободы, но я должен чем-нибудь вознаградить вас. Я действительно увеличиваю вам жалованье. Пишите дальше: «Уход здесь прекрасный, и хотя работы много, но я чувствую себя великолепно. Ко мне не приходи: профессор никого не принимает у себя. Но не скучай, я тебе буду писать...» Так. Ну и от себя прибавьте еще каких-нибудь нежностей, которые вы обычно пишете, чтобы письмо не возбудило никаких подозрений.

И, уже как будто позабыв о Лоран, Керн начал размышлять вслух:

— Долго так, конечно, продолжаться не может. Но, надеюсь, я долго и не задержу вас. Наша работа приходит к концу, и тогда... То есть я хотел сказать, что голова недолговечна. И когда она покончит свое существование... Ну, что там, вы знаете все. Проще сказать, когда мы кончим с Доуэлем работу, окончится и существование головы Доуэля. От головы не останется даже пепла, и тогда вы сможете вернуться к своей уважаемой матушке. Вы больше не будете опасны для меня. И еще раз: имейте в виду, если вы вздумаете болтать, у меня есть свидетели, которые в случае надобности покажут под присягой, что бренные останки профессора Доуэля вместе с головой, ногами и прочими профессорскими атрибутами сожжены мною после анатомического вскрытия в крематории. Для этих случаев крематорий — очень удобная вещь.

Керн позвонил. Вошел Джон.

— Джон, ты отведешь мадемуазель Лоран в белую комнату, выходящую окном в сад. Мадемуазель Лоран переселяется в мой дом, так как сейчас предстоит большая работа. Спроси у мадемуазель, что ей необходимо, чтобы устроиться поудобнее, и достань все необходимое. Можешь заказать от моего имени по телефону в магазинах. Счета я оплачу. Не забудь заказать для мадемуазель обед.

И, откланявшись, Керн ушел.

Джон проводил Лоран в отведенную ей комнату.

Керн не солгал: комната действительно была очень хороша — светлая, просторная и уютно обставленная. Огромное окно выходило в сад. Но самая мрачная тюрьма не могла навести на Лоран большей тоски, чем эта веселая, нарядная комната. Как тяжелобольная, добралась Лоран до окна и посмотрела в сад.

«Второй этаж... высоко... отсюда не убежишь...» — подумала она. Да если бы и могла убежать, не убежала бы, так как ее бегство было бы равносильно приговору для головы Доуэля.

Лоран в изнеможении опустилась на кушетку и погрузилась в тяжелое раздумье. Она не могла определить, сколько времени находилась в этом состоянии.

— Кушать подано, — услышала она как сквозь сон голос Джона и подняла усталые веки.

— Благодарю вас, я не голодна, уберите со стола.

Вышколенный слуга беспрекословно исполнил приказание и удалился.

И она вновь погрузилась в свои думы. Когда в окне противоположного дома вспыхнули огни, она почувствовала такое одиночество, что решила немедля навестить головы. Особенно ей хотелось повидать голову Доуэля.

Неожиданный визит Лоран чрезвычайно обрадовал голову Брике.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Уже? Принесли?

— Что?

— Мое тело, — сказала Брике таким тоном, как будто вопрос шел о новом платье.

— Нет, еще не принесли, — невольно улыбаясь, ответила Лоран. — Но скоро принесут, теперь уж вам недолго ожидать.

— Ах, скорей бы!..

— А мне также пришьют другое тело? — спросил Тома.

— Да, разумеется, — успокоила его Лоран. — И вы будете такой же здоровый, сильный, как были. Вы соберете денег, поедете к себе в деревню и женитесь на вашей Мари.

Лоран уже знала все затаенные желания головы.

Тома чмокнул губами.

— Скорее бы.

Лоран поспешила пройти в комнату головы Доуэля. Как только воздушный кран был открыт, голова спросила Лоран:

— Что все это значит?

Лоран рассказала голове о разговоре с Керном и своем заключении.

— Это возмутительно! — сказала голова. — Если бы я только мог помочь вам... И я, пожалуй, смогу, если только вы сами поможете мне...

В глазах головы были гнев и решимость.

— Все очень просто. Закройте кран от питательных трубок, и я умру. Поверьте, что я был даже разочарован, когда Керн вновь открыл кран и оживил меня. Я умру, и Керн отпустит вас домой.

— Я никогда не вернусь домой такой ценой! — воскликнула Лоран.

— Я бы хотел иметь все красноречие Цицерона, чтобы убедить вас сделать это.

Лоран отрицательно покачала головой.

— Даже Цицерон не убедил бы меня. Я никогда не решусь прекратить жизнь человека...

— Ну, разве я человек? — с грустной улыбкой спросила голова.

— Помните, вы сами повторили слова Декарта: «Я мыслю. Следовательно, я существую», — ответила Лоран.

— Положим, это так, но тогда вот что. Я перестану инструктировать Керна. И уже никакими пытками он не заставит меня помогать ему. И тогда он сам прикончит меня.

— Нет, нет, умоляю вас. — Лоран подошла к голове. — Послушайте меня. Я думала раньше о мести, теперь думаю об ином. Если Керну удастся приставить тело трупа к голове Брике и операция пройдет удачно, то есть надежда и вас вернуть к жизни... Не Керн, так другой.

— К сожалению, надежда эта очень слабая, — ответил Доуэль. — Едва ли опыт удастся даже у Керна. Он злой и преступный человек, тщеславный, как тысяча Геростратов. Но он талантливый хирург и, пожалуй, самый способный из всех ассистентов, которые были у меня. Если не сделает этого он, который пользовался моими советами до настоящего дня, то не сделает никто. Однако я сомневаюсь, чтобы и он сделал эту невиданную операцию.

— Но собаки...

— Собаки — дело иное. Обе собаки, живые и здоровые, лежали на одном столе, перед тем как совершить операцию пересадки голов. Все это произошло очень быстро. Да и то Керну, по-видимому, удалось вернуть к жизни только одну

собаку, иначе он привел бы их обеих ко мне похвастать. А тело трупа может быть привезено только через несколько часов, когда, быть может, начались уже процессы гниения. О сложности самой операции вы сами можете судить как медик. Это не то что пришить полуотрезанный палец. Надо связать, тщательно сшить все артерии, вены и, главное, нервы и спинной мозг, иначе получится калека; затем возобновить кровообращение... Нет, это бесконечно трудная задача, непосильная для современных хирургов.

— Неужели вы сами не сделали бы такой операции?

— Я обдумал все, уже делал опыты с собаками и полагаю, что мне это удалось бы...

Дверь неожиданно открылась. На пороге стоял Керн.

— Совещание заговорщиков? Не буду вам мешать. — И он хлопнул дверью.

МЕРТВАЯ ДИАНА

Голове Брике казалось, что подобрать и пришить к голове человека новое тело так же легко, как примерить и сшить новое платье. Объем шеи снят, остается только подобрать такой же объем шеи у трупа.

Однако она скоро убедилась, что дело не так просто. Утром в белых халатах к ней явились профессор Керн, Лоран и Джон. Керн распорядился, чтобы голова Брике была осторожно снята со стеклянной подставки и положена лицом вверх так, чтобы можно было видеть весь срез шеи. Питание головы кровью, насыщенной кислородом, не прекращалось. Керн углубился в изучение и промеры.

— При всем однообразии человеческой анатомии, — говорил Керн, — каждое тело человека имеет свои индивидуальные особенности. Иногда трудно бывает различить, предлежит ли, например, наружная или внутренняя сонная артерия. Неодинаковой бывает и толщина артерии, ширина дыхательного горла даже у людей с одинаковым объемом шеи. Немало придется повозиться и с нервами.

— Но как же вы будете оперировать? — спросила Ло-

ран. — Приставив срез шеи к срезу туловища, вы тем самым закроете сразу всю поверхность среза.

— В том-то и дело. Мы с Доуэлем проработали этот вопрос. Придется делать целый ряд продольных сечений — идти от центра к периферии. Это очень сложная работа. Придется сделать свежие сечения на шее головы и трупа, чтобы добраться до еще не отмерших, жизнедеятельных клеток. Но главное затруднение все же не в этом. Главное — как уничтожить в теле трупа продукты начавшегося гниения или места инфекционного заражения, как очистить кровеносные сосуды от свернувшейся крови, наполнить их свежей кровью и заставить заработать «мотор» организма — сердце... А спинной мозг? Малейшее прикосновение к нему вызывает сильнейшую реакцию, зачастую с самыми тяжелыми последствиями.

— И как же вы предполагаете преодолеть все эти трудности?

— О, пока это мой секрет. Когда опыт удастся, я опубликую всю историю воскрешения из мертвых. Ну, на сегодня довольно. Поставьте голову на место. Пустите воздушную струю. Как вы себя чувствуете, мадемуазель? — спросил Керн, обращаясь к голове Брике.

— Благодарю вас, хорошо. Но послушайте, господин профессор, я очень обеспокоена... Вы тут говорили о разных непонятных вещах, но одно я поняла, что вы собираетесь кромсать мою шею вдоль и поперек. Ведь это же будет сплошное безобразие. Куда я покажусь с такой шеей, которая будет похожа на котлету?

— Я постараюсь, чтобы рубцы были менее заметны. Но, разумеется, скрыть совершенно следы операции не удастся. Не делайте отчаянных глаз, мадемуазель, вы можете носить на шее бархатку или даже колье. Так и быть, я подарю его вам в день вашего «рождения». Да, вот еще что. Сейчас ваша голова несколько усохла. Когда же вы заживете нормальной жизнью, голова должна пополнеть. Чтобы узнать ваш нормальный объем шеи, придется вас «раскормить» теперь же, иначе могут произойти неприятности.

— Но ведь я же не могу есть, — жалобно ответила голова.

— Мы вас раскормим по трубочке. Я приготовил особый состав, — обратился он к Лоран. — Кроме того, придется усилить и подачу крови.

— Вы включаете в питательную жидкость жировые вещества?

Керн сделал неопределенный жест рукой.

— Если голова и не разжиреет, то «набухнет», а это нам и надо. Итак, — закончил он, — остается самое главное: молите бога, мадемуазель Брике, чтобы скорее погибла какая-нибудь красавица, которая одолжит вам после смерти свое прекрасное тело.

— Не говорите так, это ужасно! Человек должен умереть, чтобы я получила тело... И, доктор, я боюсь. Ведь это тело мертвеца. А вдруг она придет и потребует отдать ей свое тело?

— Кто она?

— Мертвая.

— Но ведь у нее не будет ног, чтобы прийти, — смеясь, отвечал Керн. — А если и придет, то вы скажете ей, что это вы дали ее телу голову, а не она вам тело, и она, конечно, будет благодарна за этот подарок. Иду дежурить в морг. Пожелайте мне удачи!

Успех опыта во многом зависел от того, чтобы найти возможно свежий труп, и поэтому Керн бросил все дела и почти переселился в морг, поджидая счастливого случая.

С сигарой во рту он ходил по длинному зданию так спокойно, как будто гулял по бульварам. Матовый свет падал с потолка на длинные ряды мраморных столов. На каждом столе лежал труп, уже обмытый струей воды и раздетый.

Заложив руки в карманы пальто и попыхивая сигарой, Керн обходил длинные ряды столов, заглядывал в лица и от времени до времени поднимал кожаные покрывала, чтобы осмотреть тело.

Вместе с ним ходили и родственники или друзья погибших людей. Керн относился к ним недоброжелательно, опасаясь, как бы они не вырвали у него подходящий труп

из-под рук. Получить труп для Керна было не так-то просто. До истечения трехдневного срока на каждый труп могли предъявить права родственники, по истечении же трех дней полуразложившийся труп не представлял для Керна никакого интереса. Ему был нужен совершенно свежий, по возможности даже неостывший труп.

Керн не поскупился на взятки, чтобы иметь возможность получить свежий труп немедленно. Номер трупа мог быть заменен, и какая-то неудачница в конце концов была бы зарегистрирована как «пропавшая без вести».

«Однако нелегко найти Диану по вкусу Брике», — думал Керн, разглядывая широкие ступни и мозолистые руки трупов. Большинство лежащих здесь принадлежало не к тем, кто ездит на автомобилях. Керн прошел из конца в конец. За это время несколько трупов было опознано и унесено, а на их места уже тащили новые. Но и среди новичков Керн не мог найти подходящего для операции материала. Находились трупы без головы, но или неподходящей комплекции, или имеющие раны на теле, или же, наконец, начинавшие уже разлагаться. День был на исходе. Керн чувствовал приступы голода и с удовольствием представил себе куриные котлеты в дымящемся горошке.

«Неудачный день», — подумал Керн, вынимая часы. И он направился к выходу среди двигающейся у трупов толпы, полной отчаянья, тоски и ужаса. Навстречу ему служащие несли труп женщины без головы. Обмытое молодое тело блестело, как белый мрамор.

«О, это что-то подходящее», — подумал он и пошел вслед за сторожами. Когда труп был положен, Керн бегло осмотрел его и еще больше убедился в том, что он нашел то, что нужно. Керн уже хотел шепнуть служащим, чтобы они унесли труп, как вдруг к трупу подошел плохо одетый старик с давно не бритыми усами и бородой.

— Вот она, Марта! — воскликнул он и вытер рукой со лба пот.

«Черт его принес!» — выбранился Керн и, подойдя к старику, сказал:

— Вы опознали труп? Ведь он без головы.

Старик показал на большую родинку на левом плече.

— Приметная, — ответил он.

Керн удивился, что старик говорит так спокойно.

— Кто же она была? Ваша жена или дочь?

— Бог милостив, — ответил словоохотливый старик. — Племянницей она мне была, да и неродной. От моей кузины их трое осталось, — кузина умерла, а мне их на шею. У меня же своих четверо. Нужда. Но что сделаете, сударь? Ведь не котята, под забор не подкинешь. Так и жили. А тут случилось несчастье. Живем мы в старом доме, нас давно выселяли из него, но куда денешься? И вот дожили. Крыша обвалилась. Остальные дети ушибами отделались, а этой голову начисто срезало. Меня со старухой дома не было, мы с ней жареными каштанами торгуем. Я пришел домой, а Марту в морг уже отвезли. И зачем в морг? Говорят, за компанию, в других квартирах тоже людей подавило, и некоторые из них одинокие были, вот всех их сюда. Я домой пришел, фюить, и войти нельзя, словно землетрясение.

«Дело подходящее», — подумал Керн и, отведя старика в сторону, сказал ему:

— Что случилось, того не поправишь. Видите ли, я врач, и мне нужен труп. Буду говорить прямо. Хотите получить сто франков — и можете отправляться домой.

— Потрошить будете? — Старик неодобрительно покачал головой и задумался. — Ей, конечно, все равно пропадать... Мы люди бедные... А все ж таки не чужая кровь...

— Двести.

— А нужда велика, детишки голодные... но все-таки жалко... Хорошая девушка была, очень хорошая, очень добрая, и лицо как розан, не то что этот хлам... — Старик пренебрежительно махнул на столы с трупами.

«Ну и старик! Он, кажется, начинает расхваливать свой товар», — подумал Керн и решил изменить тактику.

— Впрочем, как хотите, — небрежно сказал он. — Трупов здесь немало, и есть нисколько не хуже вашей племянницы. — И Керн отошел от старика.

— Да нет, как же так, дайте подумать... — семенил за ним старик, явно склоняясь к сделке.

Керн уже торжествовал, но положение неожиданно изменилось еще раз.

— Ты уже здесь? — послышался взволнованный старческий голос.

Керн обернулся и увидел быстро приближающуюся толстенькую старушку в чистеньком белом чепце. Старик при виде ее невольно крякнул.

— Нашел? — спросила старушка, дико озираясь по сторонам и шепча молитвы.

Старик молча показал рукой на труп.

— Голубка ты наша, мученица несчастная! — заголосила старуха, приближаясь к обезглавленному трупу.

Керн видел, что со старухой будет трудно сладить.

— Послушайте, мадам, — сказал он приветливо, обращаясь к старухе. — Я тут беседовал с вашим мужем и узнал, что вы очень нуждаетесь.

— Нуждаемся или нет, у других не просим, — отрезала не без гордости старушка.

— Да, но... видите ли, я член благотворительного похоронного общества. Я могу принять похороны вашей племянницы на счет общества и возьму все хлопоты на себя. Если хотите, можете поручить это мне, а сами идите к своим делам, вас ждут ваши дети и сироты.

— Ты что тут наболтал? — набросилась старушка на мужа. И, обернувшись к Керну, она сказала: — Благодарю вас, господин, но я должна все выполнить как полагается. Как-нибудь справимся и без вашего благотворительного общества. Что глазами ворочаешь? — перешла она на обычный тон в разговоре с мужем. — Забирай покойницу. Поедем. Я и тачку привезла.

Все это было сказано таким решительным тоном, что Керн сухо поклонился и отошел.

«Досадно! Нет, решительно сегодня неудачный день».

Он отправился к выходу и, отведя привратника в сторону, тихо сказал ему:

— Так смотрите же, если будет что-нибудь подходящее, немедленно звоните мне по телефону.

— О сударь, непременно, — закивал головой привратник, получивший от Керна хороший куш.

Керн плотно пообедал в ресторане и вернулся к себе.

Когда он зашел в комнату Брике, она встретила его обычным в последнее время вопросом:

— Нашли?

— Нашел, да неудачно, черт побери! — ответил он. — Потерпите.

— Но неужели так-таки ничего подходящего и не было? — не унималась Брике.

— Были этакие кривоногие каракатицы. Если хотите, то я...

— Ах нет, уж лучше я потерплю. Я не хочу быть каракатицей.

Керн решил лечь спать раньше обыкновенного, чтобы пораньше встать и вновь отправиться в морг. Но не успел он заснуть, как затрещал телефон у кровати. Керн выбранился и взял трубку.

— Алло! Я слушаю. Да, профессор Керн. Что такое? Крушение поезда у самого вокзала? Масса трупов? Ну да, конечно, немедленно. Благодарю вас.

Керн начал быстро одеваться, вызвал Джона и крикнул:

— Машину!

Через пятнадцать минут он уже мчался по ночным улицам, как на пожар.

Привратник не обманул. В эту ночь смерть собрала большой урожай. Трупы таскали беспрерывно. Все столы были завалены. Скоро пришлось класть их на пол. Керн был в восторге. Он благословлял судьбу за то, что эта катастрофа не случилась днем. Весть о ней, вероятно, еще не распространилась в городе. Посторонних в морге пока не было. Керн рассматривал еще не раздетые и не обмытые трупы. Все они были совершенно свежие. Исключительно удачный случай. Одно плохо, что и этот благодетельный случай не очень считался со специальными требованиями

Керна. Большинство тел было раздавлено или повреждено во многих местах. Но Керн не терял надежды, так как трупы все прибывали.

— Покажите-ка мне вот эту, — обратился он к служащему, несшему труп девушки в сером костюме. Череп был разбит со стороны затылка. Волосы окровавлены, платье тоже. Но платье не измято. «Видимо, повреждения тела не велики... Идет. Телосложение довольно плебейское, — вероятно, какая-нибудь камеристка, но лучше такое тело, чем ничего», — думал Керн. — А это? — Керн указал на другие носилки. — Да это целая находка! Сокровище! Черт возьми, досадно все-таки, что погибла такая женщина!

На пол опустили труп молодой женщины с необычайно красивым аристократическим лицом, на котором застыло только одно глубокое удивление. У нее был пробит череп выше правого уха. Очевидно, смерть наступила мгновенно. На белой шее виднелось жемчужное ожерелье. Изящное черное шелковое платье было лишь немного изорвано внизу и от ворота до плеча. На обнажившемся плече виднелась родинка.

«Как у той, — подумал Керн. — Но это... какая красота! — Керн наскоро измерил шею. — Как по заказу».

Керн сорвал дорогое ожерелье из настоящих крупных жемчужин, бросил его служащим и сказал:

— Я беру вот этот труп. Но так как у меня нет времени произвести здесь тщательный осмотр трупов, то на всякий случай я беру и вот этот, — он указал на первый труп девушки. — Скорее, скорее. Оберните их холстом и выносите. Вы слышите? Толпа собирается. Вам придется открыть морг, и через несколько минут здесь будет настоящее столпотворение.

Трупы были унесены, уложены на автомобиль и быстро доставлены в дом Керна.

Все необходимое для операции было уже заранее приготовлено. День, вернее — ночь воскрешения Брике наступила. Керн не хотел терять ни одной минуты.

Оба трупа были обмыты и принесены в комнату Брике

завернутыми в простыни и уложены на операционный стол.

Голова Брике горела нетерпением посмотреть на свое новое тело, но Керн умышленно поставил стол так, чтобы голова не видела трупов, пока не будут закончены все приготовления.

Керн быстро произвел сечение голов трупов. Эти головы были завернуты в холст и вынесены Джоном, края среза и стол вымыты, тела приведены в порядок.

Еще раз критически осмотрев тела, Керн озабоченно покачал головой. Тело с родинкой на плече было безукоризненной красоты форм и особенно выигрывало по сравнению с телом «камеристки» — ширококостным, угловатым, неладно скроенным, но крепко сшитым. Брике, конечно, выберет тело этой аристократической Дианы. Однако при тщательном осмотре тела Керн заметил у Дианы, как называл он ее, некоторый дефект: на ступне правой ноги была небольшая рана, причиненная каким-нибудь обрезком железа. Большой опасности это не представляло. Керн прижег рану, заражения крови опасаться еще не было оснований. Но все же за успех операции с телом «камеристки» он был более спокоен.

— Поверните голову Брике, — сказал Керн, обращаясь к Лоран. Чтобы Брике не мешала своей болтливостью во время подготовительных работ, у нее был заткнут рот, то есть выключен баллон со сжатым воздухом. — Теперь можно пустить воздушную струю.

Когда голова Брике увидала трупы, она вскрикнула так, как будто неожиданно обожглась. Глаза ее расширились от ужаса. Один из этих трупов должен стать ее собственным телом. Впервые остро, до боли почувствовала она всю необычайность этой операции и начала колебаться.

— Ну, что же вы? Как вам нравятся тру... эти тела?

— Я... боюсь... — прохрипела голова. — Нет, нет, я не думала, что это так страшно... я не хочу...

— Не хотите? В таком случае я пришью к трупу голову

Тома. Тома сделается женщиной. Вы хотите, Тома, сейчас же получить тело?

— Нет, подождите, — испугалась голова Брике. — Я согласна. Я хочу иметь вот то тело... с родинкой на плече.

— А я вам советую выбрать вот это. Оно не так красиво, но зато без единой царапины.

— Я не прачка, а артистка, — гордо заметила голова Брике. — Я хочу иметь красивое тело. И родинка на плече... Это так нравится мужчинам.

— Пусть будет по-вашему, — ответил Керн. — Мадемуазель Лоран, перенесите голову мадемуазель Брике на операционный стол. Сделайте это осторожно, искусственное кровообращение головы должно продолжаться до последнего мгновения.

Лоран возилась с последними приготовлениями головы Брике. На лице Брике были написаны крайнее напряжение и волнение. Когда голова была перенесена на стол, Брике не выдержала и вдруг закричала так, как она еще никогда не кричала:

— Не хочу! Не хочу! Не надо! Лучше убейте меня! Боюсь! А-а-а-а!..

Керн, не прерывая своей работы, резко крикнул Лоран:

— Закройте скорее воздушный кран! Введите в питательный раствор гедонал, и она уснет.

— Нет, нет, нет!

Кран закрылся, голова замолчала, но продолжала шевелить губами и смотреть с выражением ужаса и мольбы.

— Господин профессор, можем ли мы производить операцию против ее воли? — спросила Лоран.

— Сейчас не время заниматься этическими проблемами, — сухо ответил Керн. — Она потом сама нас благодарить будет. Делайте свое дело или уходите и не мешайте мне.

Но Лоран знала, что уйти она не может — без ее помощи исход операции оказался бы еще более сомнительным. И она, пересилив себя, продолжала помогать Керну. Голова Брике так билась, что трубки едва не вышли из кровеносных сосудов. Джон пришел на помощь и придержал голову руками. Постепенно подергивания головы прекратились, глаза закрылись: гедонал производил свое действие.

Профессор Керн приступил к операции.

Тишина прерывалась только короткими приказаниями Керна, требовавшего тот или иной хирургический инструмент. От напряжения у Керна даже вздулись жилы на лбу. Он пустил в ход всю свою блестящую хирургическую технику, соединяя быстроту с необычайной тщательностью и осторожностью. При всей своей ненависти к Керну Лоран не могла в эту минуту не восхищаться им. Он работал, как вдохновенный артист. Его ловкие чувствительные пальцы совершали чудеса.

Операция продолжалась час пятьдесят пять минут.

— Кончено, — наконец сказал Керн, выпрямляясь, — отныне Брике перестала быть головой от тела. Остается только вдунуть ей жизнь: заставить забиться сердце, возбудить кровообращение. Но с этим я справлюсь один. Вы можете отдохнуть, мадемуазель Лоран.

— Я еще могу работать, — ответила она.

Несмотря на усталость, ей очень хотелось посмотреть на последний акт этой необычайной операции. Но Керн, очевидно, не хотел посвящать ее в тайну оживления. Он еще раз настойчиво предложил ей отдохнуть, и Лоран повиновалась.

Керн вновь вызвал ее через час. Он выглядел еще более уставшим, но лицо его выражало глубокое самоудовлетворение.

— Попробуйте пульс, — предложил он Лоран.

Девушка не без внутреннего содрогания взяла за руку Брике; за ту руку, которая всего три часа тому назад принадлежала холодному трупу. Рука была уже теплая, и прощупывалось биение пульса. Керн приложил к лицу Брике зеркало. Поверхность зеркала запотела.

— Дышит. Теперь нужно хорошо спеленать нашу новорожденную. Несколько дней ей придется пролежать совершенно неподвижно.

Сверх бинтов Керн наложил на шею Брике гипсовый лубок. Все тело было спеленато, а рот крепко завязан.

— Чтобы она не вздумала говорить, — пояснил Керн. — Первые сутки мы продержим ее в сонном состоянии, если сердце позволит.

Брике перенесли в комнату, смежную с комнатой Лоран, бережно уложили в кровать и подвергли электронаркозу.

— Питать мы ее будем искусственно, пока не произойдет сращение швов. Вам уж придется поухаживать за ней.

Только на третий день Керн позволил Брике «прийти в себя».

Было четыре часа дня. Косой луч солнца прорезал комнату и осветил лицо Брике. Она легко повела бровями и открыла глаза. Еще смутно соображая, посмотрела на освещенное окно, потом перевела взгляд на Лоран и наконец опустила глаза вниз. Там уже не было пустоты. Она увидела слабо колыхавшуюся грудь и тело, ее тело, прикрытое простыней. Слабая улыбка осветила ее лицо.

— Не пытайтесь говорить и лежите тихо, — сказала Лоран. — Операция прошла очень хорошо, и теперь все зависит от того, как вы будете вести себя. Чем спокойнее вы будете лежать, тем скорее поднимете на ноги. Пока мы будем с вами объясняться мимикой. Если вы опустите веки вниз, это будет означать «да», вверх — «нет». Чувствуете вы где-нибудь боль? Здесь. Шея и нога. Это пройдет. Хотите вы пить? Есть?

Брике не ощущала голода, но хотела пить. Лоран позвонила Керну. Он тотчас пришел из своего кабинета.

— Ну, как себя чувствует новорожденная? — Он осмотрел ее и остался доволен. — Все благополучно. Терпение, мадемуазель, и вы скоро будете танцевать. — Он сделал несколько распоряжений и ушел.

Дни «выздоровления» тянулись для Брике очень медленно. Она была примерной больной: сдерживала свое нетерпение, лежала спокойно и выполняла все приказания. Настал день, когда ее наконец распеленали, но говорить еще не разрешали.

— Чувствуете ли вы свое тело? — с некоторым волнением спросил Керн.

Брике опустила веки.

— Попробуйте очень осторожно пошевелить пальцами на ногах.

Брике, очевидно, попробовала, так как на лице ее выразилось напряжение, но пальцы не двигались.

— Очевидно, функции центральной нервной системы еще не вполне восстановились, — авторитетно сказал Керн, — но я надеюсь, что они скоро восстановятся, а вместе с ними восстановится и движение. — Про себя же подумал: «Как бы Брике не захромала в самом деле на обе ноги».

«Восстановится — как странно звучит это слово», — подумала Лоран, вспомнив о холодном трупе на операционном столе.

У Брике появилась новая забота. Теперь она часами занималась тем, что пыталась шевелить пальцами на ногах. Лоран едва ли не с меньшим интересом следила за этим.

И однажды Лоран радостно вскрикнула:

— Шевелится! Большой палец на левой ноге шевелится.

Дальше дело пошло быстрее. Зашевелились и другие пальцы на руках и ногах. Скоро Брике уже могла немного поднимать руки и ноги.

Лоран была поражена. На глазах ее совершилось чудо.

«Как бы ни был преступен Керн, — думала она, — он необыкновенный человек. Правда, без головы Доуэля ему не удалось бы это двойное воскрешение мертвого. Но все же и сам Керн талантливый человек, — ведь это утверждала и голова Доуэля. О, если бы Керн воскресил и его! Но нет, этого он не сделает».

Еще через несколько дней Брике разрешили говорить. У нее оказался довольно приятный голос, но несколько ломающегося тембра.

— Выправится, — уверял Керн. — Еще петь будете.

И Брике скоро попробовала петь. Лоран была очень поражена этим пением. Верхние ноты Брике брала довольно писклявым и не очень приятным голосом, в среднем реги-

стре голос звучал очень тускло и даже хрипло. Но зато нижние ноты были очаровательны. Это было превосходное грудное контральто.

«Ведь горловые связки лежат выше места среза шеи и принадлежат Брике, — думала Лоран, — откуда же этот двойной голос, разные тембры верхнего и нижнего регистра? Физиологическая загадка. Не зависит ли это от процесса омоложения головы Брике, которая старше ее нового тела? Или, быть может, это как-то связано с нарушением функций центральной нервной системы? Совершенно непонятно... Интересно знать, чье это молодое, изящное тело, какой несчастной голове оно принадлежало...»

Лоран, ничего не говоря Брике, начала просматривать номера газет, в которых печатались списки погибших при крушении поезда. Скоро ей попалась заметка о том, что известная итальянская артистка Анжелика Гай, следовавшая в поезде, потерпевшем крушение, исчезла бесследно. Труп ее обнаружен не был, и над разрешением этой загадки изощрялись газетные корреспонденты. Лоран была почти уверена, что голова Брике получила тело погибшей артистки.

СБЕЖАВШИЙ ЭКСПОНАТ

Наконец в жизни Брике настал великий день. С нее были сняты последние бинты, и профессор Керн разрешил ей встать.

Она поднялась и, опираясь на руку Лоран, прошлась по комнате. Движения ее были неуверенны и несколько порывисты. Иногда она делала странные жесты рукой: до известного предела ее рука двигалась плавно, затем следовала задержка и как бы принужденное движение, переходившее опять в плавное.

— Все это пройдет, — убежденно говорил Керн. Немного беспокоила его только небольшая ранка на ступне Брике. Ранка заживала медленно. Но со временем и она зажила настолько, что Брике не испытывала боли, даже наступая

на больную ногу. А через несколько дней Брике уже пыталась танцевать.

— Не пойму, в чем дело, — говорила она, — некоторые движения мне даются свободно, а другие затруднены. Вероятно, я еще не привыкла управлять своим новым телом... А оно великолепно! Посмотрите на ноги, мадемуазель Лоран. И рост отличный. Вот только эти рубцы на шее... Придется их закрывать. Но зато эта родинка на плече очаровательна, не правда ли? Я сошью платье такого фасона, чтобы она была видна... Нет, я решительно довольна своим телом.

«Своим телом! — думала Лоран. — Бедная Анжелика Гай!»

Все, что так долго сдерживала в себе Брике, разом прорвалось наружу. Она забросала Лоран требованиями, заказами, просьбами о костюмах, белье, туфлях, шляпах, модных журналах, принадлежностях косметики.

В новом сером шелковом платье она была представлена Керном голове профессора Доуэля. И так как это была мужская голова, Брике не могла не пококетничать. И была очень польщена, когда голова Доуэля прохрипела:

— Отлично! Вы отлично справились со своей задачей, коллега, поздравляю вас!

И Керн под руку с Брике, сияя, как новобрачный, вышел из комнаты.

— Садитесь, мадемуазель, — галантно сказал Керн, когда они пришли в его кабинет.

— Не знаю, как мне благодарить вас, господин профессор, — сказала она, томно опуская глаза и затем кокетливо взглянув на Керна. — Вы так много сделали для меня... А я ничем не могу вознаградить вас.

— Это и не нужно. Я вознагражден больше, чем вы думаете.

— Я очень рада. — И Брике окинула Керна еще более лучистым взглядом. — А теперь разрешите мне уйти... выписаться из больницы.

— Как уйти? Из какой больницы? — сразу даже не понял Керн.

— Уйти домой. Представляю, какой фурор произведет мое появление среди подруг!

Она собирается уйти! Керн не допускал мысли об этом. Он проделал огромный труд, разрешил сложнейшую задачу, совершил невозможное вовсе не для того, чтобы Брике производила фурор среди своих легкомысленных подруг. Он сам хотел произвести фурор демонстрацией Брике перед ученым обществом. Впоследствии он, может быть, и даст ей некоторую свободу, но теперь об этом нечего и думать.

— К сожалению, я не могу отпустить вас, мадемуазель Брике. Вы должны еще некоторое время остаться в моем доме, под моим наблюдением.

— Но зачем? Я чувствую себя великолепно, — возразила она, играя рукой.

— Да, но вам может стать хуже.

— Тогда я приду к вам.

— Позвольте мне лучше знать, когда вам можно будет уйти отсюда, — уже резко сказал Керн. — Не забывайте, чем бы вы были без меня.

— Я уже благодарила вас за это. Но я не девочка и не невольница и могу распоряжаться собой!

«Ого, да она с характером!» — с удивлением подумал Керн.

— Ну, мы еще поговорим об этом, — сказал он. — А пока извольте идти в свою комнату. Джон, вероятно, уже принес вам бульон.

Брике надула губы, поднялась и, не глядя на Керна, вышла.

Брике обедала вместе с Лоран в ее комнате. Когда Брике вошла, Лоран уже сидела за столом. Брике опустилась на стул и сделала небрежный, изящный жест кистью правой руки. Лоран не раз замечала этот жест и размышляла над тем, кому он, собственно, принадлежит: телу Анжелики Гай или Брике? Но разве не мог остаться в теле Анжелики Гай автоматизм движений, как-то закрепившийся в двигательных нервах?..

Для Лоран все эти вопросы были слишком сложными.

«Ими, вероятно, заинтересуются физиологи», — подумала она.

— Опять бульон! Надоели мне эти больничные блюда, — капризно сказала Брике. — Я с удовольствием съела бы сейчас дюжину устриц и запила стаканом шабли. — Она отпила несколько глотков бульона из чашки и продолжала: — Профессор Керн заявил мне сейчас, что он не отпустит меня из дому еще несколько дней. Как бы не так! Я не из породы домашних птиц. Здесь можно умереть с тоски. Нет, я люблю так жить, чтобы все вертелось колесом. Огни, музыка, цветы, шампанское...

Непрерывно тараторя, Брике наскоро пообедала, поднялась со стула и, подойдя к окну, внимательно взглянула вниз.

— Спокойной ночи, мадемуазель Лоран, — сказала она, обернувшись. — Я сегодня рано лягу спать. Пожалуйста, не будите меня завтра утром. В этом доме сон — лучшее препровождение времени.

И, кивнув головой, она ушла в свою комнату.

А Лоран уселась писать письмо своей матери.

Все письма контролировались Керном. Лоран знала, как строго он следит за ней, и потому даже не пыталась переслать какое-нибудь письмо без его цензуры.

Впрочем, чтобы не волновать свою мать, она решила, — если бы и могла переслать письмо без цензуры Керна, — не писать ей правды о своем невольном заточении.

В эту ночь Лоран спала особенно плохо. Она долго ворочалась в кровати, думая о будущем. Жизнь ее находилась в опасности. Что предпримет Керн, чтобы «обезвредить» ее?

Не спалось, видно, и Брике. Из ее комнаты доносился какой-то шорох.

«Примеряет новые платья», — подумала Лоран. Потом все стихло. Смутно, сквозь сон Лоран услышала как будто заглушенный крик и проснулась. «Однако мои нервы никуда не годятся», — подумала она и вновь уснула крепким предутренним сном.

Проснулась она, как всегда, в семь часов утра. В комна-

те Брике все еще было тихо. Лоран решила не беспокоить ее и прошла в комнату головы Тома. Голова Тома по-прежнему была мрачна. После того как Керн «пришил тело» голове Брике, тоска Тома усилилась. Он просил, умолял, требовал, чтобы ему также скорее дали новое тело, наконец грубо бранился. Лоран стоило больших трудов успокоить его. Она с облегчением вздохнула, окончив утренний туалет головы Тома, и направилась в комнату головы Доуэля, который встретил Лоран приветливой улыбкой.

— Странная это вещь — жизнь! — сказала голова Доуэля. — Еще недавно я хотел умереть. Но мой мозг продолжает работать, и не далее как третьего дня мне пришла в голову необычайно смелая и оригинальная идея. Если бы мне удалось осуществить мою мысль, это произвело бы целый переворот в медицине. Я сообщил свою идею Керну, и надо было видеть, как загорелись его глаза. Ему, вероятно, мерещился прижизненный памятник, поставленный благодарными современниками... И вот я должен жить для него, для идеи, а значит, и для себя. Право, это какая-то ловушка.

— И в чем же эта идея?

— Я как-нибудь расскажу вам, когда все это более оформится в моем мозгу...

В девять часов Лоран решила постучать Брике, но ответа не получила. Обеспокоенная, Лоран попыталась открыть дверь, но она оказалась запертой изнутри. Лоран ничего больше не оставалось, как сообщить обо всем этом профессору Керну.

Керн, как всегда, действовал быстро и решительно.

— Ломайте дверь! — приказал он Джону. Негр ударил плечом. Тяжелая дверь треснула и сорвалась с петель. Керн, Лоран и Джон вошли в комнату.

Измятая постель Брике была пуста. Керн подбежал к окну. От ручки рамы вниз спускалась вязка из разорванной простыни и двух полотенец. Клумба под окном была измята.

— Это ваша проделка! — крикнул Керн, поворачивая грозное лицо к Лоран.

— Уверяю вас, что я не принимала никакого участия в побеге мадемуазель Брике, — твердо сказала Лоран.

— Ну, с вами мы еще поговорим, — ответил Керн, хотя решительный ответ Лоран сразу убедил его в том, что Брике действовала без сообщников. — Теперь надо позаботиться о том, чтобы поймать беглянку.

Керн прошел в свой кабинет и в волнении зашагал от камина к столу. Первой его мыслью было вызвать полицию. Но он тотчас оставил эту мысль. Полицию менее всего следовало вмешивать в это дело. Придется обратиться к частным сыскным агентствам.

«Черт возьми, я сам виноват... Надо было принять меры охраны. Но кто бы мог подумать. Вчерашний труп — сбежал! — Керн злобно рассмеялся. — И теперь, чего доброго она разболтает обо всем, что произошло с нею... Ведь она говорила о фуроре, который произведет ее появление... Эта история дойдет до газетных корреспондентов, и тогда... Не следовало показывать ее голове Доуэля... Наделала хлопот. Отблагодарила!»

Керн вызвал по телефону агента частной сыскной конторы, вручил ему крупную сумму на расходы, обещая еще бóльшую в случае успешных розысков, и дал подробное описание пропавшей.

Агент осмотрел место побега и следы, ведшие к железной ограде сада. Ограда была высокая и оканчивалась острыми прутьями. Агент покачал головой: «Молодец девчонка!» На одном пруте он заметил кусок серого шелка, снял его и бережно уложил в бумажник.

— В этом платье она была одета в день побега. Будем искать женщину в сером.

И, уверив Керна, что «женщина в сером» будет им разыскана не позже чем через сутки, агент удалился.

Сыщик был опытным в своем деле человеком. Он разузнал адрес последней квартиры Брике и адреса нескольких прежних ее подруг, завел с ними знакомство, у одной из подруг нашел фотографическую карточку Брике, узнал, в

каких кабаре Брике выступала. Несколько агентов было разослано по этим кабаре на поиски беглянки.

— Птичка далеко не улетит, — уверенно говорил сыщик.

Однако на этот раз он ошибся. Прошло два дня, а на след Брике не удавалось напасть. Лишь на третий день поисков завсегдатай одного кабачка на Монмартре сообщил агенту, что в ночь побега там была «воскресшая» Брике. Но куда она затем исчезла, никто не знал.

Керн волновался все более. Теперь он опасался не только того, что Брике разболтает о его тайнах. Он боялся навсегда потерять ценный «экспонат». Правда, он мог сделать второй — из головы Тома, но на это требовалось время, колоссальная затрата сил. Да и новый опыт мог закончиться не столь блестяще. Демонстрирование же оживленной собаки, разумеется, не произвело бы такого эффекта. Нет, Брике должна быть найдена во что бы то ни стало. И он удваивал, утраивал премиальную сумму за розыск «сбежавшего экспоната».

Каждый день агенты доносили ему о результатах поисков, но эти результаты были неутешительны. Брике точно провалилась сквозь землю.

ДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

После того как Брике при помощи своего нового ловкого, гибкого и сильного тела перебралась через ограду и вышла на улицу, она подозвала такси и дала странный адрес:

— Кладбище Пер-Лашез.

Но, не доезжая до площади Бастилии, она сменила такси и направилась к Монмартру. На первые расходы она захватила с собой сумочку Лоран, где лежало несколько десятков франков. «Одним грехом больше, одним меньше, и притом это необходимо», — успокаивала она себя. Покаяние в содеянных прегрешениях было отложено на долгий срок. Она опять ощущала себя цельным, живым, здоровым человеком, притом даже моложе, чем была. До операции, по ее женскому счету, ей было близко к тридцати. Новое

же тело имело едва ли больше двадцати лет. Железы этого тела омолодили голову Брике: морщинки на лице исчезли, цвет его улучшился. «Теперь только и пожить», — думала Брике, мечтательно глядя в маленькое зеркальце, оказавшееся в сумочке.

— Остановитесь здесь, — приказала она шоферу и, расплатившись с ним, отправилась дальше пешком.

Было около четырех часов утра. Она подошла к знакомому кабаре «Ша-нуар», где выступала в ту роковую ночь, когда шальная пуля прекратила на полуслове веселенькую шансонетку, которую она пела. Окна кабаре еще горели яркими огнями.

Не без волнения вошла Брике в знакомый вестибюль. Утомленный швейцар, очевидно, не узнал ее. Она быстро прошла в боковую дверь и через коридор вошла в помещение для артистов, примыкавшее к сцене. Первой встретила ее Рыжая Марта. Испуганно вскрикнув, Марта скрылась в своей уборной. Брике рассмеялась и постучала в дверь, но Рыжая Марта не открывала.

— О, Ласточка! — услышала Брике мужской голос. Под этим именем она была известна в кабаре за свое пристрастие к коньяку с ласточкой на этикетке. — Так ты жива? А мы тебя давно считали мертвой!

Брике обернулась и увидела красивого, элегантно одетого мужчину с очень бледным бритым лицом. Такие бледные лица бывают у людей, которые редко видят солнце. Это был Жан, муж Рыжей Марты. Он не любил говорить о своей профессии. Его же друзья и собутыльники не считали тактичным спрашивать об источнике его существования. Достаточно было того, что у Жана частенько водились деньги и что он был «душа парень». В те ночи, когда у Жана оттопыривался карман, вино лилось рекой и Жан платил за всех.

— Откуда прилетела, Ласточка?

— Из больницы, — ответила Брике.

Боясь, чтобы у нее не отняли новое тело родственники или друзья той, которой оно принадлежало, Брике решила никому не говорить о необычайной операции.

— Мое положение было очень серьезно, — продолжала она сочинять. — Меня сочли умершей и даже отправили в морг. Но там один студент, осматривавший труп, взял меня за руку и прощупал слабый пульс. Я была еще жива. Пуля прошла возле самого сердца, не задев его. Меня тотчас отправили в больницу, и все обошлось благополучно.

— Великолепно! — воскликнул Жан. — Наши все будут ужасно удивлены. Надо спрыснуть твое воскрешение.

Дверной замок щелкнул. Рыжая Марта, подслушивавшая из-за дверей этот разговор, убедилась в том, что Брике не привидение, и открыла дверь. Подруги обнялись и крепко поцеловались.

— Ты как будто стала тоньше, выше и изящнее, Ласточка, — сказала Рыжая Марта, с любопытством и некоторым удивлением рассматривая фигуру так неожиданно явившейся подруги.

Брике слегка смутилась под этим пытливым женским взглядом

— Разумеется, я похудела, — отвечала она. — Меня кормили только бульоном. А рост? Я купила себе туфли с очень высокими каблуками. Ну и фасон платья...

— Но отчего так поздно ты явилась сюда?

— О, это целая история... Ты уже выступала? Можешь посидеть со мной минутку?

Марта утвердительно кивнула головой. Подруги уселись около столика с большим зеркалом, уставленного коробками с гримировальными карандашами и красками, флаконами духов, пудреницами, всевозможными коробочками со шпильками и булавками.

Жан примостился рядом, куря египетскую папиросу.

— Я сбежала из больницы. Форменным образом, — сообщила Брике.

— Но почему?

— Надоели бульоны. Понимаешь, бульон, бульон и бульон... Я прямо боялась захлебнуться в бульоне. А доктор не хотел меня отпускать. Он должен был еще показать меня студентам. Боюсь, что меня будет разыскивать поли-

ция... Я не могу вернуться к себе и хотела бы остаться у тебя. А еще лучше — совсем уехать из Парижа на несколько дней... Но у меня так мало денег.

Рыжая Марта даже всплеснула руками — так это было интересно.

— Ну, конечно, ты у меня остановишься, — сказала она.

— Боюсь, что меня тоже будет искать полиция, — задумчиво произнес Жан, пуская колечко дыма. — Мне тоже на несколько дней следовало бы скрыться с горизонта.

Ласточка была своя, и Жан не скрывал от нее своей профессии. Ласточка знала, что Жан — птица «большого полета». Его специальностью был взлом сейфов.

— Летим, Ласточка, с нами на юг. Ты, я и Марта. На Ривьеру, подышать морским воздухом. Засиделся, надо проветриться. Веришь ли, я больше двух месяцев не видел солнца и уж начинаю забывать, как оно выглядит.

— Вот и прекрасно, — захлопала в ладоши Рыжая Марта.

Жан посмотрел на дорогие золотые часы-браслет.

— Но у нас есть еще час времени. Черт возьми, ты должна нам допеть свою песенку... А потом летим, и пускай тебя ищут.

Брике с удовольствием приняла это предложение. Ее выступление произвело фурор, как она того и ожидала.

Жан вышел на эстраду в роли конферансье, вспомнил трагическую историю, происшедшую здесь с Брике несколько месяцев тому назад, и затем заявил, что мадемуазель Брике по желанию публики ожила после того, как он, Жан, влил ей в горло рюмочку коньяка «Ласточка».

— Ласточка! Ласточка! — заревела публика. Жан сделал знак рукой и, когда крики смолкли, продолжал: — Ласточка споет шансонетку с того самого места, на котором ее так неожиданно прервали. Оркестр, «Кошечку»!

Оркестр заиграл, и с половины куплета, под бурные аплодисменты, Брике допела свою песенку. Правда, шум стоял такой, что она сама не слыхала своего голоса, но этого и не нужно было. Она чувствовала себя счастливой, как никогда, и упивалась тем, что ее не забыли и встретили так те-

пло. Что эта теплота была сильно подогрета винными парами, ее не смущало.

Окончив пение, она сделала неожиданно изящный жест кистью правой руки. Это было ново. Публика зааплодировала еще громче.

«Откуда у нее это? Какие красивые манеры. Надо перенять этот жест...» — подумала Рыжая Марта.

Брике сошла с эстрады в зал. Подруги целовали ее, знакомые протягивали бокалы и чокались. Брике раскраснелась, глаза блестели. Успех и вино вскружили ей голову. Она, забыв об опасности преследования, готова была просидеть здесь всю ночь. Но Жан, пивший не меньше других, не терял контроля над собой.

От времени до времени он поглядывал на часы и наконец подошел к Брике и тронул ее за руку.

— Пора!

— Но я не хочу. Вы можете уезжать одни. Я не поеду, — ответила Брике, томно закатывая глаза. Тогда Жан молча поднял ее и понес к выходу. Публика подняла ропот.

— Сеанс окончен! — крикнул Жан уже у двери. — До следующего воскресенья!

Он вынес отбивавшуюся от него Брике на улицу и усадил в автомобиль. Вскоре пришла и Марта с небольшими чемоданчиками.

— На площадь Республики, — сказал Жан шоферу, не желая указывать конечного пункта. Он привык ездить с пересадками.

ЖЕНЩИНА-ЗАГАДКА

Волны Средиземного моря ритмично набегали на песчаный пляж. Легкий ветер едва надувал паруса белых яхт и рыбачьих судов. Над головой, в синей воздушной глубине, ласково ворчали серые гидропланы, совершавшие короткие увеселительные рейсы между Ниццей и Ментоной.

Молодой человек в белом теннисном костюме сидел в плетеном кресле и читал газету. Возле кресла лежали в чехле теннисная ракетка и несколько свежих английских научных журналов.

Рядом с ним, под огромным белым зонтом, у мольберта возился его друг, художник Арман Ларе.

Артур Доуэль, сын покойного профессора Доуэля, и Арман Ларе были неразлучными друзьями, и эта дружба лучше всего доказывала правдивость пословицы о том, что крайности сходятся.

Артур Доуэль был несколько молчалив и холоден. Он любил порядок, умел усидчиво и систематически заниматься. Ему оставался всего один год до окончания университета, и его уже оставляли в университете при кафедре биологии.

Ларе как истый француз-южанин был чрезвычайно увлекающейся натурой, сумбурный, взбалмошный. Он забрасывал кисти и краски на целые недели, чтобы потом вновь приняться за работу запоем, и тогда никакие силы не могли оторвать его от мольберта.

Только в одном друзья были похожи друг на друга: оба они были талантливы и умели добиваться раз поставленной цели, хотя и шли к этой цели разными путями: один — порывами, скачками, другой — размеренным шагом.

Биологические работы Артура Доуэля привлекали внимание крупнейших специалистов, и ему сулили блестящую научную карьеру. А картины Ларе вызывали много толков на выставках, и некоторые из них уже были приобретены известнейшими музеями разных стран.

Артур Доуэль бросил на песок газету, прислонился головой к спинке кресла, прикрыл глаза и сказал:

— Тело Анжелики Гай так и не найдено.

Ларе безутешно тряхнул головой и тяжко вздохнул.

— Ты до сих пор не можешь забыть о ней? — спросил Доуэль.

Ларе повернулся с такой быстротой к Артуру, что тот невольно улыбнулся. Перед ним был уже не пылкий художник, а рыцарь, вооруженный щитом — палитрой, с копьем — муштабелем в левой руке и мечом — кистью в

правой, — оскорбленный рыцарь, готовый уничтожить того, кто нанес ему смертельное оскорбление.

— Забыть Анжелику!.. — закричал Ларе, потрясая своим оружием. — Забыть ту, которая...

Внезапно подкравшаяся волна, шипя, окатила его ноги почти до колен, и он меланхолически закончил:

— Разве можно забыть Анжелику? Мир стал скучнее с тех пор, как замолкли ее песни...

Впервые Ларе узнал о гибели, вернее — о бесследном исчезновении Анжелики Гай в Лондоне, куда он приехал, чтобы писать «симфонию лондонского тумана». Ларе был не только поклонником таланта певицы, но и ее другом, ее рыцарем. Недаром он родился в южном Провансе, среди развалин средневековых замков.

Узнав о случившемся с Гай несчастье, он был так потрясен, что единственный раз в жизни прервал свой «живописный запой» в самом разгаре творчества.

Артур, приехавший в Лондон из Кембриджа, желая отвлечь своего друга от мрачных мыслей, придумал это путешествие на побережье Средиземного моря.

Но и здесь Ларе не находил себе места. Вернувшись с пляжа в отель, он переоделся и, сев на поезд, отправился в самое людное место — игорный дом Монте-Карло. Ему хотелось забыться.

Несмотря на сравнительно ранний час, возле приземистого здания уже толпилась публика. Ларе вошел в первый зал. Публики было мало.

— Делайте вашу игру, — приглашал крупье, вооруженный лопаточкой для загребания денег.

Ларе не останавливаясь прошел в следующий зал, стены которого были расписаны картинами, изображающими полуобнаженных женщин, занимающихся охотой, скачками, фехтованием, — словом, всем тем, что возбуждает азарт. От картин веяло напряжением страстной борьбы, азарта, алчности, но еще больше и резче эти чувства были написаны на лицах живых людей, собравшихся вокруг игорного стола.

Вот толстый коммерсант с бледным лицом протягивает деньги трясущимися пухлыми веснушчатыми руками, покрытыми рыжеватым пушком. Он дышит тяжело, как астматик. Глаза его напряженно следят за вертящимся шариком. Ларе безошибочно определяет, что толстяк уже крупно проигрался и теперь ставит последние деньги в надежде отыграться. А если нет — этот рыхлый человек, быть может, отправится в аллею самоубийц, и там произойдет последний расчет с жизнью...

За толстяком стоит плохо одетый бритый старик с всклокоченными седыми волосами и маниакальными глазами. В руках его записная книжка и карандаш. Он записывает выигрыш и выходящие номера, делает какие-то подсчеты... Он давно уже проиграл все свое состояние и сделался рабом рулетки. Администрация игорного дома выдает ему небольшое ежемесячное пособие — на жизнь и игру: своеобразная реклама. Теперь он строит свою «теорию вероятностей», изучает капризный характер фортуны. Когда он ошибается в своих предположениях, то сердито бьет карандашом по записной книжке, подскакивает на одной ноге, что-то бормочет и вновь углубляется в подсчеты. Если же его предположения оправдываются, лицо его сияет, и он поворачивает голову к соседям, как бы желая сказать: вот видите, наконец-то мне удалось открыть законы случая.

Два лакея вводят под руки и усаживают в кресло у стола старуху в черном шелковом платье, с бриллиантовым ожерельем на морщинистой шее. Лицо ее набелено так, что уже не может побледнеть. При виде таинственного шарика, распределяющего горе и радость, ее ввалившиеся глаза загораются огнем алчности и тонкие пальцы, унизанные кольцами, начинают дрожать.

Молодая, красивая, стройная женщина, одетая в изящный темно-зеленый костюм, проходя мимо стола, бросает небрежным жестом тысячефранковый билет, проигрывает, беспечно усмехается и проходит в следующую комнату.

Ларе поставил на красное сто франков и выиграл. «Я се-

годня должен выиграть», — подумал он, ставя тысячу, — и проиграл. Но его не покидала уверенность, что в конце концов он выиграет. Его уже охватил азарт.

К столу рулетки подошли трое: мужчина, высокий и статный, с очень бледным лицом, и две женщины, одна рыжеволосая, а другая в сером костюме... Мельком взглянув на нее, Ларе почувствовал какую-то тревогу. Еще не понимая, что его волнует, художник начал следить за женщиной в сером и был поражен одним жестом правой руки, который сделала она. «Что-то знакомое! О, такой жест делала Анжелика Гай!» Эта мысль так поразила его, что он уже не мог играть. А когда трое неизвестных, смеясь, отошли наконец от стола, Ларе, забыв взять со стола выигранные деньги, пошел следом за ними.

В четыре часа утра кто-то сильно постучал в дверь Артура Доуэля. Сердито накинув на себя халат, Доуэль открыл.

В комнату шатающейся походкой вошел Ларе и, устало опустившись в кресло, сказал:

— Я, кажется, схожу с ума.

— В чем дело, старина? — воскликнул Доуэль.

— Дело в том, что... я не знаю, как вам и сказать... Я играл со вчерашнего дня до двух часов ночи. Выигрыш сменялся проигрышем. И вдруг я увидел женщину, и один жест ее поразил меня до того, что я бросил игру и последовал за ней в ресторан. Я сел за столик и спросил чашку крепкого черного кофе. Кофе мне всегда помогает, когда нервы слишком расшалятся... Незнакомка сидела за соседним столиком. С нею были молодой человек, прилично одетый, но не внушающий особого доверия, и довольно вульгарная рыжеволосая женщина. Мои соседи пили вино и весело болтали. Незнакомка в сером начала напевать шансонетку. У нее оказался писклявый голосок довольно неприятного тембра. Но неожиданно она взяла несколько низких грудных нот... — Ларе сжал свою голову. — Доуэль! Это был голос Анжелики Гай. Я из тысячи голосов узнал бы его.

«Несчастный! До чего он дошел», — подумал Доуэль и, ласково положив руку на плечо Ларе, сказал:

— Вам померещилось, Ларе. Возьмите себя в руки. Случайное сходство...

— Нет, нет! Уверяю вас, — горячо возразил Ларе. — Я начал внимательно присматриваться к певице. Она довольно красива, четкий профиль и милые лукавые глаза. Но ее фигура, ее тело! Доуэль, пусть черти растерзают меня зубами, если фигура певицы не похожа как две капли воды на фигуру Анжелики Гай.

— Вот что, Ларе, выпейте брому, примите холодный душ и ложитесь спать. Завтра, вернее, сегодня, когда вы проснетесь...

Ларе укоризненно посмотрел на Доуэля.

— Вы думаете, что я с ума сошел?.. Не торопитесь делать окончательное заключение. Выслушайте меня до конца. Это еще не все. Когда певичка спела свою песенку, она сделала кистью руки вот такой жест. Это любимый жест Анжелики, жест совершенно индивидуальный, неповторимый.

— Но что же вы хотите сказать? Не думаете же вы, что неизвестная певица обладает телом Анжелики?

Ларе потер лоб:

— Не знаю... от этого действительно с ума сойти можно... Но слушайте дальше. На шее певица носит замысловатое колье, вернее даже не колье, а целый приставной воротничок, украшенный мелким жемчугом, шириной, по крайней мере, в четыре сантиметра. А на ее груди довольно широкий вырез. Вырез открывает на плече родинку — родинку Анжелики Гай. Колье выглядит как бинт. Выше колье — неизвестная мне голова женщины, ниже — знакомое, изученное мною до мельчайших деталей, линий и форм тело Анжелики Гай. Не забывайте, ведь я художник, Доуэль. Я умею запоминать неповторимые линии и индивидуальные особенности человеческого тела... Я делал столько набросков и эскизов с Анжелики, столько написал ее портретов, что не могу ошибиться.

— Нет, это невозможно! — воскликнул Доуэль. — Ведь Анжелика по...

— Погибла? В том-то и дело, что это никому не известно. Она сама или ее труп бесследно исчез. И вот теперь...

— Вы встречаете оживший труп Анжелики?

— О-о!.. — Ларе простонал. — Я думал именно об этом.

Доуэль поднялся и заходил по комнате. Очевидно, сегодня уже не удастся лечь спать.

— Будем рассуждать хладнокровно, — сказал он. — Вы говорите, что ваша неизвестная певичка имеет как бы два голоса: один свой, более чем посредственный, и другой — Анжелики Гай?

— Низкий регистр — ее неповторимое контральто, — ответил Ларе, утвердительно кивнув головой.

— Но ведь это же физиологически невозможно. Не предполагаете же вы, что человек высокие ноты извлекает из своего горла верхними концами связок, а нижние — нижними? Высота звука зависит от большего или меньшего напряжения голосовых связок на всем протяжении. Ведь это как на струне: при большем натяжении вибрирующая струна дает больше колебаний и более высокий звук, и обратно. Притом если бы проделать такую операцию, то голосовые связки были бы укорочены, значит, голос стал бы очень высоким. Да и едва ли человек мог бы петь после такой операции: рубцы должны были бы мешать правильной вибрации связок, и голос в лучшем случае был бы очень хриплым... Нет, это решительно невозможно. Наконец, чтобы «оживить» тело Анжелики, надо бы иметь голову, чью-то голову без тела.

Доуэль неожиданно замолк, так как вспомнил о том, что в известной степени подкрепляло предположение Ларе.

Артур сам присутствовал при некоторых опытах своего отца. Профессор Доуэль вливал в сосуды погибшей собаки нагретую до тридцати семи градусов Цельсия питательную жидкость с адреналином — веществом, раздражающим и заставляющим их сокращаться. Когда эта жидкость под некоторым давлением попадала в сердце, она восстанавливала его деятельность, и сердце начинало прогонять кровь по

сосудам. Мало-помалу восстанавливалось кровообращение, и животное оживало.

«Самой важной причиной гибели организма, — сказал тогда отец Артура, — является прекращение снабжения органов кровью и содержащимся в ней кислородом».

«Значит, так можно оживить и человека?» — спросил Артур.

«Да, — весело ответил его отец, — я берусь совершить воскрешение и когда-нибудь произведу это «чудо». К этому я и веду свои опыты».

Оживление трупа, следовательно, возможно. Но возможно ли оживить труп, в котором тело принадлежало одному человеку, а голова — другому? Возможна ли такая операция? В этом Артур сомневался. Правда, он видел, как отец его делал необычайно смелые и удачные операции пересадки тканей и костей. Но все это было не так сложно, и это делал его отец.

«Если бы мой отец был жив, я, пожалуй, поверил бы, что догадка Ларе о чужой голове на теле Анжелики Гай правдоподобна. Только отец мог осмелиться совершить такую сложную и необычайную операцию. Может быть, эти опыты продолжали его ассистенты? — подумал Доуэль. — Но одно дело оживить голову или даже целый труп, а другое — пришить голову одного человека к трупу другого».

— Что же вы хотите делать дальше? — спросил Доуэль.

— Я хочу разыскать эту женщину в сером, познакомиться с ней и раскрыть тайну. Вы поможете мне в этом?

— Разумеется, — ответил Доуэль.

Ларе крепко пожал ему руку, и они начали обсуждать план действий.

ВЕСЕЛАЯ ПРОГУЛКА

Через несколько дней Ларе был уже знаком с Брике, ее подругой и Жаном. Он предложил им совершить прогулку на яхте, и предложение было принято.

В то время как Жан и Рыжая Марта беседовали на палу-

бе с Доуэлем, Ларе предложил Брике пройти вниз осмотреть каюты. Их было всего две, очень небольшие, и в одной из них стояло пианино.

— О, здесь даже есть инструмент! — воскликнула Брике.

Она уселась у пианино и заиграла фокстрот. Яхта мерно покачивалась на волнах. Ларе стоял возле пианино, внимательно смотрел на Брике и обдумывал, с чего начать свое следствие.

— Спойте что-нибудь, — сказал он.

Брике не заставила себя упрашивать. Она запела, кокетливо поглядывая на Ларе. Он ей нравился.

— Какой у вас... странный голос, — сказал Ларе, испытующе глядя в ее лицо. — В вашем горле как будто заключены два голоса: голоса двух женщин...

Брике смутилась, но, быстро овладев собой, принужденно рассмеялась...

— О да!.. Это у меня с детства. Один профессор пения нашел у меня контральто, а другой — меццо-сопрано. Каждый ставил голос по-своему, и вышло... притом я недавно простудилась...

«Не слишком ли много объяснений для одного факта? — подумал Ларе. — И почему она так смутилась? Мои предположения оправдываются. Тут что-то есть».

— Когда вы поете на низких нотах, — с грустью заговорил он, — я будто слышу голос одной моей хорошей знакомой... Она была известная певица. Бедняжка погибла при железнодорожном крушении. Ко всеобщему удивлению, ее тело не было найдено... Ее фигура чрезвычайно напоминает вашу, как две капли воды... Можно подумать, что это ее тело.

Брике посмотрела на Ларе уже с нескрываемым страхом. Она поняла, что этот разговор ведется Ларе неспроста.

— Бывают люди, очень похожие друг на друга... — сказала она дрогнувшим голосом.

— Да, но такого сходства я не встречал. И потом... ваши жесты... вот этот жест кистью руки... И еще... Вы сейчас взялись руками за голову, как бы поправляя пышные пряди волос. Такие волосы были у Анжелики Гай. И так она

поправляла капризный локон у виска... Но у вас нет длинных локонов. У вас короткие, остриженные по последней моде волосы.

— У меня раньше были тоже длинные волосы, — сказала Брике, поднимаясь. Ее лицо побледнело, кончики пальцев заметно дрожали. — Здесь душно... Пойдемте наверх...

— Погодите, — остановил ее Ларе, также волнуясь. — Мне необходимо поговорить с вами.

Он насильно усадил ее в кресло у иллюминатора.

— Мне дурно... Я не привыкла к качке! — воскликнула Брике, порываясь уйти. Но Ларе как бы нечаянно коснулся руками ее шеи, отвернув при этом край колье. Он увидел розовевшие рубцы.

Брике пошатнулась. Ларе едва успел подхватить ее: она была в обмороке.

Художник, не зная, что делать, брызнул ей в лицо прямо из стоявшего графина. Она скоро пришла в себя. Непередаваемый ужас засветился в ее глазах. Несколько долгих мгновений они молча смотрели друг на друга. Брике казалось, что наступил час возмездия. Страшный час расплаты за то, что она присвоила чужое тело. Губы Брике дрогнули, и она чуть слышно прошептала:

— Не губите меня!.. Пожалейте...

— Успокойтесь, я не собираюсь губить вас... но я должен узнать эту тайну. — Ларе поднял висевшую как плеть руку Брике и сильно сдавил ее. — Признайтесь, это не ваше тело? Откуда оно у вас? Скажите мне всю правду!

— Жан! — попыталась крикнуть Брике, но Ларе зажал ей рот ладонью, прошипев в самое ухо:

— Если вы еще раз крикнете, вы не выйдете из этой каюты.

Потом, оставив Брике, он быстро запер дверь каюты на ключ и плотно прикрыл раму иллюминатора.

Брике заплакала, как ребенок. Но Ларе был неумолим.

— Слезы вам не помогут! Говорите скорее, пока я не потерял терпения.

— Я не виновата ни в чем, — заговорила Брике, всхли-

пывая. — Меня убили... Но потом я ожила... Одна моя голова... на стеклянной подставке... Это было так ужасно!.. И голова Тома стояла там же... Я не знаю, как это случилось... Профессор Керн — это он оживил меня... Я просила его, чтобы он вернул мне тело. Он обещал... И привез откуда-то вот это тело... — Она почти с ужасом посмотрела на свои плечи и руки. — Но когда я увидела мертвое тело, то отказалась... Мне было так страшно... Я не хотела, умоляла не приставлять моей головы к трупу... Это может подтвердить Лоран: она ухаживала за нами, но Керн не послушал. Он усыпил меня, и я проснулась вот такой. Я не хотела оставаться у Керна и убежала в Париж, а потом сюда... Я знала, что Керн будет преследовать меня... Умоляю вас, не убивайте меня и не говорите никому... Теперь я не хочу остаться без тела, оно стало моим... Я никогда не чувствовала такой легкости движений. Только болит нога... Но это пройдет... Я не хочу возвращаться к Керну!

Слушая эту бессвязную речь, Ларе думал: «Брике, кажется, действительно не виновата. Но этот Керн... Как мог он достать тело Гай и использовать его для такого ужасного эксперимента? Керн! Я слышал об этом имени от Артура. Керн, кажется, был ассистентом его отца. Эта тайна должна быть раскрыта».

— Перестаньте плакать и внимательно выслушайте меня, — строго сказал Ларе. — Я помогу вам, но при одном условии, если и вы никому не скажете о том, что произошло с вами вплоть до настоящего момента. Никому, кроме одного человека, который сейчас придет сюда. Это Артур Доуэль — вы уже знаете его. Вы должны повиноваться мне во всем. Если только вы ослушаетесь, вас постигнет страшная кара. Вы совершили преступление, которое карается смертной казнью. И вам нигде не удастся спрятать вашу голову и присвоенное вами чужое тело. Вас найдут и гильотинируют. Слушайте же меня. Во-первых, успокойтесь. Во-вторых, садитесь за пианино и пойте. Пойте как можно громче, чтобы было слышно там, наверху. Вам очень весело, и вы не собираетесь подниматься на палубу.

Брике подошла к пианино, уселась и запела, аккомпанируя себе едва повинующимися пальцами.

— Громче, веселее, — командовал Ларе, открывая иллюминатор и дверь.

Это было очень странное пение — крик отчаяния и ужаса, переложенный на мажорный лад.

— Громче, барабаньте по клавишам! Так! Играйте и ждите. Вы поедете в Париж вместе с нами. Не вздумайте бежать. В Париже вы будете вне опасности, мы сумеем скрыть вас.

С веселым лицом Ларе поднялся на палубу. Яхта, наклонившись на правый борт, быстро скользила по легкой волне. Влажный морской ветер освежил Ларе. Он подошел к Артуру Доуэлю и, незаметно отведя его в сторону, сказал:

— Пойдите вниз в каюту и заставьте мадемуазель Брике повторить вам все, что она сказала мне. А я займу гостей.

— Ну, как вам нравится яхта, мадам? — обратился он к Рыжей Марте и начал вести с нею непринужденный разговор.

Жан, развалясь в плетеном кресле, блаженствовал вдали от полиции и сыщиков. Он не хотел больше ни думать, ни наблюдать, он хотел забыть о вечной настороженности. Медленно потягивая из маленькой рюмки превосходный коньяк, он еще больше погружался в созерцательное, полусонное состояние. Это было как нельзя более на руку Ларе. Рыжая Марта также чувствовала себя великолепно. Слыша из каюты пение подруги, она сама в перерывах между фразами присоединяла свой голос к доносившемуся игривому напеву.

Успокоила ли Брике игра, или Артур показался ей менее опасным собеседником, но на этот раз она более связно и толково рассказала ему историю своей смерти и воскрешения.

— Вот и все. Ну, разве я виновата? — уже с улыбкой спросила она и спела коротенькую шансонетку «Виновата ли я», повторенную на палубе Мартой.

— Опишите мне третью голову, которая жила у профессора Керна, — сказал Доуэль.

— Тома?

— Нет, ту, которой вас показал профессор Керн! Впрочем...

Артур Доуэль торопливо вынул из бокового кармана бумажник, порылся в нем, достал оттуда фотографическую карточку и показал ее Брике.

— Скажите, похож изображенный здесь мужчина на голову моего... знакомого, которую вы видели у Керна?

— Да это совершенно он! — воскликнула Брике. Она даже бросила играть. — Удивительно! И с плечами. Голова с телом. Неужели и ему уже успели пришить тело? Что с вами, мой дорогой? — участливо и испуганно спросила она.

Доуэль пошатнулся. Лицо его побледнело. Он, с трудом владея собой, сделал несколько шагов, тяжело опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Что с вами? — еще раз спросила его Брике.

Но он ничего не отвечал. Потом губы его прошептали: «Бедный отец», но Брике не расслышала этих слов.

Артур Доуэль очень быстро овладел собой. Когда он поднял голову, его лицо было почти спокойно.

— Простите, я, кажется, напугал вас, — сказал он. — У меня иногда бывают такие легкие припадки на сердечной почве. Вот все уже и прошло.

— Но кто этот человек? Он так похож на... Ваш брат? — заинтересовалась Брике.

— Кто бы он ни был, вы должны помочь нам разыскать эту голову. Вы поедете с нами. Мы устроим вас в таком укромном уголке, где вас никто не найдет. Когда вы можете ехать?

— Хоть сегодня, — ответила Брике. — А вы... не отнимете у меня мое тело?

Доуэль сразу не понял, потом улыбнулся и ответил:

— Конечно, нет... если только вы будете слушать нас и помогать нам. Идемте на палубу.

— Ну, как ваше плавание? — весело спросил он, под-

нявшись на палубу. Затем посмотрел на горизонт с видом опытного моряка и, озабоченно покачав головой, сказал: — Море мне не нравится... Видите эту темноватую полосу у горизонта?.. Если мы вовремя не вернемся, то...

— О, скорее назад! Я не хочу утонуть, — полушутя-полусерьезно воскликнула Брике.

Никакой бури не предвиделось. Просто Доуэль решил напугать своих сухопутных гостей, для того чтобы скорее вернуться на берег.

Ларе условился с Брике встретиться на теннисной площадке после обеда, «если не будет бури». Они расставались всего на несколько часов.

— Послушайте, Ларе, мы неожиданно напали на след больших тайн, — сказал Доуэль, когда они вернулись в отель. — Знаете ли вы, чья голова находилась у Керна? Голова моего отца, профессора Доуэля!

Ларе, уже усевшийся на стуле, подскочил, как мяч.

— Голова? Живая голова вашего отца! Но возможно ли это? И это все Керн! Он... я растерзаю его! Мы найдем голову вашего отца.

— Боюсь, что мы не застанем ее в живых, — печально ответил Артур. — Отец сам доказал возможность оживления голов, отсеченных от тела, но головы эти жили не более полутора часов, затем они умирали, потому что кровь свертывалась, искусственные же питательные растворы могли поддержать жизнь еще меньшее время.

Артур Доуэль не знал, что его отец незадолго до смерти изобрел препарат, названный им «Доуэль 217» и переименованный Керном в «Керн 217». Введенный в кровь, этот препарат совершенно устраняет свертывание крови и потому делает возможным более длительное существование головы.

— Но живою или мертвою мы должны разыскать голову отца. Скорее в Париж!

Ларе бросился в свой номер собирать вещи.

В ПАРИЖ!

Наскоро пообедав, Ларе побежал на теннисную площадку.

Несколько запоздавшая Брике была очень обрадована, увидев, что он уже ждет ее. Несмотря на весь страх, который внушил ей этот человек, Брике продолжала находить его очень интересным мужчиной.

— А где же ваша ракетка? — разочарованно спросила она его. — Разве вы сегодня не будете учить меня?

Ларе уже в продолжение нескольких дней учил Брике играть в теннис. Она оказалась очень способной ученицей. Но Ларе знал тайну этой способности больше, чем сама Брике: она обладала тренированным телом Анжелики, которая была прекрасной теннисисткой. Когда-то она сама учила Ларе некоторым ударам. И теперь Ларе оставалось только привести в соответствие уже тренированное тело Гай с еще не тренированным мозгом Брике — закрепить в ее мозгу привычные движения тела. Иногда движения Брике были неуверенные, угловатые. Но часто неожиданно для себя она делала необычайно ловкие движения. Она, например, чрезвычайно удивила Ларе, когда стала подавать «резаные мячи» — ее никто не учил этому. А этот ловкий и трудный прием был своего рода гордостью Анжелики. И, глядя на движения Брике, Ларе иногда забывал, что играет не с Анжеликой. Именно во время игры в теннис у Ларе возникло нежное чувство к «возрожденной Анжелике», как иногда называл он Брике. Правда, это чувство было далеко от того обожания и преклонения, которым он был преисполнен к Анжелике.

Брике стояла возле Ларе, заслонившись ракеткой от заходящего солнца — один из жестов Анжелики.

— Сегодня мы не будем играть.

— Как жалко! А я бы не прочь поиграть, хотя у меня сильней, чем обычно, болит нога, — сказала Брике.

— Идемте со мной. Мы едем в Париж.

— Сейчас?

— Немедленно.

— Но мне же необходимо хоть переодеться и захватить кое-какие вещи.

— Хорошо. Даю вам на сборы сорок минут, и ни минуты больше. Мы заедем за вами в автомобиле. Идите же скорее укладываться.

«Она действительно прихрамывает», — подумал Ларе, глядя вслед удаляющейся Брике.

По пути в Париж нога у Брике разболелась не на шутку. Брике лежала в своем купе и тихо стонала. Ларе успокаивал ее как умел. Это путешествие еще больше сблизило их. Правда, он ухаживал с такой заботливостью, как ему казалось, не за Брике, а за Анжеликой Гай. Но Брике относила заботы Ларе целиком к себе. Это внимание очень трогало ее.

— Вы такой добрый, — сказала она сентиментально. — Там, на яхте, вы напугали меня. Но теперь я не боюсь вас. — И она улыбалась так очаровательно, что Ларе не мог не улыбнуться в ответ. Эта ответная улыбка уже всецело принадлежала голове: ведь улыбалась голова Брике. Она делала успехи, сама не замечая того.

А недалеко от Парижа случилось маленькое событие, еще больше обрадовавшее Брике и удивившее самого виновника этого события. Во время особенно сильного приступа боли Брике протянула руку и сказала:

— Если бы вы знали, как я страдаю...

Ларе невольно взял протянутую руку и поцеловал ее. Брике покраснела, а Ларе смутился.

«Черт возьми, — думал он, — я, кажется, поцеловал ее. Но ведь это была только рука — рука Анжелики. Однако ведь боль чувствует голова, значит, поцеловав руку, я пожалел голову. Но голова чувствует боль потому, что болит нога Анжелики, но боль Анжелики чувствует голова Брике...» Он совсем запутался и смутился еще больше.

— Чем вы объяснили ваш внезапный отъезд вашей подруге? — спросил Ларе, чтобы скорее покончить с неловкостью.

— Ничем. Она привыкла к моим неожиданным поступкам. Впрочем, она с мужем тоже скоро приедет в Париж. Я

хочу ее видеть... Вы, пожалуйста, пригласите ее ко мне. — И Брике дала адрес Рыжей Марты.

Ларе и Артур Доуэль решили поместить Брике в небольшом пустующем доме, принадлежащем отцу Ларе, в конце авеню дю Мэн.

— Рядом с кладбищем! — суеверно воскликнула Брике, когда автомобиль провозил ее мимо кладбища Монпарнас.

— Значит, долго жить будете, — успокоил ее Ларе.

— Разве есть такая примета? — спросила суеверная Брике.

— Вернейшая.

И Брике успокоилась.

Больную уложили в довольно уютной комнате на огромной старинной кровати под балдахином.

Брике вздохнула, откидываясь на горку подушек.

— Вам необходимо пригласить врача и сиделку, — сказал Ларе. Но Брике решительно возражала. Она боялась, что новые люди донесут на нее.

С большим трудом Ларе уговорил ее показать ногу своему другу, молодому врачу, и пригласить в сиделки дочь консьержа.

— Этот консьерж служит у нас двадцать лет. На него и на его дочь вполне можно положиться.

Приглашенный врач осмотрел распухшую и сильно покрасневшую ногу, предписал делать компрессы, успокоил Брике и вышел с Ларе в другую комнату.

— Ну, как? — спросил не без волнения Ларе.

— Пока серьезного ничего нет, но следить надо. Я буду навещать ее через день. Больная должна соблюдать абсолютный покой.

Ларе каждое утро навещал Брике. Однажды он тихо вошел в комнату. Сиделки не было. Брике дремала или лежала с закрытыми глазами. Странное дело, ее лицо, казалось, все более молодело. Теперь Брике можно было дать не более двадцати лет. Черты лица как-то смягчились, стали нежнее.

Ларе на цыпочках подошел к кровати, нагнулся, долго смотрел на это лицо и... вдруг нежно поцеловал в лоб. На

этот раз Ларе не анализировал, целует ли он «останки» Анжелики, голову Брике или всю Брике.

Брике медленно подняла веки и посмотрела на Ларе, бледная улыбка мелькнула на ее губах.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ларе. — Я не разбудил вас?

— Нет, я не спала. Благодарю вас, я чувствую себя хорошо. Если бы не эта боль...

— Доктор говорит, что ничего серьезного. Лежите спокойно, и скоро вы поправитесь...

Вошла сиделка. Ларе кивнул головой и вышел. Брике проводила его нежным взглядом. В жизнь ее вошло что-то новое. Она хотела скорее поправиться. Кабаре, танцы, шансонетки, веселые пьяные посетители «Ша-нуар» — все это ушло куда-то далеко, потеряло смысл и цену. В сердце ее рождались новые мечты о счастье. Быть может, это было самое большое чудо «перевоплощения», о котором не подозревала она сама, не подозревал и Ларе! Чистое, девственное тело Анжелики Гай не только омолодило голову Брике, но и изменило ход ее мыслей. Развязная певица из кабаре превращалась в скромную девушку.

ЖЕРТВА КЕРНА

В то время как Ларе был всецело поглощен заботами о Брике, Артур Доуэль собирал сведения о доме Керна. От времени до времени друзья совещались с Брике, которая сообщила им все, что знала о доме и людях, населявших его.

Артур Доуэль решил действовать очень осторожно. С момента исчезновения Брике Керн должен быть настороже. Застать его врасплох едва ли удастся. Необходимо вести дело так, чтобы до последнего момента Керн не подозревал, что на него уже ведется атака.

— Мы будем действовать как можно хитрей, — сказал он Ларе. — Прежде всего нужно узнать, где живет мадемуазель Лоран. Если она не заодно с Керном, то во многом нам поможет — гораздо больше, чем Брике.

Разузнать адрес Лоран не представляло большого труда. Но, когда Доуэль посетил квартиру, его ждало разочарование. Вместо Лоран он застал только ее мать, чистенько одетую благообразную старушку, заплаканную, недоверчивую, убитую горем.

— Могу я видеть мадемуазель Лоран? — спросил он.

Старуха с недоумением посмотрела на него.

— Мою дочь? Разве вы ее знаете?.. А с кем я имею честь говорить и зачем вам нужна моя дочь?

— Если разрешите...

— Прошу вас. — И мать Лоран впустила посетителя в маленькую гостиную, уставленную мягкой старинной мебелью в белых чехлах с кружевными накидками на спинках. На стене большой портрет. «Интересная девушка», — подумал Артур.

— Моя фамилия Радье, — сказал он. — Я медик из провинции, вчера только приехал из Тулона. Когда-то я был знаком с одной из подруг мадемуазель Лоран по университету. Уже здесь, в Париже, я случайно встретил эту подругу и узнал от нее, что мадемуазель Лоран работает у профессора Керна.

— А как фамилия университетской подруги моей дочери?

— Фамилия? Риш!

— Риш! Риш!.. Не слыхала такой, — заметила Лоран и уже с явным недоверием спросила: — А вы не от Керна?

— Нет, я не от Керна, — с улыбкой ответил Артур. — Но очень хотел бы познакомиться с ним. Дело в том, что он работает в той области, которой я очень интересуюсь. Мне известно, что ряд опытов, и самых интересных, он производит на дому. Но он очень замкнутый человек и никого не желает пускать в свое святая святых.

Старушка Лоран решила, что это похоже на правду: поступив на работу к профессору Керну, дочь говорила, что он живет очень замкнуто и никого не принимает. «Чем же он занимается?» — спросила она у дочери и получила неопределенный ответ: «Всякими научными опытами».

— И вот, — продолжал Доуэль, — я решил познакомить-

ся сначала с мадемуазель Лоран и посоветоваться с нею, как мне вернее достигнуть цели. Она могла бы подготовить почву, предварительно поговорить с профессором Керном, познакомить меня с ним и ввести в дом.

Вид молодого человека располагал к доверию, но все, что было связано с именем Керна, возбуждало в душе мадам Лоран такое беспокойство и тревогу, что она не знала, как вести дальше разговор. Она тяжело вздохнула и, сдерживая себя, чтобы не заплакать, сказала:

— Моей дочери нет дома. Она в больнице.

— В больнице? В какой больнице?

Мадам Лоран не стерпела. Она слишком долго оставалась одна со своим горем и теперь, забыв о всякой осторожности, рассказала своему гостю все: как ее дочь неожиданно прислала письмо о том, что работа заставляет ее остаться некоторое время в доме Керна для ухода за тяжелобольными; как она, мать, делала бесплодные попытки повидаться с дочерью в доме Керна; как волновалась; как, наконец, Керн сообщил ей, что ее дочь заболела нервным расстройством и отвезена в больницу для душевнобольных.

— Я ненавижу этого Керна, — говорила старушка, вытирая платком слезы. — Это он довел мою дочь до сумасшествия. Я не знаю, что она видела в доме Керна и чем занималась, — об этом она даже мне не говорила, — но я знаю одно, что как только Мари поступила на эту работу, так и начала нервничать. Я не узнавала ее. Она приходила бледная, взволнованная, она лишилась аппетита и сна. По ночам ее душили кошмары. Она вскрикивала и говорила сквозь сон, что голова какого-то профессора Доуэля и Керн преследуют ее... Керн присылает мне по почте заработную плату дочери, довольно значительную сумму, присылает до сих пор. Но я не прикасаюсь к деньгам. Здоровья не приобретешь ни за какие деньги... Я потеряла дочь... — И старушка залилась слезами.

«Нет, в этом доме не может быть сообщников Керна», — подумал Артур Доуэль. Он решил больше не скрывать истинной цели своего прихода.

— Сударыня, — сказал он, — я теперь откровенно признаюсь, что имею не меньше оснований ненавидеть Керна. Мне нужна была ваша дочь, чтобы свести с Керном кое-какие счеты и... обнаружить его преступления.

Мадам Лоран вскрикнула.

— О, не беспокойтесь, ваша дочь не замешана в этих преступлениях.

— Моя дочь скорее умрет, чем совершит преступление, — гордо ответила Лоран.

— Я хотел воспользоваться услугами мадемуазель Лоран, но теперь вижу, что ей самой необходимо оказать услугу. Я имею основания предполагать, что ваша дочь не сошла с ума, а заключена в сумасшедший дом профессором Керном.

— Но почему? За что?

— Именно потому, что ваша дочь скорее умрет, чем совершит преступление, как изволили вы сказать. Очевидно, она была опасна для Керна.

— Но о каких преступлениях вы говорите?

Артур Доуэль еще недостаточно знал Лоран и опасался ее старушечьей болтливости, а потому решил не раскрывать всего.

— Керн делал незаконные операции. Будьте добры сказать, в какую больницу отправлена Керном ваша дочь?

Взволнованная Лоран едва собралась с силами, чтобы продолжать связно говорить. Прерывая свои слова рыданиями, она ответила:

— Керн долго не хотел мне этого сообщать. К себе в дом он не пускал меня. Приходилось писать ему письма. Он отвечал уклончиво, старался успокоить меня и уверить, что моя дочь поправляется и скоро вернется ко мне. Когда мое терпение истощилось, я написала ему, что напишу на него жалобу, если он сейчас же не ответит, где моя дочь. И тогда он сообщил адрес больницы. Она находится в окрестностях Парижа, в Ско. Больница принадлежит частному врачу Равино. Ох, я ездила туда! Но меня даже не пустили во двор. Это настоящая тюрьма, обнесенная каменной стеной... «У нас такие порядки, — ответил мне привратник, — что родных мы никого не пускаем, хотя бы и родную мать». Я вызвала дежурного врача, но он ответил мне то же. «Сударыня, — сказал он, — посещение родственниками больных всегда волнует и ухудшает их душевное состояние. Могу вам только сообщить, что вашей дочери лучше». И он захлопнул передо мной ворота.

— Я все же постараюсь повидаться с вашей дочерью. Может быть, мне удастся и освободить ее.

Артур тщательно записал адрес и откланялся.

— Я сделаю все, что только будет возможно. Поверьте мне, что я заинтересован в этом так же, как если бы мадемуазель Лоран была моей сестрой.

И, напутствуемый всяческими советами и добрыми пожеланиями, Доуэль вышел из комнаты.

Артур решил немедленно повидаться с Ларе. Его друг целые дни проводил с Брике, и Доуэль направился на авеню дю Мэн. Возле домика стоял автомобиль Ларе.

Доуэль быстро поднялся на второй этаж и вошел в гостиную.

— Артур, какое несчастье! — встретил его Ларе. Он был чрезвычайно расстроен, метался по комнате и ерошил свои черные курчавые волосы.

— В чем дело, Ларе?

— О!.. — простонал его друг. — Она бежала...

— Кто?

— Мадемуазель Брике, конечно!

— Бежала? Но почему? Говорите же, наконец, толком!

Но нелегко было заставить Ларе говорить. Он продолжал метаться, вздыхать, стонать и охать. Прошло не менее десяти минут, пока Ларе заговорил:

— Вчера мадемуазель Брике с утра жаловалась на усиливающиеся боли в ноге. Нога очень опухла и посинела. Я вызвал врача. Он осмотрел ногу и сказал, что положение резко ухудшилось. Началась гангрена. Необходима операция. Врач не брался оперировать на дому и настаивал на том, чтобы больную немедленно перевезли в больницу. Но

мадемуазель Брике ни за что не соглашалась. Она боялась, что в больнице обратят внимание на шрамы на ее шее. Она плакала и говорила, что должна вернуться к Керну. Керн предупреждал ее, что ей необходимо остаться у него до полного «выздоровления». Она не послушалась его и теперь жестоко наказана. И она верит Керну как хирургу. «Если он сумел воскресить меня из мертвых и дать новое тело, то может вылечить и мою ногу. Для него это пустяк». Все мои уговоры не приводили ни к чему. Я не хотел отпускать ее к Керну. И я решил применить хитрость. Я сказал, что сам отправлю ее к Керну, предполагая перевезти в больницу. Но мне необходимо было принять меры к тому, чтобы тайна «воскрешения» Брике в самом деле не раскрылась ранее времени, — я не забывал о вас, Артур. И я уехал на час, не более, чтобы сговориться со знакомыми врачами. Я хотел перехитрить Брике, но она перехитрила меня и сиделку. Когда я приехал, ее уже не было. Все, что от нее осталось, — вот эта записка, лежавшая на столике возле ее кровати. Вот, посмотрите. —И Ларе подал Артуру листок бумаги, на котором карандашом наспех было написано несколько слов:

«Ларе, простите меня, я не могу поступить иначе. Я возвращусь к Керну. Не навещайте меня. Керн поставит меня на ноги, как уже сделал это раз. До скорого свиданья, — эта мысль утешает меня».

— Даже подписи нет.

— Обратите внимание, — сказал Ларе, — на почерк. Это почерк Анжелики, хотя несколько измененный. Так могла бы написать Анжелика, если бы она писала в сумерки или у нее болела рука: более крупно, более размашисто.

— Но все-таки, как это произошло? Как она могла бежать?

— Увы, она бежала от Керна, чтобы теперь бежать от меня к Керну. Когда я приехал сюда и увидел, что клетка опустела, я едва не убил сиделку. Но она объяснила, что сама была введена в заблуждение. Брике, с трудом поднявшись, подошла к телефону и вызвала меня. Это была хитрость. Меня она не вызывала. Поговорив по телефону, Брике заявила сиделке, что я как будто все устроил и прошу ее немедленно ехать в больницу. И Брике попросила сиделку вызвать автомобиль, затем с ее помощью добралась до автомобиля и укатила, отказавшись от услуг сиделки. «Это недалеко, а там меня снимут санитары», — сказала она. И сиделка была в полной уверенности, что все делается по моему распоряжению и с моего ведома. Артур! — вдруг крикнул Ларе, вновь приходя в волнение. — Я еду к Керну немедленно. Я не могу ее оставить там. Я уже вызвал по телефону мой автомобиль. Едем со мною, Артур!

Артур прошелся по комнате. Какое неожиданное осложнение! Положим, Брике уже сообщила все, что знала о доме Керна. Но все же ее советы были бы необходимы в дальнейшем, не говоря о том, что она сама являлась уликой против Керна. И этот обезумевший Ларе. Теперь он плохой помощник.

— Послушайте, мой друг, — сказал Артур, опустив руки на плечи художника. — Сейчас больше чем когда-либо нам необходимо крепко взять себя в руки и воздержаться от опрометчивых поступков. Дело сделано. Брике у Керна. Следует ли нам тревожить прежде времени зверя в его берлоге? Как вы полагаете, расскажет ли Брике Керну обо всем, что произошло с нею с тех пор, как она бежала от него, о нашем знакомстве с нею и о том, что мы многое узнали о Керне?

— Могу поручиться, что она ничего не скажет, — убежденно ответил Ларе. — Она дала мне слово там, на яхте, и неоднократно повторяла, что сохранит тайну. Теперь она выполнит это не только под влиянием страха, но и... по другим мотивам.

Артуру были понятны эти мотивы. Он уже давно заметил, что Ларе проявлял все большее внимание к Брике.

«Несчастный романтик, — подумал Доуэль, — везет ему на трагическую любовь. На этот раз он теряет не только Анжелику, но и вновь зарождающуюся любовь. Однако еще не все потеряно».

— Будьте терпеливы, Ларе, — сказал он. — Наши цели

сходятся. Соединим наши усилия и будем вести осторожную игру. У нас два пути: или нанести Керну немедленный удар, или же постараться сначала окольными путями узнать о судьбе головы моего отца и о Брике. После того как Брике убежала от него, Керн должен держаться настороже. Если он еще не уничтожил головы моего отца, то, вероятно, хорошо скрыл ее. Уничтожить же голову можно в несколько минут. Если только полиция начнет стучаться в его дверь, он уничтожит все следы преступления прежде, чем откроет дверь. И мы ничего не найдем. Не забудьте, Ларе, что Брике тоже «следы преступления». Керн совершал незаконные операции. Мало этого: он незаконно похитил тело Анжелики. А Керн — человек, который не остановится ни перед чем. Ведь осмелился же он тайно от всех оживить голову моего отца. Я знаю, что отец разрешил в завещании анатомировать его тело, но я никогда не слыхал, чтобы он соглашался на опыт с оживлением своей головы. Почему Керн скрывает от всех, даже от меня, о существовании головы? Для чего она нужна ему? И для чего нужна ему Брике? Быть может, он занимается вивисекцией над людьми и Брике для него сыграла роль кролика?

— Тем более ее надо скорее спасти, — горячо возразил Ларе.

— Да, спасти, но не ускорить ее смерть. А наш визит к Керну может ускорить этот роковой конец.

— Но что же делать?

— Идти вторым, более медленным путем. Постараемся, чтобы и этот путь был возможно короче. Мари Лоран нам может дать гораздо более полезные сведения, чем Брике. Лоран знает расположение дома, она ухаживала за головами. Быть может, она говорила с моим отцом... то есть с его головой.

— Так давайте скорее Лоран.

— Увы, ее тоже необходимо сначала освободить.

— Она у Керна?

— В больнице. Очевидно, в одной из тех больниц, где за хорошие деньги держат взаперти таких же больных людей,

как мы с вами. Нам придется немало поработать, Ларе. — И Доуэль рассказал своему другу о своем свидании с матерью Лоран.

— Проклятый Керн! Он сеет вокруг себя несчастье и ужасы. Попадись он мне...

— Постараемся, чтобы он попался. И первый шаг к этому — нам надо повидаться с Лоран.

— Я немедленно еду туда.

— Это было бы неосторожно. Нам лично нужно показываться только в тех случаях, когда ничего другого не остается. Пока будем пользоваться услугами других людей. Мы с вами должны представлять своего рода тайный комитет, который руководит действиями надежных людей, но остается неизвестным врагу. Надо найти верного человека, который отправился бы в Ско, завел знакомство с санитарами, сиделками, поварами, привратниками, — с кем окажется возможным. Если удастся подкупить хоть одного, дело будет наполовину сделано.

Ларе не терпелось. Ему самому хотелось немедленно приступить к действиям, но он подчинялся более рассудительному Артуру и в конце концов примирился с политикой осторожных действий.

— Но кого же мы пригласим? О, Шауб! Молодой художник, недавно приехавший из Австралии. Мой приятель, прекрасный человек, отличный спортсмен. Для него поручение будет тоже своего рода спортом. Черт возьми, — выбранился Ларе, — почему я сам не могу взяться за это?

— Это так романтично? — с улыбкой спросил Доуэль.

ЛЕЧЕБНИЦА РАВИНО

Шауб, молодой человек двадцати трех лет, розоволицый блондин атлетического сложения, принял предложение «заговорщиков» с восторгом. Его не посвящали пока во все подробности, но сообщили, что он может оказать друзьям огромную услугу. И он весело кивнул головой, не спросив

даже Ларе, нет ли во всей этой истории чего-нибудь предосудительного: он верил в честность Ларе и его друга.

— Великолепно! — воскликнул Шауб. — Я еду в Ско немедленно. Этюдный ящик послужит прекрасным оправданием появления нового человека в маленьком городишке. Я буду писать портреты санитаров и сиделок. Если они будут не очень безобразны, я даже немножко поухаживаю за ними.

— Если потребуется, предлагайте руку и сердце, — сказал Ларе с воодушевлением.

— Для этого я недостаточно красив, — скромно заметил молодой человек. — Но свои бицепсы я охотно пущу в дело, если будет необходимо.

Новый союзник отправился в путь.

— Помните же, действуйте с возможной скоростью и предельной осторожностью, — дал ему Доуэль последний совет.

Шауб обещал приехать через три дня. Но уже на другой день вечером он, очень расстроенный, явился к Ларе.

— Невозможно, — сказал он. — Не больница, а тюрьма, обнесенная каменной стеной. И за эту стену не выходит никто из служащих. Все продукты доставляются подрядчиками, которых не пускают даже во двор. К воротам выходит заведующий хозяйством и принимает все, что ему нужно... Я ходил вокруг этой тюрьмы, как волк вокруг овчарни. Но мне не удалось даже одним глазом заглянуть за каменную ограду.

Ларе был разочарован и раздосадован.

— Я надеялся, — сказал он с плохо скрытым раздражением, — что вы проявите большую изобретательность и находчивость, Шауб.

— Не угодно ли вам самим проявить эту изобретательность, — ответил не менее раздраженно Шауб. — Я не оставил бы своих попыток так скоро. Но мне случайно удалось познакомиться с одним местным художником, который хорошо знает город и обычаи лечебницы. Он сказал мне, что это совершенно особая лечебница. Много преступлений и тайн хранит она за своими стенами. Наследники по-

мещают туда своих богатых родственников, которые слишком долго зажились и не думают умирать, объявляют их душевнобольными и устанавливают над ними опеку. Опекуны несовершеннолетних отправляют туда же своих опекаемых перед наступлением их совершеннолетия, чтобы продолжать «опекать», свободно распоряжаясь их капиталами. Это тюрьма для богатых людей, пожизненное заключение для несчастных жен, мужей, престарелых родителей и опекаемых. Владелец лечебницы, он же главный врач, получает колоссальные доходы от заинтересованных лиц. Весь штат хорошо оплачивается. Здесь бессилен даже закон, от вторжения которого охраняет уже не каменная стена, а золото. Здесь все держится на подкупе. Согласитесь, что при таких условиях я мог просидеть в Ско целый год и ни на один сантиметр не продвинуться в больницу.

— Надо было не сидеть, а действовать, — сухо заметил Ларе.

Шауб демонстративно поднял свою ногу и указал на порванные внизу брюки.

— Действовал, как видите, — с горькой иронией сказал он. — Прошлую ночь попытался перелезть через стену. Для меня это нетрудное дело. Но не успел я спрыгнуть по ту сторону стены, как на меня набросились огромные доги, — и вот результат... Не обладай я обезьяньим проворством и ловкостью, меня разорвали бы на куски. Тотчас по всему огромному саду послышалась перекличка сторожей, замелькали зажженные электрические фонари. Но этого мало. Когда я уже перебрался обратно, тюремщики выпустили своих собак за ворота. Животные выдрессированы точно так же, как дрессировали в свое время собак на южноамериканских плантациях для поимки беглых негров... Ларе, вы знаете, сколько призов я взял в состязаниях на быстроту бега. Если бы я всегда бегал так, как улепетывал минувшей ночью, спасаясь от проклятущих псов, я был бы чемпионом мира. Довольно вам сказать, что я без особого труда вскочил на подножку попутного автомобиля, мчавшегося по дороге со

скоростью по крайней мере тридцати километров в час, и только это спасло меня!

— Проклятие! Что же теперь делать? — воскликнул Ларе, ероша волосы. — Придется вызвать Артура. — И он устремился к телефону.

Через несколько минут Артур уже пожимал руки своих друзей.

— Этого надо было ожидать, — сказал он, узнав о неудаче. — Керн умеет хоронить свои жертвы в надежных местах. Что же нам делать? — повторил он вопрос Ларе. — Идти напролом, действовать тем же оружием, что и Керн, — подкупить главного врача и...

— Я не пожалею отдать все мое состояние! — воскликнул Ларе.

— Боюсь, что его будет недостаточно. Дело в том, что коммерческое предприятие почтенного доктора Равино зиждется на огромных кушах, которые он получает от своих клиентов, с одной стороны, и на том доверии, которое питают к нему его клиенты, вполне уверенные, что уж если Равино получил хорошую взятку, то ни при каких условиях он не продаст их интересов. Равино не захочет подорвать свое реноме и тем самым пошатнуть все основы своего предприятия. Вернее, он сделал бы это, если бы мог сразу получить такую сумму, которая равнялась бы всем его будущим доходам лет на двадцать вперед. А на это, боюсь, не хватит средств, даже если бы мы сложили наши капиталы. Равино имеет дело с миллионерами, не забывайте этого. Гораздо проще и дешевле было бы подкупить кого-нибудь из его служащих помельче. Но все несчастье в том, что Равино следит за своими служащими не меньше, чем за заключенными. Шауб прав. Я сам наводил кое-какие справки о лечебнице Равино. Легче постороннему человеку проникнуть в каторжную тюрьму и устроить побег, чем проделать то же в тюрьме Равино. Он принимает к себе на службу с большим разбором, в большинстве случаев людей, не имеющих родных. Не брезгает он и теми, кто не поладил с законом и желает скрыться от бдительного ока по-

лиции. Он платит хорошо, но берет обязательство, что никто из служащих не будет выходить за пределы лечебницы во время службы, а время это определяется в десять и двадцать лет, не меньше.

— Но где же он найдет таких людей, которые решились бы на такое почти пожизненное лишение свободы? — спросил Ларе.

— Находит. Многих соблазняет мысль обеспечить себя на старости. Большинство загоняет нужда. Но, конечно, выдерживают не все. У Равино случаются, хотя и очень редко — раз в несколько лет, — побеги служащих. Не так давно один служащий, истосковавшийся по свободной жизни, бежал. В тот же день его труп нашли в окрестностях Ско. Полиция Ско на откупе у Равино. Был составлен протокол о том, что служащий покончил жизнь самоубийством. Равино взял труп и перенес к себе в лечебницу. Об остальном можно догадаться. Равино, вероятно, показал труп своим служащим и произнес соответствующую речь, намекая на то, что такая же судьба ждет всякого нарушителя договора. Вот и все.

Ларе был ошеломлен.

— Откуда у вас такая информация?

Артур Доуэль самодовольно улыбнулся.

— Ну вот, видите, — сказал повеселевший Шауб. — Я же говорил вам, что я не виноват.

— Представляю, как весело живет в этом проклятом месте Лоран. Но что же нам предпринять, Артур? Взорвать стены динамитом? Сделать подкоп?

Артур уселся в кресло и задумался. Друзья молчали, поглядывая на него.

— Эврика! — вдруг вскрикнул Доуэль.

«СУМАСШЕДШИЕ»

Небольшая комната с окном в сад. Серые стены. Серая кровать, застланная светло-серым пушистым одеялом. Белый столик и два белых стула.

Лоран сидит у окна и рассеянно смотрит в сад. Луч солнца золотит ее русые волосы. Она очень похудела и побледнела.

Из окна видна аллея, по которой гуляют группы больных. Между ними мелькают белые с черной каймой халаты сестер.

— Сумасшедшие... — тихо говорит Лоран, глядя на гуляющих больных. — И я сумасшедшая... Какая нелепость! Вот все, чего я достигла...

Она сжала руки, хрустнув пальцами.

Как это произошло?..

Керн вызвал ее в кабинет и сказал:

— Мне нужно поговорить с вами, мадемуазель Лоран. Вы помните наш первый разговор, когда вы пришли сюда, желая получить работу?

Она кивнула головой.

— Вы обещали молчать обо всем, что увидите и услышите в этом доме, не так ли?

— Да.

— Повторите ж сейчас это обещание и можете идти навестить свою мамашу. Видите, как я доверяю вашему слову.

Керн удачно нашел струну, на которой играл. Лоран была чрезвычайно смущена. Несколько минут она молчала. Лоран привыкла исполнять данное слово, но после того, что она узнала здесь... Керн видел ее колебания и с тревогой следил за исходом ее внутренней борьбы.

— Да, я дала вам обещание молчать, — сказала она наконец тихо. — Но вы обманули меня. Вы многое скрыли от меня. Если бы вы сразу сказали всю правду, я не дала бы вам такого обещания.

— Значит, вы считаете себя свободной от этого обещания?

— Да.

— Благодарю за откровенность. С вами хорошо иметь дело уже потому, что вы, по крайней мере, не лукавите. Вы имеете гражданское мужество говорить правду.

Керн говорил это не только для того, чтобы польстить

Лоран. Несмотря на то что честность Керн считал глупостью, в эту минуту он действительно уважал ее за мужественность характера и моральную стойкость. «Черт возьми, будет досадно, если придется убрать с дороги эту девочку. Но что же поделать с нею?»

— Итак, мадемуазель Лоран, при первой же возможности вы пойдете и донесете на меня? Вам должно быть известно, какие это будет иметь для меня последствия. Меня казнят. Больше того, мое имя будет опозорено.

— Об этом вам нужно было подумать раньше, — ответила Лоран.

— Послушайте, мадемуазель, — продолжал Керн, как бы не расслышав ее слов. — Отрешитесь вы от своей узкой моральной точки зрения. Поймите, если бы не я, профессор Доуэль давно сгнил бы в земле или сгорел в крематории. Стала бы его работа. То, что сейчас делает голова, ведь это, в сущности, посмертное творчество. И это создал я. Согласитесь, что при таком положении я имею некоторые права на «продукцию» головы Доуэля. Больше того, без меня Доуэль — его голова — не смог бы осуществить свои открытия. Вы знаете, что мозг не поддается оперированию и сращиванию. И тем не менее операция «сращения» головы Брике с телом удалась прекрасно. Спинной мозг, проходящий через шейные позвонки, сросся. Над разрешением этой задачи работали голова Доуэля и руки Керна. А эти руки, — Керн протянул руки, глядя на них, — тоже чего-нибудь стоят. Они спасли не одну сотню человеческих жизней и спасут еще много сотен, если только вы не занесете над моей головой меч возмездия. Но и это еще не все. Последние наши работы должны произвести переворот не только в медицине, но и в жизни всего человечества. Отныне медицина может восстановить угасшую жизнь человека. Сколько великих людей можно будет воскресить после их смерти, продлить им жизнь на благо человечества! Я удлиню жизнь гения, верну детям отца, жене — мужа. Впоследствии такие операции будет совершать рядовой хирург. Сумма человеческого горя уменьшится...

— За счет других несчастных.

— Пусть так, но там, где плакали двое, будет плакать один. Там, где было два мертвеца, будет один. Разве это не великие перспективы? И что в сравнении с этим представляют мои личные дела, пусть даже преступления? Какое дело больному до того, что на душе хирурга, спасающего его жизнь, лежит преступление? Вы убьете не только меня, вы убьете тысячи жизней, которые в будущем я мог бы спасти. Подумали ли вы об этом? Вы совершите преступление в тысячу раз большее, чем совершил я, если только я совершил его. Подумайте же еще раз и скажите мне ваш ответ. Теперь идите. Я не буду торопить вас.

— Я уже дала вам ответ. — И Лоран вышла из кабинета.

Она пришла в комнату головы профессора Доуэля и передала ему содержание разговора с Керном. Голова Доуэля задумалась.

— Не лучше ли было скрыть ваши намерения или, по крайней мере, дать неопределенный ответ? — наконец прошептала голова.

— Я не умею лгать, — ответила Лоран.

— Это делает вам честь, но... ведь вы обрекли себя. Вы можете погибнуть, и ваша жертва не принесет никому пользы.

— Я... иначе я не могу, — сказала Лоран и, грустно кивнув голове, удалилась.

— Жребий брошен, — повторяла она одну и ту же фразу, сидя у окна своей комнаты.

«Бедная мама, — неожиданно мелькнуло у нее в голове. — Но она поступила бы так же», — сама себе ответила Лоран. Ей хотелось написать матери письмо и в нем изложить все, что произошло с нею. Последнее письмо. Но не было никакой возможности переслать его. Лоран не сомневалась, что должна погибнуть. Она была готова спокойно встретить смерть. Ее огорчали только заботы о матери и мысли о том, что преступление Керна останется неотомщенным. Однако она верила, что рано или поздно все же возмездие не минует его.

То, чего она ждала, случилось скорее, чем она предполагала.

Лоран погасила свет и улеглась в кровать. Нервы ее были напряжены. Она услышала какой-то шорох за шкафом, стоящим у стены. Этот шорох больше удивил, чем испугал ее. Дверь в ее комнату была заперта на замок. К ней не могли войти так, чтобы она не услышала. «Что же это за шорох? Быть может, мыши?»

Дальнейшее произошло с необычайной быстротой. Вслед за шорохом послышался скрип. Чьи-то шаги быстро приблизились к кровати. Лоран испуганно приподнялась на локтях, но в то же мгновение чьи-то сильные руки придавили ее к подушке и прижали к лицу маску с хлороформом.

«Смерть!..» — мелькнуло в ее мозгу, и, затрепетав всем телом, она инстинктивно рванулась.

— Спокойнее, — услышала она голос Керна, совсем такой же, как во время обычных операций, а затем потеряла сознание.

Пришла в себя она уже в лечебнице...

Профессор Керн привел в исполнение угрозу о «чрезвычайно тяжелых для нее последствиях», если она не сохранит тайну. От Керна она ожидала всего. Он отомстил, а сам не получил возмездия. Мари Лоран принесла в жертву себя, но ее жертва была бесплодной. Сознание этого еще больше нарушало ее душевное равновесие.

Она была близка к отчаянию. Даже здесь она чувствовала влияние Керна.

Первые две недели Лоран не разрешали даже выходить в большой тенистый сад, где гуляли «тихие» больные. Тихие — это были те, которые не протестовали против заключения, не доказывали врачам, что они совершенно здоровы, не грозили разоблачениями и не делали попыток к бегству. Во всей лечебнице было не больше десятка процентов действительно душевнобольных, да и тех свели с ума уже в больнице. Для этой цели у Равино была выработана сложная система «психического отравления».

«ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ В ПРАКТИКЕ»

Для доктора Равино Мари Лоран была «трудным случаем в практике». Правда, за время ее работы у Керна нервная система Лоран была сильно истощена, но воля не поколеблена. За это дело и взялся Равино.

Пока он не принимался за «обработку психики» Лоран вплотную, а только издали внимательно изучал ее. Профессор Керн еще не дал доктору Равино определенных директив относительно Лоран: отправить ее преждевременно в могилу или свести с ума. Последнего, во всяком случае в большей или меньшей степени, требовала сама система психиатрической «лечебницы» Равино.

Лоран в волнении ожидала того момента, когда ее судьба окончательно будет решена. Смерть или сумасшествие — другого пути здесь для нее, как и для других, не было. И она собирала все душевные силы, чтобы противоборствовать по крайней мере сумасшествию. Она была очень кротка, послушна и даже внешне спокойна. Но этим трудно было обмануть доктора Равино, обладавшего большим опытом и недюжинными способностями психиатра. Эта покорность Лоран возбуждала в нем лишь еще большее беспокойство и подозрительность.

«Трудный случай», — думал он, разговаривая с Лоран во время обычного утреннего обхода.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал он.

— Благодарю вас, хорошо, — отвечала Лоран.

— Мы делаем все возможное для наших пациентов, но все же непривычная обстановка и относительное лишение свободы действуют на некоторых больных угнетающе. Чувство одиночества, тоска.

— Я привыкла к одиночеству.

«Ее не так-то легко вызвать на откровенность», — подумал Равино и продолжал:

— У вас, в сущности говоря, все в полном порядке. Нервы немного расшатаны, и только. Профессор Керн говорил мне, что вам приходилось принимать участие в научных опытах, которые должны производить довольно тяжелое

впечатление на свежего человека. Вы так юны. Переутомление и небольшая неврастения... И профессор Керн, который очень ценит вас, решил предоставить вам отдых...

— Я очень благодарна профессору Керну.

«Скрытная натура, — злился Равино. — Надо свести ее с другими больными. Тогда она, может быть, больше раскроет себя, и таким образом можно будет скорее изучить ее характер».

— Вы засиделись, — сказал он. — Почему бы вам не пройти в сад? У нас чудесный сад, даже не сад, а настоящий парк в десяток гектаров.

— Мне не разрешили гулять.

— Неужели? — удивленно воскликнул Равино. — Это недосмотр моего ассистента. Вы не из тех больных, которым прогулки могут принести вред. Пожалуйста, гуляйте. Познакомьтесь с нашими больными, среди них есть интересные люди.

— Благодарю вас, я воспользуюсь вашим разрешением.

И когда Равино ушел, Лоран вышла из своей комнаты и направилась по длинному коридору, окрашенному в мрачный серый тон с черной каймой, к выходу. Из-за запертых дверей комнат доносились безумные завывания, крики, истерический смех, бормотание...

— О... о... о... — слышалось слева.

— У-у-у... Ха-ха-ха-ха, — откликались справа.

«Будто в зверинце», — думала Лоран, стараясь не поддаваться этой гнетущей обстановке. Но она несколько ускорила шаги и поспешила выйти из дома. Перед нею расстилалась ровная дорожка, ведущая в глубь сада, и Лоран пошла по ней.

«Система» доктора Равино чувствовалась даже здесь. На всем лежал мрачный оттенок. Деревья только хвойные, с темной зеленью. Деревянные скамьи без спинок окрашены в темно-серый цвет. Но особенно поразили Лоран цветники. Клумбы были сделаны наподобие могил, а среди цветов преобладали темно-синие, почти черные анютины глазки,

окаймленные по краям, как белой траурной лентой, ромашками. Темные туи дополняли картину.

«Настоящее кладбище. Здесь невольно должны рождаться мысли о смерти. Но меня не проведете, господин Равино, я отгадала ваши секреты, и ваши «эффекты» не застанут меня врасплох», — подбадривала себя Лоран и, быстро миновав «кладбищенский цветник», вошла в сосновую аллею. Высокие стволы, как колонны храма, тянулись вверх, прикрытые темно-зелеными куполами. Вершины сосен шумели ровным, однообразным сухим шумом.

В разных местах парка виднелись серые халаты больных.

«Кто из них сумасшедший и кто нормальный?» Это довольно безошибочно можно было определить, даже недолго наблюдая за ними. Те, кто еще не был безнадежен, с интересом смотрели на «новенькую» — Лоран. Больные же с померкнувшим сознанием были углублены в себя, отрезаны от внешнего мира, на который смотрели невидящими глазами.

К Лоран приближался высокий сухой старик с длинной седой бородой. Старик высоко поднял свои пушистые брови, увидал Лоран и сказал, как бы продолжая говорить вслух сам с собой:

— Одиннадцать лет я считал, потом счет потерял. Здесь нет календарей, и время стало. И я не знаю, сколько пробродил я по этой аллее. Может быть, двадцать, а может быть, тысячу лет. Перед лицом бога день один — как тысяча лет. Трудно определить время. И вы, вы тоже будете ходить здесь тысячу лет туда, до каменной стены, и тысячу лет обратно. Отсюда нет выхода. Оставь всякую надежду входящий сюда, как сказал господин Данте. Ха-ха-ха! Не ожидали? Вы думаете, я сумасшедший? Я хитер. Здесь только сумасшедшие имеют право жить. Но вы не выйдете отсюда, как и я. Мы с вами... — И, увидев приближающегося санитара, на обязанности которого было подслушивать разговоры больных, старик, не изменяя тона, продолжал, хитро подмигнув глазом: — Я Наполеон Бонапарт, и

мои сто дней еще не наступили. Вы меня поняли? — спросил он, когда санитар прошел дальше.

«Несчастный, — подумала Лоран, — неужели он притворяется сумасшедшим, чтобы избегнуть смертного приговора? Не я одна, оказывается, принуждена прибегать к спасительной маскировке».

Еще один больной подошел к Лоран, молодой человек с черной козлиной бородкой, и начал лепетать какую-то несуразицу об извлечении квадратного корня из квадратуры круга. Но на этот раз санитар не приближался к Лоран, — очевидно, молодой человек был вне подозрения у администрации. Он подходил к Лоран и говорил все быстрее и настойчивее, брызгая слюной:

— Круг — это бесконечность. Квадратура круга — квадратура бесконечности. Слушайте внимательно. Извлечь квадратный корень из квадратуры круга — значит извлечь квадратный корень из бесконечности. Это будет часть бесконечности, возведенная в энную степень, таким образом можно будет определить и квадратуру... Но вы не слушаете меня, — вдруг разозлился молодой человек и схватил Лоран за руку. Она вырвалась и почти побежала по направлению к корпусу, в котором жила. Недалеко от двери она встретила доктора Равино. Он сдерживал довольную улыбку.

Едва Лоран вбежала к себе в комнату, как в дверь постучали. Она охотно закрылась бы на ключ, но внутренних запоров у двери не было. Она решила не отвечать. Однако дверь открылась, и на пороге показался доктор Равино.

Его голова по обыкновению была откинута назад, выпуклые глаза, несколько расширенные, круглые и внимательные, смотрели сквозь стекла пенсне, черные усы и эспаньолка шевелились вместе с губами.

— Простите, что вошел без разрешения. Мои врачебные обязанности дают некоторые права...

Доктор Равино нашел, что наступил удобный момент начать «разрушение моральных ценностей» Лоран. В его арсенале имелись самые разнообразные средства воздействия — от подкупающей искренности, вежливости и обая-

тельной внимательности до грубости и циничной откровенности. Он решил во что бы то ни стало вывести Лоран из равновесия и потому взял вдруг тон бесцеремонный и насмешливый.

— Почему же вы не говорите: «Войдите, пожалуйста, простите, что я не пригласила вас. Я задумалась и не слыхала вашего стука...», или что-нибудь в этом роде?

— Нет, я слыхала ваш стук, но не отвечала потому, что мне хотелось остаться одной.

— Правдиво, как всегда! — иронически сказал он.

— Правдивость — плохой объект для иронии, — с некоторым раздражением заметила Лоран.

«Клюет», — весело подумал Равино. Он бесцеремонно уселся против Лоран и уставил на нее свои рачьи немигающие глаза. Лоран старалась выдержать этот взгляд, в конце концов ей стало неприятно, она опустила веки, слегка покраснев от досады на себя.

— Вы полагаете, — произнес Равино тем же ироническим тоном, — что правдивость — плохой объект для иронии. А я думаю, что самый подходящий. Если бы вы были такой правдивой, вы бы выгнали меня вон, потому что вы ненавидите меня, а между тем стараетесь сохранить любезную улыбку гостеприимной хозяйки.

— Это... только вежливость, привитая воспитанием, — сухо ответила Лоран.

— А если бы не вежливость, то выгнали бы? — И Равино вдруг засмеялся неожиданно высоким, лающим смехом. — Отлично! Очень хорошо! Вежливость не в ладу с правдивостью. Из вежливости, стало быть, можно поступаться правдивостью. Это раз. — И он загнул один палец. — Сегодня я спросил вас, как вы себя чувствуете, и получил ответ: «Прекрасно», хотя по вашим глазам видел, что вам впору удавиться. Следовательно, вы и тогда солгали. Из вежливости?

Лоран не знала, что сказать. Она должна была или еще раз солгать, или же сознаться в том, что решила скрывать свои чувства. И она молчала.

— Я помогу вам, мадемуазель Лоран, — продолжал Равино. — Это была, если так можно выразиться, маскировка самосохранения. Да или нет?

— Да, — вызывающе ответила Лоран.

— Итак, вы лжете во имя приличия — раз, вы лжете во имя самосохранения — два. Если продолжать этот разговор, боюсь, что у меня не хватит пальцев. Вы лжете еще из жалости. Разве вы не писали успокоительные письма матери?

Лоран была поражена. Неужели Равино известно все? Да, ему действительно было все известно. Это также входило в его систему. Он требовал от своих клиентов, поставляющих ему мнимых больных, полные сведения как о причинах их помещения в его больницу, так и обо всем, что касалось самих пациентов. Клиенты знали, что это необходимо в их же интересах, и не скрывали от Равино самых ужасных тайн.

— Вы лгали профессору Керну во имя поруганной справедливости и желая наказать порок. Вы лгали во имя правды. Горький парадокс! И если подсчитать, то окажется, что ваша правда все время питалась ложью.

Равино метко бил в цель. Лоран была подавлена. Ей самой как-то не приходило в голову, что ложь играла такую огромную роль в ее жизни.

— Вот и подумайте, моя праведница, на досуге о том, сколько вы нагрешили. И чего вы добились своей правдой? Я скажу вам: вы добились вот этого самого пожизненного заключения. И никакие силы не выведут вас отсюда — ни земные, ни небесные. А ложь? Если уважаемого профессора Керна считать исчадием ада и отцом лжи, то он ведь продолжает прекрасно существовать.

Равино, не спускавший глаз с Лоран, внезапно замолчал. «На первый раз довольно, заряд дан хороший», — с удовлетворением подумал он и, не прощаясь, вышел.

Лоран даже не заметила его ухода. Она сидела, закрыв лицо руками.

С этого вечера Равино каждый вечер являлся к ней, чтобы продолжать свои иезуитские беседы. Расшатать мораль-

ные устои, а вместе с тем психику Лоран сделалось для Равино вопросом профессионального самолюбия.

Лоран страдала искренне и глубоко. На четвертый день она не выдержала и, поднявшись, с пылающим лицом, крикнула:

— Уходите отсюда! Вы не человек, вы демон!

Эта сцена доставила Равино истинное удовольствие.

— Вы делаете успехи, — ухмыльнулся он, не двигаясь с места. — Вы становитесь правдивее, чем раньше.

— Уйдите! — задыхаясь, проговорила Лоран.

«Великолепно, скоро драться будет», — подумал доктор и вышел, весело насвистывая.

Лоран, правда, еще не дралась и, вероятно, способна была бы драться только при полном помрачении сознания, но ее психическое здоровье подвергалось огромной опасности. Оставаясь наедине с собой, она с ужасом сознавала, что надолго ее не хватит.

А Равино не упускал ничего, что могло бы ускорить развязку. По вечерам Лоран начали преследовать звуки жалобной песни, исполняемой на неизвестном ей инструменте. Как будто где-то рыдала виолончель, иногда звуки поднимались до верхних регистров скрипки, потом вдруг, без перерыва, изменялась не только высота, но и тембр, и звучал уже как бы человеческий голос, чистый, прекрасный, но бесконечно печальный. Ноющая мелодия совершала своеобразный круг, повторялась без конца.

Когда Лоран услыхала эту музыку впервые, мелодия даже понравилась ей. Причем музыка была так нежна и тиха, что Лоран начала сомневаться, действительно ли где-то играет музыка или же у нее развивается слуховая галлюцинация. Минуты шли за минутами, а музыка продолжала вращаться в своем заколдованном круге. Виолончель сменялась скрипкой, скрипка — рыдающим человеческим голосом... Тоскливо звучала одна нота в аккомпанементе. Через час Лоран была убеждена, что этой музыки не существует в действительности, что она звучит только в ее голове. От унылой мелодии некуда было деваться. Лоран закрыла уши, но ей

казалось, что она продолжает слушать музыку — виолончель, скрипка, голос... виолончель, скрипка, голос...

— От этого с ума сойти можно, — шептала Лоран. Она начала напевать сама, старалась говорить с собой вслух, чтобы заглушить музыку, но ничего не помогало. Даже во сне эта музыка преследовала ее.

«Люди не могут играть и петь беспрерывно. Это, вероятно, механическая музыка... Наваждение какое-то», — думала она, лежа без сна с открытыми глазами и слушая бесконечный круг: виолончель, скрипка, голос... виолончель, скрипка, голос...

Она не могла дождаться утра и спешила убежать в парк, но мелодия уже превратилась в навязчивую идею. Лоран действительно начинала слышать незвучавшую музыку. И только крики, стоны и смех гуляющих в парке умалишенных несколько заглушали ее.

НОВЕНЬКИЙ

Постепенно Мари Лоран дошла до такого расстройства нервов, что впервые в своей жизни стала помышлять о самоубийстве. На одной из прогулок она начала обдумывать способ покончить с собой и так углубилась в эти мысли, что не заметила сумасшедшего, который подошел близко к ней и, преграждая дорогу, сказал:

— Те хороши, которые не знают о неведомом. Все это, конечно, сентиментальность...

Лоран вздрогнула от неожиданности и посмотрела на больного. Он был одет, как все, в серый халат. Шатен, высокого роста, с красивым, породистым лицом, он сразу привлек ее внимание.

«По-видимому, новенький, — подумала она. — Брился в последний раз не более пяти дней тому назад. Но почему его лицо напоминает мне кого-то?..»

И вдруг молодой человек быстро прошептал:

— Я знаю вас, вы мадемуазель Лоран. Я видел ваш портрет у вашей матери.

— Откуда вы знаете меня? Кто вы? — спросила удивленно Лоран.

— В мире — очень мало. Я брат моего брата. А брат мой — я! — громко крикнул молодой человек.

Мимо прошел санитар, незаметно, но внимательно поглядывая на него.

Когда санитар прошел, молодой человек быстро прошептал:

— Я Артур Доуэль, сын профессора Доуэля. Я не безумный и представился безумным только для того, чтобы...

Санитар опять приблизился к ним.

Артур вдруг отбежал от Лоран с криком:

— Вот мой покойный брат! Ты — я, я — ты. Ты вошел в меня после смерти. Мы были двойниками, но умер ты, а не я.

И Доуэль погнался за каким-то меланхоликом, испуганным этим неожиданным нападением. Санитар кинулся вслед за ними, желая защитить маленького хилого меланхолика от буйного больного. Когда они добежали до конца парка, Доуэль, оставив свою жертву, повернул обратно к Лоран. Он бежал быстрее санитара. Минуя Лоран, Доуэль замедлил бег и докончил фразу:

— Я явился сюда, чтобы спасти вас. Будьте готовы сегодня ночью к побегу. — И, отскочив в сторону, заплясал вокруг какой-то ненормальной старушки, которая не обращала на него ни малейшего внимания. Потом он сел на скамью, опустил голову и задумался.

Он так хорошо разыграл свою роль, что Лоран недоумевала, действительно ли Доуэль только симулирует сумасшествие. Но надежда уже закралась в ее душу. Что молодой человек был сыном профессора Доуэля, она не сомневалась. Сходство его с отцом бросалось теперь в глаза, хотя серый больничный халат и небритое лицо значительно «обезличивали» Доуэля. И потом, он узнал ее по портрету. Очевидно, он был у ее матери. Все это было похоже на правду. Так или иначе, Лоран решила в эту ночь не раздеваться и ожидать своего неожиданного спасителя.

Надежда на спасение окрылила ее, придала ей новые

силы. Она вдруг как будто проснулась после страшного кошмара. Даже назойливая песня стала звучать тише, уходить вдаль, растворяться в воздухе. Лоран глубоко вздохнула, как человек, выпущенный на свежий воздух из мрачного подземелья. Жажда жизни вдруг вспыхнула в ней с небывалой силой. Она хотела смеяться от радости. Но теперь более чем когда-либо ей необходимо было соблюдать осторожность.

Когда гонг прозвонил к завтраку, она постаралась сделать унылое лицо — обычное выражение в последнее время — и направилась к дому.

Возле входной двери, как всегда, стоял доктор Равино. Он следил за больными, как тюремщик за арестантами, возвращающимися с прогулки в свои камеры. От его взгляда не ускользала ни одна мелочь: ни камень, припрятанный под халатом, ни разорванный халат, ни царапины на руках и лице больных. Но с особой внимательностью он следил за выражением их лиц.

Лоран, проходя мимо него, старалась не смотреть на него и опустила глаза. Она хотела скорее проскользнуть, но он на минуту задержал ее и еще внимательнее посмотрел в лицо.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Как всегда, — отвечала она.

— Это какая по счету ложь и во имя чего? — иронически спросил он и, пропустив ее, прибавил вслед: — Мы еще поговорим с вами вечерком.

«Я ждал меланхолии. Неужели она впадет в состояние экстаза? Очевидно, я что-то просмотрел в ходе ее мыслей и настроений. Надо будет доискаться...» — подумал он.

И вечером он пришел доискиваться. Лоран очень боялась этого свидания. Если она выдержит, оно может быть последним. Если не выдержит, она погибла. Теперь она в душе называла доктора Равино «великий инквизитор». И действительно, живи он несколько столетий тому назад, он мог бы с честью нести это звание. Она боялась его софизмов, его допроса с пристрастием, неожиданных вопросов-ловушек, поразительного знания психологии, его дья-

вольского анализа. Он был поистине «великий логик», современный Мефистофель, который может разрушить все моральные ценности и убить сомнениями самые непреложные истины.

И, чтобы не выдать себя, чтобы не погибнуть, она решила, собрав всю силу воли, молчать, что бы он ни говорил. Это был тоже опасный шаг. Это было объявление открытой войны, последний бунт самосохранения, который должен был вызвать усиление атаки. Но выбора не было.

И когда Равино пришел, уставился, по обыкновению, своими круглыми глазами на нее и спросил: «Итак, во имя чего вы солгали?» — Лоран не произнесла ни звука. Губы ее были плотно сжаты, а глаза опущены.

Равино начал свой инквизиторский допрос. Лоран то бледнела, то краснела, но продолжала молчать. Равино, — что с ним случалось очень редко, — начал терять терпение и злиться.

— Молчание — золото, — сказал он насмешливо. — Растеряв все свои ценности, вы хотите сохранить хоть эту добродетель безгласных животных и круглых идиотов, но вам это не удастся. За молчанием последует взрыв. Вы лопнете от злости, если не откроете предохранительного клапана обличительного красноречия. И какой смысл молчать? Как будто я не могу читать ваши мысли? «Ты хочешь свести меня с ума, — думаете вы сейчас, — но это тебе не удастся». Будем говорить откровенно. Нет, удастся, милая барышня. Испортить человеческую душонку для меня не труднее, чем повредить механизм карманных часов. Все винтики этой несложной машины я знаю наперечет. Чем больше вы будете сопротивляться, тем безнадежнее и глубже будет ваше падение во мрак безумия.

«Две тысячи четыреста шестьдесят один, две тысячи четыреста шестьдесят два...» — продолжала Лоран считать, чтобы не слышать того, что говорит ей Равино.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта пытка, если бы в дверь тихо не постучалась сиделка.

— Войдите, — недовольно сказал Равино.

— В седьмой палате больная, кажется, кончается, — сказала сиделка.

Равино неохотно поднялся.

— Кончается, тем лучше, — тихо проворчал он. — Завтра мы докончим наш интересный разговор, — сказал он и, приподняв голову Лоран за подбородок, насмешливо фыркнул и ушел.

Лоран тяжело вздохнула и почти без сил склонилась над столом.

А за стеной уже играла рыдающая музыка безнадежной тоски. И власть этой колдовской музыки была так велика, что Лоран невольно поддалась этому настроению. Ей уже казалось, что встреча с Артуром Доуэлем — только бред ее больного воображения, что всякая борьба бесполезна. Смерть, только смерть избавит ее от мук. Она огляделась вокруг... Но самоубийства больных не входили в систему доктора Равино. Здесь не на чем было даже повеситься. Лоран вздрогнула. Неожиданно ей представилось лицо матери.

«Нет, нет, я не сделаю этого, ради нее не сделаю... хотя бы эту последнюю ночь... Я буду ждать Доуэля. Если он не придет...» — Она не додумала мысли, но чувствовала всем существом то, что случится с нею, если он не выполнит данного ей обещания.

ПОБЕГ

Это была самая томительная ночь из всех, проведенных Лоран в больнице доктора Равино. Минуты тянулись бесконечно и нудно, как доносившаяся в комнату знакомая музыка.

Лоран нервно прохаживалась от окна к двери. Из коридора послышались крадущиеся шаги. У нее забилось сердце. Забилось и замерло, — она узнала шаги дежурной сиделки, которая подходила к двери, чтобы заглянуть в волчок. Двухсотсвечовая лампа не гасла в комнате всю ночь. «Это помогает бессоннице», — решил доктор Равино. Лоран поспешно, не раздеваясь, легла в кровать, прикрылась

одеялом и притворилась спящей. И с ней случилось необычное: она, не спавшая в продолжение многих ночей, сразу уснула, утомленная до последней степени всем пережитым. Она спала всего несколько минут, но ей показалось, что прошла целая ночь. Испуганно вскочив, она подбежала к двери и вдруг столкнулась с входящим Артуром Доуэлем. Он не обманул. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Скорей, — шептал он. — Сиделка в западном коридоре. Идем.

Он схватил ее за руку и осторожно повел за собой. Их шаги заглушались стонами и криками больных, страдающих бессонницей. Бесконечный коридор кончился. Вот наконец и выход из дома.

— В парке дежурят сторожа, но мы прокрадемся мимо них... — быстро шептал Доуэль, увлекая Лоран в глубину парка.

— Но собаки...

— Я все время кормил их остатками от обеда, и они знают меня. Я здесь уже несколько дней, но избегал вас, чтобы не навлечь подозрения.

Парк тонул во мраке. Но у каменной стены на некотором расстоянии друг от друга, как вокруг тюрьмы, были расставлены горящие фонари.

— Вот там есть заросли... туда...

Внезапно Доуэль лег на траву и дернул за руку Лоран. Она последовала его примеру. Один из сторожей близко прошел мимо беглецов. Когда сторож удалился, они начали пробираться к стене.

Где-то заворчала собака, подбежала к ним и завиляла хвостом, увидев Доуэля. Он бросил ей кусок хлеба.

— Вот видите, — прошептал Артур, — самое главное сделано. Теперь нам осталось перебраться через стену. Я помогу вам.

— А вы? — спросила с тревогой Лоран.

— Не беспокойтесь, я за вами, — ответил Доуэль.

— Но что же я буду делать за стеной?

— Там нас ждут мои друзья. Все приготовлено. Ну, прошу вас, немного гимнастики.

Доуэль прислонился к стене и одной рукой помог Лоран взобраться на гребень.

Но в этот момент один из сторожей увидел ее и поднял тревогу. Внезапно весь сад осветился фонарями. Сторожа, сзывая друг друга и собак, приближались к беглецам.

— Прыгайте! — приказал Доуэль.

— А вы? — испуганно воскликнула Лоран.

— Да прыгайте же! — уже закричал он, и Лоран прыгнула. Чьи-то руки подхватили ее.

Артур Доуэль подпрыгнул, уцепился руками за верх стены и начал подтягиваться. Но два санитара схватили его за ноги. Доуэль был так силен, что почти приподнял их на мускулах рук. Однако руки соскользнули, и он упал вниз, подмяв под себя санитаров.

За стеной послышался шум заведенного автомобильного мотора. Друзья, очевидно, ожидали Доуэля.

— Уезжайте скорее! Полный ход! — крикнул он, борясь с санитарами.

Автомобиль ответно прогудел, и слышно было, как он умчался.

— Пустите меня, я сам пойду, — сказал Доуэль, перестав сопротивляться.

Однако санитары не отпустили его. Крепко сжав ему руки, они вели его к дому. У дверей стоял доктор Равино в халате, попыхивая папироской.

— В изоляционную камеру. Смирительную рубашку! — сказал он санитарам.

Доуэля привели в небольшую комнату без окон, все стены и пол которой были обиты матрацами. Сюда помещали во время припадков буйных больных. Санитары бросили Доуэля на пол. Вслед за ними в камеру вошел Равино. Он уже не курил. С руками, заложенными в карманы халата, он наклонился над Доуэлем и начал рассматривать его в упор своими круглыми глазами. Доуэль выдержал этот взгляд. Потом Равино кивнул головой санитарам, и они вышли.

— Вы неплохой симулянт, — обратился Равино к Доуэлю, — но меня трудно обмануть. Я разгадал вас в первый же день вашего появления здесь и следил за вами, но, признаюсь, не угадал ваших намерений. Вы и Лоран дорого поплатитесь за эту проделку.

— Не дороже, чем вы, — ответил Доуэль.

Равино зашевелил своими тараканьими усами.

— Угроза?

— На угрозу, — лаконически бросил Доуэль.

— Со мною трудно бороться, — сказал Равино. — Я ломал не таких молокососов, как вы. Жаловаться властям? Не поможет, мой друг. Притом вы можете исчезнуть прежде, чем нагрянут власти. От вас не останется следа. Кстати, как ваша настоящая фамилия? Дюбарри — ведь это выдумка.

— Артур Доуэль, сын профессора Доуэля.

Равино был явно удивлен.

— Очень приятно познакомиться, — сказал он, желая скрыть за насмешкой свое смущение. — Я имел честь быть знакомым с вашим почтенным папашей.

— Благодарите бога, что у меня связаны руки, — отвечал Доуэль, — иначе вам плохо пришлось бы. И не смейте упоминать о моем отце... негодяй!

— Очень благодарю бога за то, что вы крепко связаны и надолго, мой дорогой гость!

Равино круто повернулся и вышел. Звонко щелкнул замок. Доуэль остался один.

Он не очень беспокоился о себе. Друзья не оставят его и вырвут из этой темницы. Но все же он сознавал опасность своего положения. Равино должен был прекрасно понимать, что от исхода борьбы между ним и Доуэлем может зависеть судьба всего его предприятия. Недаром Равино оборвал разговор и неожиданно ушел из камеры. Хороший психолог, он сразу разгадал, с кем имеет дело, и даже не пытался применять свои инквизиторские таланты. С Артуром Доуэлем приходилось бороться не психологией, не словами, а только решительными действиями.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Артур ослабил узлы, связывавшие его. Это ему удалось, потому что, когда его связывали смирительной рубашкой, он умышленно напружинил свои мышцы. Медленно начал он освобождаться из своих пеленок. Но за ним следили. И едва он сделал попытку вынуть руку, замок щелкнул, дверь открылась, вошли два санитара и перевязали его заново, на этот раз наложив поверх смирительной рубашки еще несколько ремней. Санитары грубо обращались с ним и угрожали побить, если он возобновит попытки освободиться. Доуэль не отвечал. Туго перевязав его, санитары ушли.

Так как в камере окон не было и освещалась она электрической лампочкой на потолке, Доуэль не знал, наступило ли утро. Часы тянулись медленно. Равино пока ничего не предпринимал и не являлся. Доуэлю хотелось пить. Скоро он почувствовал приступы голода. Но никто не входил в его камеру и не приносил еды и питья.

«Неужели он хочет уморить меня голодом?» — подумал Доуэль. Голод мучил его все больше, но он не просил есть. Если Равино решил уморить его голодом, то незачем унижать себя просьбой.

Доуэль не знал, что Равино испытывает силу его характера. И, к неудовольствию Равино, Доуэль выдержал этот экзамен.

Несмотря на голод и жажду, Доуэль, долгое время проведший без сна, незаметно для себя уснул. Он спал безмятежно и крепко, не подозревая, что этим самым доставит Равино новую неприятность. Ни яркий свет лампы, ни музыкальные эксперименты Равино не производили на Доуэля никакого впечатления. Тогда Равино прибегнул к более сильным средствам воздействия, которые он применял к крепким натурам. В соседней комнате санитары начинали бить деревянными молотами по железным листам и трещать на особых трещотках. При этом адском грохоте обычно просыпались самые крепкие люди и в ужасе осматривались по сторонам. Но Доуэль, очевидно, был крепче крепких. Он

спал, как младенец. Этот необычайный случай поразил даже Равино.

«Поразительно, — удивлялся Равино, — и ведь этот человек знает, что жизнь его висит на волоске. Его не разбудят и трубы архангелов».

— Довольно! — крикнул он санитарам, и адская музыка прекратилась.

Равино не знал, что невероятный грохот пробудил Доуэля. Но, как человек большой воли, он овладел собой при первых проблесках сознания и ни одним вздохом, ни одним движением не обнаружил, что он уже не спит.

«Доуэля можно уничтожить только физически», — таков был приговор Равино.

А Доуэль, когда грохот прекратился, вновь уснул по-настоящему и проспал до вечера. Проснулся он свежим и бодрым. Голод уже меньше мучил его. Он лежал с открытыми глазами и, улыбаясь, смотрел на волчок двери. Там виднелся чей-то круглый глаз, внимательно наблюдавший за ним.

Артур, чтобы подразнить своего врага, начал напевать веселую песенку. Это было слишком даже для Равино. Первый раз в жизни он почувствовал, что не в состоянии овладеть чужой волей. Связанный, беспомощно лежащий на полу человек издевался над ним. За дверью раздалось какое-то шипение. Глаз исчез.

Доуэль продолжал петь все громче, но вдруг поперхнулся. Что-то раздражило его горло. Доуэль потянул носом и почувствовал запах. В горле и носоглотке щекотало, скоро присоединилась к этому режущая боль в глазах. Запах усиливался.

Доуэль похолодел. Он понял, что настал его смертный час. Равино отравил его хлором. Доуэль знал, что он не в силах вырваться из туго связывавших его ремней и смирительной рубашки. Но в этот раз инстинкт самосохранения был сильнее доводов разума. Доуэль начал делать невероятные попытки освободиться. Он извивался всем телом, как червяк, выгибался, скручивался, катался от стены к

стене. Но он не кричал, не молил о помощи, он молчал, крепко стиснув зубы. Омраченное сознание уже не управляло телом, и оно защищалось инстинктивно.

Затем свет погас, и Доуэль словно куда-то провалился...

Очнулся он от свежего ветра, который трепал его волосы. С необычайным усилием воли он постарался раскрыть глаза: на мгновение перед ним мелькнуло чье-то знакомое лицо, как будто Ларе, но в полицейском костюме. До слуха дошел шум автомобильного мотора. Голова трещала от боли. «Бред, но я, значит, еще жив», — подумал Доуэль. Веки его опять сомкнулись, но тотчас открылись вновь. В глаза больно ударил дневной свет. Артур прищурился и вдруг услышал женский голос:

— Как вы себя чувствуете?

По воспаленным векам Доуэля провели влажным куском ваты. Окончательно открыв глаза, Артур увидел склонившуюся над ним Лоран. Он улыбнулся ей и, осмотревшись, увидел, что лежит в той самой спальне, в которой некогда лежала Брике.

— Значит, я не умер? — тихо спросил Доуэль.

— К счастью, не умерли, но вы были на волоске от смерти, — сказала Лоран.

В соседней комнате послышались быстрые шаги, и Артур увидел Ларе. Он размахивал руками и кричал:

— Слышу разговор! Значит, ожил. Здравствуйте, мой друг! Как себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил Доуэль и, почувствовав боль в груди, сказал: — Голова болит... и грудь...

— Много не говорите, — предупредил его Ларе, — вам вредно. Этот висельник Равино едва не отравил вас газом, как крысу в трюме корабля. Но, Доуэль, как мы великолепно провели его!

И Ларе начал смеяться так, что Лоран посмотрела на него с укоризной, опасаясь, как бы его слишком шумная радость не потревожила больного.

— Не буду, не буду, — ответил он, поймав ее взгляд. — Я сейчас расскажу вам все по порядку. Похитив мадемуа-

зель Лоран и немного подождав, мы поняли, что вам не удалось последовать за нею...

— Вы... слышали мой крик? — спросил Артур.

— Слышали. Молчите! И поспешили укатить, прежде чем Равино вышлет погоню. Возня с вами задержала его свору, и этим вы очень помогли нам скрыться незамеченными. Мы прекрасно знали, что вам там не поздоровится. Игра в открытую. Мы, то есть я и Шауб, хотели возможно скорее прийти к вам на помощь. Однако необходимо было сначала устроить мадемуазель Лоран, а уж затем придумать и привести в исполнение план вашего спасения. Ведь ваше пленение было непредвиденным... Теперь и нам надо было во что бы то ни стало проникнуть за каменную ограду, а это, вы сами знаете, нелегкое дело. Тогда мы решили поступить так: я и Шауб достали себе полицейские костюмы, подъехали на автомобиле и заявили, что мы явились для санитарного осмотра. Шауб изобразил даже мандат со всеми печатями. На наше счастье, у ворот стоял не постоянный привратник, а простой санитар, который, очевидно, не был знаком с инструкцией Равино, требовавшей при впуске кого бы то ни было предварительно созвониться с ним по телефону. Мы держали себя на высоте положения и...

— Значит, это был не бред... — перебил Артур. — Я вспоминаю, что видел вас в форме полицейского и слышал шум автомобиля.

— Да, да, на автомобиле вас обдул свежий ветер, и вы пришли в себя, но потом впали в беспамятство. Так слушайте дальше. Санитар открыл нам ворота, мы вошли. Остальное сделать было нетрудно, хотя и не так легко, как мы предполагали. Я потребовал, чтобы нас провели в кабинет Равино. Но второй санитар, к которому мы обратились, был, очевидно, опытный человек. Он подозрительно оглядел нас, сказал, что доложит, и вошел в дом. Через несколько минут к нам вышел какой-то горбоносый человек в белом халате, с черепаховыми очками на носу...

— Ассистент Равино, доктор Буш.

Ларе кивнул головою и продолжал:

— Он объявил нам, что доктор Равино занят и что мы можем переговорить с ним, Бушем. Я настаивал на том, что нам необходимо видеть самого Равино. Буш повторял, что сейчас это невозможно, так как Равино находится у тяжелобольного. Тогда Шауб, недолго думая, взял Буша за руку вот так, — Ларе правой рукой взял за запястье своей левой руки, — и повернул вот этак. Буш вскрикнул от боли, а мы прошли мимо него и вошли в дом. Черт возьми, мы не знали, где находится Равино, и были в большом затруднении. По счастью, он сам в это время шел по коридору. Я узнал его, так как виделся с ним, когда привозил вас в качестве моего душевнобольного друга. «Что вам угодно?» — резко спросил Равино. Мы поняли, что нам нечего больше разыгрывать комедию, и, приблизившись к Равино, быстро вынули револьверы и направили их ему в лоб. Но в это время носатый Буш — кто бы мог ожидать от этой развалины такой прыти! — ударил по руке Шауба, причем так сильно и неожиданно, что выбил револьвер, а Равино схватил меня за руку. Тут началась потеха, о которой, пожалуй, трудно и рассказать связно. На помощь к Равино и Бушу уже бежали со всех сторон санитары. Их было много, и они, конечно, быстро справились бы с нами. Но, на наше счастье, многих смутила полицейская форма. Они знали о тяжелом наказании за сопротивление полиции, а тем более если оно сопряжено с насильственными действиями над представителями власти. Как Равино ни кричал, что наши полицейские костюмы — маскарад, большинство санитаров предпочитало роль наблюдателей, и только немногие осмелились положить руки на священный и неприкосновенный полицейский мундир. Вторым нашим козырем было огнестрельное оружие, которого не было у санитаров. Ну и, пожалуй, не меньшим козырем были наша сила, ловкость и отчаянность. Это и уравняло силы. Один санитар насел на Шауба, наклонившегося, чтобы поднять упавший револьвер. Шауб оказался большим мастером по части всяческих приемов борьбы. Он стряхнул с себя врага и, нанося ловкие удары, отбросил ногою револь-

вер, за которым уже протянулась чья-то рука. Надо отдать ему справедливость, он боролся с чрезвычайным хладнокровием и самообладанием. На моих плечах тоже повисли два санитара. И неизвестно, чем окончилось бы это сражение, если б не Шауб. Он оказался молодцом. Ему удалось-таки поднять револьвер, и, недолго думая, он пустил его в ход. Несколько выстрелов сразу охладили пыл санитаров. После того как один из них заорал, хватаясь за свое окровавленное плечо, остальные мигом ретировались. Но Равино не сдавался. Несмотря на то что мы приставили к обоим его вискам револьверы, он крикнул: «У меня тоже найдется оружие. Я прикажу своим людям стрелять в вас, если вы сейчас не уйдете отсюда!» Тогда Шауб, не говоря лишнего слова, стал выворачивать Равино руку. Этот прием вызывает такую чертовскую боль, что даже здоровенные бандиты ревут, как бегемоты, и становятся кроткими и послушными. У Равино кости хрустели, на глазах появились слезы, но он все еще не сдавался. «Что же вы смотрите? — кричал он стоявшим в отдалении санитарам. — К оружию!» Несколько санитаров побежали, вероятно, за оружием, другие снова подступили к нам. Я отвел на мгновение револьвер от головы Равино и сделал пару выстрелов. Слуги опять окаменели, кроме одного, который упал на пол с глухим стоном...

Ларе передохнул и продолжал:

— Да, горячее было дело. Нестерпимая боль все более обессиливала Равино, а Шауб продолжал выкручивать его руку. Наконец Равино, корчась от боли, прохрипел: «Чего вы хотите?» — «Немедленной выдачи Артура Доуэля», — сказал я. «Разумеется, — скрипнув зубами, ответил Равино, — я узнал ваше лицо. Да отпустите же руку, черт возьми! Я проведу вас к нему...» Шауб отпустил руку ровно настолько, чтобы привести его в себя: он уже терял сознание. Равино провел нас к камере, в которой вы были заключены, и указал глазами на ключ. Я отпер двери и вошел в камеру в сопровождении Равино и Шауба. Глазам нашим представилось невеселое зрелище: спеленатый, как младенец, вы корчились в последних судорогах, подобно полураздавленному червю. В камере стоял удушливый запах хлора. Шауб, чтобы не возиться больше с Равино, нанес ему легонький удар снизу в челюсть, от которого доктор покатился на пол, как куль. Мы сами, задыхаясь, вытащили вас из камеры и захлопнули дверь.

— А Равино? Он...

— Если задохнется, то беда не велика, решили мы. Но его, вероятно, освободили и привели в чувство после нашего ухода... Выбрались мы из этого осиного гнезда довольно благополучно, если не считать, что нам пришлось расстрелять оставшиеся патроны в собак... И вот вы здесь.

— Долго я пролежал без сознания?

— Десять часов. Врач только недавно ушел, когда ваш пульс и дыхание восстановились и он убедился, что вы вне опасности. Да, дорогой мой, — потирая руки, продолжал Ларе, — предстоят громкие процессы. Равино сядет на скамью подсудимых вместе с профессором Керном. Я этого дела не оставлю.

— Но прежде надо найти — живую или мертвую — голову моего отца, — тихо произнес Артур.

ОПЯТЬ БЕЗ ТЕЛА

Профессор Керн был так обрадован неожиданным возвращением Брике, что даже забыл побранить ее. Впрочем, было и не до того. Джону пришлось внести Брике на руках, причем она стонала от боли.

— Доктор, простите меня, — сказала она, увидав Керна. — Я не послушалась вас...

— И сами себя наказали, — ответил Керн, помогая Джону укладывать беглянку на кровать.

— Боже, я не сняла даже пальто.

— Позвольте, я помогу вам сделать это.

Керн начал осторожно снимать с Брике пальто, в то же время наблюдая за ней опытным глазом. Лицо ее необычайно помолодело и посвежело. От морщинок не осталось следа.

«Работа желез внутренней секреции, — подумал он. — Молодое тело Анжелики Гай омолодило голову Брике».

Профессор Керн уже давно знал, чье тело похитил он в морге. Он внимательно следил за газетами и иронически посмеивался, читая о поисках «безвестно пропавшей» Анжелики Гай.

— Осторожнее... Нога болит, — поморщилась Брике, когда Керн повернул ее на другой бок.

— Допрыгались! Ведь я предупреждал вас.

Вошла сиделка, пожилая женщина с туповатым выражением лица.

— Разденьте ее, — кивнул Керн на Брике.

— А где же мадемуазель Лоран? — удивилась Брике.

— Ее здесь нет. Она больна.

Керн отвернулся, побарабанил пальцами по спинке кровати и вышел из комнаты.

— Вы давно служите у профессора Керна? — спросила Брике новую сиделку.

Та промычала что-то непонятное, показывая на свой рот.

«Немая, — догадалась Брике. — И поговорить не с кем будет...»

Сиделка молча убрала пальто и ушла. Вновь появился Керн.

— Покажите вашу ногу.

— Я много танцевала, — начала Брике свою покаянную исповедь. — Скоро открылась ранка на подошве ноги. Я не обратила внимания...

— И продолжали танцевать?

— Нет, танцевать было больно. Но несколько дней я еще играла в теннис. Это такая очаровательная игра!

Керн, слушая болтовню Брике, внимательно осматривал ногу и все более хмурился. Нога распухла до колена и почернела. Он нажал в нескольких местах.

— О, больно!.. — вскрикнула Брике.

— Лихорадит?

— Да, со вчерашнего вечера.

— Так... — Керн вынул сигару и закурил. — Положение очень серьезное. Вот до чего доводит непослушание. С кем это вы изволили играть в теннис?

Брике смутилась.

— С одним... знакомым молодым человеком.

— Не расскажете ли вы мне, что вообще произошло с вами с тех пор, как вы убежали от меня?

— Я была у своей подруги. Она очень удивилась, увидав меня живою. Я сказала ей, что рана моя оказалась не смертельной и что меня вылечили в больнице.

— Про меня и... головы вы ничего не говорили?

— Разумеется, нет, — убежденно ответила Брике. — Странно было бы говорить. Меня сочли бы сумасшедшей.

Керн вздохнул с облегчением. «Все обошлось лучше, чем я мог предполагать», — подумал он.

— Но что же с моей ногой, профессор?

— Боюсь, что ее придется отрезать.

Глаза Брике засветились ужасом.

— Отрезать ногу! Мою ногу? Сделать меня калекой?

Керну самому не хотелось уродовать тело, добытое и оживленное с таким трудом. Да и эффект демонстрации много потеряет, если придется показывать калеку. Хорошо было бы обойтись без ампутации ноги, но едва ли это возможно.

— Может быть, мне можно будет приделать новую ногу?

— Не волнуйтесь, подождем до завтра. Я еще навещу вас, — сказал Керн и вышел.

На смену ему вновь пришла безмолвная сиделка. Она принесла чашку с бульоном и гренки. У Брике не было аппетита. Ее лихорадило, и она, несмотря на настойчивые мимические уговаривания сиделки, не смогла съесть больше двух ложек.

— Унесите, я не могу.

Сиделка вышла.

— Надо было измерить сначала температуру, — услышала Брике голос Керна, доносившийся из другой комна-

ты. — Неужели вы не знаете таких простых вещей? Я же говорил вам.

Вновь вошла сиделка и протянула Брике термометр.

Больная безропотно поставила термометр. И когда вынула его и взглянула, он показывал тридцать девять.

Сиделка записала температуру и уселась возле больной.

Брике, чтобы не видеть тупого и безучастного лица сиделки, повернула голову к стене. Даже этот незначительный поворот вызвал боль в ноге и внизу живота. Брике глухо застонала и закрыла глаза. Она подумала о Ларе: «Милый, когда я увижу его?..»

В девять часов вечера лихорадка усилилась, начался бред. Брике казалось, что она находится в каюте яхты. Волнение усиливается, яхту качает, и от этого в груди поднимается тошнотворный клубок и подступает к горлу... Ларе бросается на нее и душит. Она вскрикивает, мечется по кровати... Что-то влажное и холодное прикасается к ее лбу и сердцу. Кошмары исчезают.

Она видит себя на теннисной площадке вместе с Ларе. Сквозь легкую заградительную сетку синеет море. Солнце палит немилосердно, голова болит и кружится. «Если бы не так болела голова... Это ужасное солнце!.. Я не могу пропустить мяч...» — и она с напряжением следит за движениями Ларе, поднимающего ракетку для удара. «Плей!» — кричит Ларе, сверкая зубами на ярком солнце, и, прежде чем она успела ответить, бросает мяч. «Аут», — громко отвечает Брике, радуясь ошибке Ларе...

— Продолжаете играть в теннис? — слышит она чей-то неприятный голос и открывает глаза. Перед нею, наклонившись, стоит Керн и держит ее за руку. Он считает пульс. Потом осматривает ее ногу и неодобрительно качает головой.

— Который час? — спрашивает Брике, с трудом ворочая языком.

— Второй час ночи. Вот что, милая попрыгунья, вам придется ампутировать ногу.

— Что это значит?

— Отрезать.

— Когда?

— Сейчас. Медлить больше нельзя ни одного часа, иначе начнется общее заражение.

Мысли Брике путаются. Она слышит голос Керна как во сне и с трудом понимает его слова.

— И высоко отрезать? — говорит она почти безучастно.

— Вот так, — Керн быстро проводит ребром ладони внизу живота. От этого жеста у Брике холодеет живот. Сознание ее все больше проясняется.

— Нет, нет, нет, — с ужасом говорит она. — Я не позволю! Я не хочу!

— Вы хотите умереть? — спокойно спрашивает Керн.

— Нет.

— Тогда выбирайте одно из двух.

— А как же Ларе? Ведь он меня любит... — лепечет Брике. — Я хочу жить и быть здоровой. А вы хотите отнять все... Вы страшный, я боюсь вас! Спасите! Спасите меня!..

Она уже вновь бредила, кричала и порывалась встать. Сиделка с трудом удерживала ее. Скоро на помощь был вызван Джон.

Тем временем Керн быстро работал в соседней комнате, приготовляясь к операции.

Ровно в два часа ночи Брике положили на операционный стол. Она пришла в себя и молча смотрела на Керна так, как смотрят на своего палача приговоренные к смерти.

— Пощадите, — наконец прошептала она. — Спасите...

Маска опустилась на ее лицо. Сиделка взялась за пульс. Джон все плотнее прижимал маску. Брике потеряла сознание.

Она пришла в себя в кровати. Голова кружилась. Ее тошнило. Смутно вспомнила об операции и, несмотря на страшную слабость, приподняв голову, взглянула на ногу и тихо простонала. Нога была отрезана выше колена и туго забинтована. Керн сдержал слово: он сделал все, чтобы

возможно меньше изуродовать тело Брике. Он пошел на риск и произвел ампутацию с таким расчетом, чтобы можно было сделать протез.

Весь день после операции Брике чувствовала себя удовлетворительно, хотя лихорадка не прекращалась, что очень озабочивало Керна. Он заходил к ней каждый час и осматривал ногу.

— Что же я теперь буду делать без ноги? — спрашивала его Брике.

— Не беспокойтесь, я вам сделаю новую ногу, лучше прежней, — успокаивал ее Керн. — Танцевать будете. — Но лицо его хмурилось: нога покраснела выше ампутированного места и опухла.

К вечеру жар усилился. Брике начала метаться, стонать и бредить.

В одиннадцать часов вечера температура поднялась до сорока и шести десятых.

Керн сердито выбранился: ему стало ясно, что началось общее заражение крови. Тогда, не думая о спасении тела Брике, Керн решил отвоевать у смерти хотя бы часть экспоната. «Если промыть ее кровеносные сосуды антисептическим, а затем физиологическим раствором и пустить свежую, здоровую кровь, голова будет жить».

И он приказал вновь перенести Брике на операционный стол.

Брике лежала без сознания и не почувствовала, как острый скальпель быстро сделал надрез на ее шее выше красных швов, оставшихся от первой операции. Этот надрез отделял не только голову Брике от ее прекрасного молодого тела. Он отсекал от Брике весь мир, все радости и надежды, которыми она жила.

ТОМА УМИРАЕТ ВО ВТОРОЙ РАЗ

Голова Тома хирела с каждым днем. Тома не был приспособлен для жизни одного сознания. Чтобы чувствовать себя хорошо, ему необходимо было работать, двигаться,

поднимать тяжести, утомлять свое могучее тело, потом много есть и крепко спать.

Он часто закрывал глаза и представлял, что, напрягая свою спину, поднимает и носит тяжелые мешки. Ему казалось, что он ощущает каждый напряженный мускул. Ощущение было так реально, что он открывал глаза в надежде увидеть свое сильное тело. Но под ним по-прежнему виднелись только ножки стола.

Тома скрипел зубами и вновь закрывал глаза.

Чтобы развлечь себя, он начинал думать о деревне. Но тут же он вспоминал и о своей невесте, которая навсегда была потеряна для него. Не раз он просил Керна поскорее дать ему новое тело, а тот с усмешкой отговаривался:

— Все еще не находится подходящего, потерпи немного.

— Уж хоть какое-нибудь завалящее тельце, — просил Тома: так велико было его желание вернуться к жизни.

— С завалящим телом ты пропадешь. Тебе надо здоровое тело, — отвечал Керн.

Тома ждал, дни проходили за днями, а его голова все еще торчала на высоком столике.

Особенно были мучительны ночи без сна. Он начал галлюцинировать. Комната вертелась, расстилался туман, и из тумана показывалась голова лошади. Всходило солнце. На дворе бегала собака, куры поднимали возню... И вдруг откуда-то вылетал ревущий грузовой автомобиль и устремлялся на Тома. Эта картина повторялась без конца, и Тома умирал бесконечное количество раз.

Чтобы избавиться от кошмаров, Тома начинал шептать песни, — ему казалось, что он пел, — или считать.

Как-то его увлекла одна забава. Тома попробовал ртом задержать воздушную струю. Когда он затем внезапно открыл рот, воздух вырвался оттуда с забавным шумом.

Тома это понравилось, и он начал свою игру снова. Он задерживал воздух до тех пор, пока тот сам не прорывался через стиснутые губы. Тома стал поворачивать при этом язык: получались очень смешные звуки. А сколько секунд

он может держать струю воздуха? Тома начал считать. Пять, шесть, семь, восемь... Ш-ш-ш — воздух прорвался. Еще... Надо довести до дюжины... Раз, два, три... шесть, семь... девять, одиннадцать... двенад...

Сжатый воздух вдруг ударил в небо с такой силой, что Тома почувствовал, как голова его приподнялась на своей подставке.

«Этак, пожалуй, слетишь со своего шестка», — подумал Тома.

Он скосил глаза и увидел, что кровь разлилась по стеклянной поверхности подставки и капала на пол. Очевидно, воздушная струя, подняв его голову, ослабила трубки, вставленные в кровеносные сосуды шеи. Голова Тома пришла в ужас: неужели конец? И действительно, сознание начало мутиться. У Тома появилось такое чувство, будто ему не хватает воздуха: это кровь, питавшая его голову, уже не могла проникнуть в его мозг в достаточном количестве, принося живительный кислород. Он видел свою кровь, чувствовал свое медленное угасание. Он не хотел умирать! Сознание цеплялось за жизнь. Жить во что бы то ни стало! Дождаться нового тела, обещанного Керном...

Тома старался осадить свою голову вниз, сокращая мышцы шеи, пытался раскачиваться, но только ухудшал свое положение: стеклянные наконечники трубок еще больше выходили из вен. С последними проблесками сознания Тома начал кричать, кричать так, как он не кричал никогда в жизни.

Но это уже не был крик. Это было предсмертное хрипение...

Когда чутко спавший Джон проснулся от этих незнакомых звуков и вбежал в комнату, голова Тома едва шевелила губами. Джон, как умел, установил голову на место, всадил трубки поглубже и тщательно вытер кровь, чтобы профессор Керн не увидел следов ночного происшествия.

Утром голова Брике, отделенная от тела, уже стояла на

своем старом месте, на металлическом столике со стеклянной доской, и Керн приводил ее в сознание.

Когда он «промыл» голову от остатков испорченной крови и пустил струю нагретой до тридцати семи градусов свежей, здоровой крови, лицо Брике порозовело. Через несколько минут она открыла глаза и, еще не понимая, уставилась на Керна. Потом с видимым усилием посмотрела вниз, и глаза ее расширились.

— Опять без тела... — прошептала голова Брике, и глаза ее наполнились слезами. Теперь она могла только шипеть: голосовые связки были перерезаны выше старого сечения.

«Отлично, — подумал Керн, — сосуды быстро наполняются влагой, если только это не остаточная влага в слезных каналах. Однако на слезы не следует терять драгоценную жидкость».

— Не плачьте и не печальтесь, мадемуазель Брике. Вы жестоко наказали сами себя за ваше непослушание. Но я вам сделаю новое тело, лучше прежнего, потерпите еще несколько дней.

И, отойдя от головы Брике, Керн подошел к голове Тома.

— Ну а как поживает наш фермер?

Керн вдруг нахмурился и внимательно посмотрел на голову Тома. Она имела очень плохой вид. Кожа потемнела, рот был полуоткрыт. Керн осмотрел трубки и напустился с бранью на Джона.

— Я думал, Тома спит, — оправдывался Джон.

— Сам ты проспал, осел!

Керн стал возиться около головы.

— Ах, какой ужас!.. — шипела голова Брике. — Он умер. Я так боюсь покойников... Я тоже боюсь умереть... Отчего он умер?

— Закрой у нее кран с воздушной струей! — сердито приказал Керн.

Брике умолкла на полуслове, но продолжала испуганно и умоляюще смотреть в глаза сиделки, беспомощно шевеля губами.

— Если через двадцать минут я не верну голову к жизни, ее останется только выбросить, — сказал Керн.

Через пятнадцать минут голова подала некоторые признаки жизни. Веки и губы ее дрогнули, но глаза смотрели тупо, бессмысленно. Еще через две минуты голова произнесла несколько бессвязных слов. Керн уже торжествовал победу. Но голова вдруг опять замолкла. Ни один нерв не дрожал на лице.

Керн посмотрел на термометр:

— Температура трупа. Кончено!

И, забыв о присутствии Брике, он со злобой дернул голову за густые волосы, сорвал со столика и бросил в большой металлический таз.

— Вынести ее на ледник... Надо будет произвести вскрытие.

Негр быстро схватил таз и вышел. Голова Брике смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

В кабинете Керна зазвонил телефон. Керн со злобой швырнул на пол сигару, которую собирался закурить, и ушел к себе, сильно хлопнув дверью.

Звонил Равино. Он сообщал о том, что отправил Керну с нарочным письмо, которое им должно быть уже получено.

Керн сошел вниз и сам вынул письмо из дверного почтового ящика. Поднимаясь по лестнице, Керн нервно разорвал конверт и начал читать. Равино сообщал, что Артур Доуэль, проникнув в его лечебницу под видом больного, похитил мадемуазель Лоран и бежал сам.

Керн оступился и едва не упал на лестнице.

— Артур Доуэль!.. Сын профессора... Он здесь? И он, конечно, знает все...

Объявился новый враг, который не даст ему пощады. В кабинете Керн сжег письмо и зашагал по ковру, обдумывая план действий. Уничтожить голову профессора Доуэля? Это он может всегда сделать в одну минуту. Но голова еще нужна ему. Необходимо только будет принять меры к тому, чтобы эта улика не попалась на глаза посторонним.

Возможен обыск, вторжение врагов в его дом. Потом... потом необходимо ускорить демонстрацию головы Брике. Победителей не судят. Что бы ни говорили Лоран и Артур Доуэль, Керну легче будет бороться с ними, когда его имя будет окружено ореолом всеобщего признания и уважения.

Керн снял телефонную трубку, вызвал секретаря научного общества и просил заехать к нему для переговоров об устройстве заседания, на котором он, Керн, будет демонстрировать результаты своих новейших работ. Затем Керн позвонил в редакции крупнейших газет и просил прислать интервьюеров.

«Надо устроить газетную шумиху вокруг величайшего открытия профессора Керна... Демонстрацию можно будет произвести дня через три, когда голова Брике несколько придет в себя после потрясения и привыкнет к мысли о потере тела... Ну-с, а теперь...»

Керн прошел в лабораторию, порылся в шкафчиках, вынул шприц, бунзеновскую горелку, взял вату, коробку с надписью «Парафин» и отправился к голове профессора Доуэля.

ЗАГОВОРЩИКИ

Домик Ларе служил штаб-квартирой «заговорщиков»: Артура Доуэля, Ларе, Шауба и Лоран. На общем совете было решено, что Лоран рискованно возвращаться в свою квартиру. Но так как Лоран хотела скорее повидаться с матерью, то Ларе отправился к мадам Лоран и привез ее в свой домик.

Увидев дочь живой и невредимой, старушка едва не лишилась чувств от радости: Ларе пришлось подхватить ее под руку и усадить в кресло.

Мать и дочь поместились в двух комнатах третьего этажа. Радость мадам Лоран омрачалась только тем, что Артур Доуэль, «спаситель» ее дочери, все еще лежал больной. К счастью, он не слишком долго подвергался действию

удушливого газа. Брал свое и его исключительно здоровый организм.

Мадам Лоран и ее дочь по очереди дежурили у постели больного. За это время Артур Доуэль очень подружился с Лоранами, а Мари Лоран ухаживала за ним более чем внимательно; не будучи в силах помочь голове отца, Лоран переносила свои заботы на сына. Так ей казалось. Но была еще причина, которая заставляла ее неохотно уступать своей матери место сиделки. Артур Доуэль был первый мужчина, поразивший ее девичье воображение. Знакомство с ним произошло в романтической обстановке, — он, как рыцарь, похитил ее, освободив из страшного дома Равино. Трагическая судьба его отца налагала и на него печать трагичности. А его личные качества — мужественность, сила и молодость — завершали очарование, которому трудно было не поддаться.

Артур Доуэль встречал Мари Лоран не менее ласковым взглядом. Он лучше разбирался в своих чувствах и не скрывал от себя, что его ласковость — не только долг больного по отношению к своей внимательной сиделке.

Нежные взгляды молодых людей не ускользали от окружающих. Мать Лоран делала вид, что ничего не замечает, хотя, по-видимому, она вполне одобряла выбор своей дочери. Шауб, в своем увлечении спортом презрительно относившийся к женщинам, улыбался насмешливо и в душе жалел Артура, а Ларе тяжело вздыхал, видя зарю чужого счастья, и невольно вспоминал прекрасное тело Анжелики, причем теперь на этом теле он чаще представлял голову Брике, а не Гай. Он даже сам досадовал на себя за эту «измену», но оправдывал себя тем, что здесь играет роль только закон ассоциации: голова Брике всюду следовала за телом Гай.

Артур Доуэль не мог дождаться того времени, когда доктор разрешит ему ходить. Но Артуру было разрешено только говорить, не поднимаясь с кровати, причем окружающим был дан приказ беречь легкие Доуэля.

Ему волей-неволей пришлось взять на себя роль председателя, выслушивающего мнение других и только кратко возражающего или резюмирующего «прения».

А прения бывали бурные. Особенную горячность вносили Ларе и Шауб.

Что делать с Равино и Керном? Шауб почему-то облюбовал себе в жертву Равино и развивал планы «разбойных нападений» на него.

— Мы не успели добить эту собаку. А ее необходимо уничтожить. Каждое дыхание этого пса оскверняет землю! Я успокоюсь только тогда, когда удушу его собственными руками. Вот вы говорите, — горячился он, обращаясь к Доуэлю, — что лучше предоставить все это дело суду и палачу. Но ведь Равино сам нам говорил, что у него власти на откупе.

— Местные, — вставлял слово Доуэль.

— Подождите, Доуэль, — вмешался в разговор Ларе. — Вам вредно говорить. И вы, Шауб, не о том толкуете, о чем нужно. С Равино мы всегда сумеем посчитаться. Ближайшей нашей целью должно быть раскрытие преступления Керна и обнаружение головы профессора Доуэля. Нам надо каким бы то ни было способом проникнуть к Керну.

— Но как вы проникнете? — спросил Артур.

— Как? Ну, как проникают взломщики и воры.

— Вы не взломщик. Это тоже искусство немалое. — Ларе задумался, потом хлопнул себя по лбу. — Мы пригласим на гастроли Жана. Ведь Брике открыла мне, как другу, тайну его профессии. Он будет польщен! Единственный раз в жизни совершит взлом дверных замков не из корыстных побуждений.

— А если он не столь бескорыстен?

— Мы уплатим ему. Он может только проложить нам дорогу и скрыться с театральных подмостков, прежде чем мы вызовем полицию, а это мы, конечно, сделаем.

Но здесь его пыл охладил Артур Доуэль. Тихо и медленно он начал говорить:

— Я думаю, что вся эта романтика в данном случае не нужна. Керн, вероятно, уже знает от Равино о моем прибытии в Париж и участии в похищении мадемуазель Лоран. Значит, мне больше нет оснований хранить инкогнито. Это первое. Затем, я сын... покойного профессора Доуэля и потому имею законное право, как говорят юристы, вступить в дело, потребовать судебного расследования, обыска...

— Опять судебного, — безнадежно махнул рукой Ларе. — Запутают вас судебные крючки, и Керн вывернется.

Артур закашлял и невольно поморщился от боли в груди.

— Вы слишком много говорите, — заботливо сказала мадам Лоран, сидевшая подле Артура.

— Ничего, — ответил он, растирая грудь. — Это сейчас пройдет...

В этот момент в комнату вошла Мари Лоран, чем-то сильно взволнованная.

— Вот, читайте, — сказала она, протягивая Доуэлю газету.

На первой странице крупным шрифтом было напечатано:

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ
ПРОФЕССОРА КЕРНА

Второй подзаголовок — более мелким шрифтом:

ДЕМОНСТРАЦИЯ
ОЖИВЛЕННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГОЛОВЫ

В заметке сообщалось о том, что завтра вечером в научном обществе выступает с докладом профессор Керн. Доклад будет сопровождаться демонстрацией оживленной человеческой головы.

Далее сообщалась история работ Керна, перечислялись его научные труды и произведенные им блестящие операции.

Под первой заметкой была помещена статья за подписью самого Керна. В ней в общих чертах излагалась исто-

рия его опытов оживления голов — сначала собак, а затем людей.

Лоран с напряженным вниманием следила то за выражением лица Артура Доуэля, то за взглядом его глаз, переходивших со строчки на строчку. Доуэль сохранял внешнее спокойствие. Только в конце чтения на лице его появилась и исчезла скорбная улыбка.

— Не возмутительно ли? — воскликнула Мари Лоран, когда Артур молча вернул газету. — Этот негодяй ни одним словом не упоминает о роли вашего отца во всем этом «сенсационном открытии». Нет, этого я так не могу оставить! — Щеки Лоран пылали. — За все, что сделал Керн со мной, с вашим отцом, с вами, с теми несчастными головами, которые он воскресил для ада бестелесного существования, он должен понести наказание. Он должен дать ответ не только перед судом, но и перед обществом. Было бы величайшей несправедливостью допустить его торжествовать хотя бы один час.

— Что же вы хотите? — тихо спросил Доуэль.

— Испортить ему триумф! — горячо ответила Лоран. — Явиться на заседание научного общества и всенародно бросить в лицо Керну обвинение в том, что он убийца, преступник, вор...

Мадам Лоран не на шутку была встревожена. Только теперь она поняла, как сильно расшатаны нервы ее дочери. Впервые мать видела свою кроткую, сдержанную дочь в таком возбужденном состоянии. Мадам Лоран пыталась ее успокоить, но девушка как будто ничего не замечала вокруг. Она вся горела негодованием и жаждой мести. Ларе и Шауб с удивлением глядели на нее. Своей горячностью и неукротимым гневом она превзошла их. Мать Лоран умоляюще посмотрела на Артура Доуэля. Он поймал этот взгляд и сказал:

— Ваш поступок, мадемуазель Лоран, какими бы благородными чувствами он ни диктовался, безрассу...

Но Лоран прервала его:

— Есть безрассудство, которое стоит мудрости. Не подумайте, что я хочу выступить в роли героини-обличительницы. Я просто не могу поступить иначе. Этого требует мое нравственное чувство.

— Но чего вы достигнете? Ведь вы не можете сказать обо всем этом судебному следователю?

— Нет, я хочу, чтобы Керн был посрамлен публично! Керн воздвигает себе славу на несчастье других, на преступлениях и убийствах! Завтра он хочет пожать лавры славы. И он должен пожать славу, заслуженную им.

— Я против этого поступка, мадемуазель Лоран, — сказал Артур Доуэль, опасаясь, что выступление Лоран может слишком потрясти ее нервную систему.

— Очень жаль, — ответила она. — Но я не откажусь от него, если бы даже против меня был целый мир. Вы еще не знаете меня!

Артур Доуэль улыбнулся. Эта юная горячность нравилась ему, а сама Мари, с раскрасневшимися щеками, еще больше.

— Но ведь это же будет необдуманным шагом, — начал он снова. — Вы подвергаете себя большому риску...

— Мы будем защищать ее! — воскликнул Ларе, поднимая руку с таким видом, как будто он держал шпагу, готовую для удара.

— Да, мы будем защищать вас, — громогласно поддержал друга Шауб, потрясая в воздухе кулаком.

Мари Лоран, видя эту поддержку, с упреком посмотрела на Артура.

— В таком случае я также буду сопровождать вас, — сказал он.

В глазах Лоран мелькнула радость, но тотчас же она нахмурилась.

— Вам нельзя... Вы еще нездоровы.

— А я все-таки пойду.

— Но...

— И не откажусь от этой мысли, если бы целый мир был против меня! Вы еще не знаете меня, — улыбаясь, повторил он ее слова.

ИСПОРЧЕННЫЙ ТРИУМФ

В день научной демонстрации Керн особенно тщательно осмотрел голову Брике.

— Вот что, — сказал он ей, закончив осмотр. — Сегодня в восемь вечера вас повезут в многолюдное собрание. Там вам придется говорить. Отвечайте кратко на вопросы, которые вам будут задавать. Не болтайте лишнего. Поняли?

Керн открыл воздушный кран, и Брике прошипела:

— Поняла, но я просила бы... позвольте...

Керн вышел, не дослушав ее.

Волнение его все увеличивалось. Предстояла нелегкая задача — доставить голову в зал заседания научного общества. Малейший толчок мог оказаться роковым для жизни головы.

Был приготовлен специально приспособленный автомобиль. Столик, на котором помещалась голова со всеми аппаратами, поставили на особую площадку, снабженную колесами для передвижения по ровному полу и ручками для переноса по лестницам. Наконец все было готово. В семь часов вечера отправились в путь.

...Громадный белый зал был залит ярким светом. В партере преобладали седины и блестящие лысины мужей науки, облаченных в черные фраки и сюртуки. Поблескивали стекла очков. Ложи и амфитеатр предоставлены были избранной публике, имеющей то или иное отношение к ученому миру.

Роскошные наряды дам, сверкающие бриллианты напоминали обстановку концертного зала при выступлении мировых знаменитостей.

Сдержанный шум ожидающих начала зрителей наполнял зал.

Возле эстрады за своими столиками оживленным муравейником хлопотали корреспонденты газет, очиняя карандаши для стенографической записи.

Справа был установлен ряд киноаппаратов, чтобы запечатлеть на ленте все моменты выступления Керна и оживленной головы. На эстраде разместился почетный прези-

диум из наиболее крупных представителей ученого мира. Посреди эстрады возвышалась кафедра. На ней микрофон для передачи по радио речей по всему миру. Второй микрофон стоял перед головой Брике. Она возвышалась на правой стороне эстрады. Умело и умеренно наложенный грим придавал голове Брике свежий и привлекательный вид, сглаживая тяжелое впечатление, которое должна была производить голова на неподготовленных зрителей. Сиделка и Джон стояли возле ее столика.

Мари Лоран, Артур Доуэль, Ларе и Шауб сидели в первом ряду, в двух шагах от помоста, на котором стояла кафедра. Один только Шауб, как никем не «расшифрованный», был в своем обычном виде. Лоран явилась в вечернем туалете и в шляпе. Она низко держала голову, прикрываясь полями шляпы, чтобы Керн при случайном взгляде не узнал ее. Артур Доуэль и Ларе явились загримированными. Их черные бороды и усы были сделаны артистически. Для большей конспиративности было решено, что они друг с другом «не знакомы». Каждый сидел молча, рассеянным взглядом окидывая соседей. Ларе был в подавленном состоянии: он едва не потерял сознания, увидев голову Брике.

Ровно в восемь часов на кафедру взошел профессор Керн. Он был бледнее обычного, но полон достоинства.

Собрание приветствовало его долго не смолкавшими аплодисментами.

Киноаппарат затрещал. Газетный муравейник затих. Профессор Керн начал доклад о мнимых своих открытиях.

Это была блестящая по форме и ловко построенная речь. Керн не забыл упомянуть о предварительных, очень ценных работах безвременно скончавшегося профессора Доуэля. Но, воздавая дань работам покойного, он не забывал и о своих «скромных заслугах». Для слушателей не должно было оставаться никакого сомнения в том, что вся честь открытия принадлежит ему, профессору Керну.

Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Сотни дам направляли на него бинокли и лорнеты. Бинокли и монокли мужчин с не меньшим интересом устремлялись на голову Брике, которая принужденно улыбалась. По знаку профессора Керна сиделка открыла кран, пустила воздушную струю, и голова Брике получила возможность говорить.

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее старичок ученый.

— Благодарю вас, хорошо.

Голос Брике был глухой и хриплый, сильно пущенная струя воздуха издавала свист, звук был почти лишен модуляций, тем не менее выступление головы произвело необычайное впечатление. Такую бурю аплодисментов не всегда приходилось слышать и мировым артистам. Но Брике, которая когда-то упивалась лаврами от своих выступлений в маленьких кабачках, на этот раз только устало опустила веки.

Волнение Лоран все увеличивалось. Ее начинала трясти нервная лихорадка, и она крепко сжала зубы, чтобы они не стали отбивать дробь. «Пора», — несколько раз говорила она себе, но каждый раз ей не хватало решимости. Обстановка подавляла ее. После каждого пропущенного момента она старалась успокоить себя мыслью, что чем выше будет вознесен профессор Керн, тем ниже будет его падение.

Начались речи.

На кафедру взошел седенький старичок, один из крупнейших ученых.

Слабым, надтреснутым голосом он говорил о гениальном открытии профессора Керна, о всемогуществе науки, о победе над смертью, о счастье общаться с такими умами, которые дарят миру величайшие научные достижения.

И в тот момент, когда Лоран меньше всего этого ожидала, какой-то вихрь долго сдерживаемого гнева и ненависти подхватил и унес ее. Она уже не владела собой.

Она бросилась на кафедру, едва не сбив с ног ошеломленного старичка, почти сбросила его, заняла его место и со смертельно бледным лицом и лихорадочно горящими

глазами фурии, преследующей убийцу, задыхающимся голосом начала свою пламенную сумбурную речь.

Весь зал всколыхнулся при ее появлении.

В первое мгновение профессор Керн смутился и сделал невольное движение в сторону Лоран, как бы желая удержать ее. Потом он быстро обернулся к Джону и шепнул ему на ухо несколько слов. Джон выскользнул в дверь.

В общем замешательстве никто на это не обратил внимания.

— Не верьте ему! — кричала Лоран, указывая на Керна. — Он вор и убийца! Он украл труды профессора Доуэля! Он убил Доуэля! Он и сейчас работает с его головой. Он мучает и пыткой заставляет продолжать научные опыты, а потом выдает их за свои открытия... Мне сам Доуэль говорил, что Керн отравил его...

В публике смятение переходило в панику. Многие повскакали с мест. Даже некоторые корреспонденты уронили карандаши и застыли в ошеломленных позах. Только кинооператор усиленно крутил ручку аппарата, радуясь неожиданному трюку, который обеспечивал ленте успех сенсации.

Профессор Керн вполне овладел собой. Он стоял спокойно, с улыбкой сожаления на лице. Дождавшись момента, когда нервная спазма сдавила горло Лоран, он воспользовался наступившей паузой, повернулся к стоявшим у дверей контролерам аудитории и сказал им властно:

— Уведите ее! Неужели вы не видите, что она в припадке безумия?

Контролеры бросились к Лоран. Но прежде чем они успели пробраться к ней через толпу, Ларе, Шауб и Доуэль подбежали к ней и вывели в коридор. Керн проводил всю группу подозрительным взглядом.

В коридоре Лоран пытались задержать полицейские, но молодым людям удалось вывести ее на улицу и усадить в автомобиль. Они уехали.

Когда волнение несколько улеглось, профессор Керн

взошел на кафедру и извинился перед собранием «за печальный инцидент».

— Лоран — девушка нервная и истерическая. Она не вынесла тех сильных переживаний, которые ей приходилось испытывать, проводя день за днем в обществе искусственно оживленной мною головы трупа Брике. Психика Лоран надломилась. Она сошла с ума...

Эта речь была прослушана при жуткой тишине зала.

Раздалось несколько хлопков, но они были заглушены шиканьем. Будто веяние смерти пронеслось над залом. И сотни глаз теперь уже смотрели на голову Брике с ужасом и жалостью, как на выходца из могилы... Настроение собравшихся было испорчено безнадежно. Многие из публики ушли, не ожидая окончания. Наскоро прочитали заранее заготовленные речи, приветственные телеграммы, акты об избрании профессора Керна почетным членом и доктором различных институтов и академий наук, и собрание было закрыто.

За спиною профессора Керна появился негр и, незаметно кивнув ему, стал готовить к обратной отправке голову Брике, сразу поблекшую, усталую и испуганную.

Оставшись один в закрытом автомобиле, профессор Керн дал волю своей злобе. Он сжимал кулаки, скрипел зубами и так бранился, что шофер несколько раз сдерживал ход автомобиля и спрашивал по слуховой трубке:

— Алло?

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Утром, на другой день после злополучного выступления Керна в научном обществе, Артур Доуэль явился к начальнику полиции, назвал себя и заявил, что он просит произвести обыск в квартире Керна.

— Обыск в квартире профессора Керна уже был произведен минувшей ночью, — сухо ответил начальник полиции. — Никаких результатов этот обыск не дал. Заявление

мадемуазель Лоран, как и следовало ожидать, оказалось плодом ее расстроенного воображения. Разве вы не читали об этом в утренних газетах?

— Почему вы так легко предположили, что заявление мадемуазель Лоран является плодом расстроенного воображения?

— Потому что, сами посудите, — отвечал начальник полиции, — это совершенно немыслимая вещь, и потом, обыск подтвердил...

— Вы допрашивали голову мадемуазель Брике?

— Нет, мы не допрашивали никаких голов, — ответил начальник полиции.

— Напрасно! Она также могла бы подтвердить, что видела голову моего отца. Она лично сообщила мне об этом. Я настаиваю на производстве вторичного обыска.

— Не имею к этому никаких оснований, — резко ответил начальник полиции.

«Неужели подкуплен Керном?» — подумал Артур.

— И потом, — продолжал начальник полиции, — вторичный обыск может только возбудить общественное негодование. Общество достаточно уже возмущено выступлением этой сумасшедшей Лоран. Имя профессора Керна у всех на устах. Он получает сотни писем и телеграмм с выражением соболезнования ему и негодования на поступок Лоран.

— И тем не менее я настаиваю, что Керн совершил несколько преступлений.

— Нельзя необоснованно бросать такие обвинения, — нравоучительно сказал начальник полиции.

— Так дайте же мне возможность обосновать их, — возразил Доуэль.

— Эта возможность уже была предоставлена вам. Властями был произведен обыск.

— Если вы категорически отказываетесь, я принужден буду обратиться к прокурору, — сказал Артур решительно и поднялся.

— Ничего не могу для вас сделать, — ответил начальник полиции, тоже поднимаясь.

Упоминание о прокуроре, однако, произвело свое действие. Немного подумав, он сказал:

— Я, пожалуй, мог бы сделать распоряжение о производстве вторичного обыска, но, так сказать, неофициальным порядком. Если обыск даст новые данные, тогда я донесу об этом прокурору.

— Обыск должен быть произведен в присутствии моем, мадемуазель Лоран и моего друга Ларе.

— Не слишком ли много?

— Нет, все эти лица могут оказать существенную пользу.

Начальник полиции развел руками и, вздохнув, сказал:

— Хорошо! Я командирую нескольких агентов полиции в ваше распоряжение. Приглашу и следователя.

В одиннадцать часов утра Артур уже звонил у двери Керна.

Негр Джон приоткрыл тяжелую дубовую дверь, не снимая цепочки.

— Профессор Керн не принимает.

Выступивший полицейский заставил Джона пропустить неожиданных гостей в квартиру.

Профессор Керн встретил их в своем кабинете, приняв вид оскорбленной добродетели.

— Прошу вас, — сказал он ледяным тоном, широко распахнув двери лаборатории и бросив мельком уничтожающий взгляд на Лоран.

Следователь, Лоран, Артур Доуэль, Керн, Ларе и двое полицейских вошли.

Знакомая обстановка, с которой было связано столько тягостных переживаний, взволновала Лоран. Сердце ее сильно забилось.

В лаборатории находилась только голова Брике. Ее щеки, лишенные румян, были темно-желтого цвета мумии. Увидя Лоран и Ларе, она улыбнулась и заморгала глазами. Ларе с ужасом и содроганием отвернулся.

Вошли в смежную с лабораторией комнату.

Там находилась наголо обритая голова пожилого человека с громадным мясистым носом. Глаза этой головы были скрыты за совершенно черными очками. Губы слегка подергивались.

— Глаза болят... — пояснил Керн. — Вот и все, что я могу вам предложить, — добавил он с иронической улыбкой.

И действительно, при дальнейшем осмотре дома, от подвала до чердака, других голов не обнаружили.

На обратном пути вновь пришлось проходить через комнату, где помещалась толстоносая голова. Разочарованный Доуэль направился уже было к следующей двери, а за ним двинулись к выходу следователь и Керн.

— Подождите! — остановила их Лоран. Подойдя к голове с толстым носом, она открыла воздушный кран и спросила: — Кто вы?

Голова шевелила губами, но голос не звучал. Лоран пустила более сильную струю воздуха.

Послышался шипящий шепот:

— Кто это? Вы, Керн? Откройте же мне уши! Я не слышу вас...

Лоран заглянула в уши головы и вытащила оттуда плотные куски ваты.

— Кто вы? — повторила она вопрос.

— Я был профессором Доуэлем.

— Но ваше лицо? — задохнулась Лоран от волнения.

— Лицо?.. — голова говорила с трудом. — Да... меня лишили даже моего лица... Маленькая операция... парафин введен под кожу носа... Увы... моим остался только мой мозг в этой изуродованной черепной коробке... но и он отказывается служить... Я умираю... наши опыты несовершенны... хотя моя голова прожила больше, чем я рассчитывал теоретически.

— Зачем у вас очки? — спросил следователь, приблизившись.

— Последнее время коллега не доверяет мне, — и голова попыталась улыбнуться. — Он лишает меня возможности слышать и видеть... Очки непрозрачные... чтобы я не выдал себя перед нежелательными для него посетителями... Снимите же мне очки...

Лоран дрожащими руками сняла очки.

— Мадемуазель Лоран... вы? Здравствуйте, друг мой!.. А ведь Керн сказал, что вы уехали... Мне плохо... работать больше не могу... Коллега Керн только вчера милостиво объявил мне амнистию... Если я сам не умру сегодня, он обещал завтра освободить меня...

И вдруг, увидав Артура, который стоял в стороне, словно оцепенев, без кровинки в лице, голова радостно произнесла:

— Артур!.. Сын!..

На мгновение тусклые глаза ее прояснились.

— Отец, дорогой мой! — Артур шагнул к голове. — Что с тобой сделали?..

Он пошатнулся. Ларе поддержал его.

— Вот... хорошо... Еще раз мы свиделись с тобой... после моей смерти... — просипела голова профессора Доуэля.

Голосовые связки почти не работали, язык плохо двигался. В паузах воздух со свистом вылетал из горла.

— Артур, поцелуй меня в лоб... если тебе... не... неприятно...

Артур наклонился и поцеловал.

— Вот так... теперь хорошо...

— Профессор Доуэль, — сказал следователь, — можете ли вы сообщить нам об обстоятельствах вашей смерти?

Голова перевела на следователя потухающий взгляд, видимо плохо понимая, в чем дело. Потом, поняв, медленно скосила глаза на Лоран и прошептала:

— Я ей... говорил... она знает все. — Губы головы перестали шевелиться, а глаза заволоклись дымкой.

— Конец!.. — сказала Лоран.

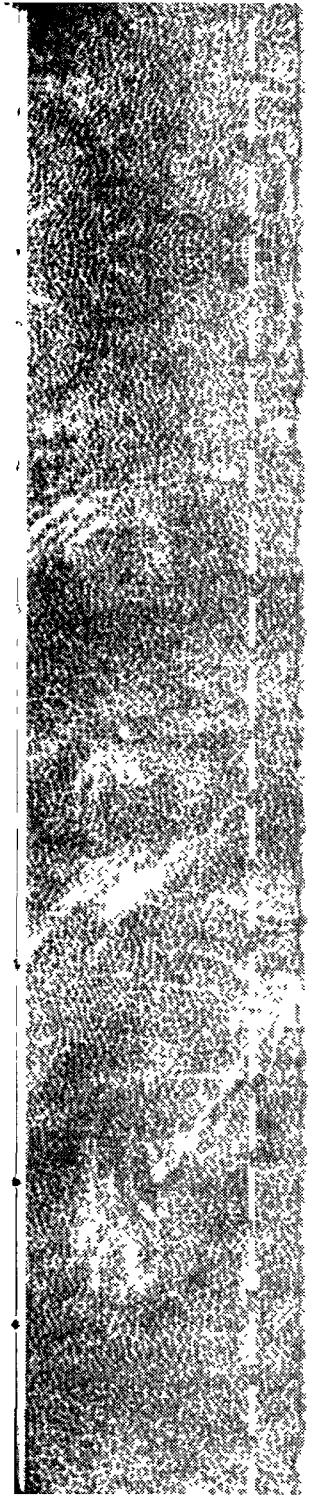
Некоторое время все стояли молча, подавленные происшедшим.

— Ну что ж, — прервал тягостное молчание следователь и, обернувшись к Керну, произнес: — Прошу следовать за мною в кабинет! Мне надо снять с вас допрос.

Когда дверь за ними захлопнулась, Артур тяжело опустился на стул возле головы отца и закрыл лицо ладонями.

— Бедный, бедный отец!

Лоран мягко положила ему руку на плечо. Артур порывисто поднялся и крепко пожал ей руку. Из кабинета Керна раздался выстрел.

Небесный гость

1. МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ

Легкие, веселые, словно сотканные из сверкающих огней стоэтажные небоскребы угасали один за другим и становились похожими на черные, угрюмые, тяжелые скалы. Деловой день кончался. Тресты, банки, торговые компании, конторы прекращали работу. Небоскребы пустели, умирали, темнели. Зато нижние этажи домов засверкали еще ослепительней огромными витринами и световыми рекламами магазинов. Оживали кино, бары, рестораны.

Их разноцветные огни бесновались, прыгали, змеились, кувыркались, подмигивали, гонялись друг за другом, собирались, рассыпались...

По улицам темной лавиной медленно двигались автомобили, по тротуарам — сплошные потоки людей.

Грохотала подземная дорога, гудели автомобили, рычали, завывали и верещали радиорекламы, гремели джазы ресторанов и кино, рокотала многоголосая толпа.

В этот самый час наивысшего уличного движения из дверей многочисленных редакций и контор газет с шумом, гамом, гиканьем вылетали стайки мальчишек, размахивавших свежими газетными листами.

Их звонкие голоса звучали так пронзительно, что заглушали шум толпы.

— Небесный гость! — кричали газетчики.

— Гибель Земли!

— Наезд неизвестной планеты на земной шар!

— Земля падает на звезду!

— Марсиане объявили Земле войну!

Газеты раскупали быстро. Мальчики не успевали бегать в конторы за новыми кипами.

Люди читали за столиками кафе, в вагонах и автомобилях, читали на ходу, сталкиваясь друг с другом и налетая на фонарные столбы.

Не прошло и получаса, как весь город знал о необычайной новости.

Словно из-под земли выросли люди с любительскими телескопами, старинными театральными биноклями. Удивительно, сколько подзорных труб нашлось в этом городе.

— За пятьдесят центов вы можете целую минуту любоваться на звезды.

— Полет на небо. Дешево и безопасно. Только двадцать центов.

— Кто хочет поглядеть на небесного гостя? Доллар за три минуты.

Но зрители напрасно напрягали зрение: видеть небо мешали огни города, а там, где небо было видно, все звезды казались одинаковыми. Ни страшного «чужеземного солнца», ни наводящей ужас косматой кометы нигде не было видно. Небо спокойное, молчаливое, как всегда.

Однако умы уже были взбудоражены. Жители города-гиганта, давно забывшие о существовании неба, вдруг вспомнили о нем. Оказалось, что небоскребы, биржи, акции, люди, сейфы, кино и все прочее летит вместе с Землей в бесконечных небесных просторах, и судьба Земли может зависеть от того, что творится в небе.

Люди уже смеялись. Бульварные газеты, конечно, привирали, как всегда, мальчишки-газетчики — еще больше. Но то, что какое-то небесное тело летит навстречу Земле, было, по-видимому, фактом. Подробностей никто не знал, и неизвестно было, чем все это кончится.

В мир вошла тревога...

2. ПРОПАВШАЯ ЕЛЕНА

— В вычислении ошибки быть не могло. Я проверял дважды. Архимед трижды. Елена погибла. С нею произошла какая-нибудь катастрофа, — словно в бреду говорил

Иван Иванович и смотрел на старушку жену невидящими глазами.

Иван Иванович Тюменев, шестидесятилетний, но еще бодрый старик, и его жена Елена Гавриловна сидели на широкой веранде. Далеко внизу, под обрывом, сверкала речка, по ту сторону речки поднимались поросшие хвойным лесом горные хребты.

Солнце заходило. Теплый воздух был напоен запахом смолы.

Тюменев тяжко вздохнул.

— Пора!

Поднялся, сошел с веранды и зашагал по горной лесной дорожке, которая змеилась между толстыми соснами, поднимаясь все выше, к лесистому хребту Кано, где стояли белые здания и башни обсерватории. На западном склоне виднелась круглая «башня С.П. Глазенапа» — старейшая абастуманская обсерватория.

Когда Тюменев подошел к башне, уже совсем стемнело.

Он поднялся на три ступеньки и открыл дверь. Внутри башни было темно и прохладно. В щели, на фоне звездного неба, выделялась труба большого телескопа, направленного вверх, как ствол зенитного орудия.

Было тихо. Только привычное ухо улавливало тиканье часовых механизмов да из прилегающей к башне лаборатории доносилось пение племянника Тюменева — Александра Павловича Турцева, которого в семье называли Архимедом за его замечательные математические способности.

Тюменев ощупью нашел в стене выключатель и повернул его. Вспыхнула маленькая лампочка под зеленым абажуром и осветила кресло, стоящее возле окуляра рефрактора. Иван Иванович подошел к телескопу, потер руки, уселся на кресло, приготовляясь к работе. Телескоп уже несколько дней был направлен в одну точку неба — возле звезды Гамма Большой Медведицы.

— Архимед! — крикнул Тюменев, и в куполе глухо отдалось эхо: «...мед».

Пение в лаборатории прекратилось, и послышалось протяжное:

— Д-а?

— Снимок удался?

— Отлично, — донесся ответ.

— И?..

— Не нахожу, — сказал племянник и снова замурлыкал песню.

— Ищи хорошенько! — крикнул Тюменев, припал глазом к окуляру, сразу оторвался от Земли и перенесся за десятки триллионов километров в знакомый мир звезд.

И вдруг Тюменеву кажется, что он видит сверкающую пылинку — звездочку, не отмеченную на звездной карте... Нет, это в глазах двоится...

— Доброе утро, Иван Иванович! — слышит Тюменев голос молодого астронома Аркусова. — Ну что, не нашли?

Кивнув головой, Тюменев молчит. Он не любит, когда мешают.

— Давно нашли бы, если б послушались моего совета. Дайте объявление: «Пропала комета Елена. Нашедшему будет выдано вознаграждение. В последний раз видна была на небе три года назад, 14 июля. Была открыта шесть лет тому назад заслуженным деятелем науки профессором Тюменевым».

Тюменев нетерпеливо повернулся в кресле.

«Пустомеля! — подумал он и, сдержав себя, продолжал наблюдения. — Нет, в глазах у меня не двоится. Это новое небесное светило. Неужели Елена?..»

— А вот и Елена!.. — вскрикивает Аркусов, как будто подслушав мысли Тюменева, и после паузы говорит: — Гавриловна. Доброй ночи, Елена Гавриловна!

«Ну, вот теперь жена мешать пришла», — злится Тюменев.

Его терпение лопается. Он хочет крикнуть, чтобы его оставили в покое. Но вдруг вместо этого кричит:

— Архимед! Архимед!.. — так неожиданно громко, что Елена Гавриловна роняет термос, который со звоном катится по каменному полу. И в тот же самый момент слышится неистовый крик Архимеда:

— Нашел! Нашел!

Александр Турцев показался в дверях лаборатории с мокрым негативом в руках, Тюменев сорвался с кресла и, едва не сбив с ног Аркусова, бросился к племяннику, и оба вместе — Турцев и Тюменев — еще раз крикнули:

— Нашел!

— Нашел!

Аркусов повернул выключатель, ярко осветил обсерваторию. Тюменев выхватил из рук Архимеда снимок, посмотрел на свет.

— Вот здесь, видите? — указал ногтем Архимед.

— Ну да, ну да! — радостно воскликнул Тюменев, возвращая негатив. — Вот именно! Ты на пластинке, а я раньше тебя прямо на небе...

— Простите, дядюшка, я раньше...

Но Тюменев не слыхал возражения Архимеда, с юношеской живостью бегал по обсерватории, потирал руки и восклицал:

— Отлично. Великолепно. Елена нашлась. Вернулась, хоть и с опозданием. Интересно будет узнать, где она пропадала.

Но радость его была преждевременна.

3. СТРАННАЯ НАХОДКА

— Опять он поет. Архимед!

— Да-а?

— Поди сюда.

Тюменев откинулся на спинку кресла в ожидании племянника.

Шаги Архимеда гулко отдавались в обсерватории.

— К вашим услугам, дядюшка. Дя-дюш-ка! Иван Иванович!

— Ах, прости, дорогой мой. Задумался и не слыхал, как ты подошел. Закончил вычисления?

— Да.

— И выводы? — спросил Тюменев.

Архимед развел руками:

— Комета Елена движется гораздо быстрее, чем двигалась в прошлое свое появление.

— Да, все это очень странно, — сказал Тюменев. — Яркость Елены увеличивается с невероятной быстротой, и, значит, она движется со скоростью, которая противоречит всему, что нам известно в этой области. Загадочен и тот факт, что до сих пор мы не могли обнаружить ни малейшего признака хвоста, хотя он уже должен быть виден. Я начинаю думать... Спектральный анализ покажет, имеем ли мы дело с Еленой или же с каким-то другим небесным телóм.

— Но мы обнаружили ее...

— В том месте, где ожидалось появление Елены? Это могло быть простой случайностью. А вот и Аркусов. Идите сюда скорее. Что показал спектральный анализ?

— Я еще никогда не видал такого сложного спектра — нечто изумительное, — ответил Аркусов.

— Но ведь спектр Елены не отличался сложностью. Углеводород, окись угле...

— Этот спектр совершенно непохож на спектр кометы Елены! — перебил Аркусов.

— Вот видишь, — обратился Тюменев к Архимеду. — Моя догадка оправдывается, и мне остается утешаться только тем, что, потеряв Елену, я открыл новую звезду.

— Простите, дядюшка, я открыл ее раньше вас, — возразил Архимед.

— О чем спорить? Назовите ее звездой Абастумани, и кончено, — предложил Аркусов.

Тюменев улыбнулся:

— Так мы и сделаем. А пока продолжайте наблюдать звезду.

Прошло еще некоторое время, и звезда преподнесла новую неожиданность: свет ее стал менее ярким, словно она отправилась в обратный путь — удаляясь от Земли. Ее голубой с зеленоватым оттенком цвет начал меняться на красный. В небе есть молодые звезды — красные гиганты и звезды-старцы — красные карлики. Но ведь открытая звезда имела голубой цвет. Не могла она с такой фантастической скоростью и удаляться от Земли, чтобы ее цвет от голубого перешел к красному.

Не доверяя Аркусову, Тюменев сам занялся спектральным анализом звезды и без труда нашел, что темные фраунгоферовы линии ее спектра были двойные. Разгадка найдена: звезда была двойная. Два солнца вращались вокруг центра тяжести системы: одно голубое, другое красное. В момент появления двойная звезда была обращена к Земле своим Голубым солнцем, а затем Красное солнце начало покрывать собою Голубое.

Дальнейшие исследования показали, что звезда продолжает лететь к нашей Солнечной системе с небывалой в летописях астрономии скоростью.

Теперь звезда Абастумани была видна в телескоп уже настолько отчетливо, что ее могли заметить и другие астрономы. Тюменев решил, что настало время оповестить мир о новой звезде. Он составил и сам отправил телеграммы в редакции газет, в университеты, обсерватории.

Так был взволнован мир вестью о приближении к Земле необычайного небесного гостя.

4. РАЗГОВОР НА ВЕРАНДЕ

Елена Гавриловна радовалась тому, что история с потерянной Еленой окончилась удачно. Хотя Иван Иванович по-прежнему проводил в обсерватории ночи напролет, он посвежел, стал хорошо спать и есть.

Однако это продолжалось недолго.

Заботливая Елена Гавриловна начала замечать, что Иван Иванович снова становится рассеянным и задумчивым и забывает даже о любимой клубнике со сливками.

— У нас в небе совершаются большие события, — начал он, глядя сощуренными глазами на заходящее солнце. —

Мы усиленно изучаем звезду. Я наблюдаю ее в телескоп, Аркусов фотографирует, Архимед вычисляет без конца. Мы опередили иностранных астрономов: нам о звезде известно то, чего еще никто в мире не знает.

— Что же вы узнали?

— Открытая нами звезда напоминает двойную звезду Мицар. Представь себе, на небе не одно, а два солнца, причем большее солнце имеет одну планету, а меньшее две, и одна из них в свою очередь имеет спутников — две луны.

— Из-за этого еще не стоит расстраиваться. Не всем же планетам иметь по две луны...

— Мы много узнали о звезде, — продолжал Тюменев, не слушая жены, — и все же она представляет собою загадку. Она движется с совершенно необычайной, немыслимой, небывалой скоростью. Архимед еще не закончил своих вычислений, но нам уже теперь очевидно, что двойная звезда пройдет очень близко от нашей Солнечной системы.

— Не думаешь ли ты, что звезда может столкнуться с нашей Землей?

— Столкнуться? Нет. Но, проходя довольно близко, она, вероятно, причинит нам довольно много беспокойств. Вызовет приливные явления.

— Это опасно?

Тюменев пожал плечами:

— Все будет зависеть от того, на каком именно расстоянии пройдет от Земли звезда Абастумани.

Солнце спустилось за гору. Ивану Ивановичу пора было уже идти в обсерваторию, а он все еще сидел на веранде и глядел на потухавшие краски заката. И когда они погасли совершенно, он снова начал говорить, тихо и взволнованно:

— Не знаю, поймешь ли ты меня, Елена... Я всю жизнь отдал науке. Никакая жертва не мала, если она приносится для расширения человеческих знаний...

Елена Гавриловна насторожилась.

— Нам, земным жителям, — продолжал он, — предстоит пережить исключительные события, быть свидетелями необычайных явлений... Такие события происходят один раз

в миллионы миллиардов лет, и мы можем понять, какой интерес и какую ценность для науки они представляют.

— Да. Вблизи Солнечной системы пройдет двойная звезда, и ты будешь наблюдать ее, — сказала Елена Гавриловна.

— Вблизи! Но близость на астрономическом языке — это по меньшей мере сотни тысяч, миллионы, сотни миллионов километров. Много ли увидишь с Земли?

Наступило короткое молчание. Было уже совсем темно, но Елена Гавриловна не зажигала огня. Она со страхом смотрела на трепетный свет первых звезд, теперь казавшихся ей зловещими, и спросила:

— Что же ты хочешь?

— Лететь на звезду Абастумани, — раздался из темноты голос Тюменева.

В ответ послышался вздох и короткое всхлипывание.

«Доработался... Придется завтра же пригласить врача», — подумала Елена Гавриловна и сказала словно простуженным голосом:

— Это ты... серьезно, Иван Иванович?

— Совершенно серьезно... Вот именно...

— На чем же ты полетишь? Ведь межпланетные ракеты еще не изобретены.

— К сожалению, да. Но у меня есть план. Признаюсь, очень смелый и необычный. Я поручил Архимеду сделать ряд очень сложных вычислений и расчетов. Он еще сам не знает, для чего их делает.

Захрустел песок на дорожке, послышались чьи-то приближающиеся шаги. Две темные тени подошли к перилам веранды.

— Это ты, Архимед? — спросил Тюменев.

— Мы, — ответил Аркусов. — Обеспокоены вашим опозданием. Пришли узнать о здоровье. Добрый вечер, Елена Гавриловна!

— Послушай, Архимед, и вы, Аркусов, послушайте, — в голосе Тюменева прозвучало необычное волнение. — Друзья мои! Если бы я предложил вам отправиться со мной в

очень опасную, очень рискованную, но крайне важную научную экспедицию, в которой сама ваша жизнь подвергалась бы опасности, согласились бы вы?

— Разумеется, — быстро ответил Архимед.

— Всегда готов! — одновременно воскликнул Аркусов.

— Вот видишь, — повернул Тюменев голову в сторону Елены Гавриловны. — Мне шестьдесят, а ведь каждому из них нет и тридцати — и они не задумываются.

Опершись одной рукой на перила, Аркусов ловко перепрыгнул, разыскал на веранде выключатель и зажег свет.

Лицо Елены Гавриловны выражало смятение, а глаза Ивана Ивановича горели молодым задором.

— Да, я предлагаю вам ни больше ни меньше как лететь со мною на звезду Абастумани! Вот именно!

При этих словах Аркусов вдруг стал серьезным и многозначительно посмотрел на Архимеда — не сошел ли старый профессор с ума. А всегда спокойный Архимед невольно передернул плечами:

— Лететь? Но на чем?

— Ты сам, Архимед, принимаешь участие в изобретении летательного аппарата, — загадочно ответил Тюменев. — Завтра я еду по делам в Ленинград, — заявил он неожиданно.

На другой день Тюменев действительно уехал и отсутствовал более двух месяцев.

5. В МЫШЕЛОВКЕ

Всю ночь над обсерваторией бушевала буря. Несмотря на специальную систему колес, купол дрожал, качался и, казалось, ежеминутно готов был сорваться. Сквозь отверстие в куполе ветер врывался внутрь башни и обдавал лицо и руки Тюменева ночной свежестью и запахом хвойного леса. Плотность воздуха в атмосфере быстро менялась, это мешало наблюдению, искажая изображение звезды. Тюменев сердился, бранил ветер, звезде даже погрозил кулаком:

— Это все твои штучки!

В телескоп уже отчетливо были видны два солнца звезды Абастумани, разделенные друг от друга тончайшей темной полоской небесного пространства. На самом деле ширина этой щели равнялась сотням миллионов километров. В ней свободно вмещались орбиты планет и их спутников двух солнечных систем, связанных взаимным притяжением. Большее солнце было окрашено в красный цвет, меньшее — в голубой.

Небо бледнело, угасла двойная звезда — наступал рассвет. Пора кончать наблюдения.

— Архимед! — крикнул Тюменев. — Архимед!

— Его еще нет, Иван Иванович, — послышался из лаборатории голос Аркусова.

— Как это еще нет? Уже ушел, хотите вы сказать? Ах да...

— Вот именно, — вполголоса сказал Аркусов, повторяя любимую фразу Тюменева.

Иван Иванович вспомнил, что сам освободил Архимеда от всех ночных работ в обсерватории для того, чтобы тот мог всецело заняться вычислениями. До сих пор Архимед работал почти круглые сутки, очень переутомился, но не хотел бросать астрономических наблюдений, пока Тюменев — это было вчера вечером — не накричал на него:

— Этак ты до воспаления мозга доработаешься. Если ты будешь еще по ночам работать в обсерватории, то к сроку не кончишь свои вычисления. И мы пропустим момент, единственный в жизни не только нашей, но и всего человечества. Марш домой, и ложись спать, а завтра со свежей головой садись за вычисления!

И Тюменев почти вытолкнул Архимеда из обсерватории, крикнув в темноту:

— Вот именно!

— Ну и ветер. С ног валит, — сказал Аркусов, входя в обсерваторию.

— И не то еще будет, — ответил Тюменев, поднимаясь с кресла. — Звезда работает.

— Позвольте проводить вас до дому, Иван Иванович.

— Благодарю вас. Не беспокойтесь. Сам дойду. Тюменев подошел к двери и попытался открыть ее.

Но дверь не поддавалась.

— Что такое? — Наверное, Никита запер ее ключом, чтобы ветер не открыл. — Никита! Никита! — Никто не отзывался.

— Зачем Никите закрывать? — возразил Аркусов. — Дверь открывается наружу. Наверно, давление ветра не дает открыть. Позвольте, я помогу.

Аркусов сильно нажал плечом. Дверь приоткрылась — ветер засвистел в ушах, растрепал волосы — и тотчас плотно прихлопнулась. Новое усилие плечом — дверь даже не приоткрылась.

— Попробуем вдвоем, — предложил Тюменев. — Раз, два, три. Ой, ой!.. Плечо расшиб. С таким успехом мы могли бы нажимать на железобетонную стенку.

— Да, знаете ли... — отозвался Аркусов, также потирая ушибленное плечо.

— Занятно. В мышеловку попали. Пленники урагана. — Тюменев рассмеялся.

— Вот так звезда. Какие дела делает. Какая силища.

— Придется здесь отсиживаться, пока ветер не утихнет.

— Отсиживаться? Не согласен, — сказал Тюменев. — Елена Гавриловна, наверно, волнуется. Я иду, а вы как хотите.

— Но ведь мы и дверь открыть не можем.

— И не нужно. Вот люк. Он ведет в подвал, в машинное отделение. Из подвала дверь выходит на запад, а ветер дует с востока. Ту дверь мы, наверно, откроем. Идем.

6. СКВОЗЬ ВОЗДУШНЫЙ ПОТОК

Высокая железная дверь подвала была открыта настежь. У двери в полутемном подвале сидел Никита, посасывая трубочку.

— Ветер загнал, отсиживаюсь вот, — объяснил он Тюменеву. — Хотел пройти в корпус, но с ног так и валит. Не ходите и вы, Иван Иванович.

— Глупости, — ответил Тюменев и смело ринулся из подвала. Аркусов не отставал от него.

Здание прикрывало их от ветра, и они благополучно прошли несколько шагов вдоль стены круглой башни, но, как только обогнули ее, ветер со свистом ударил в грудь и лицо.

Тюменев согнулся под прямым углом и зашагал вперед, но скоро почувствовал, что задыхается. Попробовал идти задом — и тотчас был сбит с ног порывом ветра.

Аркусов помог подняться. Тюменев уже не возражал против его помощи.

— Прикройте рот носовым платком! — крикнул Аркусов, поддерживая старого астронома.

Казалось, звезда пыталась уже сейчас сорвать всю атмосферу Земли. Ураган неистовствовал. Деревья наклонились в одну сторону, ветви вытягивались, дрожали мелкой дрожью, разноголосо звенели, свистели, пели, как туго натянутые струны. Трещали сломанные бурей деревья. Огромные сучья, ветви, листья, сухие иглы и шишки — весь лесной мусор с бешеной скоростью проносился над головой. Смерчи сухой пыли вертелись, плясали по дорогам. В синем небе с необычайной скоростью пролетали обрывки белых как вата облаков.

Путникам нужно было пройти от обсерватории до леса шагов двести по открытому месту. «Хватит ли у старика сил?» — подумал Аркусов. В лесу будет потише, но там того и гляди придавит падающее дерево. Или свалится на голову толстый сук. А за первой полосой леса снова открытое место. Нет, не дойдет Тюменев...

Со стороны «корпуса» — главного здания — едва донесся заглушенный бурей крик. Аркусов оглянулся. Крепко держась за каменную балюстраду, на нижней веранде стояли молодые сотрудники обсерватории и предостерегающе кричали. Кто-то махал рукой.

Аркусов начал опасаться уже не только за Тюменева, но и за самого себя.

— Иван Иванович, верне-емся! — крикнул он в ухо Тюменеву.

— Я... вас... не держу... — ответил неистовый старик и, скрючившись еще больше, стал пробираться вперед. Идти против течения бешеного горного потока было бы не труднее. Но Тюменев шел. Мог ли вернуться Аркусов?

И, цепляясь друг за друга, друг друга подталкивая и поддерживая, падая и с трудом поднимаясь, шаг за шагом продвигались они вперед и наконец достигли полосы леса.

Здесь было тише, дышалось легче. Но дорожка была завалена буреломом. Ежеминутно приходилось перелезать через поваленные деревья и груды мусора и делать обходы.

Из-под обнаженных корней старой сосны, наполовину расщепленной и обугленной давним ударом молнии, вытекал родник. Вода его, насыщенная газами, бурлила, шипела, пузырилась и стекала вниз серебристым ручейком. Еще вчера этого родника не было.

«Наверно, нарзанный источник. Новый родник, рожденный звездой», — подумал Тюменев.

На совершенно ровном месте Аркусов оступился, громко вскрикнул, сделал шаг, снова вскрикнул и опустился на землю.

— Я, кажется, вывихнул ногу, — сказал он. — Понять не могу, как могло это случиться.

— По милости звезды, — отозвался Тюменев, — объяснять сейчас некогда. Снимайте-ка башмак, я постараюсь выправить вашу ногу.

Тюменев дернул за ногу Аркусова, и тот вскрикнул.

— Очень больно? — спросил Тюменев.

— Да. Спасибо. Кость, кажется, стала на место.

Прихрамывая и поохивая, Аркусов плелся за Тюменевым. Вот и опушка леса. Пыль с дороги забивает глаза, нос, рот. Ветер валит с ног. До следующего перелеска не меньше сотни метров.

— Иван Иванович, теперь я вам плохой помощник. Придется нам здесь переждать до вечера.

— Глупости! — возразил Тюменев. — Малодушие. Осталось совсем немного. Видите, уже крыша дома виднеется. Если идти через открытую поляну трудно, то мы переползем ее, я впереди, вы — в кильватере.

И Тюменев действительно стал на четвереньки и пополз.

«Недаром Елена Гавриловна называет его горячкой», — подумал Аркусов, улыбнулся, поморщился и пополз за Тюменевым «в кильватере».

«Нет, я его не возьму в экспедицию. Малодушен. Шляпа, вот именно», — подумал Тюменев, храбро пересекая поляну.

7. БЕСПОКОЙНЫЙ ДЕНЬ

Елене Гавриловне не спалось. Тревожные мысли одолевали. Иван Иванович — ее Ваня — собирается в какую-то экспедицию, из которой, быть может, и не вернется. Звезда принесла заботы. Начались бури. Дом стоит в затишном месте, а весь дрожит. И Елена Гавриловна, хоть душно, с вечера все двери и окна плотно закрыла. А все шумит лес, гудит ветер, не дает уснуть...

Только под утро незаметно задремала старушка, и вдруг... Трах. Трах. Трах...

Привскочила она на кровати, дрожит, со сна понять ничего не может, только чувствует — в комнате свежим ночным ветерком веет. Протерла глаза и видит, что в доме творится что-то непонятное. Окна и двери сами собой поотворялись. Вдруг подпрыгнула крышка сундука и тотчас захлопнулась. Дверцы буфета и шкапа раскрылись, словно их изнутри кто-нибудь толкнул. На шкапу стояла круглая фанерная коробка для шляп, плотно прикрытая крышкой. Эта крышка подскочила до потолка, упала на пол и покатилась.

Очень испугалась Елена Гавриловна, выбежала из спаль-

ни в столовую, но и там пальба, с глухим шумом взорвались консервные банки на буфете, защелкали пробки, вылетевшие из бутылок с лимонадом и ситро. Как хлопушка, хлопнула пергаментная бумага, которой обвязана была полупустая банка с вареньем. Елена Гавриловна в растерянности металась из стороны в сторону. Она ждала, что и кресла, и диваны, и подушки, и перины начнут взрываться и лопаться, и — долго ли до беды — как бы и самой не лопнуть. Было на то похоже. В висках стучало, в ушах шумело, сердце билось учащенно, дышалось с трудом, руки и ноги похолодели.

Но выстрелы и взрывы прекратились так же внезапно, как и начались. В доме стало тихо. Только шумел, свистел, завúвал ветер, пролетавший по вершинам сосен.

Светало. Елена Гавриловна постояла посреди столовой, вздохнула, немного успокоилась и пошла умываться и одеваться — уж больше не уснуть.

В кухне она нашла следы тех же непонятных взрывов: раскрытые дверцы, откинутые крышки, вылетевшие из бутылок пробки. Елена Гавриловна с опаской попробовала прикрывать, затыкать, захлопывать — не взорвется ли опять. Нет, ничего не случилось.

Поставила кофейник с водой на электрическую плиту. И не успела прикрыть новой бумажкой и обвязать банку с вареньем, как кофейник бурно закипел. Так быстро! Что такое с ним стало? Тюменева попробовала кофейник рукой — он был чуть теплый. А вода кипела ключом.

Елена Гавриловна грузно опустилась на табуретку.

Голова закружилась. Ей показалось, что она сходит с ума.

Вдруг с шумом открылась дверь, и на пороге появились Тюменев и Аркусов.

Старушка поднялась, протянула к мужу руки, как бы ища помощи, крикнула:

— Иван Иванович, я едва со страху не умерла. Иван Ива... — и не договорила. Ее поразил внешний вид Тюменева и Аркусова. — Что это с вами приключилось? Откуда

вы? Грязные, оборванные, избитые. Разбойники напали, что ли?

— Звезда, — ответил Аркусов из-за спины Тюменева.

— Пустяки. Все в порядке, — бодрился Тюменев. — Буря, ветер. Помоги нам немножечко привести себя в порядок. Писем не было?

В последнее время Тюменев получал много писем.

— Почта не пришла. Наверно, буря задержала, — ответила Елена Гавриловна.

За чайным столом Тюменева наконец рассказала о необычайных происшествиях утра.

Иван Иванович слушал, кивал головой, улыбался. Затем быстро прошел в кабинет, принес оттуда барограф и сказал, показывая жене черту на ленте:

— Вот видишь, в четверть пятого утра давление внезапно упало почти до четырехсот миллиметров. В этом весь секрет утренних чудес в решете. Вот почему банки стреляли и шкапы, сундуки открывались: внутреннее давление в банках и ящиках сразу оказалось намного выше внешнего. От этой же причины и новые источники появились.

— А почему атмосферное давление так резко понижается? — спросила Елена Гавриловна.

— Звезда своим притяжением вызывает приливные действия в земных океанах и атмосфере. Два раза в сутки теперь мы испытываем повышенное давление и два раза пониженное — по мере вращения земного шара.

— И болезни какие-то новые привязались, — продолжала Тюменева. — С утра тело тяжелеть начинает, к полудню совсем отяжелеешь. А к вечеру спадает тяжесть, к полночи же во всем теле такая легкость, что, кажется, взяла бы и полетела. Неужели все это от перемены давления?

— Нет, тут уж сказывается непосредственное влияние силы притяжения звезды, — сказал Тюменев. — Такою «болезнью» теперь мы все больны.

«Говорит Москва»... — послышался голос из радиоприемника. Передавались утренние известия.

«В экваториальной Африке произошел трагический

случай: английский летчик, воспользовавшись необычайно высоким давлением, поднялся на обыкновенном аэроплане на высоту в несколько десятков километров. Но не успел он похвалиться своим рекордом, как сообщили по радио:

«Притяжением звезды оторван от Земли. Не помогла мощность трех тысячесильных моторов. С возрастающей скоростью неудержимо падаю в небо. Задыха...» — на этом сообщение прервалось».

— Вот именно. Упасть в небо — это как раз то, что надо. Но и в небо падать надо умеючи. Плохо вычисляют и за это платятся головой, бедняги, — сказал Тюменев.

Елена Гавриловна всполошилась.

— Этого еще недоставало, чтобы люди с Земли на небо падали.

— А вы из дома не выходите, Елена Гавриловна, — сказал Аркусов. — Когда звезда начнет очень сильно притягивать, придется только переселиться на потолок и ходить вверх ногами.

— Что вы, Аркусов, смеетесь надо мной. Я и так напугана.

— Простите, Елена Гавриловна. Смеюсь, шучу. У нас до этого дело не дойдет, но на экваторе в продолжение некоторого периода времени будет происходить нечто подобное. Это когда звезда пройдет в наиближайшем расстоянии от Земли и оторвет часть земной атмосферы...

— Менее трети атмосферы и несколько тысяч кубических километров океанской воды, — прибавил Тюменев.

Через веранду вошел Архимед. Его одежда была в полном порядке. В руках он держал портфель.

— Давно проснулся? — спросил Тюменев племянника.

— Я и не спал.

— Как так не спал? — вспыхнул как порох Тюменев. — Почему не спал? Недисциплинированность? Куда ты теперь годен? После бессонной ночи, пожалуй, два и два не сложишь.

— Пожалуй, и не сложу, — спокойно отвечал Архимед. — Но вы не огорчайтесь, дядюшка. Я уже ночью все

сложил. До утра вычислениями занимался. Хотелось скорее кончить.

— Вот как. Но все-таки ты неслух, неслух, вот именно! — ворчал Тюменев, словно Архимед был еще мальчиком. Но это ворчание уже не было сердитым.

— Ну, и что же? Кончил?

— Кончил, дядюшка.

— И что же? Что? Говори скорее!

— А вы меня, может быть, раньше кофе угостите? Со вчерашнего вечера, как говорится, маковой росинки во рту не было, — сказал Архимед с лукавой искоркой в глазах.

— Да ты мне хоть кратенько скажи! — воскликнул Тюменев с видом такого крайнего нетерпения, что Архимед сжалился над своим дядюшкой и сказал:

— Звезда Бета Малого солнца.

— Ага. Вот именно! — крикнул Тюменев так громко, что в клетке на окне затрепыхался чиж. — Значит, так. Значит, по-моему. Изумительно. Совершенно совпадает с э... вот именно... Нет, эта голова кое-чего стоит! — хлопнул он себя по лбу. — И эта голова тоже кое-чего стоит, — легонько хлопнул он по темени племянника.

— Чего вы, дядюшка, деретесь? — спросил Турцев.

— Молодец. Спасибо, Архимед. Настоящий Архимед. Пей теперь кофе сколько твоей душе угодно.

8. ЗВЕЗДА РАБОТАЕТ

— Вот и почтальон, — сказал Аркусов и, прихрамывая, вышел на веранду. Загорелый черноволосый мужчина в запыленном парусиновом костюме подал ему пачку газет и писем.

Аркусов передал газеты Тюменеву и ушел в кухню переменить компресс на ноге. Елена Гавриловна мыла чайную посуду.

Архимед сонно моргал глазами. Голова его склонилась. Выпив кофе, он осовел и сразу почувствовал, как сильно

устал за последние сутки напряженнейшей умственной работы.

— Тетушка, вы позволите мне прилечь на веранде? Там такая уютная плетеная кушетка стоит. — Он быстро прошел на веранду, улегся на кушетку, подобрал длинные ноги, положил кулак под голову, и через минуту раздался его могучий храп.

Тюменев развернул газету:

— Посмотрим, что натворила звезда за последние сутки. — И Иван Иванович углубился в чтение.

Страницы газеты были полны сообщениями о проделках звезды.

Итальянский летчик, пытавшийся поставить мировой рекорд высоты, был застигнут низким давлением. На высоте двух с половиной тысяч метров мотор отказался работать, а летчик начал задыхаться.

Зато летчику-французу во время барометрического максимума удалось подняться на двадцать километров без кислородного прибора.

Приливы разрушили в Голландии плотины. Это явилось настоящим народным бедствием и повело к многочисленным человеческим жертвам.

Французский пароход «Марсель» после прилива оказался лежащим на вершине холма одного из Маркизовых островов. Многие пароходы относились приливной волной за десятки километров от берега моря и оказывались на мели среди густого леса или на улицах города, давно оставленного жителями.

Американский богач Ринг Кингсбери устроил себе подземное убежище на острове Патрика, далеко за Северным полярным кругом, и сделал себе запасы продовольствия и кислорода на десять лет.

В шахтах того же Кингсбери в Эквадоре произошли взрывы рудничного газа, обвалы и затопления. Погибло 320 шахтеров.

В Боливии, Перу, Мексике забили мощные нефтяные и грязевые фонтаны.

На Камчатке произошло извержение давно не действовавших сопок.

Инженеры спешно реконструировали двигатели и насосы, приспособляя их к периодически изменяющемуся атмосферному давлению.

Тюменев поднял голову от газеты и увидел Архимеда и Аркусова.

Пропустив обоих в кабинет, Тюменев задержался у двери и осторожно — чтобы не щелкнула — задвинул задвижку.

— От кого это вы запираетесь, дядюшка?

— От всех. Не люблю, когда мешают во время работы. Садитесь к столу. Докладывайте, Архимед.

— Мы уже довольно точно знаем, так сказать, анатомию двойной звезды Абастумани, — начал Архимед, разворачивая на столе чертеж. — Вот центр — Большое, или Красное, солнце. Вокруг него, вернее, вокруг общего центра тяжести системы обращается Малое Голубое солнце. Эти два солнца, составляя единую систему двойной звезды, являются вместе с тем самостоятельными центрами планетных систем. Вокруг Малого солнца обращаются две планеты: крайняя — Альфа — и ближе к солнцу — Бета. Вокруг Большого Красного солнца одна планета — Гамма. Бета имеет две луны, остальные планеты лун не имеют.

Мною вычислены периоды обращения Малого солнца вокруг Большого, каждой планеты вокруг своего солнца, лун — вокруг планеты Альфа, а также сроки вращения солнц, планет и лун вокруг своей оси. Исчислены размеры, масса, определен химический состав солнц и атмосфер на различных планетах.

Тюменев хмурился, качал головой.

— Это плоды общей работы почти всех сотрудников нашей обсерватории, — продолжал Архимед. — На мою долю выпали только итоговые вычисления.

— Не только итоговые, — поправил Тюменев.

— Прекрасно справился со своей работой товарищ Аркусов, которому поручено было обработать данные по планете Бета Голубого солнца, — продолжал Архимед.

— Кстати, я до сих пор не знаю, почему вас так интересовала именно планета Бета, — сказал Аркусов.

— А вот сейчас узнаете, — ответил Тюменев. — Архимед, покажи теперь самое главное.

Турцев развернул второй чертеж. На нем в уменьшенном размере изображалась система двойной звезды, а в противоположном углу листа — земной шар с оторвавшейся от него точкой. Пунктирная линия соединяла эту точку с планетой Бета.

— Вот планета Бета, — обратился Тюменев к Аркусову. — Чертеж вам понятен? Не совсем? Звезда Абастумани, проходя мимо нашей Солнечной системы на ближайшем расстоянии, оторвет от Земли часть атмосферы и океанской воды. Приливные явления, как нам известно, происходят одновременно на двух противоположных сторонах земного шара. И звезда вызовет отрыв части земной гидросферы не только на стороне, обращенной к ней, но и на противоположной. Но так как судьба части гидросферы, оторвавшейся от противоположной стороны, нас не интересует, то о ней мы и не будем говорить.

Итак, звезда оторвет часть земной атмосферы и гидросферы. Что произойдет дальше? Куда полетит эта вода и часть атмосферы? Долго ли будет лететь? И — главное — куда упадет, если вообще упадет куда-либо? Судьба этой оторванной от Земли воздушно-водяной планетки может быть очень различна.

Она могла бы сделаться маленькой второй луной земного шара, подобно нашей Луне, также составлявшей когда-то часть земного шара.

Могла водяная планетка, не оставляя Земли совсем, пойти по сильно вытянутому эллипсу, как периодическая комета. Могла упасть на Юпитер и Плутон или же стать спутником одного из них. Могла пойти по гиперболе и исчезнуть навсегда в мировом пространстве. Все зависит от сложных сил притяжения. Водяную планетку могло притянуть Красное или Голубое солнце звезды Абастумани, и

планета обратилась бы в пар прежде, чем упала в раскаленную атмосферу этих солнц.

Наконец, наш водяной пузырь мог упасть на одну из планет или спутников планет в системе звезды. Но на какую именно?

— Я сделал очень упрощенные...

— Но чрезвычайно остроумные, — вставил Турцев.

— Исчисления, — продолжал Тюменев. — И пришел к такому выводу, что водяная планетка, по-видимому, должна упасть на планету Бета.

— Поэтому вы и поручили мне заняться ею? — спросил Аркусов.

— Вот именно, — ответил Тюменев. — А Архимеду я поручил проверить мои грубые приблизительные расчеты уже основательным вычислением. И он справился с работой как нельзя лучше.

Тюменев посмотрел на племянника с любовью и гордостью. Такой молодой, а уже справляется со столь сложными задачами!

А задача была действительно необычайно сложна. Земля, водяная планетка, Голубое, Красное солнце со своими планетами и их спутниками — все движется, вращается, взаимно притягивает друг друга. Нужно было собрать в одну точку все эти сложные движения в пространстве и во времени, распутать паутину невидимых, взаимно проникающих сил притяжения. Водяная планетка должна была пролететь мировое пространство через невидимую сеть этой паутины, одновременно испытывая на себе влияние притяжений чуть не двух десятков мировых тел. И Архимед начертал точную картину положения всех солнц, планет и их спутников в тот момент, когда судьба водяной планетки будет решена притяжением Беты.

— Да, наш водяной пузырь упадет на планету Бета! — воскликнул Тюменев.

— Упадет вместе с нами, если я верно угадал ваш план? — спросил Аркусов.

Тюменев опасливо оглянулся на дверь и ответил, понизив голос:

— Вот именно. Но будем говорить тише. Гм... гм... Елене Гавриловне совсем не нужно знать всего.

— Напрасно беспокоитесь, Иван Иванович. Ветер так шумит, что мы сами себя едва слышим, — сказал Аркусов. — На чем же или в чем мы полетим? В водяной лодке?

— На велосипеде, — сердито ответил Тюменев. Он уже решил не брать Аркусова в путешествие и отделаться от него при первой возможности.

Аркусов встал, как оратор, переступил со здоровой ноги на больную, поморщился и снова уселся в старенькое кожаное кресло.

— Мое мнение таково, что эта экспедиция не что иное, как собрание двадцати способов покончить с собой. Вот вы, Иван Иванович, перечисляли, что может произойти с водяной планеткой, оторвавшейся от земного шара. И ведь каждый описанный вами случай грозит нам неизбежной гибелью. Малейшая ошибка в вычислениях Архимеда — и вместо того, чтобы направиться к планете Бета, мы помчимся на вашем водяном пузыре в глубины вселенской бездны и умрем с голоду, или оледенеем, или же изжаримся, упав на Солнце, — не знаю, на каком огне это будет приятнее, на голубом или же на красном. Или же наша...

— Словом, вы отказываетесь? — спросил Тюменев.

— Нет, я еще не отказываюсь, — возразил Аркусов. — Но я хочу знать все условия, взвесить все шансы. Позвольте мне продолжать. Итак, мы можем вовсе не упасть на Бету. Затем нам предстоит лететь вместе с водяной планеткой через мировое пространство. Что же будет с нею и с нами во время этого перелета? Все это надо продумать заранее. Не рассеятся ли все атомы воды и воздуха в мировом пространстве с его абсолютной пустотой? Не превратится ли водяная планетка в пар под влиянием лучей Солнца? Или, быть может, наоборот — и наша водяная планетка и мы сами превратимся в кусок льда. Изучены ли эти вопросы? И какой получен ответ?

Но допустим, что мы благополучно пролетели через небесное пространство и вступили в сферу притяжения планеты Бета. Разве мы не рискуем разбиться при спуске? Наконец, предположим, что мы благополучно высадились на планету Бета. Что ожидает нас там?

— Это уж вам лучше знать, вы ее изучали, — ответил Тюменев.

— Да, я изучал ее. Я установил, что масса Беты составляет немного меньше одной восьмой массы Земли, что там имеется атмосфера, близкая по составу к атмосфере Земли, но с несколько большим количеством кислорода, что температура там выше земной, что, наконец, там имеется вода. Вот и все или почти все, что возможно было узнать о Бете. Но есть ли там растения и съедобны ли они или ядовиты? Какие живые существа встретят нас — какие насекомые, страшные звери, быть может, люди? Какие опасности...

— Вы правы. Вы совершенно правы, Аркусов, — сказал Тюменев несколько взволнованно, поднялся, прошел по кабинету, как будто случайно подошел к двери, прислушался, зашагал из угла в угол и начал говорить вполголоса: — Наша экспедиция таит в себе не двадцать, а тысячу смертельных опасностей. И вам нужно не семь, а семьдесят семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Если бы я мог лететь один, я, не задумываясь, пожертвовал бы своею жизнью, чтобы вырвать у природы еще одну тайну и передать ее людям. Но мы обязаны и ради себя, и тем более ради других принять все необходимые меры предосторожности. Да, наша экспедиция очень рискованное предприятие, и все же я не собираюсь прыгать в небо очертя голову. Я сам еще не раз проверю вычисления Архимеда. Если водяная планетка действительно должна упасть на Бету, задача наполовину решена. Межпланетный полет я считаю наименее опасным этапом путешествия. Как именно мы полетим, об этом я подробно расскажу вам, когда выяснятся некоторые обстоятельства, от которых зависит судьба всего путешествия. Что же касается спуска на Бету, то он, при наличии атмосферы, не так уж опасен, как кажется вам, Аркусов.

Опытные полеты на ракетах доказали полную возможность спускаться со стратосферных высот на парашютах. Я считаю, что наша экспедиция не рискованнее первых экспедиций на полюс. Зато какие могут быть результаты! Мы сделаем такие наблюдения, которые просто неосуществимы в земных условиях. Я наметил обширную программу научных работ в мировом пространстве — изучение солнечной радиации, астрономические наблюдения, изучение космических лучей... Мы сделаем открытия величайшей важности. Мы обогатим науку. И вы обессмертите свои имена, если вас и это интересует. Наша новейшая радиостанция, ультракороткие волны которой пробивают все ионизированные слои атмосферы, передаст наши сообщения на Землю из глубины небесного пространства.

Таким образом, наша задача — научная цель экспедиции — будет выполнена. Человек на звезде! О такой возможности не мечтали даже фантасты. Вот этими самыми ногами мы будем ходить по траве новой планеты, сверкающей сейчас на нашем ночном небе в виде маленькой звездочки. Вот этими самыми глазами, — он прикоснулся к очкам, — мы увидим новые пейзажи, новые горы, новые леса, новые растения, новых интересных животных, быть может, и новых интересных людей и обо всем этом сообщим на Землю.

Как расширятся наши знания о Вселенной! Стоит ли ради этого рисковать? Думайте же, думайте, решайте и говорите ваш ответ.

— Мы едем с вами, Иван Иванович, — ответил Аркусов. — Едем, если даже будет только один шанс против тысячи остаться в живых. Но мне хотелось бы иметь ответ еще на один, последний вопрос, вы все время говорили о дороге туда, на Бету, но еще ни одного слова не сказали об обратном пути, о возвращении с Беты на Землю. У вас, конечно, имеется вполне разработанный план?

— План? Возвращение на Землю? — спросил Тюменев, как будто его разбудили, оторвав от прекрасных сновидений. Нервно потер руки, прошелся по кабинету, постоял,

прислушиваясь, возле двери, подошел к молодым астрономам и сказал тихо, но раздельно: — Мы... никогда не вернемся... на Землю. Вот именно! — И, словно рассердившись на себя за минутную слабость, почти крикнул: — Что же вы молчите? Вы устрашены? Знайте же, с вами или без вас, но я лечу на Бету!

— Да-а, — протянул Аркусов. — Это совершенно новое обстоятельство. Я соглашался лететь, если есть хоть один шанс против тысячи остаться в живых. Но остаться вечным пленником этой планеты, покинуть Землю навсегда, покинуть друзей, родных, близких, покинуть все привычное, любимое, дорогое... Нет, воля ваша, Иван Иванович, но на это я не могу решиться, — сказал Аркусов.

Наступило тягостное молчание. Старый астроном сердито шаркал ногами по ковру, словно отбрасывая с пути невидимые камешки.

Ветер шумел и свистел над крышей. Аркусов сидел в кресле нахмурившись, обхватив руками колено больной ноги. Турцев перебирал в своем портфеле листки бумаг, испещренные математическими знаками. Проходила минута за минутой, никто не начинал говорить.

Наконец Аркусов поднялся, сказал: «Ну, мне пора» — и, прихрамывая, вышел из кабинета. Тюменев запер дверь за задвижку и подошел к племяннику. Лицо старого профессора было взволнованно, глаза пытливо искали глаза Турцева.

— Ну, что же? А ты? — воскликнул Тюменев.

Турцев посмотрел на профессора, улыбнулся и сказал:

— Конечно, я лечу с вами, дядюшка. Нельзя же отпустить вас одного в такое путешествие.

Тюменев молча, но крепко поцеловал Турцева, отошел, вздохнул с облегчением и сказал:

— Вот именно. Теперь за дело. Завтра мы с тобой летим в Ленинград. Мы должны готовиться к путешествию. Теперь я могу сказать тебе мой план. Мой друг академик Шипольский сконструировал изумительный аппарат для глубоководных экспедиций, так называемый автономный

гидростат. Он может погружаться в самые глубокие места океана, выдерживать давление десяти километров воды. Представляешь себе, какая прочность аппарата? Прочнее межпланетной ракеты.

Я решил, — сказал Тюменев, — что в гидростате удобнее всего совершить перелет, только немного переоборудовав кое-какие детали. Академик Шипольский выразил согласие, разрешение правительства получено.

Мы должны принять с тобой участие в переоборудовании гидростата. Придется гребной винт заменить реактивным гидравлическим двигателем и прочее.

Чтобы взять большие запасы продовольствия и освободить место для астрономических инструментов, я ограничиваюсь всего тремя участниками экспедиции...

— Кто третий? — спросил Турцев.

— Молодой ученый, ученик Шипольского.

Тюменев и Турцев уехали на другой же день, довольно долго отсутствовали, вернулись всего на три дня и, наскоро простившись, уехали снова — на этот раз навстречу всем неожиданностям необычайного путешествия на Бету.

9. ДОРОЖНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Архимед сидит за небольшим столом возле окна, закрытого плотной синей занавеской. Лампа под матовым абажуром ярко освещает просторную каюту. На столе лежат груды бумаг, исписанных длинными рядами цифр. Лицо Архимеда сосредоточенно, между бровями залегла складка. Он вычисляет. Колонки цифр словно льются из карандаша все быстрее и быстрее.

Через три столика от него, в углу каюты, сидят двое: Иван Иванович Тюменев и «выходной» бортмеханик Сушков, плотный мужчина лет сорока. Он откинулся на спинку кресла в позе отдыхающего человека, посасывает коротенькую трубочку.

Выдался трудный полет. Притяжение звезды вызывало в атмосфере необычайные перемещения воздушных масс и

словно изрыло ухабами воздушный путь. Сибирь не была видна путникам: огромный тяжелый самолет, приспособленный для слепого полета, шел на большой высоте. Его бросало, как ничтожную лодочку среди бурных волн океана. Даже привычный к капризам воздушной стихии Сушков неодобрительно покачивал головой и старался определить по раскачиванию своего тела положение самолета.

Приближался критический день — когда звезда подойдет к Земле на самое близкое расстояние. Приближались самые грозные времена. Тюменев перебирал в уме последние известия. В Северной Америке почти вся Флорида и весь бассейн Миссисипи были залиты водой. В Южной Америке бассейны Амазонки и Параны превратились в сплошное море. Спасательные отряды не успевали оказывать помощь. Приливная волна несла на себе деревянные дома, целые леса, зверей, коров, мулов. На низменных островах много народу погибло от наводнения. Во время же отливов огромные пространства покрывались толстым слоем жидкой, непролазной грязи, а в океанах, на мелководье, обнажалось дно. Из Новой Гвинеи в Австралию можно было бы дойти пешком, если б хватило времени до нового прилива. Суматра, Борнео, Ява и Малайка сливались в один материк. Появилось огромное количество новых островов. Вся поверхность Земли изменилась до неузнаваемости. Новые моря, реки, острова и полуострова то появлялись, то исчезали по два раза в сутки. Нарушилось железнодорожное, морское и воздушное движение. Гибли урожаи. Заносились илом поля. Разрушались плотины. Затоплялись приморские города. Обваливались шахты. Уже было отмечено несколько случаев падения летчиков в небо. И Тюменев волновался, как бы не случилась и с ними такая же история.

Архимед вдруг быстро поднялся, хватаясь за столы и стулья, пробрался в кабину летчика и крикнул над головой пилота Батенина:

— Критическая высота! Немедленно спускайтесь пикированием...

Амфибия начала метаться, как подстреленная птица.

Моторы самолета хрипели, стреляли и наконец замолкли. Настала тишина. Только едва слышно гудел мотор электростанции, но скоро замолк и он. Электрические лампы в каюте погасли. В кабине пилота они еще светились слабым накалом, переведенные на аккумуляторное питание.

В кухне повар, сидя на стене возле двери, шарил впотьмах — искал стенной шкафчик, где хранился парашют.

В радиорубке красным, тусклым накалом, как угасающие звезды, светились радиолампы. Привязанный ремнями к креслу радист Эдер, перегнувшись, ловил рукою болтавшуюся возле стены трубку телефона. Радисту хотелось спросить у Батенина, что случилось.

А тяжелая машина продолжала биться в судорогах, и неизвестно было, падает ли она вниз, висит ли на месте или же летит-падает вверх, в небо.

— Держитесь, профессор, за меня крепче, — сказал Сушков. — Мы на огромной высоте и, конечно, успеем добраться до парашютов и выброситься прежде, чем амфибия упадет и разобьется. Жалко машину!

— На Землю?! — отозвался Тюменев. — А может быть, мы падаем вверх. Совершенно не вовремя! Преждевременно! И как же это Батенин не усмотрел... Ведь сейчас как раз прилив. Барометрический максимум. Давно пора было снижаться.

— Не волнуйтесь, товарищ Тюменев, — торопил Сушков, не слушая астронома, — только идемте скорее. Поймите же, только парашют может спасти нас.

Тюменев вдруг расхохотался и ответил:

— Хотел бы я посмотреть, как вас будет спасать парашют в безвоздушном пространстве, когда вы будете падать с Земли на звезду.

Сушков побледнел:

— Неужели же и мы...

— Нас вырывают друг у друга звезда и Земля, — сказал

Тюменев. — Из-за нас идет ожесточенная борьба двух сил притяжения. Кто победит?

— Но ведь мы свободно падаем, и падаем вниз, — возражал Сушков, — об этом можно судить и по положению машины — пике, и по ощущению легкости в теле.

— Как будто так, — ответил Тюменев, пробираясь следом за Сушковым. — Но не забывайте, что притяжение звезды путает все расчеты, все обычные представления и привычные ощущения... Вот если бы мне удалось увидеть хоть краешек не покрытого тучами неба, я смог бы сказать определенно, куда мы летим.

Болтанка уменьшилась.

Радист Эдер успел поймать телефонную трубку и переговорить с Батениным.

— Все в порядке. Сиди на месте, занимайся своим делом, — сказал ему Батенин.

— На Землю ничего сообщить не надо?

— Если будет надо, скажу.

Радиостанция работала без перерыва. Эдер принял две телеграммы на имя Тюменева и передал ему их содержание по телефону, трубка которого случайно оказалась возле профессора.

— Телеграмма первая, — говорил радист. — «Привет от всех сотрудников абастуманийской обсерватории. Как протекает полет? Елена Гавриловна спрашивает о здоровье. Аркусов». Ответ будет? — спросил Эдер.

— Нечего сказать, удачно выбрали время! — ворчал Тюменев и ответил: — Да. Передайте Аркусову: «Полет протекает... гм... успешно».

— Снижаемся, — слышится из рупора голос Батенина.

— Отлично, — говорит Сушков.

— А я все еще не уверен, летим ли мы вниз или вверх, — возражает Тюменев, карабкается по столам, добирается до окна, открывает занавеску и видит сквозь разрывы туч два ослепительных маленьких солнца, одно побольше — красноватое, другое поменьше — голубое. Это двойная звезда

Абастумани. Она уже видна невооруженным глазом не только ночью, но и днем.

Как быстро возросли размеры солнц за короткое время...

Вдруг рубиновое и сапфировое солнца скользнули в сторону, и в то же время Тюменев почувствовал, что он падает на пол. Амфибия выровнялась, перейдя от пикирования к горизонтальному полету. Вспыхнул свет, весело загудели моторы.

В дверях каюты появился Архимед, и уже странным казалось, что он стоит на полу, а не на стене.

— Мы вышли из опасной зоны, — сказал он спокойно. — А ведь на волос были от того, чтобы свалиться с Земли.

Зазвонил телефон.

— Слушайте же текст второй телеграммы, товарищ Тюменев, — говорил радист Эдер повеселевшим голосом. — «Филиппины оставлены. Идем к острову Гуам. Ложитесь на курс 12±44′ с.ш. и 145±50′ в.д. Шипольский».

— Безобразие! Ложитесь на курс! Чего их там носит? — закричал Тюменев, не отнимая телефонной трубки ото рта. — Ложитесь! Безобразие! Вот именно.

— Я ж не виноват, товарищ Тюменев, — сказал радист, и по голосу было слышно, что он улыбается.

— Вы, конечно, не виноваты. И я не вас браню, — продолжал Тюменев взволнованно говорить в трубку. — Но понимаете, какая чепуха получается. Они могут погубить все дело. Звезда ожидать не будет. Я опоздаю к сроку, и океанская вода улетит без меня. Наш теплоход должен был доставить меня из Владивостока в Манилу. Но он едва ли изменит путь и пойдет к острову Гуам, который лежит восточнее и в стороне от океанских дорог. Что же мне теперь делать? На перекладных путешествовать? Но как? Вот прыгуны. Шипольскому восемьдесят четыре года, а прыгает, как...

— Подождите, товарищ Тюменев. Я получил одну зашифрованную телеграмму, — сказал радист, — сейчас расшифрую.

Через несколько минут он сообщил:

— Ну вот, Шипольский сообщает, что вокруг Филиппин, морской базы Соединенных Штатов, необычайными приливами сорвало много плавучих мин. Вылавливать их среди непрекращающегося волнения океана невозможно, опасность взорваться на мине велика. Поэтому Шипольский перешел к острову Гуам. До вашего приезда он надеется успеть исследовать во время отлива одно из глубочайших мест океана, находящееся возле этого острова.

— Знаю. Шипольский говорил. 9636 метров. А возле Филиппин глубина 10 793 метра. Но меня интересует не морская глубина, а небесная.

— Попробуем сговориться с нашими дальневосточными краснофлотцами. Может быть, они нам помогут, — предложил Турцев.

— Подводный корабль? Это идея. Товарищ Эдер! — закричал Тюменев в трубку телефона. — Соедините меня...

10. ОЖИДАНИЕ НА «НЕПТУНЕ»

Советский теплоход «Нептун» недаром называли плавучим океанографическим институтом. Он был в одинаковой степени приспособлен и для мирных научных занятий, и для борьбы с разбушевавшимися стихиями океана:

многочисленные лаборатории, библиотека, прекрасные инструменты — для науки;

надежная двойная оболочка, прочные и частые внутренние переборки, жироскопическое приспособление, устраняющее качку, — против коварства океана.

Научная экспедиция под руководством восьмидесятичетырехлетнего океанографа Шипольского изучала глубочайшие места Тихого океана у берегов Японии, Филиппин и Марианских островов при помощи автоматического гидростата.

Тюменев не преувеличивал, называя гидростат чудом техники.

Аппарат цилиндрической формы мог погружаться на глубину почти десяти километров с целью зрительных и

фотонаблюдений, вмещал в себя до десяти гидронавтов и мог находиться под водою продолжительное время. Он был оборудован разнообразными научными приборами. Имел иллюминаторы, перископы для наблюдений глазом, фото- и киносъемок. Сверх того, поверхность его оболочки была покрыта мельчайшими фотоэлементами-ячейками, как у глаза мухи, с проводами, уходящими внутрь аппарата — на экран. Это и делало стенки гидростата как бы прозрачными. Для освещения водных глубин имелись мощные прожекторы. Управление погружением, поворотами, всплытием производилось изнутри. Скорость подъема с глубины десяти километров — около двух часов. Новейшие аккумуляторы необычайной мощности с избытком снабжали аппарат энергией.

Внутри гидростат представлял собою как бы многоэтажное здание. Прутковый трап связывал этажи. В нижнем, «подвальном» этаже помещался аккумуляторный отсек; выше, на платформе, — центральный пост, где помещалось все управление; рядом — электрическая станция для регулирования поступления кислорода, прибор регенерации воздуха, манометры. Поднимаясь еще выше по прутковому трапу, можно было попасть в отсек, где помещались механизмы: пусковые, реостаты моторов, приборы для сжигания водорода, гидравлический насос, механизмы для вращения гребных винтов и поворотные механизмы. Еще выше в двух отсеках располагались каюты для жилья. А еще выше шли склады продовольствия. Гидростат увенчивался «чердаком» — легкой надстройкой, где могли помещаться люди после всплытия, если море было бурным и не позволяло выйти наружу. В палубе находился люк эллиптической формы, снабженный водонепроницаемой крышкой и иллюминатором.

Гребные винты проходили через стенку и уплотнительный сальник. Для вращения в горизонтальной плоскости имелся инерционный механизм — массивный маховик на вертикальной оси, приводимый во вращение мотором.

Работа экспедиции протекала успешно. Каждое погружение гидростата давало огромный научный материал. Кроме того, сильнейшие приливные явления вызывали небывалое перемещение нижних и верхних слоев океанской воды, и на поверхности появлялись трупы глубоководных животных, разорванных внутренним давлением. Сотрудникам «Нептуна» оставалось подбирать их.

Однако чем ближе подходила звезда к Земле, тем опаснее становилось пребывание экспедиции на экваторе, где притяжение звезды чувствовалось особенно сильно. Переходы от прилива к отливу сопровождались все более бурными явлениями и в воздухе, и в океане. «Нептун» постепенно поднимался приливом вверх вместе с растущей водяной горой и медленно, несколько часов, опускался вниз. Если теплоход оказывался не на самой вершине, на склоне водяной горы, его положение становилось критическим. Он валился набок, его заливали волны небывалой высоты. Тучи то смешивались с волнами, то внезапно перелетали через водяную гору или же поднимались на необычайную высоту и исчезали. Атмосфера была насыщена электричеством.

Капитан теплохода Виноградов все последние дни чрезвычайно нервничал и наконец не выдержал, пригласил к себе в каюту академика Шипольского и его молодых сотрудников — Прохорова, Залкина, Савича и Дудина — и обратился к ним с такой речью:

— Мне приказали ожидать профессора Тюменева. Он не явился в срок и не подает о себе вестей. Быть может, погиб. Это естественно в такое время. Ждать больше не могу. Я отвечаю за теплоход, отвечаю за команду, отвечаю за всех вас. Сейчас отлив, и мы опускаемся. А уже в следующий прилив — через несколько часов! — звезда оторвет часть океана. С теплоходом. Нам необходимо быстро уходить на север. Гидростат придется бросить. Тащить его на буксире — значит задерживать ход. Я нарушу приказ, но спасу людей. Пусть меня судят.

Это было сказано таким решительным тоном, что все поняли — спорить бесполезно.

— Гидростат должен быть спасен. Звезда может похитить его, — горячо воскликнул научный сотрудник Прохоров. — Если его нельзя взять с собой на север, следует кому-нибудь из нас погрузиться в гидростате на максимальную глубину и там отсидеться, пока звезда будет отрывать верхушку океана, а потом всплыть на поверхность. Я опущусь. Кто со мной?

Залкин, Дудин и Савич подняли руки. Шипольский о чем-то задумался, затем спросил капитана:

— А что будет с профессором Тюменевым и его сотрудниками, если они прибудут к острову Гуам и не найдут здесь теплохода? На обратный путь им не хватит ни горючего, ни продовольствия. Население Гуама и других островов давно эвакуировано. Гидростата, даже когда он всплывет, они могут и не заметить и тогда погибнут в океане или же в небе, захваченные звездой.

Капитан Виноградов развел руками.

— Печально, — сказал он, — но что станет с академиком Шипольским и его сотрудниками, если мы задержимся?

— Я прошу подождать хотя бы несколько часов, — сказал Шипольский. Виноградов отказался. Шипольский настаивал. Сотрудники поддержали его.

Виноградов тяжко вздыхал, вытирал пот со лба, но повторял:

— Нет!

— Подводная лодка на горизонте! — крикнул вахтенный.

— Это, наверное, он! — взволнованно сказал Шипольский. — Идемте!

Все поднялись на капитанский мостик. К теплоходу быстро подходил большой подводный корабль. На мостике стоял Тюменев и махал шапкой.

Они стояли друг против друга, два знаменитых ученых: высокий, кряжистый, румяный, с пушистыми усами восьмидесятичетырехлетний океанограф академик Шипольский и седоусый, седобородый старик-астроном Тюменев.

Вокруг них почтительно стояли молодые сотрудники Шипольского.

— Летим на звезду, Анатолий Иосифович? — шутил Тюменев, крепко пожимая руку Шипольскому. — На Бете, по всей вероятности, есть океаны, изучать будете.

— На мой век и земных хватит, Иван Иванович, — улыбаясь, отвечал Шипольский. — В Ленинграде не убедили меня, а здесь и подавно не убедите. Вон что делается! — И он широким жестом показал на горизонт. — Поздновато ваша звезда явилась. Я успел состариться. Куда мне лететь?

— Глупости. Старости нет. Старость! Все это выдумки. Вот именно. Посмотрите на меня.

— Да вы молодой человек по сравнению со мной... — ответил Шипольский.

— Молодой! Вот именно. Ну, как ваши подводные экспедиции?

Шипольский с увлечением начал рассказывать о необычайных находках в глубинах океана, о загадочных глубоководных животных, о раскрытых тайнах, которые океан тысячелетия скрывал от людей. Щеки его еще больше порозовели. Он забыл о своих годах, о подагре и начинающейся глухоте, забыл о том, что находится среди бурного океана и что над головой его сверкает зловещая звезда.

Тюменев слушал его с трудом: от темных океанских глубин мысли старого астронома невольно улетали к темным глубинам неба.

Капитан Виноградов ходил по капитанскому мостику, смотрел на волны, на небо и сердито отдувался. Он не мог дождаться наступления отлива. Только бы скорее усадить в гидростат Тюменева с его спутниками и бежать, бежать на север, спасая жизнь вверенных ему людей и имущество.

А Турцев стоял возле борта и смотрел на океан. На его зеленой поверхности сверкало красноватое пятно, отблеск звезды Абастумани.

Справа от теплохода виднелся мостик подводного корабля, в котором прибыли Тюменев и Архимед. Капитаны подводного корабля и теплохода решили совершить обрат-

ный путь совместно, чтобы, если потребуется, оказывать друг другу помощь.

Прямо перед Турцевым ныряла, как поплавок, верхняя надстройка гидростата. На палубе стоял человек небольшого роста, он махал рукой. Архимед присмотрелся и узнал Николая Владимировича Савича — третьего участника полета, молодого океанографа, помощника Шипольского. Турцев улыбнулся и помахал рукой в ответ.

Ему вспомнилась поездка в Ленинград, вечера в большой квартире Шипольского, обсуждение планов использования гидростата для вылета на Бету. Вспомнилось взморье. Хлопотливый Савич с испачканными в машинном масле руками. Знакомство с гидростатом, с его сложными машинами, остроумными приборами...

И вот их жизненные пути сошлись здесь, в океане, чтобы дальше идти вместе... куда? В неведомое...

— Привет, Савич! — кричит Архимед, но шум волн заглушает его голос. Багровое солнце спускалось за горизонт. Стоял отлив — самый низкий за все время прохождения звезды — перед самым высоким — критическим — приливом.

Острова Марианы, остров Гуам словно выросли, поднялись над водою на небывалую высоту, обнажив свои извечно скрывавшиеся под водою, покрытые раковинами, водорослями и кораллами скалистые «фундаменты». Показались неведомые ранее острова, мокрые, голые, безжизненные, никогда не видевшие света и солнца.

Был редкий час затишья: недвижим воздух, спокоен океан.

Этим затишьем необходимо было воспользоваться, чтобы перебраться в гидростат, погрузить продукты и большой парашют, предназначенный для спуска гидростата на Бету, а также сделанные по особому заказу Тюменева легкие и не занимающие много места астрономические инструменты.

От теплохода к гидростату и обратно двигалась моторная лодка. Тюменев и Архимед наблюдали за погрузкой.

Научные сотрудники Шипольского справлялись с этим делом не хуже заправских матросов и грузчиков.

На шлюпке приплыл Савич. Лицо его было озабоченно, даже мрачно. Но, увидев своих товарищей-океанографов, он принял беззаботный вид.

Погрузка подходила к концу. С последним рейсом на моторной лодке прибыл Шипольский. Ему было трудно подняться по отвесному трапу, он простился с отлетающими, стоя в лодке.

— Ну а вы как? — спросил Тюменев.

— А мы, — ответил Шипольский, — как говорится, на всех парусах немедленно идем на север. Желаю удачи! Прощайте!

Последний груз принят, сотрудники Шипольского спустились по трапу и прыгнули один за другим в моторную лодку. На мостике гидростата остались только Тюменев, Архимед и Савич. Последние прощальные возгласы, приветствия, и лодка уходит к теплоходу.

Гидростат мерно покачивался на спокойных волнах. Но вот гладкая поверхность океана начала подергиваться рябью — ветер крепчал. Наступал прилив.

Три человека, обрекшие себя на добровольное изгнание с Земли, стояли и не отрываясь смотрели на теплоход, на океан, на небо — хотели наглядеться в последний раз.

— У нас еще много времени, — сказал Тюменев, словно в оправдание себя и других. — Постоим, посмотрим, пока скроется за горизонтом теплоход... — Молчание. — Великое дело — привычка. Сейчас самое низкое давление за все время прохождения звезды, а мы чувствуем себя удовлетворительно. Помните, были паникеры, которые предсказывали, что мир задохнется...

Краски заката давно угасли. Быстро темнеет. Теплохода уже не видно. Крепчает ветер, все выше вздымаются волны. Из-за темного горизонта на севере вдруг поднимаются два небольших, но ослепительно-ярких солнца. От места их восхода до гидростата проливается золотистая полоса. Звезда напоминает о себе, смотрит на людей своими злове-

щими глазами — голубым и красным. И трое людей, ослепленные ее светом, словно загипнотизированные, не могут отвести от нее глаз.

Волна, поднявшаяся выше мостика, бросает к ногам людей шипящую пену. Это выводит их из столбняка. Стоять на мостике становится опасно.

— Ну, что же, пора сходить вниз. Распоряжайтесь, товарищ Савич. Прощай, Земля!

Савич открывает люк.

— Осторожнее сходите, — предупреждает Савич, спускается последним и наглухо завинчивает люк. Мимоходом зажигает электричество. Лампочки загораются на всем протяжении трапа, на всех этажах. Верхний этаж забит до отказа ящиками, бидонами, большими металлическими банками — продовольствием.

Отопление еще не работает, в гидростате прохладно после душного воздуха экватора.

С легкостью обезьяны цепляясь за край трапа, Савич опережает Тюменева и Архимеда, минует жилые каюты с подвешенными у стен койками, помещение для механизмов и проникает в центральный отсек. Пускает генератор, дает полный свет, включает электропечи, аппараты, дающие кислород и очищающие воздух. Гидростат оживает. Слышатся гулы, жужжание, ритмические шумы. Яркие лампы освещают сложные приборы, легкие металлические кресла... Становится тепло и уютно. От стены до стены пять шагов. Тесновато, но удобно. Все под руками.

Тюменев улыбается и от удовольствия потирает руки. Теперь звезда может вырывать у Земли часть океанской воды.

Тюменев проверяет, все ли в порядке — иллюминаторы, перископы, сложная оптика, позволяющая хорошо видеть, что делается за толстыми двойными стеклами гидростата, проверяет «видящие» зоны поверхности на оболочке гидростата — мельчайшие фотоэлементы, покрывающие сплошным поясом наружную стенку гидростата вокруг камеры наблюдения. Сильные прожекторы, вынесенные наружу, хорошо освещают картины подводного мира. Все в порядке. Прекрасно действуют и остроумные приспособления, предохраняющие наружные «фотоглаза» от наседания слизи, ракушек, «водяной пыли» живых и мертвых микроорганизмов.

Тюменев видел, как за стеной беспорядочно метались рыбы. Но старого астронома больше интересовало то, что делается на поверхности.

Через верхний перископ он увидел остров Гуам, хорошо освещенный звездой. Прилив быстро погружал остров в пучину океана. Океан мерно поднимался и опускался, и каждый последующий подъем был выше предыдущего. Шла последняя борьба сил притяжения — звезды и Земли. Вид неба и океана становился страшен. Маленькие Красное и Голубое солнца на ночном небе, соединяя свои лучи, освещали землю зловещим фиолетовым светом. Океан стонал, кряхтел, вздымаясь все выше и выше, как лошадь, которую резкими ударами поднимают на дыбы. Стихии воды и неба словно обезумели. Волны взбрасывались вверх на невероятную высоту, пробивая тучи. Друг за другом гонялись огромные циклоны. Обрывки туч гонялись за циклонами и друг за другом, соединялись, разрывались, разлетались, поднимались, падали, смешивались с волнами и пеной. Границы неба и земли стирались. Водяные массы вздымались, закручивались жгутом, как солнечные протуберанцы, и неизвестно было, падала ли верхушка этих водяных протуберанцев в океан или же уносилась в безвоздушное пространство.

Тюменев был захвачен этими страшными, но величественными картинами, которые напоминали ему описания первых дней земного шара.

— Изумительно! — ежеминутно восклицал он. — Если вообразить, что это не океан и воздух, а огненная стихия раскаленных газов, то мы получим первую картину того далекого времени, когда возле нашего солнца прошла неведомая звезда и вырвала с его поверхности огненные массы, из которых и образовались потом планеты.

А вы ощущаете, какая легкость во всех членах? Звезда поднимает нас невидимыми силами, и мы теряем вес. Да, да. Сейчас я мог бы одной рукой поднять тебя, Архимед! — продолжал Тюменев говорить, не отрывая глаза от перископа и размахивая руками.

Когда волна заливала перископ, Тюменев волновался, нетерпеливо ожидая, когда видимость восстановится. Гидростат с наполненными воздухом камерами держался на поверхности бурного океана как поплавок.

— Ну, ну, нажми еще немного! — поощрял Тюменев звезду. — Еще одно усилие — и ты вырвешь из океана маленькую водяную планетку, подобно тому, как твоя сестра некогда вырвала из недр Солнца кусок его огненной материи. Нажми же еще немного, поднатужься.

Савича и Архимеда очень забавляло никогда не испытанное ощущение потери веса собственного тела. Они приподнимали друг друга, сдвигали вещи, подпрыгивали к потолку.

Во время этой возни они и не заметили, как в разноголосое пение аппаратов и машин ворвался новый звук — глухой шум.

— Что такое? Я больше ничего не вижу. В чем дело? Перископ испортился? — с волнением воскликнул Тюменев.

— Товарищ Савич, где включатель подводного прожектора? — спросил Архимед. — Ах, вот он. — Турцев повернул включатель.

Через две секунды стены стали «прозрачными», и путешественники увидели рыб, быстро проносящихся снизу вверх.

— Мы падаем! Опускаемся! — уже с ужасом воскликнул Тюменев. — Почему? Странно. Непонятно. Что произошло?

Савич уже понял и бросился к механизмам, управляющим наполнением и откачкой воды в балластных цистернах. Если гидростат начал погружаться, значит, балластные цистерны наполнились водой. Но каким образом? Быть может, за время возни он сам или Архимед задели ручку, а быть может, и звезда своим притяжением расстроила работу механизмов. Выяснять времени не было. Савич спешил освободить цистерны от воды, после чего гидростат должен был всплыть.

Потекли томительные секунды, которые решали судьбу экспедиции. С каждым метром погружения уменьшалась надежда на полет. Волнение Тюменева достигло высшей степени. Он тяжело дышал, побледневшее лицо покрылось потом. Если бы его тело не потеряло значительную часть своего веса, он не устоял бы на ногах. С широко раскрытыми глазами и тоской смотрел он на рыб, поднимающихся вверх, словно они уже летели на звезду, в то время как он оставался пленником Земли.

Наконец лицо его оживилось, и уже с радостным волнением он воскликнул:

— Ага, смотрите. Рыбы начали медленнее подниматься вверх, значит, наше опускание замедлилось. Балластные цистерны освобождаются от воды... А вот рыбы начали уже опускаться. Мы поднимаемся. Поднимаемся. Архимед! Великолепно. Интересно знать, оторвались ли мы от Земли или нет. Нам надо всплыть на поверхность, тогда мы уж наверно улетим в небо. А быть может, мы уже летим?

— Летим, дядюшка. Смотрите! — Архимед показал на «прозрачную» стену. Видны были звезды, глубоко внизу лежал океан.

— Летим! И как незаметно. Красота. Вот именно! — восторженно воскликнул Тюменев.

— Летим! — сказал Турцев так просто, словно они находились в дачном поезде.

— Летим! — со вздохом отозвался Савич. Ему взгрустнулось. Он уже раскаивался в том, что пустился в это рискованное путешествие.

11. ЛЕДЯНОЙ МЕТЕОРИТ

Уголок звездного неба и океан, лежащий глубоко внизу, были видны недолго. Вырванная звездою часть океанской воды быстро пролетела через зону земной тени. На одной стороне гидростата ослепительно блеснуло солнце, другая

сторона была погружена в густую тень. Затем сторона, освещенная солнцем, погрузилась в зеленоватые сумерки.

Участники экспедиции старались определить, что с ними происходит.

В момент отрыва от Земли гидростат находился на поверхности водяного веретенообразного тела, и путешественники могли видеть несколько мгновений океан, звезды, солнце. Затем, по законам всемирного тяготения, веретенообразное водяное тело должно быстро превратиться в шарообразное, а гидростат, как более тяжелый, потонуть — опуститься к центру водяной планетки. Наступили зеленые сумерки.

Но вот зеленоватый сумеречный свет стал приобретать оттенок белого матового стекла. Что случилось? Савич не был астрономом и с вопросом поглядел на Тюменева.

Иван Иванович зажег самый сильный прожектор, осветив теневую сторону.

— Сейчас начнется, смотрите, — пригласил он своих спутников. — Видите, рыбы, наши невольные спутники, плавают все медленнее, словно засыпая. Догадываетесь, почему? Их начинает пробирать холод мирового пространства.

— А потом он доберется и до нас? — с испугом спросил Савич.

— Посмотрим, — неопределенно ответил Тюменев.

Архимед рассмеялся и стал объяснять:

— Еще никто не летал в таких необычайных условиях, и трудно сказать с полной уверенностью, что с нами будет. Теоретические расчеты говорят о том, что водяная планетка должна была захватить с собою и часть земной атмосферы. Но слой ее слишком тонок, чтобы предохранить нас от мирового холода. К тому же масса нашей водяной планетки очень мала, она не сможет удержать эту атмосферу своим притяжением...

— Одним словом, наш водяной пузырь превратился в ледяной метеорит — и это исключительный, если не единственный случай в небесах! — воскликнул Тюменев.

— Но что же будет с нами? — спросил Савич.

— Надеюсь, ничего страшного, — ответил Тюменев. — Стенки гидростата хорошо удерживают тепло. Да еще мы получим добавочный изолятор в виде ледяной скорлупы. Вы же знаете, что лед — плохой проводник тепла.

Но эта ледяная скорлупа не раздавит нас сжатием? — не унимался Савич.

— Вы знаете, какое давление может выдержать корпус гидростата, — ответил Тюменев. — Но на всякий случай я принял свои меры еще в Ленинграде, когда мы приспосабливали гидростат к небесному путешествию. Тогда многое вам казалось непонятным, я же предполагал, что нам придется иметь дело со льдом.

И Тюменев объяснил, какие он принял меры предосторожности. Гребной винт льдом мог быть и сломан, и Тюменев заменил его гидрореактивным двигателем — струями воды, вылетающими под большим давлением. «Гидростат теперь движется, как каракатица. Надежно. Струю воды не сломаешь». Главное же, на оболочке гидростата были проложены пластины, нагревающиеся электричеством. И они очень пригодились.

Рыбы за стеной плавали все медленнее и наконец замерли. Вода превращалась в лед. На теневой стороне толстые кварцевые стекла иллюминаторов изнутри покрылись красивыми пушистыми ледяными узорами. В гидростате похолодало — или так показалось Савичу. Он поспешил повысить температуру.

— Вы лучше прогрейте внешнюю оболочку гидростата, это замедлит замерзание, — сказал Тюменев.

Савич повернул выключатель.

Скоро лед за стеклами начал таять. Показалось темное тело молот-рыбы. Она вяло двинула хвостом — начала оживать.

— На солнечной стороне вода еще не замерзла. Направляйте гидростат прямо к солнечному пятну. Дайте полный ход! — командовал Тюменев.

Савич и Архимед привели в движение механизмы. Гидростат пошевельнулся, как ожившая молот-рыба, повернулся вокруг малой оси и двинулся вперед, сначала мед-

ленно, а затем все быстрее. Матовый свет впереди становился все ярче.

— Задний ход! — кричит Тюменев. В этот же самый момент путники видят сквозь стенки гидростата ослепительное белое Солнце нашей Земли и на другой стороне — два солнца поменьше: Красное и Голубое. Внизу почти весь небосклон занимает полуземие — половина земного шара, освещенная Солнцем. Отчетливо видны очертания Африки. Европа покрыта облаками.

А позади гидростата они увидели ослепительно блестевший ледяной метеорит, покрытый белой, как вата, атмосферой из испаряющегося льда и остатков земного воздуха, превратившегося в тонкие ледяные кристаллы. Звезда Абастумани освещала одну сторону ледяного метеорита розовым светом.

Черное небо было сплошь усеяно крупными и мелкими, как пыль, разноцветными, немигающими звездами.

Красота и необычайность открывшейся картины поразили путешественников, но любоваться картинами неба не было времени. Все понимали опасность положения, желая только подняться на поверхность, но, не рассчитав быстроты движения гидростата, путники вылетели из водяной планетки, превращавшейся в ледяной метеорит, и по инерции понеслись в мировое пространство.

Что будет с ними без ледяного метеорита? Откуда добудут они воду для питья, кислород для дыхания?

Архимед уселся на стене — в этом странном мире не было верха и низа, — вынул записную книжку, карандаш и углубился в вычисления. Вес гидростата известен. Но какова масса ледяного метеорита? С какой быстротой вылетел гидростат из воды, теперь уже превратившейся в лед? Надо было хоть приблизительно подсчитать это, чтобы решить, хватит ли «сил» у ледяного метеорита притянуть гидростат обратно, или же путники навсегда потеряли ледяную планетку.

В то же время Тюменев, паря в воздухе посреди гидростата над ненужными теперь креслами, решал другую практическую задачу.

— Савич, велики ли у нас запасы воды? — спросил он.

— Смотря для чего. Для питья и кислорода на месяц хватит, — ответил Савич. Он висел головою к полу, прицепившись стопой ноги к поручню трапа, — отсюда ему была хорошо видна Земля. — А что вы задумали, Иван Иванович?

— Не пустить ли нам в ход гидрореактивный двигатель. Ну, хотя бы только для того, чтобы повернуть гидростат и направить его полет к звезде Абастумани. Тогда мы будем лететь вместе с ледяным метеоритом, хотя и разделенные от него пространством. Но взаимное притяжение будет все время сближать нас, и, может быть, мы соединимся с нашей планеткой прежде, чем у нас иссякнет запас питьевой воды и кислорода.

Архимед стукнул карандашом по записной книжке и выбил ее из рук. Книжка отлетела к противоположной стене, ударилась о стену и прилетела в обратном направлении. Архимед ловко поймал ее на лету.

— Дядюшка! — воскликнул он. — Это, конечно, очень грубый, приблизительный подсчет. И по нему выходит, что мы должны упасть обратно на ледяной метеорит. Но боюсь, у нас иссякнут вода и кислород прежде, чем это произойдет.

— Вот именно! Надо рисковать! — воскликнул Тюменев. — Мы выбросим в мировое пространство несколько декалитров воды, но зато, получив несколько толчков, наш гидростат может сразу приблизиться к ледяному метеориту.

— Но раньше мы должны отделить запас воды, необходимый для нашего существования в продолжение хотя бы десяти дней, — предложил Савич.

Все согласились с этим предложением. Но, когда «потребительский» запас был выделен, оказалось, что воды осталось на четыре импульса реактивного двигателя.

— Четырьмя выстрелами сильно сжатой воды мы должны достигнуть цели, — сказал Тюменев.

В два приема нужно было повернуть гидростат почти на сто восемьдесят градусов, в один импульс — дать направление к ледяному метеориту, один импульс оставался запасным.

Увы, как ни старались Савич и Архимед, запасной импульс пришлось истратить уже при повороте, так как при первом же выбросе воды гидростат вдруг завертелся колесом, пришлось дать контрудар, чтобы только остановить это вращение. Лишь третьим импульсом гидростат занял нужное положение. Оставался последний импульс, который должен был сблизить гидростат и ледяной шар.

Савич взялся за рычаг, вздохнул и снял руки с рычага — у него не хватило решимости. Архимед повернул рычаг. Сильный толчок. Наученный опытом первых импульсов, Тюменев держался за трап, и его не отбросило в сторону. Как только справились с толчком, все, затаив дыхание, начали наблюдать за движением гидростата и ледяной планеты. На глаз казалось, что гидростат и шар идут параллельно, не сближаясь. Но глаз мог обманывать. Архимед взялся за инструменты и вычисления. Не прошло и получаса, как он сделал доклад о результатах. Вычисления показали, что гидростат шел к ледяному метеориту под углом, но очень незначительным. Встреча с ледяным метеоритом должна произойти через двенадцать дней, четыре часа, восемнадцать минут.

— А у нас запасов воздуха и воды на десять дней, — сказал Тюменев. — Надо подумать, как выйти из положения.

Без кислорода человек может прожить немногим больше двух минут, без воды — значительно больше. И потому решили оставшуюся морскую воду переработать главным образом в кислород для дыхания. Правда, было еще несколько баллонов сжатого кислорода, но пользоваться им решили только в крайнем случае. Кроме того, для питья сохранилось еще несколько бутылок боржома, захваченных Тюменевым. Жидкость в виде супов, соусов, подлив находилась в различных консервах.

— При экономии выдержим, — заключил Тюменев и, покончив с этим делом, взялся за астрономические наблюдения.

12. НЕБОЖИТЕЛИ

Архимед посмотрел на карманные часы и очень удивился: со времени отлета с Земли прошел всего час, а сколько произошло волнующих событий!

Небесное путешествие началось. Тюменев, Савич и Архимед по праву могли называть себя небожителями.

Но нельзя сказать, чтобы эта жизнь в небе была вполне приятна и уютна. Отсутствие привычного веса собственного тела и окружающих вещей, отсутствие земного притяжения, ясно разграничивающего «верх» и «низ», причиняли много мелких бытовых неприятностей.

Достаточно было неосторожно притронуться, и вещи улетали из-под руки. Они не падали вниз, на пол, а беспорядочно метались по всему помещению. Нарзан не выливался из бутылки в стакан, а, вытряхнутый толчком, собирался в большие и малые шары, которые висели в воздухе. Нелегко было поймать эти шары и отправить в рот. Приготовление пищи, еда, питье требовали большого внимания, ловкости, сноровки. Даже передвижение по гидростату доставляло много хлопот. Ходить уже нельзя было, приходилось перелетать, отталкиваясь от пола, потолка, стен. Иногда при недостаточно сильном толчке прыгун беспомощно повисал в воздухе, и требовалась посторонняя помощь, чтобы пришвартовать его к какому-нибудь борту.

Тюменев раздражался, когда небольшая подзорная труба или спектроскоп улетали от него или сдвигались с места от одного его дыхания. Но в конце концов все привыкли жить в мире невесомого. Необычайное становилось бытом.

Гидростат медленно сближался с ледяным метеоритом.

Но последние два дня, шесть часов, восемнадцать минут были очень тягостны. Ледяной шар, белый и блестящий, находился совсем близко от гидростата. Вблизи он казался планеткой внушительной величины, занимавшей значительную часть небосклона. Но подвинуть гидростат к планетке уже не решались. Приходилось набраться терпения.

При всей экономии воды не хватило, кислородный паек был убавлен, и путники испытывали на себе все признаки

кислородного голодания: голова болела, в висках шумело, сердце билось неровно, утомляемость чрезвычайно повысилась, появилось чувство апатии, вялости, безразличия.

А между тем перед посадкой на ледяной метеорит надо было иметь совершенно свежую голову и упругие мускулы. При неудачном толчке о ледяной шар гидростат вновь отскочит, и, если даже не надолго, это могло кончиться катастрофой.

Поэтому Тюменев распорядился за несколько минут до посадки усилить приток кислорода за счет аварийного баллона.

Все ожили и бодро готовились к посадке. Она произошла так плавно, что люди едва заметили толчок. Все трое радостно вскрикнули. Савич разогрел полосы из сплава меди и никеля на внешней оболочке гидростата. Лед подтаял, гидростат одной стороной немного погрузился в лед, быстро превращавшийся в воду.

А безотказно работающие аппараты уже втягивали эту морскую воду по трубкам в гидростат, превращали в чистую питьевую воду и живительный кислород.

Тюменева беспокоило только одно: по мере потребления льда-воды гидростат должен все ниже опускаться в ледяную планетку.

Но скоро выход был найден: нижняя часть гидростата нагревалась сильнее и потому уходила в лед, верхняя же часть оказывалась приподнятой.

Когда плавление льда и набор воды бывали закончены, вода под гидростатом еще не замерзала, давался легкий толчок гидрореактивным двигателем, и гидростат выскакивал из образовавшейся под ним ложбины на поверхность.

Путники могли спокойно двигаться к звезде. Радио работало безукоризненно, и Савич регулярно сообщал Земле о ходе перелета и о научных наблюдениях Тюменева, который уже успел сделать несколько больших открытий.

13. МАСТЕРСТВО АРХИМЕДА

Звезда все дальше улетала от нашей Солнечной системы. На Земле водворялся нарушенный порядок. Утихали бури, улеглись приливы, люди вздыхали с облегчением и говорили:

— Могло быть и хуже.

А ледяная планетка и гидростат с заключенными в нем тремя людьми неслись с возрастающей скоростью по исчисленному Архимедом пути навстречу планете Бета. Чем ближе подлетали спутники к звезде Абастумани, тем больше становились два солнца и тем дальше уходило Красное солнце от Голубого. Уже трудно было представить, что эти два солнца, находящиеся на неизмеримо большом пространстве друг от друга, составляют двойную звезду.

Водяная планетка летела по направлению к Голубому солнцу, и потому оно скоро начало казаться большим, чем Красное, хотя на самом деле большим было Красное.

Уже невооруженным взглядом можно было видеть планеты Голубого солнца — Альфу и Бету, но луну еще трудно было различить.

Во время полета путешественники строго распределили занятия: Тюменев вел астрономические наблюдения. Архимед вычислял. Савич совмещал в своем лице бортмеханика и радиста. У Савича оставалось больше свободного времени, чем у других: управлять полетом не нужно было, об этом «заботилась» звезда: механизмы, снабжающие путников кислородом и водой, работали исправно. Радиопередача и прием отнимали не более четырех часов в сутки.

Все вычисления Архимеда оказались правильными. Ледяная планетка благополучно пересекла орбиты Марса, астероидов, Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна. Крайняя из планет нашей Солнечной системы — Плутон — проходила в это время сравнительно недалеко от ледяной планетки и своим приближением искривила путь ее полета, направив в сторону Голубого солнца. Все это заранее было предвычислено Архимедом. Тюменев успел сделать над Плутоном ряд наблюдений и сообщил их на Землю.

Только один момент Турцев немного волновался — это когда ледяная планетка находилась в «критической точке» между притяжениями Голубого и Красного солнц. Голубое было ближе, но масса его меньше. Красное — дальше, но масса его больше, и это почти уравнивало их силы. Тончайшими исчислениями Архимед еще на Земле пришел к выводу, что победить должно Голубое солнце. Но все же был момент, когда ледяная планетка как будто задумалась, заколебалась, в какую сторону направить путь: влево — к Голубому солнцу, или направо — к Красному. Для людей путь направо был путем смерти. По расчетам Архимеда, если бы победило притяжение Красного солнца, ледяная планетка упала бы прямо на это солнце. Но высшая математика и высокое мастерство владения ею не подвели Архимеда: ледяная планетка, пролетев некоторое время в опасной зоне, решительно свернула к Голубому солнцу.

А пока ледяная планетка будет приближаться к Голубому солнцу, его планеты, как высчитал Архимед, должны занять такое положение: крайняя — Альфа — будет находиться на противоположной стороне орбиты за Голубым солнцем, а Бета подойдет так близко, что почти пересечет путь ледяной планетки. Остальное докончит притяжение Беты.

Постепенно Голубое солнце становилось все меньше, а Бета росла и скоро уже казалась огромным месяцем, раскинувшимся на полнебосклона. Приближался интересный, но опасный момент — спуск на планету Бета.

14. ПЕРЕД ПОСАДКОЙ

По мере приближения к Голубому солнцу его свет и тепло ощущались все больше. В гидростате уже можно было работать и даже читать, не зажигая электрических ламп. Странен был этот свет — голубой с зеленоватым оттенком. В первое время лица казались бледно-зелеными, страшными. Но постепенно глаза привыкли, и лица друг друга казались путникам уже обычными.

Все ощутимее были и тепловые лучи, посылаемые в ми-

ровое пространство Голубым солнцем. Уже можно было погреться, сидя у иллюминатора, словно в лучах первого весеннего солнца.

Ледяная планетка стороной, обращенной к Голубому солнцу, начинала плавиться, на теневой же стороне еще была крепкой.

Но постепенно вся ледяная планетка растаяла и снова превратилась в водяную. Гидростат опустился к «центру Земли», окутанный зелеными сумерками.

Савич зажег прожектор. Все с интересом наблюдали, как оживают в потеплевшей воде рыбы, как возвращается к ним быстрота движений.

— Вот бы ухи наварить! — сказал Савич.

— Именно! — отозвался Тюменев. — Как врежемся в атмосферу Беты, вся наша водяная планетка закипит и превратится в котел с ухой.

— А мы не сваримся? — хотел спросить Савич и удержался, вспомнив о том, что стенки гидростата совершенно нетеплопроводны.

— Ухи поесть — это действительно было бы неплохо, — продолжал Тюменев, большой любитель рыбы. — Почему бы нам и не наловить рыбы?

Архимед и Савич охотно приняли это предложение. Как ни интересно было путешествие, жизнь в гидростате протекала однообразно, а тут предстояло такое необычное развлечение. Молодые спутники Тюменева поспорили, как ловить рыбу: сетью или острогой — то и другое надо было еще сделать из имеющихся материалов. Решили — острогой.

Вооружившись, Архимед и Савич в водолазных костюмах вышли из гидростата через люк верхней легкой надстройки.

Голубое солнце уже довольно ярко пронизывало небольшую водяную планетку, внутри которой метались рыбы. Некоторые из них, уходя от остроги, выскакивали над поверхностью планетки, тотчас разрывались от внутреннего давления и медленно падали вниз.

Охота была удачная. В этот день путешественники лако-

мились свежей рыбой, делились впечатлениями и обсуждали план, как лучше прикрепить к гидростату парашют, необходимый для посадки, чтобы он раскрылся уже в верхних слоях атмосферы Беты — иначе рывок будет слишком сильным, стропы не выдержат, лопнут, парашют оторвется[1].

На другой день Архимед, окончив ежедневные вычисления и произведя астрономические наблюдения, заявил, что до посадки осталось всего пять часов с минутами. Пора прикреплять парашют. Парашют хранился в верхнем отсеке, который мог наполняться водой.

Тюменев и Турцев, помогая друг другу, надели водолазные костюмы и ушли. Савич уселся возле аппаратов управления, закурил трубочку и задумался, что ожидает их в ближайшем будущем. Савич посмотрел сквозь стену. От нее веяло теплом, и светилась она зеленовато-голубым светом. Солнце Беты уже близко. Самой планеты не видно — она где-то под ногами. Сквозь противоположную сторону стены видна яркая белая звезда. Это наше Солнце. Где-то возле него должна быть Земля. Савич вздохнул. Сказать по правде, он ужасно боится посадки...

Вдруг заговорил радиорепродуктор. Вести с Земли. С милой, родной Земли, которую сейчас невозможно даже разыскать в мировых просторах...

Какая-то американская радиостанция говорит о трех героях, которые решили улететь с Земли на звезду. «Тюменев, Турцев и Савич — вот три славных имени...»

Савич слушает, улыбается и даже прикрывает глаза от удовольствия. Как все-таки хорошо, что он принял участие в этой экспедиции...

— Ну, вот и мы! Дело сделано, — сказал Тюменев, входя. — А вы, кажется, дремлете? О чем это болтает радио? Англия? Америка?

— Я не спал, — ответил Савич. — У вас, кажется, ранена рука, Турцев?

[1]Станции «Марс» и «Венера» успешно использовали парашют для аэродинамического торможения при спуске в атмосфере другой планеты.

— Рука — пустяки, — ответил Архимед, наскоро делая перевязку. — Костюм водолазный разорвал, задев за железную скобу, это хуже. Вода начала проникать внутрь костюма. Пришлось перетянуть руку обрывком троса. Хорошо, что это случилось, когда работа была уже окончена.

— Великолепно, — сказал Тюменев, вылезая из водолазного костюма. — Парашют не подведет. Только бы не подвели шнуры.

— Разве товарищ Турцев не высчитал, какую нагрузку примут на себя стропы?

— Не надеть ли нам перед посадкой кислородные маски? Как ты думаешь, Архимед? Может быть, в атмосфере Беты есть какие-нибудь вредные газы.

— Но ведь в таком случае маски только отсрочат нашу гибель на несколько часов! — не удержался Савич.

— И отлично. На несколько часов! За несколько часов можно сделать массу научных наблюдений и сообщить о них по радио на Землю.

Турцев посмотрел в небольшой телескоп на Бету, глянул на часы, что-то проверил по записной книжке и сказал:

— Подлетаем. Как досадно, что мы упадем на теневую сторону планеты. Ничего не видно. Что лежит под нами? Горы? Лес? Океан?

— Дай я погляжу. Да. Темно. Вижу только одну зеленую точку. Быть может, освещенная вершина горы.

— Ну, что ж, давайте надевать маски. Пора! — сказал Архимед. — И я думаю, нам лучше улечься на койки. Когда парашют раскроется в атмосфере Беты, удар будет очень сильный.

Все надели кислородные маски, улеглись на койки и стали молча ожидать, как встретит их планета Бета.

15. САВИЧ ПОТРЯСЕН...

Напряженное молчание становилось невыносимым.

— Если бы нам посчастливилось упасть в воду, — сказал Савич.

— Я предпочел бы, чтобы наш гидростат упал в глину, — отозвался Тюменев.

— Но ведь не думаете же вы, что глина мягче воды, — возразил Савич.

— Думаю. Вот именно. Известно ли вам, что быстро летящая пуля пробивает утрамбованный снег на 350 сантиметров, глину — на 100, сосновые доски на 87, а воду — только на 80 сантиметров? Выходит, что при известных условиях вода может быть прочнее досок и глины, а вы — в воду!

— Но ведь в таком случае мы должны разбиться, куда б ни упали! — с отчаянием воскликнул Савич. И в тот же момент вскрикнул и упал на пол.

Ужасный толчок потряс весь гидростат. Вслед за первым толчком последовал второй, третий, четвертый, все более ослабленные, и, наконец, на пятом, довольно мягком, толчке гидростат остановился, мерно покачиваясь. Внезапно температура внутри гидростата поднялась почти до семидесяти градусов и еще продолжала подниматься. Послышалось ужасное шипение, скоро прекратившееся.

Путешественники почувствовали, как их тело стало тяжелым. Они уже привыкли к невесомости, и возвращение в мир тяжести было крайне неприятным. Мышцы ослабели за время путешествия, и теперь руки и ноги казались налитыми свинцом.

— Умираю. Задыхаюсь. Заживо сгораю... — стонал Савич, корчась на полу возле своей койки.

— Фу-фу... Да... Тепленько... трение о воздух... Фу... гидростат нагрелся, — отозвался Архимед со своей койки. Он говорил с трудом, тяжело переводя дыхание, но спокойно. — Вам помочь, Савич? Дядюшка! Как вы себя чувствуете?

— Непонятно. Совершенно непонятно, вот именно, — отвечал Тюменев, оказавшийся под столом, далеко от коек. — Да, жарко. Баня. Шведская парильня, вот именно. А? Ты о чем-то меня спрашивал, Архимед? Как чувствую? Скверно, то есть отлично. Великолепно. Удивительно. Живы. И даже как будто мало побиты. А? Чего там Савич стонет? Да. Совершенно непонятно...

— Что вам непонятно, дядюшка? Вставайте же, Савич. Температура больше не поднимается. А в самом деле непонятно. Мы живы. Не ожидал!

— Зачем, зачем, зачем я отправился в это идиотское путешествие? — шептал Савич, сжимая голову. — Кошмар...

— А? Что? Ты о чем-то спрашивал меня, Архимед? Непонятно. Да. Первый удар, допустим, рвануло при раскрытии парашюта. А второй? Третий? Четвертый? Обрывались стропы, что ли? А мы, кажется, угодили-таки в океан.

— И не разбились, — ноющим голосом заметил Савич. — А упади в вашу глину или на сосновые доски, наверно, от нас ничего бы не осталось.

— Ведь вот какой несносный мальчишка! — проворчал Тюменев и, вылезая из-под стола, закричал: — Я же говорил вам, упрямец, что все зависит от скорости. Парашют сильно уменьшил скорость нашего падения, вот почему мы и уцелели... Но эти удары? Отчего они могли произойти? Да совершили ли мы посадку, в самом деле? А? Может быть, все еще летим? Выключи свет, Архимед, надо посмотреть, что делается снаружи.

Свет в каюте погас. Кругом было совершенно темно. Когда глаза немного привыкли к темноте, в разных местах появилось слабое голубоватое свечение, то в виде движущихся мерцающих комочков, то подобное струйкам, текущим в разных направлениях.

— Может быть, это летают светящиеся насекомые? — высказал предположение Тюменев.

Савич наконец поднялся на ноги, подошел к распределительной доске и включил прожектор, но свет не вспыхнул, аппарат, помещенный снаружи, очевидно, был поврежден.

— Досадно, — сказал Тюменев. — Очень досадно. Однако смотрите, смотрите, смотрите.

Откуда-то появился очень слабый зеленоватый свет. И высоко над головой как будто засветилось зеленоватое небо. Отраженный свет падал и на поверхность океана, совершенно гладкую, лишенную волн и тем не менее мерно покачивающуюся, словно палуба огромного корабля. Горизонт казался очень близким и как-то сразу обрывающимся

черной полосой, за которой едва заметно мерцали вдали зеленоватые полосы — не то на небе, не то на «земле».

— На Бете ли мы? Не попали ли мы на одну из ее лун? — спросил Савич, во всем сомневающийся.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Бета должна напоминать собою Землю, как уверял Аркусов. Но то, что мы видим, не похоже ни на что земное, — ответил Савич.

— Куда мы попали, скоро узнаем. Что мешает нам выйти наружу? Кажется, мы уже все пришли в себя, начали здраво мыслить и нормально рассуждать... — Тюменев рассмеялся. — Ну, двигайтесь, Савич, полезайте на мостик, открывайте люк.

И все начали подниматься на узкому трапу.

16. «ЗДРАВСТВУЙ, БЕТА!»

Над головой показался голубовато-зеленый просвет. Тюменев приподнял маску, вздохнул и, убедившись в том, что воздух доброкачественный, снял ее. Архимед и Савич, следуя его примеру, также сняли свои кислородные маски.

— Хорошо дышится. Архимед, ты боялся, что крышка люка оплавится и запаяется наглухо, а перед нами готовая открытая дверь! — воскликнул Тюменев, остановившись перед широким проломом в верхней легкой надстройке гидростата.

Архимед поднялся выше Тюменева.

— Нет, — сказал он через минуту. — Крышка люка оплавилась, и нам нелегко было бы открыть ее, если бы неведомая сила не разворотила всю верхнюю надстройку гидростата. Но что это за сила, я, признаться, не пойму. Удар при посадке? Но ведь мы опускались нижней частью...

— Я понимаю теперь, что шипело, когда мы опускались! — воскликнул Савич. — Видите эту щель в стене гидростата? Это уже не надстройка, а корпус гидростата. Поняли?

— Начинаю понимать, — сказал Тюменев, — гидростат имеет двойные стенки. Между ними находился слой воды,

который предохранял от ударов — служил амортизатором. Так. Когда гидростат врезался в атмосферу, его наружная стена нагрелась...

— Вода закипела, и пар, не находя выхода, разорвал стенку гидростата, — перебил Савич.

— И вырвавшимся паром сорвало легкую верхнюю надстройку, — продолжал Тюменев.

Архимед уже поднялся на верхнюю площадку и сообщил Тюменеву:

— Все стороны целы. Парашют выполнил свое назначение прекрасно. Он лежит на воде, почему-то не тонет и даже совершенно сух. От водяной планетки, конечно, не осталось и следа. Она испарилась, а рыбы сгорели. Гидростат погружен почти до верхней надстройки и немного наклонен. Поверхность воды совсем близка.

— Можешь достать рукой? — спросил Тюменев.

— Попробую, — ответил Архимед. — Странно. Возле самой стенки гидростата я вижу какие-то наплывы. Словно застывшая вода...

— Ну, что же дальше? Что там еще? — нетерпеливо спросил Тюменев.

— Странно! Море на Бете липкое, как столярный клей, твердое и косматое.

Тюменев, а за ним и Савич поднялись на верхнюю площадку гидростата. Она была наклонена к поверхности моря градусов на двадцать. Поручни на площадке были сломаны, искривлены взрывом пара и сохранились неповрежденными только с приподнятой стороны.

— Да, парашют целехонек, — заметил Тюменев и посмотрел вверх. — А небо? Что это за небо? Я никогда не видал такого неба. Где же звезды? Где луна Беты? Вместо Млечного Пути широкая, ровная полоса, освещенная зеленовато-голубым светом. Смотрите, с левой стороны от горизонта до зенита свет довольно яркий, правая сторона в тени. С боков этой широкой полосы видны другие полосы, как будто повыше и ярче освещенные. Голубой свет исходит, очевидно, от Голубого солнца. Но не может же солнце

освещать сферу неба, да еще одну только половину, да еще полосами.

— Смотрите! Смотрите! В небе дыра!

Подняв глаза, Тюменев увидел, что в небе, как раз над их головой, действительно имеется кругловатое отверстие.

— Края дыры рваные, бахромой, а с бахромы спускаются какие-то нити, — сказал Савич.

Они помолчали в раздумье. Вдруг Архимед воскликнул:

— Хорошо, что я был осторожен и попробовал «застывшую волну» не рукою, а концом железного прута от поручней. Прут этот теперь и не вытащишь, прямо спаялся с «волной».

— Гм, да, клей. Крепчайший клей. Вот именно.

— А дальше, смотрите, вся поверхность «моря» покрыта какими-то длинными волосами или травою.

При голубом свете, который разгорался все больше, уже хорошо были видны эти «волосы». Каждый «волос» был с палец толщиною у основания, вершина же тонкая и острая, высота — не менее метра. И «море» казалось уже не морем, а беспредельной степью, поросшей «ковылем».

— Итак, мы попали не в воду, а на поверхность степи со странной растительностью. Почва здесь, наверно, глинистая, глина и смягчила удар лучше, чем это могла бы сделать вода. Я же говорил вам, что вода мягка только до тех пор, пока вы с силою не ударитесь о нее. Летчики хорошо знают это, — нравоучительно сказал Тюменев, поворачиваясь к Савичу.

— Вовсе не в глину мы попали, а в какую-то смолу, может быть, от наших сосновых досок, о которых вы говорили, — не уступал Савич.

— Клей — непонятная случайность. Кстати, о клее. «Волосы» не клейки, Архимед?

— Нет, дядюшка. Я пробовал рукою, не клейки, но имеют зубчики, и, если провести рукою сверху вниз, можно обрезаться, как осокой. Нужно быть осторожным. — Архимед нагнулся, протянул руку, схватил один «волосок», притянул к гидростату и отпустил. «Волосок» отклонился назад, как пружина.

— Действительно, этот «волосок» похож на китовый ус. Итак, мы можем безопасно сойти на землю. Гоп! — Тюменев прыгнул с мостика через наплыв, но каблуком левого ботинка попал в клей и тотчас приклеился. Беспомощно задергал он ногой, но ничего не помогло.

Архимед и Савич прыгнули на землю более удачно и, ухватив профессора за руки, начали тянуть изо всей силы, как «дедка репку».

— Стойте! Вы меня оторвете, а нога останется в клею, — взмолился Тюменев.

Но осталась в клею не нога, а каблук, он щелкнул и оторвался.

— Фу! Ну и клей. В такой упадешь — пропадешь. Но все-таки, куда мы попали? А?

Вдруг между «небом и землею» начали струиться ручьи синего света. Синие клубки и ленты запрыгали, зазмеились на прутьях разрушенных поручней, сами прутья загудели, синие комочки, с легким треском, начали перескакивать от Тюменева к Архимеду, от Архимеда к Савичу. Концы пальцев засветились.

Скоро синие светящиеся ручейки и комочки словно растаяли в голубом свете.

— Идем осматривать наши новые владения! — воскликнул Тюменев и зашагал по необъятной прерии, густо утыканной «хлыстами». Почва медленно поднималась и опускалась.

— Здесь, кажется, существует хроническое землетрясение, — сказал Савич, едва поспевая за Тюменевым.

Через полчаса быстрой ходьбы путники подошли к тому краю, который казался горизонтом с темной каймой над ним, если смотреть на него, стоя возле гидростата.

В этот момент половина небосклона ярко осветилась великолепным сапфировым светом, а на другой половине небосклона заиграл рубиновый луч. Неосвещенные места казались серебристо-серыми с фиолетовым оттенком.

— Что за красавица эта Бета! — с восхищением воскликнул Тюменев.

— Да, изумительно красивое зрелище, — сказал Архимед.

— Видали вы что-нибудь подобное? — печально проговорил Савич. — Смотрите. Брюки разорвал. Как ножом разрезала трава проклятая.

Тюменев стоял на краю «горизонта» и смотрел вверх, вниз, вдаль. Он видел неизмеримо большие полотнища, уходящие в одну сторону и «этажами» нависающие одно над другим. На расстоянии сотни метров виднелся заостренный конец одного такого полотнища. Все они медленно колебались.

— Ну-с, друзья мои, надеюсь, вы поняли, куда мы попали?

— На планету Бета, если не ошибаюсь, — сказал Савич.

— И эта планета, кажется, вся состоит из каких-то оболочек, как кочан капусты, — с улыбкой добавил Архимед.

— Вот именно, как кочан капусты, — согласился Тюменев. — И все это в высшей степени странно.

— В конце концов, мы упали не в море и не в степь, а, кажется, на вершину леса, — сказал Архимед.

— Пожалуй, что так. Но какой это странный лес. Он напоминает огромные подводные водоросли, только эти еще более гигантских размеров. — Тюменев рассмеялся. — Выходит, что мы стоим на листе. Ну, что же, эта гипотеза хорошо все объясняет. Во-первых, — и он загнул палец на левой руке, — почему мы ощутили ряд ударов при посадке? Потому что эти гигантские листья упруги и чрезвычайно эластичны. Мы пробили гидростатом несколько листов и, кажется, в пятом застряли. Вот откуда, — и Тюменев продолжал загибать пальцы, — и «дыра в небе». Застывшая волна, наплыв «клея» — это, очевидно, сок растения. Того же происхождения и нити, свисающие с «неба» по краям дыры.

— А «волосы», значит, ворсинки на поверхности листа, — сказал Архимед.

— Ну, конечно. Вот именно. Так оно и есть. И если подумать, все это совсем уж не так необычайно. Ведь и у нас в океанах растут гигантские водоросли. Здесь же этакие ламинарии, но еще больших размеров, растут на поверхности. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить,

что атмосфера на Бете плотнее земной, а тяжесть значительно меньшая, влажность и температура выше. Разные условия и создали иной растительный мир.

— Да, и нам нужно будет так или иначе сбросить вниз гидростат, — заметил Архимед. — Ведь в нем находятся запасы пищи. Неизвестно, что мы найдем на планете и чем будем здесь питаться.

— Но ведь если мы не найдем на вашей планете ничего съедобного, если ваша Бета будет настолько негостеприимная, что не накормит нас, то... — Савич не успел договорить, Тюменев перебил его:

— То мы умрем с голоду. Вот именно. Кто о чем, а Савич о семидесяти семи смертях, отовсюду нам угрожающих.

— И как же мы сойдем вниз, — не унимался Савич. — Не станем же мы прыгать, как кузнечики, с листа на лист, хотя здесь мы весим и меньше, чем на Земле.

— Стойте! Смотрите! Это что еще такое?

Все оглянулись и застыли от удивления.

Яркий изумрудный свет заливал прерию. Она тихо покачивалась. Через коричневый ковер протянулась цепочка. Каждое звено этой цепочки было похоже на большую жемчужину, отливающую матовым червонным золотом. Все эти «жемчужины» пересекали коричневую прерию, направляясь из теневой стороны к ярко освещенной.

Молчание длилось несколько минут.

— Они движутся. Живые существа. Наверно, насекомые, — тихо и взволнованно сказал Тюменев.

17. НА ЛИСТЕ-САМОЛЕТЕ

План работ был таков: освободить гидростат, плотно вклеившийся в пробоину гигантского листа, сбросить вниз и спуститься самим. Работа была трудная и опасная: того и гляди влипнешь в вытекающий густой клейкий сок. Работали ручною пилою, топором и киркою. На очистку инструментов от клея уходило больше времени, чем на саму работу. Несмотря на всю осторожность, костюмы и руки у

всех были перепачканы клеем. И после многих часов работы гидростат еще находился на старом месте.

Во время этой работы удалось сделать интересное открытие. Мясистый лист имел в толщину восемьдесят сантиметров. Несмотря на то что на Бете все тела весили меньше, чем на Земле, трудно было понять, каким образом эти гигантские толстые, широкие и длинные листья держатся на воздухе. Их стволы или черешки находятся где-то вдали, и, конечно, черешок не может поддержать лист, имеющий около километра ширины и несколько километров длины. И вот оказалось, что внутри мясистой массы листа находится множество мешков, или, вернее, пузырей, наполненных газом — водородом, — как определил Тюменев.

— Удивительно интересный пример приспособления, — сказал Тюменев.

— Да, занятно. Каждый лист — своего рода ковер-самолет, — заметил Архимед.

Когда, отдохнув, люди явились к месту работы, они с огорчением увидели, что их труды пропали даром: наплывший сок целиком заполнил прорубленное возле гидростата отверстие... Все стояли молча, думая, что делать дальше.

— Профессор, мне пришла в голову мысль, и, кажется, неплохая! — вдруг воскликнул Савич. — Я думаю, нам нужно изменить план наших работ, — начал Савич. — Мы предполагали освободить гидростат и сбросить его вниз. Но это оказалось труднее, чем мы ожидали. Притом сразу же на землю — будем называть почву Беты по-земному — нам сбросить не удастся. Гидростат упадет на нижележащий лист. Нам придется по черешку и стеблю перебираться на этот лист и повторять эту работу сызнова. И так лист за листом. А сколько их внизу? Ведь земли мы не видим, только листья да листья. Кочан капусты, как правильно сказал товарищ Турцев. С большими усилиями, быть может, через несколько дней, мы сбросим гидростат на землю и спустимся туда сами. Дальше что? Этот лес тянется, по-видимому, на многие десятки, а может, и сотни километров. Если в этом лесу нет пищи, мы принуждены будем находиться вблизи гидростата, по крайней мере, пока не истощатся

его пищевые запасы, или же идти на риск, а именно: захватив с собою небольшое количество продовольствия, идти разыскивать выход из леса. Наконец, ваши астрономические наблюдения, профессор. Ведь ради них главным образом мы и прибыли сюда. Над нашей же головой не небо, а какие-то полотнища. Не будете же вы, простите, как букашка, лазать на самый верхний лист, чтобы поглядеть на небо!

— Но у нас нет другого выхода. Мы должны спуститься. Что же вы предлагаете взамен? — спросил Тюменев.

— Бросить эту работу, пока гидростат еще не провалился на нижележащий лист, — ответил Савич.

— Бросить работу проще всего. А вот дальше что? — нетерпеливо спросил Тюменев.

— А дальше нам надо будет найти черешок, которым наш лист прикреплен к стеблю, перерубить черешок — это легче и скорее, чем вырубать из листа гидростат, — и затем... затем пусть наш лист летит по воле ветра, если он действительно лист-самолет. А ветра достаточно. Нас вынесет из леса на открытое место.

— Гм... гм... А ведь это не глупо. Молодец, Савич. Только позвольте, а как же мы будем опускаться, когда найдем нужным это сделать?

— Опускаться?.. — Савич смутился. — Можно будет... понемногу отрезать часть листа... Количество водородных пузырей уменьшится...

— Но одновременно уменьшится и вес нашего листа-самолета, — возразил Тюменев, — а при его огромных размерах нам, пожалуй, придется работать слишком долго, прежде чем...

— Я думаю, простите, дядюшка, я перебиваю вас, нам удастся опуститься вниз. Как вы полагаете, чем объясняется плавное покачивание листа? Ветром? Не думаю. Скорее всего это покачивание зависит от состояния газа, заключенного во внутренних пузырях. Когда лучи солнца падают на лист и нагревают его, газ расширяется, его подъемная сила увеличивается. Закрывает солнце облака, наступает тень, лист, а вместе с ним и водород охлаждаются, и лист опускается. Разве вы не заметили этой закономерности?

— Пожалуй, ты прав, но только не вполне, — возразил Тюменев. — Заметь, мы прилетели на заре, в утреннем холодке, а листья не лежали на земле, как должно было быть по твоей теории. Ведь ты что хочешь сказать? Что, когда наступит ночь с ее прохладой, газы сожмутся и лист сам опустится? Так, но ты забываешь о теплоте здешнего воздуха. Ведь эта Бета очень молодая и горячая планета.

— Ну тогда мы сделаем вот что, — не сдавался Архимед. — Тогда мы начнем протыкать наш лист-самолет железными прутьями от поручней. Водород, как газ более легкий, будет вылетать из образовавшихся отверстий...

— Грузоподъемная сила листа-самолета будет уменьшаться, и мы опустимся. Правильно, — заключил Тюменев.

Все принялись за новую работу. Пришлось идти далеко против ветра в поисках черешка и стебля. На это путешествие ушло несколько часов. Стебля, на котором росло бы несколько листьев, так и не нашли. Оказалось, что лист постепенно суживался и переходил непосредственно в стебель, уходящий в почву.

Не обошлось без приключений. Архимед наступил ногою на жидкий сок, поскользнулся и упал с листа, увлекая за собой нити сока. Сок этот застывал чрезвычайно быстро, и Архимед оказался висящим между двумя листами, как паук на паутине. И ему пришлось повисеть, пока «паутина» совсем перестала быть липкой. Тогда Тюменев и Савич втащили его на лист.

Воздушное путешествие продолжалось весь день и доставило немало хлопот. Когда прорезавшийся голубой солнечный луч нагревал лист, «самолет» поднимался к верхнему листу, и путникам угрожала участь быть стертыми между двумя листьями, как зерну между жерновами. Они спешили укрыться в гидростате. Когда же лист вплывал в очень густую тень, водород, заключенный в листе, сжимался и лист опускался, гидростат начинал скрести днищем по поверхности нижележащего листа, как пароход на мелководье. Иногда лист зацеплялся за другие листья. Приходилось освобождать его, отталкиваясь.

Только поздно вечером, в густые синие сумерки, лист-

самолет покинул пределы бесконечного леса. Тюменев с нетерпением ожидал увидеть открытое небо, но его постигло разочарование. Откуда-то появились тучи и покрыли собою все небо. Стало почти темно и довольно прохладно. Неожиданно начался ливень. Легкий толчок известил о том, что намокший и охлажденный лист коснулся почвы.

— Вот только когда мы наконец опустились на планету по-настоящему! — воскликнул Тюменев. — Ну, еще раз здравствуй, Бета! Поздравляю вас, товарищи, с благополучным прибытием. Благодарю вас, капитан Савич. Самый опытный аэронавт не сделал бы лучшей посадки.

Савич не знал, обидеться ли ему или рассмеяться, и уже хотел сказать, что он тут ни при чем, но Тюменев не дал ему говорить:

— Банкеты устраивать некогда. Если мы сейчас же не освободим гидростат от листа, нас опять, как только потеплеет, поднимет на воздух и унесет. Кончим эту работу, сообщим на Землю последний отчет, и тогда спать, спать.

Савич, падая от усталости и засыпая, что-то рубил, поднимал, тянул, перекладывал, наконец свалился на койку и тотчас уснул.

А Тюменев еще ворочался некоторое время. Он думал о том, не являются ли необычные листья каучуконосами. Их сок напоминал каучук... Вот бы... такие растения на Землю...

И он уснул.

18. КАЛЕЙДОСКОП

Тюменев проснулся внезапно, словно его кто в бок ударил: засыпая, он внушил себе спать не более трех часов. Нельзя же проспать всю ночь и не увидеть звезд! Ночным небом нужно дорожить, тем более что Бета, проходя свой путь по орбите, скоро окажется между двумя солнцами, и тогда на четверть года прощай, ночное небо. Днем Бета будет освещаться Голубым солнцем, а ночью отворачиваться к Красному. Но эта «красная ночь» будет ярче голубого дня.

Не зажигая огня и стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящих — напрасная предосторожность! — Тюменев

ощупью добрался до трапа. Гидростат лежал на боку, и по трапу пришлось лезть на четвереньках. Вот и пролом. Астроном вышел наружу.

В лицо ему пахнул свежий ночной воздух, наполненный крепчайшим запахом сена и неведомых горько-сладковатых ароматов. Тюменев взглянул на небо и вскрикнул, как человек, который увидел лицо друга после долгой разлуки: сначала удивился, как оно изменилось, потом, вглядевшись, начал находить старые, знакомые черты.

Все небо светилось, словно изумруд. В южной части оно было темнее и синее, в северной — чуть-чуть окрашено в розоватый цвет. Высоко в небе стояла фиолетовая луна.

Из-за горизонта всплывал огромный месяц. Верхний конец рога был тускло-красный, как раскаленное, но уже остывающее железо, нижний — сине-зеленоватый.

Созвездия были как будто те же и не те. Одни словно растянулись, другие сжались, и все немного сдвинулось со своих мест.

Старый астроном смотрел, смотрел и не мог наглядеться и не заметил, как наступило утро. Побледнело небо, выцвели звезды, померкли луна и месяц. На востоке небо налилось ярким голубым светом, и вдруг из-за горизонта поднялось ослепительное сапфировое солнце.

Тюменев посмотрел на свои руки, на гидростат — все было голубое, а тени лиловатые.

Но вдруг к голубому цвету начал примешиваться розовый, затем красный. Небосклон начал принимать фиолетовый оттенок. Из-за горизонта показалось второе солнце — Красное. От смешения голубых и красных лучей этих солнц и получался фиолетовый оттенок неба.

— Изумительно! Прекрасно! Бесподобно! — продолжал восхищаться Тюменев.

Жмуря глаза, к Тюменеву подошли Архимед и Савич.

— Это что такое? — воскликнул Архимед. — Как это понять? Глядите, дядюшка. Два солнца светят и греют вовсю, жара тропическая, а наш лист-самолет и не думает взлетать. Почему?

— Потому что он вянет. И сеном прелым от него пахнет,

чувствуете? Я думаю, что и вчера мы опустились совсем не оттого, что лист намок и охладился, а потому, что он начал вянуть. Я смотрел на другие листья леса. Они ночью и не думали опускаться. Этот лист мы отрубили от стебля, он стал вянуть, эластичность и напружиненность его клеток ослабли, клетки стали дряблыми и начали пропускать водород, который легко разрывал гниющие ткани и выходил наружу. Вот, я думаю, и весь секрет.

— Дядюшка, простите меня, но сегодня я не склонен к научным анализам. Мне хочется просто любоваться красотами здешней природы. Вы — какое удивительное освещение, — вы, дядюшка, с одной стороны сапфировый, а с другой — рубиновый. У Савича, смотрите, фиолетовые руки.

— Изумительно!

— Наши тени, заметьте, двойные: одна фиолетовая, другая зеленоватая. А поглядите на этот лес гигантских «водорослей». Странно, вчера его листья и наш лист-самолет казались мне бурыми, а сегодня они темно-вишневые.

— Кроме нашего умирающего листа, который стал темно-синим. Как быстро идет здесь процесс гниения.

— Помнится, вчера мы опустились на ровном месте, на пустой поляне, где не было ни травинки, а сейчас мы находимся среди цветов, — сказал Савич. — Неужели они выросли за одну ночь? А ведь каждый цветок больше меня ростом. И какие вычурные формы, какие яркие цвета.

— Ну вот, теперь вы сами восхищаетесь, а всю дорогу скулили, — проворчал Тюменев.

— Я и сейчас предпочел бы этой роскоши наш скромный ландыш, — ответил Савич и, вздохнув, прибавил: — От всей этой пестроты красок и яркости света у меня в глазах рябит и голова кружится.

— Смотри, Архимед, полюбуйся на ошибку Аркусова, — прервал Савича Тюменев, показывая на горизонт. — А снег-то на Бете все-таки есть. Хотя вершины и не белые, а бледно-фиолетовые, но блестят, как снег. То есть снег-то, наверно, белый, но освещен двойным солнцем и кажется фиолетовым. Сколько оттенков...

— Да, вижу. Но обратите внимание, дядюшка, ваш снег

лежит не только на вершинах гор... если только это снег, в чем я очень сомневаюсь. Уж слишком ярко блестит. Да и не может быть снега у подошвы горы.

— Но если не снег, то что же?

Архимед пожал плечами и ответил:

— Не знаю. Я предпочел бы, чтобы они были сахарные или мучные. У нас осталось совсем мало продуктов.

— Да, неплохо было бы поймать пару хороших налимов или подстрелить пару уток, — сказал Савич. — Но, к сожалению, Бета не очень гостеприимная хозяйка.

— Попросту она не имеет этих вкусных вещей, — заступился за Бету Тюменев.

— Или же скрывает их, — заметил Архимед.

— Ну, может быть, растительный мир будет к нам добрее. — И Тюменев показал рукою на заросли цветов.

— Я сейчас пойду поищу в этом лесу цветов, — вызвался Савич, но не успел он отойти на несколько шагов, как исчез из виду, словно провалился.

Тюменев и Архимед окликнули его. Савич отозвался — его спокойный голос звучал совсем близко, но самого не было видно.

— Что с вами, Савич? Где вы? — крикнул Архимед.

— В чем дело? — в свою очередь крикнул Савич. — Все в порядке.

— Что за ерунда! — воскликнул Тюменев. — Ты его видишь, Архимед?

— Вижу. Это великолепный оптический обман!

И вот они увидели Савича оба: тот словно состоял из четырех ног. Одна пара ног как будто шла по земле, а другая, поставленная на туловище подошвами вверх, повторяла эти движения в воздухе, как отраженная в зеркале. Вслед за удивленным криком Тюменева ноги повернулись и пошли назад. Послышался голос Савича:

— Да в чем же, наконец, дело, товарищи? Куда теперь вы пропали?.. — А еще через несколько секунд он воскликнул: — Я вижу ваши ноги... Много ног, словно вы стали на голову... А теперь совсем ничего не вижу.

Архимед и Тюменев в свою очередь перестали видеть

изображение ног Савича. Но через несколько минут он сам предстал перед Тюменевым и Архимедом.

Тюменев подошел к Савичу, ощупал его и сказал:

— На этой шальной планете глазам нельзя верить. Вот теперь я знаю, что это живой Савич, с головой, руками и ногами, а не оптический обман.

— Я видел вас, как, наверное, рыбы «видят» человека из-под воды. Погруженного наполовину, — сказал Савич.

— И мы все видели в этом же роде, — ответил Тюменев.

— Но я видел и еще более удивительные вещи, — продолжал Савич. — Я подошел к одному цветку и, к удивлению, заметил, что он удаляется от меня, подошел к другому — та же история. А когда я дошел до холма, он был пуст. Ни одного цветка не росло на нем, и я даже не заметил, куда они девались.

— Вот как! — забеспокоился Тюменев. — Цветы, говорите, сбежали, исчезли, а холм остался? Это уже не только оптика. Тут что-то другое. Быть может, маскировка? А? Представьте себе, что любопытствующие жители Беты подходили к нам, замаскировавшись цветами. Как вам это нравится? Или, быть может, здешние живые существа обладают способностью к необычайной мимикрии? Трансформации... Как они исчезли, объяснить проще: оптика, свойства атмосферы... Миражи, тайны, непонятные вещи на каждом шагу. И надо много времени, чтобы раскрыть все эти тайны.

— Тайны и неведомые опасности, — сказал Савич. — Здесь можно потеряться и заблудиться в двух шагах друг от друга. За каждым цветком, быть может, здесь скрывается страшное чудовище, готовое растерзать нас...

— Трус вы несчастный. Нытик. Вот именно! — необычайно резко прикрикнул на Савича Тюменев. — Только о драгоценной персоне своей и думаете.

Савич замолчал. Тюменев засопел носом, нахмурился, потом, махнув рукой, заговорил своим обычно сердитодобродушным голосом:

— Ну, простите старика-ворчуна, не обижайтесь. Погорячился. Вот именно. Нехорошо вышло. Грубо. Нервы расходились. И этот приторный запах раздражает.

19. ГЛАВА С ПЛОХИМ НАЧАЛОМ И ХОРОШИМ КОНЦОМ

Тюменев сосредоточенно налаживал двустороннюю радиосвязь с Землей. Все последние дни радиостанция работала неисправно. «Ионосфера» Беты вообще была капризна, с третьего же до шестого июня устанавливать связь с Аркусовым удавалось только урывками.

Аппарат свистел, трещал, завывал. Иногда неожиданно слышалась отрывочная фраза. Кто-то где-то с кем-то разговаривал. Иногда доносился сигнал бедствия.

Тюменев тяжело вздохнул. Он сам сейчас нуждался в помощи, но не посылал в эфир сигналов бедствия: ему никто не мог прийти на помощь...

— Наконец-то! — воскликнул старый профессор, услышав знакомый голос Аркусова.

— Здравствуйте, дорогой мой Аркусов. Почему последнее время вы говорите на волне другой длины? Разве абастуманийская станция изменила старой волне?

— Об этом вы скоро узнаете, Иван Иванович, — отвечал Аркусов.

— У меня есть к вам тысяча вопросов, Аркусов, но боюсь, что наша радиосвязь опять прервется, а мне нужно сообщить вам о многих важных и, увы, печальных вещах...

Аркусов, я совершил очень нехороший, несправедливый поступок, и это угнетает меня... У нас большое несчастье и вообще невеселые дела. Но об этом позже... Сегодня я бессвязно говорю, нервы не в полном порядке, а правильней сказать, в полном беспорядке. Здесь слишком много раздражающего нервы... и потом, этот печальный случай и все невзгоды последних дней...

Я уже сообщал вам, что атмосфера здесь пересыщена электричеством. Бывают часы, когда тут все трещит, к чему ни притронешься, когда огоньки танцуют на каждом листе, на острие каждой травинки и из кончика собственного носа вылетают искры.

Это раздражает. Раздражают пряные, острые запахи цветов и гниющих растений, раздражает фантасмагория оптических миражей, но больше всего действует на нервы

здешнее освещение, хотя оно и волшебно красиво. Немудрено, что нервы здесь все время натянуты и иногда не сдержишься...

Между прочим, мы были свидетелями... Алло! Алло! Опять оборвалось. Вот ерунда! Алло! Алло! Вы слышите, Аркусов? Так, так. Продолжаю.

Нам удалось наблюдать интереснейшее явление — «затмение солнцем». Наше Сапфировое солнце закрыло собою Красное.

Но Савич был прав: все краски здесь очень резки, все слишком ярко, грубо, театрально. Словно двумя цветными прожекторами освещают пышную декорацию. Все это раздражает нервы, и иногда невольно... но об этом после...

Мы сделали много первоклассных и даже сенсационных астрономических открытий, о них вы знаете. Но планету Бета мы изучили, к сожалению, очень мало. Почему? Сейчас объясню.

Мы нашли здесь воду, но не нашли пищи: за все время мы не встретили ни одного существа, похожего на птицу или животное, не нашли питательных веществ и среди растений. Ходить далеко на разведку мы опасались: здесь в пяти метрах расстояния можно потерять друг друга из виду при кажущейся полной прозрачности атмосферы. Волей-неволей приходилось находиться вблизи гидростата с его запасами пищи.

Я уверен, что здесь есть и питательные растения, и многочисленные животные, рыбы, быть может, есть и высшие разумные существа, но мы не видим их. Они хорошо укрываются от нас, пользуясь необычайными оптическими свойствами здешней атмосферы и, вероятно, не менее необычайными способами маскировки.

Иногда мы ясно слышали шорох подкрадывающихся шагов, слышали ритмические шумы словно тяжелого дыхания, но никого не видели.

Как много можно было бы сделать интереснейших открытий, если бы наша экспедиция была лучше снабжена всем необходимым для подобного рода исследований! Но вы знаете, что это было невозможно.

Жаль, очень жаль, что на этом приходится заканчивать нашу работу...

— То есть как это заканчивать, Иван Иванович? — спросил Аркусов. — Ведь вы же с Архимедом и Савичем продолжаете и будете продолжать ваши наблюдения?

Тюменев тяжело вздохнул и сказал:

— Увы, всему приходит конец, Аркусов. Мы уже потеряли Савича, и эта потеря очень огорчает меня. Вы себе не можете представить, как я опечален, тем более что я... я был очень несправедлив к нему...

Бедный Савич! Я считал его малодушным человеком, паникером, трусом, а между тем в нем была душа героя. Вот именно. Он был только слишком впечатлительным и не умел или не хотел, по правдивости своей натуры, скрывать своих настроений и ощущений. И я, наверно, и Архимед, во время путешествия не раз трепетали за свою жизнь и в глубине души праздновали труса. Но только мы об этом молчали, а Савич откровенно говорил.

И как это нехорошо вышло. Я грубо назвал его трусом, чуть ли не шкурником, а он... слушайте, что сделал этот маленький человечек, охавший и стонавший всю дорогу...

Однажды мы подсчитали запасы своих продуктов и пришли к очень неутешительным выводам: даже если мы убавим суточный рацион наполовину, то нам хватит не более чем на двадцать дней. А дальше? Что будет дальше, всем нам было ясно. Вечер прошел невесело, и мы молча разошлись по своим койкам.

А проснувшись на другой день рано утром, мы с Архимедом обнаружили исчезновение Савича. На его койке лежала записка. Вот ее содержание:

«Дорогой профессор! Ваша жизнь дороже моей, и я решил уйти, оставив вам свой паек. Савич».

Вот и все. Савич был достойным сыном нашей великой Родины. Он ушел и, конечно, погиб. Боюсь, что вслед за ним погиб и Архимед. Он категорически отказался разделить со мною паек.

— Пойду настреляю вальдшнепов на обед. — И вышел с

ружьем, напевая песенку. Я понял все и бросился за ним, но он уже словно растаял в воздухе.

Рискуя заблудиться, я бросился в том направлении, куда ушел Архимед, но заблудился в самом деле и только к вечеру совершенно случайно набрел на наш гидростат.

На этом и кончается печальная повесть, — закончил Тюменев. — Друзья и помощники погибли, я остался один на далекой планете. Это тяжело, Аркусов, но надо быть мужчиной. У меня осталось пищи на три-четыре дня. Постараюсь эти последние дни использовать наилучшим образом для научных наблюдений...

— Когда мы с вами увидимся, вы мне лично доскажете остальное, — услышал Тюменев голос Аркусова.

— Плохие это шутки, Аркусов, — ответил Тюменев. — Все шутите...

— Я вам скоро докажу, что и Аркусов может говорить серьезно, — возразил Аркусов. — Пусть ваша радиостанция посылает в мировое пространство непрерывные сигналы!

— Что вы там еще выдумали, Аркусов? — недоверчиво спросил Тюменев, однако наладил автоматическую радиостанцию и вышел из гидростата.

Красное солнце еще не всходило, Голубое заливало небо и Бету ярчайшими сапфировыми лучами. «Театральная декорация с театральным освещением», — подумал Тюменев и вдруг увидел на небе темную точку, которая быстро увеличивалась в размерах.

— Гм, гм... совершенно непонятный феномен, — пробормотал он, с любопытством наблюдая, как темная точка пересекла рубиновый месяц на фиолетовом небе.

Дальше произошло Необыкновенное.

Точка разрослась до огромных размеров, наполнила воздух шумом, гулом, свистом и опустилась невдалеке от гидростата. После этого шум еще долго не утихал и даже усиливался.

И вдруг... — или Тюменеву пригрезилось? — он услышал голос Аркусова, зовущий его:

— Иван Иванович! Иван Иванович! Откликнитесь!

— Что за ерунда? Бред? Галлюцинация?

Но голос Аркусова раздавался совершенно отчетливо и совсем близко.

— Это вы, Аркусов, зовете меня? — откликнулся наконец Тюменев. И вдруг увидел перед собою Аркусова.

Аркусов так крепко обнял старого астронома, что тот едва не задохся.

— Зачем же вы душите меня? Вот шалый! Прямо шалый, — ворчал Тюменев, а сам едва не плакал от радости. — Неужели это мне не пригрезилось? А? Аркусов! Вы? Давайте, теперь я вас пощупаю. Может быть, вы оптический обман, галлюцинация расстроенного воображения... Нет, как будто настоящий... Но каким чудом?

— Не чудом, Иван Иванович, а, так сказать, на законном научном основании... Ах, дорогой мой профессор! Вы не можете себе представить, как меня мучила совесть из-за того, что я смалодушничал и отказался лететь с вами. И потом, я не мог примириться с тем, что вы навсегда покинули нашу Землю... Елена Гавриловна все глаза проплакала — она скоро поняла, а может быть, и с самого начала догадывалась, что вы отправились в такую экспедицию, из которой не возвращаются. Но все-таки она молодец у вас. Слезы катятся, но ни одной жалобы. «Так было надо!» — говорит. Ну, вот. Все, все на Земле заволновались, даже пионеры писали статьи о том, чтобы организовать специальную экспедицию для вывоза профессора Тюменева и его спутников с Беты обратно к нам. Я поехал в Москву по этому делу и там узнал, что правительство уже давно готовит эту экспедицию.

— Но как же так? Какая экспедиция? На чем вы летели? — забрасывал вопросами Тюменев.

— Все расскажу, Иван Иванович. Тут вам повезло. Вскоре после вашего отлета случилось у нас на Земле событие необычайной важности, хотя о нем долго никто не знал. Помните московского молодого ученого Синицына — он к нам в Абастумани отдыхать приезжал и рассказывал о своей новой электронной пушке? Так вот, этому Синицыну удалось-таки овладеть атомной энергией.

— Неужели? — воскликнул Тюменев. — Ведь это же колоссальный переворот!

— И не говорите, Иван Иванович. Земли не узнаете. Вся

техника вверх дном перевернута. Мощные «Днепрогэсы», можно сказать, в жилетном кармане. Тысячесильные карликового размера двигатели. Поезда небывалой длины, грузоподъемности и быстроты. Одним словом, могущество человека сделалось почти беспредельным. Стали возможными и межпланетные путешествия. Да еще с какою скоростью!

Я ведь уже давно говорил с вами не с Земли, не из Абастумани, а с ракеты во время полета. Вот почему я просил вас давать радиосигналы. У нас такие аппараты, что по этим сигналам мы точнейшим образом спустились на месте вашего здешнего жительства. Капитан даже опасался, как бы не сесть вам на голову.

— Так покажите же скорее вашу ракету! — нетерпеливо воскликнул Тюменев. — Вот уж поистине неожиданность!

— Видите, Иван Иванович, какие дела, а вы говорите... Признайтесь, что, наверно, по старой памяти болтуном назвали меня. Ну, идемте! — И на ходу он продолжал объяснять: — У нас на ракете и людей много, и запасов пищи, и инструментов. Если Савич и Архимед еще живы, мы разыщем их во что бы то ни стало.

— Едва ли они живы, — вздохнул Тюменев.

— А почему бы и нет? Разве вы сами не допускали возможности, что на Бете должны быть питательные вещества растительного и животного происхождения, только вам не удавалось найти их, так ведь вы почти никуда и не ходили. Теперь мы всю планету обшарим, во все уголки заглянем, все ее тайны и секреты откроем.

И Аркусов вновь, обняв Тюменева, воскликнул:

— Дорогой мой профессор, но как же я рад вас видеть!

— Ну, ну, опять давить будешь, — ворчал Тюменев, незаметно для себя переходя на «ты». — И так уж все соки из меня выжал. Вот именно! Видишь? — И Тюменев смахнул с ресницы слезу.

Каждый год 6 мая — день возвращения на Землю, — по установившемуся обычаю, в Абастумани собирались все участники полета на планету Бета: профессор Тюменев,

Архимед, Савич и многочисленные члены «спасательной» экспедиции во главе с Аркусовым.

За большим чайным столом председательствовала Елена Гавриловна. Счастье омолодило ее.

Начинались бесконечные воспоминания. Гости и научные сотрудники обсерватории с интересом слушали рассказы Архимеда и Савича об их приключениях на Бете и о том, как им удалось сохранить жизнь.

Архимеда не очень-то легко было упросить рассказывать о своих приключениях, зато Савич охотно и подробно описывал свои приключения.

— ...И вдруг, можете себе представить, орхидея подвинулась ко мне и уже раскрыла замысловато скрученные сине-зеленые с золотистыми крапинками лепестки, с явным намерением схватить меня этими лепестками. Но я, конечно, не растерялся... — с воодушевлением говорил Савич, размахивая для большей картинности руками.

Девушки с восхищением смотрели на него, как на бесстрашного героя. Тюменев слушал и добродушно улыбался. Он уже знал настоящую цену Савича — человека с маленькими, легко заметными недостатками и большими скрытыми достоинствами.

1937—1938 гг.

КОММЕНТАРИИ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ ПСС А. Р. БЕЛЯЕВА

ЧУДЕСНОЕ ОКО

Первая половина 1930-х для А.Р. Беляева было временем вынужденного простоя и безденежья. Рассказы и романы писателя перестали публиковать центральные издательства и журналы. В результате роман о развитии глубоководного телевидения и поисках легендарной Атлантиды «Чудесное око» впервые был издан 1935 году в киевском издательстве «Молодой большевик» на украинском языке. Рукопись романа не сохранилась, поэтому все последующие переиздания романа — перевод на русский язык с этого, украинского, издания.

ЗВЕЗДА КЭЦ

Первая публикация в журнале «Вокруг света», №№ 2—11 за 1936 год. Первое книжное издание вышло в 1940 году в «Детгизе». До 1956 года не переиздавался. С тех пор роман выходил неоднократно.

«Звезда КЭЦ» — первое в отечественной научной фантастике произведение, описывающее жизнь автономной научной станции на околоземной орбите. Как и в случае с «Прыжком в ничто», роман явился результатом увлечения Беляева идеями К.Э. Циолковского и его последователей. В переписке двух великих мечтателей фигурировало другое название книги — «Вторая Луна», но после смерти ученого Беляев переименовал роман и дал посвящение калужскому мечтателю. «КЭЦ» — так называется космическая станция. Как нетрудно догадаться, это инициалы Константина Эдуардовича Циолковского. Помимо увлекательного сюжета, роман изобилует несколькими десятками научно-фантастических идей и удивительно точными предвидениями.

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

Наряду с «Человеком-амфибией» роман «Голова профессора Доуэля» — самое известное и популярное произведение А.Р. Беляева. Первоначально это был рассказ, первое научно-фантастическое произведение писателя, опубликованное изначально в газете «Гудок» за 1924 год, а затем, почти одновременно, в 1925 году в московской «Рабочей газете» и в журнале «Всемирный следопыт». Подробнее об этой публикации будет сказано в шестом томе.

В дальнейшем Беляев серьезно переработал рассказ, изменив не только имена некоторых персонажей (в рассказе главную героиню звали мисс Адамс, в романе — Мари Лоран), но введя новых героев и новые сюжетные линии.

Первая публикация романа «Голова профессора Доуэля» состоялась в ленинградской газете «Смена» за февраль-март 1937 года, а затем, с великолепными иллюстрациями Г. Фитингофа, в журнале «Вокруг света», №№ 6 — 10 и 12 за тот же год. В 1938 году в издательстве «Советский писатель» увидело свет первое книжное издание романа. Начиная с 1956 года роман неоднократно переиздавался.

В 1984 году на «Ленфильме» роман был экранизирован — фильм Л. Менакера «Завещание профессора Доуэля» с И. Васильевым, В. Титовой и Н. Сайко в главных ролях стал одним из самых рейтинговых в советском прокате.

НЕБЕСНЫЙ ГОСТЬ

Впервые опубликован в газете «Ленинские искры» за 1937 г. (17—27 декабря) и 1938 г. (1 января — 3 июля). При жизни Беляева роман больше не переиздавался. В послевоенное время роман был опубликован всего три раза — в ленинградском журнале «Искорка» в №№ 1—4 за 1986 год, в сборнике «Звезда КЭЦ» Пермского книжного издательства (1987) и в 2001 году в сборнике «Небесный гость» издательства «Центрполиграф».

«Небесный гость» — одно из лучших научно-фантастических произведений, появившихся в 1930-е гг. в совет-

ской литературе. И одно из самых неизвестных в творчестве А.Р. Беляева. Его герои, группа ученых, совершают одно из первых в отечественной фантастике путешествий на планету другой звезды. Роман во многом новаторский и провидческий. Так, впервые в истории мировой фантастики была задействована идея использования сближения двух звезд для перелета между ними (эту идею позже разрабатывали многие фантасты — И.А. Ефремов, Г. Альтов и др.). Воплощение в реальной жизни и в проектах ученых получили и другие беляевские идеи: использование атомной энергии и приливных сил для межпланетного перелета, использование парашюта для аэродинамического торможения при спуске в атмосфере другой планеты (успешно было осуществлено станциями «Венера» и «Марс»)... Но не только научными находками привлекателен роман. Немаловажно и то, что написан он живо, увлекательно, с юмором, что совсем уж не характерно для тяжеловесных научно-технических романов конца 1930-х.

Евгений ХАРИТОНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУДЕСНОЕ ОКО. *Роман* 5
ЗВЕЗДА КЭЦ. *Роман* 169
ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ. *Роман*. 337
НЕБЕСНЫЙ ГОСТЬ. *Роман* 491
Е. Харитонов. Комментарии 571

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Беляев Александр Романович

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

Ответственный редактор *Д. Байкалов*
Редактор *Е. Харитонов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 27.11.2009.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 3030.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-39393-0